АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Павел Фокин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его биография могла бы стать основой приключенческого сериала. Его преследовал НКВД, он воевал на фронте, за инакомыслие его выслали из страны, он получил мировое признание, он объездил весь свет. Простой крестьянский сын, родом из глухой деревни, он стал интеллектуальным лидером нескольких поколений отечественных и зарубежных философов. Его «социологические романы» принесли ему славу «первого писателя XXI века» задолго до начала нового столетия. Его боготворили и ниспровергали, называли гением и сумасшедшим, обожали и ненавидели, награждали и готовили покушения на него. Книга П. Фокина первая биография Александра Зиновьева (1922–2006), основанная на богатом документальном материале. Необычная по форме, она представляет собой попытку постичь «феномен Зиновьева» — писателя, философа, логика, социолога, художника, поэта, религиозного мыслителя, общественного деятеля, педагога. знак информационной продукции 18 +

- П. Е. Фокин
- СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. А. ЗИНОВЬЕВА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194

- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238

- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282

- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326

- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370

- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414

- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458

- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502

- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546

- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590

- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634

- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678

- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722

- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766

- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810

- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832
- ○ 833
- ○ 834
- ○ 835
- ○ 836
- ○ 837
- ○ 838
- ○ 839
- ○ 840

П. Е. Фокин
Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый

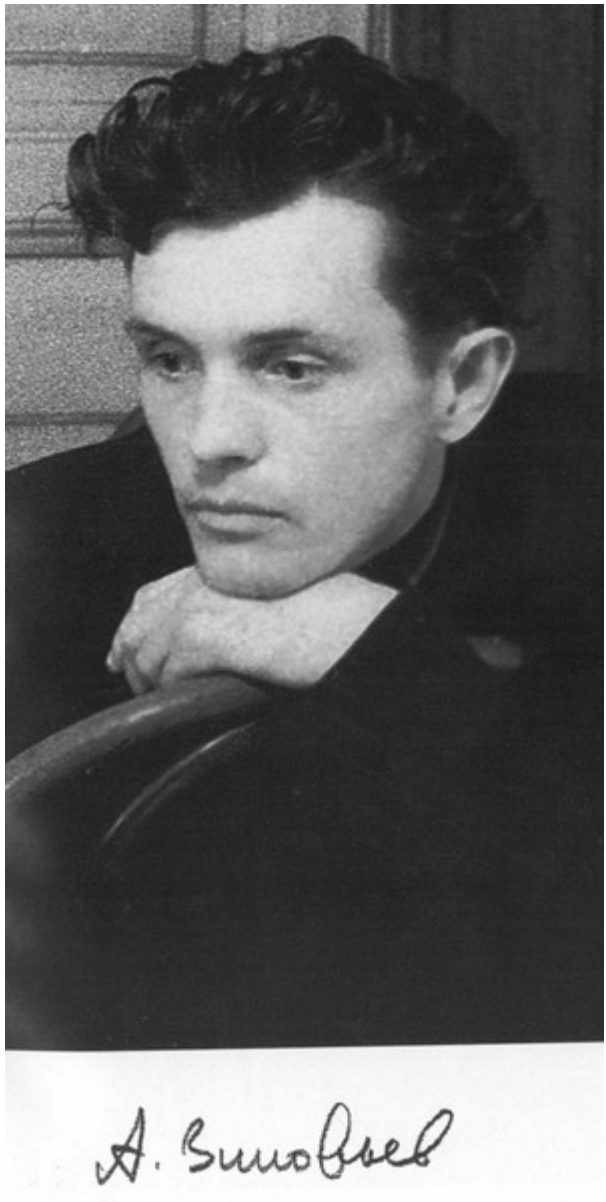
Ольге Мироновне Зиновьевой

Наука — интересна, ученые — не интересны. В философии — наоборот: философия-то может быть и не достоверна, но сам философ есть просто прекрасное явление природы, есть просто прекрасное явление истории, кого история как-то посовестится забыть.

В. В. Розанов

Жизнь моя сложилась так, что если бы я описал её полно и точно, никто не поверил бы в реальность описываемого, сочли бы это литературным вымыслом или плодом больного воображения. Внешне всё вроде бы нормально, бывает и хуже. Но ведь моя жизнь — жизнь совсем не внешняя, а внутренняя. Она всегда проходила во мне, имея минимальные контакты с внешним миром.

А. А. Зиновьев



В Пахтино дороги нет.

Да и самого Пахтино давно уже нет. Ни на карте, ни в реальности. Как нет и других соседних деревень, некогда — давно ли? в сметающем время XXI веке даже и не скажешь наверняка! — населявших Чухломской район (уезд) Костромской (Ярославской, Ивановской — в разные годы прошлого столетия) области России (тоже за сто лет несколько раз сменившей своё официальное именование!).

«Тут было Сынково… Там — Чечулино… Ермаково… За этим лесом — Евдокимово…» — перечисляет названия исчезнувших

деревень наш проводник Стас Кузьменко, указывая то налево, то направо от грунтовки, по которой, несмотря на всю вездеходность нашего (корейского!) «SsangYong»'а, нас уже двадцать минут нешуточно трясёт. Нам-то казалось, что это от Костромы до Чухломы дороги нет — тоже частенько бросало на выбоинах! А там была — трасса! Это только после московских хайвеев российские дороги выглядят как бездорожье. Настоящее бездорожье — в буквальном смысле слова — нам ещё только предстоит.

Мы в пути уже десятый час. Мы — это Ольга Мироновна Зиновьева, Максим Хромов (за рулём), Станислав Кузьменко и автор этих строк. За нами следует ещё один экипаж — Константин Макаров с женой и сыном. В пять утра мы стартовали от главного здания Московского университета, в одном из корпусов которого живёт семья Зиновьева. Наша цель — урочище Пахтино. Так сегодня официально называется то место, в котором, согласно документам, 29 октября 1922 года родился крупнейший русский мыслитель второй половины XX века, логик, философ, социолог, писатель, поэт, художник, общественный деятель, гражданин Александр Александрович Зиновьев.

На календаре — 21 июля 2012 года. Идёт «Год Зиновьева», приуроченный к его девяностолетию. В феврале в Москве, в Институте философии РАН, открылась выставка «Зиновьев = время = вперёд!». Осенью в Костроме, в Государственном университете им. Н. А. Некрасова, предполагается проведение юбилейных «Зиновьевских чтений», студенческий театр готовит спектакль «Иди на Голгофу» (по книгам Зиновьева). В московском издательстве «Канон+» завершена работа над сборником воспоминаний «Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета».

Пахтино — заветное место. Здесь Александр Зиновьев появился на свет. Здесь на пепелище родительского дома развеян его прах.

Зиновьев скончался 10 мая 2006 года. Спустя пару месяцев, 14 июля, над Пахтино, пригибая к земле траву и молодые деревца, разгоняя прочь лесных обитателей, загрохотал вертолёт. Его выделил для траурной церемонии губернатор Костромской области В. А. Шершунов. В руках у вдовы урна с прахом мыслителя. Она летит исполнить последнюю волю мужа. В кабине охапка из сорока чёрно-бордовых роз от губернатора — дань уважения и памяти.

Когда замирает мотор, воцаряется первозданная тишина, утренняя, прозрачная. День только собирается с силами. В молчании убирают поляну розами. К стволу берёзы

прилаживается портрет — обложка автобиографического романа Зиновьева «Русская судьба, исповедь отщепенца».

Прах из урны ложится на серебряный поднос. Дыхание родного места, дыхание родного человека сливаются в прощальном дуновении. Вот он и дома.

С тех пор Ольга Мироновна ежегодно совершает сюда тихое паломничество. Преодолевая сотни километров, торит дорогу в Пахтино — дорогу к Зиновьеву.

Всякий раз её сопровождает небольшая группа друзей. У каждого есть на то своя причина. У каждого есть свой Зиновьев.

Максим Хромов в марте 2004 года, тогда — генеральный директор издательского дома «Крокодил», организовал в московском кинотеатре «Фитиль» выставку сатирических рисунков Зиновьева «Поддатые семидесятые». На самом-то деле о такой теме изначально не думали. В преддверии очередного юбилея Победы искали какого-нибудь карикатуриста из ветеранов. Коллега вспомнила про Зиновьева, что вот и шаржи политические рисует, и воевал, был лётчиком. Максиму и в голову не пришло, что это — тот самый Зиновьев, чьи «Зияющие высоты» читал в восьмидесятые в самиздате, получив копию на несколько дней (и ночей). Про того Зиновьева говорили, что он какой-то «профессор из Ленинграда, высланный за антисоветчину». Когда готовили выставку, много общались. Узнал, что Зиновьев ещё и логик, и социолог. Стал читать. После ещё несколько раз встречались, созванивались. Сейчас Максим работает в рекламной сфере и, в частности, продвигает в городском пространстве Москвы бренд «Год Зиновьева».

Стас Кузьменко посещал лекции Александра Александровича в 2004–2005 годах на философском факультете МГУ. Студент-биолог, он однажды прочитал в газете «Завтра» пространную статью Зиновьева «Идеология партии будущего» — своеобразную выжимку его одноимённой книги. Ему и ранее доводилось кое-что читать Зиновьева, но как-то шибко не задевало. А тут, захваченный новыми идеями, стал искать другие публикации по этой тематике. Оказалось, что ходить далеко не надо. Зиновьев здесь же, в alma mater, сам, живьём, регулярно читает курс «Логической социологии». Стал ходить. Конспектировать. Полтора семестра. Незваного студента никто из аудитории не гнал. Пару раз вместе с другими студентами провожал профессора до дома. Бывал по случаю и в гостях. Прикипел душой.

После смерти учителя ему пришла в сердце мысль «взять шефство» над малой родиной Зиновьева. В Пахтино он впервые пришёл в середине июня 2006-го. Поездом доехал до Галича,

оттуда на автобусе — в Чухлому, а потом — пешком. По грунтовке, по которой мы едем, — до Коровьево, ближайшего к Пахтино жилого села. А дальше искать дорогу пришлось самому, сверяясь по дореволюционной карте и космоснимку, которые предварительно раздобыл у местных краеведов.

Он регулярно бывает в урочище. Живёт здесь по несколько дней — у председателя поссовета Коровьево получил добро ночевать в пустующем доме. Исследует место. Обустраивает его. Определил местоположение зиновьевского дома. Недавно выстроил своими руками небольшую избушку. В эту поездку планирует покрасить полы. Разбил небольшой огородик — несколько рядов картошки. Говорит, что хочет, чтобы в Пахтино вернулась жизнь. И она вернулась! Делами и любовью это странного юноши. Он угловат, ершист, порой задирист. В Зиновьеве он чувствует родственный дух. Он тоже — отщепенец.

Я еду в Пахтино как «биограф Зиновьева». В биографы я попал неожиданно для себя, почти случайно. Иначе говоря — по воле Судьбы. Я дважды видел Зиновьева. Первый раз в 1997-м на презентации романа «Глобальный человейник» в магазине «Библио-Глобус». Он мне тогда не понравился. Выглядел он лет на шестьдесят. Энергичный, напористый, но какой-то раздражённый, неприветливый, хотя на встречу пришли его явные поклонники. Меня поразило тогда, что во время автограф-сессии в очередь к Зиновьеву выстроились люди, державшие в руках целые пачки его книг — до десятка! В основном — хорошо узнаваемые по бумажным переплётам издания «L'Age d'Homme». Ловили каждое его слово, задавали осмысленные, непраздные вопросы. Никаких провокаций или подвохов. Он же всё время как будто сердился. И обижался. «Вот таким был бы Иван Карамазов в старости», — подумал я. Зиновьев тогда, как я теперь знаю, переживал один из самых тревожных периодов своей жизни, связанный с осознанием гибельности происходивших в России социально-политических процессов. «Я в отчаянии, — несколько раз повторил он. — Я не вижу разумного выхода из сложившейся ситуации». Я же в ту пору был ангажирован «перестроечной» риторикой, по молодости лет без особого драматизма воспринимал развал Союза и уж совсем не страдал от краха коммунистической системы, и иначе как парадокс не мог воспринять утверждения Зиновьева, что «советский период русской истории — самый грандиозный в истории XX века, вершинный в истории России», а «Ленин и Сталин — самые выдающиеся политические деятели XX века». Короче, он был мне чужд — идейно и стилистически. Но — вот судьба!

Я никогда не подписываю книги у авторов во время

презентаций, но тогда взял со стеллажа книжку (она была какой-то неприлично дешёвой, чуть ли не в цену поездки на метро! — это особенно укрепило меня в моём решении) и пристроился в хвост за автографом. Подошёл последним. Он подписал механически, с полным безразличием. Взаимно: роман я читать не стал.

Во второй раз видел его в январе 2006-го, в одном литературном собрании, которое проводила филолог и критик Лола Звонарёва. Художница Наталья Баженова представляла портрет Александра Александровича, написанный ею незадолго до того. Отмечали тридцатилетие выхода в свет «Зияющих высот».

Казалось, он совсем не изменился. Всё так же выглядел на десять — пятнадцать лет моложе возраста. Был всё так же напорист и интеллектуально неожиданен. Его слова звуча-ли столь же категорично и остро: «Человечество погибнет не от ядерной войны, не от экологической катастрофы, а от своей глупости».

По окончании нас познакомили. Я был смущён: я по-прежнему не был его читателем. Выручило то, что я уже работал в Государственном литературном музее. Когда-то видел по телевизору сюжет о выставке картин Зиновьева, запомнил, что он ещё и рисует. «Может быть, сделать в нашем музее выставку Ваших работ?» — предложил я, пытаясь найти хоть какую-нибудь общую тему. «Почему бы и нет, — как-то легко отозвался он. — У меня есть цикл рисунков, посвящённых пьянству». Поскольку выставочный план на текущий год был уже свёрстан, договорились созвониться осенью. В общений он был мягче, открытее, светлее. Может быть, потому что рядом была Ольга Мироновна. Мы с ней тоже тогда познакомились. А через три месяца в утренних известиях на «Эхо Москвы» я услышал о том, что его не стало. И понял, что теперь-то я просто обязан организовать выставку. С работы над ней и началось моё вхождение в мир Зиновьева. Я благодарен Судьбе.

Выставка, учитывая сложившиеся обстоятельства, по содержанию качественно отличалась от первоначальной идеи. Теперь она, говоря профессиональным музейным языком, носила монографический характер, то есть была посвящена жизненному пути и творческому наследию Зиновьева. Мы называли её призывно: «Иди!» Так, сдержанно, без лишних сантиментов, простилась с сыном Аполлинария Васильевна Зиновьева, провожая его в августе 1933 года из Пахтано в Москву. Это простое материнское напутствие он помнил всегда.

«Иди» — значит «живи».

Об этом — его «Исповедь отщепенца».

Подготовку к выставке я начал с её чтения. И первым словом было — Пахтано. Пролетая над океаном по дороге в Нью-Йорк, герой «Исповеди» рассматривает карты в бортовом журнале. Находит на них знакомые города, мысленно отыскивает малую родину: «Я мучительно вглядывался в карты и видел эту деревушку так отчётливо, как будто только сейчас покинул её. Видел дома, поля, леса, ручьи. Видел людей. Видел даже коров, овец и кур»[1].

Пахтано — в сердце Зиновьева.

Пахтано — сердце Зиновьева.

С горечью размышляет он: «А ведь ничего этого давно нет. И никогда не будет. В русской истории вообще мало что сохранялось. Моя жизнь в этом отношении была вполне в её духе. Почти всё, где я бывал, куда-то исчезало. Я часто мечтал вернуться в прежние места и увидеть наяву что-то знакомое и пережитое. А возвращаться было либо не к кому, либо некуда. До войны я не раз ходил пешком от станции Антропово до своего Пахтино. На пути были деревни, обработанные поля, церкви. В 1946 году после демобилизации из армии я последний раз прошёл этот путь пешком. Почти ничего не осталось. На месте деревень — развалины домов. Как будто именно тут была война. Поля заросли лесом. И не встретил ни одного знакомого человека. Ни одного!»[2]

Нас в Коровьево ждут. Встречают. Первый заместитель главы администрации Чухломского муниципального района Алексей Викторович — Зиновьев! Крепкий, коренастый мужчина лет пятидесяти, в камуфляже, в резиновых сапогах.

Нам тоже нужно переодеться, сменить городской наряд на походный. Натягиваем привезённые с собой сапоги, заправляем в них брюки, облачаемся в куртки. От клещей, комаров и прочих насекомых обливаемся различными спецсредствами. Ну вот, готовы. Загружаемся в крытый брезентом гусеничный вездеход — наши машины увязнут в ближайшей рытвине! Суровая техника придаёт нашей поездке настрой боевой операции. Мотор ревёт, изрыгая клубы синего дыма. Во все стороны летят комья глины. Вмиг образуется туча злобных слепней. Они висят прямо за бортом, не отлипая ни на шаг, но и не забираясь под тент. С ходу атакуем брод на речке Виге. Первое время едем по колее, накатанной лесовозами. Трясёт так, что удержаться можно, лишь вцепившись в стальную арматуру каркаса. Впрочем, мы едем с комфортом. Пару лет назад Ольга Мироновна со спутниками добиралась до Пахтино в тракторном прицепе! Можно — невозможно! — представить.

Ещё в середине прошлого века это был довольно плотно

заселённый район. Не менее десятка деревень, расположенных друг от друга на расстоянии от одного до четырёх километров: Агибкино, Лихачёво — родина Аполлинарии Васильевны, Тимошино, Костино, Корючево, Афаносово, Баршкадино, Крутцы, Лучкино — здесь Александр учился первые три года, Озерки — ходил сюда в школу в 4-м классе, Княжево. Их тени-призраки настороженно сопровождают нашу экспедицию. «Это — Троицкое. Здесь в Троицкой церкви крестили Александра», — пытается перекричать грохот мотора Алексей Викторович, указывая куда-то в чащу. Где? Где? Кругом только лес. Проехали. Продрались. Начинается обычный бурелом. Под тяжестью вездехода трещат поваленные деревья и сучья, по бортам и крыше стучат ветки. Кажется, это противоборство машины и зарослей никогда не закончится. И тут мы выскакиваем на поляну. Ура! Мы на месте. Двенадцать километров мы ехали почти сорок минут. Поистине — медвежий угол! Так Чухломской край прозвали ещё до революции. Стас говорит, что в один из своих приездов сюда видел медведя. Мне повезло меньше. Я обнаружил только гадюку. Большая, чёрная, она грелась на солнышке. Почуяв незваного гостя, поспешила соскользнуть в траву.

Идём к месту, где рассеян прах Зиновьева. На берёзе всё тот же портрет (в рамке под стеклом, упакованный в целлофан, он надёжно укрыт от непогоды). Небольшая площадка обнесена лёгкой изгородью. В прошлом году здесь установили памятный знак — валун, к которому прикреплена доска из чёрного мрамора: «Александр Александрович Зиновьев мыслитель гражданин 1922–2006». Возложив купленные в Костроме цветы, оставляем Ольгу Мироновну наедине.

Мужчины приготавливают стол. Стас ведёт для меня экскурсию по местности. Ничего — что бы напоминало о бывшем здесь некогда поселении. Стас показывает между стволами деревьев какой-то поросший травой и кустарниками холмик, кочку, где виднеются кирпичные обломки. Уверяет, что это завал печи зиновьевского дома. Наверное, так. Он тут всё облазил.

По рассказу младшего брата Зиновьева — Алексея Александровича, я знаю, что в Пахтино был десяток дворов. Его память сохранила имена соседей: Ефимовы, Шамарановы, Альбовы, Роговы, Селезнёвы. Человек двадцать пять — тридцать, в разное время (рождались, женились, умирали, приезжали, уезжали).

Семья Зиновьевых была самой многочисленной. Её состав тоже был переменным. Александр Яковлевич Зиновьев и Аполлинария Васильевна Смирнова вступили в брак в 1909 году. В 1910-м родился их первенец Михаил. В 1915-м — дочь

Прасковья. В 1919-м — Анна. В 1922-м — Александр. В 1924-м — Николай. В 1926-м — Василий. В 1928-м — Алексей. В 1931-м — Владимир. Последней родилась дочь Антонина в 1935-м. Кроме них в доме до своей смерти в 1938-м жила немощная мать Александра Яковлевича — Прасковья Прокопьевна. В 1933-м перебрался в Пахтино доживать свой век отец — Яков Петрович, уже полупарализованный старик, с миром отошедший в вечность в 1936-м.

Сам Александр Яковлевич постоянно не жил с семьёй. Как и большинство мужчин Чухломского края, он был мастеровым и с юности жил между деревней и городом. По бедности почв и ограниченности пахотных угодий земледелие здесь исторически было слабо развито. Для прокорма семей мужчины шли в Кострому, Ярославль, Москву, Питер. Этому способствовало и то, что до отмены крепостного права большинство из них относилось к сословию государственных крестьян (в том числе, как установили специалисты Государственного архива Костромской области, и предки Зиновьева, первые документальные сведения о которых датируются серединой XVIII века). В отличие от помещичьих крестьян, они считались лично свободными, хотя и прикреплёнными к земле. Обладали юридическими правами, имели возможность заключать сделки, вести розничную и оптовую торговлю, открывать производство. После 1861 года они активно включились в жизнь капиталистической России. Чухломские мастера славились своим искусством и добросовестностью. Они знали грамоту, мало пили и умели работать. Их ценили. Многие из них имели хороший достаток, держали артели, владели несколькими домами. У тех же Смирновых, родителей матери, в революцию пропало двести тысяч рублей капитала, дома в Петербурге и в Лихачёво (его конфисковали несколько позже, в годы коллективизации — это был самый большой дом в деревне, почти пятьсот квадратных метров, в нём разместилась потом деревенская больница, прозывавшаяся между людьми «смирновской» аж до середины 1950-х).

Александр Яковлевич промышлял вместе с отцом в Москве. В советское время в анкетах профессию отца Александр Александрович указывал несколько уничижительно — «маляр». Действительно, после революции Александр Яковлевич по большей части занимался отделочными работами, изготовлял трафареты. А в юности они с отцом именовались «богомазами», в составе художественной артели занимались росписью храмов. Был он даже замечен кем-то из художественно-промышленного училища и имел шанс получить профессиональное образование,

но обстоятельства не сложились. К искусству же был неравнодушен всегда. И в деревню, приезжая проведать семью, неизменно привозил карандаши, краски, бумагу для рисования. Ими всецело завладевал Александр. Страсть к рисованию перешла и в следующее поколение Зиновьевых: с изобразительным искусством связали свою жизнь дочери Александра Зиновьева — Тамара и Полина.

Когда у Александра Яковлевича подрастали сыновья он, по традиции, забирал их к себе в Москву. Он имел московскую прописку, и это в известной степени спасло семью от раскулачивания и гибели. В 1930-м из Пахтино уехал Михаил. В 1933-м — Александр. В 1936-м — Анна и Николай. В 1931-м — вышла замуж и уехала в Ленинград Прасковья. Впрочем, на летнее время дети приезжали помогать матери в деревню. Отец, напротив, в Пахтино обычно бывал зимой, когда ремонтный сезон в городах затихал. Жизнь семьи была динамичная, трудовая.

Дом Зиновьевых был ещё совсем новый. Большой, вместительный. Его строили в конце 1900-х годов, после того как сгорел прежний. По местным правилам он был возведён на высоком подклете. Пять окон в узорных наличниках выходили на главную улицу. С правой стороны — крытое крыльцо с лестницей. Жилая часть, в которую попадали из сеней, состояла из просторной гостиной с прихожей, отделённой перегородкой; кухни с русской печью; большой и светлой, в три окна, горницы, где спали взрослые, и детской. На границе между горницей и детской стояла голландская печь, выложенная изразцами. Из кухни был ход под пол, где хранились припасы. Ходить там можно было в полный рост, не пригибаясь.

Умелыми руками мужчин дом был отделан на городской манер. Стены обшиты фанерой и выкрашены. Под потолком — яркие лампы. На стенах — привезённые из города картины, литографии и, конечно, иконы. Икон много, хорошего письма. Был среди прочего и портрет государя. Александра Второго. Висел долго ещё и после революции. Вся мебель — стол, стулья, буфет, комод, даже диван — выстроена самостоятельно по городским образцам. Нарядные кружевные салфетки, скатерть, наволочки, покрывала с подзорами — не покупные, сплетены и вышиты хозяйкой. Мать содержала дом в идеальном порядке и чистоте. К этому приучала и детей. Да и как иначе? При таком количестве обитателей дом давно бы превратился в сарай, если бы не было за ним строгого ухода.

Из сеней можно было пройти на хозяйственную половину, в так называемую повить, где хранилось сено, инструменты, а внизу — хлев для скота (корова, овцы, свиньи) и курятник. К этой

же части примыкала избушка, которой пользовались, когда вымораживали из избы вредных насекомых, обустраивавшихся в человеческом жилье в тёплое время. Когда наступали морозы, вся семья перебиралась в избушку, печь в доме гасилась, и недели две дом выстуживался от паразитов.

На усадьбе находился ещё ряд построек. «Каретный сарай» с конюшней (были свои лошади, обобществлённые в коллективизацию). В нём стояла лёгкая открытая повозка на рессорах, расписанная и оббитая ковром, — «тарантас», зимний возок на двоих — «кошёлка», тоже богато убранная коврами. Для праздничного, «парадного» выезда. До коллективизации был и хозяйственный транспорт — телеги, сани. По соседству стояла большая рига (в неё одновременно могли заезжать три повозки), рядом — овин. Ещё одна «достопримечательность» — баня «по-белому». Единственная в деревне. В бане зимой останавливались приходившие в Пахтино мастера, валявшие валенки. Разворачивали в ней свой маленький цех. Кстати, повседневную одежду, обувь, бытовую утварь тоже изготовляли странствующие ремесленники, регулярно обходившие своих клиентов. По снегу, везя на санках швейную машину, прибывал портной. Знакомый сапожник снимал мерки с ног у подраставших детей. Коробейник предлагал пополнить швейное хозяйство. Спасибо отцовским заработкам!

Главным кормильцем семьи был огород с традиционным набором овощей — картофель, морковь, свекла, брюква, капуста, огурцы, лук. Для его полива вырыли когда-то пруд. За ним тщательно следили. Периодически (где-то раз в три года) чистили, нанимая специалистов. Откачивали, выгребали ил, углём очищали набегавшую из почвы воду, снова наполняли. Его остатки, заросшие кочками и осокой, я отыскиваю достаточно быстро. Пожалуй, это единственный след, оставшийся от усадьбы Зиновьевых. Пытаюсь мысленно реконструировать пространство, опираясь на схему, которую нарисовал Алексей Александрович. Тщетно. Воображение бессильно преодолеть густую траву забвения.

Дом Зиновьевых стоял в центре деревни. На пересечении двух дорог. Он был у всех на виду. И всем открыт. Соседи, жившие значительно скромнее, приходили сюда за помощью, поддержкой, советом. Здесь узнавались городские новости, приобщались к культуре — Александр Яковлевич был книгочеем и всегда привозил с собой новые книги, иллюстрированные журналы.

Зиновьевский дом славился на всю округу. Начальство во все времена, приезжая в Пахтино, на ночлег устраивалось в доме Аполлинарии Васильевны. Любил гостить в нём троицкий

батюшка отец Александр (Изюмов). Добродетельный порядок, уют и нарядность не могли не вызывать уважения. Но особенно ценили саму хозяйку, трудолюбивую, честную, спокойную. Благородную. Трудную свою жизнь, обременённую непрерывными тяготами и тревогами, воспринимала она без тоски и надрыва. Никто никогда не слышал от неё злого слова или брани. Участие, внимание, доброта определяли её отношение с миром. В ней был какой-то внутренний свет, притягивавший к себе людей. Аполлинария Васильевна обладала природной мудростью и несомненным интеллектом. Мыслила ясно и точно. Никаких иллюзий не строила. Часто предвидела ход событий. В Бога верила без натуги и истовости. Знала Его любовь. Руководствовалась простыми, но твёрдыми правилами: «Даже малое зло есть зло. Даже малое добро есть добро. Проси у Бога сил для преодоления трудностей, а не избавления от них. Благодари за то, что есть, и за то, что избежал худшего. Не используй труд других. Всего добивайся своим трудом, своими способностями. Не будь первым при дележе благ-наград. Бери последним то, что осталось после других. Не сваливай на других то, что можешь сделать сам. Не сваливай вину на других и на обстоятельства. Высшая награда за твои поступки — чистая совесть»[3]. Тому же учила детей. Воспитывала достоинство и честь. И — стойкость.

Внешностью и характером Александр пошёл в мать. Невысокий, худой, подвижный. Выносливый. Красивый, круглолицый мальчик, с ясными, внимательными глазами. Он был её шестым ребёнком (четвёртым из выживших). Рожала его, как и всех своих детей, «между делом», вернувшись с полевых работ. Так же кормила, поднимала на ноги. Слабенький был поначалу. Одно время казалось, что тоже долго не протянет. Дед даже гробик изготовил. Слава Богу, не пригодился. Окреп, зацепился за жизнь. Больших забот уже не приносил. Рос здоровым и послушным. Бойким. Наряду со всеми, чем мог, помогал ей — в доме, в огороде, в хлеву. Не ленился. Полол сорняки, копал грядки, косил. В лесу собирал грибы, ягоды — существенная прибавка к семейному столу.

Пришёл срок — отправила в школу. В первом классе Саша проучился одну неделю. Выяснилось, что делать ему там нечего. Пересадили во второй класс. Так получилось, что в доме у неё квартировала тогда учительница. Видя любознательного мальчика, стала ещё до школы объяснять ему грамоту, письмо, счёт. Учительница готова была поместить его даже в третий класс, так была уверена в его знаниях. Но через год ему бы, мальцу, пришлось бы одному топать через лес за восемь

километров в Озерки, где была четырёхлетняя школа. Не стала торопить события. Пусть вместе с сестрой ходит. Всё спокойнее на душе.

Радовалась. Учился Саша легко и с азартом. Всё ему было интересно. Голова работала быстро, сметливо. Природная память тренировалась обстоятельствами — нехваткой учебников, тетрадей. Приходилось по ходу урока запоминать целые страницы. Ничего, справлялся. Вообще, похоже, нравилось упражнять ум разными задачами, складыванием и умножением про себя многозначных чисел. Порой даже развлекал этим окружающих в качестве аттракциона. Взрослые дивились, сверстники смотрели с восхищением. Так же легко складывал и сочетал слова. Глаз был приметливый, язык — острый. Когда выдавалось свободное время — читал, размышлял, выдумывал.

Учитель из Озерков — Павел Филаретович Изюмов, сам человек просвещённый, окончивший духовную семинарию, прирождённый педагог, — не скрывал похвал. Сравнивал с Ломоносовым. Говорил Аполлинарии Васильевне: «Никогда раньше не встречал такого одарённого ребёнка, да, наверное, и не встречу». Он же настоял на том, чтобы отправила учиться дальше, в Москву, хотя такой помощник был бы в доме очень кстати — на него можно было во всём положиться. Вспоминал Павел Филаретович пушкинского «Отрока»:

> Невод рыбак расстилал по брегу студёного моря;
> Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
> Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
> Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Хорошо, коли так.

Трудно, тяжело было отпускать. Тоскливо. Чувствовала, как непросто будет одиннадцатилетнему деревенскому пареньку в большом городе. И всё же понимала, что и здесь, в родном Пахтино, станет со временем ему тесно. И тошно. Всё равно уйдёт, и будет ему тогда ещё труднее. Придётся нагонять сверстников и — нагонит ли? Ума-то хватит, но кроме ума нужен ещё и опыт, привычки, связи — всё то, чего ни по каким учебникам не наживёшь. Да и время приметно ускоряет свой ход. Аполлинария Васильевна умела видеть наперёд.

А вот предположить, что не долог тот час, когда ей с детьми придётся покинуть и дом, и саму деревню, вряд ли могла. Были, конечно, тревожные признаки, когда в разгар борьбы с кулаками загоношилась местная беднота — соседские Ефимовы пришли «раскулачивать», мол, дети у Зиновьевых спят «на белых тряпках»

(у самих-то и кроватей не было, на полу, на рогоже ночевали). Спасибо, председатель исполкома райсовета вступился — многие годы знал Аполлинарию Васильевну, видел, чьим и каким трудом держалось её хозяйство, утихомирил. Но в 1940-м вышло распоряжение об укрупнении деревень. И как ни просила, а пришлось собрать самое необходимое и перебраться за четыре километра в Княжево, в пустующий дом, тесный, низкий, с земляными полами. Никогда его за свой не считала. Раз в неделю ходила с Алексеем в Пахтино проведывать прежний. Придут, молча посидят за столом, пыль какую смахнут и вроде как легче. С началом войны пригнали в Пахтино немцев с Поволжья, но они недолго задержались, отправили их дальше на север. Потом поселили крымских татар. Тоже ненадолго, но после них дом совсем потерял былой вид, стал чужим. Больше уж его не навещала — *некого.*

Судя по тому, что не видно сейчас здесь ни развалин, ни сгнивших остатков, в послевоенное время разобрали Пахтино на стройматериалы. А может, свезли куда целиком добротный Зиновьевский дом, и где-нибудь он ещё стоит, кому-то служит, кого-то согревает. Впрочем, где, кому? Мы же только что ехали мимо *одних названий.*

Июльское солнце смиряет свой жар. Возвращаемся со Стасом к нашей компании. Стол, сколоченный из досок в одну из прошлых поездок, накрыт немудрёной закуской. Водка разлита в пластиковые стаканы. «Помянем!»

Есть Родина-сказка.
Есть Родина-быль.
Есть бархат травы.
Есть дорожная пыль.
Есть трель соловья.
Есть зловещее «кар».
Есть радость свиданья.
Есть пьяный угар.
Есть смех колокольчиком.
Скрежетом мат.
Запах навоза.
Цветов аромат.
А мне с этим словом
Упорно одна
Щемящая сердце
Картина видна.
Унылая роща.
Пустые поля.

Серые избы.
Столбы-тополя.
Бывшая церковь
С поникшим крестом.
Худая дворняга
С поджатым хвостом.
Старухи беззубые
В сером тряпье.
Безмолвные дети
В пожухлом репье.
Навстречу по пахоте
Мать босиком.
Серые пряди,
Под серым платком.
Руки, что сучья.
Как щели, морщины.
И шепчутся бабы:
Глядите, мужчина!
Как вспомню, мороз
Продирает по коже…
Но нет ничего
Той картины дороже[4].

Такой запомнил свою малую родину Зиновьев. Ту, послевоенную.

Кстати, об упомянутой в этой элегии церкви. Мы до неё добрались на обратном пути.

Наш грохочущий транспорт, проломив подлесок и кусты, замер в лесной чаще. Алексей Викторович только ему видимым путём ведёт нас куда-то вглубь. Неожиданно натыкаемся на могильный крест. Один, другой. Под ногами попадается каменное надгробие. Конец девятнадцатого или начало двадцатого века. Надпись плохо читается, вся поросла мхом, местами осыпалась. Где-то рядом должен быть храм. Не сразу видим облупившиеся, раскуроченные стены. Но только заметили, как он сразу вырастает перед нами. Мощный, даже в руинах торжественный и властный. «Поникшего креста» уже нет. Высокая колокольня, приделы разобраны на кирпич. Со всех сторон храм обступили деревья. В разрушенных частях и вовсе — *проросли* сквозь него.

Входим внутрь. Стены богато расписаны фресками, узорным орнаментом. Увы, борцы с религией приложили свою безбожную руку. Не очень усердно, но всё же достаточно разрушительно. Да и погода поработала в открытом настежь доме. Всё изъедено

густой рябью, белыми оспинами. Отдельные сюжеты тем не менее различимы. Собор архангелов на сводах. Спас в Силах над входом. А это — Богородица предстоит на коленях перед Богом-Отцом? Не разобрать. Лучше всего сохранился фрагмент стены, озаглавленный «Иисус Христос благословляет Детей». Христос в окружении апостолов. Подле Него ангелы. Отрок, скрестив ручки, доверчиво оперся на Его колено. Круглое миловидное личико с большими синими глазами, пытливо, не по-детски глядящими на нас. *Знакомые* черты, *знакомый* взгляд.

Девяносто лет назад Зиновьева крестили в этом храме. Тогда в нём было нарядно и чинно. Бывал, должно быть, в его стенах Александр и позже, с родителями — на службах, у причастия. Закон предков Зиновьевы чтили и под сомнение не ставили. Церковные праздники отмечали радостно и светло. Но времена менялись. В Советской России религия была объявлена пережитком прошлого. Со всех сторон наступала атеистическая агитация. На неокрепшие детские души она действовала убедительно. Старшие же смотрели на это сквозь пальцы. Да и побаивались, наверное, перечить официальной пропаганде.

Зиновьев стал безбожником не своей волей. В школе проводился медосмотр. Он постеснялся своего нательного крестика и куда-то его спрятал. Вечером всё рассказал матери. Аполлинария Васильевна сына не ругала, но слова её, сказанные в тот вечер, он запомнил крепко и старался им следовать: «Существует Бог или нет, — говорила мать, — для верующего человека этот вопрос не столь уж важен. Можно быть верующим без церкви и без попов. Сняв крестик, ты тем самым ещё не выбрасываешь из себя веру. Настоящая вера начинается с того, что ты начинаешь думать и совершать поступки так, как будто существует кто-то, кто читает все твои мысли и видит все твои поступки, кто знает подлинную цену им. Абсолютный свидетель твоей жизни и высший судья всего связанного с тобою должен быть в тебе самом. И Он в тебе есть, я это вижу. Верь в Него, молись Ему, благодари Его за каждый миг жизни, проси Его дать тебе силы преодолевать трудности. Старайся быть достойным человеком в Его глазах»[5].

Зиновьев называл себя «верующим безбожником». Церкви, обрядов — не признавал, но все романы его — от «Зияющих высот» до «Русской трагедии», — его мировоззрение, его социология, его этическое учение («зиновь-йога») пронизаны глубинным религиозным чувством. Один из самых распространённых жанров его поэзии — молитва. Он будет называть свои книги «В преддверии рая», «Евангелие для Ивана», «Иди на Голгофу». В живописи — не раз писать Распятие.

Личность Христа, Его учение и образ будут вызывать пристальный научный и художественный интерес. Он соберёт целую библиотеку книг на разных языках о Христе. Живя в Мюнхене и часто посещая Старую Пинакотеку, будет подолгу простаивать перед полотном Сандро Боттичелли «Снятие с креста». Опера Ллойда Уэббера «Иисус Христос — Суперзвезда» станет одним из его любимых музыкальных произведений XX века, он выучит из неё целые арии, будет интересоваться судьбой постановки, исполнителями главных партий. Его диалог с отвергнутым в детстве Христом будет длиться до смертного часа. И, кажется, продолжается поныне. Этот заброшенный храм и место последнего приюта мыслителя так рядом! Но всё-таки — порознь.

Каким-то чудом держится над алтарём почерневшее, перекошенное распятие — часть утраченного иконостаса. В одной из ниш обнаруживаем бумажную иконку и наполовину сгоревшую церковную свечу перед ней. Кто-то сюда приходил, молился.

Странное, мистическое место. Русь заветная. Смиренно отошла в чащу. Молчит.

В Москву возвращаться поздно. На ночлег нас принимает брат Алексея Викторовича — Александр! Именно так: Александр Зиновьев! По дороге к нему проезжаем большое село Введенское. В нём есть библиотека имени Зиновьева. «У нас здесь тоже в прошлом году были „Зиновьевекие чтения“», — сообщает Алексей Викторович. «Как это?» — «Собрались в день его рождения, взяли „Зияющие высоты“ и читали вслух, обсуждали». Простодушно, но по сути своей — правильно. Зиновьева ещё читать и читать!

Вот и место нашего постоя. Нас радушно приветствуют, угощают. Приглашают поискать на кустах ягод — классическая сельская забава. На дворе ещё светло. Ходим, осматриваемся. Переживаем впечатления дня. И — боже мой! Дом. Ведь это *он!* Тот самый. Тот же высокий подклет, лестница, ведущая на крыльцо. Из сеней один ход — в жилую часть, в которой — всё сходится! — и гостиная, и горница, и кухня с русской печью, а с другой стороны — повить. Просторно, но всё как-то запущено. Кособоко. У хозяина уже нет ни сил, ни средств — пенсионер — содержать дом в порядке. Да, похоже, и особого желания нет. Стойло пустует, огород давно не копан — нет смысла вести, когда всё можно купить. Для дохода держит ульи.

Вечерние пчёлы усердно гудят в палисаднике. Из окна хохочут «новые русские бабки» в телевизоре. Вспоминаю горькие слова Зиновьева, сказанные им на закате дней: «Одно из важнейших последствий наступившей эпохи (если не самое важное) является утрата смысла социального бытия людей»[6].

Нет, это *не тот* дом.

В Москве на Ярославском вокзале брата встретил Михаил. Шёл дождь. Было темно и неуютно. До Большой Спасской, где жил отец, идти было недалеко. По деревенским меркам, совсем близко — двадцать минут ходу. Поклажи — никакой, только рубашка да штаны запасные. И документы — свидетельство о рождении и об окончании четырёх классов. Пока шли, Михаил расспрашивал о матери, о новостях. Александр примечал дорогу. После массивного Казанского вокзала, который сразу узнал по картинке, всё прочее совсем не походило на «сказочную Москву», о которой он слышал от деда, о которой читал в случайно попавшем в руки томе сочинений Гамсуна. Из путевых очерков великого норвежца запомнилась панорама, открывшаяся тому с Боровицкого холма в Кремле: «В Москве около четырёхсот пятидесяти церквей и часовен, и когда начинают звонить все колокола, то воздух дрожит от множества звуков в этом городе с миллионным населением. С Кремля открывается вид на целое море красоты. Я никогда не представлял себе, что на земле может существовать подобный город: всё кругом пестреет зелёными, красными и золочёными куполами и шпицами. Перед этой массой золота в соединении с ярким голубым цветом бледнеет всё, о чём я когда-либо мечтал»[7]. Но здесь, на Мещанке, всё проще — никакого золота, обычные жилые дома, дворы, заборы.

Вот и дошли. Дом одиннадцать. Такой же, как и прочие. Каменный, в два этажа. До революции принадлежал двоюродному деду Александра — купцу Бахвалову. Об этом извещала надпись на каменной балке над входом. Ну, если не «родовое имение», то, во всяком случае, не совсем чужое место. Всё — легче. Михаил почему-то спускается по лестнице вниз, в подвал. Оказывается, они с отцом живут здесь. Какие-то люди выходят в коридор. Михаил говорит, что вот, приехал брат из деревни — учиться, зовут Саша, будет теперь здесь жить. Соседи! Всего, вместе с Зиновьевыми, пять семей. Общая кухня, уборная.

Их «квартира» — № 3 — скорее походит на каземат: узкая длинная щель, тёмная, сырая, с маленьким грязным окном под потолком — мелькают ноги, стучат каблуки, грохочет по тротуару транспорт. В такой клетке «царские палачи» держали «борцов за освобождение рабочего класса», только железной двери и замка не хватает. Обстановка самая скудная. Стол, два стула, шкаф, железная кровать — отец и брат теснятся вдвоём. Ещё один, продуктовый, шкафчик вделан в нишу возле окна, под ним — сундук. Теперь это его спальное место — его личных полтора квадратных метра жилой площади в Москве. В двух шагах от Садового кольца.

Отца нет — где-то за городом на заработках. Михаил согрел чай, нарезал колбасы, хлеба и тоже ушёл до вечера. Хорошо было Гамсуну, путешественнику-иностранцу: «Я сижу здесь и чувствую себя, как дома, — благодушно восторгался он, увлекая за собой друга-читателя. — Я нахожу, что это самый уютный ресторан, какой мне когда-либо приходилось посещать. И вдруг ни с того ни с сего я встаю, иду к иконе, кланяюсь и крещусь, как это делали другие. Ни слуги, ни посетители не обращают ни малейшего внимания на это, и я не чувствую никакой неловкости и возвращаюсь на своё место. Меня всего заполняет чувство радости при мысли о том, что я нахожусь в этой великой стране, о которой я так много читал, и это чувство выражается в какой-то внутренней необузданности, которую я в это мгновение не стараюсь даже сдерживать. Я начинаю напевать, вовсе не желая кому-нибудь сделать неприятности этим, а просто потому, что это доставляет удовольствие мне самому». Напевать! Впору завыть от тоски. Он бы, пожалуй, тоже перекрестился — от ужаса, только у отца вместо иконы — на стене чёрный круг радиотарелки. Господи, что он тут забыл? Зачем он оставил Пахтино, мать, товарищей? В этой каменной дыре он долго не протянет. Хотелось бежать в ту же минуту. Но он остался. Смирил свой страх, обуздал малодушие. Стал взрослым.

Зиновьев — крестьянский сын. Мальчик, выросший в среде крестьянских ценностей, трудов и забот. Его ум сформировался в результате освоения крестьянского мира. В советской трактовке крестьянское сословие, в соответствии с марксистскими установками, подавалось как консервативное и малоразвитое, отсталое. Тому способствовало исторически сложившееся в России слабое развитие школ и грамотности на селе. Городские дети находились в этом плане в предпочтительном положении. Рабочие и ремесленники, получавшие специальное профессиональное образование, работавшие в условиях технического прогресса и постоянно обновлявшие свои профессиональные знания, выглядели по сравнению с крестьянами более развитыми. Однако на самом деле крестьянский мир сложнее пролетарского. Он требует от человека большего объёма знаний, готовности непрерывно осваивать и обрабатывать постоянно поступающую и обновляющуюся информацию.

Живущий в повседневном хозяйственном контакте с природой крестьянин общается с такими сложными, существующими автономно от него и по своим законам структурами, как поле, лес, воздушные массы, водоёмы (река,

озеро, болото). Занятый в первую очередь земледелием и животноводством, крестьянин должен обладать технологиями переработки и консервации полученных продуктов, владеть навыками мелкого ремесленного труда. Всё это прививается и развивается с детства.

Крестьянин — охотник и рыболов. Он дружит с пространством. Приметлив и наблюдателен. Готов к неожиданностям, находчив. Знание звериных повадок, как и человеческой психологии, открывается ему вследствие жизненной необходимости быть всегда начеку. Он осторожен и несуетен.

Как и горожанин, крестьянин вовлечён в динамичную жизнь окружающего его социума — ближнего и государственного. Его историческое мышление формируется через предание и религиозное воспитание. Его метафизическое мироощущение носит более непосредственный и живой характер.

Крестьянский сын изначально приуготовлен к интенсивной мыслительной деятельности. Эта ментальная работа носит специфический характер. Она по своей структуре отличается от той, которую выполняет профессиональный интеллектуал. Форма её выражения носит практический, конкретный характер, часто облечена в образы и словесные формулы оперативного применения (пословицы и поговорки). Крестьянский ум серьёзен, конструктивен и критичен (ироничен). В процессе школьной обработки крестьянский ум получает колоссальное преимущество перед умом горожанина, чья жизнь более стандартизирована и упрощена разнообразными регламентами и схемами.

Крестьянин выражает недоверие городской среде, он видит её двойственность, преднамеренную усложнённость, чувствует её враждебность по отношению к себе. Его настораживает не внешнее оформление городской жизни (каменные дома, мощёные улицы, транспорт, разнообразные технические приспособления), а её внутренняя социальная организация, количественный масштаб участников процессов городской жизнедеятельности. В деревне все на виду: власть, трудящиеся, маргиналы. Деревенский социум *умопостижим,* он имеет персонифицированную историю, обеспеченную достоверными свидетельствами. Информационное пространство деревни открыто и обозримо.

В городе происходит усреднение личности, её социальная схематизация и унификация, что создаёт невозможные для деревенского обихода условия автономного существования индивидуума. Эта автономность порождает создание многочисленных и разнообразных социальных конструкций, содержание, структура и механизм функционирования которых ничем не регламентирован и никак не проявлен. Информация о

них носит опытный и фрагментарный характер. Её отсутствие чревато многочисленными угрозами для личности. Обладание ею позволяет успешно ими пользоваться и противостоять им.

Одновременно личность в городе насильственно формализуется и документируется, попадает под контроль и регламентацию своего поведения, которому не может позитивно противостоять. Формы городского регулирования жизни образуют также многочисленные и разнообразные социальные конструкции, содержание, структура и механизм которых, в отличие от неформальных образований, декларативно структурированы и выявлены, но при этом информация о них, по сути своей публичная, на практике также носит фрагментарный и опытный характер.

Попадая в город, крестьянин робеет перед социальной стороной структуры города, он чувствует её силу и, с одной стороны, выстраивает свою систему обороны, а с другой — изыскивает возможности овладеть этой силой, привлечь её на свою сторону.

Крестьянин в городе всегда чувствует себя одиноким. Он по определению — единоличен. И по определению — личностен.

Степень индивидуализированности личности крестьянина в городе гораздо выше, чем представителей всех остальных сословий. И он всячески старается нарастить этот свой потенциал, приобщаясь к городскому знанию и практике. Оказавшийся в городе крестьянин в процессе адаптации не столько утрачивает свои изначальные качества, сколько прибавляет к ним новые, становясь в итоге более сильным и успешным, нежели коренной горожанин. Крестьянский сын, одарённый от природы талантом, в городе добивается выдающихся результатов.

При этом он сохраняет свою базовую оппозиционность по отношению к городу, считая город *территорией войны,* в противоположность деревне — *территории мира.*

Дождь закончился, во дворе затеялась детская жизнь. Соседский парнишка позвал играть. Новичка из деревни, как и следует, встретили смехом, дразнилками. Был он худосочен и на вид неопасен. Один задира, явно старше других и наглее, полез толкаться. Ответил, не думая. «Драка — вещь серьёзная» (так скажет годы спустя[8]). Нос разбил в кровь. От неожиданности и позора обидчик отступил, а к новичку прониклись симпатией и уважением.

Дальше было труднее. Вспоминая свой первый год в Москве, с августа 1933-го по август 1934-го, Зиновьев называл его «Годом

ужаса». Каждый день приходилось отстаивать себя — в быту, во дворе, на улице, в школе.

Он был приучен к чистоте, порядку, простой, но вкусной пище. Постоянная, хоть и не всегда видимая забота матери, освобождала от массы мелких забот, о которых он даже не помышлял — тот же ремонт одежды, стирка. Отец был совершенно непригоден к ведению хозяйства. Максимум — готовил суп на неделю. Неизвестно из чего и по какому рецепту. Есть его было невозможно, но приходилось. Выбора не было. Про домашнюю экономику и говорить нечего. Пришлось самому осваивать покупки в магазине, готовку, штопку, стирку, глажку и даже ремонт ботинок. Средств было мало, продукты — по талонам, хозтовары — по случаю. Нужно было изворачиваться. Отец часто отлучался на несколько дней, и тогда образовывался излишек хлебных карточек, которые Александр продавал. Появлялась возможность купить тетради, карандаши, что-нибудь из одежды.

Как ни старался следить за собой, паразиты всё равно одолевали. Чего только не придумывал! Спустя годы не без гордости рассказывал: «Величайшим моим открытием того времени я считаю успешную борьбу со вшами. Они, конечно, завелись. А в школе каждый день устраивали проверку на гигиену, имелись прежде всего в виду вши. Я боялся, что меня выгонят из школы из-за грязи и вшей, и потому с первых же дней начал тщательно мыться под краном и уничтожать насекомых, чтобы они по крайней мере не выползали на воротник рубашки. Потом мне пришла в голову идея — проглаживать все швы рубашки и нижнего белья раскаленным утюгом. Успех был полный, но зато я пожег рубашки. Впрочем, это было уже не столь опасно. Наконец я попробовал смачивать швы одежды денатуратом, использовавшимся для примусов. Результат был тоже хороший, но от меня стало пахнуть как от заядлого алкоголика, и от денатурата пришлось отказаться»[9].

Такого рода открытиями был занят весь год.

Зимой брат Михаил женился и привёз из деревни «хозяйку». Отец уступил кровать молодым, а сам стал спать на сундуке. Александру, по договорённости с соседями, для ночлега определили место на ящике для картошки, который стоял в коридоре, в простенке между их комнатой и уборной. Здесь он прожил почти шесть лет — до конца 1939-го. Часть шкафа также была «конфискована» молодыми. Впрочем, присутствие женщины внесло в жилище какое-то подобие уюта.

Дворовые мальчишки жили своей кодлой. Войти в неё, сдружиться не получалось. Да и не очень-то хотелось.

Верховодили там старшие подростки — грубые, циничные, развратные. Они сквернословили, курили, унижали младших самыми постыдными способами. К нему также не раз приставали. Он дрался. Со всеми, кто задирал. Его били. Он отвечал — зло, отчаянно. Входя в раж, заводился и уже тогда ничего не видел и готов был на всё. Не отступался, даже если противник был сильнее, если нападавших было несколько. Позже он сформулирует для себя такое правило: «Защищайся всегда и при любых обстоятельствах. Если нападающий на тебя враг во много превосходит тебя по силам, ты имеешь моральное право использовать для самозащиты любые доступные тебе средства. При этом ты должен сражаться до конца, не страшась никаких потерь и стремясь нанести врагу максимально возможный ущерб»[10]. После ряда кровавых разборок от него отступились. Более того, когда случалось вступать в конфликт с другими уличными бандами, звали на подмогу.

Бывало, его втягивали в разные неприглядные проделки. Отказаться значило струсить, дать слабину. Такие приключения могли кончиться весьма плачевно. Как-то раз попал в милицию. Пацаны подначили наскочить на пивной ларёк. Пришлось Михаилу выручать. А вообще, это ему было не интересно.

Интересно было в школе.

В ближайшей, рядом с домом, мест не оказалось. Записаться удалось в 266-ю, на Большой Переяславской улице. Идти до неё дворами и переулками минут пятнадцать-двадцать, если не отвлекаться по сторонам. Зато школа — новая, просторная, в четыре этажа, в духе конструктивизма — настоящий «дворец знаний». Секретарша, принимая справку об окончании четырёхлетней школы, отнеслась к ней, вернее к нему — щуплому деревенскому мальчику, — сочувственно-скептически: так и быть, запишем тебя в четвёртый класс. Но почему? Спросите что-нибудь, задайте какую-нибудь задачку. Кто-то из бывших в канцелярии учителей почти в шутку предложил помножить в уме четырёхзначное и трёхзначное число. Ну, этим-то не напугаешь! Даром что ли развлекал такими фокусами односельчан. Ответил с ходу. Школа — вещь серьёзная. Приняли в пятый класс.

Ему всегда нравилось учиться — узнавать новое, овладевать навыками, совершенствовать свой ум и тело. Расти. Здесь, в Москве 1930-х, этому не было преград. Ни трудный быт, ни голод, ни превратности улицы не могли встать на пути учения.

Советское государство, укрепляя свои позиции в экономике и внутренней политике, готовясь к противостоянию с внешним врагом, занялось интенсивным строительством школы, уделяло большое внимание образованию и воспитанию нового, по сути

дела — первого, поколения своих граждан. В течение всего предвоенного десятилетия шло последовательное формирование образовательной системы СССР. Высшее партийное руководство регулировало процесс ежегодными постановлениями ЦК: «О начальной и средней школе» (1931), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932), «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933), «О структуре начальной и средней школы в СССР» (1934), «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (1935), «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936) и др.

Именно в эти годы сложилась *система* поступательного (от начального к высшему) образования для массового контингента учащихся, заложена идеология и практика непрерывного обучения. Установлены органы управления и контроля. Отобран круг базовых предметов. Разработаны программы и учебные планы. Обозначены проблемы общей педагогики и методики преподавания конкретных дисциплин. Утверждены критерии и нормы оценки учащихся. Регламентированы типы контрольных и экзаменационных заданий. Определены учебные и воспитательные обязанности учителей-предметников и классных руководителей. Основной организационной формой учебной работы стал урок «с данной группой учащихся со строго определённым расписанием занятий и твёрдым составом учащихся» (из постановления ЦК ВКП(б) 1932 года). Была создана система дополнительного образования школьников во внеурочное время. Большие средства выделены на развитие материально-технической базы учебного процесса, разработку и внедрение учебников, наглядных пособий, лабораторий. В 1936-м в несколько раз повышена зарплата учителей (одновременно началась их переаттестация и переподготовка). Все эти мероприятия сопровождались широкой пропагандой социальной значимости образования, утверждением его в структуре базовых ценностей советского человека — «всесторонне развитой личности».

266-я школа Дзержинского района Москвы была типовой общеобразовательной школой, но в ней работали настоящие профессионалы и энтузиасты. К преподаванию относились с большой ответственностью. Строгость и требовательность сочетались с открытостью и вниманием к ученикам. Авторитет школьных учителей был исключительно высоким. Их образованность и нравственный облик внушали уважение. Слово учителя звучало веско и значимо.

Он учился ровно и вполне успешно. Особых трудностей не

возникало. Знания и навыки осваивал быстро. Контрольные миновал легко, сочинения писал без шпаргалок. Учителя отмечали его прилежание и способности. На открытых уроках вызывали к ответу, зная, что не опозорит. Ежегодно привлекали для участия в олимпиадах. Сочинения выставляли на конкурсы. Его суждения обращали на себя внимание оригинальностью, решения — самостоятельностью и новизной. Повторять за другими ему скучно, веселее — придумать что-то самому, изобрести свой велосипед.

Записался в кружок рисования. Пробыл в нём, правда, недолго. В задачи кружка входило оформление школы разной наглядной агитацией. Здесь рисовали плакаты, писали транспаранты, составляли коллажи для стендов. Требовалось точно соблюдать правила и пропорции. Он же обязательно вносил в рисунок какую-нибудь отсебятину. Всё время получались карикатуры. Даже когда и не хотел этого. Однажды чуть не погорел. В 1934 году в школе решили создать Сталинскую комнату. Ему поручили перерисовать с фотографии портрет Сталина. Очень старался. Но — как обычно… Было разбирательство в комитете комсомола — налицо вражеская вылазка! Происк. Даром что «вредителю» всего двенадцать лет. Еле отстоял его руководитель кружка, но больше рисовать вождей уже не рисковал поручать. Зато пристроил к работе в разделе сатиры и юмора школьной стенгазеты. Кто бы мог тогда подумать, что спустя десятилетия его политические карикатуры на Ленина, Сталина и пришедших им на смену новых руководителей СССР станут публиковать на своих страницах крупнейшие газеты и журналы мира. Он сам первый бы удивился.

Карикатурным оказалось и недолгое участие в театральном кружке. С его сипловатым голосом произносить со сцены монологи ему заведомо было заказано. Зато вполне сгодился на роль статиста — несчастной, замученной жертвы империализма. Над его чахлым телом юные американские революционеры — действие пьесы проходило в США — давали клятву борьбы, произносили обличительные речи, а потом его торжественно выносили на носилках со сцены. Наверное, в день спектакля он и впрямь простыл. Но когда в скорбной, взвинченной пафосом гневных тирад тишине «труп» шмыгнул носом, зал не удержался от смеха. А уж когда откровенно чихнул, не справились с собой даже артисты. «Труп» уронили. Под хохот зрителей он на своих двоих скрылся за кулисами. Нет, играть заученные роли — не его стезя.

Это чутко уловил учитель музыки. Голоса у Александра не было, слуха тоже, на уроке он, чтобы занять себя, обычно рисовал.

Учитель подметил и предложил «рисовать музыку», визуализировать слуховые образы. Идея пришлась по душе. Можно проявить себя, освободиться от слепого подражательства. Полная свобода и простор для фантазии. Рисовал так музыку целый год. Учитель был стар и вскоре умер. А музыка осталась звучать. И в душе. И в живописи, к которой Зиновьев обратится в зрелые годы.

Но любимыми предметами стали литература и математика. Они равно владели им. Ведь в каждом столько пищи для ума! Столько возможностей для личного развития! Оба предмета пробуждают мысль, оба учат понимать действительность. Никогда никакого внутреннего конфликта между ними он не чувствовал. Наоборот, видел, как они дополняют друг друга. Число и слово — рычаг и опора, с помощью которых можно перевернуть Землю! Литература предоставляет богатый жизненный материал, математика — инструмент его обработки. Заманчиво следить за головокружительным развитием событий и находить в них свой строй и порядок. У охваченных страстями героев обнаруживать логику и смысл поступков. В изобилии образов различать типы и устанавливать иерархию. Литература демонстрировала сложность и драматизм мира, математика выявляла его гармонию и расчёт.

Читал много, с упоением. Ходил регулярно в «тургеневку» и «грибоедовку» — знаменитые московские библиотеки. Тогда все читали много. Но подросток Зиновьев отличался настоящей одержимостью. Учителя смотрели на его увлечённость с недоверием. Рано ещё. Что он может понять! Библиотекари, напротив, всячески потакали, допускали в хранилище к полкам. Он проводил там целые часы. Читал неутомимо.

Читал классику — не только ту, что значилась в школьной программе. Но и романы Достоевского, Л. Толстого, Тургенева, Гончарова. Мог страницами цитировать «Войну и мир», «Великого инквизитора». А ещё повести и рассказы Гоголя, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Пьесы Островского, А. К. Толстого, М. Горького. Выше всех ставил Лермонтова. Был заворожён его пророческим словом и гибельной судьбой. До конца дней сохранил к нему свою привязанность. Знал наизусть много стихов. Перечитывал.

Читал советскую литературу — всё, что было на слуху. Шолохова, Фадеева, Серафимовича, Фурманова, Н. Островского, Гладкова, Гайдара, Макаренко, А. Н. Толстого, Лавренёва, Катаева, Леонова, Зощенко. Они помогали разобраться в современности, предлагали образцы поведения, задавали настрой жизни. Среди современников бесспорный кумир — Маяковский.

Нравилось:

И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.

Читал зарубежную литературу. Гюго, Бальзака, Стендаля, Сю, Дюма, Купера, Мопассана, Золя, Мильтона, Свифта, Дефо, Сервантеса, Бичер-Стоу, Лондона, Франса, Роллана, Барбюса, Войнич. Книги этих авторов брал по несколько раз. Интуитивно притягивала свобода и духовное изобилие мировой культуры. В прошлом, в чужом чудесным образом обнаруживал близкое — сродство душ. «Голод» Гамсуна — уже одним своим названием, но не только — оказался особенно понятен и близок: «Интеллигентный бедняк гораздо наблюдательней интеллигентного богача. Бедняк всегда осмотрителен, следит за каждым своим шагом, подозрительно относится к каждому слову, которое слышит; всякий его шаг заставляет напрягаться, работать его мысли и чувства. Он проницателен, чуток, он искушён опытом, его душа изранена…»

Его привлекали одинокие, гордые характеры. Он находил в них поддержку своей исключительности, которую рано осознал и стал культивировать. Демон, Мцыри, Печорин, Жюльен Сорель, Агасфер. Или, вот, Говоруха-Отрок из повести Б. Лавренёва «Сорок первый» — ведут его пленного через пустыню:

«Десять идут, спотыкаясь, качаясь от ветра.

Один идёт прямо, спокойно…

Руки у поручика связаны в локтях чумбуром, а конец чумбура у Марютки за поясом. Еле идёт Марютка. На снеговом лице только играет кошачья желть ставших громадными глаз.

А поручику хоть бы что. Побледнел только немного.

Подошёл однажды к нему Евсюков, посмотрел в ультрамариновые шарики, выдавил хриплым лаем:

— Чёрт тебя знает! Двужильный ты, что ли? Сам щуплый, а тянешь за двух. С чего это в тебе сила такая?

Повёл губы поручик всегдашней усмешкой. Спокойно ответил:

— Не поймёшь. Разница культур. У тебя тело подавляет дух, а у меня дух владеет телом. Могу приказать себе не страдать».

Здорово! Достойно подражания.

Читал газеты. Речи Сталина. «Краткий курс истории ВКП(б)». «Вопросы ленинизма». Общественно-политическая жизнь страны интересовала не меньше приключенческих романов. Страна жила

подвигами и борьбой. Созидала и уничтожала. Возвеличивала героев и низвергала противников.

Он тоже всеми силами старался участвовать в строительстве нового мира. Одно время — буквально. Увлёкся архитектурой. Ходил в архитектурный кружок при городском Доме пионеров. Горячо обсуждал план — «сталинский» — реконструкции Москвы. Говорил о Корбюзье. Изучал памятники Москвы и Подмосковья. Делал зарисовки, расчёты. Одноклассники отметили его страсть прозвищем «архитектор».

Чуть позже дадут прозвище «философ». За то, что с ещё большим энтузиазмом, чем дома, хотелось ему строить новую социальную действительность. Ведь в новых домах должны жить новые люди. Как у Чернышевского, в «Четвёртом сне Веры Павловны». Прочёл в старших классах Вольтера, Дидро, Руссо, Гельвеция, Гоббса, Локка, Милля, Кампанеллу, Т. Мора, Кабе, Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Герцена, Бакунина, Плеханова. И, конечно, Маркса, Энгельса, Ленина. Идеи социальной справедливости пленяли. Общество равных возможностей будоражило воображение. Подкупали чёткие и последовательные принципы анализа действительности. Энергичный стиль. Убеждённость и убедительность.

Ему мечталось, совершенно в духе социалистического утопизма, что нужно строить мир, в котором «всё принадлежит всем, отдельный человек имеет самый необходимый минимум, человек все силы и способности отдаёт обществу, получая взамен признание, уважение и прожиточный минимум, равный таковому прочих членов общества. Люди могут различаться по способностям и творческой производительности. В обществе может иметь место иерархия оценок, уважения. Но никаких различий в материальном вознаграждении, никаких привилегий»[11].

Он был частью страны. Она была его ровесницей. Они всё переживали вместе. Со страстью и самоотдачей. Вместе ходили на субботники. Сажали деревья. Собирали металлолом и макулатуру. Принимали повышенные обязательства. Шагали на демонстрации. Приветствовали полярников. Гордились Чкаловым, Байдуковым и Беляковым. По двадцать раз смотрели «Чапаева» и «Мы из Кронштадта». Оплакивали смерть Горького. Клеймили троцкистов. Осуждали Зиновьева и Каменева. Призывали к ответу. Кричали «Ура!»

Вместе верили в иллюзию светлого будущего.

Да и как было не верить? На глазах шло реальное обновление мира. Возводились новые, невиданной архитектуры дома. Прокладывались проспекты. Строилось метро. Всесоюзная

сельскохозяйственная выставка. Вовсю обсуждался проект Дома Советов на месте снесённого храма Христа Спасителя. На башнях Кремля зажглись рубиновые звёзды. В Москве-реке после ввода в строй новых каналов поднялся уровень воды. Отменили продовольственные карточки. В оборот вошли новые купюры и монеты. В магазинах появились промтовары. Люди начали лучше одеваться. Это было *очевидно.* Наглядно. Кинохроника показывала ударные стройки по всей стране. Днепрогэс. Магнитку. ЧТЗ.

Но очевидно было и другое.

Когда в 1935 году вся страна обсуждала проект новой Конституции, на пару с дружком, без какой-либо задней мысли, резвясь умом, сочинили по аналогии свою собственную. Целую тетрадку извели. Каких только «прав» и «обязанностей» в ней не было! «Лодыри и тупицы имеют право на такие же отметки, как и отличники». «Самые плохие ученики имеют право поступать без экзаменов в самые лучшие вузы». «Самые глупые и безнравственные люди имеют право занимать самые высокие должности». «Народ обязан восхвалять все решения властей». И тому подобное. Из личного опыта собранное. Шутовская конституция пошла по рукам. В школе разразился скандал. Учинили следствие. Кто-то донёс об их авторстве. Правда, доказать ничего не смогли, а они всячески отпирались. Через некоторое время «дело» замяли.

Пародия на Конституцию возникла не со зла — идейным антисоветчиком он не был, но и не на пустом месте. Чтение книг и газет не могло затмить повседневную жизнь, полную вопросов и противоречий.

Пожалуй, самым явным было имущественное неравенство, которое напрямую было связано с социальным статусом людей. В Москве это было особенно заметно. Не имея своего угла, он часто бывал в гостях у одноклассников. Семьи простых рабочих и служащих жили столь же убого, как и Зиновьевы. Семьи номенклатурных работников, чиновников, творческой интеллигенции — детей из этого круга было не так много в классе, потом они и вовсе разошлись по «элитным» школам — процветали. И это считалось в порядке вещей.

Точно так же было в порядке вещей то, что «благородные» дети получали поддержку и снисхождение учителей. Их учебные успехи были социально значимее, а проступки — менее наказуемы. Кстати, дело с «антиконституцией» замяли, возможно, ещё и потому, что сочинялась она совместно с мальчиком из такой «благородной» семьи. Будь он один — вышвырнули бы из школы в одну минуту, как паршивую овцу.

А ещё он видел, как преимущество в классе получали

различные общественные активисты, которые громче всех кричали лозунги и призывы, проявляли бдительность и политическую принципиальность. На первые места выдвигались активисты-общественники, демагоги и горлопаны. Не оставались обиженными и доносчики — тайные стукачи и «бесстрашные» обличители.

В обществе нарастала политическая истерия. Газеты чернели разоблачениями, осуждениями и приговорами. Образованность, культура, воспитание под натиском воинствующей идейности отступали на второй план. Вопреки свершившейся победе над эксплуататорскими классами, социальная борьба в стране не утихала. Гражданская война приняла новые — «холодные» — формы. С ожесточённостью выстраивалась новая иерархия, и проходимцев, желавших занять в ней наиболее высокие позиции, ничто не останавливало. Конкурентов они уничтожали безжалостно.

В начале тридцатых годов процветала так называемая педология. Учащимся предлагались различные тесты. На основе их результатов определялись социальные качества и перспективы учеников. В частности, предлагалось продевать нитку через дырочки в палках. У него этот получилось сделать ловчее прочих, в итоге его «зачислили» в рабочие текстильного производства. Менее проворные получили «квалификации» инженерно-технических работников. «Инженеры» тут же почувствовали себя на высоте. Когда же педологию признали ошибочной и «приговоры» школьных педологов отменили, многие одноклассники были расстроены такой «социальной несправедливостью». Они были абсолютно уверены, что мальчик из деревни, пусть даже способный и талантливый, не должен претендовать на большее. Самое курьёзное, что он и сам готов был с этим согласиться и всерьёз «утешал» товарищей обещанием стать рабочим-текстильщиком.

Дискриминацию деревни и деревенских жителей Александр переживал с особенной остротой. Приезжая каждое лето на каникулы в Пахтино, он видел, как год от года крепло в стране новое крепостное право колхозов, как крестьянский труд становился всё более тяжёлым и малопривлекательным, как под влиянием новых бюрократических практик стремительно деградировала социальная структура села, вырождалась народная культура, рушились нравственные устои, процветало пьянство и воровство. И над всем царил дух безрадостного безразличия. Люди массово бежали в город.

Мать работала от зари до зари, выбиваясь из сил и получая за свой каторжный труд какие-то небывалые «трудодни», которые

потом отоваривались натуральной продукцией в размерах, совершенно издевательских, обрекавших семью на нищету и голод. Спасал только свой огород, который приходилось обрабатывать во внеурочное время. Как в годы проклятой барщины. Проработав в колхозе без продыху всё лето 1938-го и заработав трудодней на полгода, Александр получил взамен лишь два пуда овса. В Москву он возвращался с тяжкими мыслями и тоской в сердце. То, что он видел в родных краях, совсем не походило на праздничные картины сельского труда в «Четвёртом сне Веры Павловны».

Шипы повседневности ежедневно саднили душу. Никакие подвиги, стройки и достижения не могли заслонить их. Они не только не уменьшались по мере упрочения нового социального строя, как следовало ожидать согласно теории, но, напротив, находили в нём подпитку, крепли, отвоёвывали новые позиции. Странным был не только сам этот факт, но и то, что ни для кого он не был секретом. Все о нём говорили, порой с гневом и осуждением, порой со стоическим презрением, — и все с этим мирились. Да нет, не просто мирились, а даже не переживали особого конфликта. Подвиг и подлость советского строя уживались самым естественным образом. Подвиг осуждал подлость и тут же поступал самым подлейшим образом — и не замечал этого, продолжая осознавать себя Подвигом. И все видели подлость Подвига и продолжали величать его Подвигом. Подлость называла себя подвигом, и все соглашались считать Подлость подвигом. И совершали подлости, выдавая себя за героев. Это было даже не двуличие, не лицемерие, но особого рода слепота. Слепота добровольная и циничная.

Подросток Зиновьев не хотел слепнуть. В нём вызревали зёрна бунта. Душа требовала какого-нибудь действия. Прочитав «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, он был так потрясён, что задумал писать собственное «Путешествие из Чухломы в Москву». Мысль Бердяева: «Когда Радищев в своём „Путешествии из Петербурга в Москву“ написал слова: „Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала“, — русская интеллигенция родилась» — Зиновьев тогда, конечно, не мог знать. А вот приговор Екатерины II: «Бунтовщик, хуже Пугачёва» — всем советским школьникам был известен отлично. Впрочем, замысел остался замыслом. Время ещё не пришло.

Личность и судьба Александра Радищева глубоко взволновали юношу. Не менее притягательной оказалась фигура ещё одного Александра — Ульянова, несостоявшегося цареубийцы, погибшего за свои убеждения, во имя освобождения

народа от его угнетателей.

Странное совпадение: в 1934-м драматург Александр Зиновьев (был такой!) подал в Главрепертком пьесу «Александр Ульянов». Машинопись её хранится в РГАЛИ. Пьеса драматургически слабая, скорее ряд сцен из жизни Александра Ульянова накануне его ареста. С большим монологом об индивидуальном терроре. С неизбежным появлением в эпилоге юного Володи со словами «Мы пойдём другим путём!». Пьеса была отклонена. Но если бы она оказалась более талантливой и вышла на театральные подмостки Москвы, интересно, какое бы впечатление произвела на Сашу Зиновьева афиша спектакля, на которой бы он увидел своё имя рядом с именем своего героя? Увы, к разочарованию биографа, сюжет не состоялся.

Впрочем, своё имя, точнее фамилию, он в скором времени увидит и услышит не раз! В декабре 1934-го будет арестован, а в 1936-м предан суду и расстрелян один из конкурентов Сталина — участник революционного движения в России с 1901-го, соратник Ленина и Троцкого Г. Е. Зиновьев. Каких только проклятий от имени советских людей не прозвучит в его адрес! Саша Зиновьев тоже будет теперь «немножко проклятый». Одноклассники не упустят возможность при удобном случае обозвать его «врагом народа».

Вступив в 1937-м в комсомол — комсомольский билет № 0090569 — и оказавшись через год в составе школьного комитета комсомола, в качестве общественной нагрузки Зиновьев избрал выпуск школьной сатирической газеты, придумав ей название «На перо». Фактически это был его собственный единоличный печатный орган: он выбирал темы, рисовал карикатуры, сочинял к ним острые подписи, писал фельетоны и соответствующие стихи в духе Дмитрия Минаева — поэта из некрасовского окружения, которого очень ценил, восхищаясь поэтической находчивостью этого признанного «короля рифм». Увы, ничего от тех ранних опытов зиновьевской сатиры не сохранилось, и потому трудно судить, насколько смелы и действенны были его начальные шаги на этом поприще, но можно не сомневаться, что первые подступы к «Зияющим высотам» были сделаны им именно тогда.

Его ум, бойкий характер, острый язык и открытость миру привлекали к нему многих. Он сходился легко, хотя дружеских привязанностей было немного. В своих мемуарах Зиновьев с теплотой вспоминает о соседском мальчике Валентине Марахотине, дружбу с которым пронесёт через всю жизнь: «Он был чрезвычайно красив в русском стиле, атлетически сложен, смел, до болезненности честен и самоотвержен. Он

покровительствовал всем в округе, кого могли обидеть уличные ребята. Я ему тоже был обязан многим. Отец у него умер от пьянства, а мать скоро заболела. Валентину пришлось бросить учёбу и начать работать. Уже с четырнадцати лет он подрабатывал водолазом на водной станции и тренером по плаванию… Я его очень любил и относился к нему как к брату»[12].

Ещё одно дорогое имя, которое Зиновьев посчитал необходимым сохранить и донести до потомков, — Борис Езикеев, пришедший в класс в 1937-м: «Он был на два или три года старше меня. Он был психически больным, пролежал два года в больнице. Теперь врачи сочли его достаточно здоровым, чтобы продолжать учёбу в нормальной школе. В моей жизни он сыграл роль огромную. На мой взгляд, он был гениально одарённым человеком… Борис прекрасно рисовал, сочинял замечательные стихи, был чрезвычайно тонким наблюдателем и собеседником. В годы 1937–1940-й он был для меня самым близким человеком. У нас произошло разделение труда: он стал в нашем маленьком обществе из двух человек главным художником и поэтом, а я — главным философом и политическим мыслителем. Кстати сказать, мы уже тогда в шутку объявили себя суверенным государством»[13].

Но были и завистники, недоброжелатели. Однажды придумали и донесли директору школы, что он якобы злостный хулиган, дружит со шпаной, носит финку в кармане пальто. Правда, кармана в его самопальном пальто не было вовсе — просчитались. Был в его классе некий Проре Гершкович. Проре — сокращённое «пролетарская революция». Он считался лучшим учеником по литературе, хотя особыми талантами не блистал. Зато правильно понимал политику партии. Умел видеть «отклонения» и «извращения». Не раз уличал в том Александра, мыслившего на свой лад. Впоследствии Проре напишет на него донос. У каждого Моцарта есть свой Сальери. Сколько их ещё будет в его жизни!

И как же без любви! Пришла и ей пора. Девочку, которая пробудила в нём чувство, свою первую любовь он встретил всё в той же библиотеке-читальне имени Тургенева. И вполне в духе Тургенева их любовь была целомудренна и духовна. Их сблизила литература, искусство, мысль. Прекрасное. Анна просила звать себя на испанский манер Инессой. Сокращённо — Иной. Ей хотелось быть иной, не похожей ни на кого, загадочной и особенной. Ему это было так понятно! Ведь он сам был иным.

Аня-Ина без труда вписалась в компанию необычайных юношей. А они охотно приняли круг её друзей. Гурьбой ходили в

музеи, в кино или просто прогуливались по проспекту Мира. Иногда он развлекал их рифмоплётством — на спор, пока шли от Колхозной площади до Рижского вокзала, сочинял, не останавливаясь, потешную строфу за строфой, благо рифмы подворачивались сами собой. Смеялись, дурачились.

Ина-Аня была из тех девушек, которых в партнёре больше привлекает интеллект, нежели внешность, и он с самоупоением демонстрировал ей всё богатство и блеск своего ума. Ради справедливости надо сказать, что возмужавший Александр, был и внешне очень симпатичным и складным молодым человеком, только вот разве что одет скромно. Ну так, может быть, он — «переодетый принц». Ведь она — несомненно, принцесса!

Он всё-таки был очень книжным мальчиком! Часами бродили они под луной, вели долгие разговоры, делились впечатлениями и думами, и — никаких объятий, никаких поцелуев. Он даже ни разу не взял её за руку! Он, конечно, робел. Но кроме робости было в его сдержанности глубокое искреннее почитание своей возлюбленной, её достоинства и чистоты. Он давно всё знал про плотские отношения — дворовые университеты не обошли его стороной. Но свои знания «про это» он никак не мог соотнести с Иной — иной. Он вёл себя как благородный идальго. Кто знает, возможно, он был не прав.

Школа подходила к концу. Нужно было определяться с будущностью. В числе учителей, работавших в старших классах, был молодой аспирант Института истории, философии и литературы — ИФЛИ. Он преподавал общественные дисциплины. К нему Александр часто обращался с различными вопросами. Педагог охотно руководил любознательным подростком, рекомендовал книги, обсуждал прочитанное, комментировал в меру своего понимания сложные страницы классиков марксизма-ленинизма. Под его руководством прочёл Александр «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, первые главы «Капитала» К. Маркса. И стал страстным диалектиком. Он почувствовал, что наконец-то нашёл инструмент, который поможет ему разобраться в себе и в мире. Нужно только овладеть этим инструментом в совершенстве, набраться опыта работы с ним. Идея поступать в ИФЛИ пришла естественным образом. Конечно, не без примера старшего товарища. Хотя и математика, и архитектура также рассматривались Александром в качестве возможных сфер приложения сил. Для него, золотого медалиста, открыты были двери всех вузов. И всё же победила философия. Практического расчёта в том не было никакого. Ему нужно было — по-достоевски — «мысль разрешить». «Два вопроса стали завладевать

мною, — вспоминал Зиновьев, — 1) что из себя представляет советское общество объективно и по существу, т. е. без идеологических приукрашиваний; 2) что такое я сам, каково моё принципиальное отношение к этому обществу и что я должен делать?»[14]

25 августа 1939-го приказом № 130а по Московскому государственному институту истории, философии и литературы Александр Зиновьев был зачислен студентом на первый курс философского факультета «как успешно выдержавший конкурсные приёмные испытания»[15].

С 1 сентября зачислен на стипендию. 25 рублей, с выплатой по частям два раза в месяц[16].

Подал заявление на общежитие, чтобы наконец вырваться из подвала на Спасской. Но в том подвале у него была московская прописка! Отказали.

Первоначально на курс было принято ровно пятьдесят человек. К концу семестра количество первокурсников увеличилось до шестидесяти семи. Из четырёх групп в итоге было сформировано три. Зиновьев с самого начала был включён в первую группу. Вместе с ним в ней оказались его будущие коллеги по Институту философии, с которыми он будет вместе работать в 1950–1970-е — Д. П. Горский, А. В. Гулыга, И. С. Нарский, П. В. Копнин.

Согласно учебному плану в первом семестре будущим философам читались теоретические курсы по основам марксизма-ленинизма, истории первобытного общества и Востока, биологии, химии, математике. Изучались иностранные языки — Зиновьев занимался в немецкой группе. И, конечно, значилась в расписании физкультура.

Среди наиболее ярких фигур в числе преподавателей выделялись профессора В. К. Никольский и Б. М. Завадовский.

Владимир Капитонович Никольский считался видным этнографом и антропологом, хотя был классическим кабинетным учёным. В конце 1920-х он ездил в научную командировку в Париж, где познакомился и имел общение с известным французским антропологом Л. Леви-Брюлем. «Очерки первобытной культуры» Никольского, несмотря на то, что носили ярко выраженный реферативный характер, пользовались признанием и популярностью, неоднократно переиздавались. Невысокий, подвижный, с резким голосом, Никольский вёл курс истории первобытного общества и Востока увлекательно, остроумно, весело. Это был человек талантливый и беспринципный. В 1930-е годы он не без личной выгоды изобличал «врагов народа» в академической среде. «Со мной

перестали общаться враги советской власти за то, что я стою на революционных позициях», — говорил Никольский на партийных собраниях, нападая на очередную жертву идеологической травли. Студенты звали его «Капитошка».

Борис Михайлович Завадовский читал биологию. Крупный, круглолицый человек, пышущий здоровьем и энергией. Был он красноречив и уверен в себе. Он заведовал кафедрой дарвинизма в Московском педагогическом институте им. В. П. Потёмкина, возглавлял Биологический музей им. К. А. Тимирязева, был академиком ВАСХНИЛ. Ему принадлежали труды по физиологии желёз внутренней секреции, книги «Дарвинизм и марксизм» (1926), «Живая природа в руках человека» (1935). В начале 1930-х Завадовский выступил с агрессивной критикой исследований А. Л. Чижевского в области изучения и применения аэроионов в сельском хозяйстве, требовал закрытия руководимой Чижевским Центральной научно-исследовательской лаборатории ионификации. С гневом и издевательством обрушивался он и на работы К. Э. Циолковского, называя его не иначе как шарлатаном и призывая «смело ударить по рукам Чижевского и компании, дабы им неповадно было в дальнейшем портить наше социалистическое строительство и разбазаривать народные деньги на вздорные выдумки всяких Циолковских и Чижевских»[17].

Со своими сомнениями и душевными тревогами Зиновьев попал явно не туда. На философском факультете ковались кадры бойцов идеологического фронта. Атмосфера на факультете царила соответствующая. Он был здесь чужаком. К тому же нищим. Средств на жизнь катастрофически не хватало. Отец практически перестал его материально поддерживать. Мизерная стипендия едва удовлетворяла минимальные запросы. Он обносился, ещё больше исхудал. От полного позора спасали горящие глаза и копна буйных волос, придававшие ему романтически-вдохновенный вид. А на самом деле просто хотелось есть. Он был близок к физическому и нервному истощению. В довершение всего в конце сентября он расстался с Иной — её отца перевели на новую работу в другой город, и их семья уехала из Москвы. Ослабли отношения и с Борисом Езикеевым.

В институте он сошёлся с Андреем Казаченковым. Они сразу почувствовали в себе единомышленников. У каждого к моменту встречи уже был свой опыт критического осмысления действительности. Оба они были взволнованы когнитивным диссонансом, природа которого шла от очевидного для них конфликта идеологических установок партии и практики

социального строительства в СССР. «Я был одним из тех, — вспоминал Зиновьев ту пору своей ранней зрелости, — кто всерьёз воспринял идеалы коммунизма как общества всеобщего равенства, справедливости, благополучия, братства. Я слишком рано заметил, что в реальности формируется общество, мало что общего имеющее со светлыми идеалами, прививавшимися нам. Я уже не мог отречься от идеалов романтического и идеалистического коммунизма, а реальный, жестокий, трезвый, расчётливый, прозаичный, серый и лживый коммунизм вызывал у меня отвращение и протест. Это не было разочарование в идеалах коммунизма — слово „разочарование“ тут не годится. Идеалы сами по себе гуманны и прекрасны. Это было предчувствие того, что идеалы неосуществимы в реальности или что их осуществление ведёт к таким последствиям, которые сводят на нет все достоинства идеалов. Рухнули мои внутренние идейные и психологические опоры. Я оказался в растерянности. Я был на пути к выработке большой жизненной цели, и вот вдруг обнаружилось, что такого пути вроде бы нет»[18]. В ежедневных разговорах с товарищем рождалось понимание происходивших в стране событий, искались причины и источники искажения коммунистического идеала. Одним из страшных ответов, таившим смертельную опасность, был: «Сталин».

Это имя затмило собой всё вокруг. Сталин был везде и повсюду. На каждой газетной странице. В каждом выступлении. В названиях городов и областей, проспектов и площадей, заводов и колхозов. Сталина прославляли. Сталина воспевали. Ему посвящали свои трудовые подвиги и достижения. О нём снимали фильмы (только в 1938-м на экраны вышло пять!). Ставили спектакли. Писали книги. Портреты Сталина глядели со всех стен. Бюсты и памятники стояли во всех населённых пунктах. Именем его клялись. Именем его разили врагов. Доносили и предавали. Осуждали и клеветали. Сажали в тюрьмы. Ссылали на поселение и в лагеря. Приговаривали к расстрелу. «Отец народов», Сталин, точно Отец небесный, даровал и отнимал жизнь.

Сталин был *за всё* в ответе!

От этого открытия знобило и лихорадило.

Понимание сущности сталинизма придёт к Зиновьеву значительно позже, когда сталинская эпоха — триумфальная и трагическая — станет историей, а созданное под руководством Сталина советское общество вступит в период затяжного кризиса. Потребуется колоссальная интеллектуальная работа, чтобы сформировать подлинно *научный,* лишённый идеологических

акцентов подход к этому явлению, понять его социальную природу, обнаружить объективные причины возникновения тоталитарного строя в условиях реального коммунизма, увидеть всю сложность этого уникального исторического феномена и оценить в адекватных формулировках. И прежде всего избавиться от *культа личности* — избыточной персонификации социальных процессов.

Он будет думать о Сталине годами. Он проведёт в спорах о нём тысячи часов. Напишет сотни страниц. Его сталиниана будет многоликой и разноплановой. Карикатура, фантасмагория, историческая реконструкция, логический анализ. Он будет пробовать разные интеллектуальные инструменты. Освобождаться от идеологических мифов и политических клише. Пробиваться к истине.

В «Зияющих высотах», над которыми будет работать в середине 1970-х, он создаст образ Сталина запредельный по своей сатирической остроте. Хулиганский. Недопустимый не то чтобы на страницах советских книг, но даже в мыслях советских людей — партийных, беспартийных, диссидентов, «антисоветчиков». Он подвергнет его тотальному осмеянию.

«Как известно, Хозяин обладал не только мощнейшим интеллектом за всю прошлую и будущую историю человечества, но и мощнейшим членом. По преданию, членом он уничтожал своих самых заклятых врагов. Делал он это так. Вызывал врага к себе поздней ночью, заставлял покаяться ради интересов Братии и назвать сообщников, вынимал свой мощный член и слегка стукал им по пустой черепушке врага. А-а-а-х, крякал он при этом. Череп врага разлетался вдребезги. А тыпэрыча, говорил добродушно Хозяин, подбыры за сабой сваё дырмо и ухады. И впред буд умнэя, балван. Враг подметал за собой осколки уже ненужного черепа, забитого ещё недавно трухой ибанизма, и покорно уходил сочинять донос на своего ближайшего друга и соратника, с которым они вместе просидели в юности пятьдесят лет в одной камере-одиночке»[19].

Глумлением перейдёт он черту банальности, оставив за ней весь комплекс расхожих чувств и суждений, идеологизированную обывательскую жвачку — страх, трепет, восторг, негодование, укор.

«В честь члена Хозяина складывались песни, были названы города, устраивались торжественные шествия. На углу улицы Хозяина (ныне — улицы Заведующего) и Хозяйской улицы (ныне Заведующевской улицы) в честь члена Хозяина построили Забегаловку. На главной стене её лауреат всех премий и носитель всех званий Художник изобразил мощный член Хозяина в

рабочем состоянии, насадив на него всех видных политических деятелей Европы и Америки. Под картиной на мраморной плите золотыми буквами высекли стих лауреата почти всех премий Литератора:

> Ты к нам грязный нос не суй,
> А не то получишь… член!»[20]

Скоморошьим смехом стряхнёт он шелуху предрассудков, чтобы потом уже говорить *только* по существу.

В 1979-м, в статье к столетию Сталина, Зиновьев, будучи уже в эмиграции, к удивлению многих (всех!), скажет: «Оценка личности Сталина немыслима без оценки эпохи, неразрывно связанной с его именем, — эпохи сталинизма. Что такое Сталин без сталинизма? Человечек невысокого роста. Недоучившийся малограмотный семинарист. Рябой. С грузинским акцентом. Был коварен, мстителен и жесток. Своими пальцами оставлял жирные пятна на страницах книг… А не слишком ли это жидко для характеристики человека, владевшего и до сих пор ещё владеющего умами и сердцами миллионов людей?! После урагана разоблачений ужасов сталинского периода, который (ураган) начался со знаменитого доклада Хрущёва и достиг апогея с появлением не менее знаменитого „Архипелага ГУЛАГ“ Солженицына, прочно утвердилось представление о сталинском периоде исключительно как о периоде злодейства, как о чёрном провале в ходе истории, а о самом Сталине — как о самом злодейском злодее изо всех злодеев в человеческой истории. В результате теперь в качестве истины принимается лишь разоблачение язв сталинизма и дефектов его вдохновителя. Попытки же более или менее объективно высказаться об этом периоде и о личности Сталина расцениваются как апологетика сталинизма. И всё же я рискну отступить от разоблачительно-критической линии и высказаться в защиту… нет, не Сталина и сталинизма, а лишь возможности объективного понимания их»[21].

В своём эссе Зиновьев впервые попробует предложить современникам посмотреть на сталинскую эпоху и роль Сталина в ней с объективных социологических позиций — ни просталинских, ни антисталинских, называя вещи своими именами: «Сталин и его приспешники были негодяями, но негодяйство их особого рода: оно есть социальное негодяйство. Оно прёт само изо всех пор советского общества. Оно производится самим нормальным ходом жизни. Оно есть закономерный продукт светлых идеалов. Короче говоря, Сталин

был адекватен породившему его историческому процессу. Не он породил этот процесс, но он наложил на него свою печать, дав ему своё имя и свою психологию. В этом была его сила и его величие»[22].

В романе «Жёлтый дом» (1978–1979) в серии исторических эпизодов «Сталин» Зиновьев продолжит разработку концепции сталинизма как явления социального, порождённого не злым гением отдельной личности, а задачами самоорганизации общества в целях выживания и самосохранения в условиях системного кризиса власти, деградации и распада прежних социальных структур и институтов — в условиях революции: «Исторический процесс — явление сложное и коварное, — говорит Сталин, обращаясь к своим подчинённым, в сцене, происходящей в его рабочем кабинете в Петрограде вскоре после октябрьских событий. — В нём есть поверхностная пена и скрытые глубокие течения. Есть свои смертельные водовороты и идиллически тихие заводи. Революция… Где происходит революция? На улицах? На митингах? На заседаниях? Конечно. Но это — лишь пена революции. Главное же её течение проходит здесь: это мы с вами, наша серая будничная работа. Революционная пена увлекла за собой почти всех видных деятелей революции и вскружила им головы. Где они? Они — на трибунах. В массе. Они вообразили, что слово есть всемогущее оружие революции. Но ведь людям надо есть и спать. Одеваться. Передвигаться. Им надо получать пищу и оружие. Они должны объединяться в группы и разделяться на группы. Кто-то должен назначать на должности, контролировать, отдавать распоряжения. Революция — это прежде всего новая форма организации миллионов масс населения»[23].

Комментируя эту сцену, Зиновьев акцентирует свою точку зрения на Сталина, принцип подхода к анализу и оценке его личности: «Когда говорят, что Сталин был верным учеником Ленина, а сталинизм — ленинизмом в действительности, говорят нечто бессмысленное. На самом деле они суть явления разнокачественные, идущие из разных источников. Ленин — фигура историческая, Сталин же — социологическая. Чтобы понять Ленина и ленинизм, надо рассматривать конкретно-исторические условия и обстоятельства в России и в Европе в конце прошлого и в начале нашего века, т. е. до революции. Ленин объясним, глядя из прошлого и в прошлое. Чтобы понять Сталина, надо рассматривать то, что сложилось в Советском Союзе и в мире вообще лишь в результате его деятельности и после него, т. е. после революции. Сталин объясним, глядя из будущего и в будущее. Ленин представлял смену во времени,

Сталин — нечто остающееся, воспроизводящееся, постоянное. <…> Ленин действовал по законам истории, Сталин — социологии. И потому Сталин победил»[24].

На обложку первого издания своего «литературно-социологического очерка сталинизма» «Нашей юности полёт» (1983) он поместит карикатуру символического содержания. На фоне Кремлёвской стены одиноко стоит уродливая кособокая фигурка Сталина, попыхивающего трубкой. Поза уверенная, наглая. Ноги широко расставлены, одна рука в кармане. На куриной шее непропорционально большая голова. Рябое лицо с мясистым носом и оттопыренными ушами наполовину скрыто густыми усами. На голове топорщится ёжик короткой стрижки. Взгляд злой и бессмысленный. Должно быть, вышел прогуляться после ночного бдения. Утро красит нежным светом стены древнего Кремля и отбрасывает на полнеба гигантскую, величественную, монументальную тень Вождя и Учителя. Дым от трубки повторяет профиль Отца Народов, мрачной тучей нависая над всем миром. Уродливый карлик вырастает в могучего великана, оказавшись в нужном месте в нужный час.

В этой карикатуре нет и тени иронии. Зиновьев создаст адекватный портрет эпохи, великой и уродливой одновременно. И её лидера, одновременно уродливого и великого. Он признает их уродство и не будет его приукрашивать. Но он признает и их великость — и восстанет против принижения: «В условиях, когда все спекулируют на разоблачениях эпохи и её продукта (т. е. общества, которое сложилось в эту эпоху), самый сильный и справедливый суд есть защита. И я буду защищать тебя, породившая меня и рождённая мною эпоха!»[25]

Он примет на себя роль «адвоката дьявола» не для того, чтобы канонизировать сталинизм, но чтобы вырвать его из своего сердца — из сердца русского человека: «Сталинизм вырос не из насилия надо мною, хотя я был врагом его и сопротивлялся ему, а из моей собственной души и моих собственных добровольных усилий. Я ненавидел то, что создавал. Но я жаждал создавать именно это. Вот загадка феномена сталинизма. И я сам хочу в ней разобраться. Я знаю, что мои слова иррациональны. Но ведь человеческая история вообще иррациональна. Рациональна только человеческая глупость и заблуждения»[26].

Он — единственный в русской литературе — даст для оправдания слово Сталинисту, заставит присяжных-читателей выслушать его страшную в своей психологической и интеллектуальной достоверности исповедь. Речь в ней будет идти вовсе не о злодеяниях и преступлениях, о расстрелах и пытках, от которых стынет кровь. Речь пойдёт о любви и преданности

Вождю. Единоличной и всенародной. Вопреки злодеяниям и преступлениям, расстрелам и пыткам. Благодаря им. О любви, что страшнее смерти.

О преданности, что сильнее любви. «И потом, что такое была любовь к Нему? Ведь Он — не женщина, не еда, не вино, не одежда. И не друг. И вовсе не Отец. Он был символом. А любовь к символу — это есть лишь определённая ориентация на Возможное, ожидание этого Возможного и желание его. Это было предчувствие неотвратимого хода жизни и принятие его. Это приняло форму любви. А когда началась сама жизнь в этом направлении, т. е. когда он добровольно ринулся в поток жизни, любовь к Нему утратила смысл. Гораздо больший смысл стало приобретать обычное человеческое чувство: ненависть. Но оно было человеческое. И потому оно не играло роли движущей силы их жизни. Движущей силой оставалась любовь, ибо она была в самом начале и в берегах их бурного потока. Иначе говоря, её не было никогда в обычном человеческом смысле, и потому она не могла исчезнуть»[27]. Сталинист ищет не оправдания, а понимания. А если не понимания, то хотя бы внимания: «Я хочу Суда, любого суда, ибо суд есть акт внимания»[28].

Он будет все последующие годы неустанно требовать такого суда над сталинизмом. Суда — внимания. Суда — понимания. Презрев человеческую глупость, бороться с заблуждениями. И когда настанут новые времена, и сойдёт с исторической сцены Советский Союз, и полетят в прошлое новые хорошо забытые старые обличения и проклятия, он скажет с ещё большим основанием и убеждённостью: «Масштабы исторической личности определяются масштабами событий, в которых они играли значительную и даже решающую роль. С этой точки зрения Сталин принадлежит к числу величайших личностей в истории человечества. Если девятнадцатый век можно назвать веком Наполеона и Маркса, то век двадцатый можно с полным правом назвать веком Ленина и Сталина»[29]. В статье «Имя века» (2003) к оценке сталинизма он подойдёт во всеоружии разработанной им за эти годы логической социологии и даст обстоятельный очерк грандиозного социально-исторического явления. Подводя итог, он констатирует: «Сталинизм не потерпел крах, как утверждают нынешние антисталинисты. Он одержал блистательную победу. Он сошёл со сцены истории, исчерпав себя и сыграв свою роль ещё в послевоенные годы. Сошёл осмеянный и осуждённый, но непонятый»[30].

Увы, непонятым будет и понимание сталинизма, которое предложит Зиновьев.

Непонятой будет сама его *попытка понять* сталинизм.

А пока он приходит к мысли отчаяния: убить Сталина.

Идея фантастическая. Нереальная. Детская. Что под силу одинокому, измотанному душой подростку? Найти оружие? Подготовить боеприпасы? Отследить маршруты вождя? Прорваться через его охрану? И всё это в Москве 1939 года, где каждый шаг на виду, где всё на учёте, всё под бдительным присмотром — соседей, однокурсников, прохожих, милиции, НКВД.

Без помощников не обойтись. Но кому довериться? Борису? Ине? Андрею? Он заговаривал с ними на эту тему, но поддержки не находил. Спасибо, что не донесли! Оставалось лишь угрюмо мечтать о том, чтобы обмотаться взрывчаткой, пристроиться к колонне демонстрантов, идущей ближе всех к Мавзолею, и, оказавшись рядом, броситься к трибуне, подорвать себя и тирана. Бессмысленно и гордо.

«Приведу одну деталь моих умонастроений, которую я запомнил более или менее отчётливо, — вспоминал Зиновьев. — Я не мог уснуть и ушёл пешком в Лефортовский парк (кажется, он тогда назывался парком Московского военного округа), который я очень любил. Ночью при луне парк выглядел как декорации к античной или шекспировской трагедии. Я сам был в состоянии предельного отчаяния и обречённости. Естественно, я обдумывал своё положение как участник и главный герой воображаемой трагедии. Меня мучил не вопрос, быть или не быть, а вопрос, кем быть — богом или червяком? Червяком я быть не хотел и не мог. А стать богом в нашей трясине подлости и пошлости можно было, как я думал, лишь одним путём: разрушить божество и религию нашей житейской трясины»[31].

Ни подвига, ни позора не случилось. Вмешались обстоятельства.

На одном из комсомольских собраний обсуждалась политика партии в деревне. Записные ораторы на разные голоса прославляли мудрость Сталина, говорили о достижениях колхозного строительства, приводили цифры надоев и урожаев. Он слушал всё это с тоской и отрешённостью. Вдруг кто-то предложил выслушать мнение «крестьянского сына» Зиновьева. Что на него нашло, почему он откликнулся на явную провокацию? Должно быть, устал отмалчиваться и копить в себе бунт. Он вышел к трибуне и стал говорить.

Он говорил о родном Пахтино. О его бедах. О новом рабстве. О непосильном труде и его несправедливой оплате. О том, как гибнет деревня. Как опускаются люди. Как бегут в город при первой возможности. А те, что остаются, — воруют, пьянствуют.

Он говорил и видел, как каменеют лица собравшихся, как незримая стена отделяет его от них, возносясь всё выше с каждым новым словом. Зачем, кому он всё это рассказывал? Он понимал, что подписывает себе приговор, но остановиться уже не мог. В мёртвой тишине он вернулся на место. А потом свора сорвалась с цепи. О, изничтожительным словом на факультете владели в совершенстве!

Сквозь дождь со снегом, мрак и холод возвращался он в свой подвал. Мысли мешались, в горле стоял ком. Всё рухнуло в одночасье. Столько усилий, столько трудов! И главное — что впереди? Уже началась сессия. Уже сданы первые зачёты — по математике и физкультуре. Но после этой истерики, после этой коллективной травли о продолжении учёбы можно забыть.

На другой день в институт он не пошёл.

Курьер принёс вызов в ректорат. Раздувать скандал никому не хотелось. Желательнее было найти какой-нибудь мягкий вариант интерпретации случившегося. Парень, скорее всего, просто свихнулся. Ему выдали направление на обследование в психиатрическую больницу.

Врач диагностировал физическое истощение и умственную утомлённость. Порекомендовал взять на год академический отпуск. Уехать в деревню, «на свежий воздух».

Из комсомола его исключили. Из института — тоже: «за непосещение занятий».

Однокурсникам сказали — заболел.

Но на этом история не кончилась. В те же дни его пришли «проведать» бывшие соученики по школе. Как-то они прознали про скандал. Решили «помочь» ему разобраться в себе. Расспрашивали, спорили, убеждали. Ему было до такой степени всё равно, что он не скрывался, хотя и понимал, что не стоит особенно откровенничать, тем более в присутствии вечного оппонента, идейного активиста Про-ре. Говорил с ожесточением, горячился. Спор — вещь серьёзная. Может быть, он и впрямь был на грани безумия? Во всяком случае, «друзья» решили, что без участия старших товарищей в этой ситуации им не обойтись, и обратились за помощью в органы.

Он не удивился, когда однажды вечером услышал из своего угла, что на кухне кто-то спрашивает, где найти Александра Зиновьева, мол, нужно поговорить. Он был готов. Надел пальто, взял паспорт и вышел к искавшему его молодому человеку. Молча они пошли пешком на Лубянку. Всё было буднично и скучно. Никаких ночных стуков в дверь, никакой повестки и обыска, никаких «чёрных марусь».

На Лубянке никто его не шмонал. Провели в кабинет, где за

столом сидел мужчина средних лет. Их разговор не походил на допрос. Его не били, не пытали, не заставляли себя оговаривать. Всё и впрямь напоминало воспитательную беседу.

Потом отвели в одиночную камеру, больше похожую на номер в провинциальной гостинице. Заправленная постелью койка, тумбочка, столик, стул. На тумбочке стояла электрическая лампа, лежали книги. В углу — небольшой унитаз и раковина, мыло, полотенце. Только вот на окне решётка и «намордник», закрывающий вид.

Его водили на допросы-собеседования ещё трижды. Он ничего не утаивал. Более того, на него нашло вдохновение. Всё, что тревожило его ум в последнее время, о чём он неоднократно говорил с Борисом, Иной, Андреем, что знал из фактов и наблюдений, он обобщал в стройной, развёрнутой форме. Он не ведал страха, точно не помня, где он и с кем. Он вещал, благо слушали его внимательно и с интересом. Неудержимый поток мысли увлёк и его, и следователя. Такого тот ещё не слышал. Стоило насторожиться. Малец явно говорит не своими словами. Кто-то его этому научил. Кто? Может, кто-нибудь из профессоров сеет антисоветскую заразу в юных умах молодых философов? Вот если бы вычислить гада, какое сладилось бы дело! Заговор на зависть всем: не какой-нибудь дутый, высосанный из пальца, а настоящий, реальный, без дураков. На таком деле можно подняться! Было решено отпустить его под надзор. Как наживку. Чтобы выйти на главаря.

Ему выделили двух «друзей», которых он должен был познакомить со своими «наставниками» и единомышленниками. На проходной оперативники заполнили необходимые документы и уже вышли на улицу, как кто-то позвал их обратно. «Подожди здесь», — сказали они ему и вернулись в здание.

Он ждать не стал.

Не заходя домой, он отправился на вокзал и уехал в Пахтино. Как доктор прописал. Только вместо оздоровительной сельской идиллии на него навалился новый «год ужаса».

К сожалению, у нас нет никаких документов, которые могли бы установить точную хронологию и детали этих событий. В ответе на запрос в Центральный архив ФСБ России говорится: «Сведений о вызове или аресте А. А. Зиновьева органами НКВД СССР в октябре — декабре 1939 г., об объявлении его во Всесоюзный розыск в 1939–1940 годах не имеется». Очень может быть, что это правда. По свидетельству бывшего депутата Съезда народных депутатов РСФСР Виктора Шейниса, он в декабре 1991-го в качестве представителя государственной комиссии «по

организации передачи-приёма архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию» вместе с коллегами побывал в одном из хранилищ архива КГБ СССР, расположенном в городе Чехове. В ходе ознакомления с документами и из бесед с сотрудниками архива выяснилось, что в 1990 году в соответствии с приказами председателя КГБ СССР В. Крючкова были уничтожены сотни тысяч документов, касавшихся агентуры и осведомителей сыскного ведомства (приказ № 00111 от 6 сентября 1990), а также тех, кто подвергался оперативной разработке (00150 от 24 ноября 1990). В частности, сообщает Шейнис, было уничтожено 35 томов «дела» А. А. Зиновьева[32]. Возможно, в их составе были и документы 1939 года.

Дома его встретили радостью и тревогой. Соседям сказали, что он в отпуске по состоянию здоровья. Вид его говорил красноречивее любых справок. Вон как отощал! Никто не усомнился. Да и не пристало Зиновьевым врать. Мало-помалу включился в привычный с детства круг деревенских дел и забот. Работал в колхозе. Помогал в учёбе младшим братьям и сёстрам. И хотя был он за сотни километров от своих бед, но напряжение не спадало ни на минуту. В голове непрерывно крутились недавние события и сцены. Он пытался их анализировать и терзался от осознания наделанных глупостей. Что за натура у него такая проклятая! Почему он не может, когда нужно, сдержаться? Вечно заводится, вечно теряет над собой контроль. Душа была парализована отчаянием. Он всё время ждал ареста.

В те дни он сочинил не очень складное, может быть излишне риторическое, но откровенное и безмерно горестное стихотворение, в котором отразился весь накопившийся к тому времени жизненный опыт.

Настанет Страшный суд. Нас призовут к ответу.
Велят заполнить за прожитое анкету.
И в пункте из какой земли и из какой эпохи,
Двадцатый век, Россия, — будут наши вздохи.
От слов от этих Богу станет гадко.
Опять проклятая российская загадка!
Нельзя пускать их в рай, двух мнений нету тут.
Их души тяжкий грех в себе несут.
Но как же быть?! В какой впустить их край?!
После России им и ад покажется как рай.

В сентябре к матери из Чухломы пришла знакомая,

предупредить (она прознала о том частным образом), что за Александром должны вскоре приехать и забрать. Сам он в это время работал в поле. Мать тут же собрала в котомку продукты, достала деньги на дорогу и, не мешкая, отправилась к нему. Без слёз и лишних слов рассказала новость. Простилась своим кратким «Иди» и перекрестила.

Опять бегство. Опять неустроенность и страх.

Он вернулся в Москву. На Большой Спасской светиться рискованно. Заходил туда лишь по необходимости и ненадолго. Да и в округе небезопасно, можно случайно столкнуться с кем-нибудь из знакомых. Какое-то время обитал в дровяном сарае, рядом с домом Бориса. Перебивался случайными и разовыми приработками. На вокзале разгружал из вагонов картошку.

Однажды попал в облаву. Сидя в отделении милиции, услышал, как задержанным, многим из которых грозили суд и тюрьма, предлагали на выбор идти добровольно в армию — страна готовилась к войне. Мысль эта показалась ему спасительной, тем более что подходил призывной возраст.

Спустя некоторое время он отправился в военкомат. На всякий случай пошёл не к себе, по месту прописки, а в соседний — Ростокинский[33]. Сказал, что потерял паспорт, что скоро ему будет восемнадцать и он хочет идти в армию, защищать Родину. Препятствовать не стали. Вписали в списки призывников, заполнили анкету — для подстраховки назвался «Зиновьевым», сказал, что только окончил школу, в комсомоле не состоит (что было правдой!). Выдали на руки повестку.

Врачи на медкомиссии смотрели на него скептически — при росте сто семьдесят сантиметров он едва набирал пятьдесят килограммов. Предлагали даже отсрочку на год. Он горячо упрашивал признать его годным, уверял, что в армии окрепнет и закалится.

В день своего рождения, 29 октября 1940 года, он явился на призывной пункт.

Началась новая жизнь.

До места назначения эшелон шёл медленно, по дороге подбирая новые команды призывников. Ехали почти через всю страну. На Дальний Восток. Удобства в дороге были самые примитивные. Спали на двухъярусных деревянных нарах. Обогревались у печки-буржуйки, установленной тут же в вагоне. Щели в стенах, вытягивая тепло, не спасали от запахов человеческого общежития. Всё время хотелось есть. Кормили однообразно, скудно. Но ему было не привыкать. Новостью было наступившее вдруг внутреннее успокоение. Он почувствовал себя

под защитой. Не нужно было никуда бежать, скрываться, думать о жилье и заработке. В его неустроенной жизни появилась наконец, пусть весьма специфическая, социальная определённость. Армейская жизнь проста и понятна. Есть устав, есть командир, есть распорядок дня. Нужно только правильно себя поставить. Принять неизбежное как данность и, насколько возможно, противостоять произволу.

Он не лез в первые ряды, но и понукать собой никому не давал. Его безразличие к исканию жалких выгод, с одной стороны, и готовность дать отпор любому посягательству на личность быстро оценили. И хотя в общие разговоры он особенно не втягивался, но в стороне тоже не оставался, подавая время от времени ироничные реплики или провоцируя различные хохмы. Да, он снова начал шутить. Без тени улыбки, с самым серьёзным видом, но так, что публика покатывалась со смеху. Особенно нравились шутки, в которых грубость физиологических метафор сочеталась с остротой социальных наблюдений и обобщений. Двусмысленность всегда была в цене. Балаган искони люб простому человеку.

На двадцать третий день прибыли на станцию Лазо. Приморский край. Дальше ехать некуда. До китайской границы — рукой подать. В гарнизон, который располагался в посёлке Себучары (в настоящее время — Кольцевой), предстояло идти пешим строем шесть километров. Здесь квартировал 98-й кавалерийский полк 31-й кавалерийской дивизии Особой краснознамённой дальневосточной армии.

По данным на 1 ноября 1940 года, в состав 31-й кавалерийской дивизии входили 12, 29, 98 и 151-й кавалерийский и 45-й танковый полки, отдельный конноартиллерийский дивизион, отдельный сапёрный эскадрон и отдельный эскадрон связи. При штатном расписании 7600 человек дивизия насчитывала 5820 человек личного состава, в том числе — 561 начальствующего, 998 младшего начальствующего, 4261 рядового состава. Дивизия располагала 4572 лошадьми, в числе которых было 3498 строевых, 703 артиллерийских, 371 обозная. На учёте состояло 266 автомашин, из них — 12 легковых, 139 грузовых, 115 специальных, 63 танка Т-26 и 4 бронеавтомобиля. Вооружение — 4022 винтовки и карабина, 142 ручных пулемёта, 22 станковых пулемёта, 24 зенитных пулемёта, двенадцать 45-мм пушек, шестнадцать 76-мм зенитных пушек, двенадцать 76-мм пушек, восемь 122-мм гаубиц[34].

Новоприбывшие представляли собой жалкий вид. Измученные длительной дорогой, в обтрёпанных штатских

костюмах, отощавшие, полубольные они никак не походили на доблестных защитников отечества. «Песню запевай!» — бодро скомандовал старшина, но то, что раздалось в ответ, было столь жалобно и жалко, что он, грязно и изобильно выругавшись, приказал «заткнуть глотки». На дворе уже установилась зима. Пока добрались до части, многие отморозили себе руки, ноги, носы, уши, щёки.

На время карантина новобранцев разместили в здании клуба. Две недели жили по-походному. Спали на полу, на соломе, не раздеваясь. На улицу выбирались только по нужде. Еду доставляли в вёдрах и раскладывали по котелкам, которые потом чистили снегом. Понемногу они приходили в себя. Начались политзанятия, которые вносили долю развлечения, в первую очередь обилием ошибок и глупостей, которые допускал малограмотный политрук. Наконец приняли присягу. Их перевели в казармы, выдали зимнее обмундирование, распределили лошадей.

«О Боже, что это было! — саркастически будет рассказывать о тех днях автобиографический персонаж романа „В преддверии рая“. — Середина двадцатого века, на носу „война моторов“, а тут такая дикость, по сравнению с которой гусары времён войны с Наполеоном — верх цивилизации. Посмотрел бы ты на нас тогда! Тощие, обмундирование висит, как на огородных чучелах, шейки тоненькие, глаза сверкают от голода, а морды посинели от холода. А лошади! Маленькие, пузатые, волосатые. И ужасно старые. И нас они глубоко презирали, как старые служаки презирают новобранцев»[35].

Своего коня по прозвищу Зарубежный Зиновьев вспоминал и годы спустя: «Это был конь монгольской породы, маленький, с очень длинной шерстью. Он обладал одной особенностью: никогда не ходил шагом, а вечно бежал мелкой трусцой. Меня при этом трясло так, что все внутренности выворачивались наружу, галифе протирались до дыр и вылезали из сапог, обнажая коленки. Это был добрый по натуре конь, и мы привязались друг к другу, но изменить свой способ передвижения он не мог, как я ни пытался приучить его ходить нормально. Я ему благодарен за то, что после него мне уже никакая служба не была страшна»[36].

По крестьянской привычке и по врождённой добросовестности он старательно ухаживал за Зарубежным, хотя в целом в полку, как, впрочем, и во всей дивизии, дела по этой части обстояли неважно. Проведённая с 17 по 22 февраля 1941 года выводка конского состава свидетельствовала о низком уровне его содержания. Приказ командира дивизии констатировал: «Из итогов выводки видно, что упитанность

конского состава очень низкая. Во всех частях до сего времени не ликвидирована худоконица. Высокий процент конского состава с удовлетворительной упитанностью. Процент лошадей с хорошей упитанностью всё время снижается, в особенности в кав. полках. Снижение упитанности конского состава можно объяснить ничем иным, как низкой требовательностью командиров частей и начальствующего состава. Чистка конского состава во всех частях *неудовлетворительная*. Как правило, недочищаются конечности, живот, грива, хвост и половые органы. На туалет лошадей вообще обращается мало внимания. <…> Также нетерпимым является высокий процент запущенной и технически неправильной ковки конского состава»[37]. В частности, в 98-м кавалерийскому полку, в котором служил Зиновьев, только 52,2 % лошадей имели хорошую упитанность, хорошо подковано было 61,2 %, положительную оценку за чистку и туалет получили лишь 13,7 % и 18,6 %.

Не лучшей была участь и самих бойцов. Из приказа командира дивизии № 26 от 24 февраля 1941 года в связи с чрезвычайным происшествием в 151-м кавалерийском полку, в котором 30 января 1941 года около ста военнослужащих получили пищевое отравление, вызвавшее заболевание кишечно-желудочного тракта, узнаём: «Игнорирование санитарных правил в приготовлении пищи имеется и в других полках. Так, например: в 98 кав. полку на обед выдаются котлеты, которые в приготовленном виде по несколько часов лежат на столе, а затем, не проходя термической обработки, выдаются бойцу. Санитарный надзор в столовой 98 кав. полка около 3-х недель осуществлял наименее дисциплинированный сан. инструктор, врач на кухню не появлялся. Нормы выдачи рыбы-сельди зав. столовой не знает. В кухне две комнаты не используются и находятся в самом безобразном состоянии. Котлов для варки пищи не хватает, ложки разворовываются. Халаты на кухне исключительно грязные и рваные»[38].

В другом приказе (№ 13 от 12 февраля 1941 года «О нарушении уставов караульной и внутренней службы») отмечается: «Территории частей загрязнены. Навоз и мусор сваливается где попало. Особенно загрязнена территория вокруг столовой 12 КП, 98 КП. Дорога, ведущая к дровяному складу КЭЧ, завалена навозом. 98 КП сваливает навоз возле конюшен»[39].

Каким был боевой дух и общее моральное настроение в полку, можно представить, читая шуточные наставления, срифмованные им в то время (он непрерывно что-то сочинял!):

Я книжки долбил. По команде не мешкал.

А старший товарищ твердил мне с усмешкой:
Чтобы хоть чуть было жить интересней,
С градусом жидкость учися лакать,
Слезу выжимать запрещённою песней,
Под носом начальства к девчонкам тикать.
Учись сачковать от нарядов на кухню,
Старшин обходить стороной за версту.
Придётся зубрить — на уроках не пухни.
И, само собой, спать учись на посту.
Наплюй на награды! К чему нам медали?!
Поверь мне, не стоят железки возни.
Чины и нашивки в гробу мы видали,
А в гроб, как известно, кладут и без них.
Настанет черёд, нам с тобою прикажут
Топать вперёд, разумеется, «за»…
И мы побредём, бормоча: «Матерь вашу!..»
И мы упадём, не закрывши глаза.
Ведь мы не в кино. И не в сказке бумажной.
Не будет для нас безопасных атак.
А матерям нашим, знаешь, не важно,
Что мы не отличники были, атак…[40]

В соответствии с приказом НКО № 0228 1940 года и приказом 1-й краснознамённой армии № 0570 1940 года «об укомплектовании первых взводов, первых эскадронов и батарей лицами с высшим и законченным средним образованием призыва 1940 года» 4 января 1941 года в составе 98-го кавалерийского полка был сформирован первый взвод первого эскадрона численностью 27 человек[41]. Старшина Неупокоев презрительно обозвал своих подчинённых «академиками». Так Зиновьев, толком ещё и не учившийся студент, впервые стал «академиком». «Академиком строевой службы». Вскоре он получил звание младшего сержанта.

Тем временем приближалась война. Пакт Молотова-Риббентропа только отодвинул её начало, но неизбежность её была очевидна. По крайней мере для тех, кто служил в рядах Красной армии. Повсеместно ускоренными темпами шла реорганизация войск, формировались новые части, велась передислокация сил. 18 марта 1941 года была расформирована 31-я кавалерийская дивизия Особой краснознамённой дальневосточной армии, а спустя неделю в соответствии с директивой Военного совета 1-й КА № 13/00370 и № 13/00371 от 24 марта 1941 года начата подготовка к отправке личного состава

и лошадей в другие части.

На запад.

Опять предстояла дальняя дорога. Командир дивизии генерал-майор П. С. Иванов и начальник штаба А. А. Кичкайлов подготовили собственную директиву, предусматривавшую все детали предстоящего перемещения. Ею предписывалось:

«1. Отправке подлежит мл. нач. состав только срочной службы, рядовой состав призыва 1939–1940 года только годный к строевой службе <…>.

2. Командирам частей немедленно начать подготовительную работу по организации отправки.

3. Весь людской состав, подлежащий отправке, не позднее чем за два часа до отправки эшелона должен быть организованно доставлен на станцию погрузки.

4. Убывающий личный состав должен быть обеспечен: а) тюфячными наволочками из расчёта на три человека две наволочки, набитые сеном или соломой, подушечными наволочками, набитыми сеном или соломой по одной на каждого отправляющегося; б) собственные вещи выдать на руки; в) личные документы выдать на руки (служебная книжка красноармейца, сан. книжка и т. д.); г) на каждую команду составить именной список в 2-х экземплярах для вручения начальнику эшелона, в котором обязательно отметить принятие военнослужащими Военной присяги. <…>

5. Убывающий рядовой и младший начальствующий состав срочной службы обеспечить следующими видами вещевого довольствия: каждый отправляющийся должен иметь — шинель, летний головной убор (фуражка или х-б пилотка), гимнастёрку и шаровары летние, выданные по плану 1941 года, обувь кожаную (октябрьской или февральской выдачи), простыней 3 шт., наволочек по 3 шт., наволочку нижнюю 1 шт. (набитую соломой или сеном), тюфячную наволочку 1 шт. (с учётом набитых соломой), котелок 1 шт., брючный ремень 1 шт., поясной ремень 1 шт., ложку 1 шт., нательного белья 2 пары, спортивного белья трусы, майку 1 пару, полотенец 3 шт., летних портянок 3 пары, подворотничков 3 шт., носовых платков 3 шт., одеял зимних 1 шт., вещевой мешок или ранец. Тёплых вещей отправляемым не выдавать. <…>

9. Со всем личным составом, подлежащим отправке и назначенным для сопровождения эшелона, командирам частей организовать специальные занятия по правилам ж. д. перевозок и добиться чёткого уяснения обязанностей всем личным и должностным составом, подлежащим отправке.

Обратить особое внимание на отличную строевую выучку и

умение правильно и чётко выполнять требования приказа НКА № 175. Предупредить должностной состав о сбережении имущества эшелона.

10. Перед отправкой на станцию погрузки командирам частей лично организовать и провести опрос претензий и смотр внешнего вида отправляемых. Все выявленные недочёты немедленно устранить и законные претензии удовлетворить. <… >»[42].

16 апреля 1941 года в 14 часов от станции Лазо отправился эшелон № 3006[43] с бойцами бывшей 31-й кавалерийской дивизии. Станция назначения — Славута Хмельницкой области. На Западной Украине.

Ехали на войну с немцами.

В возбуждённом, приподнятом настроении. В ожидании приключений. И пусть они из собственного опыта знали, каков уровень их боевой подготовки, как они вооружены и обеспечены, они были поголовно уверены в скорой победе. Уверены в своей стране. «Броня крепка»! Уверены в своей молодости. «И танки наши быстры!» Даже он, всегда скептически настроенный, сочинил вполне легкомысленный в свете последующих событий стишок, в котором, например, были и такие строки:

С нашей мощною силёнкой
Мы раздавим, как котёнка,
Всех врагов одним ударом.
В их земле дадим им жару.
С иностранною девицей
Погуляем за границей[44].

3 мая в праздничном, бодром настроении добрались до Славуты. Кругом всё цвело и зеленело. Оставалось только поскорее сделать своё дело и стать героями.

Зиновьев был зачислен башенным стрелком в 29-й танковый полк 14-й кавалерийской Коммунистического интернационала молодёжи ордена Ленина, Краснознамённой, ордена Красной Звезды дивизии имени тов. Пархоменко[45].

Он должен был погибнуть в первые дни войны.

Сгореть в пылающей боевой машине.

Или попасть в окружение. Оказаться в плену. Сгинуть в месиве паники.

Свой первый бой 29-й танковый полк принял уже 27 июня 1941 года. Описание его попало на страницы газеты «Известия». Даже по этой «победной» реляции видно, каким тяжёлым было

это боестолкновение: «В 9 часов утра завязался крупный бой. Со стороны немцев действовало большое танковое соединение, поддержанное артиллерией и моторизованной пехотой. Двенадцать фашистских танков прорвались к мосту, но здесь их встретил ураганный огонь артиллерии. Восемь машин были подбиты, а на оставшиеся бросился танковый взвод лейтенанта Дюмина. Ещё два фашистских танка оказались выведенными из строя командиром танка младшим лейтенантом Гнеденко. Первая атака была отражена. Противник отступил <…>

Получивший отпор в районе моста, противник, продолжая демонстративные атаки, направил свой главный удар на левый фланг дивизии, чтобы форсировать реку значительно ниже моста. Внезапно из-за прикрытия в лощине показалось до 40 вражеских танков. Когда наши танковые эскадроны спустились в лощину навстречу немцам, с ними уже бился стоявший здесь стрелковый полк. Он медленно отходил, освобождая поле для нашей танковой атаки.

Эскадроны стремительно развернулись и открыли стрельбу с дистанции 1200 метров. Их огонь остановил противника <…>

Приданный дивизии танковый полк действовал по заданиям командира дивизии. Он поддерживал кавалерию на флангах. Искусно и быстро маневрируя, отдельные танки, взводы, целые эскадроны неожиданно для противника появлялись в самых опасных местах <…>

С помощью механизированного полка, измотав силы противника, уничтожив до 40 его танков, дивизия предприняла наступление»[46].

По другим, более достоверным источникам, враг потерял в том бою 13 танков[47]. Сколько сгорело наших — неизвестно.

Славуту немцы заняли 4 июля 1941 года.

29-й танковый полк прекратил своё существование 1 сентября 1941 года.

От него не сохранилось никаких документов.

Может быть, только один, датированный 17 июня 1941 года, в «Материалах по укомплектованию, прибытию, убытию личного состава» 14-й военной авиационной школы первоначального обучения лётчиков — ВАШПОЛ:

«НАЧАЛЬНИКУ АВИАШКОЛЫ

При сём следуют в Ваше распоряжение кандидаты отобранные 29 танковым полком 14 кав. дивизии, для прохождения дальнейшей службу (так! — *П. Ф.)* в качестве курсантов авиашколы:

Красноармеец ПОГОРЕЛЫЙ Фёдор Семёнович

Красноармеец ВОДЯНИЦКИЙ Владимир Андреевич
Красноармеец ГРОМОВ Владимир Иванович
Красноармеец ЗИНОВЬЕВ Александр Александрович

ОСНОВАНИЕ:
Наряд штаба 14 кав. дивизии н-р 00739.
ПРИЛОЖЕНИЕ:
1. Личные дела четыре шт.
2. Санитарные книжки четыре шт.
3. Прод. аттестаты шт. 3 (три)
4. Денежный аттестат один экз.
5. Арматурные карточки 4 шт.
6. Имен. список 2 экз.
7. Требование от № 1-542498
НАЧАЛЬНИК ШТАБА 29 ТП КАПИТАН ЖУЛЬНЕВ»

Приписка от руки карандашом: «Проверены все»[48]. Приписка означала, что «вышеперечисленные мл. сержанты прошли врачебную отборочную комиссию и по состоянию здоровья допущены для зачисления в авиашколу в соответствии с требованиями»[49].

В отношении Зиновьева у судьбы оказались иные намерения.

Буквально за несколько дней до начала Великой Отечественной войны он получил *путёвку в жизнь* — из передовой части отправлен в лётную школу. Правда, как оказалось, в не менее опасное место.

14-я ВАШПОЛ дислоцировалась в Орше. Её формирование только началось. Приказ о создании школы на базе Оршанского и Запорожского аэроклубов вышел 23 мая 1941 года[50]. Ещё даже не был назначен начальник штаба. Временно его обязанности исполнял лейтенант Вялков. Его подпись стоит на «Акте о передачи документов военнослужащих, прибывших на укомплектование 14-й Военно-авиационной школы» из 14-й кавалерийской дивизии в количестве 23 человек (в их числе под № 9 — Зиновьев А. А.[51]) под командованием лейтенанта И. А. Опанасюка[52].

Акт датирован 22 июня 1941 года.

Первые бомбы упали на Оршу 23 июня. Бомбили железнодорожную станцию. Он опять чудом уцелел — ещё два дня назад он был там. Налёты на город возобновлялись регулярно. Бойцов, прибывших в распоряжение ВАШПОЛ, отряжали охранять аэродром, по вечерам — патрулировать город. Обстановка осложнялась. Во время одного из налётов прямым попаданием был уничтожен грузовик ГАЗ-ММ, в кузове которого находилось 11 будущих курсантов. Погибли все[53]. Школа несла необоснованные потери. За десять дней — 21 человек убитыми[54]. Её штатное функционирование оказывалось невозможным. В начале июля командованием было принято решение об эвакуации ВАШ ПОЛ в глубину страны.

И снова эшелон. Снова тысячи километров под колёсами. Настроение тягостное. По пути они видели испуганные, встревоженные лица гражданских. Хмурые, уставшие, раздражённые — военных.

Александр Твардовский, также оказавшийся в эти дни в дороге, записал в дневнике: «Поезд Москва — Киев остановился на станции, кажется, Хутор Михайловский. Выглянув в окно, я увидел нечто до того странное и ужасающее, что до сих пор не могу отстранить это впечатление. Я увидел поле, огромное поле, но был ли это луг, пар, озимый или яровой клин — понять было невозможно: поле всё было покрыто лежавшими, сидевшими, копошившимися на нём людьми с узелками, котомками, чемоданами, детишками, тележками. Я никогда не видел такого количества чемоданов, узлов, всевозможного городского домашнего скарба, наспех прихваченного людьми в дорогу. На этом поле располагалось, может быть, десять тысяч людей. Здесь же был уже лагерь, вокзал, базар, привал, цыганская пестрота

беженского бедствия. Поле гудело. И в этом гудении слышалась ещё возбужденность, горячность недавнего потрясения и уже глубокая, тоскливая усталость, онемение, полусон, как раз как в зале забитого до отказа вокзала ночью на большой узловой. Поле поднялось, зашевелилось, тронулось к полотну дороги, к поезду, застучало в стены и окна вагонов, и казалось — оно в силах свалить состав с рельсов. Поезд тронулся…»[55]

Люди смотрели на военных с надеждой.

А они — ехали на восток. Прочь от фронта.

Эвакуировались.

Бежали.

И пусть они подчинялись приказу, пусть их перемещение в тыл было разумно, пусть войны на них ещё хватит, всё равно им было стыдно.

Им было обидно.

Миновали Москву, Орехово-Зуево, Владимир. Наконец 12 июля прибыли в Горький.

18 июля 1941 года начальник школы полковник И. М. Жуков представил вышестоящему командованию рапорт:

«РАСКВАРТИРОВАНИЕ:

Начальником Горьковского гарнизона школе предоставлены следующие помещения:

1. Для размещения инструкторского состава, технического и курсантов отведены 1,5 казармы на территории Военно-политического училища. Площади выделено достаточно для размещения всего состава в стеснённых условиях. Здания требуют незначительного ремонта.

2. Выделены 2 тёплых гаража, 2 склада, бензоколонка.

3. В районе казармы предоставлена столовая, ремонт которой начинается 18.7.41. Размеры столовой обеспечивают питание всего состава школы в 2-е очереди.

4. Для штаба отведён двухэтажный дом, вполне обеспечивающий работу штаба школы.

5. Для размещения учебных классов намечена по плану КЭЧ Горьковского гарнизона начальная школа в районе аэродрома, что обеспечит теоретическую подготовку курсантского состава. Помещение школы не занято исключительно из-за неясности дислокации. <…>

УКОМПЛЕКТОВАННОСТЬ ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ:

1. К 16.7.41 г. мандатной комиссией проверено — 703 кандидата, из них удовлетворяют требованиям директивы — 623 человека, зачислено согласно штата — 575 чел., сверх штата остаётся — 58 чел., которые подлежат откомандированию в неукомплектованные школы. Отклонено по разным мотивам — 55

человек. Убитых и пропавших в районе города Орша — 21 человек.

2. Школа не укомплектована преподавательским и техническим составом.

3. Инструкторским составом школа укомплектована полностью. Подготовка инструкторского состава плохая. Из 86 человек, работало инструкторами — 24 человека. Для подготовки инструкторов требуется 2–3 лётных дня.

4. Руководящим техническим составом школа не укомплектована, нет инженера школы, ст. техников эскадрилий. Всего школа имеет 16 человек техников и механиков, что не обеспечивает подготовку материальной части.

САМОЛЁТЫ-МОТОРЫ:

На 17.7. 41 школа имеет 55 самолётов У-2 и 1 УТ-2. Исправных У-2 — 33 самолёта, 22 самолёта требуют ремонта.

Моторов исправных — 39, остальные требуют ремонта.

Налётным внезапным шквалом 17.7.41 сорвано скрепление 13 самолётов У-2, из которых потерпели аварию — 6 самолётов, 3 поломки и 4 мелких поломки»[56].

Зиновьев был зачислен в состав 1-й учебной авиаэскадрильи.

Курсанты сразу же приступили к занятиям, хотя из-за отсутствия классов теорию проходили под открытым небом, на аэродроме, благо погода позволяла. Наглядных пособий не было. Инструктора имели слабый уровень подготовки. Большинство самолётов неисправны, сгнили и с малым ресурсом. А те, что исправны, не летали из-за отсутствия горючего. Дисциплина хромала[57]. Тормозило обучение и то, что почти половина курсантского состава принадлежала к различным национальным меньшинствам и плохо владела русским языком[58]. Не определено было и место постоянной дислокации школы. Оно стало известно лишь к 1 августа. Школу перевели в область. 1-я учебная эскадрилья расположилась в городе Богородске.

«Курсанты и младшие специалисты размещены: два отряда в двухэтажном деревянном здании (бывшая школа колхозной молодёжи) частично на двухъярусных и частично одноярусных кроватях, один отряд курсантов на двухъярусных кроватях и лётно-технический состав в кирпичном здании (бывший пионерский клуб).

Удаление зданий от аэродрома 3 км. Отдельных помещений для хранения лётного и технического обмундирования и чистки одежды нет, размещены курсанты скученно, по имеющейся кубатуре на 190 чел. размещено 307 чел.

Столовая кухня одна, в которой питаются мотористы, курсанты и весь лётный состав, включая командира и военкома

эскадрильи. Технический состав эскадрильи питается в столовой Военторга г. Богородска.

Командно-начальствующий состав размещён в городе, в удалении от аэродрома до 3–4 км по отдельным избам деревенского типа, вместе с хозяевами этих изб»[59].

Учебный самолёт У-2 представлял собой одностоечный биплан. Его модель была разработана ещё в 1928 году и в довоенное время хорошо зарекомендовала себя в эксплуатации. Машина была небольшая, компактная: чуть больше 8 м в длину, около 3 м в высоту, размах крыльев — 11 м. Общий вес — 655 кг. Конструкция планера изготавливалась в основном из дерева (сосны) и фанеры и обтягивалась полотняной обшивкой. Узлы делались из нелегированной стали. Шасси — трехопорное, с двумя основными колесами и костылем в хвосте самолета. У-2 имел простейшее пилотажно-навигационное оборудование. Электрооборудование также было выполнено в минимально необходимой комплектации. Кабины лётчика-инструктора и ученика были открытые, с ветровыми козырьками из плексигласа.

Самолёт был прост в управлении, имел короткую полосу разбега, мог взлетать и садиться на небольших площадках. Его тихоходность позволяла летать на небольших высотах без риска неожиданного столкновения с деревьями, холмами и другими высотными препятствиями. Конструкция его фактически исключала возможность крушения. Даже в случае если лётчик терял управление, машина не входила в штопор, начиная планировать и равномерно снижаться.

В то же время лёгкость конструкции, материалы, из которых был изготовлен самолёт, затрудняли его использование в ветреную и ненастную погоду, во время заморозков и на большой высоте. Получить первоначальные навыки полёта на ней можно было довольно просто, а вот стать профессиональным лётчиком, военным асом — увы!

Зиновьеву своего первого полёта ждать пришлось до октября. Исправных машин школе катастрофически не хватало. Летали в очередь, небольшими группами. А тут ещё погода испортилась. В сентябре было всего три полных лётных дня! В остальные дни в каждой летающей смене стартового времени выходило 3–4 часа[60]. Так же и в октябре, и в ноябре. Световой день убывал. Температура снижалась. Шли частые дожди, стояла низкая облачность, не дававшая совершать полёты в заданную зону[61]. В ноябре прибавились густые туманы, дымка. Невозможными были даже элементарные упражнения — полёты по кругу[62]. В октябре из 19 лётных дней полных было только четыре[63]. В ноябре из 18 — три[64].

Первый выпуск курсантов предполагалось сделать в середине октября[65]. Потом его перенесли на середину ноября[66]. Но и этот срок пришлось отодвинуть на месяц[67].

Приближалась зима, а школу ещё не обеспечили достаточным количеством лётного обмундирования для курсантов. Не хватало комбинезонов, перчаток. Не было валенок. В донесении от 10 декабря 1941 года начальник школы писал: «Начало декабря характеризуется резким понижением температуры до 25–28 градусов и в этот период технический состав, не имея валенок, добросовестно готовил материальную часть, а курсанты летали в кожаной обуви без единого нарекания. В трудных условиях низких температур имело место несколько случаев обмораживания пальцев на руках и ногах и несколько случаев обмораживания носа»[68].

27 декабря курсант А. А. Зиновьев завершил обучение в 14-й ВАШПОЛ[69] со следующими результатами: строевая подготовка — 4; стрелковая подготовка — 65/1043; физподготовка — 4; уставы и наставления ВВС — 4; топография — 3; парашютное дело — 5; знание мотора — 4; знание самолёта — 5; теория полёта — 4; техника пилотирования — 4; дисциплина — 5[70].

Для прохождения дальнейшего обучения направлен в Ульяновскую военную авиационную школу пилотов — УВАШП.

«Казарма первой эскадрильи нашей УВАШП, казарма запасного батальона и Учебно-лётный отдел (УЛО) расположены на окраине города У-а. Штаб находится в центре города в купеческом особняке. Аэродром находится в пяти километрах от города, а вторая эскадрилья вообще размещается на „втором аэродроме“ в тридцати километрах. Для нас удобно. Например, если нас посылают в караул на аэродром, мы топаем через Подгородную Слободу, и кое-кто успевает назначить свидание бабам. И потом реализовать свои намерения во время бодрствования, а то и во время стояния на посту. Во втором случае либо драпаешь к бабе с поста (это недалеко), спрятав понадёжней винтовку (мало ли кто может заскочить на пост и стащить винтовку, и тогда тебе хана, хотя винтовке цена — грош), или приглашаешь бабу к себе на пост, и тогда делаешь своё дело, прислонив винтовку к бензоцистерне, самолётному крылу и другим подходящим предметам. Наиболее дисциплинированные делают это самое своё дело, не выпуская винтовки из рук. Один курсант в таком состоянии держал на должном расстоянии поверяющего до тех пор, пока не привёл в исполнение свой замысел и не спрятал бабу в пустой цистерне. Бабу курсант потом еле вытащил в полуобморочном состоянии. Этот случай кончился

хорошо. А на втором аэродроме в сходной ситуации курсант чиркнул зажигалкой, чтобы осветить своей возлюбленной лесенку, ведущую из цистерны наверх»[71].

Это фрагмент из романа Зиновьева «В преддверии рая». В его творческом наследии УВАШП сродни Царскосельскому лицею Пушкина. Ей посвящены им десятки страниц в стихах и прозе. Только в отличие от лицея, УВАШП является предметом постоянной насмешки и издёвки. Ни намёка на симпатию. Ностальгию. Жизнь курсантов в изображении Зиновьева предстаёт во всём разнообразии её бытовой и духовной ограниченности, в максимальной полноте её эмоциональной и интеллектуальной пустоты. Она задушена грубыми анекдотами, плоскими хохмами и грязными проказами. Где-то (и не так далеко — Сталинград в 800 км) идёт Великая война, а здесь, в тылу, молодые здоровые парни изнывают от однообразия, скуки и бессмысленности своего существования, изощряя ум и фантазию в поисках возможности проспать лишний часок, съесть пожирнее кусок, выпить вина, приласкать девчонку. И вечные «кошки-мышки» с начальством всех должностей и чинов. Зиновьев безжалостен по отношению к этой навязанной ему судьбой alma mater.

Он пробыл в стенах УВАШП три года — с 3 января 1942 года по 31 октября 1944 года. Два года он фактически был в резерве, сначала в запасном батальоне[72], потом в запасной авиароте[73]. Только 10 февраля 1944 года он был переведён в состав 1-й учебной эскадрильи и наконец приступил к курсу обучения полётам на самолёте Ил-2[74].

> Где-то кровь ручьями льётся.
> Мне же тут лафа живётся.
> Не в окопе жду обстрела,
> А на койке дрыхну смело.
> Честно родине служу.
> Как? Хотите — расскажу?[75]

«Осенью по дороге мы делаем небольшой крюк и пересекаем колхозное поле с морковкой, капустой и картошкой. При этом мы поём патриотические песни и чётко печатаем шаг. Со стороны заметить, как мы набиваемся овощами, невозможно. Только после нашего прохода можно отчётливо заметить, что на этом месте колхозникам больше делать нечего.

Если нас посылают в штаб, мы проходим мимо базара, чайной и других мест, где можно поживиться. Более интеллигентная часть курсантов назначает свидание своим

„девочкам“ и „женщинам“. „Девочки“ эти, однако, иногда годятся в мамаши (если не в бабушки) „бабам“ из Слободы. Но тут уж вступает в силу культура. У Мамалыги, например, „девочка“ была библиотекаршей. Судя по числу оставшихся зубов, ей было за сорок. Когда Мамалыга валил её прямо на сочинения классиков мировой литературы, она на весь город верещала что-то по-французски (что-то вроде „шармант“).

Здание УЛО, в котором расположены также столовая, караульное помещение и гауптвахта, находится в ста метрах от нашей казармы. Но путь туда не менее долог, чем на аэродром и в штаб. Только теперь это зависит не от географических и исторических обстоятельств, а от заместителя командира по строевой части (начпостроя) лейтенанта Шустова и его верного последователя старшины Неупокоева»[76].

Напоминающие похождения бравого солдата Швейка сцены, при всей их карикатурности, практически срисованы острым пером Зиновьева с натуры. Вот, например, что было установлено проверкой выполнения распорядка дня в 1-й авиаэскадрильи и запасном батальоне, произведённой штабом школы в период с 3 по 8 апреля 1942 года (из приказа № 106 с/п от 10 апреля 1942 года):

«1. Подъём производится неодновременно, общего сигнала для эскадрильи и батальона нет, 3.4.42 г. в запасном батальоне он длился 30 минут, что пытаются объяснить тем, „что сегодня идут на работу“.

2. Выход на физзарядку и окончание неодновременно. Особо безобразно с физзарядкой обстоит в запасном батальоне. Во взводе слушателей выход на физзарядку в разнообразной форме (в гимнастёрках, нательных рубахах). Строй при выходе разболтан, тянется поодиночке. Сам старший группы лейтенант Опара вышел на физзарядку 3.4.42 г. через 10 минут после выхода первого слушателя.

Общее руководство и наблюдение за физзарядкой со стороны среднего начсостава отсутствует. Нет установленного места для каждого подразделения для физзарядки.

3. Умывание производится большинством курсантов не раздетыми до пояса.

4. Постоянно установленного места чистки сапог нет, чистят кто где попало (в коридоре, на лестнице).

5. Утренний осмотр производится, в основном, только на вшивость. Планов-графиков осмотра нет.

6. Ежедневный строевой час, установленный распорядком дня, не имеет целеустремлённости и по качеству занятий не отвечает требованиям.

7. 8.4.42 г. отмечен случай, когда классное отделение ждало после звонка на занятия вахтёра, чтобы открыть класс.

8. Особо отмечаю отсутствие руководства со стороны УЛО в отношении установления единой формы одежды выхода на занятия. Каждый преподаватель действует по своему усмотрению. Так например: 8.4.42 — нач. цикла — подполковник т. Мозер приказал кл. отделению надеть шинели, а преподаватель — мл. лейтенант Кожин разрешил даже одеть шапки в классе.

8.4.42 г. обед курсантов запасного батальона начался согласно распорядку, а закончился на 20 м. позже. Ужин в этот день по вине работников столовой опоздал на один час.

В столовой продолжается шум. Старшие столов не назначены.

9. Самоподготовка продолжает проводиться неорганизованно, без контроля со стороны УЛО и командиров подразделений.

10. Во время сна, особенный хаос с одеждой у мотористов, обнаружено нач. штабом школы в ночь с 10 на 11.4.42 г. — сапоги, портянки, гимнастёрки и брюки разбросаны и сложены в навалку по разным местам»[77].

Прямо как в «Балладе о неудавшемся лётчике», которую он сочинил тогда же, в стенах УВАШП, вдохновившись ходившей по рукам скабрезной балладой неизвестного автора:

Лишь успеешь разоспаться,
Как уж нужно подниматься.
В коридоре свет потух.
И дневальный, как петух,
Прокричал-пропел подъём.
Начинается содом.
Сна как будто не бывало.
Вверх летят штаны, одьяла.
Суй портянку в сапоги.
И на улицу беги.
Здесь согласно распорядку
Строят нас на физзарядку.
В дождь и в снег, в жару и в холод,
Боль терзает или голод,
Всё равно изволь бежать.
Надо комплекс уважать.
До чего паршиво, братцы,
Физкультурой заниматься.
Руки ломит. Шею больно.
Все ворчат: К чертям! Довольно!
Старшина в ответ: Заткнись!
На носочках подтянись!

Раз! И два! Не гнуть спины!
Наконец, кончаем мы.
Пять минут дано на мойку,
Блеск сапог, заправку койки.
Как помешанный, крутись.
На поверку становись[78].

А вот некоторые пункты приказа начальника школы об улучшения санитарного состоянии территории и помещений от 12 апреля 1943 года:

«1. До 20 апреля с. г. под ответственность моего помощника по МТО и командиров эскадрилий произвести полную очистку территорий дворов штаба, УЛО и аэродромов от мусора, грязи и нечистот. Очистить и привести в порядок уборные, выгребные ямы и оборудовать мусорные ящики. В дальнейшем производить систематическую очистку и дезинфекцию их хлорной известью 50 % раствором. Помойную яму во дворе общежития нач. состава штаба очистить и закрыть.

2. Начальнику отделения интендантского снабжения капитану интендантской службы т. Маслову немедленно навести должный порядок и чистоту в пищеблоках 1-го и 2-го аэродромов. Во всех столовых установить для начсостава умывальники с полотенцами. Обеспечить мойку посуды и ополаскивание рук работников столовых 0,2 % раствором хлорной извести. Негодную столовую и кухонную посуду (жестяные проржавленные миски и кружки) заменить доброкачественной посудой. Не допускать хранение мяса на складах навалом — только в подвешенном виде. Навести порядок в кухне Военторга, которая до настоящего времени находится в антисанитарном состоянии.

3. Командирам подразделений установить строгий порядок, обеспечивающий обязательное мытьё рук личным составом перед каждым принятием пищи»[79].

Кормят нас не так, чтоб очень,
Но не так, что нету мочи.
В общем, завтрак навернём,
И уже обеда ждём.
Поглотив обед, мы тут же
Ждём, когда наступит ужин.
Остальное — дребедень.
Так за днём проходит день [80].

Его сатирический талант в эти годы находит своё применение

в работе над «боевыми листками», которые пользовались огромным успехом и даже отмечались в приказах благодарностями и денежными поощрениями[81]. Большого труда для него это занятие не представляло.

«Заправил, например, Гизат койку плохо, а Мамалыга не почистил сапоги. Сразу же „Боевой листок“ по сему поводу с карикатурами и стихами. Гизат изображён в виде человечка с торчащими ушами и волосами и улыбкой от уха до уха. Ошибиться невозможно: это он. И подпись:

Не стерпела даже койка.
Закричала: эй, постой-ка!
В коммунизм, это учти,
Нерадивым нет пути!

Мамалыга изображён почти так же, как Гизат, только ремень у человечка висит ниже пуза. И опять-таки всем ясно, кто это. Даже из второй эскадрильи сразу узнают: Мамалыга. И подпись:

Это что за забулдыга?
Это ж, братцы……!

Вот в таком духе Тоня иногда в день выпускал по пять листков»[82].

Материала было предостаточно.

Из приказа по школе № 277 с/п от 27 августа 1943 года: «Несмотря на ряд приказов по школе по укреплению воинской дисциплины и выполнению устава внутренней службы продолжает иметь место целый ряд нетерпимых безобразий. Например:

1. Курсантский состав, расположенный в лагсборе № 1, систематически опаздывает на занятия на 20–40 минут. Передвижение с аэродрома в УЛО и обратно проходит без соблюдения строевого устава пехоты, масса одиночек. Форма одежды нарушается: курсанты носят неположенные ремни, синие брюки, гимнастёрки; большое количество носят длинные волосы.

2. Часто встречается сержантский и рядовой состав в городе в служебное время без разрешения и увольнительных записок и не по форме одетый. Не подтянуты, руки держат в карманах, курят в неположенных местах.

3. Много личного состава без дела приезжает из лагсборов № 2 и № 3. Причём посылается 3–4 человека по разным делам, хотя это вполне мог сделать один человек. Так было отправлено

24.8.43 г. 7 человек с лагсбора № 2, тогда как объём работы могли выполнить 3 человека.

Все эти безобразия творятся на глазах у старшего и среднего офицерского состава и не получает должного отпора. К этим безобразиям командиры привыкли, не стали во главе наведения порядка в своих подразделениях, подчас много передоверяют сержантскому составу и слабо контролируют исполнение как моих, так и своих собственных приказов»[83].

30 июля 1943-го «сержант 1 АЭ УВАШП В-ов был уволен в городской отпуск. В 19 часов 30 мин. вышел из аэродрома в город. В городе, идя через базарную площадь, за кусок мыла купил красного вина и папирос. Там же на базаре и выпил его, после чего пошёл на ул. Гончарова к кинотеатру „Художественный“. Побыв около театра 30 минут, направился на Венец. У входа в Нижний Венец (парк в Ульяновске на берегу Волги. — *П. Ф.)* был задержан патрулями, которые предложили ему следовать в комендатуру. Сержант В-ов решил от патрулей сбежать. И после того, как по В-ву были произведены выстрелы, он прыгнул в одну траншею, где и был задержан вторично и доставлен в комендатуру»[84].

В ночь с 22 на 23 сентября 1943-го «курсант 2 АЭ К-ов, будучи часовым на посту по охране техсклада школы и склада КЭЧ Ульяновского гарнизона, выставил окно у склада КЭЧ гарнизона, проник в склад и похитил оттуда 26 стеариновых свечей, 650 г курительной бумаги и 450 г столярного клея. Все похищенные вещи курсант К-ов положил в сумку противогаза и после смены с поста принёс в караульное помещение, где последние и были обнаружены. За хищение курсант К-ов отправлен в штрафной батальон на 1 месяц»[85].

7 ноября 1943-го «курсант авиароты ст. сержант Ф-ин, будучи выделен отделу МТО для выполнения хоззадания, напился пьяным, учинил дебош в клубе школы и был удалён в комнату дежурного по штабу. Находясь в указанной комнате, ст. сержант Ф-ин вступил в пререкание с дежурным по школе майором Т-вым и стал наносить последнему различные оскорбления. Майор Т-ов вызвал караульных и направил Ф-ина на гарнизонную гауптвахту. Во время сопровождения Ф-ина на гауптвахту в действия сопровождавших вмешался командир авиароты ст. лейтенант И-ев, который приказал сопровождающим освободить Ф-ина, и он снова появился в здании школы. Дежурный по школе майор Тарасов вторично вызвал из караульной сержантов К-ца и Т-ак и приказал им Ф-ина отправить на школьную гауптвахту, но последние до места назначения не доставили и самостоятельно его освободили. Ф-ну — 5 суток простого ареста с содержанием

на гауптвахте, К-ца и Т-ак — 3 суток простого ареста, И-ву — выговор»[86].

4 июня 1944-го «мл. лейтенант М-ев с инструктором-лётчиком лейтенантом А-ым в д. Чердаклы устроили совместную пьянку, после которой учинили между собой драку, сопровождавшуюся стрельбой из пистолетов, и всё это совершалось на глазах у подчинённых»[87].

Гвардии полковник Михевич, сменивший на посту начальника школы В. Г. Уруса, 26 октября 1944 года в приказе № 411 с/п «О недочётах в работе подразделений школы, мероприятиях по их устранению и укреплению воинской дисциплины» констатировал:

«1. Учёт людей и тщательная проверка командирами подразделений наличия всего состава в служебное время на занятиях отсутствует, вследствие чего много болтающихся людей без дела и увиливающих под разными предлогами от занятий и работы.

2. Часто встречается сержантский и рядовой состав в городе в служебное время без разрешения и увольнительных записок и не по форме одетыми.

Курсантский состав не подтянут, руки держат в карманах, курят в неположенных местах. Часть курсантского и сержантского состава срочной службы не острижен.

3. В обращениях между собой даже в присутствии руководителей занятий нарушают § 21 ВУС-37.

4. Внутренний распорядок систематически нарушается и, главным образом, вследствие плохого хозяйственного обеспечения мероприятий, регламентирующих чёткое выполнение распорядка дня во времени. В столовой мало столов и скамеек, крайне недостаточно посуды, освещение столовой, общежитий и классов проходит с большими перебоями, электролампочек мало. В часы отсутствия электросвета нет керосиновых ламп. Отсутствие освещения срывает выполнение учебных мероприятий и создаёт предпосылки к хищению имущества.

5. В комендантской службе нет достаточной бдительности на контрольно-пропускных пунктах. Пропуска при входе на территорию школы и выходе тщательно не проверяются. Контроль за комендантской службой со стороны коменданта школы слабый.

6. В казарменных помещениях уборка производится плохо, грязно, койки заправлены неоднообразно, часть матрацев не набиты соломой, под матрацами хранятся разные вещи, табуреток и скамеек в казармах нет и курсанты садятся на койки, тумбочек

недостаточно, а имеющиеся требуют ремонта. Собственные вещи у части курсантского состава не отобраны для хранения их на складе.

7. При несении караульной службы и внутреннего наряда продолжают иметь место нарушения уставных требований, вследствие плохого инструктажа и систематического контроля. Дежурные по школе формально относятся к выполнению своих обязанностей, чётко не выполняют требования уставов и инструкции дежурному.

8. Несмотря на наличие приказа по школе дежурные офицеры в эскадрильях и запасной авиароте регулярно не назначаются.

9. В столовых имеют место срывы питания личного состава по распорядку дня, вследствие несвоевременного подвоза продуктов и особенно дров по вине работников ОИС. <…>

11. Во всех подразделениях вошло в систему нарушение сроков выполнения приказов по школе, в ряде случаев требуется напоминание»[88].

Судя по количеству объявленных благодарностей и поощрений, Зиновьев проходил службу исправно. Лишь однажды, да и то в самом конце курса, как говорится, напоследок, за месяц до окончания школы, получил десять суток строгого ареста «за оскорбление дежурного офицера по столовой»[89] — похоже, преждевременно вдохнул «воздух свободы».

Спустя годы УВАШП послужит прототипом Ибанской Военной Авиационной Школы Пилотов в романе Зиновьева «Зияющие высоты». Он придаст её образу символическое содержание, найдя в ней художественную формулу осмеяния советской коммунальности, в равных пропорциях сочетающей в себе казарменную дисциплину сверху и противостоящую ей снизу анархию, их непрерывную борьбу и взаимодействие, угрозу, страх и общее бессилие.

ИВАШП — воплощение концентрированного презрения Зиновьева к советской реальности, к её фальшивости, несуразности, глупости и самодовольству, к её агрессивной банальности и пошлой криминальности: «После обеда <…> захотелось есть. И тогда Сачок предложил похитить самую мощную кастрюлю со вторым, называемую „Фердинанд“. План похищения был гениально прост: двое арестантов заходят на кухню, снимают кастрюлю с плиты и уносят. Если заметят, что исключено по законам психологии, отделаемся шуткой. Караульного можно подкупить кашей, но лучше отвлечь. Так и сделали. Мазила, Литератор и Патриот затеяли „очко“ на жратву, Караульный клюнул на это, ему дали выиграть компот, и он забыл обо всём на свете, просадив затем обеды на три дня вперёд.

Убийца и Паникёр спокойно унесли „Фердинанд“ с плиты, и никто не обратил на это внимания. Когда пропажу обнаружили, Школа пришла в невероятное возбуждение. Сотрудник первым делом направился к нам. Понюхав гнусную атмосферу губы и поглядев пристально в глаза каждому, он понял, что уже поздно. Операция „Фердинанд“ была одной из самых славных страниц в истории Школы. Когда Сослуживец несколько десятков лет спустя встретил одного бывшего курсанта Школы, то единственное, что тот помнил о Школе, была история с „Фердинандом“» [90].

Но было бы несправедливо считать Ульяновскую военную авиационную школу пилотов образца 1942–1944 годов каким-то малоэффективным и слабодисциплинированным учебным учреждением. Отнюдь. УВАШП возникла в начале войны на базе первого Всесоюзного авиатехникума Осоавиахима, существовавшего к тому времени в Ульяновске уже десять лет и имевшего опытный педагогический состав и достаточную материальную базу для подготовки военных лётчиков. Школа размешалась в просторном двухэтажном здании бывшего Симбирского ремесленного училища имени графа В. В. Орлова-Давыдова, которое было выстроено в начале XX века на берегу реки Свияги из красного кирпича в модном тогда «новорусском» стиле. Здание стоит и по настоящий день. В хорошую солнечную погоду оно выглядит нарядно и празднично. За годы Великой Отечественной войны из стен школы было выпущено 880 лётчиков, более сорока из них были удостоены звания Героя Советского Союза.

Лётная подготовка в школе в годы обучения в ней Александра Зиновьева проходила на самолётах Р-5 и Ил-2 (учебная модель — УИЛ-2). Р-5 — машина образца 1929 года, родственная по конструктивным особенностям, внешнему виду и функционалу биплану У-2, с которым Зиновьев имел дело в 14-й ВАШПОЛ. А вот Ил-2 был новинкой. Его разработка в КБ под руководством С. В. Ильюшина велась в конце 1930-х. Первые испытания прошли осенью 1939 года, а с февраля 1941 года началось массовое производство. Изучению строения самолёта, мотора, боевого вооружения, тактико-технических данных, правил пилотирования и ведения боя придавалось особое внимание. На теоретические занятия и практику отводилось большое количество учебных часов. О высоких профессиональных навыках инструкторов УВАШП свидетельствуют донесения о благополучных исходах лётных происшествий, возникавших порой из-за технических неполадок[91].

Полёты доставляли ему истинное наслаждение. Давали

ощущение силы и подлинности. В небе была настоящая, не краденная исподтишка свобода. Экзистенциальная. Сверху открывался иной взгляд на мир. Менялся масштаб всего. Рек, домов, людей. Дел, забот, отношений. Всё наземное и земное становилось мелким и незначительным. Зато сам пилот и его машина вырастали точно под увеличительным стеклом и проявлялась их истинная суть и возможности. В небе он был не курсантом. Он становился Человеком. И подступало счастье.

«Полёты имеют самодовлеющую ценность независимо от того, на чём летаешь и ради чего. Кто вкусил это хотя бы однажды, тот поймёт меня. А „штурмовик“ оказался отличной машиной, в особенности — для маршрутных полётов, полётов строем, стрельб и бомбёжек.

Полёты — это от силы час в воздухе, а чаще — десять или двадцать минут. Остальное — наземная суетня (заправка и чистка машин, наземная подготовка, стартовый наряд). Но эти минуты окупают всё остальное. Они дают осознание исключительности нашего положения. По статистике „штурмовиков“ сбивают в среднем на десятом вылете. Немцы лётчиков-штурмовиков в плен не берут. Впрочем, и брать некого. Обычно самолёты взрываются в воздухе или при ударе о землю (они начинены снарядами, бомбами, бензином). Так что нас ждёт скорая и верная гибель. И потому нам позволяется многое такое, что запрещено простым смертным. Мы быстро обрастаем непокорными кудрями, кое-кто отпускает усики, обзаводится широкими офицерскими ремнями»[92].

За время обучения в УВАШП Зиновьев провёл в небе 192 часа. Из них на самолёте Р-5 — 104 часа (вывозных полётов, т. е. в сопровождении инструктора, — 58 часов, контрольных — 12, самостоятельных — 34 часа), на Ил-2 — 88 часов (вывозных — 25 часов, контрольных — 11 часов, самостоятельных — 52 часа)[93].

Не меньшее внимание в школе уделялось физической подготовке. Помимо двух ежедневных обязательных часов упражнений курсанты по выбору регулярно посещали различные спортивные секции — футбольную (три раза в неделю), волейбольно-баскетбольную, теннисную, гребли и плавания, легкоатлетическую, рукопашного боя (все — дважды в неделю) [94]. По этим видам спорта проходили соревнования. Постоянно проводились общешкольные смотры строевой и физической подготовки, в программу которых входили марш-бросок на 15 км, преодоление в противогазах «заражённого участка» протяжённостью 2 км, стрельба по мишеням, гранатометание, рукопашный бой, взятие двухсотметровой «штурмовой» полосы[95].

Каждое лето школа на три месяца выезжала на лагерные сборы.

Зимой проводились смотры лыжной подготовки на дистанции 10, 20 и 30 км. В соответствии с «Положением о лыжном смотре» дистанция 10 км проходила по следующим этапам и положениям: «Старт с надетым за 2 минуты до старта противогазом. В противогазе со старта участник идёт 500 м. На последнем километре дистанции ставится изгородь высотой 1 м 35 см, которая преодолевается лыжником любым способом, но на лыжах. Далее идёт метание гранат по столу, отстоящим на 25 м и имеющим размеры 1 × 3 метра, далее идёт поражение 3-х чучел. 1 укол вправо, 2 — укол влево, 3 — отбив влево и удар винтовкой вперёд, финиш за 100 метров преодолевается ползком 3-мя способами, указанными в наставлении по лыжной подготовке КА 1941 г.». 20 км преодолевалось по среднепересечённой местности. 30 км со стрельбой во 2-й половине дистанции из винтовки[96]. Для успешного проведения лыжного смотра командирам подразделений приказывалось составить двухнедельный план тренировок личного состава своего подразделения «с учётом использования всего свободного времени в рабочие и выходные дни. Ко дню смотра довести километраж находа каждого участника до 140 км»[97].

Знавшие Александра Александровича люди отмечали его крепкое, спортивное телосложение, отличное здоровье, неизменную бодрость и энергию. Даже в преклонном возрасте он сохранял стремительную походку, загоняя в отдышку своих значительно более молодых спутников. Несомненно, наряду с природными данными и внутренней жизненной установкой значимую роль в этом сыграла та физическая закалка, которую он получил в стенах УВАШП.

31 октября 1944 года в составе 6-го выпуска в группе из 21 человека Зиновьев окончил Ульяновскую военную авиационную школу пилотов[98]. В ходе выпускных испытаний показал следующие результаты: Дисциплина — 4; Техника пилотирования — 4; Политподготовка — 4: Строевая подготовка — 5; Физическая подготовка — 5; Воздушная стрелковая подготовка — 4; Воздушная навигация — 4; Матчасть мотора АМ-38 — 4; Матчасть самолёта ИЛ-2–5; Авиасвязь — 4; Военно-химическая подготовка — 5; Бомбометание — 5; Тактическая подготовка — 5; Военная топография — 4; Военная маскировка — 4; Метеорология — 5; Парашютная подготовка — 4; Уставы Красной армии — 4; Наземно-строевая подготовка — 4; Авиагигиена — 4; Теория полёта — 5[99].

11 ноября 1944 года приказом ВВС КА№ 0467 Зиновьеву А. А.

присвоено первичное офицерское звание «младший лейтенант»[100].

В Ульяновске 14 мая 1944 года он впервые стал отцом.

Автобиографический герой романа «В преддверии рая» рассказывает: «В течение первого года армейской службы о женщинах мы не думали. Тяжёлая служба, плохая еда и медицинские препараты, добавляемые в еду, делали своё дело, — превращали нас в вялые существа, думающие только о том, чтобы поспать да пожрать. На втором году стал пробуждаться интерес к женщинам. Мы окрепли, приспособились к тяготам службы, научились сачковать. Очевидно, и действие лекарств стало ослабевать. Незадолго до войны нас направили на железнодорожный разъезд разгружать эшелон с авиабомбами. Около разъезда строили укрепления. И нагнали туда сотни женщин. Те копали землю, таскали шпалы. Вид у них был жалкий, — чёрные от загара и пыли, в рванье. Тут-то мы вдруг почувствовали, что мы — мужчины. Скорее, это бабы почувствовали, что мы — мужчины. Мы ещё некоторое время сопротивлялись. Но не устояли. За неделю мы обрели минимальные познания в делах любви. После этого отбить у нас интерес к женщинам не смогла никакая работа, кормёжка и медицина. Куда бы мы после этого ни попадали, мы первым делом обследовали ситуацию с бабами. Не брезговали ничем, руководствуясь принципом: бери, что подвернётся, бог увидит, лучше даст. <…>

Вокруг школы сложился устойчивый контингент женщин, которые переходят „по наследству“ от одного окончившего звена к другому. Однако это обычно некрасивые и неинтересные женщины, одно слово — бабы. На таких клюют только „с голодухи“. А если курсант удовлетворил свои насущные потребности, он уже метит выше, выбирает кое-что посвежей и повыгодней. К тому времени, как мы попали в школу, в окрестностях её все мало-мальски приличные места были „забиты“. К ним пристроились инструктора, техники, преподаватели, первые выпускники. Многие из этих девчат уже вдовы. Кое-кто вышел замуж вторично и имеет шансы повторить это. Женские резервы пополняются за счёт подрастающих поколений, но в город перевели танковое училище и училище связи. И наши возможности сократились. И найти в городе незанятую приличную бабу стало трудной проблемой»[101].

Он нашёл.

Правда, не в городе. Осенью 1943 года курсанты УВАШП привлекались к сельскохозяйственным работам в районе

Екатериновки, неподалёку от которой находился один из учебных аэродромов. Рядом располагалась животноводческая ферма, где работали местные женщины. Нина была телятницей. Ей шёл двадцать третий год. Их отношения завязались легко, и хотя в них не было изысканного романтизма, общение приносило обоим человеческую радость и тепло. Он давно уже не испытывал не то что женской ласки, а простого душевного отношения. Доброго внимания и заботы. Всё время приходилось жить начеку. Держать оборону. Огрубел. Стал жёстче, циничнее. Потому новыми чувствами дорожил. При всякой возможности сбегал на свидание. И даже когда настала зима и все окрестности завалило снегом, надев лыжи, мчал к ней по пересечённой местности, одолевая овраги и ухабы. А вскоре стало ясно, что любовь их не бесплодна.

Сына назвал Валерием. В честь Чкалова.

А какое ещё мог носить имя сын лётчика?

Одно из последних интервью Зиновьева, вышедшее буквально за несколько дней до его смерти, в конце апреля 2006 года, называется «Правда о войне ещё не написана»[102]. Действительно, есть какое-то странное ощущение того, что, зная сегодня, казалось бы, про войну всё, мы в то же время толком ничего о ней не знаем. Откуда у нас эта иллюзия знания и это знание его иллюзорности?

Литература о Великой Отечественной войне — грандиозное явление русской культуры XX века. Она именно *литература,* а не только жанровое определение. Литература во всём многообразии проявления этого феномена социальной жизни.

По своим масштабам и структуре «литература о Великой Отечественной войне» вполне может быть сопоставима с понятием «национальная литература». Десятки тысяч произведений всех родов, форм и объёмов. Поэзия, проза, драматургия, публицистика. Героика, трагедия, психологизм, документализм, сатира. Лирические стихи и поэмы, рассказы и очерки, повести, романы, эпопеи.

Война представлена с многочисленных точек зрения: в окопах, на передовой, в штабе, в госпитале, в тылу, в плену, на оккупированной территории, на территории врага, в партизанском отряде и т. д. Глазами бойца и офицера, генерала и ополченца, санитара и сына полка, мужчины и женщины, взрослого и ребёнка, рабочего, крестьянина, интеллигента, бюрократа — практически всех социальных групп и профессий.

Среди авторов писатели с мировым именем, профессионалы, и любители, непритязательные очевидцы и свидетели.

«Литература о войне» имеет собственную *историю.* Разные

этапы и направления развития.

Как предмет изображения и материал для художественного творчества Великая Отечественная война вызывает интерес у писателей до сих пор.

Произведения о войне имели и продолжают вызывать колоссальный читательский отклик. Многие из них стали, говоря современными словами, «культовыми» для целых поколений. Стихи заучивались наизусть, герои прозаических произведений брались за образцы поведения, в качестве мерила качеств человеческой личности.

Критика неизменно обращала внимание на все значительные публикации произведений о войне. «Литература о войне» стала предметом литературоведческих исследований. Ей посвящены тысячи монографий, сборников, кандидатских и докторских диссертаций, конференций и семинаров. Она присутствует как самостоятельная тема в школьных и вузовских программах.

«Литература о войне» нашла отражение в других видах искусства — живописи, графике, кино, театре, музыке.

А есть ведь ещё многотомная *историческая дисциплина* — со всей мощью своей научной инфраструктуры.

Есть краеведение. Мемуаристика. Семейная память.

Фольклор.

Ни прочесть всего, ни освоить!

Но чем дальше в прошлое отодвигаются события тех великих лет, тем острее становится чувство, что всего сказанного о войне недостаточно. Что сказано не всё. Что-то упущено. «Есть правдивость и правдивость, — говорил Зиновьев в том интервью. — Можно описать, как ходили в разведку. Или описать, какими мы были дружными. И это — правда. Но была и другая правда. О ней не писали! Война была реальной жизнью страны, огромного народа. И все социальные явления мирного времени имели место и во время войны, и порой в более острой форме. Никуда не исчезли ни стукачи, ни трусы, ни хапуги, ни все остальные. Да, правдивых описаний отдельных эпизодов войны много. Написаны и прекрасные литературные произведения. Но глубокого социального анализа Великой Отечественной войны в литературе я не встречал»[103].

Увы, новые слова не прибавляют знаний. Напротив, затуманивают картину ещё больше. Память о войне, её история в последние годы вновь оказались в центре идеологических битв. Противоборствующие силы рвут её на части. Сотворяя и низвергая кумиров. Одному мифу противопоставляя другой. За бутафорской канонадой пропаганды почти уже не слышны звуки реальной войны. В свете салютов и факельных шествий померкли

картины подлинных событий.

Уходят в свой «бессмертный полк» последние ветераны, унося с собой остатки *живого* знания. Кажется, что огненный след тех событий давно простыл, его замели ветра, стёрли дожди. Затоптали, запахали, застроили. И небывалое волнение охватывает, когда в руки вдруг попадает документ времени — письмо, фотография, справка. Даже газета. С любовью, нежностью и благодарностью смотришь на них. И чувствуешь — они бесценны. Как лист или цветок, затерявшийся меж книжных страниц. В таком романтическом состоянии пребываешь до тех пор, пока не попадёшь в архив. И тогда на смену элегической задумчивости приходит лихорадка старателя, ибо вот где *неисчерпаемый* рудник информации.

Бесценным кладезем, настоящей национальной сокровищницей является Центральный архив Министерства обороны РФ, находящийся, а точнее — дислоцирующийся, в Подольске под Москвой. В нём наряду с актуальной военной документацией хранится гигантский массив материалов, относящихся к периоду Великой Отечественной войны — около 9 миллионов единиц хранения. Одна единица хранения (или дело) может содержать от нескольких десятков до нескольких сотен документов. Это могут быть карты боевых действий в несколько квадратных метров, а могут быть расписки размером со спичечную этикетку. В архиве хранятся документы фронтов, корпусов, дивизий, полков, военных учебных и медицинских учреждений. Приказы, боевые сводки, донесения, рапорты, отчёты, наградные листы, решения полевых трибуналов, переписка по движению личного состава, алфавитные книги офицеров, финансовая документация, протоколы партийных собраний, исторические формуляры частей и др. Описан и зафиксирован буквально каждый день каждой части. Конечно, есть лакуны и утраты. Но то, что сохранилось, поражает своей детальностью, обстоятельностью и полнотой.

Собираясь в Подольск, я располагал минимальной информацией о боевом пути Зиновьева — выпиской из листка по учёту кадров, хранящегося в его личном деле в отделе кадров Института философии. Она больше напоминала шифрограмму:

X. 1940 III. 1941 Красноармеец 98 кав. полка
III. 1940 VI. 1941 Красноармеец 29 танк. полка
VI. 1941 XII. 1941 Курсант 14 ВАШП
1.1942 X. 1944 Курсант УВАШП
X. 1944 III. 1945 Лётчик 5 и 10 ЗАП
III. 1945 VI. 1946 Лётчик 110 ГвШАВОАНП[104]

Моей целью было установить хотя бы точное название мест, в

которых служил и воевал Зиновьев (в его воспоминаниях фигурируют лишь Орша да Ульяновск). Мог ли я подумать, что к концу моих двухмесячных поисков я буду знать, например, какое он получал денежное довольствие в сентябре 1941 года, будучи курсантом 14-й ВАШПОЛ (12 рублей на руки: начислено — 17,50, государственный займ — 2,50, удержано в фонд обороны — 3)? [105] Или о командировке в Москву с 15 по 28 апреля 1943 года во время учёбы в УВАШП?[106] И о другой командировке, в Вольск, с 30 января по 14 февраля 1944 года?[107] Номер офицерского удостоверения личности (ЯО-000001 № 150643)?[108] И даже марку и номер парашюта (ПЛ-3М № 43956)?[109] Не говоря уже об именах командиров, сослуживцев, сокурсников. О хронике боевых вылетов, характере целей и результатах штурмовки. Количество взорванных Зиновьевым вражеских укреплений, домов, танков. Число уничтоженных немцев. Нашлись фотографии разрушенных им объектов! Фотографии целей, сделанные из кабины самолёта во время штурмовки!

О российских архивах ходит дурная слава. И того-то в них нет, и сего-то. И такой-то фонд закрыт, и в такое-то хранение нет доступа. И работают медленно, и расценки на копирование документов высокие. Не без этого, конечно. Но по собственному опыту скажу, что дурная эта слава сильно преувеличена и в большей степени (по рассказам старших коллег) относится к практике советского времени, чем к настоящему положению дел. Как бы то ни было, без грамотного описания дел, отлаженного механизма их выдачи и профессиональной помощи сотрудников Центрального архива Министерства обороны РФ написать военную часть биографии Зиновьева было бы невозможно. Как и любого другого участника той Войны.

«5 и 10 ЗАП» из анкетного листа расшифровываются как 5-й и 10-й запасные авиаполки. Эти боевые подразделения выполняли функции курсов повышения квалификации. Молодых офицеров не сразу бросали на фронт. Ещё некоторое время они совершенствовали своё профессиональное мастерство в условиях мирного неба, но уже на боевых машинах.

10-й запасной авиаполк, в который после окончания училища был распределён Зиновьев для дальнейшего прохождения службы, располагался на станции Белинская в городе Каменка Пензенской области. Но здесь он пробыл всего две недели, после чего был переведён в 5-й запасной штурмовой авиаполк в Кинель-Черкассы, в 110 км восточнее Куйбышева (Самары), куда прибыл 11 ноября 1944 года.

В течение трёх месяцев он проходил «курсы переучивания»

под руководством командира звена 2-й авиаэскадрильи 5-й ЗШАП старшего лейтенанта И. М. Корсакова. С положительными результатами сдал зачёты по материальной части самолёта Ил-2, его эксплуатации, матчасти вооружения, бомбардировочной и воздушно-стрелковой подготовке, навигационной подготовке, спецоборудованию и радиосвязи[110]. За это время общий налёт на самолёте Ил-2 составил 17 часов 54 минуты, без лётных происшествий[111].

Судя по приказам командира полка, изданным по итогам проверок, проводившихся в феврале 1945 года, общая обстановка и бытовые условия не сильно отличались от тех, что были знакомы ему по УВАШП:

«Внутренний порядок до сего времени не отвечает требованиям устава внутренней службы, суточный наряд обязанности знает не твёрдо, дневальные и дежурные рапортуют неоднообразно и не по уставу.

На территории аэродрома, военного городка и в районе общежитий ст. Толкай в рабочее время много болтается без дела людей, под видом хозяйственных работ, нарядов, освобождённых.

Строевая подготовка во всех подразделениях неудовлетворительная, движение лётного состава подразделений в строю и вне строя медленное и вялое, колонны движений, как правило, растянуты, и нет строевой, походной дисциплины.

Строевая выправка среди рядового, сержантского и офицерского состава отсутствует, подтянутости нет, внешний вид крайне неряшлив, отдельные лица офицерского состава не по форме и небрежно одеты и потому примером сержантского и рядового состава служить не могут»[112].

«Несмотря на ряд указаний и приказов о содержании пищевых блоков в должном санитарном состоянии до сего дня пищевые блоки полка находятся в плохом состоянии.

В столовой № 5 нет кладовой для хранения продуктов, нет хлеборезки отдельной, не хватает наплитной посуды (бачков), нет разделочных досок, нет тазов для раздачи пищи, нет ящика для проб.

В столовой № 3 нет стола для чистой посуды, не хватает вёдер для раздачи пищи. В столовой температура ниже 0 и столы покрыты льдом. Плохая мойка их. Нет кладовой для хранения продуктов, разделочных столов нет.

В столовой № 2 подсобный цех запущен, не отапливается, весь сырой и покрылся плесенью, работники кухни превратили его в комнату отдыха, сидят на разделочных столах в верхней одежде <…> и дежурный наряд обедает на них. Разделочные доски и ножи не имеют маркировки.

Во всех столовых, как правило, корыта для мойки посуды текут.

В столовой №№ 3, 5 нет помойных ям, мусорных ящиков, нет рукомойника и полотенца»[113].

Всё то же! Всё та же тыловая рутина и пошлость!

Казалось, настоящей войны он так и не увидит. Советские войска давно уже перешли в решительное наступление и в маршевом порядке продвигались на запад. В январе начались Висло-Одерская и Восточно-Прусская операции, шли бои под Кёнигсбергом. За годы, проведённые им в стенах школ, фронт отодвинулся на тысячи километров! Фактически война во всей полноте своего страшного и величественного действа состоялась. Победа была делом решённым — *техническим.*

Участь поневоле оказаться в числе тыловиков удручала. И когда пришёл приказ о переводе в действующую армию, он почувствовал облегчение. Да, там его *могла ждать* смерть. Обидная в двадцать три года. Несправедливая — в конце войны. Но точно — его *ждала* там жизнь. Осмысленное дело. Настоящая мужская работа.

Он снова ехал на запад. Знакомой — незнакомой! — дорогой. Страну было не узнать. Покалеченная, обгоревшая, разорённая. Измождённая, с серым, сосредоточенным лицом. Страх отступил, но на его место пришла боль. Чем дальше он продвигался к месту назначения, тем становился злее. В сердце закипала молодая ненависть, свежая, неистраченная, голодная. Хотелось мстить безжалостно и безоглядно. Никакого прощения! Никакого милосердия! Ни одному фрицу! Ни одному дому!

22 марта он прибыл в расположение части на аэродром Кульпенау (Kulpenau, ныне Kielpin), в 6 километрах южнее Зелёной Гуры, в Западной Польше. Приказом 6-й гвардейской штурмовой авиационной краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени дивизии № 014 назначен лётчиком 110-го гвардейского штурмового авиационного висленского полка 2-го гвардейского штурмового авиационного Владимиро-Волынского корпуса. В тот же день приказом 110-й гв. ШАВП № 032 зачислен в списки лётного состава во 2-й авиационный эскадрон[114].

110-й гв. ШАВП начал участие в боях в июне 1942 года на Западном фронте в операциях на Ржевском и Глуховском направлениях. В декабре 1942-го переброшен на Юго-Западный фронт и в течение 1943-го бомбардировочно-штурмовыми действиями оказывал поддержку наземным войскам в районах Краматорска, Барвенково, Лозовой, Изюма, Харькова, Белгорода.

Способствовал в овладении и расширении плацдарма на правом берегу реки Днепр в районе Днепропетровска. С июля 1944-го авиация полка содействовала наступлению 1-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта на участках Владимир-Волынский, Рава-русская, Львов. В августе 1944-го вместе с частями 3-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вела бои по овладению и расширению плацдармов на левом берегу реки Вислы. За содействие в форсировании реки Вислы и овладение городом Сандомир 1 сентября 1944 года полку было присвоено наименование «Висленский»[115].

В период службы Зиновьева полком командовал гвардии подполковник Николай Иосифович Зубанев. Возглавлял штаб гвардии майор Алексей Дмитриевич Ликанов. Политотделом заведовал гвардии полковник Фёдор Васильевич Черников. Штурманом полка был гвардии майор Александр Яковлевич Суворов[116]. Все они были опытными офицерами, воевавшими на фронте с первых дней войны, отмеченные медалями и орденами. В июне победного 1945-го Н. И. Зубаневу и А. Я. Суворову будут присвоены звания Героев Советского Союза, так же как и командирам авиаэскадрилий 110-го гв. ШАВП гвардии капитану Петру Андреевичу Сибиркину и капитану Ивану Ивановичу Морозову[117]. Полк насчитывал около 270 человек личного состава и почти пятьдесят боевых самолётов.

С 9 февраля 1945 года полк наносил бомбово-штурмовые удары, уничтожая живую силу и технику противника, находившегося в окружении в городе-крепости Глогау (Glogau, ныне Głogów), в 40 км на юго-восток от Зелёной Гуры. Бои шли ожесточённые и кровопролитные с обеих сторон. Это была одна из двух крепостей в Силезии (наряду с Бреслау, ныне Вроцлав), которая продолжала оказывать решительное сопротивление советским войскам.

Крепость была заложена ещё в Средние века и в течение столетий неоднократно принимала участие в различных военных конфликтах, протекавших на территории Пруссии, в частности в Тридцатилетней войне и во время войны с Наполеоном. Оборонительные сооружения крепости регулярно обновлялись и усиливались в соответствии с требованиями времени. Последние фортификационные преобразования, превратившие Глогау в мощный укреп-район, были произведены в 1940-е годы. Оборона основывалась на системе мощных опорных пунктов, соединённых между собой тщательно замаскированными, частично подземными, ходами сообщения. На левом берегу Одера с давних времён возвышался массивный замок, оборонявший переправу через реку. Напротив него, на острове, северо-восточные подходы

блокировал каменный городок. В оборонительные центры были превращены железнодорожное депо со станционными постройками, городской стадион, старинная крепостная стена, казармы Людендорфа и Гинденбурга — шесть больших трехэтажных зданий с железобетонными перекрытиями, первые этажи и подвалы которых имели вид дотов с отсеками. Рядом с первой и шестой казармами располагались доты, по шесть амбразур каждый. Во всех казармах имелись амбразуры с расчётом на круговой обстрел. В подвальных помещениях располагались гарнизоны в 100–150 человек. Тут же хранились боеприпасы и продукты питания. Подступы к стадиону были тщательно заминированы, по его западной окраине шло проволочное ограждение, усиленное траншеями с площадками для пулемётов. В старой крепости и в центре города все улицы были перегорожены баррикадами из кирпича высотою в два метра, перед ними были вырыты широкие противотанковые рвы. Баррикады обороняли расчёты, вооружённые пулемётами и противотанковыми ружьями[118].

По вызову командного пункта дивизии самолёты 110-го гв. ШАВП почти ежедневно вылетали в район Глогау и работали по всей территории крепости, в соответствии с указанными целями. В атаке, как правило, принимали участие несколько групп по 6–8 самолётов. В течение дня могло быть по несколько атак. Случались и передышки, когда самолёты и экипажи находились в боевой готовности, но на задание не поднимались. Машины и лётчики, не задействованные в боях, ежедневно выполняли учебно-тренировочные полёты, проходили наземную подготовку, посещали политзанятия, тренировались в стрельбе.

Фронтовая реальность предстала перед ним уже через день. 24 марта с боевого задания не вернулся экипаж гвардии майора Терёхина. При заходе на очередную атаку его самолёт был сбит над целью интенсивным огнём малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) — одной из главных угроз идущих на небольшой высоте малоскоростных Ил-2. В результате прямого попадания снаряда в кабину погибли лётчик и воздушный стрелок гвардии младший сержант Аренин[119].

Шли решающие бои за Глогау. 27 марта была предпринята массированная атака крепости. В течение дня лётчики полка совершили 61 боевой самолётовылет. Начиная с 10 часов утра с аэродрома каждый час одна за другой уходила в небо группа из 6–8 самолётов.

В 15 часов 49 минут от взлётной полосы оторвался Ил-2 с хвостовым номером № 46. За его штурвалом сидел Александр Зиновьев.

Это его первый боевой вылет — 3144-й в летописи полка.

В паре с ним — воздушный стрелок гвардии младший сержант Ковалёв. Снаряжение — 300 кг боеприпасов. В группе ещё семь самолётов. Командир звена — гвардии капитан Александр Николаевич Шерстнёв. Большинство — испытанные в деле лётчики. У Шерстнёва за плечами 70 боевых вылетов. У идущих рядом Кобелева — 18, Блинова — 19, Кротова — 49, Хомяка — 64, Клюева — 87. У Ковалёва (однофамильца его стрелка) и вовсе невероятные — 166![120]. С такими товарищами чувствуешь себя уверенно. Главное — самому проявить себя достойно, действовать уверенно, точно. Штурм — вещь серьёзная. Группу сопровождает звено из четырёх Як-1 107-го гвардейского истребительного авиаполка.

Время подлёта к цели — 23 минуты. Погода облачная — 10 баллов, высота облаков — 1500 м, видимость — 6 км. Смеркается. Внизу свинцовой полосой лежит Одер. На северо-западной окраине города у причала виднеются похожие на дохлых тараканов гружёные баржи. Полтора десятка железнодорожных путей с высоты напоминают борозды вспаханного поля или гряды какого-то гигантского огорода. Густой дым, подкрашенный по краям заревом пожаров, застилает целые районы. Повсюду вспышки артиллерийских и танковых орудий. За грохотом мотора не слышно ада, царящего на земле. Ну что ж, подбросим в него ещё поленьев! Предстоит уничтожить несколько домов в центре города, превращённых немцами в неприступные укрепления[121].

Илы становятся в боевой порядок, так называемый «круг», и делают несколько заходов. Сначала при резком снижении до 500–600 м в пикирующем положении 25°—30° сбрасываются тяжёлые бомбы. Потом ещё несколько заходов на штурмовку огнём бортовых пушек и пулемётов с высоты 50 м. И, напоследок, для моральной поддержки пехоты несколько пролётов без огня. На всё уходит каких-то 13 минут! За это время они сбросили на оборону противника 3,6 тонны бомб, выпустили несколько сотен снарядов[122]. Что ещё может оставаться после такой атаки? Только руины и смерть! Но противник не уступает, держится, и, значит, впереди — новые боевые вылеты.

Он возвращается на аэродром удовлетворённый. Он нанёс удар. Он приступил к работе. Страха — никакого. Жалости — ни капли! Только азарт и расчёт. Душа ликует. Ил-2 — надёжная, послушная машина. Без капризов. Не то что его первый боевой конь Зарубежный. Смешно вспоминать. Нет, здесь всё под контролем. И какая боевая мощь! Недаром же прозвали «летающим танком». Не только за броню. Две массивные скорострельные пушки калибра 23 мм — ВЯ-23, симметрично

расположенные на крыльях, с боекомплектом 150 патронов каждая! Пара синхронизированных пулемётов ШКАС, стреляющих трассирующими и зажигательными патронами со скоростью 3000 выстрелов в минуту! Реактивные снаряды РС-82 и РС-132! Противотанковые (ПТАБ), фугасные (ФАБ) и осколочные авиабомбы (ОА)! Поистине, как говорят фашисты, «Fleischwolf» — «мясорубка». Или ещё вот «Schlächter» — «мясник»!

День закончился торжественным митингом, на котором весь личный состав полка приветствовал лётчиков гвардии капитана Суворова и гвардии старшего лейтенанта Аверьянова, которые совершили свои 125-е боевые полёты. «Выступающие на митинге призывали лётные составы летать так, как летают т. т. Суворов и Аверьянов, учиться у них боевому мастерству и военному боевому опыту, а также пожелали им новых боевых успехов в деле окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков»[123].

В последующие пять дней советские войска продолжали долавливать сопротивление гарнизона Глогау. Операция вошла в решающую стадию. Наземные части приступили к решительному штурму. Вместе с лётчиками 110-го гв. ШАВП в небе воевали ещё два штурмовых полка. В этот период Зиновьев ещё трижды вылетал бомбить крепость, в частности железнодорожную станцию, склады и ремонтные мастерские.

1 апреля 1945 года в 11 часов 30 минут оборона немцев пала. В приказе Верховного главнокомандующего № 325 отмечалось: «В ходе боев за Глогау войска фронта взяли в плен более 8000 немецких солдат и офицеров и захватили большое количество вооружения и другого военного имущества»[124].

Выезжавшая 1 и 2 апреля в Глогау для установления результатов действия 6-й гв. ШАД комиссия констатировала:

«1. В результате бомбардировочных действий авиации город Глогау полностью разрушен. Разрушен водопровод, канализация, электростанция и электросеть, сеть телеграфно-телефонная и почтамт. Уничтожены почти все заводы, жел. дорожная станция выведена из строя на продолжительное время. Здания и дома на 60–70 % ремонту и восстановлению не подлежат.

2. Особый эффект действия дают бомбы ФАБ-250 и СД-250, которые пробивают трёх- и четырёхэтажные здания и дома до фундамента, а взрывом производят огромные разрушения.

3. В городе отмечено большое количество уничтоженной авиацией техники противника — автомашины, артиллерия, миномёты и пулемётные точки.

4. Многие здания разрушены до основания и развалинами верхних этажей засыпали все выходы из подвалов. Жители и гарнизоны таких домов погибли.

5. По всему городу имеется большое количество трупов немецких солдат и офицеров»[125].

Москва салютовала победителям двадцатью залпами из ста двадцати четырёх орудий. Войскам была объявлена благодарность, войсковые части и соединения, офицеры и рядовые, отличившиеся в боях за овладение Глогау, представлены к различного рода наградам[126].

В боевых действиях полка наступила небольшая передышка. По-прежнему ежедневно проводились многочисленные занятия и зачёты по различным темам, учебные полёты и стрельбы. «С вопросом изучения и обмена опытом боевой работы в проведённых операциях были подготовлены и проведены в полках лётные конференции, на которых разобраны все положительные поучительные случаи действий отдельных лётчиков и групп в прошедшей операции, кроме этого, были разобраны ошибки, допущенные отдельными лётчиками и группами в целом. Конференции были хорошо подготовлены и проходили организованно, руководителями конференций были командиры полков.

Например, 10.4.45 г. проводил такую конференцию командир 110 гв. ШАВП гвардии подполковник т. Зубанев. На этой конференции с докладами выступили 7 человек наиболее опытных лётчиков, которые в своих докладах по-деловому вскрыли недостатки и причины, порождающие лётные происшествия, и поделились своим боевым опытом»[127].

Однако затянувшаяся пауза провоцировала и различные нарушения дисциплины. Так, 8 апреля группа младших сержантов 3-й авиаэскадрильи в количестве пяти человек «после отбоя ушли к немке, якобы за водкой, но на самом деле, видимо, побарахолить, хотя они в этом не сознаются, но были задержаны комендантским надзором, где просидели до утра. Случай недостойного их поведения разобран перед строем сержантского состава полка, на всех наложено дисциплинарное взыскание, а комсомольцы будут разобраны в комсомольском порядке»[128].

Те дни Зиновьев вспоминал не без удовольствия: «Самые опасные для штурмовиков годы войны прошли. Советская авиация завоевала господство в воздухе. Нас сбивали, но не так часто, как раньше. <…> Кормили нас по тем временам превосходно. Одевали по общеармейским нормам, но мы ухитрялись раздобывать щегольское обмундирование. Плюс лётное обмундирование тоже придавало нам вид аристократии армии. После полётов нам давали водку официально. Мы добавляли ещё. Вечерами проводили время на танцах. В полку

было много девушек — радистки, мотористки, механики. Многие из них были красивыми и имели среднее образование. Плюс к тому в зенитных батареях, охранявших наши аэродромы, служили в основном девушки.

Дело шло к победе. В армии назревало состояние ликования по этому поводу. Это было время наград. Летать стало не так опасно, а награды получать стало легче»[129].

12–14 апреля 110-й гв. ШАВП, следуя за линией фронта, передислоцируется на территорию Германии, на аэродром Липпен и 16 апреля подключается к действиям на Берлинском направлении. «Перед боевым вылетом во всех частях были проведены митинги под развёрнутым знаменем части, на митингах также присутствовали и выступали работники политотдела. В 110 гв. ШАВП на митинге было принято обращение ко всему лётному, техническому и офицерскому составу 110 гв. ШАВП, где личный состав брал на себя обязательства работать в этой операции только на „отлично“ и целый ряд других конкретных пунктов, обязующие крепить советскую воинскую дисциплину, организованность и порядок»[130].

Вылеты производятся в район Котбуса. Обстреливаются транспортные магистрали, инфраструктура, движущиеся колонны автомобилей и эшелоны, живая сила противника.

Боевые донесения сохранили перечень целей и результаты штурмовок, в которых принимал непосредственное участие Александр Зиновьев. (Сам он об этом почти ничего не рассказывал: «Это обычно была рутинная работа, интересная только опасностью и приятными последствиями, если ты уцелел»[131]). Обычно он летал в группах под командованием гвардии капитана Александра Шерстнёва или гвардии лейтенанта Николая Голощапова, но выходил на штурмовку и с другими — гвардии младшим лейтенантом Степаном Хомяком, гвардии майором Александром Суворовым:

18 апреля.

«Группа Голощапова <…> в период 16.35–16.42 действовала по автомашинам до 100 штук у южной окраины Хенхен, двигавшихся на запад по шоссе. <…> В результате прямого попадания бомб: повреждена автострада и разбито 15 крытых автомашин, из них 5 загорелось. Рассеяно и частично уничтожено до 70 солдат»[132].

19 апреля.

«Группа Шерстнёва <… > в период с 13.28–13.31

действовала по автомашинам до 15 шт. и живой силе до 70 солдат в пункте Нойендорф, что 10 км северо-восточнее Котбус[а], которые двигались с юга на север. <…> Ущерб, нанесённый противнику: разбито 5 автомашин, создано 2 очага пожара, рассеяно и частично уничтожено до 50 солдат»[133].

20 апреля два боевых вылета.

«Группа Хомяка <…> в период 13. 46–13. 53 действовала по крытым автомашинам до 15 шт. в пункте Нойендорф, что 10 км северо-восточнее Котбус [а]. <…> В результате: разбито 7 автомашин, создано 5 очагов пожара, уничтожено и рассеяно 15 солдат»[134].

«Группа Суворова <…> в период 17.03–17.15 действовала по автомашинам до 20 шт. и до 150 солдат в пункте Диссенхен и в лесу севернее его и по батарее МЗА на высоте 72,2, что 1 км южнее Диссенхен[а], восточнее Котбус[а]. <…> В результате: взорвано 2 склада с боеприпасами, произошло 2 сильных взрыва с последующими пожарами, разбито и подожжено 12 автомашин, рассеяно и частично уничтожено до 100 солдат, полностью уничтожена батарея МЗА с расчётом и взорваны боеприпасы на батарее»[135].

24 апреля два боевых вылета.

«Группа Хомяка <…> в период 14.38–14.49 действовала по автомашинам до 15 шт. и повозкам с грузом до 10 шт. в пункте Турнов, что 2 км северо-западнее Пейтц[а]. <…> В результате: разбито 5 автомашин, 10 повозок с грузом, создан сильный 1 очаг пожара»[136].

«Группа Шерстнёва <…> в период 16.21–16.27 действовала по пункту Турнов, что 10 км севернее Котбус[а]. <…> В результате: создано 10 очагов пожара, весь пункт объят пламенем и окружён дымом. <…> 16.15–16.20 проведена разведка по маршруту Янтвальде, что 4 км восточнее Пейтц, Беренлау, что 10 км западнее Губен, Либерозе, Пейтц. В данном районе скопления и продвижения войск противника не обнаружено. Редкое движение отдельных автомашин и повозок»[137].

25 апреля два боевых вылета.

«Группа Голощапова <…> в период 13.44–13.49 действовала по автомашинам до 15 штук в пункте Гросс Ланге, что 12 км северо-восточнее Любен[а] и до 10 шт. в пункте Кляйн Ланге. <…> В результате разбито 7 автомашин, из них 2 загорелись»[138].

«Группа Голощапова <…> в период 17.40–17.47 действовала

по танкам до 15 шт. и автомашинам до 50 шт. на опушке леса в 1 км западнее пункта Вендит Бухгольц и в пункте Биркхольц. <…> В результате: разбито 15 автомашин, из них 5 загорелось, подожжено 2 танка, в пункте Биркхольц произошло два сильных взрыва, создано 6 очагов пожара»[139].

26 апреля.

«Группа Голощапова <…> в период 12.48–13.13 действовала по автомашинам до 10 шт. и 3 ж. д. эшелонам без паровозов по 30 вагонов на северо-западной окраине Хальбе. <…> В результате: подожжён один ж. д. эшелон, разбито до 20 вагонов, разбито 5 автомашин»[140].

29 апреля.

«Группа Шерстнёва <…> в период 15.35–15.44 действовала по автомашинам 50, танкам 5 шт., бронетранспортёрам — 5 по дороге, что севернее пункта Хальбе. <…> В результате зажгли до пяти автомашин и до 10 автомашин разбито»[141].

30 апреля.

«Группа Шерстнёва <…> в период 17.27–17.32 действовала по живой силе до 50 чел. в окопах на выс. 70, что в лесу Штатсфорст Штахов юго-западнее Хальбе 8 км. <…> В результате уничтожено до 10 человек»[142].

В фотоальбомах, документирующих результаты действий 110-го гв. ШАВП, десятки фотографий разбитых домов, искорёженной немецкой техники, разбросанных по обочинам, обгоревших, перевёрнутых грузовых и легковых автомобилей, неубранных трупов. Мёртвые пейзажи войны — торжество *натюрморта.*

«Осмотром местности 3.5.45 г. комиссия установила:

1. В результате бомбардировочно-штурмовых ударов в указанных районах противник понёс большие потери как в технике, так и в живой силе.

2. Барут и по дорогам идущим (по лесному массиву) на Хальбе, Торнов, Фрейдорф, Нойендорф сожжено, разбито и подбито большое количество танков, самоходных орудий и автомашин (все дороги забиты разбитой техникой противника). По всем дорогам и по всему лесному массиву от Барут до Хальбе имеется большое количество убитых солдат и офицеров, на ст. Барут сожжен ж. д. состав до 20 вагонов.

3. Тойпитц — в центре города и на его восточной окраине разбито и сожжено до 100 автомашин. По дороге на Тойпитц — Хальбе разбито и сожжено до 50 автомашин.

4. Хальбе — в самом населённом пункте разбито и сожжено до 200 автомашин, 12 танков, до 100 мотоциклов и убито более 1000 чел. Солдат и офицеров. В лесу вокруг ХАЛЬБЕ сожжено, разбито и брошено много танков, самоходных орудий, автомашин и другого военного имущества (которого учесть не представляется возможности), а также по всему лесу большое количество убитых солдат и офицеров.

5. По дороге Хальбе — Вендиш Бухгольц разбито и сожжено до 50 автомашин и 5 танков, в населённом пункте Вендиш Бухгольц разбито и сожжено до 100 автомашин и 6 танков.

6. Во всех указанных пунктах интенсивно действовала штурмовая авиация по таким признакам: вся территория этих пунктов изрыта воронками взорвавшихся бомб, везде видны гильзы и звенья пушек ВЯ. Танки подожжены бомбами ПТАБ, а подбита вся ходовая часть осколками фугасных и крупно-осколочных бомб; автомашины, повозки и живая сила поражалась всеми видами вооружений»[143].

Всего за апрель полк произвёл 776 самолёто-вылетов с налётом 631 часа 20 минут. Из них боевых эффективных самолёто-вылетов — 516, с налётом 328 часов 33 минуты[144].

30 апреля приказом 6-й гвардейской штурмовой авиационной ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени дивизии № 014/н Александр Зиновьев награждён орденом Красной Звезды № 2095519 (Орденская книжка А-224070)[145]. В наградном листе сообщается: «За период боевых действий на 1-м Украинском фронте произвёл 12 успешных штурмовых боевых вылетов на самолёте Ил-2 с боевым налётом 11 часов 56 минут.

В боях с немецко-фашистскими оккупантами показал себя мужественным и отважным лётчиком-штурмовиком.

Лично за 12 боевых вылетов тов. Зиновьев уничтожил: 4 автомашины с войсками и грузом, подавил огонь 1 батареи зенитной артиллерии, разрушил 8 домов, создал 5 очагов пожара, расстрелял из пушек и пулемётов 25 гитлеровцев»[146].

«Должен сказать, что я, как и другие, с удовольствием принимал участие в боевых вылетах. Настроение было праздничным, приподнятым. Было приятно ощущать себя обладателем мощной боевой машины, было приятно бросать бомбы и стрелять из пушек и пулемётов. Жертв нашей „работы“ мы не видели близко. Они фигурировали в наших отчётах в виде чисел убитых солдат и офицеров противника и уничтоженной техники. Иногда мы летали бреющим, т. е. на малой высоте, расстреливая из пушек и пулемётов мечущихся на земле людей. И это тоже доставляло удовлетворение»[147].

Ещё одна жестокая правда войны, о которой почти никто

никогда не говорит. О которой не принято говорить. О которой боятся говорить. Ибо в ней слишком много правды о человеке. Она под силу лишь избранным. И ничто не может её отменить. Даже то, что убивающий сам каждую минуту может быть убитым. А в тех последних боях войны пощады не было никому. Смерть собирала с её полей свой последний урожай.

«По нам, конечно, стреляли зенитки. На нас нападали „мессера“. И многих сбивали. В этом было мало приятного, но мы знали, что если тебе суждено погибнуть, то „это только раз“»[148]. В 110-м гв. ШАВП человеческих потерь, к счастью, больше уже не было. Благодаря везению. Профессионализму. Чуду.

17 апреля «при выполнении боевого задания самолёт мл. лейтенанта Андрейчикова был сильно подбит МЗА противника, у самолёта были пробиты водорадиатор, плоскости, шасси, костыль, фюзеляж и несмотря на это тов. Андрейчиков привёл машину на свой аэродром, отлично произвёл посадку, сохранил машину. Командир полка гв. Подполковник Зубанев объявил ему благодарность»[149].

18 апреля «самолёт № 99110, лётчик гв. лейтенант Кротов, над целью получил значительные повреждения от ЗА (зенитной артиллерии. — *П. Ф.*), был отбит элерон, повреждена плоскость и пробиты пневматики обоих колёс шасси. Несмотря на значительные повреждения гв. лейтенант Кротов довёл самолёт до своего аэродрома и произвёл нормальную посадку, пробежав 120 м самолёт из-за повреждения пневматиков загруз, стал на нос и затем упал на хвост. Повреждён фюзеляж. Самолёт восстановлению не подлежит»[150].

22 апреля «при возвращении с боевого задания гв. капитан Морозов потерял ориентировку, произвёл вынужденную посадку в пункте Штайнбах, с ним гв. мл. лейтенант Баробохин, в. стрелок гв. старшина Коновалов, самолёт ИЛ-2 № 11784. 22.4.45 г., гв. капитан Морозов, взлетел с места вынужденной посадки и возвратился на свой аэродром. Лейтенант Баробохин, в. стрелок старшина Коновалов при взлёте с вынужденной посадки отказал мотор, в результате чего скатился в лес, потерпел аварию. Самолёт разбит, ремонту не подлежит»[151].

25 апреля «в результате противодействия ЗА на 3-ем заходе самолёт № 3989, лётчик гв. лейтенант Майоров, в. стрелок гв. ст. сержант Полищук, подбит ЗА противника, на самолёте с горящим мотором и завалившейся одной ногой шасси гв. лейтенант Майоров стал тянуть на свою территорию и передал по радио, что идёт на вынужденную посадку, самолёт приземлился в 3 км юго-восточнее Ламсфельд, что 6 км западнее Либерозе, после чего лётчик и воздушный стрелок выскочили из горящего самолёта и,

отстреливаясь от подбегающих к самолёту солдат противника, скрылись в лесу. Истребители сопровождения обстреливали бежавших солдат противника до тех пор, пока экипаж скрылся в лесу»[152].

26 апреля «при возвращении над нашей точкой, зам. ведущего был атакован на Н—200 м (на высоте 200 м. — *П. Ф.)* сбоку двухмоторным самолётом противника нового типа с очень большой скоростью. Произвёл одну очередь, но не попал и ушёл с горкой вверх. Потерь нет. 521645 получил повреждение от МЗА. После посадки группы Голощапова на стоянках было обнаружено, что у трёх самолётов в кассетах зависли по одной бомбе ПТАБ. При этом из одного самолёта выпала бомба ПТАБ и взорвалась, в результате легко ранен лётчик гв. мл. лт. Кобелев»[153].

29 апреля «ранен воздушный стрелок Настенко (в руку и ногу). Придя на аэродром, ведущий заметил одного МЕ-262, подал команду по радио стать в круг, приказал воздушному стрелку дать ракету и замкнул круг. МЕ-262 идя на параллельном курсе на Н—400 атаковал 645, лётчик мл. лейтенант Зиновьев, воздушный стрелок вёл по нему огонь. Заметив подходящих двух 524, 629 МЕ-262 развернулся и отошёл. Ведущий Шерстнёв, лётчик Хомяк, Коробейников и воздушные стрелки вели огонь. В результате МЕ-262 со снижением ушёл на юг. 629 его преследовал»[154].

Его орден мог стать *посмертным.*

Ему могла достаться *другая* красная звезда — на могильной пирамидке.

До Победы оставалось *несколько дней.*

До Победы оставалось несколько дней. Полк находился в постоянной боевой готовности, но заданий на вылет не получал. 7 мая его переводят на аэродром Грассау, ближе к чешской границе — несмотря на взятие советскими войсками Берлина, здесь ещё продолжались бои.

8 мая во второй половине дня полк эшелонированными действиями пяти групп по 6 самолётов Ил-2 каждая уничтожал живую силу и технику противника в пунктах Нейгерсдорф, Румбурк, Красная Лига, Каменице, Эгренберг. Погода была облачной, лёгкая дымка на высоте 200 м ограничивала видимость до 4–6 км[155]. Зиновьев в этот день поднимался в небо дважды. Противник оборонялся с остервенением отчаяния. Наши тоже не жалели боеприпасов.

«Группа гв. капитана Шерстнёва в составе 6 Ил-2 под прикрытием 4-х Як-9 107 ГИАП в период 18.15–18.17 действовала по автомашинам до 80 единиц и живой силе до 100 человек по

дороге Нови-Каменице. Рация наведения на вызовы не отвечала. Взлёт 17.45, посадка 18. 51. Налёт 6 ч. 14 м. К цели подошли на Н-1500 м шестёркой в правом пеленге. Цель обрабатывали с круга, произвели 2 захода с севера на юг. Бомбы сбрасывали с пикирования с Н—400 под углом 30° с одновременным обстрелом, штурмовали до Н—200 м. Израсходовано ФАБ-100 — 8, АО-100 — 2, ФАБ-50 — 7, АО-25-36, РС-82 — 3, ВЯ — 680, УБТ — 50, ШКАС — 400. В результате разбито и подожжено 29 автомашин, рассеяно и уничтожено до 130 солдат. Фотографирование не производилось из-за отсутствия фотоаппаратов. ЗА до 1-й батареи и МЗА до 3-х батарей оказала сильное противодействие с высоты 733 Каменицы и Красна Липа. Встреч с ИА (истребительная авиация. — *П.Ф.)* противника не было. Потерь нет. 1 самолёт получил повреждения от ЗА и требует ремонта ПАРМ (Передвижная авиационная ремонтная мастерская. — *П. Ф.*)»[156]. «У меня был повреждён руль глубины. При посадке тяга руля совсем оборвалась. Если бы я в воздухе сделал резкое движение, то гибель была бы неизбежна»[157].

Так закончилась *его* война.

Шестьдесят лет спустя, в мае 2005-го, он напишет: «Мне неоднократно задавали вопрос: что из прожитой жизни я хотел бы повторить? Я отвечал и отвечу сейчас так: совершить хотя бы один боевой вылет на штурмовку объектов врага, пусть даже последний»[158].

«За образцовое выполнение заданий командования в боях при прорыве обороны немцев на реке Нейсе и овладении городами Котбус и другими и проявление при этом доблести и мужества» 110-й гв. ШАВП был награждён орденом Александра Невского[159].

Зиновьев получил медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»[160].

«В ночь на 9 мая был принят по радио акт о безоговорочной капитуляции и Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении 9 мая всенародного праздника — Дня Победы. Эти документы к утру были отпечатаны, разосланы во все части и вывешены в общественных местах. В торжественно приподнятой обстановке утром 9 мая прошли митинги, посвящённые всенародному торжеству — Дню Победы.

Прославленный лётчик гв. капитан Сибиркин заявил на митинге: „Наш полк внёс большой вклад в разгром ненавистного врага. Мы должны и в мирной обстановке продолжать свои славные традиции“.

„Гибель на боевом посту славных соколов Столярова,

Масленникова, Набокова и других наших товарищей, — говорит командир АЭ гв. капитан Шерстнёв, — не прошла даром, она принесла нам великую победу над ненавистным и коварным врагом“.

„Нашей великой победе мы обязаны своему мудрому полководцу, гению человечества — родному Сталину“, — заявил лётчик Морозов. <…>

Вечером того же дня были проведены торжественные ужины, организован показ самодеятельности, демонстрировались кинофильмы. Везде были выпущены боевые листки. Над всеми зданиями, в которых живёт лётный состав, были подняты красные флаги. Лётный и технический состав соединения отпраздновали День Победы с великою радостью и гордостью за свою родину, мужественный советский народ, за героическую большевистскую партию и великого маршала победы — тов. Сталина»[161].

Тов. Сталин тоже испытывал «великую радость и гордость за свою родину, мужественный советский народ, за героическую большевистскую партию». На торжественном приёме в Кремле 24 мая 1945 года, по старинной кавказской традиции, он произнёс краткую речь и поднял тост: «За русский народ!» Видевший фасад и изнанку войны, позор и унижение, выпавшие на долю русского народа в 1930–1940-е годы, Зиновьев откликнулся на него стихотворением лермонтовской ярости, презрения и боли.

Вот поднялся Вождь в свой невзрачный
рост
И в усмешке скривил
рот.
«Поднимаю, — сказал, — этот первый
тост
За великий русский
народ!»

«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза, — сказал Сталин. — Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны».

«Нет на свете суровей его
судьбы.
Всех страданий его
не счесть.

Без него мы стали бы все
рабы,
А не то что ныне
мы есть».

«Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода».

«Больше всех он крови за нас
пролил.
Больше всех источал он
пот.
Хуже всех он ел. Ещё хуже
пил.
Жил как самый паршивый
скот.
Сколько всяческих чёрных
дел
С ним вершили на всякий
лад.
Он такое, признаюсь, от нас
стерпел
Что курортом покажется
ад».

«Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошёл на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».

«Много ль мы ему принесли
добра?!
До сих пор я в толк

не возьму,
Почему всегда он на веру
брал,
Что мы нагло врали
ему?
И какой народ на земле
другой
На спине б своей нас
ютил?!
Назовите мне, кто своей
рукой
Палачей б своих
защитил!»

«И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

Вождь поднял бокал. Отхлебнул
вина.
Просветлели глаза
Отца.
Он усы утёр. Никакая
вина
Не мрачила его
лица.

(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты.)[162]

Ликованием вмиг переполнился
зал.
…А истерзанный русский
народ
Умиления слёзы с восторгом
лизал,
Все грехи отпустив ему
наперёд[163].

Его антисталинизм, приглушённый страдою войны, в мирной жизни пробудился с новой силой. Уже в первые недели стало

очевидно, что руководство страны не готово к новой ситуации. Лозунг «Всё для фронта — всё для победы» означал: «Ничего — для дома, ничего для мира». Но вот фронта нет, победа одержана, а дальше? О «дальше» подумать было некогда. За общей установкой восстановления народного хозяйства никакой конкретики не стояло. И особенно социального плана. О людях, о народе, преображённом испытаниями войны, опять забыли. Эйфория парадов и митингов прикрывала полную растерянность и неготовность власти начинать возрождение мирной жизни. Как-нибудь само всё устроится. Отстроится. Пристроится. Под мудрым руководством партии большевиков и её Великого Вождя. Новым — *трудовым!* — подвигом. И новыми жертвами. Кнутом и пряником.

Кнутом, пока пряников не напекли.

Что делать с армией, тоже было не очень ясно. Сразу всех демобилизовать невозможно, да и обстановка не позволяла. Но и в таком количестве войска уже не нужны. Необходимо было чем-то занять миллионы молодых мужиков, возбуждённых победой, весной и заграницей.

Буквально на следующий день после официального окончания войны по всем частям, и 110-й гв. ШАВП не был исключением, состоялись совещания офицерского состава по вопросам выполнения распорядка дня, организации и методики проведения занятий по наземной подготовке[164]. Особо голову не ломали — вспомнили про строевую подготовку. Надёжное средство восстановления армейского порядка! Начались ежедневные построения на плацу и прочая муштра. Для усмирения сил — обязательные два часа физподготовки. Не забыли и про политучёбу — два раза в неделю по два часа изучали речи Сталина, марксистско-ленинскую теорию, международную обстановку. Да уставы армейские вспомнить-подучить — тоже полезное занятие. Иногда — пострелять в цель. И что-нибудь для поддержания профессиональных навыков. У лётчиков: тренировка в штурманском глазомерном расчёте, тренировка в кабине самолёта Ил-2, способы восстановления ориентировки, способы и средства самолётовождения по наземным ориентирам, особенности применения штурманской службы в штурмовой авиации, основные данные мотора АМ-38Ф и даже — исключительно актуально! — «действие ШАП по живой силе на поле боя и в траншеях при прорыве обороны противника». 6–8 часов учебных занятий в течение дня[165].

И всё равно — удержать было невозможно. Погода стояла отличная. Всё кругом цвело. Дни становились длиннее, ночи —

теплее. Дисциплина ползла по швам. Пьянство приняло массовый характер. Временами возникали драки, часто с пальбой из оружия. Снаряжались регулярные походы за трофеями. Наплевав на запреты, вступали в сексуальные отношения с немками.

Меняли место дислокации. Один раз. Другой. Третий.

В середине июня из Грассау, откуда делались последние боевые вылеты, перебрались в Пардубице (Pardubice) в Центральной Чехии, на слиянии рек Лабе и Хрудимки, в 104 километрах к востоку от Праги.

Через два месяца, в начале сентября, — в Секешфехервар (Székesfehrvár) в Венгрии, юго-западнее Будапешта.

В декабре — в Винер Нойштадт (Wiener Neustadt) в Австрии.

И везде картина повторялась.

В итоговом приказе за июнь месяц командир полка Зубанев констатировал: «Не выдерживается в подразделениях распорядок дня, особенно вяло проходит подъём и физическая зарядка, а также не наблюдаются требования уставов при построении подразделений и внешнего вида. До сего времени советско-воинская дисциплина в подразделениях находится на низком уровне. Имеются случаи грубого нарушения несения караульной службы, сон на посту <…>. В большинстве нарушение воинской дисциплины в июне месяце связана с самовольными отлучками и пререканиями»[166].

3 июля «в 110 гв. ШАВП лётчик Л-ов в городе нашёл водку, выпил, после чего познакомился там с русской девушкой и в разговоре с ней он начал её подозревать как шпионку и повёл её в городскую комендатуру. В это время подъехал гв. майор В-кий и инженер полка, забрали эту девушку в машину и хотели увезти. Л-ов стал сопротивляться, получилась драка, во время которой майор В-кий и инженер полка избили Л-ова и увезли эту девушку»[167].

«18.7.45 в 110 гв. ШАВП ст. техник-лейтенант О-ев, б. п., и механик самолёта гв. техник-лейтенант З-вец, чл. ВКПб, днём, в рабочее время напились пьяными, были не в состоянии работать и заниматься. Оба были арестованы командиром полка, а член ВКПб т. З-вец разобран на партбюро полка и объявлен ему строгий выговор.

В этом же полку лётчик, гв. мл. лейтенант П-ов, б. п., пошёл к местным жителям-чехам, напился у них пьяным и отравился и лишь благодаря вмешательству врачей его удалось спасти»[168].

Начальник политотдела 6-го гв. ШАД гвардии полковник Ф. Черников в очередном политдонесении докладывал: «Необходимо отметить, что за последнее время участились пьянки. Командиром дивизии и мною даны указания о проведении не только партийных и комсомольских собраний, но и строевых, отдельно сержантских и офицерских с вопросом „О состоянии и укреплении воинской дисциплины“. Такое строевое собрание уже проведено в 110 гв. ШАВП, на котором присутствовал командир дивизии»[169].

В июле в полку было наложено пятнадцать дисциплинарных взысканий, при том что командиры относились к нарушениям дисциплины достаточно лояльно. Командир полка специально отмечал в приказе, «что дисциплинарной практикой пользуются не все категории командного состава, имеющие право налагать дисциплинарные взыскания. Слабым звеном являются командиры эскадрилий, которые в течение месяца не наложили ни одного взыскания»[170]. В основном взыскания относились всё также к

нарушению караульной службы, появлению в пьяном виде в общественных местах и пререканиям со старшими командирами.

Среди личного состава накапливалось раздражение и недовольство. Всем хотелось поскорее вернуться домой. Послевоенные «каникулы» затянулись. Пора было заняться делом. В разговорах между собой люди не скрывали критических настроений. Начались внешне немотивированные самоубийства.

Полковник Черников всё добросовестно фиксирует: «Массовое настроение и желание побыстрее побывать в отпуске. Так, например, в 110 гв. ШАВП гв. старшина Шубин, член ВКПб, заявляет: „У меня в голову ничего не идёт, только и думаю — как бы попасть в отпуск и побыть дома“.

Лётчик этого же полка т. Коробейников заявил: „Почему дают в первую очередь отпуск техникам и штабным работникам? Ведь мы, лётчики, вынесли главную тяжесть войны, а не они“»[171].

«Ряд офицеров не имеет положенного офицеру обмундирования. Гв. техник-лейтенант Алоничев — 110 гв. ШАВП, заявляет: „Слов нет, у нас офицерский состав живёт плохо, не получает даже положенного ему обмундирования“»[172].

«Имеется много отрицательных настроений и недовольств по семейным вопросам. Например, офицеры 110 гв. ШАВП Мирошниченко и Пажитов спрашивают: „Когда же будет дано разрешение на привоз семьи, так как нет больше терпения ждать?“ Семьи их дома, живут плохо, квартир нет, топлива нет, а помощи им в этом никто не оказывает»[173].

«У некоторых лиц вызвали интерес продажи Советским правительством хлеба Франции. В беседе с товарищами сержант Серухин 154 гв. ШАП заявил: „По-моему напрасно продали хлеб Франции. Сначала надо бы у себя количество хлеба увеличить, а продать можно было бы позже. Запасы у нас небольшие, об этом и правительство говорит, а всё же продали“. Несколько в иной форме это же настроение высказано мастером по электрооборудованию 110 гв. ШАВП Сергеевым, б. п., в кругу товарищей Сергеев говорит: „Смотрите, австрийцы живут культурно, работают мало, имеют хорошие квартиры, а у нас колхозники живут в землянках, хлеба в достатке не имеют, а во Францию продали 500 тонн“ <…> В этом же 110 гв. ШАВП гв. старший сержант Емелин, член ВЛКСМ, в беседе с товарищами заявил, что в Советском Союзе только начальство живёт хорошо, а остальной народ — плохо, нет заботы о человеке, только в газетах пишут об этой заботе. Колхозникам ничего не дают, а работать заставляют много, единоличное, мол де, хозяйство было лучше»[174].

Зиновьев тоже томился бессмысленностью службы. Подавал

рапорты на увольнение, но получал отказ. Месяц проходил за месяцем, наступил 1946 год, а он всё ещё тянул лямку в полку. Тем временем десятками демобилизовывали наземный состав. Это раздражало и злило. Хотелось успеть вернуться к началу учебного года, попробовать продолжить университетский курс. Его новый опыт, наблюдения, мысли требовали оформления. Как никогда прежде, он чувствовал необходимость овладеть инструментом понимания. Если нужно — изготовить его самому. Для этого требовалась профессиональная подготовка.

Война сильно изменила его. Теперь он держался уверенно и дерзко. Даже позволял себе идейное фрондёрство. Всё тот же Черников, возмущаясь пренебрежением политзанятиями, доносил: «Имеют место недостатки в учёбе, главным образом, которые сводятся к несерьёзному отношению к занятиям отдельных офицеров, таких как лётчик 110 гв. ШАВП Зиновьев, чл. ВЛКСМ, который занимается плохо, считает занятия второстепенным делом и халатно к ним относится»[175]. Ну не считать же ему эту пустозвонную, набитую газетными штампами и малограмотными фразами белиберду достойной внимания! Даже смеяться над ней уже скучно и неинтересно.

Он решает попробовать написать что-нибудь серьёзное и значительное. Хотя бы так, в образах и событиях, зафиксировать пережитое и передуманное. Пусть пока без масштабных выводов и обобщений, но всё же цельно. С деталями и подробностями. Это должна быть настоящая правда, а не лубок вроде тех бесчисленных «книжек для бойца», которыми наполнены политотдельские библиотечки и «красные уголки» и которые негодны даже для закруток, не то что для чтения. Про подвиги и геройство пишут те, кто на войне по-настоящему не был, кто видел её только со стороны, в журналистских командировках, а то и вовсе — с чужих и недостоверных слов. Пишут для тех, кто никогда на войне не был, не видел её даже со стороны, кто готов поверить в любую патриотическую небылицу, лишь бы враг был разбит, а победа была за нами. Подвиг — приступ безумия, отчаяния и тоски. Ему нет места в жизни. Он — из другого измерения. А война — это жизнь, во всей своей полноте и неприглядности. Во всей полноте своей неприглядности. Вот об этом и надо писать. О подвигах пусть пишут газеты.

Его юность была оборвана предательством. Его спровоцировали институтские товарищи, подло подтолкнув на то бессмысленное и гибельное выступление. На него донесли бывшие одноклассники. Свои деревенские, что-то заподозрив, поспешили стукнуть в город. Да и в армии — всё время под

прицелом чьих-то озабоченных глаз, настороженных ушей, чутких носов. Органов.

Предательство — ключевое слово эпохи. Повсюду доносительство и надзор. Занятие занимательное и, как оказалось, выгодное. Стыдное не более, чем любой другой грех человеческий. И столь же сладкое. Люди предаются ему с лёгкостью и воодушевлением. Отдаются всем сердцем. И потом — как иначе углядеть за порядком в такой гигантской стране? В *нашей* стране? Власть у нас — народная, так что кому ещё её блюсти, как не народу, то есть — нам! Донос есть одна из форм проявления народовластия! Подлинного, сущностного, неформального. Живого. Это не шутки. Тут — дело. Так и на папках НКВД, куда складывают доносы, пишут: «Дело». А в НКВД знают, что писать. *Общенародное дело.*

Он припомнил, как в начале службы, по дороге на Дальний Восток, трясясь сутками в холодном вагоне, он сдружился с интеллигентным мальчиком с поэтической фамилией, начитанным и мыслящим, как держались они вместе во время карантина, как вместе выживали на учениях и смотрах. И не было закадычнее друзей.

Им было интересно разговаривать, благо общих тем достаточно — книги, искусство, кино. Конечно, говорили и о жизни. Они доверяли друг другу абсолютно. Делились мыслями о происходящем, о будущем. Как-то он проговорился рассказать другу историю своих бед.

Через какое-то время его вызвали в Особый отдел и попросили написать автобиографию, подозрительно пристально расспрашивая о причинах, побудивших его оставить институт, пойти добровольно в армию, о выходе из комсомола. Насочинял, отписался, но если бы не скорая война и предвещавшие её реорганизации и перемещения, ещё неизвестно, какими бы оказались последствия той дружбы.

Почему этот симпатичный, воспитанный мальчик так поступил? Зачем? Он ведь ничего плохого лично ему не сделал. Напротив, всегда старался помочь, поддержать. Какова природа предательства? Каковы её истоки? Тут одной психологией не обойтись. Пошло. Да и ничего не проясняет. Напротив, запутывает, уводит в дебри иррационального. Надо искать в очевидном. Истина всегда открыта.

Предательство — не единоличный акт, а результат совместных действий. Если бы не было тех, кому доносить, не было бы и доносчиков. Вот в чём дело. Нужно показать механизм взаимодействия интересов, выстроить систему, порядок. И главный в этой системе — не предатель. Предателей миллионы.

Они — побочный продукт. Главный тот, кто заказывает музыку.

Свою повесть Зиновьев выстраивает вокруг образа полкового особиста. Это даёт ему возможность представить широкую панораму осведомительской деятельности, описать типы и функции доносов, их тематику и объекты. Всё это иллюстрируется примерами, историями, анекдотами. Его повесть — месть предательству. Его месть — правда. И пусть ему ещё не всё удаётся с точки зрения литературной формы, явно устаревшей для такого материала, он определился с методом. Его художественное кредо — беспощадность!

Он отдаёт отчёт, насколько рискован замысел и какие могут быть последствия, если рукопись попадёт в чужие руки, но тема — жжёт. Не отпускает. Она слишком больно далась ему, чтобы отказаться. И ещё, он чувствует, что ухватил что-то существенно важное в характеристике того общества, которое сложилось в СССР, в котором он вырос и в котором предстоит жить. Предательство как-то связано с самой природой советского общества. Нет, само по себе оно, конечно, не является его сутью. Да и предатели были во все времена и во всех странах. Евангельская истина! Но те масштабы, которых достигло предательство в социальной практике советских людей, заставляют взглянуть на него как на феномен, специфически присущий именно такому типу их объединения. Проще говоря, социализму. И даже — что кривить душой! — коммунизму.

Предательство как социальный феномен реального коммунизма станет одной из главных тем будущих романов Зиновьева. Его герои не мыслят себя без этого. Они непрерывно, усердно, настойчиво, красноречиво, с выдумкой и фантазией, преодолевая страх и тошноту, мучительно, изнемогая и корчась, пишут друг на друга доносы. Без роздыха. Наперегонки. Писание доносов для них — почти физиологическая потребность. Как еда, сон, испражнение, секс. Для них это так естественно, что никто уже и не обращает внимания. Что естественно, то не безобразно. Выпил лишку пива — пошёл под кустик, отлил. Поболтал в компании от души — стукнул куда надо.

В «Повести о предательстве» Зиновьев предпринял первую попытку системного описания предательства как социального феномена, хотя и не был до конца удовлетворён тем, что получилось. Через некоторое время (это отдельная история) повесть пришлось уничтожить. Частично он восстановит её в романе «Нашей юности полёт», включив в состав многоуровневого художественно-социологического исследования феномена предательства.

Рукопись повести — единственный трофей, который он

привезёт с войны.

В полку Зиновьев пробыл до последнего дня его существования.

30 мая 1946 года приказом командира полка по личному составу № 94 гвардии младший лейтенант А. А. Зиновьев на основании плана перемещения офицерского состава 110-го гв. ШАВП, утверждённого командующим 2-й Воздушной армией от 29 мая 1946 года, откомандировывался «в резерв» с 1 июня 1946 года[176].

31 мая 1946 года приказом по полку № 78 в соответствии с директивой Генерального штаба Вооружённых сил Союза ССР № ОРГ/1/98 от 5.5.1946 года, приказом 2-й Воздушной армии № 0010 от 13.5.1946 года и 1-го Гвардейского штурмового авиационного корпуса № 0050 от 14.5.1946 года 110-й Гвардейский штурмовой авиационный висленский ордена Александра Невского полк считался расформированным[177].

Зиновьев прослужил пять лет и десять месяцев. С ноября 1940-го по июнь 1946 года. *Все годы войны.* Он встретил её на западных рубежах и завершил в боях за Прагу. Но так сложилось, что в действующей армии он был только полтора месяца. В воздухе во время боевых вылетов Зиновьев провёл 20 часов. Непосредственно в боевых действиях — 158 минут. Такое впечатление, что Судьба, дав ему испытать и лично пережить ключевые моменты воинской и военной службы, сознательно ограничила его участие в зоне активных событий. Берегла для иных целей. Видела иной его миссию.

Армия дала Зиновьеву богатый материал для изучения социальных отношений. Идя в неё, он, конечно, менее всего думал о социологии. Он искал спасения. Но неожиданно он получил уникальную возможность наблюдать за процессами социальной динамики в их специфической, утрированной обстоятельствами, иногда почти карикатурной и потому наиболее явной и характерной форме. Их однообразие и повторяемость, наблюдаемые годами, позволили ему лучше разглядеть структуру и механизм целого ряда первичных социальных объединений.

Как известно, проведение социальных экспериментов — дело сложное, затратное и не всегда эффективное. Искусственно создаваемые условия неизбежно ущербны, вынужденно ограниченны. Они не адекватны живой жизни, и потому их результаты истинны лишь частично, а иногда даже ошибочны или умышленно искажены. Ему же Судьба предоставила грандиозную социальную лабораторию. Бесплатно. Безгранично. Нужно было лишь об этом догадаться. По счастью, он был сметлив. И у него

уже был некоторый опыт абстрагирования — опыт выживания крестьянского мальчика в большом городе. Он умел смотреть и обдумывать увиденное. Его это увлекало. Он не упустил свой шанс на эксперимент.

Именно в эти годы сформировался его приоритетный интерес к социологическому, а не психологическому аспекту человеческого индивидуума. Весь армейский быт, с первых дней службы, подсказывал это. Армейская форма, унифицированная во всех своих деталях, превращала разношёрстных призывников в однообразных бойцов. Под пилоткой и гимнастёркой всё личное становилось *безличным.* Всё частное — общим. Конкретное — абстрактным. Стирались *черты* лиц — оставались только глаза, носы, рты, уши. Исчезали фигуры — сохранялись головы, торсы, руки, ноги. Походка превращалась в шаг. Физподготовка и одинаковое питание исправляли особенности физиологии. Политзанятия — мозги. Всё это облегчало работу невольного исследователя, бывшего одновременно и участником эксперимента.

За годы армейской службы он сменил несколько коллективов. Он повстречал сотни людей, разных по своему происхождению, образованию и культуре. И он видел: кем бы они ни были, в определённых условиях они, не задумываясь, без подсказки и руководства, вели себя одинаково. Оказавшись вместе и принужденные жить общей жизнью, они организовывали её одним и тем же образом. Именно здесь, в армии, он особенно отчётливо осознал значимость социальных отношений, их силу и влияние на личность и историю. Много позже, осмысляя свою жизнь, Зиновьев напишет: «Годы армии и войны не пропали для меня даром. Они стали для меня фактической школой (если ещё не университетом) будущей философской, социологической и литературной деятельности»[178].

Ещё три недели его не отпускали. Только 23 июня он наконец-то был уволен из рядов Красной армии: «за невозможностью использования, ввиду сокращения штатов»[179]. Поступая в полк, он, по сложившейся привычке заметать след, в качестве домашнего адреса указал Пахтино, к тому времени, как он уже знал, не существовавшее. Его призывные документы давно затерялись. И вот теперь его зачислили на учёт в Чухломской райвоенкомат! Ну что ж, мать он давно не видел. Есть повод съездить на родину. С припиской надо как-то решать вопрос. Без взятки наверняка не обойтись, но иначе путь в университет закрыт.

В Москве он начинает энергично действовать. Вновь

прописался на Большой Спасской. Разузнал про учёбу. Оказалось, что как фронтовик, начавший своё обучение в МИФЛИ до войны, имеет право без экзаменов восстановиться на философский факультет МГУ (в состав которого в 1941-м влился МИФЛИ). В архиве МГУ взял соответствующую справку. Вместе с заявлением и краткой автобиографией сдал всё в канцелярию. Переговорив с отцом и братьями, в Чухлому поехал не только для того, чтобы сняться с учёта, но и забрать в Москву мать и живших с ней младших детей — Владимира и Антонину. Решили, что вместе выживать будет легче. Спокойнее друг за друга.

Поездка вызвала противоречивые чувства. От станции Антропово почти двадцать километров он привычно прошагал пешком. Праздничная зелень лета, трудовое оживление природы, могучий, щедрый, исполненный внутренней жизни лес, звенящие деловитым гулом насекомых поля, дорога, памятная с детства, сама подгоняющая ногу, наполняли радостью и счастьем. Но уже первые встреченные по пути деревни настораживали неустроенностью и запустением. А разорённое Пахтино и вовсе вызвало горечь и гнев. Спасибо, мудрая мать, как всегда, нашла простой и верный тон общения. Без жалоб, без ненужных обид. Спокойный. Сердечный. Она видела своего любимца Сашу живым и светло радовалась. Здоровым, красивым, решительным. С Красной Звездой на гимнастёрке. Не зря она все эти годы молила Бога. Бог милостив! За пару дней уладив формальности, они скоро собрались и, попрощавшись с соседями, без долгих проводов, не оглядываясь, покинули чухломскую землю навсегда. Здесь их жизнь была прожита до дна.

Теперь их в подвале на Большой Спасской собралось семь человек: отец, мать, сестра Анна с мужем, Володя, Тоня и он сам. Семь я. Вскоре из армии демобилизовался Николай — восьмым!

После относительно отлаженного армейского быта, пусть сурового и не больно разнообразного, но всё же определённого, когда вопросы еды, обмундирования, гигиены были регламентированы соответствующими нормами, за соблюдением которых ответственность несли специальные интендантские службы, после этой специфической беззаботности в мирной жизни предстояло вновь впрягаться в ярмо повседневности. Искать заработок. Решать квартирный вопрос. Социализироваться.

Попытался устроиться в гражданскую авиацию, но через неделю понял, что совмещать полёты с учёбой — нереально. А на стипендию не прожить. Пришлось искать разовые заработки. Чем только не промышлял в студенческие годы! И вагоны разгружал, и ямы под деревья копал, и ночным сторожем был, и кровь

сдавал, и хлебом, добытым по липовым карточкам, спекулировал! А как-то поучаствовал в массовке на съёмках фильма «Сказание о земле Сибирской» — в полосатом халате с деревянным мечом изображал азиата в эпизоде битвы казаков Ермака с войском царя Кучума. Позже, на старших курсах, появилась возможность преподавать в школе логику. Был почасовиком, что позволяло работать сразу в нескольких местах. Выживал, как мог.

Фотографий Зиновьева той поры практически не сохранилось. Только маленькая — 3×4 — в личном деле и в зачётке (одна и та же). Он в гимнастёрке. На груди — орден. Густые волосы широкой волной зачёсаны назад. Уже обозначаются небольшие залысины на лбу. Лицо круглое. Открытые уши и причёска придают ему некоторую остроту. Губы плотно сжаты. Тонкие, рисованные брови. В цепком взгляде — твёрдость и бесстрашие. Общее ощущение напряжённой энергии. Высоковольтной.

Философский факультет занимал особое положение в структуре университета. Это был идеологический факультет. В его задачу входило не только воспроизводить кадры советской философии, но и задавать идеологический тон учебного процесса на всех факультетах. В марксистской иерархии научных дисциплин философия — наука наук. Квинтэссенция истины. Всё своей мудростью обнимает. Всё объясняет. Всему даёт правильное направление. Биологии и филологии, физике и истории, химии и праву, географии, почвоведению, математике, экономике — всему, всего, всем! Советская философия считалась стержнем и скрепой знаний. Выступала охранительницей марксистско-ленинско-сталинского мировоззрения. Научной опричниной партии. Философы МГУ чувствовали себя на передовой идеологической борьбы. А она как раз входила в новую фазу. Внутреннюю свободу, обретённую советскими людьми в ходе смертельного противостояния с фашизмом, необходимо было укоротить, подчинить партийной воле, связать клятвами и страхом.

Август 1946-го дал старт мощной идеологической кампании, направленной на усиление партийного руководства всеми сферами духовной жизни. 14 августа вышло погромное постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“». 26 августа последовало не менее грозное постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». 4 сентября получили своё кинематографисты — «О кинофильме „Большая жизнь“». Эта спланированная атака на советскую интеллигенцию имела своей целью сплотить идеологическое войско большевиков, несколько расслабившееся

после победы над грозным и явным противником, поднять его боевой дух, задать идейный камертон послевоенной эпохи.

Партийные функционеры от культуры и науки решительно среагировали на него — труба зовёт! Уже 25 ноября 1946 года в МГУ состоялось общеуниверситетское собрание профессоров, преподавателей и научных работников, на котором с докладом «О перестройке учебной и научной работы университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии» выступил ректор МГУ профессор И. С. Галкин. В первых словах он чётко заявил: «Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии имеют прямое отношение к нам, к высшей школе, готовящей командные кадры строителей социализма. Их прямое отношение к нам объясняется ещё и тем, что мы готовим теоретических работников в области литературы, языка, искусства, философии, логики, психологии, юриспруденции, истории, политической экономии, географии. Да и философско-теоретическая подготовка специалистов в области физики, математики, механики, астрономии, химии, геологии, биологии возможна только на единственной научно-философской основе диалектического и исторического материализма. Кроме того, как известно, наши студенты — это будущие работники научно-исследовательских учреждений, руководители различных участков социалистического строительства; все они не могут стоять вне политики»[180].

Касаясь задач философского факультета, Галкин отмечал: «Особое место в нашей университетской системе занимает философский факультет. Наши философы в большом долгу перед Родиной, и прежде всего перед учащимися и всеми теми, кто желает заниматься диалектическим и историческим материализмом. До сих пор не подготовлены учебники по этим философским дисциплинам. Нет учебника по логике. Нет плана по разработке философского наследия В. И. Ленина. Нет работ по исследованию закономерностей социалистического общества, по вопросу о движущих силах развития советского общества. Работники кафедры диалектического материализма и кафедры истории западноевропейской философии не ведут критики современных буржуазных философских концепций. Слабо поставлена работа по разработке курса социологии»[181].

Секретарь парткома МГУ Сергеев, выступая в прениях по докладу, подчеркнул необходимость усилить работу по идейно-политическому воспитанию студентов. «Для этого, — сказал Сергеев, — необходимо самим научным работникам университета непрерывно повышать свои идейно-теоретические знания. Профессорско-преподавательскому составу следует особое внимание обратить на организацию изучения произведений

товарища Сталина. Учёные университета должны превратить кафедры в организационные центры идейно-воспитательной работы»[182].

В такой обстановке начиналась учёба Зиновьева на философском факультете. И с годами идеологический напор только нарастал. Параллельно в течение многих лет шла ожесточённая борьба между различными лицами и партиями за влияние на факультете, и шире — в философской науке[183]. Противники писали друг на друга откровенные доносы, адресуя их в Министерство просвещения, в Отдел пропаганды ЦК, в Политбюро, лично Сталину. На партсобраниях сыпались взаимные обвинения и упрёки. Стороны не стеснялись в оценках недостатков оппонентов, высказывались жёстко, «по-партийному». У каждой стороны были свои покровители, поэтому идейно-карьерные битвы носили затяжной характер. Всё это так или иначе транслировалось в студенческую среду, отражалось на общей атмосфере на факультете — накалённой и агрессивной.

В 1947 году в Институте философии прошла философская дискуссия (по сути своей идеологическое совещание) о книге кандидата в члены ЦК ВКП(б), начальника Управления пропаганды и агитации Центрального комитета партии, академика Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». С заключительным словом на ней выступил секретарь ЦК А. А. Жданов. Выступление его было согласовано со Сталиным и носило директивный характер[184]. Подвергнув книгу Александрова обстоятельной критике, Жданов объяснил её появление и положительный приём в научной среде, вплоть до выдвижения на Сталинскую премию, «серьёзным неблагополучием» на теоретическом фронте[185]. Этому вопросу была посвящена вторая половина речи Жданова, в ней он обозначил ключевые задачи, которые ставит перед советскими философами партия на новом этапе.

«В нашей стране идёт мощный расцвет социалистического хозяйства и культуры, — сказал в заключение Жданов. — Неуклонный рост социалистического сознания масс предъявляет всё больше и больше требований к нашей идеологической работе. Идёт развёрнутое наступление на пережитки капитализма в сознании людей. Кому, как не нашим философам, возглавить ряды работников идеологического фронта, применить в полной мере марксистскую теорию познания при обобщении огромного опыта социалистического строительства и при решении новых задач социализма!

Перед лицом этих великих задач можно было бы спросить: способны ли наши философы поднять на свои плечи новые

задачи, есть ли порох в философских пороховницах, не ослабла ли философская сила? Способны ли наши научные философские кадры своими внутренними силами преодолеть недостатки своего развития и перестроить по-новому свою работу? В этом вопросе не может быть двух мнений. Философская дискуссия показала, что эти силы есть, что эти силы немалые, что эти силы способны вскрыть свои ошибки для того, чтобы их преодолеть. Надо только больше веры в свои силы, больше пробы этих сил в активных боях, в постановке и решении жгучих современных проблем. Надо покончить с небоевыми темпами в работе, стряхнуть с себя ветхого Адама и начать работать так, как работали Маркс, Энгельс, Ленин, как работает Сталин»[186].

Итогом дискуссии стало дальнейшее усиление партийного руководства во всех областях философского образования. Не остался в стороне и философский факультет МГУ. Прошли соответствующие заседания партийных бюро факультета и кафедр. Семинары и обсуждения речи Жданова на курсовых собраниях и в учебных группах. В середине ноября научное студенческое общество философского факультета провело собрание, на котором обсуждался вопрос о партийности философии. Доклад на эту тему сделал студент Аскинадзе. В обсуждении доклада приняли участие студенты, аспиранты, доцент Т. И. Ойзерман, профессор З. Я. Белецкий[187] (именно Белецкий был инициатором философской дискуссии — его письмо Сталину от 18 ноября 1946 года, в котором он жёстко раскритиковал книгу Александрова, послужило толчком к масштабной идеологической акции ЦК).

В новогоднем выпуске газеты «Московский университет», 2 января 1948 года, профессор Белецкий в заметке «На новом подъёме» писал: «Прошедший год был для нас, работников философского фронта, замечателен во многих отношениях. Философская дискуссия и речь тов. А. А. Жданова явились крупнейшими событиями этого года. Дискуссия не только двинула нашу философскую науку вперёд, но и помогла также освободиться от буржуазных идей, проповедуемых до последнего времени некоторыми философами. Наметившийся рост активности, целеустремлённости в философской науке позволяет говорить о подъёме работы на философском фронте. Но ещё многое предстоит сделать»[188].

14 февраля 1948 года газета «Московский университет» поместила статью М. Эпштейна «Улучшить подготовку философских кадров», в которой говорилось: «Партия требует от философского факультета подготовки высококвалифицированных кадров „воинствующих философов, вооружённых в совершенстве

марксистской теорией, ведущих развёрнутое наступление на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании советских людей у нас внутри страны, двигающих неустанно нашу науку вперёд, вооружающих тружеников социалистического общества сознанием закономерности нашего пути и научно обоснованной уверенностью в конечной победе нашего дела“ (А. Жданов).

Для подготовки на философском факультете таких философских кадров необходимо, чтобы лекции профессоров и преподавателей были проникнуты большевистской партийностью, подлинной научностью, чтобы они воспитывали студентов в духе указаний ЦК нашей партии. Необходима, с другой стороны, серьёзная и упорная работа всех студентов над освоением учебного материала, привлечение их со студенческой скамьи к участию в творческой научной работе.

В целях улучшения преподавания, устранения ошибок и недостатков в работе отдельных кафедр партийное бюро факультета заслушало на своих заседаниях отчёты руководителей кафедр логики, истории русской философии и истории западноевропейской философии. Работа этих кафедр была подвергнута на бюро серьёзной критике. Особое внимание при этом обращалось на партийность преподавания, на политическую заострённость лекций, на непримиримую марксистскую критику современной буржуазной философии.

Бюро указало коммунистам кафедр на необходимость решительной борьбы с проявлениями буржуазного объективизма и преклонением перед буржуазной наукой (кафедра истории западноевропейской философии — профессор Асмус, доцент Овсянников), с академичностью и формализмом (кафедра логики — профессор Попов, доцент Виноградов). Бюро указало на низкую культуру некоторых лекций по истории русской философии. Эти решения были затем обсуждены на заседаниях соответствующих кафедр, которые приняли меры к их практическому выполнению»[189].

В течение 1947/48 учебного года на факультете было проведено три теоретические конференции по изучению произведений Сталина. Конференции проводились также и по кафедрам. В работе конференций принимали участие почти все профессора, преподаватели и подавляющая часть студентов факультета[190].

В октябре 1948-го в университете широко отмечалось десятилетие выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». «Долг каждого студента, аспиранта, научного работника, — говорилось в передовице газеты „Московский университет“, —

неустанно изучать гениальный сталинский труд „Краткий курс истории ВКП(б)“, черпая из этой сокровищницы марксизма-ленинизма знание законов развития общества, умение пользоваться самой передовой революционной теорией для решения практических задач.

Гениальный сталинский труд — „Краткий курс истории ВКП(б)“ — классический образец творческого марксизма.

Книга товарища Сталина — испытанное руководство к действию. Изучая, претворяя в жизнь её великие идеи, научные кадры университета будут идти в первых рядах советских учёных вместе со всем народом вперёд и вперёд — к полной победе коммунизма»[191].

И *всё* — в таком духе. Всё — в таком *стиле.*

Учебники, книги, газеты.

Лекции, семинары, практические занятия.

Собрания, конференции, политинформации.

Экскурсии, театр, кино.

Обсуждения, осуждения, обличения.

Отчёты, проработки, критика.

Постоянный, непрерывный, безостановочный, бесперебойный, безудержный, яростный бубнёж: партия — народ — революционный — реакционный — передовой — отсталый — коммунистический — буржуазный — Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин — великий корифей науки — Мичурин — товарищ — расцвет — советская власть, интернационал, рабочий класс, колхозное крестьянство, Лысенко, вред, борьба, Сталин, упорно, Ленин, настойчиво, единство, Маркс, блок коммунистов и беспартийных, вейсманисты-морганисты, Энгельс, идейное воспитание, партия! Сталин! народ! массы! революция! Ленин! прогрессивный! Маркс! мракобесие! Марр! идеализм! Энгельс! оппортунизм! героический! Сталин! трудовой! могучий! товарищ! Жданов! победа-Родина-Сталин-Маркс-народ-партия-Энгельс-Ленин-гениальный-забота-коммунизм-гнев-народ-принципиальный-гений-пролетарский-борьба-достижения-великий-трудящиеся-воодушевление-критика-самокритика-отповедь-реакционный-империализм-диалектика-народпартияленинсталинмарксэнгельспартиянародленинленинмарксмалинсталин… ста… ста… ста… мар… лен… эн… пар… нар…

Тупой и звонкий барабанный бой!

«Учёные нашей страны гордятся высокой оценкой, которую дал советской науке товарищ Сталин, указавший на её коренные, основные особенности как науки поистине народной, поистине большевистской»[192].

Нудное, нагоняющее сон камлание.

«Великий корифей науки, товарищ Сталин обогатил и развил марксистско-ленинскую науку об обществе. Его труды служат непреложной основой для плодотворного изучения явлений общественной жизни. В трудах товарища Сталина наши историки, философы, юристы, экономисты, литературоведы находят неиссякаемый источник знаний, пример гениальных решений конкретных вопросов на основе принципов непримиримой, большевистской партийности, марксистско-ленинской методологии»[193].

От зевоты челюсти сводит. Бежать хочется.

И сбегали.

«Вот, к примеру, тебе сейчас надо идти на лекцию в „круглый зал“ (угол Герцена и Моховой). История КПСС. Читает профессор Гурвич. Читает, конечно, блистательно. От скуки сдохнуть можно, но здорово шпарит. Потом его за космополитизм куда-то убрали. Теперь-то мы знаем, что нехорошо поступили. А тогда мы хихикали: ещё одного подонка из этой банды трепачей убрали! Ну да дело прошлое. Итак, читает Гурвич. Ты вспоминаешь об этом. Отчётливо видишь его на кафедре-трибуне. С поднятой рукой. Словно сам Ильич на броневике. Отчётливо слышишь его чеканный голос. Только Маркс и Энгельс!.. Только Ленин и Сталин!.. И тебе становится тоскливо, и не выпить уж никак нельзя. И ты потихоньку, блудливо опустив глаза, проскальзываешь в толпе мимо комсорга группы, парторга группы, старосты группы, старосты курса, уборщицы тёти Даши, инспектора учебной части Тебенькова (фамилию его мы произносили без буквы „Т“)…, быстро мчишься мимо памятника Герцену (или Огарёву?), скрываешься под арку центрального входа, выныриваешь с противоположной стороны во внутренний двор и через ворота налево мчишься на улицу Герцена, как раз напротив скопления пивнушек, получивших общее название „Ломоносовка“. Теперь на этом месте нет ничего. Что-то вроде клумб и газончиков и скамеек, на которых избегают сидеть даже пенсионеры.

И ты не одинок. Вслед за тобой филолог Костя (он чуточку отстал от тебя, поскольку его факультет был этажом выше). С какой лекции удрал Костя, он сам не знает. Около истфака вас уже ждёт историк Эдик. Он смылся с лекции профессора Толмачёва, одного из самых выдающихся кретинов советской (очень богатой кретинами) истории. Того самого, который четвертовал Польшу на три неравные половины. Толмачёва мы все хорошо знаем. Им потчуют первокурсников на всех гуманитарных факультетах университета. В аудиторию Толмачёв не входит, а врывается, на бегу срывая с себя шляпу, пальто и ещё

какие-то тряпки. Ещё от двери начинает истошно вопить какую-то дребедень. К примеру, такую: в то время, как буржуазия ела цыплят, лимоны, апельсины, шпроты и прочие цитроусы, пролетариат подыхал с голоду на баррикадах. Дорвавшись до кафедры, Толмачёв приходит в неистовую ярость. Скидывает пиджак, расстёгивает галстук. Говорят, что однажды он чуть было брюки не снял. И зовёт нас спасать жизнь Карла Либкнехта и этой, как её, Клары Цеткин… Нет, Розы Люксембург. Толмачёв — член партии с семнадцатого года. И с тех пор играет роль пламенного революционера.

В „Ломоносовке“ нас ждёт экономист Степан. Он фронтовик, прошёл огни и воды. Три ранения. Куча орденов. Нервы железные, закалённые. Но и он не может выдержать, когда профессор Токмолаев в сотый раз начинает жевать высоты марксистской экономической мысли: одна сапог равен два булка… Степан на четвереньках выползает из аудитории, послав на… старосту, парторга, комсорга и всех прочих. Ему можно, он — ветеран, золотой фонд университета»[194].

Философский факультет готовил преподавателей средних школ, техникумов, вузов и работников научно-исследовательских учреждений. В его составе было три отделения: философское, психологическое, логики и шесть кафедр: диалектического и исторического материализма, истории русской философии, истории западноевропейской философии, психологии, логики и педагогики. Согласно учебному плану, на всех отделениях читались курсы основ марксизма-ленинизма, диалектический и исторический материализм, политическая экономия, история философии (русской, античной, средневековой, новой и новейшей), логика, психология и языкознание. На философском отделении кроме того изучались спецкурсы по истории социологических учений, история логики, теория и история эстетики, латинский, греческий языки, основы современной математики, физики, биологии.

В зачётке Зиновьева — в основном отличные отметки. С его памятью, интеллектуальным азартом и умением структурировать и излагать информацию освоение программных предметов не составляло для него большого труда. Он быстро уловил алгоритм построения марксистских текстов, вполне прямолинейных и предсказуемых, и при необходимости мог легко реконструировать любой из них, только пробежав глазами. Он не зубрил билеты — главный метод студенческой подготовки к экзаменам. Он строил свои ответы, опираясь на знание предмета и логику. Он говорил осознанно, свободно, без начётничества, и это подкупало экзаменаторов. Бывший в ту пору заместителем декана по

учебной работе А. Косичев вспоминает: «Это был талантливый студент, одновременно мягкий, вежливый, уважающий оппонентов, но твердокаменно непоколебимый в защите своих убеждений»[195].

Об уровне и качестве полученных на занятиях знаний Зиновьев вспоминал с большой иронией: «Мы знали, что такое материя и сознание, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка. Уже после второй лекции маразматика Бугаева мы знали, что мы на голову выше всех предшественников, включая Аристотеля, Канта и Гегеля. И даже наших соотечественников Герцена и Чернышевского, которые вплотную подошли к…, но остановились перед… А мы перешли и не остановились.

И хотя нам об этом говорил косноязычный маразматик Бугаев, нам это льстило, мы этому охотно верили. И отправлялись в ближайшую забегаловку, переполненные величайшей мудростью и беспредельно обрадованные необычайной лёгкостью её приобретения»[196].

На самом деле педагоги в массе своей были опытными и знающими преподавателями. Многие — заслуженные профессора и даже академики, настоящие учёные, а не только партийные пустозвоны (таких тоже хватало). Специализированные курсы читали лучшие в своей области специалисты. Умный студент мог многое из них усвоить. И Зиновьев ничего дельного мимо себя не пропустил. Другое дело, что каких-то особенно любимых или по-доброму запомнившихся на всю жизнь личностей среди них для него не оказалось.

Исключение — Валентин Фердинандович Асмус. Ему шёл тогда шестой десяток. Нервный, худой, всегда в чёрном, он был несомненным мэтром. Автор многих трудов по истории философии и эстетике, лауреат Сталинской премии, создатель новейшего — 1947 года выпуска — учебника по логике. У него было международное признание. Его ценили интеллектуалы. Дружил с Пастернаком. Власти то ополчались на него, то благоволили.

Рассказывали, будто бы как-то раз, в 1946 году, чуть не в полночь, в дверь квартиры Асмуса раздался звонок. Входят военные: «Товарищ Асмус?» — «Да». — «Следуйте за нами». Дело известное — арест! Надел пальто, поехали. Долго везли куда-то, наконец: «Выходите!» Какое-то здание. Длинный коридор. Идут. Открываются двери. Перед ним большой зал и там — Политбюро в полном составе, весь Совет министров. Сталин из стороны в сторону прохаживается. Говорит ему: «Товарищ Асмус, расскажите товарищам, что такое логика». Что делать, пришлось

прочесть лекцию о предмете логики. Закончил. Сталин обращается к собравшимся: «Вы поняли, что такое логика? Преподавать логику в средней школе! Доброй ночи, товарищ Асмус». На следующий день логику ввели в школьную программу[197].

Яркого молодого человека он отметил сразу и впоследствии неоднократно поддерживал, высоко оценивая его научные достижения. Они были близки по духу: «Мой учитель проф. В. Ф. Асмус когда-то говорил, что основу научного творчества образует именно удивление», — сочувственно вспоминал Зиновьев в одном частном письме[198]. В 1962 году Асмус был вторым оппонентом на защите докторской диссертации Зиновьева[199]. Их тёплые дружественные отношения сохранялись неизменными до самой смерти Асмуса.

Асмус — исключение. Прочие — предмет бесчисленных карикатур и насмешек. Тот же Толмачёв, чьи лекции больше напоминали митинг. Или Белецкий, который, объясняя, что такое объективная истина, подходил к окну и, указывая на видневшуюся из него Кремлёвскую стену, поучительно восклицал: «Вот что такое объективная истина!»

Собирательную карикатуру на лекторов философских дисциплин и отношение к ним студентов Зиновьев создаст в романе «Жёлтый дом»: «На первой же лекции я стал подсчитывать число грамматических ошибок, допускаемых лектором. За полчаса я их насчитал более ста. И был потрясён этим. Сказал о своём открытии хорошенькой соседке. Она удивилась: неужели я слушаю этого косноязычного идиота?! И предложила сыграть в „морской бой“ или в „балду“. Но я отказался. Я уже был захвачен своим исследованием и с методичностью метронома отсчитывал языковые ошибки лектора. Дамарксисьсський пиридавой филасофия, мямлил лектор… Сто семьдесят пять, сто семьдесят шесть, отсчитывал я… Чьчитал, что материя… Сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь… Материя они понимал, конешна, неправильна, агранична… Двести тридцать три, двести тридцать… Русские ривалюцианеры-димакраты падашёл вплотную… Триста сорок, триста сорок один… Я уже не успевал отсчитывать. Соседка, заинтересовавшись моими подсчётами, посоветовала молча ставить палочки на бумаге. Через неделю мы уже с полной очевидностью установили, что самый грамотный лектор по философским дисциплинам делает за полчаса не менее ста ошибок. Я так набил руку на этом деле, что уже по первой фразе мог точно предсказать число ошибок, которые сделает лектор. Потом я обнаглел и уже по одному только способу, каким лектор закатывает глаза и разевает пасть для первой фразы, мог

делать безошибочные предсказания. Весь наш курс заразился моими расчётами. И если бы не вмешалось сначала комсомольское, а затем партийное бюро, мы смогли бы развить новую науку — идеологологию или, лучше сказать, идиотологию»[200].

Студент Зиновьев был неистощим на выдумки и интеллектуальные проказы.

«Однажды мы объявили конкурс портфелей преподавателей университета. Сами преподаватели об этом и не подозревали. Это мы потешались между собой. Конкурс шёл как по внешнему виду портфелей, так и по содержимому. Первую премию мы присудили портфелю одного доцента нашего факультета. С внешней стороны это был гигантский сундук, изодранный до такой степени, что если бы доцент выбросил портфель на помойку, то даже старьёвщики не позарились бы на него. А по содержимому он превзошёл все наши предположения. В нём рядом с грязным бельём лежал общипанный тридцатикопеечный батон хлеба и „Материализм и эмпириокритицизм“ Ленина. Потом мы устроили конкурс женских задов. На сей раз в жюри вошло около пятидесяти человек с разных факультетов. Было обследовано около тысячи задов. Победу одержал… да, одержал, а не одержала… преподаватель эстетики с филологического факультета, работавший по совместительству также и в консерватории, который впоследствии оказался гомосексуалистом и был осуждён на пять лет. По этому поводу у нас возникла острая дискуссия — предшественница нынешних дискуссий о правах человека»[201].

Схоластику и догматизм, сопровождавшие даже самые содержательные лекции, а тем более — откровенную демагогию, он побеждал смехом. Его хохмы, искусным мастером которых он был ещё со времён службы на Дальнем Востоке, пересказывались из уст в уста по всему факультету и передавались следующим поколениям студентов по наследству.

«Когда я был студентом первого курса, ещё верившим в величие марксистских святынь, я спросил у профессора, болтавшего косноязычную дребедень про первичность материи и, само собой разумеется, про вторичность сознания, чем отличается гносеология от эпистемологии, а обе они вместе — от теории познания, и в чём преимущество трансцендентального подхода ко всем трём перед трансцендентным»[202].

Во время лекции, на которой речь шла о теории условных рефлексов Павлова, он предложил свою интерпретацию этой теории, перевернув отношение собак и экспериментатора. Считалось, что теория Павлова приложима и к человеку. Вот он и

приложил.

Или, всё по тому же поводу, сострил, что Павлов изгнал идеализм из его последнего убежища с помощью собак. Довольно рискованная шуточка, учитывая, что за основу была взята расхожая формула Энгельса из хрестоматийного «Введения» к «Анти-Дюрингу».

Или, в другой раз. «Профессор излагал нам марксистскую концепцию происхождения человека от обезьяны. При этом он сослался на известные в то время слова Сталина о том, что, когда обезьяны спустились на землю, кругозор их расширился. Я сказал довольно громко, что с деревьев-то вроде бы виднее. В аудитории начался смешок. Профессор от неожиданности растерялся. Но он был старый марксист-ленинец, набивший язык на диалектических выкрутасах. „Когда обезьяны сидели на деревьях, — воскликнул он ликующе, — они смотрели вниз! А когда слезли на землю, стали смотреть вверх! Ясно?“ — „А зачем нужно им было смотреть вверх?“ — спросила наивная девочка, относившаяся к белиберде такого рода с полной серьёзностью. „Они с тоской вспоминали о том, что раньше на ветках сидели в безопасности“, — поддержал мой шутливый тон один студент, бывший офицер. „Но дело не только в этом, — продолжал развивать прерванную гениальную мысль лектор. — Когда обезьяны слезли на землю, у них высвободились передние конечности для трудовой деятельности“. „Передние конечности у обезьян высвободились прежде всего для того, чтобы было удобнее держать стакан с водкой“, — сказал я под одобрительный хохот аудитории»[203].

Или, совсем уже запредельное: «Марксизм не догма, а руководство к ней» — перифраз ленинского афоризма: «Марксизм не догма, а руководство к действию»!

«Сущность человека — это такая совокупность человеческих отношений, которые человек в состоянии выдержать»!

Как-то пустил байку про студента, который мог спать на лекциях с открытыми глазами. Садился на первую парту и, глядя в глаза лектору, засыпал. Пока однажды не захрапел.

Вопрос на засыпку: «Почему в Советском Союзе разразилась засуха?» Ответ — на посадку: «Потому что двести миллионов людей набрали в рот воды и не выпускают».

Его ёрнические рисунки ходили по рукам. На споры о том, к какому виду материализма относится русская революционно-демократическая философия, он отреагировал карикатурой: в коридоре напротив кафедры истории русской философии сидят Добролюбов, Чернышевский и Герцен, над ними табличка: «Не курить». Герцен держит папиросу. Ждут решения кафедры по вопросу, куда отнести русскую философию.

И ещё.
И ещё.
И ещё.

Другой надёжный способ противостояния — не держать ничего лишнего в голове. Сдал экзамен (зачёт) — и забыл. Тряхнул головой — снова чист и свеж. И можно пойти выпить в «Ломоносовку».

«Для начала мы пропускаем по кружке пива. Иногда — по сто граммов водки. Но это реже, в дни выдачи стипендии. А что, если?! Это идея! И мы уже идём вверх по улице Герцена, к Никитским воротам. По пути мы покупаем копчёную треску и пару батонов хлеба. Проходя мимо консерватории, вспоминаем Витю-пианиста. Что-то давно не видать его. Может, заболел. Или за ум взялся, к конкурсу готовится. Он же талант, может быть, даже гений. Но Витя сам увидел нас из окна столовой. И догоняет нас, едва мы миновали аптеку.

У Никитских ворот забегаловок не счесть. Можно остановиться тут. Но мы наметили свой маршрут далее, к площади Восстания. Там, поблизости от площади, есть одно из самых прекрасных мест в Москве — „Грибоедовка“. Это — магазин молдавских вин в доме, в котором жил Грибоедов. Витя, однако, уговорил нас задержаться на несколько минут в угловом гастрономе и выпить по фужеру шампанского, постепенно опускаясь до пива, водки и даже денатурата. Мы соглашаемся. Тем более, платит сам Витя. Он подработал, играл на свадьбе на баяне.

Оставшуюся часть пути до „Грибоедовки“ мы бредём сначала медленно, смакуя легкое опьянение. Шутим. Хохмим. Знаете, что сейчас идёт в Большом? — спрашивает Витя. Галет Блиэра „Мрасный как“. Мы смеёмся. До Степана шутка не доходит: он не знает никакого Глиэра и тем более того, что он сочинил балет „Красный мак“. Потом Витя говорит, что у них в консерватории только один профессор живёт с женщиной, это — Варвара Дурова. До Степана опять не доходит, и ему приходится пояснять, что в сфере музыки принято мужчинам сожительствовать с мужчинами, а женщинам с женщинами. Педерасты, что ли? — спросил Степан. Ну так бы и сказали. А при чём тут эта баба?

Чем ближе „Грибоедовка“, тем быстрее наше движение. Садовое кольцо мы пробегаем уже на полной скорости. Впереди мчится Эдик, размахивая копчёной треской, за ним я с батонами. Мы захватываем подоконники и угловой столик. Продавцы нас знают и встречают как своих»[204].

За пивом, за стаканом вина, за рюмкой водки завязывались разговоры. Бесконечные, безграничные, бесцензурные.

Пересыпаемые шутками и анекдотами, разнообразными сведениями и слухами. То закручивающиеся в спор, то разворачивающиеся исповедью. Теоретические, масштабные, смелые. Философские. Интересные. В них восполнялась интеллектуальная свобода, ограниченная догматикой университетских аудиторий.

И если профессорско-преподавательский коллектив не вызывал особых симпатий и отклика, то среди студентов — и однокурсников, и тех, кто был старше или моложе (не в возрастном, а в учебном исчислении), — оказалось много живых, психологически и духовно родственных лиц. Было много фронтовиков, знавших о жизни такое, что не мог рассказать ни один лектор. Были дети репрессированных. Молодые интеллектуалы из московских интеллигентских семей.

На всю жизнь сдружился он с Карлом Кантором, который пришёл на факультет осенью 1947-го после демобилизации. И хотя он был в ту пору истинным сталинистом, он умел мыслить, а для Зиновьева это было главным. Полемический характер, который носили их разговоры, способствовал становлению и развитию взглядов каждого. Впоследствии Кантор стал одним из крупнейших советских теоретиков искусства в области технической эстетики, был инициатором создания и на протяжении многих лет фактическим редактором журнала «Декоративное искусство СССР». С его подачи в обиход советских эстетиков вошло столь актуальное сегодня слово «дизайн».

Александр Пятигорский полагал, что Кантор «был, может быть, единственным человеком, которого Зиновьев всю жизнь по-настоящему любил». Вспоминал случай их дружеского пикирования: «И вот я помню, опять: не курилка, а лестничная площадка, старое здание (университета на Моховой улице. — *П. Ф.*), левый вход. То есть правое здание, если вы спиной к Кремлю. <…> Стоим. И он говорит: „Главное в человеке — это ум. Вот ты, Карлушка, — а мы всегда знали, что Зиновьев не мог без публики, но это нормально для студентов всего мира, если есть жизнь. — Ты, Карлушка, ты еврей?“ Карлушка, прекрасно понимающий, что это начало представления, говорит: „Еврей, Саша“. — „Дурак ты. Кабы был умным, не был бы евреем. В следующий раз будешь умнее“. Еврейскую тему в самые антисемитские времена Зиновьев обожал развивать. Ничего не боялся»[205].

Легко и весело было с Василием Громаковым, бывшим капитаном и командиром батальона. Он тоже был правоверный сталинист, партиец, на старших курсах возглавил факультетское партбюро, занимался работами Сталина о Великой Отечественной

войне, но при этом знал бессчётное число политических анекдотов и трезво оценивал реальность.

Совсем иная фигура — Эвальд Ильенков. Тоже фронтовик. Артиллерист, встретивший победу в Берлине. С орденом Отечественной войны II степени. Будучи на два года младше Зиновьева, он успел в 1941–1942-м отучиться один год на философском факультете ИФЛИ, поэтому, демобилизовавшись, как и Зиновьев, в 1946-м, восстановился сразу на второй курс и оказался, таким образом, «старше». Утончённый интеллектуал, поклонник Вагнера, неогегельянец, обстоятельно изучавший работы молодого Маркса и «Капитал», Ильенков был влюблён в философию. Мыслительная деятельность представляла для него единственный интерес в жизни. Доставляла истинное наслаждение и радость. В этом они с Зиновьевым были близки. К тому же он был не лишён иронии и тоже прекрасно рисовал едкие карикатуры.

Необыкновенно деликатный, скромный, миролюбивый в повседневной жизни, Ильенков в философских спорах стоял твёрдо, последовательно проводя свои взгляды, оспаривая и убеждая оппонентов. Вместе с Зиновьевым Ильенков — один из главных революционеров философской мысли послевоенного периода. Вечные оппоненты, «друзья-враги», они придерживались разных, в чём-то непримиримых, философских позиций, но оба решительно и действенно выступали в своих работах против догматики, предлагали новые пути и подходы, генерировали идеи, которые легли в основу целых направлений научных исследований. Они вернули советскую философию в область научного знания, показательно выведя её из сферы идеологии и пропаганды.

Чуть позже в университетском корпусе на Моховой появились Мераб Мамардашвили, Лен Карпинский, Юрий Левада, Борис Грушин, Александр Пятигорский, Юрий Карякин, Георгий Щедровицкий, Эрнст Неизвестный — блистательная плеяда отечественных мыслителей и общественных деятелей. Они были разные, но их объединяла жажда живой мысли, живого познания. Они постоянно собирались вместе, то на квартире Ильенкова, то у Щедровицкого, то просто гуляли компанией по московским бульварам, заходя в пивные и забегаловки. Безусловными лидерами были Зиновьев и Ильенков, у каждого был свой круг поклонников и последователей. Они были гуру. Им поклонялись. Младшие откровенно звали Зиновьева «Учитель». Пятигорский говорил, что Зиновьев «стал для меня на факультете всем»[206].

Карл Кантор вспоминал: «Чему он учил? У него не было никакого особого предмета, он учил философии. Учил

философии, учил критическому отношению к тем оценкам истории философии или фигур философских, которые навязывались курсом философского факультета. Вот так бы я сказал. И особенно это касалось марксистско-ленинской философии. К примеру, он говорил мне в 48-м, примерно, году, что первым вульгаризатором марксизма был Энгельс. Я отвечал: „Саша, побойся Бога, как так? Вот Энгельс сделал то-то, то-то…“. „Всё это правильно, продолжал он, но ты почитай его ‘Диалектику природы’, — ведь это совершенный бред, вся диалектика природы надуманна, ты что-нибудь подобное у Маркса найдёшь?“ Это воспоминание об одном моменте такого критического удара по сознанию в противовес тому, что говорилось. Презирал работу Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“, иначе её не называл как „Мцизм-мцизм“. „Ты пробовал, — он меня спрашивает, — когда-нибудь читать Маха и Авенариуса?“ Я говорю — „не пробовал“. Он говорит: „Попробуй. Они на десять голов выше Ленина, который их критикует. Критикует он Богданова. Ты читал Богданова?“ и т. д. А потом мне в руки попала книжка Богданова против книги Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“, и я понял, насколько Саша был прав. Я хочу сказать, что он привлекал неожиданностью, своим углом зрения на изучаемые предметы, казалось бы выверенные и проверенные, и утверждённые и т. д. И это наиболее способных и критически настроенных ребят, желающих знаний, к нему привлекало. Вокруг него всегда собирались, если он где-то в аудитории или на улице, но на улице меньше. На улице он не любил ходить гуртом. <…> И все вообще на факультете знали, что вот есть такой небольшого росточка худенький парень, философ, который умеет думать по-своему. Это задевало всех. Они могли не вникать в то, что он именно говорит и чему он обучает и с чем он не согласен. Но что вот есть такой вот с виду вроде бы человек, который умеет мыслить. Умение самостоятельно мыслить — это была черта, которая к нему привлекала и студентов, и аспирантов, надо сказать. Иногда преподавателей, того же Алексеева, который прислушивался к тому, что говорит Зиновьев. Очень уважительно к нему относился Асмус, бесспорно совершенно. Они замечали — это талант. На третьем курсе уже все видели, что он не как все, другие»[207].

На собственно философской проблематике он сосредоточился не сразу. Первое время он ещё помышлял о карьере писателя. Рукопись, привезённая с собой, понуждала к действиям. Естественно, после учинённого в августе 1946 года партийного разноса советской литературы и, в частности, литературной

периодики на примере журналов «Звезда» и «Ленинград», предлагать куда-либо «Повесть о предательстве» в её первоначальном виде не представлялось возможным, если, конечно, исключить вариант полного безумия или самоубийства. Но нет, ему хватило того «года ужаса», который он чудом пережил в 1940-м, и снова наступать на грабли он не собирался. Уцелев тогда, а потом — на фронте, он научился действовать осмотрительно. Но осмотрительность не исключает риска. Он всё-таки решил попробовать.

Литературных связей у него не было. Но, познакомившись с Ильенковым, ему пришла на ум мысль показать рукопись его отцу, известному советскому писателю, лауреату Сталинской премии Василию Ильенкову. Какие-то его рассказы про лётчиков и партизан попадались в своё время в руки. Были они, как и все произведения той поры, в патриотическом духе, в заданном обстоятельствами жанре героической новеллы, впрочем, не лишены психологизма и даже философских обобщений. К тому же Василий Павлович имел богатый опыт редакторской работы. В течение многих лет он возглавлял отдел прозы журнала «Октябрь», а после войны стал заместителем главного редактора.

Свою повесть он переписал наново. Теперь главным героем стал осведомитель или точнее, на языке того времени, разоблачитель врагов. «Повесть о предательстве» превратилась в «Повесть о долге». Достаточно остроумно, как ему показалось. Из остатка сбережений, накопившихся за время службы в армии, заплатил машинистке, которая напечатала рукопись в двух экземплярах. Один передал Ильенкову. А второй отнёс в «Новый мир», который как раз возглавил Константин Симонов, лауреат уже трёх Сталинских премий, популярный журналист и поэт, известный всей стране своими яркими фронтовыми очерками, публиковавшимися в «Красной звезде», и бессмертными строками стихотворения «Жди меня».

Несмотря на хитроумную перелицовку, обвести матёрых литераторов ему не удалось. Они были искушёнными читателями, и его простодушные ухищрения их не обманули. Отзывы были осторожными и по результату своему отрицательными. А Симонов и вовсе посоветовал больше никому повесть не показывать, а когда узнал, что её уже читает Ильенков, рекомендовал немедленно забрать и уничтожить как можно скорее. В тот же день «Повесть о долге» пополнила библиотеку сожжённых рукописей русской литературы. С изящной словесностью, как ему тогда думалось, было покончено навсегда. Писать по прописям соцреализма он не желал.

Свою литературную неудачу он переживал трудно. Накатила

очередная волна отчаяния. Столь мощная, что казалось, накроет его насовсем. «В конце 1946 года у меня обнаружилась язва желудка. Я не стал лечиться, продолжал пьянствовать, в морозы ходил полураздетым, без головного убора. Спал где придётся и как придётся. Открыто издевался над всеми советскими святынями и над Сталиным. Я хотел безнадёжно заболеть, быть убитым в пьяной драке или быть замученным в застенках „органов“. Но мне почему-то всё сходило с рук. Людям, с которыми мне приходилось сталкиваться, казалось, что я качусь ко дну и к гибели»[208].

Но в конце концов он с собой справился, переключился на философию, а свои литературные наклонности удовлетворял писанием юмористических стихов и текстов к карикатурам для факультетской стенгазеты «За ленинский стиль», бессчётными эпиграммами, импровизированными пародиями, устными рассказами «из жизни», такими красочными и убедительными, что порой даже сам начинал в них верить.

От тех лет остались лишь осколки, сохранившиеся в памяти друзей. Леонид Греков запомнил, как летом 1948-го во время колхозных работ Зиновьев сочинил на мотив популярной «Песенки фронтовых корреспондентов» свою шуточную песню, в которой был такой куплет:

Нас не ждёт работа
до седьмого пота,
но мы скажем тем, кто упрекнёт:
с наше покидайте,
с наше побросайте,
с наше походите на омет![209]

О чём в ней пелось ещё, можно догадаться, если вспомнить слова симоновского оригинала:

Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой нальём.
Выпьем за писавших,
Выпьем за снимавших,
Выпьем за шагавших под огнём!

Есть, чтоб выпить, повод —
За военный провод,
За У-2, за эмку, за успех и т. д.

Потешаясь в душе над слушателями, с серьёзным видом рассказывал, как летал через линию фронта с деньгами для зарплаты югославским партизанам. Или как однажды подняли их эскадрилью по тревоге. Взлетели. Вдруг из мотора у него дым повалил. Пришлось садиться на запасной аэродром. В бою все экипажи погибли, кроме командира, который подтвердил, что у него загорелся мотор, а то бы расстреляли за дезертирство. А загорелся на самом деле не мотор, а телогрейка, которую он обычно подкладывал на кресло пилота, когда занимался любовью с полковыми подругами прямо в кабине своего штурмовика. Он её обычно прятал под крышку мотора, чтобы всегда была под рукой. Перед полётом вынимал, а тут в спешке забыл. И изучением «Капитала» он тоже начал заниматься ещё во время войны, в свободное от полётов время. Писал по ночам. Особисты, конечно, заинтересовались, что он такое сочиняет. Приходилось прятать рукопись в бомболюках. Однажды случайно сбросил её на немцев вместе с бомбами.

На самом деле «Капитал» привлёк его пристальное внимание только на третьем курсе, когда он основательно обратился к его тексту в ходе подготовки к занятиям по политэкономии. Его поразило не столько собственно политэкономическое содержание, сколько жёсткость и разработанность логической конструкции Маркса. Он попробовал формализовать логическую структуру «Капитала» и увидел, что эта операция позволяет получить нетривиальное понимание диалектики и логики. Неожиданно открылись совершенно новые перспективы работы. До него никто по этому полю ещё не ходил. Никому не приходило в голову рассматривать «Капитал» как текст, построенный по особым законам, как отражение мыслительной деятельности выдающегося учёного-аналитика. Для всех «Капитал» был главным образом фундаментальным исследованием законов капитализма. Его структура, интеллектуальные технологии Маркса оставались в стороне. Он понял, что это может стать предметом специального исследования. Более того — началом *новой науки,* которую *он может создать.*

Он сразу увидел её целиком. Многомерную, сложную, динамически развивающуюся. «Я решил построить такую науку, которая бы охватила все проблемы логики, теории познания, онтологии, методологии науки, диалектики и ряда других наук, имевших дело с общими проблемами языка и познания. Но охватила бы не в качестве различных разделов, объединённых под одним названием и под одной обложкой, а в качестве единого объекта исследования»[210].

Это было как откровение. Масштабы предстоящей работы

потрясали и завораживали. Было ясно, что на детальную, тщательную разработку и описание уйдёт не один год. Возможно, вся жизнь. Но на это и жизни не жалко. Ведь с этим знанием человечество вступит в новую фазу своего существования! Он даст людям универсальный инструмент познания! Свершив это, можно будет умереть спокойно.

Он чувствовал, что ухватил Бога за бороду. Похитил (ну, почти) огонь.

Он понял, что нашёл свою судьбу. «Как назвать эту науку, было для меня делом второстепенным»[211].

И ещё он понял, что он — гений.

Он всегда ощущал свою исключительность, но до сих пор не мог определить содержательную сторону этого состояния, понять, в *чём именно* смысл его прихода в этот мир. Да, он был на голову умнее всех сверстников. Да, умел анализировать и глядеть на вещи с необычной точки зрения. Но зачем? Для чего? И вот теперь всё стало ясно. Пришло прозрение. До этого времени он был лишь как совершенный, искусно спроектированный и отлаженный мотор. На испытаниях он показывал прекрасные результаты. Им восхищались. Им любовались. Ему аплодировали. Но он оставался выставочным образцом. И вдруг его как бы поместили в двигатель. Предстояла большая работа. Специально *для него* предназначенная.

Он был исключительным.

Он стал *уникальным.*

Началось его *личное восхождение от абстрактного к конкретному.*

И сразу навалилось чувство колоссальной ответственности. Он поменял образ жизни. Начал следить за здоровьем и питанием. Разработал свою систему утренней зарядки. При возможности занимался спортом. Даже по улице стал ходить строго посередине тротуара, чтобы, с одной стороны, ничего не упало на голову, а с другой — не сбила случайно выехавшая машина. Газет не читал, чтобы не засорять мозг. По тем же соображениям не слушал радио. При первой возможности снял жильё, так как на Большой Спасской сосредоточиться было невозможно.

Всё время он теперь посвящал разбору мыслительных конструкций «Капитала». К анализу буржуазных экономических отношений Маркс применил разработанный Гегелем логический метод восхождения от абстрактного к конкретному, где под абстрактным понималось некое специально суженное, обобщённое, одностороннее представление о предмете,

выделенная для определённых аналитических целей его черта, качество, свойство, функция. Конкретным же считалось максимально полное знание о нём, со всем комплексом его абстрактных свойств в их индивидуальном взаимоотношении. Использование Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному для советских философов было хрестоматийной истиной. В конечной инстанции. Для Зиновьева она стала *отправной точкой* исследования. «Капитал» Маркса оказался трамплином, оттолкнувшись от которого Зиновьев впоследствии создал свою комплексную логику. Как говорил Мамардашвили, «Зиновьев мог заниматься содержательной логикой на материале „Капитала“, а мог и без него. „Капитал“ был просто полигоном, и Зиновьева интересовала не политэкономическая и не политическая сторона труда Маркса, а образец чисто мыслительной работы, стиля, в котором, нам казалось, отпечатался сдвиг к какому-то новому типу мышления»[212].

На четвёртом курсе процесс восхождения от абстрактного к конкретному стал темой его курсовой работы, которая позже была развита в дипломе и, далее, в кандидатской диссертации. Диплом назывался «Процесс „восхождения от абстрактного к конкретному“ в „Капитале“ Маркса». Руководил работой молодой преподаватель кафедры логики, сам недавний выпускник философского факультета, только-только защитивший кандидатскую диссертацию, Митрофан Николаевич Алексеев. Энтузиаст «диалектической логики» — нового и модного в то время термина, освященного авторитетом Ленина, который, вслед за Энгельсом, несколько раз употребил его в своих трудах, — он видел своей задачей разработку этого понятия. Термин «диалектическая логика» был практически пуст. Скорее это было ещё только словосочетание. Его можно было наполнить неким содержанием. Лакомый кусок для исследователя. Он принесёт Алексееву докторскую степень, профессорство и место заведующего кафедрой логики в МГУ. Алексеев придерживался идеи, что диалектическая логика — это классическая формальная логика, прошедшая горнило диалектики и обретшая новое качество. Вместе с её другими сторонниками он полагал необходимым обнаружить и показать в классических понятиях, умозаключениях, суждениях их развитие и внутренние противоречия. Иными словами, дать диалектическую интерпретацию формальной логики. По сути дела, эта была идеологически эффектная, но совершенно бесплодная работа.

Зиновьеву такой подход был совершенно неинтересен. Его занимало само существо процесса мышления, а не словесные формулировки, в которые его можно было рядить. Впрочем, внутреннее несогласие с руководителем не стало серьёзным препятствием для успешного приведения работы к защите. Зиновьев не лез на рожон и готов был использовать термин «диалектическая логика», чтобы не вступать в конфликт с руководителем и кафедрой по второстепенной, как он считал, причине. Алексеев оказался вполне либеральным руководителем и позволил талантливому студенту, чей ум был уже широко признан на факультете, сделать самостоятельную работу, предоставив пространство полемики официальному рецензенту — заведующему кафедрой сорокапятилетнему Виталию Ивановичу Черкесову, тоже недавно остепенённому кандидату философских наук и стороннику диалектической логики, бывшему фронтовому политработнику, майору запаса, орденоносцу.

Сохранившийся в архиве МГУ отзыв Черкесова даёт представление об уровне и характере мышления,

доминировавшего в послевоенной советской философии, а также о глубинном, сущностном непонимании оппонентом позиций начинающего Зиновьева, их невольного (или умышленного) передёргивания, вызванного очевидной раздражённостью новизной заявленных подходов. Своё бессилие перед выставленными в работе дипломника нетривиальными идеями рецензент компенсирует язвительными нападками, желая выставить молодого исследователя в глупом виде, обвинить в незнании азов марксистской диалектики — зубодробительный когда-то, проверенный временем приём.

Диплом тем не менее получил оценку «отлично».

Три «пятёрки» на госэкзаменах, положительная характеристика, содержательный реферат открыли ему дверь в аспирантуру.

Восхождение продолжалось.

Интерес к социальной сущности свершившейся в 1917 году социалистической революции, желание познать природу и суть советского строя привели его в своё время в стены ИФЛИ. Эти же мотивы двигали им и после войны, давшей ему богатейший материал для анализа. Но заниматься на факультете историческим материализмом, а именно к этой дисциплине относились волновавшие его вопросы, означало славословить величие Ленина, мудрость Сталина, дальновидность ЦК, руководящую роль партии, светлое коммунистическое будущее всего человечества, а также бороться с капитализмом, изобличать империализм, проклинать Америку, осуждать милитаризм, предрекать всеобщий кризис буржуазного мира. А ещё быть на передовой идеологического фронта, крушить идейных противников за рубежом и выявлять их скрытых пособников внутри страны. Он давно уже вырос из этих штанов. Вся эта пустозвонная и агрессивная деятельность вызывала у него одно презрение. Марксизм — тошноту и скуку.

Его уход в логику был актом личностного самосохранения. Не физического, а духовного. Логике трудно было навязать партийность, классовость, идейность. Она имела за своей спиной тысячелетнюю историю, выводила к вечным, общечеловеческим категориям, предлагала универсальный, освобождённый от оценок и субъективности язык. Не всякий прохвост сунется критиковать логические исследования. Не по зубам! В лучшем случае упрекнёт в формализме. Так ведь тут же сам и станет всеобщим посмешищем. Под сенью логики можно было укрыться от палящего солнца сталинской пропаганды. В интеллектуальном уединении обдумывать любые вопросы. Когда же он, читая

Маркса, обнаружил невостребованный до него потенциал логического инструментария, он стал изучать и совершенствовать его с целью последующего приложения к социальной действительности. Он никогда не выпускал её из поля своего внимания, какими бы отвлечёнными на первый взгляд ни были его исследования. Маркса, в отличие от марксизма, он почитал и внушал это уважение всем своим ученикам. Об этом спустя годы свидетельствовал Мамардашвили: «Для нас логическая сторона „Капитала“ — если обратить на неё внимание, а мы обратили — была просто материалом мысли, который нам дан как образец интеллектуальной работы. Это не марксизм, это текст личной мысли Маркса. Я лично прошёл не через марксизм, а через отпечаток, наложенный на меня личной мыслью Маркса»[213]. Последняя формула справедлива и в отношении Зиновьева.

Но уход в логику не означал ухода от действительности, самоотстранения. В повседневном общении он был открыт и искренен и никогда не скрывал своих антисталинских взглядов. Он не вёл какой-либо явной деятельности или агитации против существующего порядка вещей и никаких тайных заговоров тоже не затевал, однако все, кто с ним тогда общался, попадали под влияние его критической аналитики и заражались её убедительностью и остротой поднимаемых вопросов. Тем более, что сарказм и ирония Зиновьева действовали на слушателей магически. Разрушительным оружием смеха он владел виртуозно. Вёл он себя в этих разговорах с какой-то избыточной смелостью, которая пугала и завораживала, вызывала восхищение и любовь. Он не делал скидок на обстоятельства и окружение, вёл себя привычно свободно даже с малознакомыми людьми.

Характерный эпизод рассказал Юлиан Панич, предваряя выступление Зиновьева в передаче «Экслибрис» на радио «Свобода» 27 августа 1989 года: «В году сорок седьмом, господи, почти полвека назад, в восьмой класс мужской средней школы № 276 Щербаковского района г. Москвы, школы, что находилась на улице Мархлевского, у центрального телефонного узла, совсем недалеко от Лубянки, в третью смену, значит поздним вечером, вошёл коренастый крепыш в ладненькой гимнастёрочке со следами споротых погон. „Я пришёл к вам, — сиплым, высоким, эдаким деревенским голоском начал вошедший, — чтобы вести у вас уроки логики“. Чего-чего? Диковинный предмет, только что введённый в программу средней школы. Это тебе не геометрия, не химия, это — логика. „И Вы думаете, что мы после Ваших уроков поумнеем?“ — спросил один, который хотел быть во что бы то ни стало самым остроумным. Вошедший спокойно ответил: „Когда Аристотель открыл силлогизм, то на радости он приказал

заколоть шестнадцать быков. Вот с тех пор скоты и не любят логики“. Остряк-школьник разинул сначала рот, чтобы что-то возразить, а потом заржал первым. Смеялись все. И был урок логики. И домой, ночной Москвой, шли гурьбой школьники и их новый учитель. Гоготали. Иногда наиболее осторожные поглядывали по сторонам. То, что рассказывал о недавно прошедшей войне, о быте лётчиков — он сам был лётчиком — этот учитель логики, были тютелька в тютельку те вещи, что мы знали с раннего детства как „контрреволюционная агитация и пропаганда“. А проходили школьники и их учитель совсем рядом от Лубянки. И в классе том учились дети сотрудников этого дома. Правда, только одна часть. А другая часть — дети репрессированных, которых репрессировали отцы другой части учеников. В этот раз дело обошлось. Учителя не посадили. Поучительствовал он и исчез. А жизнь шла своим чередом. Тот балбес-ученик, пытавшийся издеваться над учителем, был Юлиан Панич, а тот учитель, с деревенским голоском, — Александр Зиновьев»[214].

О мировоззрении, интересах и поведении Зиновьева той поры подробно рассказывал Г. П. Щедровицкий, для которого встреча с Зиновьевым стала поворотным событием в жизни. Она состоялась осенью 1952-го, где-то в середине или в конце октября. «Мы снова встретились, — за несколько месяцев до того, по воспоминаниям Щедровицкого, произошёл небольшой, но эмоциональный эпизод, во время которого состоялось их личное знакомство, — в комнате комсомольского бюро, где он как обычно рисовал карикатуры. Вокруг стола, где лежал лист ватмана, стояли несколько человек и горячо обсуждали проблемы логики „Капитала“. Разговор этот продолжался где-то около часа. Зиновьев рисовал и вёл дискуссию — в первую очередь со Смирновым. Был такой аспирант на философском факультете, может быть, на год старше Зиновьева, может быть, его однокурсник. У них были практически одинаковые темы: логика „Капитала“, диалектика в „Капитале“, метод восхождения от абстрактного к конкретному в „Капитале“. <…>

Спор, возникший между Зиновьевым, Смирновым и Карпинским, который тоже там присутствовал, меня привлёк. Сначала я минут 20–30 молча слушал, что они обсуждают. Потом бросил несколько замечаний, поддержанных Зиновьевым. Слово за слово, и мы начали обсуждать более тонкие темы, и примерно ещё через 20–30 минут остальные участники дискуссии, мы это оба почувствовали, как бы отвалились. Они уже перестали понимать, что нас интересует. И тогда Зиновьев сказал, что вот он сейчас дорисует и мы с ним пойдём куда-нибудь и, может быть,

выпьем. На что я ответил, что не пью. Он бросил своё привычное „жаль, но я быстро научу“ или что-то в этом роде, закончил карикатуру, и мы с ним ушли, продолжая наш разговор по поводу „Капитала“ и тех перспектив логического анализа и исследования, которые открывала эта книга. Разговор наш продолжался больше восьми часов кряду, и разошлись мы уже где-то в полпервого ночи на площади Свердлова, проходив при этом больше часа внутри самой станции метро из конца в конец, и разъехались только потому, что времени уже больше не было. Мы договорились встретиться с ним на следующий день и продолжить наши разговоры. <…>

Мы обсуждали с ним буквально всё. Оказалось, что почти по всем вопросам у нас с ним если не тождественные, то во всяком случае очень близкие взгляды. Мы оба отвергали практическую теорию марксизма. Нам обоим, как тогда казалось, было совершенно ясно, что представляет собой подлинный социализм. Причём (очень интересно, что это обсуждалось тогда же) мы оба считали, что социализм необорим и что это — система, которая будет существовать ну если не многие столетия, то во всяком случае многие и многие десятилетия.

Для меня основные структурные принципы социализма буквально впрямую накладывались на социальные, культурные, политические структуры средневековья. И это тоже составляло очень важное содержание единства нашего мировосприятия. Выяснилось, что мы совершенно одинаково с ним трактовали буржуазную эпоху — как эпоху переходную между устойчивыми социально-политическими и социально-культурными структурами средневековья и вот того будущего времени, которое надвигалось.

Тогда же выяснилось, что мы одинаково понимаем отношение между социализмом и традицией русского народа. Мы оба считали, что социализм, сложившийся в России, носит, по сути дела, национально-русский характер, как ничто более соответствует культурным традициям и духу русского народа и, короче говоря, есть то самое, что ему нужно при его уровне самоорганизации, уровне культурного развития и т. д. И мы оба знали, что миллионы людей находятся в условиях подневольного труда или просто в концлагерях. И всё это очень органично замыкалось общим пониманием принципа диктатуры, её социально-организационных структур и т. д. <…>

Я в то время уже очень хорошо знал две классические работы Маркса „Классовая борьба во Франции 1840 года“ [215] и „Восемнадцатое брюмера“ и владел методом многопланового и многослойного исторического анализа. Всё то, что

развертывалось у нас в стране, я понимал и осознавал сквозь призму этих исторических аналогий.

Зиновьев, наоборот, работал на чётком, ясном, глубоком видении самой окружающей жизни. Но при этих двух совершенно разных типах знания был момент — может быть, один из самых значимых тогда для меня моментов, — буквально поразивший меня. Дело в том, что у каждого из нас был свой прогноз, и, как выяснилось, они совпали: мы оба считали, что Сталину осталось жить пять-шесть месяцев от силы и что в этой ситуации он должен умереть. Мы не знали как, но, по сути дела, тогда, в октябре 1952 года, мы уже думали вперёд. Мы думали о том, что будет происходить после смерти Сталина, и это занимало нас обоих в очень большой мере. <…>

Мы договорились встретиться на следующий день на факультете, и мы встретились, и продолжали наши разговоры, и никак не могли насытиться этим взаимопониманием»[216].

Война всё-таки сильно изменила людей. По крайней мере, никто *не спешил* донести на него. А когда возникали какие-нибудь проблемы, они решались на уровне воспитательных вызовов в деканат или наставительных бесед с комсоргом. Его фронтовое прошлое имело вес. Да и национальная охота шла тогда *на других ведьм*.

Крошечная фотография Зиновьева в личном деле аспиранта пронзительно экспрессивна. Пять мирных лет стоили пяти военных. На карточке 1946-го он точно со сжатыми кулаками. На этой — с ножом в кармане. Такой невероятной встревоженности в лице Зиновьева больше нет ни на одном его портрете за всю его долгую жизнь. А ведь он сделан в обстановке казённого фотоателье, во время рутинной съёмки на документ! *Накануне* (буквально) торжественного вручения диплома с отличием! (26 и 27 июня 1951 года соответственно). В этом снимке, запечатлённом безразличной и равнодушной камерой, психологизма больше, чем в работе искусного портретиста, работающего с моделью из сеанса в сеанс.

Тайну этой тревоги приоткрывает замечательно ёмкая и выразительная характеристика, которую дал своему старшему другу Щедровицкий, вспоминая те годы: «Он представлял собой комок нервов. Это вообще был удивительно восприимчивый, „звенящий“ аппарат, который отзывался на мельчайшие изменения — остро воспринимал их, чувствовал, реагировал. И я-то убеждён, что пил тогда Зиновьев только для того, чтобы заглушить, забить эту постоянную остроту своих переживаний и реакций.

Он ненавидел практический социализм — такой, каким он

предстал для него. Он ненавидел его в прошлом, он ненавидел его в настоящем. А так как мы оба считали, что социализм есть неизбежная форма, к которой идёт весь мир — и мир развивающихся стран, которые в то время ещё только-только начинали называть развивающимися, и мир капиталистический, с нашей точки зрения, неизбежно и вынужденно шёл туда же, — то вот этот социализм, который мы имели здесь и который Зиновьев имел возможность наблюдать во всех его вывертах, он проецировался туда — в будущее. Поэтому Зиновьев ещё больше ненавидел будущее, альтернативы которому он не видел. И для него всё практически концентрировалось на вопросе: как же сумеет в таком мире прожить он? <…>

У меня было социально-стратовое прошлое — у Зиновьева такого социально-стратового прошлого не было; у меня было совершенно ясное будущее, и оно мне представлялось оптимистичным — у Зиновьева не было исторического будущего, поскольку он не считал себя ни членом страты, ни членом класса, ни членом сообщества интеллигентов. Он был один. Вот он — Зиновьев, который чудом уцелел, который ещё должен пробиваться, — и всё: его существование, его мысли, то, что он сделает, напишет, целиком зависят от того, сумеет ли он, успеет ли он пробиться или нет, или его удавят раньше»[217].

Тамара Филатьева училась с ним на одном факультете, на курс младше. Она была дочерью работника НКВД. Приехала из Ашхабада, где служил в ту пору отец. Жила в общежитии на Стромынке. Родители ежемесячно высылали ей небольшую сумму денег в дополнение к стипендии. Красивый, умный, мужественный сокурсник покорил её девичье сердце. Глядя, как он порой ест в столовой один чёрный хлеб, который подавался бесплатно, она могла иногда «по-дружески» угостить его тарелкой гречи со шницелем, «одолжить» несколько рублей. Так они стали дружить. Он не возражал против её «ухаживания», да и девушкой она была симпатичной, неглупой, много читала, интересовалась искусством. И хотя мужская компания, с выпивкой и разговорами, была ему привлекательней, женское общество тоже доставляло удовольствие. Они встречались. На пятом курсе друзья посоветовали расписаться. Помимо прочего, это обстоятельство давало некоторые преимущества при распределении.

Они стали мужем и женой. Отчасти по любви, отчасти по расчёту. Кто там что выгадал большего в этом браке, сейчас трудно сказать — проиграли оба. На первых порах всё казалось нормальным, как у всех. Жить было негде — подвал на Спасской давно уже был переполнен, он числился в нём лишь номинально.

Снимали комнату то там, то там. Через некоторое время стал обозначиваться разлад. Возникали трения. Сыпались упрёки. В 1954-м родилась дочь Тамара. В 1955-м жена получила от работы восьмиметровую комнату в коммуналке. У них появилось своё жильё. Но всё это не укрепило семью. С годами отношения становились всё хуже. Они всё больше и больше отдалялись друг от друга. У каждого был свой профессиональный путь и свои амбиции. Всё меньше становилось общих интересов, уходило понимание друг друга. Накапливалось взаимное раздражение. Его пьянство усугубляло и без того нервную обстановку в доме, создавало дополнительное напряжение. В целом их супружеская жизнь не удалась. Семьи не получилось. «Наш брак превратился в пустую формальность и источник неприятностей. Лишь долг перед дочерью и практическая невозможность жить раздельно поддерживали его»[218]. Через двенадцать лет они официально развелись. О браке с Филатовой Зиновьев вспоминал без радости. Да и у Тамары Николаевны их союз не оставил светлых воспоминаний.

Тамара Александровна запомнила, что в день развода родителей они с мамой поехали в Краснопресненский универмаг и купили музыкальный проигрыватель.

Его диплом по сути своей представлял собой концентрированную программу намеченного им исследования. План-конспект. Его оппонент отчасти был прав, когда говорил, что «слишком общими неразвитыми остаются заявления дипломанта о диалектических абстракциях, о „суждениях сущности“, о единстве анализа и синтеза, индукции и дедукции». Они и не могли быть развиты в объёме дипломной работы. Он и не собирался их в ней развивать. Ему нужно было зафиксировать мысль. Очертить контуры. Его критик и представить себе не мог, *что* он уже видел перед собой.

Увиденное, однако, ещё предстояло *разглядеть*. Надо было внимательно и тщательно разобрать, а где-то — реконструировать, а где-то и вовсе — разработать те элементы мыслительной деятельности, которые обеспечивали слаженную и исправную динамику стержневого мыслительного процесса восхождения от абстрактного к конкретному. «Капитал» Маркса *как документ исследовательской работы* гениального ума содержал богатый материал для анализа, достаточный для многолетней, творчески успешной, социально благополучной академической карьеры — со званиями, степенями и наградами. Но он был молод, и ему этого богатства было мало. Он жаждал большего. Не только того, что есть у Маркса, но и того, что можно на этой основе создать. Ему нужен был *свой* капитал. Задача не

просто амбициозная, но, в присутствии единственного живого «гения эпохи», необыкновенно рискованная. За гранью фола.

Для её решения ему потребовалось три года напряжённой работы и пятьсот три страницы машинописного текста[219].

Не следует, однако, думать, что все эти три года он сидел за письменным столом не разгибая спины. Или проводил часы в читальном зале библиотеки, выписывая и конспектируя. Или в аспирантских семинарах. Было и это, конечно, но лишь в достаточной и разумной необходимости — перед сдачей экзаменов кандидатского минимума, например (все четыре — на «отлично»[220]). Способ выработки мысли у него был иной. Да и письменного стола, классического, для академической работы, и рядом тогда не стояло.

Основная содержательная работа шла в нём самом и в непрерывных разговорах со своими молодыми единомышленниками. Ему необычайно повезло, что рядом оказались такие люди, как Борис Грушин, Георгий Щедровицкий, Мераб Мамардашвили, с которыми он мог общаться, находя не только интеллектуальное, но и эмоциональное понимание. «Разницу в возрасте, — рассказывал Борис Грушин, — мы совершенно не ощущали, по всем статьям Саша был мальчишкой, одним из самых молодых среди нас, хулиганом и выпивохой. Тем не менее, мы считали его учителем: он не имел себе равных по мощи конструктивных решений. Работая нещадно, он являл образец совершенно истощающего себя труда и в этом давал пример всем нам — при всей внешней лёгкости, даже несерьёзности своего поведения. Впрочем, мы все тогда были такими»[221].

Они его любили.

Они его боготворили.

Это льстило самолюбию, укрепляло веру в собственные силы, вдохновляло на творчество. Он и так-то был как бурлящий ключ, а тут, в присутствии восхищённого ожидания учеников, он взмывал фонтаном мысли, покоряя и увлекая за собой.

> Смотри, как облаком живым
> Фонтан сияющий клубится;
> Как пламенеет, как дробится
> Его на солнце влажный дым[222].

Они тянулись за ним. Задавали вопросы. Додумывали. Сами формулировали.

Шло настоящее сотворчество.

«Мы настаивали на содержательно-диалектической логике,

основывавшейся на новом прочтении „Капитала“ Маркса, — вспоминал Борис Грушин. — С другой стороны, мы очень иронически относились к собственной деятельности и поэтому называли себя станковистами, по аналогии с описанием подобного „течения“ у Ильфа и Петрова. В „Золотом телёнке“ художники-артельщики писали не маслом, а гайками, фасолью и горохом. Ильф и Петров назвали своих художников диалектическими станковистами. По аллитерации можно провести параллель — мы чувствовали себя „диастанкурами“ — античными Диоскурами»[223].

Так зародился Московский логический кружок, ядро будущего Московского методологического кружка — ММК.

«До появления „диалектических станковистов“ логика делилась на диалектическую и формальную, — рассказывал Грушин. — Диалектическая была просто болтовнёй, потому что формулы „отрицание отрицания“, „единство и борьба противоположностей“ к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. В ММК речь шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае. Важно было, зная что-то, грамотно это изложить. А мы считали, что это не логика вовсе или так называемая формальная логика, которая никак не затрагивает содержание, не затрагивает процесса получения знания!

Мы же стремились раскрыть приёмы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. То есть всего того, что Щедровицкий затем блистательно доведёт до конца. Он — единственный из нас, кто создал и сохранил научную школу. Речь шла о том, чтобы раскрыть приёмы и операции мышления, чтобы отнестись к мышлению, как к виду деятельности. Мышление — деятельность, которая располагает своими инструментами и орудиями по расчленению объекта. Щедровицкий первым разделил „объект“ и „предмет“. Имея дело с объектом, исследователь создаёт предмет, то есть отражает объект в виде предметов; один и тот же объект может быть представлен в виде разных предметов. Мы назвали эту логику генетически-содержательной, — содержательной в том смысле, что мы пытались раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные»[224].

Они были тремя мушкетёрами от философии, а он — их д’Артаньян, вечный задира, бесстрашный искатель интеллектуальных приключений и битв. «Для него самое большое

удовольствие было лезть на драку, провоцировать», — вспоминал Пятигорский[225].

Но они не только обсуждали волновавшие их философские проблемы. Их команда и впрямь была маленьким боевым подразделением. Его мальчики, хоть и не воевали на фронте, вполне могли бы летать с ним на штурмовку в одном звене.

Первой их совместной социальной акцией стала поддержка Щедровицкого при защите диплома в 1953 году. Заведующий кафедрой логики Черкесов высказал решительное неприятие его работы и публично заявил, что «провалит» защиту. Речь шла не о плохо подготовленном дипломном проекте, а именно о принципиальном несогласии с высказанными в нём идеями.

«Я отправился домой к Зиновьеву, — вспоминал Щедровицкий, — и попросил его прийти на защиту и выступить. Мы вместе отправились к Грушину. Я дал им экземпляры работы и просил их срочно прочесть с тем, чтобы выступить. Я полагал, что этого вполне достаточно.

Мы обсудили основные принципы декларации по новым исследованиям в логике. Ну и, соответственно, я приготовил текст с защитой принципов моей работы против возможных нападок Черкесова, Алексеева и др. При этом было очень много шуток. Мы впервые сидели втроём на лавочке в университетском маленьком дворике, там, где Герцен и Огарёв, и обсуждали со всевозможными хохмами, как вообще будет идти обсуждение, кто и как должен будет выступать. И составили то, что в литературе называется „сценарий“. Были заготовлены вопросы, которые должны быть заданы возможным оппонентам, расписаны все члены кафедры, распределены роли: кто кого на себя берёт, кто кому будет отвечать, кто и что потом будет говорить… Так примерно час мы играли в эту игру и получали гигантское удовольствие, заготавливая заранее все возможные ходы… <…>

Удачную защиту мы отметили — как это и принято — небольшой пьянкой у меня дома. Это было, наверное, первое испытанное мною ощущение радости от победы в коллективном деле. Хотя борьба-то была в общем смехотворной — мы рассчитывали на более жестокое сопротивление, а по сути дела, ни Зиновьеву, ни Грушину почти не нужно было выступать, и лишь один из них сделал это для проформы, ну просто чтобы отметиться. Но всё равно радость была настоящей: мы вместе задумали и осуществили дело, привели его к удачному, запланированному концу!»[226]

Более значительным с точки зрения отстаивания общих позиций было участие в философских дискуссиях, прошедших на

философском факультете в 1953–1954 годах. Сразу после смерти Сталина обстановка в университетской интеллектуальной среде оживилась. Люди начали раскрепощаться, смелее высказывать свои взгляды. Преподаватели и профессура постепенно освобождались от слепого догматизма. Молодёжь — аспиранты, студенты — были полны решимости стряхнуть идеологическую пыль с философской мысли. Научные дискуссии стали плацдармом ожесточённых сражений, в которых решалась не столько судьба научной истины, сколько вопрос о смене поколений. Младшие яростно шли в атаку, но и «старики» не намеревались уступать, тем более что тем «старикам» было по 45–50 лет и они как раз только распробовали вкус настоящей жизни. Их позиции были предпочтительнее, мотивации — сильнее. Но «молодая шпана» изрядно потрепала им нервы.

В феврале — марте 1954-го состоялась дискуссия «О разногласиях по вопросам логики». Она проходила в форме регулярных заседаний учёного совета, в ходе которых выслушивались позиции противоборствующих сторон. Всего состоялось шесть заседаний, на которых прозвучало около тридцати выступлений[227].

Основную суть разногласий внятно и доступно сформулировал на первом заседании профессор В. Ф. Асмус:

«1. Часть членов кафедры полагают, что диалектика (диалектическая логика) в той своей части, в которой она изучает законы развития мышления, изучает в них *то же самое,* что в законах и формах мышления изучает логика (формальная). Отсюда эти товарищи вполне логично выводят, что, если обе эти науки изучают в мышлении в точности один и тот же предмет, то разница между ними может быть только в глубине этого изучения. А именно: логика изучает законы и формы мышления элементарно, примитивно, поверхностно, а диалектика те же самые законы и формы мышления изучает глубоко, неэлементарно.

Другая часть членов кафедры полагают, что диалектика (диалектическая логика) — в той своей части, в которой она изучает законы развития мышления, — изучает в них то, что есть в законах развития мышления *общего* с законами развития природы и общества. Логика же (формальная логика) изучает не общие законы развития природы, общества и мышления, а законы и формы истинного и обоснованного мышления. Этих законов и форм диалектика не изучает. Таким образом в мышлении диалектика и логика изучают не одно и то же. Значит, предметы у этих наук — разные.

Члены кафедры логики, стоящие на этой точке зрения,

полагают, что логика изучает свой скромный предмет — законы и формы истинного и обоснованного мышления не элементарно, не примитивно, не поверхностно, а так же основательно и глубоко, как всякая наука — на каждой данной ступени своего развития — может изучать и изучает свой предмет. Элементарных наук вообще нет. Элементарным может быть *преподавание* науки, например, в средней школе (элементарная математика), но сама наука не может быть элементарной. Диалектика (диалектическая логика) — наука высшая в сравнении с логикой не потому, что диалектика неэлементарно изучает то, что логика изучает элементарно, а потому, что диалектика даёт всем наукам (в том числе и логике) метод для исследования законов развития.

2. Первая часть членов кафедры полагают, что когда исследователь (в любой области знаний) мыслит диалектически о своём предмете, он в это время уже не соблюдает тех законов истинного и обоснованного мышления, которые выясняет логика, и мыслит уже не в тех формах мышления, которые выясняет логика, а соблюдает законы истинного и обоснованного мышления, которые выясняет диалектическая логика, и мыслит в формах мышления, которые выясняет диалектика. Выходит, будто в мышлении все законы существуют в *двоякой* форме — *элементарной* и высшей. <…>

Вторая часть членов кафедры логики полагают, что, так как законы и формы истинного и обоснованного мышления изучает не диалектика (у которой совершенно другой предмет), а логика (формальная), то исследовать в любой области знания даже тогда, когда он мыслит о своём предмете диалектически, мыслит согласно тем законам истинного и обоснованного мышления и в тех формах истинного и обоснованного мышления, которые выясняются логикой (формальной). Это не значит, что диалектическая логика (т. е. наука об общих законах развития, природы и мышлении) „подчинена“ науке логике: ведь предметы у этих наук — разные! Какое же тут может быть „подчинение“? Это значит только, что, исследуя свой предмет, которым формальная логика вовсе не занимается и который, следовательно, никак не может быть в подчинении у формальной логики, исследователь, применяющий диалектический метод, мыслит в общечеловеческих логических формах мышления, соблюдает общечеловеческие законы доказательного, непротиворечивого, определённого мышления. Никто ведь не скажет, что физика наука „низшая“ в сравнении с математикой на том основании, что, исследуя *свой* предмет, математикой не изучаемый, физик пользуется аппаратом математики: уравнениями, вычислениями и т. д. и что правила решения

уравнений обязательны и для физика.

3. Первая часть членов кафедры склонны думать, что логика (формальная) — не наука, способная, как всякая наука, развиваться, углубляться в свой предмет, но скорее предмет среднешкольного преподавания, все правила и положения которого уже выяснены и нуждаются только в поправках. Вторая часть членов кафедры склонны думать, что хотя логика (формальная) должна преподаваться с поправками — в средней школе, логика есть *не только* предмет среднешкольного преподавания (действительно элементарного), но, кроме того и прежде всего, есть настоящая наука, имеющая свой *особый* предмет, которого она не делит *ни с какой наукой,* в том числе и с диалектикой (диалектической логикой), у которой — совершенно *другой* предмет. Как *наука,* логика — наука развивающаяся и в настоящее время. Она не закончила исследования своего предмета, но, как всякая другая наука, продолжает углублять и совершенствовать его исследование»[228].

На стороне «диалектической логики» выступили В. И. Черкесов, В. С. Молодцов, М. Н. Алексеев, Н. И Никитин, А. П. Гагарин, В. И. Мальцев и др. Среди сторонников формальной логики как самостоятельной науки — В. Ф. Асмус, П. С. Попов, С. А. Яновская, А. Н. Колмогоров.

«Станковисты» также выступили единым строем: 26 февраля 1954 года, на втором заседании, прозвучали голоса Грушина и Щедровицкого, на пятом заседании, 19 марта, — Зиновьева. Они отстаивали «третий путь», суть которого заключалась в том, что никто не ставит под сомнение как диалектический метод мышления как таковой, так и формальную логику как набор интеллектуальных средств, используемых в ходе диалектического постижения предмета. Важно то, что используются и другие средства, позволяющие исследователю ориентироваться в сложной, изменчивой и противоречивой (в диалектическом смысле) реальности, и вот эти-то средства, которыми практически оперирует диалектически мыслящий человек, и надо сделать предметом внимания логики: диалектической или формальной — значения не имеет.

Выступали отчаянно, вызывающе, зло. Щедровицкий начал свою речь с места в карьер: «Разногласия между двумя точками зрения, изложенными в дискуссии Валентином Фердинандовичем Асмусом и Виталием Ивановичем Черкесовым, на мой взгляд, не имеют принципиального характера, — и далее по нарастающей. — Основной вопрос, стоящий перед логикой, — это вопрос метода, а обе спорящие группы одинаково не применяют диалектический метод при исследовании процессов мышления.

Конечно, представители обеих групп считают себя диалектическими материалистами, да и смешно было бы, товарищи, чтобы кто-то у нас, в СССР, объявлял себя сознательным, убеждённым метафизиком. Субъективное желание всех наших исследователей быть материалистами и диалектиками не вызывает сомнения. Однако, по-видимому, одного желания недостаточно, надо ещё уметь быть диалектиком, надо ещё на деле применять диалектический метод в изучении мышления. А этого *ни та, ни другая группа не делает»*[229].

Аудитория была в шоке, а он не сбавлял оборотов: «Я предъявляю обвинение нашей логике в том, что она потеряла свой предмет, в том, что она не изучает современного научного мышления, в том, что в своей настоящей форме она никому не нужна. <…> Я прошу представителей обоих направлений выйти сюда и ответить на вопросы: что именно они изучают? Какое мышление является объектом их исследования? В каких работах отражён их труд? Я думаю, что они не смогут с честью ответить на эти вопросы, ибо уже давно единственным объектом, с которым они имеют дело, стали категории, взятые напрокат из устаревших метафизических теорий логики»[230].

И финальный вердикт и призыв: «Мы, логики, сможем сказать, что наша наука нужна обществу, что мы приносим действительную пользу, только тогда, когда оставим в стороне поистине бессмертного Сократа и обратимся к реальному объекту, к изучению современного научного мышления. Только на этом пути возможно дальнейшее развитие логики, вне этого пути — загнивание и разложение!»[231]

Позиция «станковистов» была столь еретической, что её в равной степени не приняли обе полемизирующие стороны. Однако отныне игнорировать её совсем было невозможно. Разве только вовсе не допускать смутьянов на факультет. Так вскоре и поступили.

Другая значимая дискуссия по теме «Естествознание и философия» состоялась несколько позже на кафедре истории зарубежной философии под руководством Т. И. Ойзермана. В центре её были тезисы по теме «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития», которые по просьбе Ойзермана подготовили ассистенты кафедры Э. Ильенков и В. Коровиков. Вводный доклад сделал Коровиков. Потом началось обсуждение, которое тоже проходило в несколько раундов.

«Прежде всего, вопрос состоит в том, чтобы понять, в чём общественная необходимость появления философии, как особой формы сознания, как особой сферы разделения умственного

труда, — утверждали авторы тезисов. — Какова природа той общественной потребности, которая могла быть удовлетворена лишь философией и не могла быть удовлетворена другой формой общественного сознания: ни религией, ни искусством, ни правосознанием, ни политическими идеями»[232]. Далее шёл исторический очерк — от Древней Греции до современности, — в котором обозначались «специфические основы исторической необходимости её возникновения, из которых возникла и развилась философия как наука, овладевшая специфическим предметом и методами разрешения этих вопросов»[233].

Сопоставляя функции философии как науки в разные исторические периоды, Ильенков и Коровиков писали: «Потребность в относительно самостоятельном, специфическом философском аспекте рассмотрения возникает из природы самого „конкретного“, т. е. если употребить более точное слово — научно-теоретического познания. Научно-теоретическое мышление человека возникает и развивается, как указывал Энгельс, вместе с исследованием „природы самих понятий“ и без последних вообще невозможно. Научно-теоретическое познание предполагает сознательное обращение человека с самими формами, в которых и посредством которых он научно-теоретически отражает мир, явления природы и общества. *Исследование логических категорий* как форм, в которых и посредством которых совершается научно-теоретическое познание явлений природы и общества, происходящее в философии параллельно и на основе процесса формирования и развития самих этих категорий, которое происходит всегда и везде в ходе конкретно научно-теоретического познания мира человеком, и *выступает в истории философии как её объективное содержание, как подлинный её предмет*»[234].

Отталкиваясь от слов Энгельса о том, что «из всей прежней философии самостоятельное значение сохраняет ещё учение о мышлении и его законы — формальная логика и диалектика», Ильенков и Коровиков рассуждали: «Диалектика не является *монополией философии,* она присутствует в любом научном знании. Именно потому, что законы диалектики всеобщи, их и изучает (вскрывает) любая наука в любом своём объекте и тем самым вскрывается истина объекта. В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией как логические категории, как закон диалектического мышления. Лишь делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в своё рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают. Философия и есть наука о

научном мышлении, о его законах и формах, причём, конечно, материалистическая наука, рассматривающая формы и законы мышления как аналогии соответствующих объективных всеобщих форм развития объективной действительности»[235].

В заключительном 15-м тезисе давалось определение предмета философии на современном этапе её существования: «Значение философии для науки о природе и обществе состоит в том, что она стихийность познания заменяет осмысленным, наиболее совершенным методом подхода к объекту исследования, учит обоснованно, всесторонне пользоваться мышлением, вооружает научное познание самосознанием. „Без теоретического мышления невозможно связать между собой хотя бы двух фактов природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслит ли при этом правильно или нет…“ (Энгельс. Диалектика природы). Вот на этот-то *вопрос* и должна ответить *научная* философия, в этом смысл и необходимость её существования в системе наук»[236].

Концепция, предложенная молодыми философами, была выстроена изящно и убедительно. Они не только уважительно ссылались на труды и идеи Маркса и Энгельса, но показывали, что как раз только в эпоху марксизма и в первую очередь благодаря подлинно научному исследованию капитализма, осуществлённому Марксом, стала ясна роль философии в системе научного знания: «Маркс показал образец сознательного применения философии к некоторым отраслям конкретного знания, в частности, к политической экономии»[237], — говорилось в тезисах. Однако сделанный в итоге вывод носил совершенно антимарксистский характер, ибо в рамках такой постановки вопроса из предмета философии напрочь выпадал весь исторический материализм, то есть учение о классовой борьбе и пролетарской революции. Вступала она в противоречие и с «ленинским учением» об ощущении, о чувственном познании мира. Вероятно, авторы и сами не до конца осознавали, на что они подняли руку. Им, впрочем, быстро растолковали.

«Когда началось обсуждение этих тезисов на заседании Учёного совета философского факультета (а таких заседаний было несколько), — вспоминает В. А. Лекторский, — на Ильенкова и Коровикова буквально обрушились многочисленные критики, которые не пользовались какими-либо рациональными аргументами, а в основном ссылались на высказывания классиков марксизма-ленинизма и указывали на опасность того пути развития философии, который предлагается в тезисах („вы зовёте нас в душную сферу мышления, — заявил один из них, — но мы туда не пойдём“). Выступали и сторонники. Насколько я помню,

позицию авторов тезисов защищали П. В. Копнин, А. А. Зиновьев, Г. П. Щедровицкий, А. С. Арсеньев. Сторонники тезисов (и сами авторы) пытались ответить на критические высказывания. По вопросу об онтологии Ильенков и Коровиков заявили, что её нет и не может быть в составе марксистской философии. „Наиболее общие (или, точнее, всеобщие) законы развития бытия“ и законы мышления совпадают и выявляются именно на основе анализа мышления. („А как быть с теорией отражения?“ — воскликнул один из критиков. „„Отражение“ является неудачным словом, — парировал А. С. Арсеньев. — И вообще ленинский „Материализм и эмпириокритицизм“— это незрелая работа в отличие от „Философских тетрадей“ того же автора“, — продолжил он. Я хочу напомнить, что всё это говорилось в 1954 г.!) По вопросу о философском характере исторического материализма авторам тезисов сказать по существу было нечего, и это, конечно, делало их позицию уязвимой перед идеологической и демагогической критикой»[238].

Спустя некоторое время о возрождающемся на философском факультете МГУ ревизионизме доложили в ЦК. Ойзерману настоятельно рекомендовали завершить дискуссию. Закрывая очередное заседание, он объявил, что желающих выступать больше нет. А в это время «молодые» ещё только ожидали своей очереди. Они стали резко протестовать. Делать было нечего, Ойзерман согласился провести ещё одно заседание.

Щедровицкий вспоминал: «Дальше было очень интересное совещание дома у Эвальда Васильевича Ильенкова (под Вагнера): что же делать? И многие решили выступать.

Через неделю история повторилась. Ойзерман встал и сказал, что многие из желавших выступить отказались, сняли свои фамилии. Осталось человек десять. Но поскольку у каждого было по восемь минут, это обострило ситуацию, потому что если бы были долгие выступления, то, может быть, наше неприятие не прозвучало бы так чётко, так остро. Все говорили очень жёстко, и это была фактически демонстрация нежелания молодого поколения философов думать по-старому, жить в той рутине, которая сложилась.

И очень здорово подытожил всё Александр Зиновьев, закончивший своё короткое, пятиминутное выступление следующими словами: „Если бы Маркс был жив, он бы к своим одиннадцати тезисам добавил двенадцатый: раньше буржуазные философы объясняли мир, а советские философы и этого не делают“, — чем вызвал оглушительные аплодисменты всего зала.

Наше положение на той дискуссии было довольно трудным, поскольку мы не принимали основной тезис Ильенкова и

Коровикова: предмет философии — познание, а не мир. <…>

Тем не менее, мы поневоле должны были это делать, поскольку основным смыслом происходившего было столкновение между старшим поколением и молодыми преподавателями, аспирантами и студентами — молодым поколением. И, собственно, именно это и выразил Зиновьев в своём выступлении, когда говорил, что дело совсем не в тезисах того или иного рода, а в том, что молодёжь не хочет, и не может, и не будет работать по-старому, она хочет мыслить свободно»[239].

«Студентка 5 курса Давыдова, — констатировала чуть позже справка, подготовленная комиссией отдела науки ЦК КПСС, работавшей на факультете, — в беседе, защищая взгляды Ильенкова и Коровикова, подтвердила, что предметом марксистской философии они признают лишь науку о познающем мышлении, что исторический материализм есть наука об изучении исторического процесса и к философии не относится. При этом она заявила, что марксистская точка зрения одна из точек зрения и её можно „свободно“ принимать или не принимать, что в марксизме могут существовать многие и разные взаимоисключающие положения. Мы не согласны, — заявила она, — что существуют какие-то не дискуссионные вопросы. Дискуссии нельзя запретить. Всё равно, если не сейчас, то лет через 10 точка зрения Ильенкова и Коровикова на предмет философии будет господствующей»[240].

Участие во всех этих боях не прошло для «молодых» безнаказанно. Грушин вспоминал: «После дискуссии 1954 года меня, Юру (Щедровицкого, уменьшительное от Георгий. — *П. Ф.)* и Сашу по отдельности вызвали в КГБ и предупредили, что мы по молодости встали на опасный путь: мол, по факту мы выступили против существующего порядка, против официозных авторитетов, причём вовсе не в науке. Я помню того сотрудника: пригласив в номер гостиницы „Москва“, он мне растолковывал, что людям, кого мы критиковали, поручена свыше особая работа, и, заметьте, не только на факультете, а потому мы, сами того не сознавая, едва не совершили идеологическую диверсию. Но нас это не испугало, а, напротив, воодушевило: мы поняли, что сработали не вхолостую, что нас заметили именно как группу»[241].

Зиновьеву чудом, хотя и с огромным сопротивлением, удалось защититься. Вмешалась, как обычно в России, погода. Или точнее — сезон. Наполеона «сгубила» русская зима. Оперативно разобраться с восстанием молодых философов помешало лето. Расправу отложили до осени: комиссия отдела науки ЦК КПСС пришла на факультет лишь в октябре. Но —

шутки в сторону, хотя, наверное, отпускной фактор тоже сыграл свою роль. Решающими в успешной защите Зиновьева, конечно, были его неоспоримые научные достижения, предъявленные в работе, и продуманные, сплочённые действия по организации научного общественного мнения на факультете, привлечение на свою сторону союзников, активное участие в формальных процедурах, связанных с подготовкой к защите.

В дни, когда факультет кипел в противоборстве мнений и интересов, 13 апреля на кафедре логики состоялось обсуждение диссертации Зиновьева. Присутствовало 25 человек, из них больше половины — аспиранты и студенты. «Станковисты» — в полном составе. Сперва выступила профессура — Асмус, Ойзерман, преподаватели кафедры — Воробьёв, Никитин (секретарь факультетского партбюро), научный руководитель — всё тот же Алексеев. Критиковали довольно резко — все ещё были накалены недавним выпадом «станковистов» в ходе логической дискуссии и спешили предъявить встречный иск. «Приструнить зарвавшихся хулиганов».

Да и сама по себе диссертация Зиновьева была отчаянно, непозволительно смелой. Рискованной. Вся советская пропаганда неустанно трубила о «Капитале» Маркса как о выдающемся научном труде, но именно *научного подхода* к его исследованию советская пропаганда никак не предполагала. Более того, «Капитал» был возведён в ранг священной книги. Его следовало изучать, толковать, цитировать. Использовать его в качестве *материала исследования логических приёмов*, как это сделал Зиновьев, было верхом святотатства с точки зрения официальной идеологии. Маркс, даже называемый и признаваемый Зиновьевым гением, переходил в предложенном им дискурсе из категории богов в категорию мыслителей — *наряду с другими.* Но это значило, что и *весь пантеон* коммунистических богов низводился на землю. А тут уже пахло не просто «идеологической диверсией», а «настоящей контрреволюцией». Это оппоненты Зиновьева очень хорошо понимали. Они не были дураками. И меньше всего их, конечно, волновал сам Маркс. Зато попустительство в недосмотре могло обернуться большими неприятностями. Требовали радикальной переделки, сокращения, «приведения в соответствие с требованиями», повторного обсуждения.

Он отвечал на все выпады спокойно, уверенно, аргументированно. А потом в бой пошла молодая гвардия — Щедровицкий, Грушин, Ильенков, Давыдов. Заседание длилось несколько часов. В итоге «старики» уступили. Кафедра приняла решение: «Считать диссертацию в основном готовой к защите.

Обязать тов. Зиновьева учесть критические замечания при обсуждении и внести соответствующие изменения. Вторично диссертацию на кафедре не обсуждать. Поручить тов. Зиновьеву подготовить автореферат. Обсудить автореферат на кафедре»[242].

Через месяц, 18 мая, обсуждался автореферат. И опять та же картина: из 22 присутствующих на заседании — 15 аспиранты и студенты. И положительное решение, хотя, как и в прошлый раз, с оговоркой: «В основе автореферат считать приемлемым, но тов. Зиновьеву учесть высказывания членов кафедры»[243]. Очевидно, имелось в виду выступление Черкесова. Но в целом, под присмотром студенческой общественности, противники вели себя сдержанно. Во всяком случае, выводить «засадный полк» не понадобилось. Обсуждение ограничилось четырьмя выступлениями членов кафедры.

Параллельно шла закулисная борьба. Бывший тогда заместителем декана А. Косичев в своих воспоминаниях говорит, что из парткома МГУ, по сигналу с факультета, поступило требование «разобраться» с диссертацией Зиновьева. И состоялось её обсуждение в кабинете декана В. С. Молодцова, на котором Зиновьев вновь отстаивал свои позиции. «Надо было видеть, — пишет Косичев, — как этот спокойный с виду, гуманный человек превращался при защите своих идей в непреклонного борца. Он не оправдывался, он наступал. Однако он не выходил за границы научной этики, с уважением относился к своим оппонентам. В результате обсуждения диссертации Зиновьева он оказался победителем. Никто из выступающих не мог опровергнуть основных положений его работы. В результате диссертация была рекомендована для рассмотрения на Учёном совете факультета»[244].

Встречные ходы предпринимали и сторонники Зиновьева. Кантор познакомил с Зиновьевым своего друга Григория Чухрая, только что окончившего ВГИК и работавшего на «Мосфильме». Тот знал бывшего уже в славе М. Донского, который, в свою очередь, приятельствовал с философом академиком Г. Александровым, автором «Истории зарубежной философии», из-за которой разгорелась «философская дискуссия» 1947 года. Его как раз назначили министром культуры СССР, а до того он несколько лет возглавлял Институт философии. У него были свои счёты с факультетом философии. Он вступился за Зиновьева, хотя и не читал его работы.

21 июня 1954 года в типографии Московского университета тиражом 100 экземпляров был отпечатан автореферат. Тоненькая брошюрка объёмом в 12 страниц под ярко-жёлтой, как бунтарская кофта обожаемого им Маяковского, обложкой. Она стала его

первой научной публикацией.

И — манифестом.

«Нет необходимости доказывать, — утверждал он, — какое значение для науки имеет изучение приёмов мышления автора „Капитала“. Целый ряд затруднений в современных науках связан именно с тем, что приёмы научного мышления не изучены в деталях. Например, решённая Марксом проблема соотношения закона и его эмпирических проявлений снова и снова встаёт в ряде наук. Изучение способов разрешения подобных проблем на материале научного наследия Маркса может оказать серьёзную помощь представителям конкретных наук и открыть путь к изучению всего богатства приёмов современного научного мышления»[245].

Сохраняя форму, предписанную академическими правилами, он последовательно излагает не столько содержание диссертации, сколько программу реализованной им реформы научной методологии познания. Подводя итог, он декларирует: «В целом ряде наук восхождение до сих пор ещё применяется стихийно, что затрудняет путь познания и порой ведёт к путанице. Изучить этот процесс до мельчайших деталей на материале уже имеющихся образцов диалектического мышления, изобразить его в такой обобщённой форме, чтобы он стал рабочим инструментом каждого исследователя, — в этом состоит одна из важнейших задач науки о мышлении»[246].

На 12 страницах текста имя Маркса встречается 12 раз! Это была его «Пощёчина общественному вкусу». Его бесстрашная попытка очистить палубу «корабля современности» от превратившихся в ненужный балласт идолов классиков. Проложить новый курс.

Авторских экземпляров не предполагалось. В соответствии с инструкцией, все сто были распределены по разным адресам. В том числе в отдел философских наук ЦК КПСС, в секретариат МГК КПСС, в Академию общественных наук при ЦК КПСС, в Библиотеку МК КПСС, в Библиотеку парткома МГУ, в Библиотеку им. В. И. Ленина, в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина, в Главную редакцию Большой советской энциклопедии при Совете министров СССР, в Институт философии, в журнал «Вопросы философии», в Министерство высшего образования, в десятки научных библиотек Москвы, Ленинграда и Советского Союза. Простые смертные могли ознакомиться с ней в кабинете философской литературы факультета, на кафедрах или у членов учёного совета[247]. Несколько штук диссертанту всё-таки достались. Соратники тут же принялись тиражировать их

машинописным способом.

Наконец, в соответствии с регламентом ВАК, 7 сентября на страницах газеты Московского городского комитета Коммунистической партии Советского Союза и Моссовета «Вечерняя Москва» появилось объявление, извещавшее, что на философском факультете Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова, по адресу ул. Моховая, д. 11, корп. 5, 17 сентября 1954 года, в 15 часов состоится защита диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук ЗИНОВЬЕВЫМ А. А. на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале „Капитала“ К. Маркса)»[248].

В историографии датой основания города считается первое упоминание о нём в летописи. Первое упоминание имени человека в прессе можно считать датой его социального *появления на свет.* Философ Александр Зиновьев появился 7 сентября 1954 года.

На первой полосе газеты, в правом верхнем углу, над шапкой читался абстрактный для простого советского человека лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Для «станковистов» и их единомышленников в этот вечер он звучал совершенно конкретно.

Неожиданно вмешались обстоятельства. Буквально за день до защиты становится известно, что на 17 сентября на 16 часов назначается расширенное заседание Совета университета. Проведение защиты невозможно. Срочно составляется письмо в ВАК, благо оба учреждения находятся друг от друга в пешей доступности. Учёный секретарь ВАК, приняв во внимание важность причины, разрешает перенести защиту на неделю, 24 сентября, без дополнительного объявления в газете[249].

Что ж, есть время ещё раз проверить боевую готовность!

Час пробил. Наступил день защиты диссертации.
Нет, не защиты. Защита не про них. Они — *атакуют*!
Наступил день *атаки диссертацией.*

По машинам!

Аудитория на Моховой переполнена.

Председатель Учёного совета кафедр логики, психологии и педагогики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова заведующий кафедрой психологии, доктор педагогических наук, действительный член АПН РСФСР, профессор Алексей Николаевич Леонтьев открывает заседание, объявляет повестку

дня и предоставляет для ведения слово учёному секретарю Совета и, по стечению обстоятельств, научному руководителю Зиновьева Алексееву слово для зачтения биографических данных диссертанта.

Самолёты выкатываются на взлётную полосу.

— Товарищ Зиновьев Александр Александрович, 1922 года рождения, русский, член Коммунистической партии Советского Союза с января 1954-го. Окончил философский факультет МГУ в 1951 году. Учился затем в аспирантуре при кафедре логики МГУ. Окончил аспирантуру в 1954 году.

— Вопросы по биографическим данным есть? Нет. Слово для вступительного слова имеет диссертант Зиновьев Александр Александрович.

Набор высоты. Подлёт к цели.

— В диссертации рассматривается метод восхождения от абстрактного к конкретному. Материалом для анализа его послужило произведение, где этот метод получил гениальную разработку и применение, — «Капитал» К. Маркса. Оценки, данные самим Марксом восхождению в целом и его основным элементам, послужили в диссертации отправными и руководящими принципами анализа.

Во введении к диссертации формулируется цель работы и актуальность изучения приёмов мышления, раскрывающего диалектику предметов, — их происхождение, противоречия и способы их разрешения, законы и их проявление, изменение и развитие и т. д.

В первой главе даётся общая характеристика восхождения и некоторых принципов его анализа. Этой цели подчинены и иллюстрации из истории науки до Маркса. Основное позитивное содержание главы таково. Требуется изучить сложный многосторонний предмет, представляющий собой органическое целое, т. е. естественно-исторически сложившуюся, внутренне расчленённую и взаимодействующую в обособленных элементах систему связей, в частности, буржуазную экономическую систему. Для решения этой задачи исследователь должен в определённой связи и последовательности абстрагировать в предмете его различные стороны, связи и исследовать их, идя ко всё более многостороннему и точному охвату целого и его различных явлений. Понятие, полученное при исследовании предмета с одной его стороны, в диссертации называется абстрактным

понятием («абстрактным»), а полученное при исследовании ряда сторон — «конкретным». При этом абстрактность и конкретность имеют относительный характер. Но дело не сводится к простому суммированию связей в предмете, полученных при анализе его различных сторон. Необходимо раскрытие связей реальных, что предполагает особого рода связь абстрактных понятий, обеспечивающих переход к конкретному понятию о предмете. Стороны предмета должны быть вычленены в связи друг с другом и вместе с тем исследованы в их соотносительных особенностях отвлечённо друг от друга. Совершаемые при этом абстракции, исключая и предполагая друг друга, образуют специфические связи восхождения. Это предполагает учёт реального обстоятельства, в котором интересы рассматриваемых сторон скрещиваются, которое представляет продукт их взаимодействия. Соединение абстрактных понятий, получаемых в результате связи этих абстракций, и означает объяснение реальной связи рассматриваемых сторон, означает переход к конкретному. Иными словами — переход от абстрактного к конкретному есть средство объяснения тех явлений, которые человек наблюдает в предмете. Конкретность охвата здесь — не самоцель, а средство более точного охвата предмета и его явлений.

Во второй и третьей главах рассматриваются различные типы, формы связей абстракций, дающие соответствующие переходы от абстрактного к конкретному. При этом главная задача заключается не столько в детальном анализе их, — это сделано лишь относительно некоторых важнейших связей, — а в обнаружении самих этих типов связей, как возможного объекта исследования и их субординации в процессе восхождения в целом. Но и в этом виде задача достаточно сложна: вычленение основных связей восхождения предполагает постоянно их сопоставление друг с другом, выяснение их места в процессе в целом, плюс к тому присоединяется вопрос о последовательности охвата органического целого именно как целого и учёт приёмов отражения, возникающих ранее или независимо от восхождения, но являющихся необходимыми условиями его функционирования. Так что, естественно, способ изложения материала не мог претендовать на желаемую популярность.

Во второй главе рассматриваются простейшие элементы восхождения. Это вопрос о начале восхождения, об анализе отношений, о двух подразделениях восхождения и их взаимоотношении и другие. Вопрос об анализе противоречия выделен в специальный параграф в силу его важности. При более совершенном исследовании, на мой взгляд, он должен органически войти в рассмотрение основных приёмов

восхождения. Вопрос этот рассмотрен исключительно применительно к анализу отношений.

Центральный пункт главы — рассмотрение самых фундаментальных связей восхождений — углубления к содержанию отношения и движение к его форме. Здесь более или менее подробно рассмотрено своеобразие абстракций, применяемых в восхождении.

В третьей главе рассмотрены основные направления восхождения и их взаимодействие. Это — выделение зависимостей различных явлений в чистом виде и прослеживание их действия в системе связей — изоляция и конкретизация, обнаружение в одном отношении свойств другого, более простого или определённого, и объяснение возникновения одних отношений на основе других при выяснении их существования на основе других — сведение и выведение, переход от непосредственного отношения к опосредованному, от клеточки — к основному отношению; аналитически-систематические стороны восхождения. Все эти процессы рассмотрены в самом общем виде, отвлечённо от тех особенностей, какие они приобретают в более или менее типичных случаях исследования: в эксперименте и рациональном отборе естественно данных фактов, в анализе данного предмета и его эмпирической истории. Возникающие здесь проблемы лишь намечены как имеющие исключительную научную важность.

В заключении говорится о том, что восхождение применимо во всех случаях анализа органического целого, а отдельные приёмы, развивающиеся в особых условиях в самостоятельные методы, применяемые и в науках другого типа.

В диссертации почти нет ссылок на другие науки, но при соответствующих обобщениях я принимал во внимание всё то, что мне удалось изучить. В данной же работе было бы нецелесообразно выходить за рамки экономического материала, ибо это потребовало бы увеличения работы в несколько раз[250].

Вопросов к диссертанту нет.

Слово предоставляется оппонентам.

В противодействие вступает МЗА противника в количестве двух батарей.

Профессор Т. И. Ойзерман: «…самостоятельное, оригинальное, обстоятельное и плодотворное по своим научным результатам исследование одного из важнейших вопросов теории познания марксизма…», «…можно и должно спорить

относительно решения вопросов, предполагаемого диссертантом, но одно несомненно: необходимо исследование основных приёмов, путей, средств, с помощью которых наука воспроизводит конкретное, существующее в действительности…», «… А. А. Зиновьев, насколько мне известно, первый посвятил специальное исследование этому процессу…», «…диссертант ясно представляет себе свою задачу, обнаруживает прекрасное знание „Капитала“ Маркса, творческий подход к постановке и решению вопросов своего исследования…», «…несомненной заслугой диссертанта является изучение логического „скелета“ гениального произведения Маркса, доказательство всеобщего значения применяемых Марксом приёмов…», «…автору удалось вполне убедительно показать сущность диалектической логики, её специфический предмет и задачи…», «…диссертация тов. Зиновьева, конкретно, по-деловому, ставит и решает вопрос об отношении диалектики и формальной логики…» — «…следует также отметить некоторые серьёзные недостатки этого исследования…», «…ошибочно мнение диссертанта о том, что диалектика находится в некоем, по существу, непримиримом противоречии с обычной, формальной логикой. Следует, правда, оговориться, что эта точка зрения нигде прямо не формулируется, но она, к сожалению, непосредственно следует из ряда его утверждений…», «…утверждать, что диалектика противоречит элементарным требованиям формальной логики, значит, смешивать формальную логику с метафизикой или же приписывать диалектике алогизм. Эту ошибку, в известной мере, совершает автор диссертации…», «…нельзя полностью согласиться с диссертантом в его понимании самого „принципа противоречия“, крайне одностороннем, забывающем о реальном многообразии отношений, в которых находятся противоположные стороны, о противоречии между новым и старым, отмирающим и нарождающимся…», «…диссертант склонен огульно и несколько даже голословно критиковать „отечественных философов“, как он выражается на первой странице своего труда…», «…серьёзным недостатком диссертации является её стиль, сплошь и рядом сугубо усложнённый, весьма затрудняющий понимание текста…»[251].

Доцент П. В. Копнин: «…вполне понятным и оправданным является интерес автора диссертации к проблемам марксистской гносеологии…», «…автор диссертации смело, самостоятельно ставит и решает научные проблемы…», «…диссертация А. А. Зиновьева свидетельствует о научной зрелости её автора…», «…постановка проблемы, методы решения её, эрудиция, которые автор обнаруживает в диссертации, — всё это свидетельствует о

том, что диссертация А. А. Зиновьева вполне стоит на уровне кандидатской диссертации, и её автор безусловно заслуживает присвоения искомой степени кандидата философских наук…», «диссертация А. А. Зиновьева не лишена некоторых недостатков…», «…по мнению автора, существуют формы, специфичные для метафизического метода, и формы, специфичные для диалектического метода познания. Но ведь это не так, существуют приёмы мышления, которыми пользуется наука при изучении предмета, и сами эти приёмы мышления не являются не метафизическими, ни диалектическими…», «…ещё более неправильно стремление рассматривать суждение и умозаключение как специфические формы метафизического метода мышления, как будто процесс восхождения совершается без суждений и умозаключений…», «…автор в своём исследовании смешивает формы мышления (суждение, понятие, умозаключение) с приёмами научного исследования предмета…», «…недостатком диссертации является отождествление формальной логики с метафизическим методом познания…», «…в приложении, которое вообще нам кажется излишним в диссертации, автор пытается доказать неприемлемость силлогизма в экономическом анализе… Но доказать ему этого, конечно, не удалось, в приведённом им примере не соблюдены условия силлогизма, поэтому он и не приложим…», «…отсутствие анализа восхождения от абстрактного к конкретному в других науках…», «…диссертация может быть без ущерба сокращена до 300 страниц…», «…большую трудность при чтении представляет стиль диссертации. Диссертант усвоил стиль Гегеля и отчасти „Капитала“ Маркса и следует в диссертации за их манерою изложения материала…»[252].

Всё в рамках академической риторики, хотя и не без подвоха: общая положительная оценка сведена к минимуму, незначительные недочёты раздуты в серьёзные недостатки и возведены в ранг мировоззренческих. Аудитория недовольно оживлена.

Объявляется дискуссия. В бой идут «старики».

— Слово имеет товарищ Черкесов Виталий Иванович.

Атакует вражеская авиация.

— Товарищи! Мы сегодня обсуждаем очень важную тему! Об этом свидетельствует огромное количество студентов, присутствующих на защите этой диссертации, что не часто у нас случается! Присутствие такого числа студентов очень отрадное

явление, ещё более отрадное явление — интерес широких кругов студентов к такой тематике! Диссертацию товарища Зиновьева кафедра логики рассматривала и оценила положительно! То есть считает, что она действительно и безусловно заслуживает степени кандидата философских наук! Хотя кафедра не согласна с той теоретической установкой, которая развивается в работе товарища Зиновьева по вопросу о формальной логике и диалектике! Я согласен с товарищем Зиновьевым в основной установке по указанному вопросу! Я за положительную оценку диссертации товарища Зиновьева! Но именно поэтому мне хотелось высказать ряд замечаний!!! Мне кажется, есть ряд недостатков, которые мешают той теоретической концепции, которую защищает товарищ Зиновьев! Некоторые недостатки дискредитируют работу! Какие же это недостатки?! Стиль диссертации нехороший!!! Это не «марксовский» стиль, а «зиновьевский»!!! Зиновьев пишет своим собственным стилем, в котором есть целый ряд недостатков!!! В диссертации часто декретируются положения, а не доказываются!!! Он владелец тайн науки!!! Он говорит: это следует понимать так, а это не так, это неправильно!!! Если автор очень авторитарен и тогда следует лучше доказывать, а не декретировать!!! В диссертации немало мест, которые звучат схоластически!!! Я утверждаю, что в диссертации имеется большое количество мест, которые звучат софистично!!!!! Пусть это остаётся без доказательств!!! Есть неопределённость и по вопросу об обобщении! Непонятно, каких позиций Вы придерживаетесь!!! Далее, в диссертации очень много затронуто вопросов! Трудно сказать, какой вопрос в диссертации не затронут! Такое стремление, затронуть все вопросы, несколько ослабляет диссертацию! Диссертант иногда даёт неправильное решение положений!!! Я не согласен с рядом положений диссертации!!! Они противоречат той установке, которую защищает диссертант совершенно правильно!!! Что это за положения?! Диссертант, например, утверждает, что в объективном мире общее и единичное не противоречат! Нет противоречия между общим и единичным!! Аргументы тут не сильные!!! Обратимся к фактам, которые описаны Марксом! Указал ли Маркс на эти противоречия или нет?! Указал!!!!! Вы это приводите! Существует противоречие между общественным и частным трудом!! Это движущая сила всей товарной системы!!! Во всех областях мы найдём противоречие между общим и единичным! Атом вообще и данный атом!! Но отрицать, что в объективном мире есть противоречие между общим и единичным — неправильно!!! Тогда нельзя построить теорию абстрагирования! В этом случае надо много переделывать по

сравнению с теми, что есть в марксизме!!!!! Тогда необходимость будет без случайности и т. д.!!! Общее и единичное — это одно из проявлений, видов и примеров проявления законов борьбы противоположностей! Этот вопрос у товарища Зиновьева решается неправильно, мешает концепции, которую диссертант защищает!!!!! Мне не очень нравится, когда он подчёркивает несходство законов мышления и объективного мира, а их различие!! Это мешает той правильной концепции, которую вы защищаете в своей диссертации!!! Наконец ещё одно положение у товарища Зиновьева неясно! Диссертант говорит, что логический порядок движения и исторический порядок не находятся в единстве!! Это положение неправильно!!! На нашей кафедре усиленно развивают эту идею! Заявляют, что вообще говорить о единстве исторического и логического — это идёт от Гегеля!! Мне кажется, что в данном пункте Зиновьев неправ!!! Отрицание этой важнейшей и главной определяющей закономерности, которая определяет последовательность мышления, не один только закон противоречия определяет последовательность мышления, он не исчерпывает всего! Марксистский принцип единства логического и исторического — вот, что определяет последовательность мышления! И когда Вы колеблете его, то колеблете идею марксизма!!!!! Вот эти замечания я хотел бы высказать, и не для того, чтобы признать диссертацию товарища Зиновьева негодной! Я основную идею, проводимую в диссертации, считаю правильной! Этим я бы попытался объяснить интерес студентов к данной теме! Я не могу согласиться с товарищем Ойзерманом насчёт диалектической логики!! Я думаю, что это сильно сказано, но неправильно, что Зиновьев делает дальнейший шаг в направлении уточнения основных положений!!!!!

— Слово имеет Василий Иванович Пржесмицкий.

(Кандидат технических наук, преподаватель МВТУ им. Н. Э. Баумана.)

Противодействие противнику оказывают самолёты прикрытия.

— В диссертации Зиновьева «Восхождение от абстрактного к конкретному» поставлен большой, актуальный и, можно сказать, злободневный вопрос современной научно-мыслительной практики. В диссертации разбираются почти все логические приёмы, встречающиеся при современном исследовании, могущие составить предмет целой отдельной науки, и при современном проектировании сложных сооружений, машин и их органических комплексов. А также предпринимаются меры к тому, чтобы советская наука логика поднялась ступенью выше и приблизилась к ликвидации своего отставания от современной науки научно-мыслительной практики. Неисследованность и неосвещённость всего комплекса логических приёмов и форм научного мышления, без которого не может успешно (и вообще) обходиться современная наука и практика, в настоящее время даёт себя чувствовать буквально на каждом шагу. <…>

Работа Александра Александровича Зиновьева является значительным вкладом вдело приближения науки логики к потребностям современной научно-мыслительной практики. В ней в разрезе анализа мышления Карла Маркса подробно рассматриваются различные стороны и моменты логического процесса, ведущего с гарантией к восхождению от наличных абстракций науки к необходимому конкретному знанию об интересующих практику реальных конкретных предметах. При этом исследование доводится до такого предела, что результаты его во многих случаях может безусловно использовать практика.

К таким результатам относится: вывод «об исходном моменте исследования — выборе „клеточки“», выводы о процессах необходимых мысленных изоляций и «конкретизации» понятия о предмете и многие другие. Результаты исследования Александра Александровича Зиновьева интересны не для одних только философов. Разумеется, как и во всякой работе, в работе диссертанта имеются отдельные упущения и недостатки. Однако все они не такие, чтобы на них делать основной упор при обсуждении работы. То же следует сказать и о дискуссионных моментах в работе. Окончательные выводы по диссертации у меня лично таковы:

Первое. Работа Зиновьева есть значительный вклад в науку логику, полезный для мыслительной практики.

Второе. Работа Зиновьева в этом смысле значительно превосходит другие известные мне работы в области логики.

Третье. Работа диссертанта является первым исследованием.

Диссертация заслуживает высокой оценки, она должна быть опубликована после некоторой доработки.

Вражеские истребители отходят в сторону.

— Слово имеет товарищ Тюхтин. Виктор Степанович, выпускник философского факультета МГУ, аспирант первого года обучения.

Удар по МЗА противника.

— Товарищи! Диссертация Зиновьева ценна тем, что в ней ставятся весьма актуальные вопросы нашей марксистской науки! В ней ставится вопрос о развитии, разработке диалектического метода в направлении его наибольшей действительности для конкретных наук, вопрос об отношении субъективной и объективной диалектики или вопрос об отношении и специфике диалектики объекта и диалектики познавательного процесса!! Ибо валить в одну кучу, или считать, что законы мышления суть отражения законов бытия и только — это значит становиться на точку зрения вульгарного понимания принципа отражения, а в конечном счёте к искажению и фальсификации процесса познания!!! В диссертации убедительно показывается на анализе метода восхождения и его составляющих приёмов, что кроме элементарных логических форм, изучаемых формальной логикой, существуют и более высшие формы, которые не сводимы к первым! что творческая сторона процесса теоретического мышления (особенно в период открытий XX века) протекает в высших формах мышления!! Это третий момент, который прямо и непосредственно разрешается в этой диссертации!!! Я хотел бы несколько остановиться на тех возражениях, которые были сделаны официальным оппонентом товарищем Копниным в адрес товарища Зиновьева! Товарищ Копнин считает, что метод восхождения не является формой мышления, специфической для диалектического мышления!! Он говорит: «Приёмы мышления, которыми пользуется наука, не являются ни метафизическими, ни диалектическими»!!! Но диссертант не противопоставляет диалектические и метафизические приёмы и формы мышления! Дело в том, что метафизический метод мышления не имеет своих приёмов мышления, так как он, во-первых, абсолютизирует формы и приёмы формальной логики, и, во-вторых, он ограничивается этими приёмами и не идёт дальше!! <…> Далее, в своём возражении против Зиновьева товарищ Копнин приписывает диссертанту мысль, что суждение и умозаключение

являются специфическими формами метафизического метода мышления! У Зиновьева совсем другая мысль!! Он говорит, что суждение и умозаключение не становятся специфически диалектической формой от того, что мы только понимаем их диалектически!!! Он неоднократно подчёркивает, что новые сложные задачи самой диалектики предмета ведут к необходимости новых форм, приёмов мысли!!! Диссертант показывает, что логику «Капитала» нельзя представить только как связь суждений и умозаключений!!! Что нужно выявить качественно иные формы!!! Что приёмы и законы элементарной логики не противоречат диалектической логике, а лишены того действительного значения, которое необходимо для раскрытия внутренних связей предмета!!! Другим недостатком Копнин считает то, что якобы диссертант отождествляет формальную логику с метафизическим методом познания! В качестве примера товарищ Копнин приводит критику диссертантом принципа непротиворечивости мышления! Но Зиновьев не отрицает закон противоречия, а ограничивает сферу его применения как закона познания!!! Как видно, Копнин необоснованно делает это замечание!!!!!

Противодействие одной батареи МЗА подавлено.
Звено становится в круг и выходит на цель.

Атака аспиранта Мамардашвили.

— Диссертация товарища Зиновьева является научным исследованием! Эту работу читаешь с наслаждением! На эту тему у нас защищалась диссертация Ильенкова, а вообще по этому вопросу очень мало литературы! Мне кажется справедливым и верным рассмотрение диалектического метода по существу, а не с точки зрения тех фраз вроде: «подходите исторически», «изучайте в развитии», «раскрывайте противоречия»! Это верные общие положения! Большой заслугой диссертанта является то, что он обратил внимание на диалектику как на метод анатомирования предметов! Такое исследование очень ценно! Это тот путь, по которому должны идти наука и диалектика!

Когда забывают о расчленении предмета посредством диалектики и раскрытия в нём взаимосвязи, развития, противоречий и т. д., то диалектика выражается лишь в виде общих фраз. Отсюда идёт ряд ошибок. Если, мол, человек говорит о взаимодействии, о взаимосвязи, о развитии, то этот человек диалектик. Такого рода фразы можно всегда найти и у метафизиков. Что касается изучения процессов мышления, то

здесь есть некоторые попытки раскрыть их диалектику. Что же касается изучения диалектического мышления, то тут царит путаница. Фактически под диалектическим мышлением понимают любой процесс мышления, в котором можно установить противоречивые стороны. Диалектическим мышлением диссертант называет лишь то мышление, посредством которого раскрывается диалектика предмета. Он различает диалектику процессов элементарной абстракции предмета посредством особых форм абстракции. <…>

В этой связи можно сказать о выступлении Виталия Ивановича Черкесова! Автор правильно доказывает, что нет никакого противоречия между общим и единичным в том смысле, как его понимают в формальной логике!!! <…> Автор показывает на богатом материале, что новое расчленение предмета порождает новые формы, приёмы мысли!!! Автор детально показывает, какого рода должны быть эти новые расчленения предмета мыслью!!! <…> Автора упрекают в том, что он отрицает формальную логику!!! Когда указывается на то, что формальная логика применима не везде, возникает упрёк в умалении формальной логики!!! Упрёк необоснованный!!!!!

Цель поражена. Отходящий истребитель противника подбит ответным пушечным огнём.

Атака аспиранта Грушина.

— Если говорить о диссертации товарища Зиновьева, то хочется много сказать хорошего по её адресу!! Эта диссертация по-настоящему хороша!! Эта диссертация по-настоящему радует!! И если её оценивать в целом — она превосходна!!! Это, конечно, не значит, что диссертация свободна от недостатков!! С некоторыми из замечаний, сделанных здесь, вполне можно согласиться (например, трудность понимания отдельных страниц)!! Но здесь были сделаны замечания явно необоснованные, явно несерьёзные!! Это, прежде всего, обвинение автора диссертации в «ущемлении формальной логики», даже в «сведении формальной логики к метафизике»!! Такую мысль высказал здесь товарищ Копнин!! Но это всё, товарищи, не серьёзно!!!!! Товарищ Копнин говорит в отзыве: автор ничего не доказал, т. к. *«тут не соблюдены условия силлогизма»*!! И последние слова просто замечательны!!! Ведь именно это-то и доказывает товарищ Зиновьев (смотри 490 страницу его диссертации)!!! Здесь нет условий для силлогизма, и потому он здесь неприложим!!! Никакого сведения формальной логики к метафизике здесь нет!!! Такое обвинение — вздор!!!!! Не вина

автора, но «вина» формальной логики, «вина» нашего мышления, что формы элементарные срабатывают не во всех случаях, не при всех условиях!! Это очень чётко, может быть, впервые так ясно и чётко показывает автор диссертации!! И в этом его большая заслуга!! Формальная логика здесь не ущемляется, но, напротив, характеризуется в её подлинном значении и смысле!!

Другой вопрос, на котором я хотел бы остановиться вкратце, это проблема «логического и исторического»!! Виталий Иванович Черкесов выразил несогласие с автором в решении этой проблемы!! У меня это вызывает удивление!! В диссертации совершенно правильно говорится, что логическая последовательность сплошь и рядом не совпадает с последовательностью исторической, что принцип «единства исторического и логического» ничего не даёт с точки зрения практики научного исследования и что проведение этого принципа как методологического принципа означает проведение точки зрения Гегеля со всеми его ошибками!! Взять фактическую сторону дела!! Ведь в том же «Капитале» Маркса можно найти бесчисленное количество примеров приёмов научного исследования, когда никакого совпадения логической последовательности с последовательностью исторической нет!! <…>

Я кончаю!! Данная диссертация, мне думается, намечает путь для дальнейшего развития марксисткой диалектики!!! Это, товарищи, верный, единственно, может быть, верный путь такого развития!!! И товарищ Зиновьев не только намечает путь, но и делает серьёзные шаги в этом направлении!!! В диссертации анализируются конкретные, уловимые, легко осязаемые приёмы, формы диалектики!!! Мне думается, Учёному совету нужно было бы сделать практические выводы из факта защиты этой диссертации!!!!! Нужно было бы пересмотреть тематику курсовых и дипломных работ в сторону дальнейшей конкретизации и дальнейшего углубления в изучении диалектики, теории познания!!!!! Кафедре стоило бы подумать о введении курса диалектической логики, ибо его отсутствие серьёзно сказывается на качестве подготовки специалистов-философов!!!!!

Удар по остаткам МЗА противника, истребительной авиации и командному бункеру. Все цели успешно поражены.

Атака Щедровицкого.

— Диссертация товарища Зиновьева, как здесь уже говорили, является превосходной работой!!! И прежде всего потому, что в ней ставится масса действительно важных, коренных вопросов

диалектического метода!!! Ряд вопросов решён в диссертации!!! Для других намечены пути решения!!! Конечно, решение некоторых вопросов ещё не свободно от недостатков!!! Но важно, что они поставлены!!! Важно, что эта работа толкает к дальнейшим исследованиям, намечает пути этого исследования!!!

Товарищи, выступавшие до меня, останавливались главным образом на тех замечаниях и претензиях, которые необоснованно предъявлялись к диссертации!!! Я буду говорить о тех положениях, которые вызвали критику и которые действительно имеются в диссертации товарища Зиновьева!!! Прежде всего, о проблеме совпадения законов объективного мира и законов мысли!!! Товарищ Зиновьев совершенно правильно утверждает, что процесс мышления, процесс исследования объективного мира имеет свои особые, специфические закономерности, не сводимые к закономерностям исследуемых объектов!!! Виталий Иванович Черкесов, по-видимому, отрицает это!!! Во всяком случае, он считает нужным говорить только о совпадениях тех и других законов!!! Это вызывает более чем удивление!!!

Ведь нужно же чётко различать три разных проблемы и, соответственно, три разных плана исследования: 1. Процессы и явления объективного мира, которые нужно исследовать; 2. Процесс исторического развития мышления, развитие методов исследования; 3. Процесс самого исследования, когда отдельный индивид имеет дело с определённой группой предметов!!! Это три разных группы процессов!!! Что, их закономерности совпадают или нет?!! И да, и нет!!! У них есть общие законы: это прежде всего четыре наиболее общих закона диалектики!!! Но можем ли мы, исследуя эти процессы, ограничиваться только этими законами!!! Очевидно, что нет!!! Нас интересуют и должны интересовать не только общие законы, но прежде всего особые, специфические законы этих явлений и процессов, если мы хотим изучить эти предметы, как таковые!!! Науку логику интересует прежде всего процесс познания, и она должна обращать внимание на специфические законы этого процесса!!! От того, что эти три проблемы, три плана исследования смешиваются, проигрывают как наши конкретные науки, изучающие объективный мир, так и логика, изучающая процесс познания!!! <…>

Итак, методы, приёмы устранения противоречий в процессе познания не разрабатываются, противоречия процесса познания выдаются за объективные и тем самым увековечиваются!!! Страдают как конкретные науки, так и логика!!! Подобную же ошибку сделал профессор Ойзерман!!! Он приписал товарищу Зиновьеву отрицание объективных противоречий, в то время как последний говорил о противоречиях процесса познания и

необходимости их устранения!!! Говорили, что автор диссертации преуменьшает роль и значение формальной логики!!! В частности, останавливались на законе непротиворечивости!!! Действительно, товарищ Зиновьев отрицает за законом непротиворечивости то методологическое значение, которое ему приписывалось в формальной логике, и делает это совершенно правильно!!!!! <…>

Разбирая методы исследования капитала, то есть сложного органического целого, состоящего из массы «отдельных», то есть из массы отдельных капиталов, товарищ Зиновьев описывает несколько типов связей, возникающих между этими отдельными, и анализирует методы воспроизведения этих связей в мысли!!! Описанные им приёмы имеют важное значение не только в политэкономии, но и в естественных науках, в частности, в физике!!! <…>

Наконец, заканчивая своё выступление, я могу остановиться на следующем: заведующий кафедрой логики Виталий Иванович Черкесов, выступая, отметил с удовольствием, что присутствие большого, небывалого количества студентов на защите свидетельствует о большом интересе к этой теме, о желании заниматься проблемами диалектической логики!!! Виталий Иванович Черкесов отметил также важность этой темы, её актуальность!!! Он говорил, что со студентами нашего факультета нужно работать именно в этом направлении, нужно готовить их к исследовательской работе в области метода!!! Но я могу заметить, что эти хорошие слова останутся пустой фразой, если не будет коренным образом пересмотрена тематика курсовых и дипломных работ!!! Но этого мало!!! Надо ещё обеспечить квалифицированное руководство этими работами, а, к сожалению, ни один из преподавателей кафедры логики не работает в этом направлении!!!!! В связи с этим, мне кажется, что я выражу общее желание, если скажу: было бы очень хорошо и полезно для дела, если бы кафедра логики могла возможным оставить товарища Зиновьева для работы на кафедре!!!!! Было бы очень хорошо и полезно для дела, если бы товарищ Зиновьев смог оказать помощь студентам факультета в их работе над диалектической логикой!!!!!

Аудитория рукоплещет.

Ковровое бомбометание и огонь из всех орудий на полное уничтожение укреплений противника. Создано несколько очагов пожара. Сильное задымление. Слышны большие взрывы.

Задание выполнено. Звено в боевом порядке возвращается на аэродром.

Избирается счётная комиссия в составе профессоров А. Р. Лурия, А. А. Ветрова, Н. Ф, Талызиной. Начинается процедура голосования. Члены Учёного совета заполняют бюллетени. Комиссия удаляется для подсчёта голосов. Объявляется перерыв.

Однополчане встречают вернувшихся с задания лётчиков. Техники и наземные службы осматривают боевые машины.

После перерыва оглашаются результаты голосования. Александр Романович Лурия зачитывает протокол:

— Баллотировалась кандидатская диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук товарища Зиновьева Александра Александровича на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному». Всего членов Учёного совета — 17 человек. Присутствовало — 13 человек. Заготовлено бюллетеней — 17. Голосовало — 12 человек. При вскрытии урны оказалось действительных бюллетеней — 11. «За» голосовало — 11. «Против» — нет. Учитывая итоги тайного голосования, присудить товарищу Зиновьеву Александру Александровичу учёную степень кандидата философских наук за диссертацию на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному».

Члены Учёного совета утверждают результаты голосования.

Гарнизон крепости подписывает акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Резюмируя содержание кандидатского исследования Зиновьева, его ученик, немецкий логик Х. Вессель пишет: «Зиновьев рассматривает метод восхождения от абстрактного к конкретному как метод исследования сложных систем эмпирических связей. Логическая сущность этого метода заключается в следующем. Компоненты таких систем должны мысленно извлекаться из их взаимной связи (абстрагироваться) и рассматриваться отвлечённо друг от друга (абстрактно). И затем шаг за шагом должно рассматриваться совокупное взаимодействие связей с использованием предшествующего результата анализа. При этом получается суммарное знание, являющееся конкретным по отношению к знанию, полученному на предшествующем этапе»[253].

Но помимо собственно логических достижений, диссертация Зиновьева открывала сразу несколько направлений в исследовании философских текстов. На материале «Капитала» в

ней демонстрировалась важность не только содержания научного текста, но и зафиксированных в нём следов мыслительного процесса. В перспективе это означало необходимость обращения в этом аспекте к анализу наследия не только классиков марксизма, но и других гениев прошлого. Зиновьев не просто указал путь в новую область познания человеческого разума, но буквально распахнул в неё двери, вывел на качественно новый уровень рефлексии. При этом сам текст диссертации также был ярким образцом демонстрации и фиксации работы мысли. Не случайно почти сразу же она стала интеллектуальным хитом в кругах философски настроенной молодёжи. Её не просто читали, её *изучали*. Было сделано несколько машинописных копий на прозрачной («папиросной») бумаге, которые ходили по рукам. Так в скором будущем будут ходить по рукам произведения самиздата.

Важным содержательным посылом зиновьевской диссертации было утверждение того, что человеческое мышление развивается не только в плане освоения всё новых и новых областей мира, путём прибавления и накапливания новых знаний, не только содержательно, но и прежде всего в плане приёмов и способов, применяемых наукой, так сказать, технически. Новое знание образуется благодаря новым техникам мышления. Новые техники мышления возникают в процессе познания. Нужна история развития мыслительных техник. История как движущая сила актуальных исследований. Нужна система мыслительных техник. Система как арсенал и как источник совершенствования и развития.

Работа Зиновьева носила новаторский характер и в том, что предлагала философу в процессе исследования заниматься не просто осмыслением и обобщением фактов действительности, но вместе с тем и обязательно выработкой практических приёмов и методов познания, развитием и обогащением интеллектуальных технологий. По мысли Зиновьева, анализ конкретных объектов и проблем, проведённый исследователем, должен не только давать адекватную картину действительности, но и быть примером при анализе других объектов и проблем — *методом* исследования.

И главное — Зиновьев настаивал на творческом и конкретном применении любых мыслительных техник. Считая метод восхождения от абстрактного к конкретному одной из высших форм деятельности человеческого мышления, он одновременно подчёркивал: «Восхождение не есть схема в том дурном смысле, что его лишь стоит однажды открыть и затем как сложную, расчленённую большую посылку силлогизма распространять на различные частные науки. Хотя восхождение и есть общее, но

именно такое его „применение“ будет означать не понимание предмета, а лишь подведение его под общее или в лучшем случае приведение примера для общего после проделанного исследования. Восхождение есть закон в полном смысле этого слова: оно абстрагируется как внутренняя зависимость процесса познания предмета и проявляется в каждом частном случае, если оно там имеет место, не в чистом виде, а внутри бесконечного переплетения связей, модифицируясь в своём проявлении под их влиянием. <…> Потому „применение“ его к частным случаям должно совершаться с учётом всей совокупности развития данной науки, начиная от конкретной задачи и кончая особенностями исследования данного предмета»[254].

Всем строем своей диссертации Зиновьев утверждал необходимость *организованности* и *свободы* научного исследования.

Триумф «станковистов» длился недолго. Увы, академическая среда — это не поле боя. Противник приходит в себя очень быстро. Особенно если это такой матёрый волк, как сталинский идеологический работник с опытом административной работы. Да, диссертацию Зиновьева они приняли. Но, конечно, ни о какой работе на кафедре и речи быть не могло. Благо как будто специально для такого случая имелась установленная законом процедура — направление на работу. В Главном управлении преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР он получил удостоверение № 568, в соответствии с которым поступал «в распоряжение Института философии АН СССР для работы в должности научного сотрудника» [255].

7 октября ему выдали характеристику, подписанную деканом философского факультета В. С. Молодцовым и секретарём партбюро П. И. Никитиным. Ради того, чтобы от него избавиться, добрых слов не пожалели: «За время пребывания в аспирантуре философского факультета тов. Зиновьев упорно работал над овладением марксистско-ленинской теории, досрочно написал диссертацию на трудную и важную тему. Активно участвовал в общественной жизни коллектива факультета. Долгое время работал в редколлегии факультетской стенной газеты, работал также пропагандистом сети партийного просвещения. С порученными заданиями справлялся успешно»[256]. Через день получил в канцелярии справку о защите. Ещё через день отнёс всё это в отдел кадров Института философии, написал соответствующее заявление, заполнил личный листок по учёту кадров. Некоторое время ушло на согласование документов и

поиск рабочей ставки. С 16 декабря Зиновьев был официально зачислен в штат на должность научно-технического сотрудника[257]. Проще говоря — «машинистки». Даже соответствующего слова в мужском роде нет! Машинист — водит паровозы. Печатник — печатает книги. Машинописчик? Так тихо, мирно, любезно, без скандала спустили его с неба на землю.

> Лучом поднявшись к небу, он
> Коснулся высоты заветной —
> И снова пылью огнецветной
> Ниспасть на землю осуждён[258].

Пусть радуется, что не *под землю!* И благодарит: попасть на работу в Институт философии мечтают многие. Могли бы в какую-нибудь тмутаракань отправить. И занимался бы там восхождением. Покорял бы Эльбрус в Карачаево-Черкесии или в Кабардино-Балкарии! Ха-ха. Или ещё лучше — Памир в Таджикистане! Да мало ли в Стране Советской мест! Логика везде нужна! А тут — Институт философии. В пяти минутах от Кремля!

Что верно, то верно. Не поспоришь.

(Помнили, должно быть, звонок Г. Ф. Александрова!)

Зато Грушину пришлось несладко. Работу он нашёл с трудом, получив предварительно 27 отказов! (Помогла, кстати, жена Зиновьева, которая работала в «Комсомольской правде» и привела туда Грушина). Диссертацию его трижды отклоняли. И приняли к рассмотрению только по протесту прокурора. И не в университетском совете, а в ВАКе. Защита Грушина станет последней совместной акцией «станковистов». Это всё произойдёт в 1957 году.

Щедровицкого же буквально «закопали»: запретили даже на факультете появляться. От аспирантуры отказали. До 1958 года работал школьным учителем. Защитился только в 1964-м.

Мамардашвили сильно трогать не стали. Аспирантуру он окончил. Поступил в редакцию журнала «Вопросы философии». Впрочем, защищался и он поздно, в 1961-м.

Вскоре, кстати, разобрались и с Ильенковым и Коровиковым. Их подвергли партийной проработке, отстранили от преподавания и вскоре уволили. Ильенков, правда, к тому времени работал уже и в Институте философии, так что с ним, глядя со стороны, поступили, как и с Зиновьевым, относительно мягко. А вот Коровиков оставил философию навсегда и стал журналистом-международником.

Бурный для философского факультета МГУ 1954 год закончился полной *административной* победой «стариков». Но

историческая победа досталась «молодым». Кто сегодня не то что знает, просто вспоминает имена Молодцова, Черкесова, Алексеева, Никитина, Белецкого? Они всплывают лишь *в связи* — и только! — с именами Зиновьева, Ильенкова, Щедровицкого, Грушина, Мамардашвили. Suum cuique. Каждому своё.

Всегда склонный к самоиронии, не переносивший пафоса Зиновьев расскажет о событиях 1954 года в романе «В преддверии рая» в виде анекдота. В нём, как во всяком анекдоте, характерные детали событий и лиц предельно заострены, но сквозь гиперболу и гротеск проступают жёсткие черты реальности. Он никого не пожалел, потому что жизнь никого не жалеет. Но улыбка скрывает боль:

«Один весёлый пьяница студент университета, которого несколько раз собирались исключить за сомнительные высказывания, но проявили гуманизм, поскольку студент был участником войны и выходцем из крестьян, поклялся на спор, что он прочтёт „Капитал“ Маркса от корки до корки. Произошло это, естественно, после того, как студент осушил не менее пол-литра водки и плохо соображал, где он находится и с кем имеет дело. В трезвом виде он такую глупость не сделал бы ни за что, так как был парень неглупый. Очухавшись на другой день на квартире у Гэпэ и увидев перед носом три толстенных тома „Капитала“ и ещё несколько томов сочинений того же автора и его ближайшего друга и соратника Фридриха Энгельса, связанных с „Капиталом“ неразрывными узами, будущий основатель движения методологов впал в такое уныние, что его потом три дня не могли сыскать ни в одном вытрезвителе, отделении милиции, морге. Нашли его случайно в чужой квартире на кухне. Он спал на столе, полураздетый, подложив под голову грязную лохматую дворняжку. Осталось неизвестным, пропил ли он свою одежду сам или был раздет грабителями. Раздобыв Основателю кое-какое тряпьё, Гэпэ и другие ученики Основателя (а он к этому времени уже имел учеников, хотя ещё не имел учения) приволокли его прямо на некое заседание, на котором обсуждалась некая проблема. И с ходу вытолкнули Основателя на трибуну. Выругавшись довольно внятно матом, Основатель закатил совершенно невнятную речь, обнаружив блестящее знание „Капитала“ и всех прилегающих к нему сочинений всех авторов. С тех пор Основатель стал считаться самым тонким знатоком „Капитала“ в Стране. Пошёл слух, что он прочитал „Капитал“ от корки до корки по меньшей мере пять раз. Потом молва увеличила число прочтений до двенадцати. Сам же Основатель не раз в пьяном виде признавался своим собутыльникам, что он

скорее сдохнет, чем будет тратить время на эту муть, что он сам такую ерунду может выдумать тоннами и километрами. Но ему не верили, ибо никто не был способен сам выдумать даже одной страницы из „Капитала“. И Основатель махнул на это дело рукой. Потом Он написал о „Капитале“ диссертацию, имевшую сенсационный успех, и книгу размером немногим менее самого „Капитала“. Но вовремя опомнился и покинул движение, зародившееся в связи с этим. А на том историческом заседании он произнёс фразу, положившую начало всему: суть дела в методологии! В философской среде, представляющей помойку идиотизма, невежества, злобности и пошлости, культивируемую в течение десятилетий, слово „методология“ произвело впечатление неизмеримо более сильное, чем взрыв атомной бомбы в небе над Хиросимой. Наступило гробовое молчание. Это гениально, сказал Гэпэ единомышленникам в ближайшем к университету кафе, где отпаивали Основателя. Надо бить в эту точку. Но надо это делать методично и организованно. Совершенно верно, сказал Основатель. Хотите, я расскажу вам по сему поводу одну любопытную историю? Но сначала… Вы меня правильно поняли, что свидетельствует о наличии у вас незаурядных способностей к развитию отечественной методологии в мировом масштабе. За методологию!»[259]

Участники Московского логического кружка вызывали симпатию думающего студенческого молодняка. Вадим Садовский вспоминал: «После обсуждений на факультете основная команда не расходилась, беседа продолжалась на улице, нам уйти невозможно — жуть как интересно, хотя всё в основном вертелось вокруг профессиональных тем. Жизненные ситуации у каждого были свои, что их обсуждать, а затрагивать темы общественной жизни, политические было опасно, тем более что у большинства из нас мнение по вопросам окружающей действительности было единым, всё было ясно без лишних слов. Но одно дело — четвёртая глава „Краткого курса“, которую надо было знать так, чтобы от зубов отскакивало. И совсем другое — какой-то там Гегель или того страннее — Спиноза, абстрактное, конкретное, приёмы мышления, да ещё какое-то языковое мышление, а люди собираются трезвые…»[260]

Их сила состояла в том, что они были одержимы мыслью. В Московском логическом кружке шло интенсивное научное общение. Подлинный, не омрачённый амбициями и корыстью, *диалог*. «Это общение было взаимообогащением, — говорил Мамардашвили, — взаимовлиянием людей, которые отвоевали внутри себя и для себя пространство внутренней и, как хотелось

нам, весёлой свободы»[261].

Диалог — вещь серьёзная. Диалог внешне есть *обмен репликами.* Но реплики в диалоге содержательно взаимосвязаны. Характер взаимосвязей может быть самым различным — уточнение, дополнение, развитие, опровержение, сомнение, вопрошание, проблематизация и др. Конструкция диалога тоже может быть самой разнообразной — последовательная, ассоциативная, монтажная, с элементами ретроспекции и повтора и т. д. Но во всех случаях диалог предполагает *смысловое, тематическое единство.* В нём нет места случайным, не относящимся к делу высказываниям. Всякая случайность разрушает диалог, ослабляет или вовсе прерывает его смысловую нить.

Диалог — это творческое, *заинтересованное друг в друге взаимодействие* двух или нескольких участников общения. Впрочем, число участников диалога не имеет принципиального значения при соблюдении названных выше условий, главным из которых является направленность реплик друг на друга, а не на себя, их открытость и принципиальная неокончательность. Диалог есть *поступательное движение, наращивание* смыслов, а не консервация готовых мнений, их холостое вращение. Так в механизме, даже самые отточенные и блестящие детали не совершат и минимальной полезной работы, если они не связаны между собой. Так на футбольном поле никакое самое виртуозное мастерство игроков не создаст игры, если у каждого футболиста будет свой собственный мяч. Результатом диалога является сам его *процесс,* некое динамическое развитие обстоятельств, создающее новое качество этих обстоятельств, а иногда и вовсе их меняющее — преображающее.

Ключевое значение в диалоге имеет *интерес,* который проявляют к предмету диалога его участники в ходе обмена репликами. Именно интерес, повышенное внимание, сосредоточенность, серьёзность и обстоятельность отличают диалог от других форм общения — разговора, беседы, интервью, диспута, «круглого стола», «ток-шоу» и т. п. Участники диалога испытывают интеллектуальную ответственность за свои высказывания, ощущая, осознавая духовную значимость происходящего.

Диалог предполагает не только высказывание реплик, но и их *выслушивание.* Диалоговые паузы в цепи реплик каждого участника, которые образуются во время чередования высказываний, не менее важны и содержательны, чем сами реплики. Эти паузы наполнены вниманием к словам партнёра по диалогу, их восприятию, переживанию и обдумыванию.

Собственно говоря, без этого диалог *в принципе* невозможен, так как каждая реплика в нём есть реакция на предшествующее ей высказывание. Со стороны, в силу внешних обстоятельств, говорящий воспринимается как более активный участник диалога, но на самом деле это совсем не так. Слушающий не менее активен в это время, просто его активность, если можно так сказать, носит отложенный (до своей очереди) характер. Интеллектуальная, духовная, эмоциональная активность участников диалога непрерывна, она лишь *ритмически* меняет форму, сохраняя общую интенсивность и целостность.

В диалоге личность *подчинена* процессу совместного мыслительного творчества, добровольно ограничивая свою индивидуальность задачами общего интереса. И чем больше смирение личности перед предметом, составляющим смысловое ядро диалога, чем менее заботится она о своём индивидуальном престиже и имидже, тем значительнее итоговый результат. При этом личность неизбежно вырастает в своих духовных масштабах, самоограничение становится инструментом её развития.

Впрочем, «станковистов» и Зиновьева в первую очередь диалог привлекал только как инструмент разработки научных идей, но отнюдь не как способ интеллектуального препровождения времени. Кружок — не клуб.

В какой-то момент он выдвинул идею о необходимости создания полноценного научного сообщества: «Я могу быть семь раз гениальный, — вспоминал его слова Щедровицкий, — но один не могу соревноваться со всей разветвлённой американской наукой, поэтому надо иметь свою если не науку, то хотя бы подобие научной организации, а значит, иметь конференции, регулярно обмениваться результатами, создать условия для разделения труда, кооперации и так далее»[262].

Деятельный и энергичный Щедровицкий с энтузиазмом принялся за придание их диалогам научной оформленности. Сам он был исключительно организованным человеком, чувствовал свою силу по этой части и рад был проявить её именно в их общем деле. Он выстроил план, стратегию, систему, регламент. Поставил вопрос о фиксации выступлений. Завёл специально для этого магнитофон. Записи расшифровывались. Наиболее важные выступления тиражировались в машинописных копиях. Накапливался архив. Параллельно шла вербовка новых участников семинара. Их круг стремительно расширялся.

Но то, что одному казалось правильным и хорошим, другими оценивалось иначе. В увлечённости Щедровицкого друзья видели какую-то лишнюю суету. Им казалось, что он за счёт этой деятельности хочет перетянуть одеяло на себя. И хотя он всюду

клялся именем Зиновьева, своими действиями он невольно оказывался в роли лидера. Новобранцы так и вовсе считали его за главного. Зиновьев же, на первых порах активно участвовавший в работе семинаров, вскоре стал охладевать к нему как к пространству творческого поиска, всё чаще вёл себя как анфан тэрибль. Демонстративно приходил на заседания навеселе, хохмил, ёрничал, оборачивал всё в клоунаду.

Ему их работа виделась не такой. Колхоз его раздражал. Ему мечталось что-то вроде Платоновой академии, а Георгий создавал какую-то партию. Эстетику живой мысли подминал протокольной отчётностью. Его учение предполагало органическое *выращивание* смыслов, а не ударную *коммунистическую стройку* — с надрывом и из негодных материалов. Мысль надо лелеять и пестовать. Её нельзя складывать из отдельных посылок и операций. Слишком просто — при всей внешней сложности. На самом деле всё слишком сложно, хотя и кажется на первый взгляд простым.

Если в «станковистах» он ещё готов был видеть достойных его гения учеников, то среди тех, кто пополнял их ряды, он таких не находил. Они все, на его взгляд, мыслили примитивно, не были способны к серьёзной аналитической работе, им не хватало профессиональной подготовки. Отовсюду, как ему казалось, лезли кустарщина и любительство. Ему было с ними просто скучно.

В конце концов он перестал участвовать в заседаниях и даже впоследствии публично отмежевался, а в романе «В преддверии рая» просто высмеял: «Движение методологов (по мнению самих методологов) представляет гораздо больший интерес для истории, чем диссидентское движение <…> Диссидентов же движение методологов превосходит уже тем, что оно выстояло и существует до сих пор. И нет даже намёков на то, что его будут искоренять. А главное — это есть движение как таковое, в чистом виде. Оно не имеет никаких целей и результатов. Оно не имеет никаких причин. Оно движется, и больше ничего. Причём движение это состоит в том, что в него бог весть откуда приходят новые полоумные участники, посещают семинары и совещания, выступают, сочиняют трактаты, становятся талантами и гениями, грозятся перевернуть и исчезают бог весть куда, став старыми неудачниками, бездельниками, шизиками, стукачами, пьяницами… Оно движется как будто бы внутри, но на самом деле где-то вне и около. Как будто бы с шумом и грохотом, но так, что никто не знает и не слышит о нём. И потому оно есть квинтэссенция и суть оппозиционности, как таковой. И потому оно неуничтожимо, если бы даже Партия и Правительство бросали все силы общества на его уничтожение, ибо оно не

существует реально. Оно существует лишь в воображении его участников»[263].

Так он писал двадцать лет спустя в неподцензурном сатирическом тексте. Но и в привременных публикациях на страницах академических изданий высказывался не менее категорично. В 1959-м в журнале «Доклады Академии педагогических наук РСФСР» он посвятил этому вопросу отдельную статью под названием «Об одной программе исследования мышления», которая начиналась так: «В статье Г. П. Щедровицкого и Н. Г. Алексеева „О возможных путях мышления как деятельности“ изложена своего рода программа исследования мышления. Эта программа вызывает некоторые сомнения как с точки зрения формулировки общей задачи, так и с точки зрения предлагаемого пути её решения. <…> Авторы настаивают на необходимости исследования мышления как деятельности, посредством которой формируются и используются знания, учитывая при этом целевую установку. Этот призыв появился, надо думать, как следствие принятого авторами отвлечения от того аспекта исследования мышления, который фактически имеет место в современной логике и близких к ней науках (кибернетике, логической семантике, ряде областей математики и т. д.), и от результатов этого исследования. Заметим, что ссылка авторов на нашу работу основана на *явном недоразумении:* задача исследования свойств высказываний о связях может быть, по нашему мнению, вполне решена в русле идей современной логики и близких к ней наук; та же интерпретация, которая post factum может быть дана этому решению в терминах рассматриваемой программы, может быть расценена в лучшем случае как *чисто литературное явление*»[264]. (Курсив мой. — *П. Ф.)* А в худшем? А в худшем — шарлатанство и демагогия, выдаваемые за новое знание.

Вскоре от семинара «методологов» отказались и другие «станковисты».

«Я не был склонен к этому, потому что у меня врождённая ненависть ко всякой ритуальной торжественности, — объяснял своё решение Мамардашвили, — мне сами заседания были смешны, форма заседаний, надо слишком серьёзно к себе относиться, чтобы это делать» [265].

Грушина увлекла его собственная тематика, связанная с исследованием социологических проблем.

Они выросли, обрели самостоятельность. Каждый пошёл своей дорогой.

Эпоха «бури и натиска» завершилась. В 1958 году «станковизм» прекратил своё существование. Но о том времени

они всегда вспоминали как об одном из самых ярких и радостных в их общей судьбе.

Мамардашвили незадолго до смерти признавался: «Мне всегда везло со случаем, с друзьями, везло во всём, что может быть даром и случаем, и, к тому же, ни за что. Одним из эпизодов этого везения — весёлого везения — была встреча с диастанкурами»[266].

«Наша четвёрка являла собой беспримерный образец мужской дружбы, — говорил Грушин. — Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров»[267].

Их забота друг о друге, взаимопомощь и поддержка проявлялись в самых разных ситуациях — на полях академических сражений и в быту. Зиновьев вспоминал: «Я вёл хулиганский, можно сказать, образ жизни. Пьянствовал. И в бытовом отношении жил так, что лучше не вспоминать! Состояние было критическое. Мать Г. П. (Щедровицкого. — *П. Ф.)* работала врачом в поликлинике МВД. Меня обследовали и установили язву двенадцатиперстной кишки на грани прободения. Сказали: „Кладём в больницу срочно делать операцию“. Я с трудом отпросился домой, а на операцию не пошёл. Мы поехали с Юрой к Боре Грушину из нашей группы „диалектических станковистов“. А тёща у него болела экземой, её никак не могли вылечить. Но тут доставили ей эликсир Дорохова, тогда был такой ветеринар-фельдшер, он изобрёл эликсир от лучевой болезни. Мажешь им кожу, верхний слой сходит и молниеносно регенерируется. Она им вылечилась. Эликсир был засекречен. Г. П. пришла мысль — почему бы так и язву не лечить? Две недели пил эту гадость. А в то время я состоял на спец-учёте как лётчик, регулярно проходил сборы. И тут получил вызов из военкомата. Пришёл и говорю: „не поеду, у меня язва“. Послали меня на комиссию. Не обнаружили никаких следов. Я стою на своём: „язва“. Сделали запрос в ту поликлинику. Приходит ответ: „язва на грани прободения“. При всей тщательности не обнаружили даже следов этой язвы, пришлось ехать на сборы. Хотя я был старше Г. П., он заботился обо мне, как о ребёнке»[268].

Его отход от «методологов» и распад «станковистов» вызван был ещё и тем, что в стенах Института философии он скоро почувствовал себя на месте. На должности научно-технического работника он пробыл всего пару месяцев. 14 февраля 1955 года

решением секции Совета МГУ по гуманитарным наукам он был утверждён в учёной степени кандидата философских наук и с этого же дня переведён на должность младшего научного сотрудника по сектору диалектического материализма с окладом 2000 рублей в месяц «как защитивший диссертацию на соискание учёной степени кандидата философских наук»[269].

Институт философии Академии наук СССР был учреждением в первую очередь идеологическим. В нём разрабатывались темы, направленные на обеспечение жизнедеятельности всей гигантской машины социалистической пропаганды, призванной воспитывать население страны в духе марксистско-ленинского учения и быть идейным заслоном на пути буржуазного влияния западных стран. В романе «Жёлтый дом» Зиновьев назовёт его откровенно «Институтом идеологии»: «Вслушайтесь внимательнее: Институт идеологии (!) Академии наук (!!). Не понятно? Поясню. Это звучит примерно так же, как если бы вы сказали: Институт Знахарства Академии медицинских наук»[270]. Действительно, большинство «исследований» носило откровенно идеологический характер: «Советское государство — главное орудие построения социализма и коммунизма в СССР», «О роли народных масс в советском социалистическом обществе», «Коммунистическое воспитание трудящихся и преодоление религиозных пережитков», «Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций», «Великая хартия коммунистических и рабочих партий», «Советская социалистическая демократия», «К вопросу о немирном и мирном пути к социализму». Эти и подобные им труды создавались и издавались научными сотрудниками института и в 1950-е, и в 1960-е, и в 1970-е годы. Тоннами. В буквальном смысле слова, учитывая их многотысячные тиражи, которые не снятся сегодня даже самым востребованным писателям. Пропаганда в СССР шла по разряду бестселлеров.

Вот, например, фрагменты преамбулы к годовому отчёту института за 1958 год: «Основная задача, решению которой была подчинена деятельность коллектива научных сотрудников Института философии АН СССР в истекшем году, состояла в том, чтобы преодолеть отрыв научно-исследовательской работы от жизни, обобщить, подчинить философские исследования запросам коммунистического строительства, дать творческое обобщение данных современного естествознания. Решение данной задачи потребовало новых форм научно-исследовательской работы: проведение исследований социальных явлений на основе глубокого изучения практики работы колхозов, совхозов, промышленных предприятий, разработки вопросов

диалектического материализма на базе изучения и обобщения данных современного естествознания; вскрытия и критики гносеологических ошибок и извращений в работах представителей современной буржуазной идеологии. <…>

Среди наиболее важных можно отметить следующие темы семилетнего плана: диалектика развития социалистического общества, развитие социалистического способа производства, изменение социальной структуры общества при переходе к коммунизму, социалистические нации и национальные отношения в период перехода к коммунизму, социалистическое государство, социализм и культура, основы коммунистической этики, основы научного атеизма, вопросы психологии личности, идейно-эстетические основы метода социалистического реализма. Эти вопросы непосредственно связаны с проблемами коммунистического строительства, с проблемами коммунистического воспитания масс. Необходимо, конечно, дать и общефилософские обобщения практики общественной жизни и фактов, добытых естествознанием»[271].

Десять лет спустя: «В 1969 году Институт философии АН СССР проводил работу по следующим основным направлениям:

1) Ленинский этап в развитии марксизма (история марксистской философии и ленинский этап её развития; марксистско-ленинская философия в зарубежных странах; критика современной буржуазной философии и социологии).

2) Философские проблемы естественных и общественных наук (философские вопросы современного естествознания; диалектический материализм и логика; методология и теория психологии; методологические проблемы общественных наук; конкретно-социологические исследования).

3) Формирование общественных коммунистических отношений (закономерности развития социалистических общественных отношений и перерастание их в коммунистические).

4) Закономерности развития духовной жизни общества в период перехода к коммунизму (философские проблемы социалистической и коммунистической культуры; проблемы общественной психологии и психологии личности в условиях строительства коммунизма; формирование и утверждение морали коммунистического общества).

5) Марксистско-ленинская эстетика (теория социалистического реализма и теория эстетического воспитания).

6) История философской и общественной мысли и истории мировой культуры (проблемы истории философии и социологии; закономерности культурно-исторического процесса)»[272].

Формулировки из года в год варьируются в пределах перестановки слов и словосочетаний, расстановки знаков препинания и ссылок на текущие партийные документы — постановления ЦК КПСС, решения съездов, пленумов, конференций.

> Есть в Москве, считай что в центре, жёлтый дом.
> С виду — дом, каких полным-полно окрест.
> Но в серёдке разместился в доме том
> Мировой и эпохальный мысли трест.
> День за днём в него течёт людской поток
> Рьяных тружеников трепа и пера
> Для просиживанья юбок и порток,
> Для движенья в кандидаты, в доктора,
> Для речей, для упражненья жадных ртов,
> Для разносов и хвастливого вранья,
> Для окладов, для занятия постов, —
> Собираются сотрудники с ранья.
> Чтоб наукам путь исканий освещать,
> Чтоб искусствам долг партийный поручить,
> Чтоб успехи нашей жизни обобщать,
> Чтоб других уму и разуму учить,
> Чтоб противников помоями облить,
> Чтоб ревизию раскапывать до дна,
> Чтоб цитатами планету завалить, —
> Заседают в этом доме допоздна[273].

Со дня своего учреждения Институт философии АН СССР располагался в роскошном здании главного дома усадьбы Голицыных в Знаменском переулке в самом центре Москвы. Выстроен он был ещё в середине восемнадцатого века архитектором С. Чевакинским и считался одним из лучших жилых домов того времени. Впоследствии неоднократно перестраивался. Впервые — в 1774 году, под руководством великого М. Казакова. Для самой государыни Екатерины II, отправившейся в Первопрестольную праздновать заключение Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией. Императрица прожила в обновлённом здании, получившем в связи с этим статус дворца, почти год. И даже родила в нём дочь. Внебрачную. От князя Потёмкина. Во время пребывания в Москве Наполеона в доме размешался штаб генерала Армана Луи де Коленкура, что спасло Пречистенский дворец от гибели в огне пожара. В доме Голицыных бывал А. С. Пушкин. По преданию, даже хотел венчаться в домовой церкви князей. С середины девятнадцатого

века помещения первого этажа сдавались внаём. Одним из самых знаменитых его жильцов стал драматург А. Н. Островский, проведший здесь последние девять лет своей жизни. Здесь им написаны пьесы «Горячее сердце», «Таланты и поклонники», «Бесприданница». После революции дом надстроили. В нём разместилась Коммунистическая академия. Её преемником и стал Институт философии.

Фасад здания исторически красился в жёлтый цвет. А что такое «жёлтый дом», знал в Советском Союзе каждый школьник. По «Горю от ума». Ему учителя разъясняли, что этот эвфемизм, возникающий в сплетне о сумасшествии Чацкого, означает больницу для умалишённых, «психушку». Мол, в царской России обычно в такой цвет красили подобного рода заведения. Это обстоятельство не могло остаться без внимания институтских острословов.

«На другой день после революции революционные моряки уже ходили по Москве и распределяли купеческие и дворянские особняки, офицерские собрания и английские клубы под институты Академии наук, — издевательски писал Зиновьев в романе „Жёлтый дом“. — Всем институтам отвели голубые, зелёные, красные здания, а гуманитарным почему-то жёлтое. Как только балтийский матрос Железняк (говорят, это был именно он) увидел жёлтый дом около бывшего Храма Христа Спасителя, он ткнул в него маузером (эх, маузер, мечта детства!) и рявкнул: тут!! И добавил уже более уверенно и спокойно: первый этаж, вашу мать, под редакцию журнала „Вопросы идеологии“; второй этаж, вашу мать, под институт истории; третий этаж, вашу мать, под институт экономики; а четвёртый, само собой, под институт идеологии. Точка и ша!»[274]

В пятидесятые годы Институт философии действительно занимал лишь один этаж здания — пятый. Ниже располагались Институт экономики, Институт всеобщей истории, кафедры философии и лаборатории Центрального экономико-математического института.

Дочь Зиновьева, Тамара Александровна, вспоминает: «В образ Института философии моего детства входил пеший путь до него: от Арбатской площади (тогда ещё тесной, не похожей на площадь; вид на кинотеатр „Художественный“, если смотреть от „Праги“, преграждал дом с молочным магазином) — до ГМИИ. Городская среда 50-х запомнилась мне в сером колорите, наподобие картинки телевизора „Рекорд“. <…>

Мы пересекаем Арбатскую площадь, вступаем на Гоголевский бульвар, самой примечательной деталью которого были бронзовые львы под фонарями, фланкирующими памятник. Узкие

покатости между их передними лапами до блеска отполированы детской обувью — малыши съезжали там, как с горки. Пару раз съезжала и я, и мы с папой продолжали путь по бульвару, заканчивающемуся аркой вестибюля метро „Кропоткинская“. За ней, через площадь, ещё не испаряется хлорка бассейна „Москва“. Вместо него — забор, за ним (куда мы с папой проникали через вездесущую дырку) — цементная трамбовка да пеньки от железных опор начатого каркаса Дворца Советов (их спилили на танки во время войны). Рассказывали, что сюда, за забор, сваливали людей, подавленных на похоронах Сталина — в незапамятные времена, ещё до моего рождения, поэтому не страшно. А отсюда рукой подать до института.

Входим в его двор, минуя ворота — отдельно стоящее руинированное строение с деревьями наверху. Створки ворот заперты, объект надо обходить слева или справа. И нахальная антифункциональность ворот, и хулиганские деревья (как они ухитрились там вырасти?) представляли собою достойную пролегомену как институту, так и философии: нечто античное, обособленное от реальной действительности и недостойное уважения серьёзных людей»[275].

Младшим научным сотрудникам положено было ходить в институт каждый день и отбывать в нём обязательные рабочие часы от звонка до звонка. Опоздания и ранний уход строго фиксировались и карались. «На лестничной площадке каждое утро тебя неизменно встречает КГБ. КГБ это не Комитет государственной безопасности, а инициалы заведующей отделом кадров института Клавдии Григорьевны Быковой. Она стоит неподалёку от стола, на котором лежат книги прихода-ухода сотрудников, и круглыми всевидящими глазами смотрит сквозь спешащих и заискивающе хихикающих мелких сотрудников. Она ждёт звонка, чтобы забрать книги и унести их к себе в отдел кадров, отделённый от прочего внешнего мира железной дверью с окошечком. После этого она будет ждать робких постукиваний в это окошечко и трепетных извинений по поводу опозданий. И неумолимо требовать объяснительных записок, просмотренных и подписанных заведующими секторами или их заместителями»[276]. В повседневной жизни сотрудников это был один из самых остросюжетных моментов. Особенно тех, кто не слишком был склонен к дисциплине.

«При входе философы отмечаются, — подтверждает страницы романа цепкая детская память, — перевешивают с гвоздика на гвоздик жестяные номерки. Затем лестница, книжный ларёк на полпути к вершине. На последнем этаже, где, собственно, и располагаются клетушки философов, коридор полон казённо-

рыжих шкафов и слоняются персонажи папиных карикатур. Они беспрерывно разговаривают. Различаю привычные и оттого как бы понятные слова „имплицитный, эксплицитный, имманентный, трансцендентный“. Дальше — два варианта времяпрепровождения: томительно присутствовать на заседании сектора логики, где дяди Таванец, Горский (или Пятигорский) и Нарский произносят эти самые слова, или спуститься на первый этаж. Там, под сводами, сидят весёлые добрые тётеньки — очень красивая тётя Цветкова и очень темпераментная тётя Тоня Дерюгина. Они в отличие от дяденек философов работают: нависают над бумагами за письменными столами, разговаривают меньше и вразумительнее»[277].

Предполагалось, что научные сотрудники, придя в институт и сидя за своими столами, занимаются научной работой — изучают первоисточники, партийные документы, запросы, пишут статьи, справки, ответы на письма трудящихся, занимаются иной интеллектуальной деятельностью. Идея утопическая, ибо практически игнорирует психологию творческого труда. И малоэффективная.

— Схватили, в жёлтый дом, и на цепь посадили…[278]

«Рабочий день в Жёлтом доме — обычно унылая и бессобытийная рутина. Придя на работу, люди уже ждут, когда закончится время их пребывания здесь. Только отдельные исключительные индивиды получают удовлетворение от своего функционирования в этой рутине. Это, например, КГБ, наслаждающаяся своей властью над самыми низшими сотрудниками института (кандидаты наук уже плюют на неё). Смирнящев, стремящийся поднять уровень науки и вписать своё имя в историю. Осипов, рвущийся делать карьеру всеми доступными средствами. Шубин, которому надо покрасоваться в пьяном виде в каком-то обществе. Большинство же, повторяю, на работу приходит с неохотой и покидает её с удовольствием»[279].

Каюсь, Господи, прости!
Одна томит меня забота:
Быстрее, время, мчись к шести!
Скорей кончайсь, моя работа!
Хотя я не верую, молю,
Чтоб день рабочий так промчался,
Как будто он почти к нулю
В своём движеньи приравнялся.
Не потому, что я ленив,
На эту тему я шептался,
А чтоб здоровый коллектив

Меня исправить не пытался.
Пред начальством чтобы дрожь
Не ощущалась в мыслях даже,
Не видеть чтоб их гнусных рож,
Не слышать шелеста бумажек.
И про успехи чтоб не лгать.
Не выть в восторге без причины.
И никогда не пролагать
Дорогу новому почину.
Кретинов не превозносить,
Стоящих у кормила власти.
И сообща не поносить,
Кто тщится отвратить напасти.
На вахту чтобы не вставать
На благо нашего народа.
И обязательств не давать
Прожить пять лет в четыре года.
А для потребности души
Яви, молю, крупицу блату:
Иметь, как прежде, разреши
Мою грошовую зарплату[280].

Основная масса сотрудников, если не было заседания сектора, вносившего в их работу некую осмысленность и содержательность, выполнив минимальные обязательные дела, далее предавалась своим заботам и развлечениям — сплетням, интригам, острословию, пустословию. По мере сил и возможностей.

«Расписавшись в книге и показавшись в секторе, я выхожу на малую площадку. Натрепавшись до зевоты и накурившись до тошноты, иду в научный кабинет. Там тоже идет трёп, только несколько приглушёнными голосами и без курева. И содержание разговоров наводит тоску. Обычно в кабинете сидят старые бабы, выполняющие функции технических сотрудников. А о чём они могут говорить, вы сами знаете. Мелкие институтские сплетни. Мелкие домашние трудности. Но, конечно, на высочайшем уровне накала страстей и интеллекта. У завхоза сын под суд попал. За наркотики. О, ужас! Распустились! Зажрались! Петрова из сектора этики попалась на махинациях с профсоюзными взносами. О, ужас! Гнать надо из партии и из института. Сидорова из сектора истории зарубежной философии украла дублёнку у Иванова из сектора теоретических проблем марксистско-ленинской теории познания. Вот негодяй! Где он достал дублёнку? Она

сумасшедших денег стоит. А он ещё младший. Алименты платит. В два места алименты платит, негодяй! Гнать таких из института! <…> Просидев в кабинете минут десять над одуряюще скучной рукописью Смирнящева, Труса или Петина, я прихожу к твёрдому решению покинуть институт до конца рабочего дня, а то и вообще до завтра»[281].

Способов сбежать на волю было изобретено множество. Вот, например, кое-что из опыта ныне академика, а тогда лишь аспиранта первого года обучения, В. А. Лекторского: «Нужно было, если ты не хотел сидеть целый день в институте, прийти к девяти часам, расписаться вовремя, <…> а расписавшись в прибытии, пишешь: „Ушёл работать в Библиотеку им. Ленина“, — и пошёл туда, в библиотеку, там можно сидеть, работать. Дома-то нельзя было работать, можно было либо в институте, либо в библиотеке. А вечером снова нужно прийти к пяти часам и расписаться. <…> И местный комитет или профсоюз наш, они комиссию специальную создавали, чтобы проверять, где находится человек. Вот, скажем, он написал: „Пошёл работать в Библиотеку им. Ленина“, — рейд едет в Библиотеку им. Ленина. Помню, один наш товарищ <…> полгода писал, что работает в Библиотеке им. Ленина, — пошли в Библиотеку им. Ленина проверять его: где у вас такой-то, сейчас посмотрим, — а он даже не записан в библиотеке. Он куда-то просто уходил. Пиво пил или домой к себе ходил»[282].

Герой Зиновьева в романе «Жёлтый дом» описывает целую систему, в основе которой, безусловно, богатый личный опыт автора и его сослуживцев: «Методы удирания разделяются на легальные и нелегальные. Первые разделяются на отпросные и вызывные. В случае отпросных методов идёшь к какому-либо начальству и просишь разрешения покинуть институт, обещая потом „отработать“. Поводы вполне уважительные: сверлить зуб, взять ребёнка из детсада, отвезти мать в больницу, сходить в библиотеку, отнести рукопись автору и т. п. В случае вызывных методов делаешь вид, будто тебя требуют в издательство „Наука“, „Мысль“ или „Природа“, в Президиум Академии наук или в Отделение, к директору на квартиру или на дачу и т. п. Можно организовать звонок. Я обычно это делаю сам. Но можно и так. Главное — сыграть при этом спешку и недовольство по поводу вызова. Парторгам и лекторам удобно пользоваться „вызовами“ из райкома, из горкома и общества „Знание“. Нелегальные методы делятся на побеги и уходы. Побеги удобно совершать по чёрной лестнице. Чтобы никто не видел. Для этого достаточно опустить голову и сделать вид, будто идёшь в буфет (он на первом этаже). Главное — стремительность, никаких задержек.

Есть шанс, что подумают, будто ты по делу спешишь. Летом удобно выбираться не через дверь, а через окна (я знаю, где это можно делать запросто). Уход совершается открыто, на глазах у всех, по главной лестнице, с таким видом, будто ты — старший сотрудник и доктор. Удобнее всего уходить под прикрытием важных лиц — директора, заместителей, секретаря партбюро, председателя месткома. Ждёшь, когда кто-то из них покидает институт. Присоединяешься, задаёшь какой-нибудь глупый вопрос. Начальство любит отвечать на глупые вопросы! Для посторонних твой уход выглядит так, будто высокое начальство само уводит тебя из института, руководствуясь высшими целями.

Обратно возвращаться в институт проще. Человек, идущий в конце рабочего дня на работу, заслуживает всяческого уважения. Даже у КГБ (я имею в виду „кадрицу“ Быкову) теплеют её немигающие очи. Проблема — если ты вернуться не хочешь или не можешь. Например, ты уже подзаложил так, что от тебя несёт за версту <…>. Или ты впал в такое состояние, что забыл о существовании своего родного учреждения. Или вообще не способен шевельнуть ногой. В таких случаях надо заранее обдумать, кто за тебя распишется в книге прихода-ухода, или ухитриться самому незаметно расписаться. Последнее можно сделать, например, так. Заходишь в отдел кадров, просишь книгу под тем предлогом, что Трус велел и т. д., и оставляешь незаметно свой автограф в графе ухода. После этого можешь спокойно ночевать в вытрезвителе»[283].

Таким и будь ты на века,
Занудный, серый день работы.
День раздраженья и зевоты,
День ожидания звонка.
С торчаньем в тесном коридоре,
С кураньем в заданных местах,
С пошлейшей шуткой на устах,
С суждением о всяком вздоре.
С решением пустых задач,
К начальству трепетным походом,
С общением со всяким сбродом, —
День без беды и без удач[284].

Но было в этом «жёлтом доме» место и для научных исследований. В первую очередь в области истории философии, гносеологии и, конечно же, логики. И если в середине 1950-х их удельный вес был невелик, то со временем, с появлением в стенах института философов нового поколения, они стали занимать в

планах института всё большее место. Сегодня академик В. А. Лекторский решается даже говорить о начавшемся в послевоенные годы своеобразном «философском ренессансе», вызванном «возвращением философии к творческой разработке собственной проблематики»[285].

Признавал это, при всей критичности своего отношения к «жёлтому дому», и сам Зиновьев: «Во второй половине пятидесятых годов Институт философии АН СССР, где я работал, стал превращаться в один из ведущих идейных центров страны, а с точки зрения свободы мысли — в самый значительный центр свободомыслия. В тесной связи с институтом были журнал „Вопросы философии“, редакция „Философской энциклопедии“ и философский факультет университета. Директором института был бывший сталинист П. Федосеев, а затем — Ф. Константинов, редактором „Вопросов философии“ бывший сталинист М. Митин, редактором энциклопедии — бывший сталинист Ф. Константинов. Но тон задавали молодые и сравнительно молодые (в районе сорока и более лет) философы, в большинстве окончившие образование уже в послесталинские годы. Возникло множество журналов и издательств, тяготевших к Институту философии как к идейному центру и поставщику авторов. Появилось довольно большое число энтузиастов, сделавших много для оздоровления идейной атмосферы в философии и околофилософских кругах, а через них — в интеллектуальной и творческой среде вообще. Среди этих людей были такие, которые впоследствии приобрели известность, например П. Копнин, Э. Ильенков, В. Давыдов, П. Гайденко, Э. Соловьёв, Э. Араб-Оглы, М. Мамардашвили, А. Гулыга, И. Нарский, А. Богомолов, Ю. Замошкин, Н. Мотрошилова, Б. Грушин, В. Шубкин и многие другие»[286].

Особенно динамично развивалось логическое направление как в классическом, так и в нетрадиционном аспектах. В 1955 году в течение нескольких заседаний проходило обсуждение нового учебного пособия «Логика», разработанного коллективом авторов. С 1959-го ежегодно стал выпускаться сборник «Логические исследования», который включал статьи как по общим вопросам математической (символической) логики, её истории и отдельным приложениям, так и относящиеся к разработке и практическим применениям математической логики в решении актуальных задач математики и техники. В 1964-м на основе секции логики, входившей в состав сектора диалектического материализма, был образован самостоятельный сектор. В соответствии с планом научными сотрудниками сектора был подготовлен ряд коллективных монографий: «Проблемы

логики научного познания» (1964), «Неклассическая логика» (1968), «Исследования логических систем» (1970), «Логика и эмпирические науки» (1972) и др., а также серия авторских книг.

С середины 1960-х сектор логики вместе с кафедрой логики Московского университета систематически проводил методологические семинары, посвящённые актуальным проблемам современной логической науки, на которых обсуждались оригинальные работы и обзорные доклады логической семантики, теории логического следования, модальной и вероятностной логики. Кроме того, логики института постоянно участвовали в работе семинаров, проводившихся на мехмате МГУ, в ВИНИТИ и других научных учреждениях Москвы и СССР. Активизировалось международное сотрудничество. В стенах института выступали известные западные логики. Члены сектора логики также выезжали с докладами за границу.

Придя в Институт философии, Зиновьев попал в профессиональную среду. Из мастерской он перешёл в цех. Здесь была отлаженная организация научной деятельности, по-советски жёсткая и бюрократическая, но которая давала возможность профессионального роста. Регулярность, плановость, отчётность задавали поступательный вектор работе, обеспечивали проведение конференций, издание научных трудов, написание и защиту диссертаций. Какими бы ни были специалисты, работавшие здесь, они все имели за плечами определённую научную школу. С ними можно было конструктивно общаться. Они могли адекватно оценить его идеи. Не все были единомышленниками, но все — коллегами. Их можно было если не увлечь, то убедить. Даже если они чего-то не принимали в его концепциях, они способны были в них разобраться. Их возражения основывались на научной аргументации. «Станковисты» вели между собой диалог, здесь было принято вступать в *полемику*.

Полемика стала новой для него интеллектуальной практикой. Она предполагает равенство сторон. То, чего не было ранее. В университете преподаватели и студенты (аспиранты) были разделены учебным планом. Помимо того, что преподаватели по факту были значительно образованнее и опытнее студентов, они располагали тем преимуществом, что идейные разногласия и несогласия они могли решить административным способом. К студентам как к равным они относиться не могли в силу возраста и психологических обстоятельств. В кружке «станковистов» тоже отсутствовало единоборство — интеллектуальное и личностное лидерство

Зиновьева было безоспоримым. В институте же ситуация оказалась качественно иной. Никто уже не мог посмотреть на него сверху вниз, но и взглядов снизу вверх ожидать не приходилось. Здесь никто не говорил: «Ты — гений!» Здесь все демонстрировали *свою гениальность*. Все были асы. Они могли летать на разных высотах, но каждый владел техникой пилотажа не хуже другого и к тому же ещё каким-нибудь своим фирменным виражом. Оппоненты были достойны друг друга, и это необыкновенно возбуждало, вносило в академические будни элемент азарта. Полемика — вещь серьёзная.

— Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

— Так с цепи, стало быть, спустили[287].

Атмосферу горячих споров сохранили протоколы заседаний сектора диалектического материализма за 1955–1959 годы. (Увы, в более поздние годы к ведению подобного рода документации в институте стали относиться более формально.) Они позволяют увидеть нашего героя в самые первые дни его профессиональной деятельности. Несмотря на свою скромную научную должность, он очень активен и ведёт себя уверенно, как мэтр.

10 февраля 1955-го он, ещё пока только научно-технический сотрудник, «машинописей», участвует в обсуждении докторской диссертации своего недавнего оппонента П. В. Копнина «Формы абстрактного мышления и их место в познании». Задаёт задиристые вопросы: «Что это за противоречие понятия веса?», «Что это за количественные изменения в понятии?», «Что такое форма мысли?». Высказывает оценку: «Обсуждаемая диссертация, вне всякого сомнения, заслуживает положительной оценки». Делает ряд критических замечаний, в частности: «1. Неправильно в диссертации представляется трансфинитная индукция. 2. Не расшифрованы рассуждения Дирака и другие»[288].

24 марта он, уже месяц как младший научный сотрудник, на очередном заседании сектора обстоятельно критикует работу П. П. Черкашина «О социальных и гносеологических корнях идеализма»: «Я прочёл ту часть работы тов. Черкашина, которая касается гносеологических корней идеализма. Судя по этой части, работа интересная и очень нужная. Те критические замечания, которые я сейчас сделаю, касаются отдельных её недостатков.

1) На стр. 226–228 указываются возможности идеализма. Мне кажется, что они выбраны в значительной мере произвольно, во всяком случае — необходимость именно такого выбора и такой последовательности изложения не ясна. Во-первых, отличительные возможности разнородные; например, реальный факт отличия мысли от вещи (п. 1) и абсолютизация

субъективной стороны ощущений в теории познания (п. 2). Во-вторых, некоторые из них дублируют друг друга (пункты 2,4 и 5). В-третьих, их можно продолжить, если перечислять по тому же принципу все случаи проявления идеализма в истории науки: факт отличия живого от неживого, особенности микромира, абсолютизация форм мысли, факт целесообразности деятельности и т. п.

2) При рассмотрении возможности идеализма на стадии живого созерцания, последнее отождествляется с чувственным отражением, общим человеку с животными (с ощущениями, восприятиями, представлениями). Тот факт, что при постановке вопроса о „живом созерцании“ необходимо выяснить роль чувственного в человеческом познании, остался в тени. Отсюда ряд неточностей. Например, на стр. 236–237 проводится мысль, что на данных стадиях человечества отсутствие абстрактного мышления ведёт к извращению картины мира, корни извращения лежали в чувственном. Я не берусь судить безапелляционно, но мысль эта туманная. Если имеется в виду то, что в целом ряде случаев восприятия дают картину предмета, в некоторой части ложную (напр., иллюзии), так в этом ещё нет ничего специфически человеческого. Специфически человеческое отражение и связанные с ним возможности ошибок в отражении предполагают формирование мышления.

3) Глава о возможности идеализма на стадии абстрактного мышления должна была быть главной, но она остаётся наименее разработанной. Некоторые понятия здесь не определены и дают почву для двусмысленности („теоретическое мышление“, „абстрактные понятия“, „общие понятия“). Ряд логических понятий определён так, как это имеет место в поверхностных определениях некоторых учебников по логике (например, понятие отождествляется с родо-видовой дефиницией). В объяснении возникновения мышления автор стоит на точке зрения постепенности превращения чувственности в понятие (на стр. 441 говорится, что понятие возникает как итог чувственности). В результате такое отличие марксистского мышления возникновения мышления от домарксистского материализма смазывается. Основа возникновения мышления — труд, и надо было на этом акцентировать внимание: показать, как на базе труда предшествующие формы отражения скачкообразно превращаются в качественно новые.

4) Бросается в глаза следующее обстоятельство. Автор полагает, что идеализм обращается к теории познания для защиты своих позиций. Это — односторонне. Развитие научной теории познания диктуется прежде всего интересами

общественной практики и потребностями наук. Идеалисты же спекулируют как раз на неразработанности, на трудностях теории познания, а то создаётся впечатление, что интерес к теории познания есть признак идеализма.

Наконец, в работе не получил (в прочитанной мною части) специального рассмотрения вопрос об общественной картине мира и систематической её разработке. В этом вопросе и в настоящее время имеются затруднения. Быть может, его не следует выделять в специальный раздел, но тогда нужно как-то дополнить всю работу с этой стороны. Более эффективным путём в этом отношении, на мой взгляд, является не путь ведения сложных вопросов к общим истинам, а путь перехода от общих и простых истин к более сложным проблемам, характерным для современного научного мышления и соответствующим философским спорам»[289].

16 июня исполнилось полгода его работы в институте. В этот день на секторе обсуждалась диссертация И. В. Николаева «Чувственный опыт как источник образования научных абстракций». Его выступление было первым и самым пространным. Фактически он говорил если не с позиций научного руководителя, то как потенциальный оппонент.

В эти первые полгода его пребывания в институте произошло событие, которое, случись оно несколькими годами ранее, могло бы поставить крест на его карьере или, как минимум, серьёзно её осложнить. Комиссия отдела науки ЦК КПСС, которая работала на философском факультете МГУ в связи с дискуссией, вызванной тезисами Ильенкова и Коровикова, сделала выводы, послужившие основой для партийной проработки как самих авторов тезисов, так и сочувствующих им. Естественно, составленная комиссией справка не могла остаться без внимания и в Институте философии, где к тому времени уже работал Ильенков.

7 и 14 апреля состоялось два многочасовых заседания сектора по вопросу «О теоретических ошибках тов. Ильенкова Э. В.». Оба заседания проходили в расширенном составе. Похоже, на них присутствовал весь институт — 81 человек! По замыслу организаторов, они должны были пройти по отработанному ещё в 1930-е годы сценарию избиения виновного.

Заведующий сектором П. Т. Белов начал по-партийному строго, но вскоре сорвался в оголтелый хай, не стесняясь в выражениях и ругани: «На днях Учёный Совет МГУ в итоге двухдневного обсуждения тезисов товарищей Ильенкова и Коровникова, названных „К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического

развития“, принял решение, квалифицирующее концепцию этих товарищей как идеалистическую, гегельянскую, меньшевистско-идеалистическую.

Тезисы написаны год назад. И хотя теперь сами авторы отказались бы их подписать, тезисы получили большое распространение среди преподавателей, аспирантов и студентов МГУ и принесли большой ущерб делу воспитания молодого поколения. Их идеалистическая антинаучная концепция проникла и в наш институт. Товарищ Ильенков является работником нашего института. Поэтому на нас ложится особая ответственность в деле разоблачения антинаучной сущности его тезисов, в деле глубокой всесторонней критики порочных положений этих тезисов. Особенная серьёзность в подходе к этим тезисам определяется тем, что речь идёт не о каких-нибудь частных вопросах, а о предмете и задачах философии, о понимании сущности марксистско-ленинской философии.

В чём заключается суть вывиха товарищей Ильенкова и Коровикова? В отрицании за марксистской философией задачи выражения научного мировоззрения, в сведении философии лишь к формальной логике. Это даже не гегельянская точка зрения, а позиция современного позитивизма. Уже с первых слов философия настойчиво противопоставляется наукам о природе и обществе. Вся первая страница посвящена этому. Это — основная линия и всех других тезисов: философия не наука о наиболее общих законах природы и общества, больше того, философия вообще нигде не названа наукой. Это чисто позитивистская позиция. Истинный предмет философии, по мнению авторов тезисов, — исследование логических категорий. <…>.

Каковы же причины всего этого? Мы не должны ограничиваться только констатацией ошибок, но должны найти причины, породившие их.

Первое, что я хочу отметить, — это страшное зазнайство товарища Ильенкова, сочетающееся с серьёзными пробелами в области философии. Как говорится, „много амбиции при недостаточной амуниции“. Уже в первых же своих выступлениях при приходе к нам в институт товарищ Ильенков называл всех олухами, невеждами т. д., потом он стал немного корректнее, но, видимо, только внешне, по-прежнему пренебрегая критическими замечаниями, не прислушиваясь к голосу критики.

Надо сказать, что в МГУ и у нас в институте была среда, которая поддерживала, культивировала это зазнайство, невнимание к критике. Я имею в виду определённую группу лиц в Университете, которая держалась именно как группа молодых, противопоставляя себя старшему поколению преподавателей.

Помните, как выступал на обсуждении работы Ильенкова товарищ Давыдов? Его речь пестрила словами „мы требуем“, „мы считаем“ и т. д. Да и у нас в институте есть люди, которые буквально уши прожужжали Ильенкову об его талантливости и о том, что он должен разгромить от лица „молодых“ своих старших товарищей.

Это нездоровое положение, естественно, мешало товарищу Ильенкову правильно воспринимать критику. Но есть и ещё одна причина. Это слабость разработки нами спорных вопросов нашей науки. Например, не решён ещё вопрос о соотношении формальной и диалектической логики. А ведь это вопрос, который касается самого существа материалистической диалектики. Есть и другие вопросы, которые ещё не решены нашей наукой. Нельзя отрицать того факта, что во многих работах наших философов диалектика действительно сводится к сумме примеров, к пересказу данных конкретных наук. Этот эмпиризм, естественно, вызывает протест в виде желания глубоко заняться теоретическими вопросами. К сожалению, товарищи, взявшиеся за разработку этих вопросов, сделали это неумело, извратив существо марксистской философии, подвергнув по существу её ревизии <…>»[290].

Ату его!

Охотники выходят на гон.

«…Товарищ Ильенков отрывает философию от научного мировоззрения. По его мнению, достаточно одних конкретных наук, а в общей мировоззренческой науке нет надобности. Мне кажется, Павел Тихонович Белов не совсем правильно нарисовал картину вредного влияния товарища Ильенкова. Мы должны разоблачить товарища Ильенкова раньше, чем он сможет оказать большое влияние на наших сотрудников. У нас есть товарищи, которые высказывают похожую точку зрения. Я имею в виду, например, статью в стенгазете товарища Зиновьева…» [291]

Свора бежит по следу.

«…Меня удивил вопрос, который мне задал не так давно товарищ Вахтомин относительно того, объективны ли категории сущности и явления. Оказывается, находятся люди, например, товарищ Ильенков, которые считают их только категориями познания. Это совершенно неверно. Ошибки подобного рода становятся уже не единичными. Недавно мне попала в руки работа товарища Грушина, где он в трактовке давно решённого в марксизме вопроса о соотношении логического и исторического допускает подобные ошибки. Очень плохо, что в нашей газете, которая должна быть рупором марксистских идей, вдруг появляется совершенно порочная статья товарища

Зиновьева…»[292]

Вот уже и антисоветская организация вырисовывается.

Но не на тех напали! Здесь не лес и не поле. Перед ними не жалостные зайцы. И даже не свирепые волки. Сами — охотники. Каждый — «человек с ружьём». Фронтовики. У них другая парадигма поведения. Противника они встречают лицом к лицу.

Ильенков и не думает каяться, как предписано каноном. Он решительно и обстоятельно отстаивает свою позицию.

И Зиновьев — не «мальчик для битья». Он использует трибуну судилища, чтобы изложить свою программу, а под конец и вовсе выступает с обвинениями в адрес гонителей: «Своё отношение к обсуждаемой теме я высказал год назад, когда эти тезисы разбирались на факультете. Я считаю тезисы неудачными и ошибочными. Их формулировка о том, что задача философии изучать не мир, а познание, неприемлема.

Сейчас я хочу остановиться на двух вопросах: Первое. Оценка в тезисах истории философии и в связи с этим рассмотрение ленинского положения о единстве диалектики, логики и теории познания. Второе. О задачах философии и методе решения этих задач.

Подчёркивая, что в истории философии происходило отпочкование от философии конкретных наук, авторы упускают, что в то же время происходило расширение проблематики философии. Встали новые проблемы и в логике, которая рассматривает формы мышления. Возникают вопросы о месте познания, о критике практики и т. д. Упустив эту сторону, авторы дали неверную трактовку положения Ленина о единстве диалектики, логики и теории познания. Трактовать этот тезис Ленина как сведение одного круга проблем к другому неверно. Я понимаю это положение чисто методологически. Мы не сможем дать единую картину мира, если мы не будем рассматривать всю историю познания. В то же время нельзя ставить вопрос о процессе познания, если не будет ставиться вопрос о том, каков мир.

Я ставлю вопрос о способе разработки научного мировоззрения, о способе разработки теории познания и диалектической логики. Для меня вопросом теории познания, нашего диалектического метода есть вопросы мировоззрения. Авторы тезисов спутали вопрос о предмете философии с вопросом о способе разработки нашего научного мировоззрения. Я должен сказать, что в кривотолках о статье виноваты читатели, которые не разобрались в сути дела, не поняли, что в статье речь идёт о способах разработки нашего мировоззрения.

Я стою на той точке зрения, что мы работаем

неудовлетворительно.

Мы не выполняем тех требований, которые нам предъявляет наша партия, наша страна. Вот, например, мы обсуждали на секторе работу Вахтомина „О сущности и явлении“. Неужели найдётся человек, который отрицает объективное существование сущности и явления. Но скажите, что в объективной действительности есть сущность и что явление? Я думаю, что не найдётся человека, который бы ответил на этот вопрос. Но статья в „Коммунисте“ подчёркивает, что у нас как раз не разработано учение о категориях.

У нас нет исследований по ряду важнейших вопросов.

Я руководствуюсь одним желанием — видеть свою науку достойной уважения во всём мире. Почему же это желание объявляется идеализмом?

Здесь приводились отдельные выдержки из моей статьи. Но почему их вырывают из контекста?

В статье говорится, что нельзя осуществлять серьёзное философское исследование, не обобщая результатов отдельных конкретных исследований. Я считаю, что вопросы, связанные с теорией познания, необходимо разрабатывать»[293].

Мнения выступающих разделяются. Полноценной травли не получается. Люди сбрасывают с себя шкуры гончих псов. Выпрямляются. Глядя на Ильенкова и Зиновьева, заявляют свою личность. Пусть не у всех значительную и яркую, но — человеческую. Уже — не звериную.

Время перемен — *наступает.*

Эх, нет на вас товарища Сталина! В заключительном слове Белов просто исходится в лае, срываясь то на визг, то на вой. Слюна и пена летят во все стороны: «Ошибки товарища Ильенкова, которые он и сам далеко не изжил, получили распространение среди части студентов факультета! Ошибки эти в той или другой форме занесены и в стены нашего учреждения! Несомненно, что часть наших аспирантов до сих пор не разобралась в существе ревизионистских заблуждений товарища Ильенкова! Мы должны до конца разобрать, показав наглядно и основательно антимарксистское существо так называемой новаторской концепции товарищей Ильенкова и Коровикова! Товарищ Ильенков недоволен, что в выступлениях так много внимания уделено его персоне и мало якобы говорится о предмете марксистской философии по существу! Судя по репликам и по отдельным выступлениям, некоторые товарищи также недовольны „резкостью тона“ выступлений товарищей Черткова, Трофимова, Гайдукова! Говорят, что они перехлёстывают! Но я в свою очередь не понимаю этих

недовольных! Как можно перехлестнуть в критике ревизионизма?! А ведь товарищ Ильенков выступает именно с попыткой ревизии исходных позиций марксистской философии! За Ильенкова-то вы боитесь, ему сочувствуете, его хотели бы поберечь, а о марксизме, выходит, беспокойства не хватает! Где же тут партийность ваша?! Надо возмущаться и негодовать поведением товарища Ильенкова, а не критиками против него! В самом деле! Не успел человек окончить аспирантуру, едва сошёл со школьной скамьи, а уже выступает с претензией на полный „пересмотр“ предмета и задач марксистской философии! С этим вчерашним студентом и аспирантом занимается Учёный Совет факультета, с ним много беседуют, его со всех сторон урезонивают его же товарищи по работе — нет, он, знай, стоит на своём, требуя полного „реформирования“ предмета марксистской философии! Я думаю, наступила пора прекратить разговоры и уговоры! Наступила пора потребовать научной ответственности от товарища Ильенкова за тот вред, который он уже успел принести нашей идеологической работе! Это первый вывод, который мы должны будем сделать из нашего обсуждения!

<…> Приведу ещё один пример, как эта ильенковская концепция ведёт к смазыванию подлинной задачи философии! На секторе у нас недавно обсуждалась рукопись товарища Вахтомина „О сущности и явлении“! При обсуждении разгорелись споры! Выявилась тенденция у некоторых товарищей проблему сущности и явления свести лишь к гносеологии! С этими товарищами (Ильенков, Зиновьев, Копнин) на секторе не согласились, их предложений не поддержали! Но они нашли поддержку в нашей стенгазете! Появилась там статья товарища Зиновьева, которую у нас уже критиковали и вполне правильно! И что же мы опять видим! Товарищ Зиновьев критикует своих оппонентов за непонимание предмета философии, а сам суть задач философии сводит лишь к „методике“ ведения исследовательской работы! Мы продолжаем настаивать на том, что главный вопрос философии был и остаётся вопрос об отношении мышления к бытию! главная задача — борьба против идеализма за материализм, а товарищи об этом забывают и тянут на какую-то „методику“! Да это и есть опять же излюбленные аргументы нынешних позитивистов! Отмахиваясь от основного философского вопроса, обходя его, уклоняясь от ответов на него, они тоже видят задачи философии в разработке „методики исследования“, в научении „грамотно строить науку“ и проч.! Вот, оказывается, куда клонят наши „новаторы“!!! Но пусть они пеняют на себя!!!»[294]

В итоге потребовали от Ильенкова «самой решительной

критики своих ошибочных положений о предмете и задачах философии, несовместимых с марксистской наукой» и отстранили от руководства спецсеминаром для аспирантов[295]. На большее духу не хватило.

В официальном решении того разносного заседания в отношении Зиновьева никаких специальных санкций не прописали. Но в нужном месте взяли на заметку. Очень скоро это стало ясно. В марте он заявил в план работу над монографией по теме «Метод восхождения от абстрактного к конкретному» в объёме десяти авторских листов, предполагая завершить её к середине 1957 года[296]. Ему хотелось дать ход своей диссертации.

29 сентября на очередном заседании сектора в порядке плановой работы обсуждалась статья Зиновьева «О методе восхождения от абстрактного к конкретному». Как показывает стенограмма, заседание проходило бурно. Пожелтевшие от времени страницы точно машинопись одного из актов драмы. Назовём её «Укрощение строптивого». Только драма эта была не сыграна, а прожита. Без грима и суфлёров.

Понаблюдаем за ристалищем из ложи снисходительных потомков.

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО

Действующие лица и исполнители:

Строптивый, автор оригинальной научной концепции, младший научный сотрудник Института философии АН СССР, 33 года — кандидат философских наук Александр Александрович Зиновьев;

Скептик, младший научный сотрудник Института философии АН СССР, 31 год — кандидат философских наук Эвальд Васильевич Ильенков;

Критик частностей, аспирант Института философии АН СССР, 30 лет. — Игорь Васильевич Николаев;

Доброжелательный оппонент, старший научный сотрудник АН СССР, 33 года — кандидат философских наук Павел Васильевич Копнин;

Главный противник, профессор кафедры диалектического и исторического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС, член редколлегии журнала «Вопросы философии», 52 года — доктор философских наук Бонифатий Михайлович Кедров.

Статисты, сотрудники и аспиранты сектора диалектического материализма Института философии АН СССР — Таванец, Горский, Колоницкий, Серова, Князев, Цинцадзе,

Арбатова, Гаркавенко, Спиркин, Карабанов, Овчинников, Ганенко, Тимошенко, Сахарова, Алексеев, Челышева, Кроткова, Вахтомин, Стемпковская, Андреев, Пчёлкина, Герасимов.

Строптивый: Статья была написана год назад для журнала «Вопросы философии». До сего дня я выслушал много претензий, которые, разумеется, учесть не мог. (*Излагает основные положения своей работы.)* Исследование системы связи — одна из основных задач науки. Эта задача предполагает решение многих проблем. Нужна общая теория исследования системы связи. В работе вычленены лишь те проблемы, которые можно озаглавить как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Здесь вводится ряд основных исходных понятий и принципов (Абстрактное и конкретное, система, состоящая из двух связей). Термины «конкретное», «абстрактное» встречаются часто в литературе, но они не определены. Я старался дать определение. Статья ставила своей целью показать ещё, что при приёме данных определений открываются большие перспективы в исследовании. Например, введение новых логических принципов при переходе к более сложной системе. Как ни странно, статья встретила очень резкие возражения. Так, говорят, что статья не имеет практического значения. Но ведь нельзя же потребовать прямой практической значимости от всякой общей теории. Здесь вырабатываются такие определения, которые обслуживают внутренние нужды самой науки. Второе возражение — будто бы статья непонятна. Всякое исходное понятие становится понятным в контексте самой науки, в развитии её. Ещё одно возражение. Стоит только начать писать работу чисто теоретическую — дедуктивное исследование, как сразу же начинают делать упрёки в ревизионизме. Я должен выразить своё возмущение.

Скептик: Статья могла бы быть рекомендована к печати, если бы автор вначале коротко обосновал своё право заниматься этим в таком именно аспекте. Процесс восхождения от абстрактного к конкретному уже доказанная форма познания. Этого доказывать не надо.

Критик частностей: В статье поставлены очень важные вопросы, особенно в связи с сегодняшней постановкой вопроса на секторе. Все стороны восхождения от абстрактного к конкретному для нас интересны. С какой стороны подходит товарищ Зиновьев? Он показывает, что при исследовании мы имеем дело не с отдельным моментом, а с системами. Он ставит такие вопросы: Первый. Как установить связи между частями. Второй. Чтобы получить знание о предмете в целом, надо идти от знания одной части к знанию другой и т. д., и тогда мы получаем знание о

целом. Третий. Как выделить часть, не упустив связи с целым? Нужна ли подобная постановка вопроса? Да, нужна. Но в чём же недостатки? Это вопрос не о принципах, а об изложении их. Вопрос о примерах. Если вопрос ставится в самой элементарной форме, то и примеры должны быть элементарные, чтобы по этой линии не создавать дополнительных трудностей. Автор пишет о необходимости проводить рациональную обработку фактов. Рациональная обработка фактов при таком изложении, как это дано у Зиновьева, получается как привнесение связей в факты извне. На страницах 22–23 написано: «соотнесение знания с предметом означает направленность». Нельзя сводить всё соотнесение только к направленности. На странице 25 он пишет, что адекватно только конкретное знание, а абстрактное всегда неадекватно. И наоборот, конкретное знание на последующих ступенях может быть неадекватно. Нужно говорить лишь о большей или меньшей адекватности. По этим линиям надо дорабатывать статью. На странице 10 автор говорит об абстрагировании, но почему-то ничего не говорит о конкретизации, образовании системы абстрагирования. Вопросы, затронутые товарищем Зиновьевым, нужно разрабатывать. По изложению их надо доработать и тогда можно работу публиковать.

Доброжелательный оппонент: Я читал статью в первом варианте, как она была представлена в журнал «Вопросы философии». У нас слабо разрабатывают вопросы теории познания. Недостаток подобных статей заключается в том, что вопросы ставятся в общем плане. Сейчас требуется, чтобы от такой общей постановки вопроса перейти к конкретному решению вопроса, как в конкретной области науки совершается процесс познания, и в постановке этого вопроса заслуга принадлежит товарищу Зиновьеву. Многие не понимают, товарищ Николаев, отношения объекта и познания. Вопрос идёт о том, как создаётся познавательный образ, какие средства, методы здесь привлекаются. И не надо требовать, чтобы эти приёмы имели в объекте определённый аналог. Дело значительно сложнее. Такая примитивная постановка вопроса затрудняет и тормозит научное познание. Тов. Зиновьев должен лучше определить, о чём идёт речь, показать, где аналог действия. Подобного рода статьи журнал «Вопросы философии» должен печатать. После небольшой доработки статья может быть опубликована.

Главный противник: Цель нашего обсуждения — помочь товарищу Зиновьеву написать статью так, чтобы содержание статьи соответствовало замыслу автора. Пока у него это не получилось. Идёт ли развитие нашего знания от одностороннего

к двустороннему? Это только часть, один момент вопроса. А товарищ Зиновьев к этому вопросу свёл вопрос восхождения от абстрактного к конкретному. Диалектическая логика — это развитие познания. Если свести весь процесс восхождения от абстрактного к конкретному только к этому, то мы сделаем этот процесс очень примитивным. Возьмём примеры. Причина и следствие. Если свести всё знание к исследованию одной стороны, потом другой и их объединению, то получается пустышка. Обе формулы оказываются не связаны с диалектикой живого познания. Надо брать примеры из конкретной истории, науки. Например, проблема развития через скачки и путём накопления количественно-качественных изменений. Способ рассуждения автора отводит от действительности, полнокровного рассмотрения действительности. Товарищ Зиновьев не учитывает, что нельзя так абстрактно ставить вопрос. У Маркса абстрактное не одностороннее рассмотрение предмета, как клеточка, из которого начинается полнокровное развитие познания. Я считаю, чтобы статья была опубликована, но нужно ещё много над ней поработать. Здесь пока содержатся мысли, которые требуют большой работы для их изложения. Чтобы статья была опубликована, её надо сделать живее, устранить лишние дефиниции, облегчить язык и т. д. Автор может улучшить статью, он мыслящий и ищущий философ, так пусть он это и сделает.

Строптивый: Я в своей правоте убеждён. Не признаю того упрёка, что я часто прибегаю к формализации в тех случаях, где она не требуется. Вопрос об исходных понятиях — это по сути дела вопрос о самой теории. При рассмотрении теории нужно с чего-то начать. Я беру только системы двух элементов. Считаю возражение Бонифатия Михайловича Кедрова просто непонятным. Я убедился, что мои исходные положения верны, и возражаю против того, что я не нашёл общего момента в статье (упрёк товарищей Кедрова и Николаева). Связь всегда имеет по крайней мере два предмета.

Главный противник: Не называйте свой метод диалектическим методом восхождения от абстрактного к конкретному.

Строптивый: Я нигде не называл свой метод восхождения диалектическим.

Главный противник: Вы берёте диалектический метод Маркса и вкладываете в него иное содержание.

Строптивый: Я считаю неправильным замечание Бонифатия Михайловича Кедрова в том, что якобы противники диалектической логики ждут именно такой статьи. Разве интерпретация абстракций в книжке Розенталя не представляет

собой насмешки над наукой?

Главный противник: А Розенталь считает Вашу статью насмешкой над наукой.

Строптивый: Он потому считает мою статью насмешкой над наукой, что знает моё мнение о его книге. Товарищ Николаев не понимает, что написано в статье.

Доброжелательный оппонент: Раз мы не понимаем, так представьте, что поймут из Вашей статьи рядовые читатели.

Строптивый: К мнению Николаева в том, что я взял формулы и из формул выводил действительные отношения, можно прийти только при самом яром желании обвинить автора. Считаю, что разбора статьи по существу не было.

Главный противник: Товарищ Зиновьев ошибается, считая, что абсолютная истина в его руках, а читатели не доросли до его уровня. Нужно работать серьёзно, не обижаться на критику, а прислушиваться к ней. То, что Вы думали в течение ряда лет, не значит, что Вы додумались до абсолютной истины. Работа товарища Зиновьева требует внимательного отношения, но если он этого не хочет, то нужно воспитывать товарища Зиновьева. Товарищ Зиновьев пишет большую работу. Сегодняшнее обсуждение даёт основание задуматься над тем, чтобы заслушать на секторе его сообщение о направлении его плановой работы и в случае надобности помочь товарищу Зиновьеву в его плановой работе. Товарищ Зиновьев сегодня выступил очень плохо по форме и по существу.

Решение: Рекомендовать тов. Зиновьеву прислушаться к критическим замечаниям, сделанным на данном заседании[297].

Занавес?

Аплодисменты?

Статья «О методе восхождения от абстрактного к конкретному» не была опубликована.

Он продолжил работу над темой. Надежда на её успешное завершение и публикацию мелькнула, когда после эпохального для страны XX съезда КПСС и прозвучавшей на нём критики в адрес советских философов в институте произошли кадровые перемены. В частности, сектор диалектического материализма возглавил более либеральный и просвещённый П. В. Копнин, сменивший на этом посту сталинского ортодокса П. Т. Белова. Его «инаугурационная» речь на заседании, состоявшемся 24 февраля 1956 года, звучала решительно и выражала стремление руководства института изменить ситуацию в разработке научных проблем в направлении творческого поиска и оригинальных исследований.

«Значение съезда всем известно, все продумали его решения, выступления делегатов, критику философской науки на съезде, — говорил Копнин. — Мы знаем, что плохо работаем. Но почему мы плохо работаем? Тов. Микоян указывает, что обстановка культа личности не создавала условий для действительно творческой работы, и сами мы были во многом виноваты. Обстановка изменилась. Теперь в этой изменившейся обстановке мы должны дать то, чего ждёт от нас страна. Как смотрели на нашу науку специалисты других отраслей научного знания? Официально наша наука пользовалась большим авторитетом, ею все занимались, но неофициально со стороны учёных-естественников к нам было отношение, по крайней мере, скептическое. Это отношение ещё сохранилось. Всевозможными благоглупостями, связанными и не связанными с культом личности, мы им давали больше, чем нужно, поводов для такого отношения. Надо перестроиться. Но как перестроиться и что значит перестроиться? В прошлом мы тоже часто перестраивались, но мы так перестраивались, что работа становилась хуже. Поэтому даже термин „перестройка“ каким-то образом опошлился, оказённился. Что означает в данном случае перестроиться? Это значит изменить цель, методы и стиль нашей работы. Какую цель мы, в основном, преследовали — прославляли личность, его философский гений, давали комментарий к отдельным её высказываниям по вопросам философии, писали популярные работы с тем же самым уклоном, а исследовательской работой по вопросам диалектического материализма и логики мы занимались очень мало. Это занятие иногда расценивалось как академизм и отрыв от практики. Цель нашей работы — исследовательская работа в области диалектического материализма, надо освободиться по возможности от научно-популярной деятельности, свести её до минимума. Если выходит книжка из академического института, это значит, что в ней есть новая постановка проблемы и решены существенные вопросы. Любое новое собственное исследование рассматривалось как лжетворчество. У нас не должно быть боязни нового, собственного. Это должно быть законом нашей работы. Нам нужно изменить методы и стиль работы. Методы нашей работы известны. Выработался даже шаблон философской работы или диссертации. Покончить с тем, чтобы искать среди себя ревизионистов, врагов марксизма. Это ведь насаждение того стиля, который у нас сложился. Как ведётся у нас дискуссия, она снимает борьбу мнений. Прекратить демагогию. Много демагогов развелось. Сколько она повредила нашей философии»[298].

Золотые слова! Только на поверку оказалось — лишь

позолоченные. Да и позолота — искусственная.

В 1956-м он написал две большие статьи: «Логическое строение абстрактного и конкретного знаний» и «Понятие о системе связей и принципы исследования системы связей». Обе рассматривались на секторе, но до печати не дошли.

В 1957-м он обсуждает с Копниным возможность публикации подготовленной им в соответствии с планом научной работы монографии, и тот высказывает мысль, что вряд ли получится сейчас, да и в обозримом будущем, провести эту рукопись через Учёный совет института. Становится ясно, что дальше двигаться в этом направлении ему не дадут. Об издании книги он больше не помышляет.

Занавес.

И всё же кое-что ему удаётся опубликовать — в журнале Чехословацкой академии наук «Filosofický Časopis» в феврале 1958-го вышла статья «K problému abstraktního a konkrétního poznatku». На чешском языке. (Ещё одна награда за освобождение Праги.) Лишь только после этого ему заказали статью о методе восхождения от абстрактного к конкретному для первого тома «Философской энциклопедии», вышедшего в 1960 году.

Полностью текст диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале „Капитала“ К. Маркса)» увидит свет уже только в новом тысячелетии, в издании Института философии *Российской* академии наук, в 2002 году. Спустя почти полвека после его написания. Но и сегодня эта работа не кажется памятником философской мысли. Заложенные в ней идеи не устарели. Более того, *по-прежнему ждут* разработки и развития.

Аплодисменты.

С Институтом философии связаны двадцать два года жизни Александра Зиновьева.

Двадцать два года систематического труда в области логических исследований.

Двадцать два года тщательной разработки базовых основ современной логики.

Двадцать два года построения оригинальной логической теории.

Двадцать два года интеллектуального подвига.

Двадцать два года служения.

Двадцать два года возведения грандиозного собора во славу Человеческого Разума.

Характеризуя то время, Зиновьев писал в «Зияющих высотах»: «В той ситуации, которая складывалась тогда во всех социально значимых сферах нашей жизни, чётко обозначились два лагеря.

Один лагерь составляли мракобесы и реакционеры. К этому лагерю себя не причислял никто. Другой лагерь составляли все те, кто был против мракобесов и реакционеров и стремился к демократии, либерализму, прогрессу. К этому лагерю причисляли себя все остальные. Они делились на молодых и старых. Молодые про себя считали старых мракобесами, а старые про себя считали молодых смутьянами, подверженных влиянию Запада. Вслух старались выражаться несколько иначе. Началась обыденная борьба за должности, премии, оклады, степени, звания, заграничные командировки и прочие блага. И были ещё единицы, которые с самого начала понимали: надо уйти от всего этого в сторону, заняться своим делом, требующим труда, времени и способностей, и через это своё частное дело выходить в какой-то иной разрез бытия»[299]. Он был в числе этих единиц.

В отличие от основной массы своих коллег (и не только в стенах Института философии) занятие логикой не было для него *профессией*, то есть оплачиваемой социальной деятельностью, вызванной необходимостью зарабатывать средства существования. Логика представляла для него совсем иной интерес.

Некогда очарованный видением совершенного Древа Познания, он, точно новый Адам, создавал верные и единственные слова и правила его описания. Логические исследования были *частью* грандиозного проекта построения новой отрасли интеллектуальной деятельности, которую он в конце жизни назвал *интеллектологией.* Именно этим определялся его подход к логике, его *поведение* в науке. Поведение, вызывавшее удивление, изумление, протест одних и удивление, изумление, восторг других. Поведение, раздражавшее и восхищавшее. Поведение Творца.

Его принципиальная позиция была в том, что правила логики не есть какие-то объективно существующие в природе данности, которые исследователь только должен обнаружить и описать. Правила логики, утверждал он, изобретаются в процессе познания и фиксируются в языке. В своей деятельности логика он заявлял своё *право на изобретательство.* Профессиональные логики *разрабатывали* различные частные аспекты существующих логических систем. Он *создавал* новые основания логики. Фактически строил логику наново. Изучив существовавшую логическую литературу, разнообразные концепции построения языка логики, он пришёл к убеждению в их неудовлетворительности для задач интеллектологии. И бесстрашно взялся за пересмотр всей современной логики в целом. Это был вызов, на этот раз уже не только советским

философам, но всему мировому сообществу логиков.

Друг, ученик и последователь Александра Зиновьева Ю. Н. Солодухин, бывший свидетелем его реформаторской деятельности в области логики, пишет: «Это была первая половина 60-х годов, время бурных и острых дискуссий между сторонниками диалектической и математической логики, а внутри последней — между поборниками классических и неклассических логических систем. Неклассические логики, в первую очередь многозначные системы, даже убеждёнными сторонниками математической логики воспринимались как нечто странное, сомнительное, даже подозрительное. Ибо многозначная логика не вписывалась в господствовавшие представления. Она не вписывалась в каноны традиционной формальной логики, считавшей, что любое высказывание может иметь только два значения, „истина“ и „ложь“, всё остальное от лукавого. Она не вписывалась в каноны логики диалектической. Хотя, казалось бы, кому, как не этой концепции, претендующей на роль методологии изменений, переходных состояний, взять на себя философское осмысление средств и результатов многозначных логических систем.

<…> На нас, тогда ещё совсем молодых учёных, огромное впечатление произвела интеллектуальная смелость А. А. Зиновьева, который не побоялся подвергнуть ревизии многие положения „отцов“ многозначной логики Лукасевича и Гейтинга, ряда других известных учёных и в итоге открыл новые направления её развития. Тем самым он помог советским логикам преодолеть своего рода комплекс неполноценности, наглядно показав своими трудами, что объективно необходимый период ученичества завершается, фактически закончился, и математическая логика в Советском Союзе вышла на уровень, который не уступает мировому уровню развития этой науки, а по ряду конкретных направлений превосходит его»[300].

Девять монографий —
«Философские проблемы многозначной логики» (1960)
«Логика высказываний и теория вывода» (1962)
«Основы логической теории научных знаний» (1967)
«Очерк многозначной логики» (1968)
«Логическое следование» (1968)
«Комплексная логика» (1970)
«Логика науки» (1971)
«Логическая физика» (1972)
«Логические правила языка» (1975) —
десятки статей —
«Логическое строение знаний о связях» (1959)

«Следование как свойство высказываний о связях» (1959)

«Проблема значений истинности в многозначной логике» (1959)

«Дедуктивный метод в исследовании высказываний о связях» (1960)

«К проблеме познания связей» (1960)

«Логическая модель» (1960)

«К вопросу об общности высказываний о связях» (1960)

«Об одном варианте теории определений» (1960)

«Об одном способе обзора функций истинности» (1961)

«Обобщение классических кванторов в многозначной логике» (1962)

«Двузначная и многозначная логика» (1962)

«Проблема строения науки в логике и диалектике» (1962)

«Об основах абстрактной теории знаков» (1963)

«Обобщение силлогистики» (1963)

«Два уровня в научном исследовании» (1964)

«О применении модальной логики в методологии науки» (1964)

«Переходные состояния и логическая непротиворечивость» (1964)

«Логическое и физическое следование» (1964)

«Об основных понятиях и принципах логики науки» (1966)

«О классических и неклассических ситуациях в науке» (1968)

«Логическое следование» (1968)

«Очерк многозначной логики» (1968)

«О пространственно-временной терминологии» (1969)

«О логике микрофизики» (1970)

«Классические и неклассические отношения высказываний» (1970)

«О принципах детерминизма» (1970)

«Нетрадиционная теория кванторов» (1973)

«Логика классов» (1973)

«О некоторых системах формальной арифметики» (1974)

«Очерк эпистемической логики» (1975)

«Очерк эмпирической геометрии» (1975)

«О параллельных линиях в эмпирической геометрии» (1975)

—

сотни лекций и выступлений

— ступени той лестницы, по которой Зиновьев продолжил своё восхождение.

Не будучи профессиональным логиком, я не рискую описывать их содержание. Предлагаю просто взглянуть хотя бы на одну из них. Только *взглянуть*. Не более!

Вот лишь одна страница из книги «Основы логической теории научных знаний». Выбрана наугад. Параграф второй «Смысл высказываний» седьмой главы «Логика высказываний».

Цитата:

> С точки зрения смысла высказываний задача экспликации рассматриваемых логических знаков сводится к следующей задаче: указать способы сведения всех возможных структур высказываний с этими знаками к некоторым основным или каноническим структурам (формам), смысл которых считается ясным из других источников. Мы здесь принимаем в качестве основных форм следующие (D_1):

1) элементарные высказывания, т. е.

$p, q, r, p^1, p^2, \ldots;$

2) их внешние отрицания, т. е.

$\sim p, \sim q, \sim r, \sim p^1, \sim p^2, \ldots;$

3) высказывания вида

$X \cdot Y, X : Y, \quad X^1 \cdot X^2 \cdot \ldots X^n, X^1 : X^2 : \ldots : X^n,$

где $X, Y, X^1, \ldots, X^n$ суть элементарные высказывания или их общие отрицания.

Смысл прочих структур определяется через основные посредством следующих утверждений:

A 1. $\sim \sim X \equiv X$

A 2. $\sim (X \cdot Y) \equiv (X \cdot \sim Y) : (\sim X \cdot Y) : (\sim X \cdot \sim Y)$

$\sim (Y^1 \cdot \ldots \cdot Y^n) \equiv X^1 : \ldots : X^k$

где $X^1, \ldots, X^k$ суть всевозможные высказывания, отличающиеся от $(Y^1 \cdot \ldots \cdot Y^n)$ только наличием $\sim$ по крайней мере перед одним из $Y^1, \ldots, Y^n$.

A 3. $\sim (X : Y) \equiv (X \cdot Y) : (\sim X \cdot \sim Y)$

$\sim (X^1 : \ldots : X^n) \equiv (X^1 \cdot \ldots \cdot X^n) : Y^1 : \ldots : Y^t,$

где $Y^1, \ldots, Y^t$ суть всевозможные высказывания, отличающиеся от $(X^1 \cdot \ldots \cdot X^n)$ только наличием $\sim$ перед всеми $X^1, \ldots, X^n$ или перед i $(1 \leqslant i \leqslant n - 2)$ из них.

A 4. $(X : Y) \cdot Z \equiv (X \cdot Z) : (Y \cdot Z)$

$(X^1 : \ldots : X^n) \cdot (Y^1 : \ldots : Y^m) \equiv (X^1 \cdot Y^1) : \ldots :$

$: (X^1 \cdot Y^m) : \ldots : (X^n \cdot Y^1) : \ldots : (X^n \cdot Y^m)$

A 5. $X \cdot (Y \cdot Z) \equiv (X \cdot Y \cdot Z)$

$X \cdot (Y^1 \cdot \ldots \cdot Y^n) \equiv (X \cdot Y^1 \cdot \ldots \cdot Y^n)$

<...>»[1].

---

[1] *Зиновьев А. А.* Основы логической теории научных знаний. М.: Наука, 1966. С. 98.

Видя подобное, даже некоторые коллеги пасовали: «Кроме некоторых мест, содержащих общую постановку вопроса, статья осталась для меня непонятной, — с раздражением признавался А. Л. Субботин во время обсуждения на секторе работы Зиновьева „Логическая характеристика абстрактного и конкретного знания“, — особенно там, где мысли выражаются символически. Поэтому я не беру на себя ответственность высказать о ней какое-либо определённое положительное или отрицательное мнение»[302].

А таких страниц в перечисленных книгах и статьях Зиновьева почти *две тысячи*!

Оставить их без внимания и комментария, ограничившись лишь показом, нет никакой возможности. Это значило бы нарисовать *портрет без лица.* Написать *роман без любви.* Установить *пьедестал без монумента.* В то же время предмет логической деятельности Зиновьева носит столь специальный

характер, что рассказ о нём должен вестись профессионалом с использованием профессиональной лексики и знаний. Учитывая всё это, предлагаю далее подборку квалифицированных отзывов о логических сочинениях Зиновьева, данных его современниками и последователями. Некоторые опубликованы в доступных изданиях, выходные данные которых даются в конце цитат, некоторые хранятся в делах фонда Института философии в Архиве Российской академии наук и публикуются впервые.

Для кого-то из читателей эта часть книги может оказаться трудной, непонятной или малоинтересной. Они могут её пропустить, пролистав специально с этой целью выделенные другим шрифтом страницы.

О книге А. А. Зиновьева «Философские проблемы многозначной логики»

> С тех пор как возникла многозначная логика и стали появляться её различные варианты до настоящего времени не был ещё поставлен никем из работавших в этой области специалистов принципиальный вопрос о философских проблемах многозначной логики. Автор рецензируемой работы поставил этот вопрос и развил чрезвычайно ценное, важное по философскому значению и правильное по существу исследование.
>
> Автор приступил к работе, исходя из учёта трудности, состоящей в том, что логика, «в отличие от других конкретных наук, в значительной своей части выступает как дисциплина философская»
>
> В результате исследования, опирающегося на прекрасные знания специальной литературы и на блестящий анализ логических проблем многозначной логики, автор приходит к двум обоснованным выводам. Согласно первому многозначная логика не отвергает принципов классической логики и не вступает с ними в противоречие. Многозначная логика лишь разрушает философские иллюзии абсолютности и априорности классической логики, а также способствует уяснению её характера и её места в системе науки логики вообще. Второй вывод исследования формулируется так: несмотря на более тонкий подход к оценке человеческих знаний и правил мышления многозначная логика не только не превращается в диалектику (или какой-либо раздел диалектики), но всякая попытка рассматривать возникновение многозначной логики как процесс

диалектизации логики ошибочна и может привести только к путанице понятий и к бесплодным спорам о терминах.

Оба эти вывода появляются у автора лишь как обоснованный итог специального рассмотрения. Для обоснования этих выводов автор во II-ой и III-ей главах характеризует первоначальные многозначные системы, развитые в работах Лукасевича, Поста, Броуэра-Гейтинга, далее рассматривает аксиоматику интуиционистской логики, работ Колмогорова и Гливенко и затем развивает очерк современных многозначных логических систем.

Уже начиная с анализа логики Лукасевича, автор показывает, что многозначная логика возникла не как отрицание двухзначной логики, а как её обобщение. Не отрицая того, что в основе формальных построений Лукасевича, а затем Броуэра и Гейтинга лежат реальные потребности науки («реальные исторические мотивы»), автор в анализе систем Поста показывает важность и плодотворность также и таких случаев, когда «предложение той или иной теории создаёт спрос на неё»

Развивая эти мысли, автор показал, что и в логике Гейтинга многозначная логика выступает не как система, противоречащая двузначной логике истинности и ложности, а как её *обобщение.* Автор справедливо находит глубокую ошибку в рассуждениях тех логиков и философов, которые правомерное сомнение во всеобщем характере законов исключённого третьего и противоречия толкуют по-гегельянски — признавая в некоторых случаях истинными отрицания этих законов.

Чрезвычайно хороша по ясности, точности и существенности анализа глава Ill-я, где характеризуются метод Яськовского, система Бочвара, система Рейхенбаха, работы Шестакова и система Аккермана. Это — не описательный исторический очерк, а серия принципиальных логических характеристик, выявляющая пути развития многозначной логики. Автор вскрывает три направления этого развития: 1) формальную разработку аппарата логики, 2) построение логических систем и 3) разработку общей теории многозначных логических систем.

Главы IV–VI исследования посвящены соответственно общим вопросам многозначной логики, проблеме интерпретации многозначных систем и

проблеме квантификации в многозначной логике.

В частности в IV-ой главе автор опровергает убеждение, будто аксиоматическое построение многозначной логики невозможно, и разъясняет, что убеждение это основывается на смешении строящейся логики и её метаязыке, вообще, средств её построения. Важно также развитое в IV-ой главе доказательство тезиса, что построение n-значной логики есть по сути решение *содержательной* задачи и что — как во всяком научном исследовании — здесь вводятся определения и принимаются утверждения, на основе которых развивается далее система новых утверждений. В итоге, в фундаменте логики лежат — явным или неявным образом — эмпирические наблюдения и соображения.

Эта эмпирическая основа исключает полный произвол в выборе логики. В этом состоит объективное значение принципов (законов) логики. Однако законы эти, будучи объективными и представляя навязываемые человеку в его повседневной практике простейшие обобщения, не имеют абсолютного значения. Так, только на основе соблюдения требования непротиворечивости, обобщённого в многозначном смысле, возможно установление отношения обобщения, включения, равносильности, изоморфизма и т. д.

Очень содержательна и интересна V-ая глава, посвящённая вопросу об интерпретации многозначных систем. Автор показывает, что сама проблема интерпретации связана с вопросом о гносеологической природе этих систем. В развитии главы показывается, что формальное построение многозначных систем и использование их путём интерпретации в терминах определённой предметной области с философской точки зрения по сути не отличается от того, что происходит при решении тех же задач в двухзначной логике.

Автор объясняет сдержанность многих авторов, писавших по вопросам многозначной логики, в отношении интерпретации многозначных систем тем, что сама интерпретация понимается у них, во-первых, как интерпретация целостного исчисления и, во-вторых, как средство для решения конкретных задач науки. Но и учитывая, что доказательство эффективности многозначных построений требует времени, автор, вразрез с Рейхенбахом, приходит к выводу, что в фактах интерпретации многозначных исчислений отражаются

свойства, отношения и связи вещей. Сама многозначность выступает как следствие потенциальной однозначности познания.

Чрезвычайно важен и хорошо обоснован в V-ой главе тезис автора, согласно которому возникновение многозначной логики ни в какой мере не превращает формальную логику в диалектику или диалектическую логику. Автор справедливо полагает, что критика формальной логики в диалектике велась как критика, выясняющая недостаточность формальной логики при исследовании исторически сложившихся и развивающихся сложных систем связей вроде социальных систем — и как выяснение её непригодности в качестве методологии на исследовании такого рода. При этом автор справедливо подчёркивает, что критика эта вовсе не означала отрицания принципов формальной логики, но означала лишь то, что само соблюдение этих принципов предполагает в качестве необходимого условия определённую методологию процесса исследования. Такова, например, грандиозная критическая работа К. Маркса по устранению многочисленных антиномий, возникших в буржуазной политической экономии.

Заканчивается V-я глава интересным параграфом, посвящённым вопросу об универсальности логики. Здесь убедительно доказано, что неуниверсальность законов логики совершенно ошибочно понимать в том смысле, будто мир членится на сферы и что в одних сферах действуют одни логические законы, а в других — их отрицания.

Vl-ая глава рассматривает вопрос о квантификации, как он ставится в многозначной логике. В итоге содержательного исследования автор приходит к выводу, что обобщение классических кванторов означает не изобретение новых кванторов и не ликвидацию принципов, проверенных человеческой практикой, а *обобщение отдельных* функций кванторов — связывание любого числа переменных и введение при этом законов, которые могут при связывании переменных превращать высказывание в n-значное.

В целом исследование А. А. Зиновьева — нужная и прекрасно выполненная работа. В ней ещё раз сказались с самой выгодной стороны — присущая этому автору и засвидетельствованная его опубликованными уже

трудами логическая талантливость, замечательная ясность мысли и простота изложения далеко не простых вопросов современной логики.

> *Асмус В. Ф. Отзыв о работе А. А. Зиновьева «Философские проблемы многозначной логики».*
>
> *29 января 1960 //АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1026. Л. 161–166.*

Зиновьев был первым автором в восточном (советском) блоке, который осуществил всеобъемлющий обзор исследований по многозначной логике. Из его многочисленных публикаций по многозначной логике назову лишь книгу «Философские проблемы многозначной логики» (на русском языке издана в 1960 г.), которая в переработанном виде издана в 1963 г. на английском и в ещё более изменённом виде издана в 1968 г. на немецком. К этому времени на Западе сравнимой с зиновьевской книгой была только работа Россера и Тюркетта «Многозначная логика» (Амстердам, 1952), в которой излагался лишь технический аппарат многозначной логики и сознательно игнорировались все философские проблемы. В книге же Зиновьева с самого начала давалась общая характеристика многозначной логики, определялось её место в логике и в методологии науки, излагались её основные результаты и приложения внутри и вне логики.

Рассмотрю три основных результата Зиновьева, изложенные в упомянутой его книге. Он ввёл понятия аналога и обобщения двузначной функции в многозначной логике. Благодаря этому стало возможно осмысленное сравнение различных систем многозначной логики с двузначной.

> *Вессель Х. Логика Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 152–153.*

Зиновьев доказал, что если интерпретировать формулы-тавтологии как выражения, обозначающие законы логики, то в многозначных системах могут быть:

введены логические операторы такие, что формулы, аналогичные законам двузначной логики, будут логическими законами и в многозначной логике;

введены логические операторы такие, что формулы, аналогичные законам двузначной логики, не будут законами в многозначной логике.

Данные теоремы имеют, без преувеличения, огромное философское значение. Его суть в том, что ни многозначная логика не отменяет двузначную логику, ни наоборот, логика двузначная не отменяет логику многозначную. Они равноправны в том смысле, что описывают логические законы, которые универсальны.

> *Солодухин Ю. Н. Логическое учение А. А. Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев.М.: РОССПЭН, 2009. С. 141.*

Второй основополагающий результат Зиновьева — установление роли значений истинности в логике. Он чётко различает чисто техническое (формальное) использование и содержательный смысл значений истинности. Во втором случае основным является значение «истинно». С его помощью можно определить все прочие значения истинности. Если это не удаётся, то это означает, что прочие значения истинности введены неправильно. Из этого следует, что значения истинности вообще могут быть элиминированы из логических построений. Зиновьев затем показывает, что значимость правил логики не зависит от выбранного числа значений истинности. В логике вообще нет особой необходимости во введении их. Из этого следует, что роль семантики в логике сильно преувеличена. Сам Зиновьев построил всю свою логическую систему (комплексную логику) вообще как чисто синтаксическую. Семантические средства, по его мысли, могут использоваться как подсобные в тех или иных случаях. Но они не являются средствами доказательства в строгом смысле слова.

> *Вессель Х. Логика Александра Зиновьева. С. 153.*

Вместе с тем практически во всех своих работах он отмечал, что понятие «значение истинности» имеет также смысл, связанный с истиной как категорией теории познания. Логика не вправе игнорировать этот аспект понятия «значение истинности» уже потому, что главным критерием логической правильности форм рассуждений, доказательств выступает их способность обеспечивать истинность заключения при истинности

посылок независимо от конкретного содержания тех и других. Изучение условий, при которых высказывания истинны или ложны, существенны для логики.

Солодухин Ю. Н. Логическое учение А. А. Зиновьева. С. 141.

И третий результат Зиновьева — фундаментальное различение двух форм отрицания — внутреннего и внешнего. Внешнее отрицание есть обычное отрицание классической двузначной логики высказываний. Его синтаксическая роль — оператор, с помощью которого из высказываний образуются новые высказывания. Внутреннее отрицание относится не к высказываниям в целом, а к другим логическим операторам, например, к оператору предикации, который связывает субъекты и предикаты в высказывания, к кванторам «все» и «некоторые» («Предмет не имеет признака», «не все», «нет таких»). Эти отрицания относятся к различным синтаксическим категориям. Зиновьев показал, что многие проблемы и парадоксы методологии являются следствием смешения различных типов отрицания.

Вессель Х. Логика Александра Зиновьева. С. 152–154.

О книге А. А. Зиновьева «Логика высказываний и теория вывода»

Работа представляет нечастое соединение своевременности в постановке темы, оригинальности и талантливости в её исполнении. Работа соединяет критический разбор современных и классических теорий высказываний, эксплицитной и имплицитной трактовки следствия с оригинальными положениями автора. Доказывается, что логика высказываний не есть общая теория вывода и что такая теория не может быть получена посредством интерпретации знака импликации в качестве знака следования. В критической части доказывается также, что системы Шмидта, Льюиса, Аккермана и Клини не удовлетворяют некоторым требованиям, которые должны предъявляться к выводу. Автор дополняет чисто формальные анализы анализом «интуитивных» предпосылок теории вывода и предлагает совокупность логических систем, дающие исходные

системы теории вывода. Чрезвычайно ценны третья и четвёртая главы работы. В них развиваются логические системы, удовлетворяющие принятым в науке правилам рассуждения. Автор выясняет основные логические свойства этих систем (непротиворечивость, независимость, полноту) и рассматривает выражаемые в них отношения. Четвёртая глава намечает, опираясь на результаты предыдущей главы, подходы к созданию действительно общей теории вывода.

Превосходные качества работы А. А. Зиновьева несомненно привлекут к ней внимание всех серьёзных исследователей в области логики. Книга А. А. Зиновьева — заметный шаг вперёд в разработке общей теории вывода. Считаю её не только достойной наискорейшего опубликования, но и издания на одном из иностранных языков — из числа тех, на которых имеется большая теоретическая литература по логике.

Асмус В. Ф. Отзыв о работе А. А. Зиновьева «Исчисление высказываний и теория вывода».

Январь 1961 //АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1060. Л. 28–29.

Отзыв о книге А. А. Зиновьева «Основы логической теории научных знаний»

Книга А. А. Зиновьева представляет собою систематическое изложение той концепции теории научных знаний, которую автор самостоятельно разрабатывает на протяжении многих лет. Суть этой концепции, коротко говоря, состоит в следующем. Применение классической математической логики в теории научных знаний породило многочисленные трудности и «парадоксальные» ситуации, положительный же его эффект оказался сравнительно малым. Основной причиной этого является то обстоятельство, что приложения математической логики к анализу языка науки не базируются на детальном исследовании интуитивных оснований логики в самой практике науки. Если же обратиться к этим основаниям логики, то обнаружится следующее: для описания свойств научных знаний требуется более общая неклассическая концепция логики, допускающая многозначность высказываний, по отношению к которой

классическая логика является лишь фрагментом и частным случаем. Кроме того, при этом обнаруживается, что сама тематика логики должна быть существенно расширена за счёт включения в сферу внимания логики целого ряда новых логических форм и проблем, связанных с операциями по получению знаний.

И в книге А. А. Зиновьева предпринимается радикальная попытка систематическим образом провести указанные соображения через все основания логики, построить логическую теорию научных знаний как особый фундаментальный раздел логики. Насколько нам известно, это — первая в логико-философской литературе попытка такого рода. В книге излагается общая теория знаков и основывающаяся на ней теория терминов, рассматриваются всевозможные структуры высказываний и терминов, их взаимоотношения, правила их построения. По-новому (сравнительно с принятыми курсами логики) построены такие разделы, как теория отношений и модальная логика. По мере изложения автор показывает, в каких пунктах и для каких целей возможно построение тех или иных логических исчислений. Подробнейшим образом рассматривается понятие логического следования, строится общая теория дедукции, свободная от тех недостатков, которые свойственны системам строгой и сильной импликации. Существенное внимание уделяется установлению тех границ, за которые не может выйти логическая теория научных знаний в силу самих методов, применяемых ею.

Книга написана вполне с позиций диалектического материализма. Многие её результаты убедительно показывают, что никакого конфликта между формальной и диалектической логикой нет и быть не может, если разумно и точно определить сферы их приложения.

Книга А. А. Зиновьева очень своевременна, так как поставленные в ней проблемы становятся центральными не только в рамках логики, но и в методологии современной науки вообще.

Спиркин А. Г. Отзыв о книге А. А. Зиновьева «Основы логической теории научных знаний».

10 марта 1966// АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1176.Л. 3–4.

Основные задачи своей комплексной логики

Зиновьев постепенно сформулировал так: во-первых, преодолеть дефекты ставших традиционными логических концепций, включая классическую и интуиционистскую логику; во-вторых, радикально расширить сферу логических исследований, ориентируясь прежде всего на методологию опытных наук.

Согласно Зиновьеву, предметом логики является язык. Не изучение языка, каким он выступает сам по себе, независимо от логики, а «особого рода работа в сфере языка, заключающаяся в обработке определённого рода элементов языка, усовершенствование их и изобретение новых, а также разработка правил оперирования ими». Логика не открывает эти правила, как они существовали в языковой практике, независимо от того, изучают их или нет. Логика изобретает особого рода правила и вносит их в языковую практику в качестве искусственных средств оперирования языком. «Даже законы силлогистики, — настаивает Зиновьев, — не были открыты Аристотелем в готовом виде в практике языка, а изобретены им. Конечно, тут имеет место стихийное языковое творчество людей. Но лишь в самых примитивных и смутных формах. Логика должна выполнять эту работу на профессиональном уровне».

> *Ивин А. А. Комплексная логика А. А. Зиновьева // Феномен Зиновьева. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. С. 90.*

Вместе с тем Зиновьев не считает, что логическая работа есть целиком и полностью произвольная деятельность. Он отмечает, что она опирается на стихийное языковое творчество людей. В языковой практике употребляются логические термины, операторы, правила. Но они зачастую употребляются смутно, сбивчиво, по наитию. Логика превращает неявные определения логических знаков в явные, чётко и строго сформулированные. Причём все логические знаки определяются в связи друг с другом, комплексно. В этом суть комплексной логики. <…>

Зиновьев не ограничился тем, что констатировал объективную детерминацию логики, но и выявил специфику этой детерминации. Она состоит в особой роли тех, кто осуществляет логическую работу, — исследователей, по терминологии Зиновьева.

Любой анализ предполагает принятие некоторых исходных понятий, которые, как правило, представляют собой абстракции достаточно высокого уровня. Только таким образом можно отвлечься от тех различий в интересующих нас объектах, которые мы считаем несущественными, и выделить то общее в них, что считаем в данном контексте определяющим. А значит, тем самым добиться однозначного понимания вводимых понятий. Эту работу и выполняют исследователи, подчёркивает Зиновьев. Они справляются с ней, так как наделены некоторым природным (чувственным) аппаратом, задача которого — испытывать внешние воздействия и создавать в себе (в исследователе) определённые состояния. Самая деятельность этого аппарата, подчёркивает Зиновьев, находится вне интересов логики, ибо всё, что происходит в мозгу, организме человека, не имеет для неё никакого значения.

Из этого следует, что если мышлением называть какие-то процессы, происходящие в мозгу человека, то придётся признать, что логика не изучает мышление и не учит мышлению. Она изучает определённые операции с некоторыми материальными «вещами» языка. Если сами эти логические операции интерпретировать как мышление, то логика тавтологически может трактоваться как наука о логическом (правильном) мышлении. Но только в том его виде, в каком оно, мышление, предстаёт в операциях с языковыми знаками, их комбинациями. Что при этом происходит в тайниках человеческого сознания, глубинах человеческой психики — логику не интересует.

Солодухин Ю. Н. Логическое учение А. А. Зиновьева. С. 144–145.

Разработка логики с ориентацией на опытные науки является, по Зиновьеву, радикальным расширением её сферы за счёт логической обработки языковых выражений, фигурирующих в языке опытных наук. В частности, это терминология, относящаяся к пространству, времени, эмпирическим связям, изменению, детерминизму и индетерминизму и т. д. Такая терминология или совсем не определена, или определяется плохо, она многосмысленна, неустойчива, логически не связана в должные комплексы. <…>

С особой резкостью Зиновьев подчеркнул несоответствие между громоздким и раздутым техническим аппаратом современной логики и примитивностью проблем, которые можно решать с его помощью. Отсутствие постоянной связи логики с онтологией и гносеологией вело к тому, что отдельные логические проблемы обсуждались в изоляции друг от друга, а их решения не связывались между собой и приобретали сугубо локальный характер. Реформа логики, начатая Зиновьевым, не только приблизила её к теории эмпирического познания, но и придала самой логике недостающее ей внутреннее единство. Не случайно тема единства логики проходит в той или иной форме почти через все логические работы Зиновьева.

Логика как наука едина. Однако она слагается из множества более или менее частных систем, ни одна из которых не может претендовать на выявление логических характеристик мышления в целом. В этом аспекте современная логика отличается от традиционной логики. Последняя не знала многих «логик». Проблема сведения в единство тех фрагментарных описаний мышления, которые даются отдельными логическими системами, перед нею вообще не стояла.

Интенсивное развитие логики сопровождается расширением и обогащением её аппарата, возникновением новых разделов и систем. Эта дифференциация не должна, вместе с тем, заслонять те идеи и связи, которые превращают непрерывно расширяющееся множество логических систем в единую науку.

Единство логики проявляется прежде всего в том, что входящие в её состав отдельные «логики» пользуются при описании содержательных логических процессов одними и теми же методами исследования. Все эти «логики» отвлекаются от конкретного содержания высказываний и умозаключений и оперируют только с их формальным, структурным содержанием. Каждая из них является системой, применяющей язык символов и формул и строящейся в соответствии с некоторыми общими для всех систем принципами. И наконец, сконструированная «логика» вызывает ряд вопросов, встающих в случае каждой логической системы: нет ли в ней противоречия, охватывает ли она все истины

рассматриваемого рода, разрешима ли она и т. д.

Единство логики проявляется также в том, что разные «логики» не противоречат друг другу: законами одной из них не могут быть отрицания законов, принятых в другой. <…>

Мысль, что современная логика едина, но слагается из большого числа отдельных «логик», если и необычна, то только по форме своего выражения. Сходное утверждение является верным и в случае всякой развитой науки, скажем, физики или математики. Они также слагаются из множества отдельных теорий, только в совокупности и в сложных, динамических взаимосвязях составляющих своеобразное единство, называемое физикой или математикой.

Указанные идеи, касающиеся единства логики, высказывались Зиновьевым ещё в его книге по многозначной логике. В дальнейшем, разрабатывая концепцию комплексной логики, он углубил своё понимание единства логики. Если при конструировании логических систем и прослеживании их многообразных связей друг с другом логика, онтология и гносеология не образуют единого целого, логика неизбежно распадается на совокупность слабо связанных между собою частных систем. В этом случае она постоянно находится под угрозой утраты своего единства.

> *Ивин А. А. Комплексная логика А. А. Зиновьева. С. 90, 91–92.*

Предметом внимания логики являются, согласно Зиновьеву, следующие языковые объекты: высказывания (суждения), термины, логические знаки (логические операторы). Последние передаются в языке специальными словами: «и», «или», «если, то», некоторыми другими. Логические операторы имеют значение не сами по себе, а как элементы в структуре терминов и высказываний. Действия с терминами, высказываниями, а значит, и с входящими в них логическими операторами осуществляются по правилам, устанавливаемым исследователями. Как отмечалось, эти правила не открываются людьми в окружающем мире, а изобретаются ими вместе с конструированием терминов и высказываний, совершенствуются в процессе действий с ними.

Исследователи работают не на пустом месте. Они

обнаруживают определённые виды терминов, высказываний, операторов, правил обращения с ними в качестве эмпирических данных в языковой практике. В этом и только в этом смысле можно говорить об эмпирических истоках логики. Вместе с тем логика обнаруживает ограниченность и несовершенство языкового эмпирического материала. Исследователи осуществляют работу по его совершенствованию. В этом плане логические правила есть не что иное, как определение свойств логических операторов, содержащих их терминов и высказываний.

Логика проводит эту работу независимо от фактически встречающихся языковых средств, что позволяет ей конструировать логически возможные виды терминов, высказываний, операторов, в том числе ещё не употребляющиеся в естественных языках, науке, а также создавать правила для них. Она изучает свойства терминов и высказываний, не зависящие от того, являются ли они терминами, высказываниями физики, химии, биологии, истории, социологии, философии. Нет логики специально для математиков, физиков, историков, филологов. В этом отношении логику можно считать априорной наукой, результаты которой имеют силу для любой предметной области, любой науки, если только в них используются формы выражения языка, идентичные тем, что описаны в логике.

Солодухин Ю. Н. Логическое учение А. А. Зиновьева. С. 146–147.

Зиновьев категорически отвергает мысль о неуниверсальности логических законов, идею зависимости их от области приложения и тем более идею зависимости используемого логического аппарата от уровня развития теории. В конечном счёте речь идёт об априорном характере логики: «…Получив некоторый материал для работы, а также своего рода задание и ориентиры, логика делает своё дело уже независимо от этого материала, исследуя логически возможные случаи и устанавливая для них соответствующие правила. И с этой точки зрения логику можно считать априорной наукой, результаты которой имеют силу для любой науки, если только последняя вводит в обиход элементы языка, подпадающие под описанные в логике типы». <…>

В отдельной главе (в книге «Очерки комплексной логики». М., 2000. — *П. Ф.),* посвящённой универсальности логики, Зиновьев пишет: «Различные сферы мира (предметные области) различаются с точки зрения логических законов, которые используются при их описании. Так, в одних случаях уместна классическая конъюнкция, а в других — неклассическая (упорядоченная). Различие используемых знаков ведёт к тому, что используются различные логические законы. Но это ни в коем случае не означает того, что одни и те же логические законы верны для одной области мира и неверны для другой… Есть одна и только одна логика для любых наук (для любых областей познания)… Существуют различные разделы и направления в рамках одной логики, которые могут стимулироваться потребностями какой-то определённой области конкретных наук и иметь преимущественные приложения именно в них». <…>

Идея универсальности законов логики затронута здесь не случайно. Зиновьев считает эту идею и, соответственно, положение о полной независимости законов логики от опыта важными элементами своей концепции комплексной логики. <…>

Ивин А. А. Комплексная логика А. А. Зиновьева. С. 93–94.

Особого внимания заслуживают работы Зиновьева, посвящённые проблеме логического следования. По сути, он осуществил пересмотр этого главного, базового понятия логики. Пересмотр диктовался насущной необходимостью «приземления» математической логики, приспособления её для обслуживания нужд не только математических, но и эмпирических наук. Для этого требовалось построение теории не только математического, но и любого правильного рассуждения, обоснования теории отношений между посылками и заключением, существующих в любых науках, в том числе науках, базирующихся на опыте. <…>

Оригинальность подхода Зиновьева состоит в том, что он отказался от использования оператора импликации для обозначения логического следования. Вместо неё используется двухместный предикат «Из … логически следует…». По сути, это выражение метаязыка логической системы. Формула логического следования

предстает в нём в виде выражения «Из высказывания X логически следует высказывание У». Метаязык содержит следующее ограничение: следствия не должны содержать переменные, которые отсутствуют в посылках. Тем самым устраняются известные парадоксы, связанные с использованием для введения логического следствия материальной импликации, некоторых других видов импликации. Исходя из этих допущений, Зиновьев выстраивает класс логических исчислений, в совокупности охватывающих целый ряд видов логического следования: сильного, ослабленного, вырожденного, некоторых иных. Для каждого исчисления доказана его непротиворечивость, полнота, разрешимость, независимость, показано отсутствие парадоксов.

Общая теория логического следования стала основой для построения логики кванторов, предикации, классов, нормативной и эпистемической логики, некоторых других логических систем. Каждая из них включает два вида отрицания, а также введённый им оператор неопределённости.

Солодухин Ю. Н. Логическое учение А. А. Зиновьева. С. 141.

Зиновьев в разработке своей теории исходил из принципа: если какая-то проблема оказывается неразрешимой по вине логического исчисления, то это означает, что исчисление построено плохо. В науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики.

Вессель Х. Логика Александра Зиновьева. С. 157.

В мировой логической и методологической литературе нет работ, сравнимых с работой Зиновьева «Логическая физика», которая по-русски была опубликована в 1972 г. и издана на немецком языке в Берлине в 1975 г. под названием «Логика и язык физики» и на английском языке в Дордрехте в 1983 г. Под логической физикой Зиновьев понимает раздел комплексной логики, задача которого — логическая обработка средствами логики (они рассматриваются в предшествующих разделах, упомянутых выше) комплекса языковых выражений, относящихся к пространству, времени, изменению, движению, физическим связям,

причинности и т. д. В отличие от философии и физики, которые точно так же занимаются упомянутыми проблемами, логическая физика выделяет исключительно такие свойства упомянутых языковых выражений, которые могут быть определены в форме логических исчислений. Эти исчисления устанавливают правила оперирования понятийным аппаратом, используемым в эмпирических науках.

Необходимость логической обработки упомянутых языковых выражений очевидна, поскольку вследствие неопределённости и многозначности терминологии и незнания техники построения понятий и оперирования ими возникают многочисленные проблемы, практически неразрешимые без такой обработки. В логической физике физические понятия и утверждения не вводятся как иллюстративные примеры для логики, как это обычно делается, но эти языковые явления впервые логически корректно вводятся в употребление.

На основе понятийного аппарата, разработанного в логической физике, Зиновьев доказывает целый ряд утверждений, которые на первый взгляд представляются чисто эмпирическими гипотезами. Например, он доказал необратимость времени, существование минимальных длин и временных интервалов, минимальных и максимальных скоростей и т. п. Результаты, полученные в логической физике чисто логическим путём, важны во многих отношениях. Например, тут значительно расширена сравнительно со ставшей привычной математической логикой сфера логических исследований. Бесконечные и бесперспективные дискуссии об отношении логики и философии тут подняты на уровень возможности строгой доказательности или опровержимости.

Вессель Х. Логика Александра Зиновьева. С. 158.

О книге А. А. Зиновьева «Логическая физика»

Термин «логическая физика» автор употребляет как название раздела логики, в котором исследуется и эксплицируется терминология, относящаяся к пространству, времени, движению, причинности и т. п. Поскольку этот раздел логики является сравнительно новым и общепринятое его название ещё не сложилось, употребляемое автором выражение является вполне правомерным.

О важности логического анализа терминологии физики и философии науки, указанной выше, говорить не приходится: жалобы на её многосмысленность, неясность и неопределённость стали обычным делом в соответственной литературе (для термина «причина», например, насчитывают более десяти различных значений). И тот факт, что логика всерьёз обратила внимание на обработку этой терминологии сильными средствами современной математической логики, можно только приветствовать.

Рецензируемая книга А. А. Зиновьева является первой фундаментальной работой не только в советской, но и вообще в мировой логике и философии, в которой рассматриваются не отдельные термины и связанные с ними проблемы, а весь комплекс основной терминологии указанного выше типа. Причём автор не просто суммирует разные фрагменты логической физики под одной обложкой. Он полагает (и мы с ним в этом полностью солидарны), что складывающаяся традиция строить «логику времени», «логику причинности», «логику движения» и т. п. имеет серьёзные дефекты, что соответствующие разделы логической физики надо излагать совместно, в корне изменив сам метод построения логической теории. И надо признать, что предлагаемое им построение логической физики является необычайно простым с точки зрения понимания неспециалистами, не перегружено чисто техническими вопросами логики и, вместе с тем, является достаточно полным и детальным. Основные теоремы логической физики доказываются просто и убедительно, не предполагая никаких неявных и сомнительных допущений.

Наиболее интересными и, на наш взгляд, значительными результатами исследования А. А. Зиновьева является анализ гипотез существования минимальных длин, максимальных и минимальных скоростей, квантового строения пространства и времени, квантовой (скачкообразной) природы движения и других, связанных с ними. Здесь автор получил поразительные результаты, доказав, исходя из некоторых очевидных и общепринятых допущений, что указанные гипотезы физики имеют глубокие логические основания.

Следует отметить, что успех автора в решении упомянутых проблем в значительной мере объясняется

тем, что в основу их логического анализа он положил выработанную им нетрадиционную концепцию логики, которая избавила его от множества трудностей, неизбежных в случае применения классической и интуиционистской (традиционной, как говорит автор) математической логики. В книге логическая концепция автора изложена в той мере, в какой это нужно для логической физики, причём изложена просто и ясно с многочисленными примерами и пояснениями.

Книга А. А. Зиновьева «Логическая физика» представляет собою очень серьёзный и значительный вклад в логику и в методологию науки. Книга, вне всякого сомнения, будет прочитана с большим интересом широким кругом лиц, занимающихся и интересующихся методологией науки. Это — первое в отечественной философии и логике систематическое исследование всего комплекса проблем, связанных с техникой построения общей терминологии науки.

Стяжкин Н. И. Отзыв на книгу А. А. Зиновьева «Логическая физика». 17 ноября 1971 //АРАН.

Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1255. Л. 38–40.

Часть логической физики Зиновьева образует эмпирическая геометрия, основы которой опубликованы им в статьях «Очерк эмпирической геометрии» и «О параллельных линиях в эмпирической геометрии» в 1975 г. В ней он определяет совокупность понятий, включая понятия эмпирической точки, эмпирической линии, эмпирической поверхности и эмпирического тела. Эмпирическая точка имеет протяжённость в пространстве больше нуля (в отличие от математической точки), но минимальную. Зиновьев доказал утверждение, что параллельные линии не пересекаются, как теорему эмпирической геометрии. Доказал также утверждение, что любые пространственные измерения свыше трёх логически сводятся к трёхмерности, т. е. всякие спекуляции насчёт каких-то различных миров в разных измерениях в одном пространстве отпадают как логически абсурдные.

Работы Зиновьева по логической физике до сих пор не оценены по достоинству. Более того, они встречают сопротивление при попытках распространения их основных идей и результатов. Они не опровергаются, ибо

попытки их опровержения означали бы предание их гласности. Они просто замалчиваются.

Александр Зиновьев сделал уникальный и неповторимый вклад в развитие науки логики. Его комплексная логика является самой богато разработанной программой логических новаторских исследований. Сегодня наталкивается она на непонимание и препятствование. Думаю, что в ближайшие десятилетия будут делаться многочисленные «открытия» в логике, которые были сделаны Зиновьевым уже в 70-е годы XX столетия. Этот процесс уже начался, как правило — без ссылок на Зиновьева. Однако историческая справедливость будет восстановлена, и Зиновьев займёт достойное место в истории логики как один из самых значительных логиков XX столетия.

Вессель Х. Логика Александра Зиновьева. С. 158–159.

Обращение к проблематике формальной и многозначной логик, а позже работа по созданию собственной комплексной логики со стороны могла показаться отказом Зиновьева от того, что он сделал на страницах своей диссертации. Многие, в том числе «станковисты», так и восприняли провозглашённую им смену курса. Более того, сочли это бегством с поля боя. Мамардашвили утверждал буквально следующее: «Саша Зиновьев вообще выбрал полную зашифрованность, а именно академическое благополучие, кастовую сферу — математику, математическую логику. И одна из причин такого выбора, конечно, был уход от того, что могло оказаться чужой и смертельно опасной борьбой, в область, где есть хотя бы какая-то кастовая академическая защита, как у математиков, которые защищают и оберегают свой мир. И Саша Зиновьев прислонился к этому, в том числе по этим причинам»[303]. Объяснять динамику развития мысли Зиновьева таким образом по крайней мере несправедливо, если не сказать жёстче. Уж в чём нельзя его упрекнуть, так это в трусости. Тем более в области мысли.

«Вспоминая наши с ним беседы начала 60-х годов, — рассказывает Солодухин, — прихожу к выводу, что причиной тому было не только то, что развиваемые им идеи создали для него определённые проблемы (хотя они тоже сыграли свою роль в том, что он обратился к более „спокойной“ в идеологическом плане математической логике). Основная причина ухода из сферы диалектической логики заключалась в том, что Зиновьев разочаровался в марксистском учении. Оно оказалось не в

состоянии дать достоверное описание и внятное объяснение тому, что имело место в советской действительности, в мировом развитии в целом. Что в немалой степени было обусловлено, по мнению Зиновьева, методологической слабостью марксизма. Маркс не смог, считал он, полностью преодолеть мистифицированный характер гегелевской диалектики, превратить её в инструмент продуктивного исследования эмпирических фактов и зависимостей. Его диалектический метод носил, в сущности, столь же спекулятивный характер, что и диалектика Гегеля»[304].

Зиновьев не отступил, а углубился. Он «переболел» Марксом и двинулся дальше. Он уже не нуждался в опоре на его сочинения. «Я почувствовал, что могу идти своим путём и добиться своих результатов, и хотел, чтобы мои результаты выглядели именно как мои собственные, а не как интерпретация и пересказ чужих»[305]. Песочница «Капитала» стала ему тесна.

Его академическая карьера в 1960-е годы невероятно успешна и стремительна. Вклад Зиновьева в разработку логической науки получает официальное признание в СССР и за рубежом.

С 1960 года он — старший научный сотрудник Института философии.

В 1961-м начинает читать спецкурс на философском факультете МГУ.

13 ноября 1962 года *единогласным решением* Учёного совета Института философии в составе академиков АН СССР М. Б. Митина, П. Н. Федосеева, членов-корреспондентов АН СССР М. Э. Омельяновского, Ю. П. Францева, докторов наук Ф. Т. Архипцева, Г. Е. Глезермана, Г. А. Курсанова, В. Н. Колбановского, А. Д. Макарова, А. Н. Маслина, А. Ф. Окулова, М. Ф. Овсянникова, Г. В. Платонова, А. Г. Спиркина, В. П. Черткова Зиновьеву присвоена научная степень доктора философских наук за исследование «Логика высказываний и теория вывода»[306]. Официальными оппонентами на защите докторской диссертации выступили доктор физико-математических наук Софья Александровна Яновская, доктора философских наук Валентин Фердинандович Асмус и Игорь Сергеевич Нарский[307]. Утверждён решением ВАК. 14 июня 1963 года (диплом доктора наук МФС № 000051).

В 1963-м в Голландии и в Польше в переводе на английский и польский языки выходит книга «Философские проблемы многозначной логики».

Он руководит аспирантами. Неоднократно приглашается в качестве официального оппонента при защите кандидатских и

докторских диссертаций.

В 1966 году ему присваивается звание профессора.

В 1967-м, продолжая работу в Институте философии, становится заведующим кафедрой логики МГУ.

В 1968-м входит в редколлегию журнала «Вопросы философии». В Берлине и в Базеле в переводе на немецкий язык издана переработанная и дополненная редакция книги «Философские проблемы многозначной логики» («Über mehrwertige Logik»).

В 1969-м введён в состав Учёного совета по проблемам диалектического материализма Института философии АН СССР[308].

Его ситуация была парадоксальна. Он работал в советском государственном идеологическом учреждении. Его исследования включались в план этого учреждения. Он получал в этом учреждении зарплату (кстати, со временем — очень значительную, в несколько раз превосходившую среднюю зарплату советского служащего). При этом он шёл своим путём. Работал в соответствии с внутренней потребностью и с собственным пониманием целей и задач. Так, будто бы он был совершенно свободен и независим в их выборе. Точно он сам себе институт. Сам по себе. Более того, он демонстративно игнорировал идеологическую догму советской системы — марксизм. Его плановые работы не укладывались в номенклатуру диалектического материализма. И тем не менее находили официальную поддержку. Финансировались. Рекомендовались к печати. Издавались!

Он, формально будучи подотчётной академической единицей, в реальности руководил исследовательским процессом, направлял движение научной мысли. Как? Почему? Может, он хитрец, ловко повернувший в свою пользу обстоятельства? Но какие такие обстоятельства? Он не был обласкан начальством. Не состоял с ним в родстве или дружбе. (Примечательно, когда Копнин стал директором института, то первым делом дистанцировался от Зиновьева.) Не заискивал. И сам никогда не был начальством. И партия не ратовала за комплексную логику устами генерального секретаря. Секрет прост. У него, в отличие от большинства сотрудников института, была эта *научная мысль.* И речь не о том, что окружавшие его коллеги были глупее или необразованнее его. Нет, отнюдь. Они тоже были учёными, специалистами, профессионалами. Но их мысль (большинства из них) была не столько научной, сколько наукоподобной. Науковидной. Наукообразной. А у иных так и вовсе — наукобезобразной. Науконевидной. Их больше волновала не

наука как таковая, чистое знание, путь к истине, а их личное положение в этой науке, их авторитет, влияние, имидж. Они могли даже не всегда отдавать себе в том отчёт. Это было в крови. В их человеческой природе. Они всегда *соотносили* свои «научные интересы» с «научными интересами» руководства. Он же свои научные интересы *делал* «научными интересами» руководства. Международное признание, конечно, тоже помогало.

Надо отдать должное: у руководства, даже самого идеологически кондового, хватало чутья и понимания того, что подлинная научная мысль, носителем которой был, в частности, Зиновьев, институту нужна. Пусть не на каждый день, но — про запас. Для отчёта. Для рапорта. Даже в целях пропаганды. Коммунизм, кстати, научный! Не надо забывать! И без реальной науки, на одной наукообразности далеко не уедешь. И конкурентов при случае будет чем уесть. И тому же Западу нос утереть, когда понадобится. Дело несколько рискованное, так как не совсем по правилам советской жизни, но… Под чутким руководством… А оно ведь чуткое, руководство-то! Оно на то и руководство ведь, чтобы быть чутким! Короче, пусть пока… В хозяйстве пригодится!

Его ситуация была *счастливой.*

Став учёным, он не перестал быть мыслителем. Строгая наука изначально была нужна ему только как инструмент познания. Предметом его исследования была не логика, а социальная действительность. Его интерес был сосредоточен на живой жизни, а искусственный аппарат логики привлекал внимание лишь по необходимости. Логикой он занимался в стенах института. Жизнь волновала его повсюду. Везде и всегда. Круглосуточно. Ежеминутно. Он никогда не переставал размышлять о ней. В своём аспекте.

Человек эпохи уникальных социальных преобразований, он не мог оторвать взгляда от мира людей. Как никогда прежде в своей истории человечество деятельно и с энтузиазмом экспериментировало над собой. Происходившие в его стране тектонические сдвиги и деформации самих основ социального бытия отзывались в нём настойчивым желанием охватить их умом, познать и подчинить рассудку. Укротить пылающую стихию, дав ей имя и смысл. Он ощущал в этом своё призвание. Он чувствовал ответственность. Он готов был нести этот крест.

Он не уставал думать о том способе организации общественной жизни, который формировался в советской действительности. Тем более, что все кругом только об этом и говорили — с партийных трибун, на страницах газет, в книгах, на подмостках театров, с экранов кинотеатров, в повседневной

жизни, на прогулках, во время перекуров, за бутылкой водки. Говорили безудержно. С пафосом, с учёным видом, с убеждённостью. С иронией, ухмыляясь, с презрением. Сравнивая с прошлым, противопоставляя Западу, ориентируясь на будущее. Говорили разумно, по делу, доказательно. Сбивчиво, бессмысленно, несли околесицу. Хотели разобраться, выполняли задание партии, делали карьеру, плакались в жилетку. Одобряли, прославляли, радовались. Обличали, ужасались, ненавидели. Советская страна неустанно, в миллионы голов, осознанно и невольно, думала и говорила о себе, о своём устройстве, о своих возможностях и перспективах. Как подросток, каждый день глядящийся в зеркало, любуясь и страдая.

Он внимательно всматривался в лицо, облик, повадки, жесты этого неуклюжего и агрессивного социального недоросля. В его осанку и походку. В привычки, способности, навыки. В добродетели и пороки. Вслушивался в его слова. В голос. В дыхание. Не оставлял без внимания ни одну деталь. Ни одну мелочь.

«Институт философии с точки зрения понимания и описания советского общества давал мне как будущему писателю колоссальные преимущества, — признавал впоследствии Зиновьев. — Мне не было надобности ездить по стране и приглядываться к тому, как живут люди в её различных краях. Мне не было надобности самому проникать в разные учреждения и делать карьеру. Информация о жизни страны во всех её районах, во всех её социальных слоях и во всех её разрезах стекалась по самым различным каналам в наши философские круги и обсуждалась тут. Причём приток этой информации и вся интеллектуальная работа по её осмыслению фактически не имела никаких идеологических и политических ограничений, пока дело касалось наших замкнутых кругов. Наблюдающий и думающий человек мог иметь при желании любую информацию и мог обсудить её на любом уровне научной объективности. Моя деятельность по изучению советского общества облегчалась благодаря этому колоссальным образом»[309].

В его голове шёл неостановимый процесс наблюдения и анализа действительности. Став учёным, он не перестал быть творцом. Он создавал эффективную методологию познания социального мира. Мысленно обрабатывал каждый факт. Вычленял объекты. Выстраивал связи. Организовывал систему.

О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый

Тебя стремит, тебя мятёт?[310]

На шестидесятые годы приходится расцвет его личности. Его *акмэ*.

Ему удаётся одолеть демон алкоголя, который преследовал его злым искусом с военных лет. Это был тяжёлый морок, тянувшийся почти два десятилетия. До войны он пил лишь однажды. В шестнадцать лет угостили колхозные мужики. Тогда появилась убойная пятидесятишестиградусная водка. Налили целый стакан с верхом. Он задиристо опустошил его зараз. Тут же его всего вывернуло. А мужики перепились до драки, так что пришлось разнимать.

В армии и в училище случалось выпивать, но редко — обстоятельства не позволяли, да и потребности не было. По-настоящему всё началось на фронте. «Боевые» сто граммов снимали стресс, но они же и затягивали в алкоголизм.

Ещё безудержней были послевоенные годы. И в победном сорок пятом, на освобождённых-оккупированных территориях, и в Москве, в студенчестве, в аспирантуре.

И потом ещё. Вплоть до 1963 года.

Демон был лукав и обольстителен. В полунищей, неприкаянной обстановке сороковых — пятидесятых годов выпивка скрашивала жизнь, придавала ей красочности, задора. Тем более что это не было угрюмое запойное пьянство. Собирались компанией, скидывались грошами и бродили от одной точки к другой, философствуя, озоруя, смеясь. Все как на подбор умники и хохмачи. И он среди них — суперхохмач и суперумник.

Среди обильного питья
И очень скудного обеда
Украсит серость бытия
Объемлющая всё беседа.

Смех. Крики. Слов сплошной сумбур.
Мычанье пьяных шалопаев.
Вдруг — виртуозный каламбур
И анекдоты про Чапая.

То вдруг без ведомых причин
Застольный крик смолкает сразу.
В тиши торжественно звучит
Глубокомысленная фраза.

То вспыхнет спор из пустяка,
А то слезу любви размажут.
Вот так и тянется, пока
Вон выметаться не прикажут.

Как жаль, что надо уходить,
Как расставаться неохота!
Давай ещё часок бродить,
Плевать, что ждёт чуть свет работа![311]

«Особенности наших пьяных компаний были таковы, — рассказывал он пятьдесят лет спустя в эксклюзивном интервью глянцевому таблоиду „Водка“, — мы постоянно находились в движении. Такого, чтобы сидеть на одном месте до упора — почти не было. Например, мы шли по Мясницкой, с выходом к Покровке, к Чистым Прудам. Там тоже на каждом шагу были какие-нибудь питейные заведения. Самые мои любимые выпивки заключались в следующем — договаривались с приятелями встретиться часов в девять-десять утра, и мы загадывали: будем ходить до полуночи. Иногда сил хватало на посещение пяти-шести точек»[312]. Демон кружил их по городу в пьяном вихре, завораживал.

У них были свои любимые места. Своя «Москва кабацкая».

Легендарный пивной бар № 1 на Горького, позже переделанный в воспетое Макаревичем кафе «Лира». Сейчас на этом месте «Макдоналдс» на Тверской. Тоже уже легендарный — первый в России. Тьфу! Сюда, в бар № 1 на Горького, а не в «Макдоналдс» на Тверской, заглядывали частенько. Места «сидячие» и публика приличная. Закуска неплохая, раки, свежее пиво.

Напротив телеграфа существовало безалкогольное кафе, где можно было взять вкусный бульон с расстегаями, блины, блинчики и тому подобное. Несмотря на «безалкогольность», выпивка «своим клиентам» здесь тоже подавалась. А они были завсегдатаями!

Одно из любимых мест — ресторан «Арагви». В него проложили дорожку ещё в студенческие годы, а уж когда стали что-то зарабатывать, то и подавно! Прекрасная кухня, грузинское гостеприимство, вино — рекой.

Хорошо было и в «Пекине», на Маяковке: множество буфетов на разных этажах, на первом — ресторан, где любили бывать московская богема и иностранцы. Один из буфетов работал даже

за полночь. Страна оживала после страха и разрухи. В моду входили банкеты. Их устраивали по любому поводу. Стоило это небольших денег, но доставляло много радости. «Пекин» был отличным местом для банкетов.

Много было выпито в «Национале». И пусть днём его ресторан превращался в столовую, они никогда не оставались «сухими». Несмотря на регулярно проходившие в те годы антиалкогольные кампании, ограничивавшие время продажи спиртных напитков, у них никогда с этим проблем не возникало. Их знали в лицо и даже разрешали пить принесённый с собой продукт. Но, как правило, они заказывали по стакану сока или газированной воды и официанты приносили водку.

Конечно же, гостиница «Москва»! В ней также множество буфетов на разных этажах. На первом — кафе, на третьем — ресторан, на седьмом — прославленное среди любителей выпить кафе «С птичьего полёта». Столики на открытом воздухе, на балконе. Видна вся Москва — от Кремля «до самых до окраин»!

Если почему-либо свободных мест в «Национале» и «Москве» для них не находилось или с деньгами туго, шли на Лубянку. Там, сразу за станцией метро «Дзержинская», прямо напротив здания КГБ, лицом к лицу с бронзовым «железным Феликсом» была «Закусочная». С пивом. Правда, места стоячие. И сотрудники охранного ведомства тоже тут. Хоть и частным образом, а всё — при деле. Не дремлют. Лишнего лучше не болтать.

А ещё, рядом, на Пушечной, пивбар № 2. Везде хорошо!

По случаю 800-летия Москвы как-то сострил, мол, на месте, где памятник Юрию Долгорукому, давным-давно было сколочено из досок первое питейное заведение. Вокруг него стали селиться алкаши. «Отсюда есть пошла…»

Одно время снимал комнату на Беговой, рядом с ипподромом. Любил заглядывать в ресторан для игроков. Здесь всегда подавали жареных рябчиков! Единственное «буржуйское» — как там, у Маяковского, «ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй» — место в Москве. Слава Богу, не последний! Да и какие из них буржуи!

«Буржуи» пьют умеренно и аккуратно. Они же — до последнего края. До последнего рубля. «Мы никогда не копили денег, — вспоминал он. — Всё, что зарабатывали, тут же прогуливали. Как-то раз получили гонорары и, когда уже все рестораны в Москве закрылись, решили лететь куда-нибудь, где винные магазины уже открылись. А в нашей компании был один будущий академик, журналист-международник Саша Бовин, Боря Шрагин, известный диссидент и брат спортивного комментатора Виктора Шрагина. Прилетели мы в Новосибирск, все деньги там

прогуляли и на обратную дорогу одалживали у кого-то из тамошних знакомых. Мы и в карты играли. Всё, что выигрывали, распихивали по карманам и шли гудеть. Поили всех, кто тогда находился в кафе. Всех поили, а сами одеты были чёрт знает как. Тут раскрывался русский характер — непомерная щедрость. <… > Что-то накапливать и обарахляться в те годы никому даже в голову не приходило»[313].

Вели они себя достаточно миролюбиво. Всё больше разговоры разговаривали. Иногда, конечно, случались приключения. Как же без них! Однажды подрались с компанией офицеров Генштаба. Сыр-бор разгорелся из-за папахи. Кто-то из них, самый задиристый, припрятал одну для смеха. До этого компании просто пикировались, а тут такая наглость! Поднялся шум, вызвали милицию и всех, в том числе подгулявших полковников, повели «на воздух»[314]. Другой раз, «погуляли как-то знатно в одном милом местечке и решили добавить. Примчались в ресторан „Нарва“, был такой на Самотёке. А он закрывается. Мы — рваться и буянить. Вызвали милицию. Нас забрали, привезли в отделение, а там такими буянами все камеры переполнены. Нас заперли в каменном сарае во дворе за отделением. Сидим. Грустим. И вдруг меня как током шибануло: „Я вас, дети мои, выведу!“ Подошёл, толкнул дверь со стороны петель, она отворилась, и мы спокойно ушли. Как это произошло — до сих пор ума не приложу!»[315]

Когда он выпивал, его мозг, и без того работавший с изумляющей силой, превращался в неукротимый реактор смыслов. Угостить его все и всегда были рады. Его харизматичность свободно конвертировалась в любой алкогольный напиток. Пиво. Водку! Шампанское!!! Денатурат… Вспоминая те загульные времена, в романе «Иди на Голгофу» он наделит своего героя-протагониста, пьяницу и проповедника Ивана Лаптева, свойством, которое было ему хорошо знакомо из личного опыта: «Я никого не уговариваю на выпивку и никого не собираю. Мне достаточно просто появляться в местах, где я могу быть замечен. При виде меня пьяницы бросают все дела и твёрдо решают „поддать“, у выпивающих появляется идея „А не заложить ли сегодня?!“, переходящая в намерение „наклюкаться“, а трезвенники впадают в мрачное рефлектирующее состояние, выражаемое формулой „Жизнь уходит, а я, как идиот, пью только молоко и чай! Почему я должен отказываться от радостей жизни?! К чёрту! Эх, и надерусь же я сегодня!“»[316]. Он был богом попоек. Легендой. Как некогда Есенин. Как чуть позже Высоцкий и Зверев.

В этих пьяных «забегах» по Москве, в многочасовых застольных беседах, в разнообразии встреч и лиц он продолжал

быть социальным исследователем, накапливал уникальный эмпирический материал, узнавал эксклюзивные факты, получал информацию из самых разных сфер и сред. В своих монологах, шутках, экспромтах он обрабатывал услышанное и увиденное, систематизировал, уточнял, обнаруживал связи. Пьянство, как когда-то армейская служба и война, открылось для него в качестве лаборатории социального эксперимента. Алкоголь упрощал людей, смывал с них искусственные и случайные социальные черты, проявлял общие законы коммунальности. До тех пор, конечно, пока не превращал человека в животное. Но и здесь было над чем задуматься.

Он изобрёл науку *пьянологию*. Он вычленил структуру пьющего братства. На низшей ступени — выпивающие. Немножечко, на праздник, при случае — 1-й, 2-й, 3-й степени, высшей степени. Выпивающие спорадически, выпивающие случайно, выпивающие регулярно. Далее идут пьющие. Они пьют больше и чаще и совсем иначе. Выпивающий выпивает по праздникам и поводам, а пьющий поводами и праздниками не связан. Ещё более высокая ступень — пьяницы. Они бывают разных степеней, вплоть до горького пьяницы. Ну и высшая ступень — *Жрецы Пьянства*. Они становятся своего рода служителями Пьянства. Себя он относил к высшей категории[317]. И вообще считал, что для русского человека пьянство — своего рода национальная религия. Русский человек пьёт не для того, чтобы получить удовольствие, а чтобы, напротив, страдать, обрести некий экзистенциальный опыт, погибнуть в смертельном запое, чтобы наутро испытать чудо воскресения, восстание из ада. Счастье жить. «Каждый раз, очухавшись от перепоя и чувствуя отвратность во всём организме и в мыслях, человек ощущает себя так, как будто он избежал смертельной опасности, вернулся с опасного для жизни боевого задания, случайно уцелел после страшного сражения»[318].

Не спорю, было. Мы запоем пили.
Здоровье гробили. Таланты зря губили.
Вздыхали, видя мрачность перспективы
И невозможность сущему иной альтернативы.
И всё же дела суть была совсем не в этом.
Мы тем путём влеклись к божественному свету.
Нам были наши пьяные бессмысленные бредни,
Что праведнику чистые причастья и обедни.
Нам в души мутные пропойцы лишь вникали.
И их грехи мы сами щедро отпускали.
Вам всем казалось, что мы просто в стельку пьяны.

Мы ж Небо зрили через дно гранёного стакана.
Трубой архангела гремела нам бутылка
И просветляла нас от пяток до затылка.
Жаль, не поймёте вы: в конце концов
Исповедали этим мы религию отцов[319].

Демон поддакивал и тащил в пропасть.

Всё труднее становилось воскресать. Всё тяжелее возвращаться к жизни. «Живой и остроумный в компании, окружённый вниманием всех девиц Института, видевших в нём завидную партию, он становился невыносим после первых же выпитых рюмок и не мог успокоиться, пока не уничтожал всё наличное спиртное, — вспоминал те годы А. В. Гулыга. — Он приходил в Институт в неприглядном виде и казался потерянным человеком»[320]. Его пытались образумить. Осуждали. Прорабатывали на собраниях. Объявляли выговоры. Предлагали лечиться. Водили к врачам. Но всё бессмысленно, если человек не хочет сам избавиться от своего врага.

Зимой 1963-го наступил предел. Шёл его сорок первый год. Он переживал глубокий душевный разлад. Пил зло, бессмысленно и безразлично. Почти неделю не приходил в сознание. Не чувствуя стужи, валялся на полу с открытым настежь окном. Погибал. Но не погиб. Спасли ли молитвы матери или то была зиновьевская, карамазовская жажда жизни, уже никто на это не ответит. Но, выйдя из пике, он решил завязать. Воскреснуть всерьёз. Без шуток. Он вышвырнул на мороз своего демона и закрыл створки. И двадцать лет держал запертыми. *Его* сорок первый стал победным.

Окружающие не могли поверить. Родственники — нарадоваться. Собутыльники недоумевали.

Это был грандиозный подвиг воли. Торжество разума над природой.

Триумф восхождения.

Он начал наводить порядок в себе.

Вернулся к нормальному распорядку жизни. Обновил одежду. Стал правильно питаться. По утрам делал зарядку, комплекс упражнений для которой разработал сам. По возможности занимался спортом.

Оформил развод.

Вошёл в размеренный рабочий ритм. Написал для сборника «Проблемы логики научного познания» большую статью «Логическое и физическое следование», в которой предложил

новый аспект применения логики в сфере естественных наук[321]. В сходном ключе выступил на совместной конференции Института философии с Объединённым институтом ядерных исследований в Дубне «Методологические проблемы современной физики»[322].

Он продолжал много общаться. Бывал в компаниях. В гостях. Ходил с коллегами в походы — на природу в ближнее Подмосковье. С удовольствием участвовал в подготовке очередных выпусков институтской стенгазеты «Советский философ». Рисовал карикатуры и шаржи. Писал к ним смешные подписи.

Первое время его трезвый образ жизни вызывал разговоры, но потом все привыкли. Нашли понятные всем объяснения и успокоились. И даже порадовались: вот и Зиновьев стал *как все.*

Но внутри него шла другая работа. Общение, наука, искусство представляли для него ценность лишь как способы самореализации. Как формы проявления личности. Но что это за личность? Кто он? Как он живёт? Каковы его ценности и идеалы?

В нём уживалось множество Я. Целый конгломерат личностей. Я здравомыслящее и Я безумное. Я рациональное и Я интуитивное. Я искушённое и Я простодушное. Я целеустремлённое и Я беспечное. Я миролюбивое. Я яростное. Я любящее. Я ненавидящее. Я одиночки и Я «душа компании». Я атеиста и Я верующего. Я созидающее. Я разрушающее. Я-профессор и Я-хулиган. Я страдающее. Я ликующее. Я мизантропа. Я оптимиста. Я и не-Я. Я ли?

Эти Я жили сложной и драматичной жизнью. Вступали в союзы друг с другом, враждовали, спорили, перечили, насмехались, поздравляли. Плодились и размножались. Шли парами и поодиночке. Параллельными курсами. В сторону друг от друга. В разных направлениях. Падали. Возносились. Кружили хороводы. Сплетались в ДНК.

…Я Царь — я раб, я червь — я Бог…

Одно *я* восходило от абстрактного к конкретному. Другое *я* занималось логическими исчислениями. Третье рассказывало анекдот. Четвёртое писало стих. Пятое рисовало карикатуру. Шестое пило. Седьмое напевало. Восьмое слушало. Девятое полемизировало. Десятое наставляло. Одиннадцатое за всем наблюдало. Двенадцатое обобщало. Прочим тоже было чем заняться. Без дела не сидели. Не унимались. И все — одновременно. Каждое с претензией на первенство и главенство. На свой голос.

О себе он, кажется, думал с момента своего рождения. Во всяком случае, в школьном возрасте он уже остро осознавал свою индивидуальность, а с юношеских лет саморефлексия — самоедство плюс самолюбование, самолюбование минус самоедство, самоедство, помноженное на самолюбование, самолюбование, разделённое на самоедство, самоедство равно самолюбие — была главным двигателем его жизненных исканий. Ему было интересно с самим собой. Собственно, и о мире, его окружавшем, он задумался именно потому, что это был мир, окружавший его, Александра Зиновьева. И думал о нём всю жизнь только поэтому. И чем дальше, тем больше приходил он к мысли о своей личной непричастности к этому миру. Своей неотмирности. И жил так. Самостоятельно. Поперёк мира. Удивляя и пугая. (Кстати, отказаться от участи пьяного гения было тоже поперёк мира, а отнюдь не вдоль, как они подумали.)

Так кто же он, Александр Зиновьев?

Он — суверенное государство.

К такому определению он придёт чуть позже, но концепция собственной личности как независимого от социума индивида сформировалась у него в первой половине шестидесятых годов. Тогда же он сформулировал те жизненные правила, которые сложились у него в практике общения с миром, которые он открыл в себе, общаясь с людьми, которые помогли выжить и стать тем, кем он стал.

Он будет потом писать и говорить о них неоднократно. Если всё суммировать и разложить по пунктам, то получится настоящая *конституция.*

КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья 1. Александр Александрович Зиновьев, 1922 года рождения, мужчина, есть суверенное государство.

Статья 2. Выбирай путь, который свободен или по которому не идут другие. Уходи как можно дальше вперёд по своему пути. Если этим путём пошли многие, смени его — этот путь для тебя ложен.

Статья 3. Истину говорят одиночки. Если многие разделяют твои убеждения, значит, в них есть удобная для них идеологическая ложь.

Статья 4. Не действуй от имени и во имя других. Думай о последствиях своих действий для других — ты за них (за последствия) в ответе. Благие намерения не оправдывают плохие последствия твоих действий, хорошие последствия не

оправдывают дурные намерения.

Статья 5. Будь хорошим членом коллектива, но не растворяйся в нём. Не участвуй в интимной жизни коллектива. Не участвуй в интригах, в распространении слухов и клеветы. Не делай жизнь коллектива своей личной жизнью. Стремись занять в нём независимое положение, но не нарушая своих принципов.

Статья 6. Что касается прочих объединений и коллективных действий — уклоняйся. Не вступай в партии, секты, союзы. Не присоединяйся ни к каким коллективным акциям. Если участие в них неизбежно, участвуй в них как автономная единица, не поддавайся настроениям и идеологиям толпы, действуй в силу личных убеждений. Делай это как своё личное дело, а не как дело других.

Статья 7. Не участвуй во власти. Не участвуй в спектаклях власти. Игнорируй всё официальное. Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но не уступай ей. И ни в коем случае не обожествляй власть. Власти не заслуживают доверия даже тогда, когда стремятся говорить правду и делать добро. Они лгут и делают зло в силу своей социальной природы.

Статья 8. Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет её.

Статья 9. В случае выбора «быть или слыть» отдай предпочтение первому.

Статья 10. Надо жить в состоянии постоянной готовности к смерти. Каждый день надо жить так, как будто он последний.

Статья 11. Постарайся жизнь закончить так, чтобы после тебя ничего не осталось. Малое наследство вызывает насмешки и презрение. Большое наследство порождает злобу и вражду наследников. Любое наследство оставляет людям хлопоты. Старайся уйти так, чтобы никто не обратил внимания на твой уход и чтобы люди не злились на то, что после тебя остался мусор и нужно очистить мир от твоего пребывания. Ты явился в мир незваным и уйдёшь неоплаканным. Не завидуй остающимся: их ждёт та же участь.

Глава 2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Статья 12. Отвергай стремление к материальному благополучию, но не настаивай на отказе от него.

Статья 13. Лучше не иметь, чем терять. Сумей жизнь построить так, чтобы иметь не имея. Установи, обладание чем означает одновременно отсутствие его.

Статья 14. Установи, в чём можно свести потребности к минимуму и в чём развить до максимума. Причём с минимальными затратами и максимальным успехом.

Статья 15. Не приобретай того, без чего можно обойтись.

Статья 16. Учись терять. Учись оправдывать свою потерю и находить ей компенсацию.

Статья 17. Для подавляющего большинства нашего населения убогий быт и дефицит всего того, что приносит удовольствие, даны на века. Думай о том, как к этому приспособиться, чем это компенсировать. Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, — развить духовный мир и культуру духовного общения.

Глава 3. СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРА

Статья 18. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Счастье есть плата за самоограничение, есть результат самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь своё «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолётная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой.

Статья 19. Будь добросовестным работником. Будь во всём профессионалом. Будь на высоте культуры своего времени. Это даёт какую-то защиту и внутреннее ощущение правоты.

Статья 20. Избегай карьеры. Если она делается помимо воли, останови её, ибо иначе она разрушит твою душу.

Статья 21. В творчестве главное не успех, а результат. Оценивай себя с точки зрения того, что нового ты внёс в данную сферу творчества. Если чувствуешь, что не способен сделать что-то новое и значительное, оставь эту сферу и уходи в другую, что бы ты ни терял при этом.

Статья 22. Не поддавайся массовому мнению, массовым увлечениям, вкусам и модам. Вырабатывай свой вкус, своё мнение, свой путь.

Статья 23. Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Сумей устоять против этой эпидемии, и ты поймёшь, в чём состоит истинное наслаждение жизнью — в самом факте жизни.

Статья 24. В проблеме продолжительности жизни главным является не число прожитых лет, а само ощущение длительности бытия. Можно прожить биологически долгую жизнь, как миг, а биологически короткую, как вечность. Только богатая внутренняя жизнь даёт ощущение длительности жизни внешней.

Статья 25. Если хочешь сохранить молодым своё тело, позаботься о молодости духа. Вечная молодость есть прежде всего

состояние духа.

Статья 26. Избегай скабрезности, пошлости, цинизма, грязных слов. Душевная чистота и непорочность приносят человеку неизмеримо больше наслаждения, чем житейская грязь и пороки.

Статья 27. Будь сдержан с женщинами. Если можешь избежать связи, избеги. Не поддавайся общей сексуальной распущенности. Сохрани в себе чистое романтическое отношение к любви, если даже в реальности видишь грязь и окунаешься в грязь.

Статья 28. Не болей. Лечись сам. Избегай врачей и медицины.

Статья 29. Регулярно делай физические упражнения. Но соблюдай меру. Чрезмерность и тут вредна, как и недостаточность. Разработай систему упражнений, которые можешь выполнять в любое время и в любых условиях, и делай их каждый день, что бы ни случилось.

Статья 30. Тело съедают незримые бактерии. Душу съедают мелкие заботы и переживания. Не допускай, чтобы мелочи жизни овладели твоей душой.

Статья 31. Презирай врагов своих. Делай вид, что они для тебя не существуют. Игнорируй их — они недостойны твоей борьбы с ними. Ни в коем случае не люби их — этого они тем более недостойны. Избегай быть жертвой твоих врагов и избегай того, чтобы они были твоими жертвами. Не персонифицируй своих врагов. Считаешь ли ты комаров и мух, кусающих тебя, врагами?! А гнилостные бактерии и черви?.. А они ведь уничтожают тебя! Отнесись к врагам, как к комарам и мухам, как к гнилостным бактериям и могильным червям.

Статья 32. Жизнь можно построить так, что физическое старение придёт как нечто естественное, не вызывая ужаса старости и смерти.

Статья 33. Постарайся дойти до могилы на своих двоих, не причиняя другим хлопот. Лучше умереть здоровым, чем больным.

Статья 34. Лучше умереть в драке или в какой-то катастрофе.

Глава 4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Статья 35. Человек одинок. Твой жизненный путь пролегает так, что ты лишь внешне и случайно соприкасаешься с другими людьми, причём без взаимного проникновения душ. Одиночество есть норма жизни, её неизбежность, состояние, имеющее свои неоспоримые достоинства: независимость, беззаботность, созерцательность, презрение к потерям, готовность к смерти.

Статья 36. В каждом человеке признавай такое же суверенное государство, каким считаешь себя, причём независимо от его

социального положения, возраста, пола, образования. Относись к людям не по рангам, не по богатству, не по известности и не по полезности для тебя, а по тому, до какой степени и как у них развито их «я» и их душа, каково их поведение в обществе.

Статья 37. Относись ко всем с уважением. Будь терпим к чужим убеждениям и слабостям.

Статья 38. Не смотри ни на кого свысока, если даже человек ничтожен и заслужил презрение.

Статья 39. Воздай каждому должное. Гения назови гением. Героя назови героем. Не возвеличивай ничтожество. Не злорадствуй.

Статья 40. Сохраняй личное достоинство. Держи людей на дистанции. Сохраняй независимость поведения.

Статья 41. Не унижайся, не холуйствуй, не подхалимничай, чего бы это ни стоило.

Статья 42. С карьеристами, интриганами, доносчиками, клеветниками, трусами и прочими плохими людьми не будь близок. Из общества плохих людей уйди.

Статья 43. Не привлекай к себе внимания.

Статья 44. Не поддавайся власти славы и известности. Лучше быть недооцененным, чем переоцененным. Помни о том, кто судьи и ценители. Лучше один искренний и адекватный тебе ценитель, чем тысячи ложных.

Статья 45. В борьбе предоставь противнику все преимущества. Никому не становись поперёк дороги. Никому не мешай. Не обгоняй. Не соревнуйся. Не конкурируй.

Статья 46. Если можешь обойтись без чужой помощи, обойдись. Свою помощь не навязывай.

Статья 47. Обещай, если уверен, что сдержишь обещание. Пообещав, сдержи обещание любой ценой.

Статья 48. Не обманывай. Не хитри. Не интригуй.

Статья 49. Обсуждай, но не спорь. Беседуй, но не разглагольствуй. Разъясняй, но не агитируй. Не поучай. Если не спрашивают, не отвечай. Не отвечай больше того, что спрашивают.

Статья 50. Не насилуй других. Насилие над другими не есть признак воли. Лишь насилие над собой есть воля.

Статья 51. Не заводи слишком интимных отношений с людьми. Не лезь к другим в душу, но и не пускай никого в свою. Привязывайся к людям в меру, чтобы потери не были катастрофичными.

Статья 52. Даже в самом хорошем человеке сидит подлец, который может заявить о себе в случае ослабления или отсутствия контроля — отсутствия внешнего и внутреннего судьи

его поведения. Так что нельзя доверяться людям полностью. Их нужно ставить в такие условия, чтобы они сделали то, что тебе нужно, не ради тебя, а ради себя. Надо всегда принимать во внимание то, что они могут тебя подвести, обмануть, сделать тебе пакость.

Статья 53. Враги человека, говорил Христос, суть ближние его. Они могут причинить тебе самые болевые удары, поскольку ты меньше всего этого ожидаешь от них, а они, зная тебя и рассчитывая на близость, меньше опасаются расплаты за свои подлости.

Статья 54. Ты живёшь непонятый другими и умрёшь непонятым. Это общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живёт достойно человека. Смерть и забвение исправляют все «несправедливости» в этом отношении.

Глава 5. ЗАЩИТА СУВЕРЕНИТЕТА

Статья 55. Не позволяй другим насиловать тебя.

Статья 56. Избегай ситуаций, в которых ты можешь быть обманут.

Статья 57. Сопротивляйся превосходящей силе любыми доступными средствами.

Глава 6. СУД И АРБИТРАЖ

Статья 58. Не совершай ничего противозаконного.

Статья 59. Вини во всём себя. Если у тебя выросли жестокосердные дети — ты воспитал их такими. Если тебя предал друг — ты виноват, что доверился ему. Если тебе изменила жена — ты виноват, что дал ей возможность измены. Если тебя угнетает власть — ты виноват, что внёс свою долю в её мощь.

Статья 60. Некое высшее существо (Бог), которое было бы абсолютно справедливым, видело бы всё и всё понимало бы правильно, не существует. Значит, ты сам должен выполнять роль такого высшего судьи. Принципиальной разницы между моим личным богом и Богом как творцом всего сущего и высшим судьёй всего происходящего нет, ибо ты в качестве своего бога сам сотворил свою Вселенную и сам установил её законы[323].

Сдружившийся с ним в ту пору молодой ассистент кафедры логики философского факультета МГУ Юрий Солодухин вспоминает: «Наиболее сильное впечатление на меня произвела, пожалуй, его абсолютная самостоятельность, независимость как личности. Это не была поза „сверхчеловека“, стоящего высоко над всеми и сознающего свою избранность. Такое поведение, такое

сознание Зиновьеву было чуждо. Он никогда не кичился ни своим интеллектуальным превосходством, ни многогранностью щедро отпущенного ему таланта, ни пришедшей со временем славой. Говоря об абсолютной независимости Зиновьева, я имею в виду его уникальную способность думать, действовать, жить, не подлаживаясь под власть, под общественное мнение, не признавая за кем-либо права командовать им, Зиновьевым, указывать ему, как он должен думать и что писать. Мне лично приходилось видеть, что когда кто-то пытался оказать на него давление, склонить к публичному выступлению заказного характера, наконец, просто утомлял своей глупостью, развязностью, вульгарностью, Зиновьев отбрасывал свою обычную деликатность и терпимость, мог высказаться предельно резко, указать на дверь. <…>

Конформизма, двойных стандартов он не допускал не только в вопросах научных, политических, идейных, общественных, но и в том, что принято называть повседневной жизнью, обычными человеческими отношениями. Что, конечно, создавало определённые трудности в общении с ним для тех, кто не понимал или понимал, но не принимал, его нравственных установок, модели поведения.

Это не значит, что он был угрюмым фанатиком идеи. Отнюдь. По натуре он был человеком общительным, весёлым, остроумным, когда хотел, легко становился, что называется, душой общества. Его остроумные высказывания, шутки, саркастические афоризмы, карикатуры очень быстро обретали популярность, становились частью, если так можно сказать, интеллектуального фольклора 50–70-х годов минувшего века. Вот такое, казалось бы, несоединимое сочетание мягкого, обаятельного, доброжелательного, весёлого человека и твёрдого, жёсткого, неколебимого в определённых ситуациях и делах человека поражало меня больше всего»[324].

Друзья и ученики в шутку назвали его учение зиновьйогой — тогда как раз в моду стали входить индийские практики. Высоцкий пел:

Чем славится индийская культура?
Ну, скажем, Шива — многорук, клыкаст.
Ещё артиста знаем — Радж Капура,
И касту йогов — странную из каст.
Говорят, что раньше йог мог,
Ни черта не бравши в рот, — год,
А теперь они рекорд бьют —
Всё едят и целый год пьют!

А шутить не стоило. Зиновьйога — вещь серьёзная.

Кстати об учениках. Вокруг его спецсеминара на философском факультете МГУ в середине 1960-х сложилась группа студентов и аспирантов, которая увлечённо занималась с ним логикой: В. Бочаров, Л. Боброва, Ю. Смирнов, Г. Щеголькова, А. Ивин, Е. Сидоренко, А. Федина, Хорст Вессель из ГДР, Эрамис Буэнос Санчес с Кубы, Соня Андерсен из Швеции. Он охотно с ними возился.

К этому времени у него уже накопился приличный опыт педагогической работы. В 1958–1960 годах он читал спецкурс «Философские проблемы естествознания» в Московском физико-техническом институте, в Долгопрудном. Перед ним были старшекурсники, физики, собаку съевшие, как им казалось, в своей специальности. Их нужно было не просто расположить к себе — он ведь был для них «гуманитарий», чужак, — но, главное, вовлечь в работу, вызвать интерес, убедить в необходимости логических знаний. Прослушавший тогда его курс П. П. Барашев, ныне доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института энергетических проблем химической физики РАН, с любовной благодарностью восстановил в своих воспоминаниях черты Зиновьева-педагога.

Уже первое знакомство было примечательным, хотя и шло вроде бы рутинным образом. Зиновьев вызывал по списку и задавал вопросы. Из беседы студентам стало ясно, что с физикой он знаком достаточно неплохо, а вот у них как-то не получается внятно ему объяснять вещи, которые они, казалось им, хорошо знали. Он, и это тоже было совершенно ново по сравнению с теми преподавателями, которые читали им до того курсы гуманитарного цикла, каждого спросил о теме дипломной работы, о её сути. И было понятно, что это не формальный интерес. Один из студентов, то ли от гонористости, то ли, напротив, сробев, ответил: «Закрытая тема», чем рассмешил всю группу. Сан Саныч смеялся со всеми и как-то сразу стал всем близок. Подводя итог, он озадачил ребят тем, что, судя по всему, они совершенно не владеют математической логикой и поэтому он постарается по ходу занятий познакомить их и с этой дисциплиной, продемонстрировав её важность для научного труда.

«На второе занятие, через неделю, мы, готовые начать изучать математическую логику, явились все, — пишет Барашев. — Но нас ждал сюрприз. Александр Александрович обратился к нам с

вопросом, о чём бы мы хотели „сегодня поговорить“. (Нас это удивило: обычно преподаватель либо сам объявлял тему занятий, если она не была известна заранее, либо на семинаре надо было отчитаться о том, как ты выполнил задание, полученное на предыдущем семинаре.) Мы, оторопев, сидели молча и хмуро. Картина, конечно, была забавная. Мы с мгновенно пропавшим энтузиазмом сидим в прострации, а А. А. ходит вдоль доски и улыбается. Наконец Лёня Машков пробубнил: „Об уравнении Шрёдингера“… „Согласен“, — откликнулся Зиновьев. Он подошёл к доске, взял мел и сказал: „Придётся сначала его записать“. Но вдруг повернулся к нам и произнёс: „Давайте работать в дираковских обозначениях с „бра“ и „кет“, так суть модели станет прозрачнее“… Мы остолбенели… Дело в том, что квантовой механикой нас, как мы говорили, „про-дрючили“ в стенах Физтеха основательно — у нас всех за плечами был годовой курс лекций, прочитанный самим В. Б. Берестецким, и суровые еженедельные семинары, подкреплённые двумя экзаменами <…>. Но! — всё это усвоено нами „по Ландау“, без символики Дирака <…>. Увидев наше состояние и, главное, поняв наше смятение, А. А. написал на доске два уравнения Шрёдингера (в обычных и дираковских обозначениях) и повёл с нами беседу… Некая уверенность в себе стала возвращаться к нам… Через полчаса, когда прозвенел звонок на перемену (занятия длились два академических часа с перерывом), мы, обменявшись впечатлениями, сразу пришли к выводу, что „Александр Александрович — корифей“. Тлевшая в нас спесь, что мы — физики, а он — пусть даже философ, но всё-таки гуманитарий, была им напрочь сбита… <…> Все дальнейшие занятия <…> были уникальными — всегда это был своеобразный сплав физики, логики и, конечно, философии»[325].

Вообще он предпочитал именно такие лекции-импровизации. Это, однако, не означало бессистемности в его курсах. Скорее это был особый методический приём для стимулирования мыслительной деятельности слушателей. Он всё время держал в уме целое и потому от частного, абстрактного вопроса, тщательно рассматривая его и развивая, уверенно вёл своих учеников к пониманию всей системы знаний. По сути дела, он реализовывал в своей педагогической практике описанный и разработанный им метод восхождения. Он не излагал систему, он её создавал на глазах и вместе со своими учениками. Он требовал от них усилий. Он требовал творчества, щедро открывая дверь в свою интеллектуальную мастерскую.

Студенты, следуя за его мыслью, всё время находились в напряжении, в поиске. Им ничего не разжёвывали. Их заставляли

«жевать». Не всегда было по зубам. В. Б. Родос, слушавший Зиновьева в МГУ в 60-е, с осуждением вспоминает: «Он не договаривал до точки практически ни одной фразы. Его мысль неслась с такой скоростью, что слова не поспевали. <…> Для лектора это недопустимо. <…> Слово в слово записал лекцию, домой пришёл — никогда сам не разберёшься. Предикатов нет. Того, что говорится, что об этом сказывается»[326]. Потому что «слово в слово» — это, когда по бумажке долдонят, а здесь нужно было попадать *мыслью в мысль* и держаться за неё изо всех сил. Недопустимо — для «лектора». Необходимо — для Учителя. Барашев, впрочем, тоже признаётся в отсутствии у него внятных конспектов лекций Зиновьева, осуждая в том скорее себя, оправдывается: «Сделать это было практически невозможно, настолько динамичны были эти занятия»[327]. «Он и лекции свои читал не сидя и не стоя, — вспоминает Родос, — даже не прохаживаясь, а непрерывно подпрыгивая. <…> Нет, он подпрыгивал не как воробышек, а пружинно, молодо, спортивно, как бы заодно чуть-чуть разминался»[328].

Практические занятия по логике проходили в форме решения задач из книги Алонзо Чёрча «Введение в математическую логику». Сначала кто-нибудь из студентов докладывал теоретический материал, потом решались задачи, которые предварительно готовились дома. Он обычно сидел, у доски работали студенты. Иногда он сам излагал им какой-нибудь теоретический материал, как правило, в собственной интерпретации. Делился идеями, над которыми сам в это время работал. При этом довольно едко откликался о предшественниках и оппонентах. Не стесняясь в выражениях, называл их «безмозглыми тупицами», «медицинскими идиотами», «бетонноголовыми». Это небольшое хулиганство вносило в его академические реплики страстность, заражало азартом.

Родос реконструирует одно из таких «отступлений» от темы, запомнившееся ему своей оригинальностью и убедительностью:

«Физики ввели символ t и назвали его временем. Совершенно справедливо. Помогает создавать и получать замечательные результаты. Однако эта буква попала в формулы, тоже полезные и к которым самим по себе, вне философии нет возражений.

Появилось такое выражение в формулах — t-квадрат. Отлично!

Не следует только забывать, что буква, которую мы назвали „время“ вовсе не обязательно и везде совпадает с тем, что мы действительно подразумеваем под временем. Время в нашем человеческом понимании возвести в любую степень, в том числе и в квадрат, — нонсенс, невозможно.

Другое дело буква в формуле. Раз есть выражение в степени, то математически мы можем извлечь из него корень. И, о ужас! — у нас получается плюс-минус t. Ну и чёрт бы с ним. Но мы ведь думаем, что t — это время. Получается отрицательное время! Прошлое. Сесть в машину времени, извлечь корень квадратный и оказаться в прошлом. Чушь. Глупость.

Идиотизм!

Из буквы t — можно извлечь корень, но ни в коем случае не из времени. Время однонаправленно, мы можем держать в памяти кадры ушедшего, но попасть туда невозможно. Иногда физический параметр, означенный буквой t, ведёт себя как время, как наше реальное время. Спасибо ему за это. Но тот, кто думает, что эта связь сущностная и что t — это и есть время, тот не то чтобы не понимает, что такое время, он вообще ничего не понимает, полный идиот в клиническом смысле»[329].

Но кроме лекционных и практических занятий была ещё индивидуальная «доводка». С курсовиками, дипломниками, аспирантами он работал часами, добиваясь от них полного знания материала по теме, умения критически оценивать существующие точки зрения, сосредоточиваться на главном, проблематизировать, развивать, оттачивать мысль, строго и ясно излагать выводы. Барашев, писавший у Зиновьева реферат, рассказывает: «Каждую неделю в субботу в 16. 05 после окончания 4-й пары <…> мы беседовали с Зиновьевым о том, что мы сделали и что предстояло сделать. Если погода была хорошая (в сентябре, октябре), работали обычно на воздухе, сидя на лавочках около института. Когда похолодало (ноябрь, декабрь), беседовали уже в свободных аудиториях. Обычно обсуждение было попарное: Александр Александрович и кто-либо из нас, но всегда в присутствии ещё двух, либо ждущих своей очереди, либо уже побеседовавших. Вся троица при беседе имела право голоса, хотя обычно мы в дела друг друга не вмешивались. Тем не менее каждый из нас, по сути дела, понял и разобрался с помощью преподавателя во всех трёх темах. Беседы оканчивались около 18 часов. <…>

Каждый из рефератов, как я сейчас понимаю, явно имел характер критического обзора. Для достижения этого Зиновьев заставлял нас читать первоисточники в оригиналах, определять ценность и значимость каждой цитируемой работы, выявлять их суть, новизну и — главное! — искать и указывать на слабые стороны и места. Что касается моей темы, то почти все обозреваемые работы были с позиций, подсказанных мне Александром Александровичем, с изъяном. Из-за этого у меня даже создалось кислое впечатление, что ничего стоящего (с точки

зрения настоящей философии) по поводу „Принципа дополнительности“ к тому времени вообще не было сделано. Текст реферата, многократно отредактированный Александром Александровичем, который безжалостно уничтожал, как он говорил, „словоблудие“, был очень ёмким, сцементированным так, что каждая фраза была значимой»[330].

Он никого не давил своим авторитетом. Его превосходство было добрым. Он мог ругаться в своих лекциях на классиков, академиков, профессоров, но к студентам относился как к равным, единомышленникам. Они общались и после занятий. Он водил своих «детей» в кафе, в «Националь», угощал кофе с пирожными. Несмотря на различие в возрасте и культуре, психологического барьера не существовало. Он был душой так же молод, как и они. И не только душой. «Зиновьев не только выглядел молодо, — вспоминает Родос, — он хотел выглядеть молодо, быть молодым. Кажется, именно у него я впервые увидел костюм не с закруглёнными, как у всех и всегда, а под прямым углом скроенными полами пиджака. Это его молодило».

Разговоры между ними велись самые разные. Он и своим опытом делился, и их слушал с вниманием, подспудно изучая мир нового, послевоенного поколения советских людей. Не пуганных ни сталинскими репрессиями, ни войной. Обсуждали новые книги, кино. Он ненавязчиво приобщал их к культуре, просвещал. То организует поход на выставку Филонова, то поможет пройти на показ зарубежных фильмов по случаю какого-то спецсеминара по эстетике, то, между делом, назовёт имя какого-нибудь автора, чьи книги стоит прочитать. Он ничего им не навязывал, просто — делился, и они были ему благодарны. Любили его, ждали этих возвышающих встреч с Учителем. Он тоже чувствовал себя с ними хорошо. Легко.

«На банкете после защиты кандидатской диссертации Сашей Н. — пишет Родос, — было заказано два столика: для молодых — друзей диссертанта и для корифеев. Среди молодых я был за главного тамаду и главного тостующего. <…> Главным же я был до тех пор, пока с опозданием не пришёл Зиновьев. Несмотря на зазывные крики со столика стариков, он прямым ходом, не запнувшись, подошёл к нашему столу и сел среди молодых»[331].

Как-то на одном из «логишников» («капустников» студентов-логиков) показывались пародии на профессоров кафедры. Одна студентка, очень скованная и закомплексованная в жизни, одевавшая обычно какой-то яркий, почти клоунский наряд (кожаная зелёная юбка и красные сапоги), ходила по сцене пружинистой походкой и всё время вздёргивала плечами назад. Никак не могли признать, кого из кафедральных дам она

изображает. И тут вдруг Зиновьев радостно воскликнул: «Так это же я!» И смеялся до слёз[332].

Солодухин, живший с женой Марией почти «по соседству» с Зиновьевым, рассказывает о той душевной открытости, с которой Зиновьев общался со своими молодыми друзьями: «Редкий день, точнее, вечер, который бы Саша (мы вскоре перешли на „ты“) не проводил у нас. Мария готовила ужин, который не отличался разнообразием: как правило, он состоял из капустного салата, печёной картошки в мундире, брынзы, дешёвого сухого вина, чая.

Понятно, что шёл разговор обо всём на свете: от проблем соотношения диалектической, формальной и математической логики, методологии науки до прочитанных книг, увиденных фильмов и международного положения. Когда уставали от разговоров, то брались с Сашей за разгадывание кроссвордов. Надо сказать, что меньшая по размерам комната была завалена номерами журнала „Огонёк“ за много-много лет. Мы с Сашей устраивали соревнование: брали наугад из кучи по номеру журнала, устанавливали время на разгадывание, как правило, 30 минут, и затем сравнивали, у кого результаты лучше. Отгадать кроссворд в отведённое время полностью нам удавалось крайне редко, так как кроссворды „Огонька“ в то время были серьёзные, требовали действительно незаурядной эрудиции. Абсолютного преимущества не имели ни он, ни я. Успехи в разгадывании были примерно равными.

Примерно через полгода в нашу компанию влился темнокожий аспирант Саши с Острова свободы, то есть с Кубы, Эрамис Буэнос Санчес. Поначалу он предпочитал отмалчиваться, стесняясь своего недостаточного знания русского языка. Но прогрессировал он в нём быстро, через два-три месяца стал полноправным участником наших бесед, дискуссий. Его отличали живой и цепкий ум, упорство в работе. Очень всем нам нравились его мягкий характер, очаровательная улыбка, чувство юмора. Словом, в нашей компании он вскоре стал, что называется, свой»[333].

Молодые вызывали у него симпатию и отеческую любовь. Они представляли собой *дружественные державы.*

Он не был бабником, но женщины были ему нужны. В загульные годы попадались всякие. Чаще — поутру неузнаваемые. Всегда — к вечеру забытые. Без любви. Для утехи.

Мне безразлично, кто есть ты
И почему тут появилась, —
От безнадёжной пустоты

Или нечаянно влюбилась.
Пусть чёрствы руки от кастрюль,
Пусть на одёжку денег мало,
Пусть не из этаких красуль,
Что смотрят модные журналы.
Пусть тут убого и темно,
Твоё мне зримо совершенство.
Одно лишь то, что ты со мной,
Есть величайшее блаженство[334].

С тоскливыми укорами совести. С безысходной мечтой об одной-единственной. Богине.

Смысл потеряли прежние слова.
Исчезло ими названное чувство.
Ему на смену наша голова
Изобрела «постельное» искусство.
А я, как в прошлые века,
Хотел бы ей сказать такое:
Я полечу за облака,
Я опущусь на дно морское,
Я ради одного лишь взгляда
Готов хоть сотню лет страдать,
Мне будет высшая награда
Жизнь за тебя свою отдать[335].

Где она?

Женитьба не принесла счастья. В 1960-м он совсем ушёл из дома. После развода дал зарок, что никогда больше не ступит в эту реку. Хватит.

А женщины —

Пошли мне женщину, но только не на жизнь.
Пусть время встречи будет много уже.
Чтоб я сказать ей мог: теперя отвяжись
И уходи к давно приевшемуся мужу[336].

Ему нужно было зайти в Международный отдел института. (Звучит громко, на самом деле — небольшая комнатушка.) Подготовить сноски для очередной публикации. Дело рутинное. По привычке стремительно распахнул дверь.

За столом сидела девочка.

— Здравствуйте. Вы новенькая?

— Да.

— Как Вас зовут?

— Ольга.

— Замечательно. Вашу предшественницу тоже звали Ольга. Вы теперь занимаетесь докладами и сносками? Давайте знакомиться. Я — Зиновьев.

Объяснил свою надобность.

Мальчик был невероятно юн и красив. Стройный, лёгкий, подвижный. Энергия лучилась из всех пор.

— Вам для курсовой?

— Нет, — улыбнулся мальчик.

— Для дипломной?

— Нет, — ответил молодой человек.

Девочка и представить не могла, что перед ней стоит доктор наук, автор нескольких монографий, ветеран войны.

Выйдя из отдела, он мужским умом отметил, что новенькая сотрудница очень привлекательна и симпатична. Её простодушие трогательно и невинно. Она ему понравилась. Он улыбался. Но лишь спустя некоторое время он почувствовал, что унёс в себе из той, неказистой, обставленной казённой советской мебелью комнатки ещё какое-то чувство. Забытое? Знакомое? Новое? *Неизведанное.* Тёплый свет, согревающий темь одиночества.

Это случилось 1 октября 1965 года.

Девочка запомнила эту дату на всю жизнь. И этот час их встречи. Эти минуты первых слов.

Мгновение, когда распахнулась дверь в её Жизнь.

Она стала его женой. Родила ему двух дочерей. Построила дом. Напечатала десятки тысяч страниц его сочинений. Разделила беду изгнания и труд возвращения. Проводила в последний путь.

Соратница? Сподвижница?

Любимая.

Когда-нибудь о них напишут роман. Сочинят оперу. Снимут кино. Их история достойна того, чтобы сохраниться в Книге Любви человеческой. На страницах, где уже сияют имена Абеляра и Элоизы, Данте и Беатриче, Пушкина и Натали. Тургенева и Полины Виардо. Достоевского и Анны. Льва Толстого и Софьи. Блока и Прекрасной Дамы. Маяковского и Лили Брик. Мастера и Елены.

Но пока те дни, когда правда повседневности окончательно осыплется в прах и останется одна чистая поэзия, не пришли. Пока всё ещё живо в памяти. Ольга Мироновна, слава Богу, жива и здравствует. И никто не может лишить её *авторского права* рассказать эту историю. Книга её воспоминаний уже пишется.

Уже и издательский договор подписан. Отдельные главы опубликованы. Есть и в его книге глава, посвящённая тем дням. И будет самым верным и честным предложить читателю узнать всё из первых уст.

Не думаю, что эти страницы нужно выделять отдельным шрифтом. Вряд ли какой читатель захочет их пропустить.

ПРО ЭТО

Женская версия

Он появился неделю спустя, и я отдала ему работу. После этого он стал часто заходить — по поводу работы и без повода. Симпатия была, совершенно очевидно, взаимная и, несомненно, с первого взгляда. И он не мог этого скрывать, хотя держался со мной предупредительно и тактично, даже несколько старомодно. Видимо, видел во мне совершенно юное 20-летнее существо.

Как потом выяснилось, Александр Зиновьев был очень завидным женихом во всей Академии наук. Дважды он был женат, дважды разведён и публично дал клятву, что больше жениться никогда уже не будет.

Как-то раз он пригласил меня пообедать в Дом учёных. Потом мы стали туда ходить часто. В Доме учёных была приятная клубная атмосфера, к тому же там превосходно кормили. Это было модное, престижное место, и попасть туда было непросто. Ходили иногда в Дом журналистов, иногда в Центральный дом работников искусств, в Дом архитектора, ВТО, — словом, во все московские «союзные» и творческие дома. <…>

В какой-то момент (мы уже долго встречались) он мне предложил, чтобы я перешла на «ты». Но мне было трудно это сделать. Мне уже поведали в институте, что это за человек. Гордость советской философии, основатель оригинальнейшей советской логической школы, автор многочисленных книг, обожаемый профессор… Естественно, все институтские невесты за ним охотились. А тут появилась какая-то фитюлька, на 23 года его моложе! Меня то и дело загоняли в разные углы и пытали, как далеко зашли наши с ним отношения, и предупреждали (без сочувствия, надо заметить), что всё равно это бесперспективно. О бестактности таких вопросов никто даже и не задумывался. Мне приходилось нелегко, но всё же я не считала нужным что-либо объяснять и отвечала коротко: «Спрашивайте об этом Александра Александровича сами». Им трудно, наверное, было поверить, что наши отношения носили совершенно романтический характер. Будучи от природы и воспитания человеком целомудренным и чистым, он относился ко мне бережно и осторожно, как к хрупкой вазе. <…>

Итак, мы продолжали встречаться. Ходили на выставки, в театры, в туристические походы, в концерты, на лекции и выступления поэтов в Коммунистической аудитории МГУ и в

Политехническом музее. В памяти особенно застряли спектакли Наума Коржавина «Однажды в двадцатом» и «Три сестры» со Львом Круглым, выступление Роберта Рождественского, два номера журнала «Москва» (1966–1967) с впервые опубликованным — событийным! — романом «Мастер и Маргарита»; Музей реконструкции Москвы; концерты ансамбля «Мадригал», Ренаты Тебальди и Караяна; выставка картин Филонова в «Курчатнике», походы в «Иллюзион», полотна Вламинка в Музее Пушкина и изящнейшие акварели Михаила Лермонтова на Петровке; сын киношных братьев Васильевых (шутили мы), который непостижимо откуда и как доставал столь дефицитные альбомы издательства «Скира» и «Фламмарион» с репродукциями Магритта, Дельво, Макса Эрнста, Дали, Редона и Генриха Мура; пластинки с записями божественной Кэтлин Ферриер в «Страстях по Матфею» Баха… Александр Александрович познакомил меня и с Эрнстом Неизвестным, и с Вадимом Космачёвым, и с Сергеем Есаяном. <…>

Наконец, наступил момент, и я услышала от него объяснение в любви: он погладил меня по плечу (с его стороны это была кроткая и деликатная нежность). Все мои предыдущие поклонники были абсолютно одинаковыми людьми, как будто их наштамповали по одной заготовке: коробка шоколада, букет цветов, цветистые комплименты, приглашение в кино или в театр и разговоры ни о чём, либо попытки сразу завязать интимные отношения. Мой Александр был совершенно другой…

Моя мама отнеслась к нашим чувствам очень настороженно, нервно. Она была против: «Ты что, с ума сошла, он на 23 года старше, у него двое детей. Это сейчас вы хорошо понимаете друг друга, а что будет через 10 лет, когда ему будет за 50? Что ты будешь делать?»

Мама не видела, что мы оба молоды. Что интересно, мы с ним прошли похожие испытания и трудности, только с разницей в 23 года. Я родилась в мае 1945 года, и на мою долю, как и многих послевоенных детей, выпали недоедание, бедность — я до сих пор помню вкус, цвет и запах бедности. При этом в нашей семье более всего почиталась честь и умение самообладания. Как бы ты ни был голоден — никогда никому этого не показывай. Хотя временами было совсем нелегко. Папа — обычный советский инженер-металлург, который работал там, куда его посылала партия, — стройки, заводы, комбинаты.

Так вот, в семье Зиновьевых был такой же семейный кодекс — честь превыше всего. Удивительно, что мы встретились, но неудивительно, что мы поняли друг друга. Как много раз мы называли наш союз «карассом для двоих»; в этом нашем Ноевом

ковчеге мы спасались от потопа серости и пошлости банальной жизни, от густопсового мещанства и вещизма, которые всё больше овладевали сознанием наших современников. Он мне потом много раз говорил: «Я в тебе увидел мою мать». Для меня его слова были огромным авансом избирательного доверия, непреходящей ценностью и жизненной программой, которой я следую и поныне.

Любопытно, что нас по-настоящему соединила именно его мать — Аполлинария Васильевна. Я оказалась как-то в нашей академической больнице. Александр Александрович меня там навещал. И однажды говорит: «А ты знаешь, здесь моя мама лежит». Я, как и положено, выразила сочувствие. А он в ответ: «Пойдём, я тебя с ней познакомлю». У меня от страха волосы дыбом встали: «Боже, зачем?» А Зиновьев: «Нет, пойдём, я тебя с ней познакомлю».

Открываем дверь в палату, Аполлинария Васильевна мне: «Ну, заходи, Оленька. Садись ко мне на кровать». Я поняла, что Александр ей обо мне уже рассказал.

Она — глава рода Зиновьевых — была очень простая и непридуманная в житейском плане, но обладала мудростью и проницательностью небывалой. У неё были глаза, которые, казалось, могли, как лазеры, стену пробить. Такие глаза — это фамильное у Зиновьевых. У самого Александра Александровича они были словно опаляющее голубое пламя. Таким глазам нельзя врать, кривить душой или пытаться что-то от них утаить…

Аполлинария Васильевна усадила меня рядом. Я была сдержанна, даже скованна. Она, почувствовав это, сказала: «Давай поговорим». И мы стали беседовать, словно закадычные подруги. Александр Александрович посидел-посидел и бросил: «Мам, ну я пошёл». Я всполошилась. А он в ответ: «А ты посиди».

Он мне говорил «ты», а я по-прежнему к нему обращалась на «Вы». Я его обожала, любила, боготворила и боялась. Боялась сказать что-то не то, огорчить его пустой фразой, легковесностью. Зиновьева просто зримо коробило, передёргивало, когда он слышал пошлость или банальность от других людей. А я его безумно уважала, потому про себя фиксировала все его подобные реакции, все нюансы его настроений. То были мои первые уроки в школе, а потом уже и в академии Зиновьева. Я тогда чисто интуитивно осознала, что есть самое главное в близких отношениях с таким необыкновенным, самым дорогим мне человеком: чем короче дистанция, тем больше уважения и такта должно проявлять. <…>

Александр Александрович вышел из палаты, а я через какое-то время тоже засобиралась: «Аполлинария Васильевна, я пойду,

не хочу Вам мешать». «Ты заходи ко мне». «Аполлинария Васильевна, мне неловко». «Да заходи, заходи».

Два дня я не была у неё. Пришёл Александр и сразу: «А что ты маму не навещаешь?» — «Мне показалось, что она приличия ради приглашала меня». — «Запомни: у нас, у Зиновьевых, такие слова приличия ради не говорят».

Я стала заходить к ней каждый день. Потом я выписалась, а она ещё оставалась в больнице. Месяца через полтора Александр Александрович предложил навестить маму. (Он был прописан на Большой Марьинской, а жил, снимая комнату, на улице Бабушкина.) «Зачем?» — «Мама интересуется, как ты поживаешь». Я испугалась — вот уже и смотрины начинаются. А при этом он не делает никакого предложения!

И вот мы идём навещать его маму. Я тогда ходила в мини-юбке, хотя в институте некоторые пожилые и строгие некрасивые тёти это не одобряли. Входим в квартиру на Б. Марьинской. А там живут: его старшая сестра Анна с семьёй, младший брат Алексей с семьёй и другой брат Владимир с семьёй… Они все высыпали в коридор и смотрят на меня. Я себя почувствовала бедным Маугли в зоопарке. Тут Аполлинария Васильевна выходит и говорит: «Оленька, пойдём! Молодец, что приехала». Мы с Александром Александровичем заходим к ней в комнату, сели — разговариваем. «Хорошо, что ты пришла, он хоть посидит подольше. А то обычно приходит, даёт деньги, целует меня и убегает». Потом мы стали бывать там довольно часто.

Однажды, провожая меня из института до дома — я жила тогда с родителями у метро «Щёлковская», — Зиновьев предложил: «Давай выйдем пораньше на одну остановку. Я хочу с тобой серьёзно поговорить». Я почему-то испугалась. Мы вышли из метро и пошли по Сиреневому бульвару.

«Оля, я хочу тебе сказать следующее. У меня есть жизненные принципы. Я не играю чужими жизнями. Я прожил тяжёлую, полную переживаний, опытов и встреч жизнь. У меня было два брака, ты об этом знаешь, тебе об этом уже наверняка рассказали. Я дал зарок после второго брака никогда больше не жениться. Для меня это было слишком тяжело. Ожогово. Ты молодая, ты очень красивая, ты привлекательная — тебе надо выходить замуж, тебе надо рожать детей, тебе нужно заводить семью». Я потрясённо смотрю на него. «Но я отказываюсь, — продолжает он, — я не хочу портить твою жизнь браком со мной». — «Почему Вы так говорите?» — «Потому что я знаю себя. Я знаю свою бескомпромиссность, свою негибкость. Ты молодая, у тебя может измениться настроение, а я не смогу это понять. Я беспощаден к себе в отношениях с людьми и того же ожидаю от них».

Он был совершенно искренен в тот момент. Он отрывал меня от себя, объясняя, почему он это делает. Это было честно и благородно с его стороны. Но когда тебе 21 год и ты влюблена в человека, которого боготворишь, ты не слышишь никаких резонов. Я ему так спокойно отвечаю:

— Меня это совершенно не интересует. Я не хочу замуж… Я не хочу Вас терять.

— Глупышка, ты понимаешь, что ты говоришь? У нас не допускаются такие браки. И где мы будем жить? Я снимаю комнату. И мы не можем жить у тебя.

— Не знаю. Мне не нужны эти бумажки, мне не нужны эти штампы в паспорте.

— Ты не понимаешь, что ты говоришь!

…Прошло время, и как-то незаметно получилось по-моему. Александру Александровичу дали квартиру на улице Вавилова. Предыдущее жильё он оставил второй жене и дочери. <…>

Однажды, ещё до рождения Полины, в 1969 году, во время прогулки по Ленинскому проспекту — мы его «пропахивали» от улицы Вавилова до метро «Октябрьская» — он меня спрашивает: «А где твой паспорт?» — «У мамы». — «Паспорт нужно носить с собой».

На следующий день поехала забирать паспорт. Мама ходит с поджатыми губами, а вот папа принял Зиновьева сразу. Я, кстати, очень много папиного увидела в моём избраннике — спартанское отношение к жизни, жёсткость реакций, честность, щедрость, непрактичность и бескорыстие.

Отныне я гуляла с сумочкой, куда положила паспорт. На всякий случай. Как-то однажды он заявил: «Я не повторяю дважды», — и я это тоже запомнила.

Во время очередной прогулки по Ленинскому проспекту Александр спрашивает меня: «Где твой паспорт? Дома?» — «Нет, здесь, со мной». — «Ну, пойдём».

Он взял меня за руку, мы перешли на другую сторону проспекта и подошли к загсу. Входим. Я думала, что ему нужно было оформить там какие-то бумаги на детей — он собирался в командировку. Александр спрашивает сотрудницу: «Где тут можно расписаться?» Я недоумённо: «С кем?» — «А ты что — против?» — «Но Вы же не хотели»…

Я всё никак не могла перейти на «ты». Я его обожала и безумно любила. Потом, уже безотносительно к «ты» и «Вы», я поняла, что самая сильная любовь у женщины бывает в том случае, когда она любит своего мужа, возлюбленного, как своего ребёнка. Так вот Зиновьев был моим первым ребёнком.

Аполлинария Васильевна умерла в 1969 году. Ей нужно было

ампутировать ногу, у неё была чудовищная гангрена. Но она, будучи глубоко верующим человеком, стояла на своём: «Что Бог дал, то Бог и забрал». Несмотря на ужасные боли и страдания, она была против операции. Перед смертью она практически никого уже не узнавала. Но меня всё же узнала. Я села к ней на кровать, и она взяла меня за руку. Потом посмотрела на меня так, словно в душу заглянула и даже ещё глубже, и прошептала: «А за Санюшку я спокойна». Я буквально физически почувствовала, поняла, что она из рук в руки, из сердца в сердце передаёт мне своего любимца. Отныне я и только я буду его оберегать, защищать и заботиться о нём, о моём первом ребёнке, о моём Александре…

…Помню, разговаривали с одним довольно дерзким немецким журналистом, который позволил себе сказать в отношении Зиновьева какую-то гадкую, фривольную фразу. Я ему: «Вы знаете, я за него и убить могу». Он так встрепенулся, какая находка: «А что, в самом деле можете?» — «Не надо в этом убеждаться. Я защищаю и храню его всю жизнь. И я за него могу убить, поверьте». — «Я могу эту фразу использовать в своём журнале?» — «Это Ваше дело. Только прежде надо извиниться»…

И вот стоим мы в загсе. Зиновьев говорит решительно и твёрдо: «Оля, хватит. Дальше так нельзя. Меня уже вызывали в партбюро». Я сама была секретарём комсомольской организации нашего института, и мне тоже доставалось — вызывали в райком комсомола. Туда поступило заявление от его второй жены с такой вот формулировкой: «Как вы допускаете руководить комсомольской организацией ведущего идеологического учреждения страны человека, который разрушил семью и оставил ребёнка без отца?» Нелепость этого заявления заключалась в том, что они развелись, когда мне было всего восемь лет. Но, как гласит английская поговорка, нет страшнее гнева брошенной женщины.

Я была растеряна. Я уже решила, что мы будем вместе всегда, будем жить в «гражданском браке» без всякого бумажного оформления наших отношений. И тут предложение расписаться…

Нашу свадьбу мы праздновали дома с Женей Фроловой, Эрихом Соловьёвым, Нелли Мотрошиловой, Мерабом Мамардашвили и Юрием Замошкиным.

Моя мама признала в конце концов Александра Александровича, но часто повторяла: «Ты с ним наплачешься».

Она была права в том плане, что я никому не могла не то что пожаловаться, а просто высказать какое-либо сомнение или с кем-то посоветоваться. У нас был очень сложный, очень непростой брак. Именно потому, что мы любили друг друга. В институте

заключались пари — сколько времени продлится наш союз, ибо знали бескомпромиссный характер Александра Зиновьева. И те, кто заключали пари на неделю, месяц, на год — проиграли. Мы прожили вместе 40 лет…[337]

ПРО ЭТО

Мужская версия

В 1965 году в Институт философии поступила на работу девятнадцатилетняя Ольга Сорокина. Она только что окончила школу и курсы машинописи и стенографии при Министерстве иностранных дел. Её должны были взять на работу в Президиум Верховного Совета СССР как лучшую выпускницу курсов. Но оформление затянулось чуть ли не на целый год из-за того, что её сестра была замужем за иностранцем. Хотя этот иностранец был венгр, окончивший военную академию в Москве, с точки зрения КГБ он был всё равно иностранцем. И Ольга поступила к нам в институт. Когда её в конце концов решили всё же взять в Президиум Верховного Совета, она отказалась и осталась в институте. Мы познакомились. Она перепечатывала мне на машинке сноски на иностранные источники. Участвовала в выпуске стенных газет. Мы встречались также на праздничных вечерах в институте, ходили в одних компаниях в туристические походы, ездили на экскурсии. Короче говоря, мы подружились. Появились взаимные симпатии. Но о более близких отношениях я и думать не хотел. Хотя я выглядел и чувствовал себя много моложе своих лет, разница в возрасте была слишком большой: двадцать три года. К тому же я крепко обжёгся на предыдущей женитьбе и боялся повторения. Ольга была чрезвычайно привлекательной внешне. Около неё всегда крутились поклонники. Рассчитывать на то, что у нас получится мирная и спокойная семья, я не мог. Положение холостяка меня вполне устраивало. Ко всему прочему, женитьба, как мне казалось, могла повредить и даже разрушить моё государство, которое я уже начал успешно строить. Я был окружён студентами и аспирантами. Они поглощали все мои отцовские потенции. Ложась спать, я повторял многократно слова: «Как хорошо, что я один! Боже, благодарю тебя за то, что я один!» Просыпаясь, я говорил себе те же слова. Я говорил это себе много раз и в течение дня.

Однако я не устоял, и мы поженились. <…>

Должен признать, что семейная жизнь не ослабила, а, наоборот, укрепила моё государство[338].

Квартиру на Вавилова — дом 44, корпус 4, квартира 197, своё первое личное жильё — он получил в сорок пять лет. Не обошлось

без курьёза.

Как в русской пословице — не было бы счастья, да несчастье помогло.

Институт философии как учреждение идеологического профиля всегда был центром борьбы с буржуазной идеологией. Она шла разными средствами и по многим направлениям. Писались разоблачительные труды. Велась критика западных теорий и учений. Поддерживались сторонники в ближнем и дальнем зарубежье. Делегации советских философов, логиков, социологов регулярно выезжали на международные конгрессы и симпозиумы, где встречали противников лицом к лицу. Ездили и по индивидуальным приглашениям. География была самой широкой: Восточная и Западная Европа, Азия, США, Австралия. В Москву встречно приезжали представители разных иностранных институтов, организаций, исследовательских центров. Со всего света. Французы, немцы, поляки, болгары, японцы, китайцы, американцы и др. Встречались с руководством института, общались в секторах, выступали с лекциями для сотрудников, вели дискуссии. Дарили свои книги, приобретали научную продукцию ИФАН. XX съезд КПСС и новая политика партии способствовали активизации международных контактов, а после Международного фестиваля молодёжи и студентов в 1957-м они и вовсе стали привычным делом.

Зиновьев также бывал на разных встречах с иностранными учёными, выступал на обсуждении их докладов, беседовал частным образом. После того, как на Западе появились переводы его книг, ему тоже начали присылать приглашения для участия в различных научных мероприятиях за границей. Его нескрываемая идейная фронда, антисоветские шуточки, демонстративное презрение к начальству, беспорядочный образ жизни не способствовали тому, чтобы эти приглашения доходили до адресата. Часто они просто безответно валялись в секретариате дирекции, пылились и если случайно попадали ему в руки, то тогда, когда все сроки были давно позади. Иногда он узнавал о том, что его ждали в каком-нибудь университете или на конференции от приезжих иностранцев, которые спрашивали, почему он не откликнулся на их приглашение. Всё это раздражало, было неприятно.

В 1967 году с 25 августа по 2 сентября в Амстердаме проходил III Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Зиновьев был официально включён в состав советской делегации, которую возглавлял Б. М. Кедров. Были собраны все документы, характеристики, но в итоге выездной визы ему не дали. Это был нонсенс. Он был ведущим логиком

страны, доктором наук, профессором. Уже несколько лет не пил. Участвовал в общественной жизни. Неоднократно награждался институтскими премиями и благодарностями. Никто ничего не мог объяснить. Он был настолько раздосадован, что устроил вернувшемуся из поездки Кедрову шутовскую обструкцию: пришёл к нему в кабинет и публично облаял его — буквально, ему прекрасно удавалось подражать гавканью небольшой собачонки.

Тогда он ещё не знал, что причиной всего была обеспокоенность КГБ его общением с иностранными коллегами. Надвигалась новая эпоха. Хрущёвская «оттепель» закончилась, и страну собирались «подморозить». 17 июля 1967 года по предложению председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова Политбюро ЦК КПСС приняло постановление об организации Пятого управления КГБ СССР, в функции которого входили контрразведывательная деятельность и предотвращение идеологических диверсий. На многие годы Пятое управление стало грозным оружием партии в борьбе с инакомыслием в СССР. Штатное расписание было утверждено 25 июля. И контора принялась за дело.

Важно было с первых шагов продемонстрировать свою значимость и эффективность. Начали с тех, кто был на виду. Или по алфавиту? В обоих случаях имя Зиновьева числилось среди первых. Очевидно и оформление им документов на визу способствовало активизации работы по анализу и обобщению оперативных данных. А они оказались весьма «перспективными». Зиновьева в Амстердам не пустили, а в ЦК КПСС отправилась аналитическая записка за подписью заместителя председателя КГБ С. Г. Банникова:

«Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР располагает данными, что доктор философских наук, завкафедрой философского факультета МГУ Зиновьев Александр Александрович, 1922 года рождения, в период 1957–1958 годов принимал участие в сборищах молодых специалистов-философов, на которых он выступал с отрицательными взглядами по отдельным вопросам теории марксизма-ленинизма.

В сентябре 1960 года в Москве в качестве автотуриста находился профессор Колумбийского университета Кляйн, который привёз и вручил Зиновьеву письмо от американца Коми Дэвида. Кляйн и Коми известны органам госбезопасности как лица, принимавшие непосредственное участие в обработке и вербовке советских граждан для работы на американскую разведку.

Вышеуказанное письмо предназначалось для Зиновьева и его

единомышленников ФИННА В. К. и ЛАХУТИ Д. Г.

Анализ письма, добытого оперативным путём, показывает, что в нём затронуты вопросы, выходящие за рамки переписки научного характера. В частности, автор письма интересовался состоянием в СССР логики как науки, выяснял отношение Зиновьева к теории марксизма-ленинизма, просил установить работающих в советских научных учреждениях отдельных учёных и сообщить, над чем они работают.

Как установлено, при обсуждении письма Зиновьев, Лахути, Финн и жена последнего отдавали себе отчёт в том, что Коми Дэвид и Кляйн могут являться американскими разведчиками. Тем не менее Зиновьев дал ответ на все вопросы, передав также американцам стенограмму одной из конференций, состоявшейся в 1957 году, отпечатанную всего в двух экземплярах для служебного пользования.

Ответ на письмо, переданный Зиновьевым Кляйн, был обнаружен в специально оборудованном тайнике в машине американца. С 1960 по 1965 год Зиновьев имел переписку с Кляйн и Коми, систематически посылал им советские издания по философской литературе.

В прошлом Зиновьев злоупотреблял спиртными напитками, на почве чего в его семье возникали ссоры. В настоящее время с женой Зиновьев находится в разводе.

Фотокопия письма, переданного Зиновьевым американцам, прилагается»[339].

Даже неискушённому взгляду видно, что крамола не шибко велика, да тем более с просроченным сроком годности. Но коль бумага пришла, надо на неё реагировать. Профилактика лишней не бывает. Пусть отдел науки и учебных заведений ЦК пригласит этого Зиновьева для беседы и разберётся, в чём там дело. Что за Кляйн да Коми такие! А товарищи пусть продолжают работать.

Разговор состоялся 24 сентября. Встретили его уважительно, любезно.

— Александр Александрович, мы пригласили Вас в связи с поступившей к нам информацией о том, что Вы поддерживаете неформальные контакты с некоторыми американскими гражданами, вызывающими, прямо скажем, подозрения в известного рода деятельности. Мы Вас лично ни в чём не подозреваем, но хотелось бы разобраться в этой неприятной ситуации.

— А о ком, собственно, речь? Мне приходилось встречаться с разными людьми из Америки.

— Не могли бы Вы нам рассказать, кто такие Дэвид Коми и Джордж Кляйн?

— Всё очень просто. Дэвид Коми — профессор Корнелльского университета, член Ассоциации символической логики. Имеет ряд работ о советской логике. Он один из переводчиков моей книги. В Советском Союзе был в 1957 или в 1958 году, точно не помню. Потом ещё через два или полтора года после этого. Джордж Кляйн — профессор какого-то колледжа и один из редакторов какого-то философского журнала. Точно не знаю, так как особой Кляйна никогда не интересовался. Он что-то писал о советской философии, но я его работ не читал. В Советском Союзе первый раз он был вместе с профессором Коми. Во второй раз — то ли в 1959-м, то ли в 1960-м, уже после второго приезда профессора Коми.

— Больше Вы с ними не встречались?

— Недавно мне сообщили, что Кляйн был в Москве в прошлом году. Говорят, справлялся обо мне в Институте философии. Но меня в это время в Москве не было.

— А какие у Вас отношения с профессором Коми?

— С профессором Коми я встречался неоднократно. Один или два раза он был у меня дома. Этот факт я не скрывал. В Институте философии о нём знали. Да никто и не придавал этому особого значения. В то время посещение иностранцами частных квартир было довольно обычным явлением. Рекомендация избегать этого появилась позднее. Потом в течение ряда лет я переписывался с профессором Коми и обменивался книгами. Книгами мы обмениваемся до сих пор, а переписка в последние годы как-то прекратилась.

— А скажите, пожалуйста, что за стенограмму конференции Вы передали профессору Коми? Это ведь была внутриведомственная публикация.

— Когда профессор Коми приезжал во второй раз в Москву или, может быть, даже я переслал по почте, не помню уже, как именно, я передал ему материалы конференции по проблемам логических противоречий, которая проходила у нас в институте. Я на ней выступал с докладом. Стенограмма была отпечатана на гектографе. Конференция была в 1958 году. Вскоре после её окончания в «Вопросах философии» был опубликован подробнейший обзор её, а ряд докладов был затем так или иначе опубликован в различных изданиях. Так что ко времени, когда я в ответ на просьбу профессора Коми подробнее познакомиться с материалами конференции передал (или переслал) ему стенограмму, она уже превратилась в никому не нужную макулатуру. Тем более я это сделал с ведома и разрешения лиц, имевших непосредственное отношение к делу.

— Хорошо. А как Вы познакомились с профессором Кляйном?

— Первая встреча с профессором Кляйном произошла в дирекции Института философии во время беседы его и профессора Коми с сектором логики института. Личных контактов в тот раз я с ним не имел.

— Но Вы с ним потом ещё встречались?

— Да, я встретился с ним в его второй приезд в Москву. Встреча произошла, по всей вероятности, в Институте философии. Профессор Кляйн не имел других путей сообщать мне о своих приездах и желании видеть меня. Он передал мне письмо и книги от профессора Коми, сообщил свой телефон в гостинице «Украина», чтобы договориться о следующей встрече.

— А что было в том письме? Профессор Коми хотел получить от Вас какую-то специальную информацию?

— Профессор Коми прислал список вопросов о том, где работают и над какими проблемами советские логики. Эти вопросы, как мне показалось, не содержали ничего особенного. Место работы наших логиков и тематика их исследований ни для кого не секрет. Об этом открыто говорилось во время встреч профессора Кляйна и с логиками-философами, и с логиками-математиками. Во время многочисленных конференций, симпозиумов и т. п. место работы логиков, как правило, указывается в программах, а о тематике работ говорит само содержание выступлений и публикаций. Ничего тайного. В Советский Союз тогда приезжало много иностранцев. Они бывали в МГУ, ВИНИТИ, Институте автоматики и т. д. И никто не делал тайны из того, о чём спрашивал профессор Коми. Я сам неоднократно был свидетелем того, как логики сообщали иностранцам место своей работы и характер научных интересов. Мы же, в свою очередь, получали от них такого же рода информацию. Об интересующих нас зарубежных логиках мы знали достаточно подробно, где и над чем они работали. Обычный, нормальный обмен информацией! Тем более спрашивал меня человек, пишущий о советской логике. Но в целом письмо меня смутило. Его форма не соответствовала обычному способу обмена научной информацией, с которыми я сталкивался до сих пор.

— Вы кому-нибудь ещё показывали это письмо?

— Да, я решил посоветоваться с коллегами, как быть в этой ситуации. И мы пришли к выводу, что ответить нужно лишь на те вопросы, которые ни при каких обстоятельствах нельзя истолковать как подозрительные, а на остальные — просто фразой «Не знаю».

— И как Вы потом передали свой ответ профессору Коми?

— На другой день я позвонил профессору Кляйну и сказал,

что ответил на вопросы профессора Коми и приготовил для него книги. Кляйн попросил привезти это к гостинице «Украина», так как он вскоре должен был куда-то ехать и не имел времени для встречи в Институте философии. Мне неудобно было отказать, так как дело выглядело так, что профессор Кляйн мне оказывает услугу, согласившись передать письмо и книги. Я не видел ничего особенного в том, что передал письмо профессору Коми лично через профессора Кляйна. Письмо со справкой о советских логиках (не говоря уже о книгах) не вызывало бы никаких возражений, если бы я его послал профессору Коми и вполне официально, через институт. Это было просто «письмо с оказией», как это вообще часто бывает. А встреча могла быть и в институте, что не изменило бы сути дела. Вообще, как Вы помните, в то время встреч с иностранцами было много, и не всегда было возможно и разумно держаться каких-то официальных норм, которые на деле были довольно неопределёнными. В своих ответах я не сообщил абсолютно ничего такого, о чём не следовало бы говорить с иностранцами. Не видя в своём поведении ничего криминального, я не задумывался о формальной стороне дела. Мне тогда и в голову не приходило, что именно ей придадут серьёзное значение, да к тому же — много лет спустя[340].

— Спасибо. Всё понятно. Вы правы, что тогда у нас были более безответственные времена. И в Вашем поведении ничего особенно предосудительного нет. Другие вели себя так же. Но, понимаете, нужно всё-таки не забывать, что мы находимся во враждебном к нам окружении. Могут быть всякие провокации. Нужно быть очень аккуратным в общении с иностранцами. Тем более с американцами. Никто не хочет неприятностей. Пожалуйста, напишите всё, что Вы сейчас рассказали, чтобы мы могли этот вопрос закрыть. Вот бумага. Как можно подробнее.

Перед тем как отпустить, заботливое участие:

— Нет ли у Вас каких пожеланий? Можем мы Вам чем-то помочь?

— Спасибо. Всё нормально.

— Вы где живёте?

— Снимаю комнату.

— То есть как? Вы же профессор, старший научный сотрудник института.

— Лет пять назад я подавал заявление, но оно так и осталось без решения. Мне этим особенно заниматься некогда. Да я и привык уже.

— Подождите минуту.

Снимает телефонную трубку. Не гневно, но очень строго:

— У меня на приёме сейчас профессор Зиновьев, старший научный сотрудник Института философии. Учёный с мировым именем. И, оказывается, он до сих пор не имеет своей жилплощади. Снимает комнату. Как так? — в ответ какие-то разъяснения. — Пожалуйста, разберитесь с этим, — вешает трубку. — Александр Александрович, постараемся как-то решить этот вопрос. Надеемся, что впредь в наших отношениях не будет никаких сложностей. До свидания.

Спустя короткое время, чуть ли не в тот же день, они с Ольгой идут по улице Бабушкина, им навстречу почти бежит человек, как он говорит, сотрудник института, хотя они его никогда не видели. «Александр Александрович! Мы Вас повсюду разыскиваем!» Оказалось, выписан ордер на квартиру. Нужно срочно оформлять документы, въезжать. Чисто советская история!

Так они стали жить на улице Вавилова, в однокомнатной квартире на одиннадцатом этаже. Он искренне радовался. Ходил по полупустой в первое время квартире и удивлялся количеству выключателей. Обстановку соорудили на скорую руку. Где-то раздобыли дешёвый платяной шкаф отечественной сборки, надёжный, но безобразный. С улицы принесли кирпичи, устроили на них топчан для сна. Точно на дворе стояли какие-нибудь двадцатые годы. Коллеги были в шоке. Постепенно Ольга всё обиходила, и они зажили молодо и счастливо. В 1971 году здесь у них родилась дочь Полина.

В ЦК КПСС ушла докладная Отдела науки и учебных заведений ЦК: «Зиновьев приглашался в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. В беседе и в объяснительной записке Зиновьев в основном подтвердил факты, указанные в информации Комитета госбезопасности, но рассматривал свою связь с Кляйн и Коми как с учёными. Учитывая, что непосредственная связь Зиновьева с американцами Кляйн и Коми не поддерживается с 1965 года, считали бы возможным ограничиться проведённой беседой с Зиновьевым в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС»[341].

А «товарищи» продолжили работать.

Впереди «товарищей» бежали «товарищи учёные» («доценты с кандидатами»). Его восхождение не осталось без завистливого участия коллег. К концу шестидесятых он всё явственнее начал ощущать настойчивое противодействие себе и своим ученикам. Оно шло не от кондовых марксистов сталинского призыва, которым такое поведение полагалось по их сути. Отнюдь. Они-то как раз относились к нему достаточно миролюбиво и даже время от времени поддерживали (в частности во время организации

защиты докторской диссертации). Его негласно, но достаточно эффективно тормозили представители так называемых либеральных взглядов, те, кто числил себя среди творческого актива советской философии. Для того чтобы оттеснить конкурента, им не нужно было устраивать разгромные собрания и произносить позорные обличительные речи. Всё делалось тихо, рутинно, на уровне бумаг и канцелярии.

Двулично.

То же участие в международных поездках. При обсуждении кандидатур членов делегации все высказывались за него однозначно и безоговорочно, награждая комплиментами и похвалами. Писалась характеристика в самых положительных словах, хоть на доску почёта вывешивай: «Активно участвует в общественной жизни, систематически читает лекции в сети партийного просвещения и участвует в работе методологических семинаров. Политически выдержан, морально устойчив»[342]. А потом пакет документов отправлялся на утверждение в ЦК и с ним неформальная сопроводительная записка с комментариями, после которых его фамилия исчезала из списка. Никаких следов. Все негодуют. Возмущаются.

И удовлетворённо потирают руки.

Воевать с ним было легко и приятно. Он не любил и не умел плести интриги. Каких-то серьёзных контрмер с его стороны ожидать не приходилось. Ну, в очередной раз обзовёт «идиотами» и «кретинами», нарисует карикатуру, сочинит эпиграмму. Вот напугал! Напротив, «подошьют в дело» — пригодится в следующий раз.

Он всё время и сам подставлялся.

Ему поручили сделать доклад на Президиуме Академии наук. Инициатором выступил сам вице-президент АН СССР П. Н. Федосеев. Доклад прошёл успешно. Присутствовавшие на нём специалисты по математической логике и, в частности, академик П. С. Николаев дали высокую оценку его исследованиям. Это открывало дорогу к новым возможностям в развитии академической карьеры. Спустя некоторое время Федосеев пригласил его к себе и сделал предложение, за которое любой другой на месте Зиновьева ухватился бы всеми конечностями. Нужно было всего-то публично обозначить свою «партийную принадлежность», заявить, что он свои исследования ведёт с позиций марксизма-ленинизма, развивает марксистскую науку. Для этого написать статью соответствующего содержания в главный журнал ЦК КПСС «Коммунист». А потом будет и собственный отдел логики в институте, и избрание в члены-корреспонденты, и всё прочее. Да сам шанс публикации в

«Коммунисте» дорого стоил. Это означало бы, что он пользуется поддержкой на самом верху, и его антагонисты поумерили бы свой пыл. Но для него такой поступок был невозможен. Это было бы не просто предательством. Это было бы самоуничтожением. Он попытался «замотать» историю, понимая, что будет означать для него прямой отказ. Несколько месяцев тянул в надежде, что Федосеев забудет и, в конце концов, откажется сам от своей затеи. Но, видимо, вопрос был принципиальным. К нему несколько раз обращался помощник Федосеева, интересуясь, когда же будет готова статья. Предлагал даже сам написать. Пришлось расставить все точки над i.

Так же «неумно» повёл он себя и находясь в составе редколлегии журнала «Вопросы философии». Это был второй по значимости (после «Коммуниста») идеологический журнал в стране. Участие в редколлегии означало высокую степень доверия со стороны ЦК. Его пригласил в журнал И. Т. Фролов, ставший главным редактором в мае 1968-го. (В последующие годы Фролов сделает головокружительную партийную карьеру, вплоть до членства в ЦК.) Заместителем главного был назначен Мамардашвили. В редколлегию вошли ведущие сотрудники института, многие из которых числили себя «либералами» — Кедров, Ойзерман, Копнин, Замошкин, Келле. Зиновьева участие в работе журнала интересовало исключительно из профессиональных соображений, карьерные и имиджевые бонусы он, конечно, учитывал, но никогда не рассматривал в качестве главенствующих. Он хотел способствовать развитию логической науки, поддерживать и продвигать подлинно научные, содержательные статьи своих единомышленников и учеников. И на первых порах всё шло неплохо. Но очень скоро стали возникать трения. Он был достаточно резок в оценке материалов, не содержавших в себе никакой научной ценности, но зато напичканных цитатами из классиков, звонкими идеологическими фразами и пропагандистскими призывами — всем тем, что он на дух не переносил. Его бескомпромиссные пометки «б. с. к.» — «бред сивой кобылы» — появлялись на рукописях очень влиятельных авторов, чей социальный статус в принципе не предполагал какой-либо критики, а уж тем более столь вызывающей. Он не скрывал своего возмущения откровенным, как он выразился, холуйством перед Брежневым. В одном из номеров журнала количество ссылок на речи генсека превысило все возможные пределы. Их было больше, чем в своё время на Сталина в журнале «Под знаменем марксизма». В ответ стали приостанавливать публикации, которые шли в журнал с его подачи. В течение нескольких месяц из номера в номер без каких-

либо объяснений передвигалась статья Х. Весселя. Отклонили его собственную статью. При этом сам Фролов лично дистанцировался от этого решения, препоручив всё сделать Мамардашвили, и тот, увы, нашёл «нужные слова». Ему стало очевидно, что продолжать оставаться в составе этой редколлегии бессмысленно, и он написал заявление. Фролов поморщился, но молча подписал.

Осенью 1968 года он отказался увольнять с кафедры логики МГУ, которой в то время заведовал, двух молодых преподавателей — Ю. А. Гастева и В. К. Финна, которые принимали участие в диссидентской деятельности. Тогда его самого освободили от должности.

Он «вызывающе» дружил с А. С. Есениным-Вольпиным, инициатором «Митинга гласности» на Пушкинской площади 5 декабря 1965-го, который прошёл под лозунгом «Уважайте свою Конституцию» и требовал гласности суда над арестованными незадолго до того А. Синявским и Ю. Даниэлем. Он высоко ценил его как логика. Приглашал участвовать с докладами в своём логическом семинаре. Опубликовал в институтском сборнике его большую статью.

Тесные отношения связывали его с Эрнстом Неизвестным, который был в постоянном конфликте с советской действительностью. В его мастерской, бывшей своеобразным клубом свободомыслия и нонконформизма, он встречался и общался с лицами самых разных оппозиционных настроений. Здесь он был своим человеком. И об этом все знали.

Он не скрывал своего общения с иностранными коллегами и журналистами.

Всё это брали на учёт «товарищи учёные» (не только «доценты с кандидатами», но и доктора, и профессора) и своевременно информировали «товарищей» из Пятого управления.

И «товарищи» продолжали работать.

И всё же — проглядели!

События августа 1968 года — ввод войск Варшавского договора в Прагу и последовавшее за тем кровавое подавление Пражской весны — произвели гнетущее впечатление на всю советскую интеллигенцию. Они с Ольгой отдыхали в это время в Краснодарском крае, в Прасковеевке, в туристическом лагере московского Дома учёных. «Мы буквально окаменели, — вспоминал Зиновьев. — Отдых был испорчен. Для нас Чехословакия и Польша были не просто социалистическими странами, но странами, так или иначе бунтующими против

советского насилия и советскости вообще. И мы им в этом сочувствовали, как тысячи других московских интеллектуалов. Мы восприняли разгром пражского восстания как удар по самим себе. Я тогда сказал Ольге, что такое терпеть нельзя, что за это надо мстить „Им“, что „Им“ надо дать в морду. С тех пор мысль „дать Им в морду“ уже не оставляла меня»[343].

Он понимал, что расплата будет жестокой. Многочисленные примеры преследования диссидентов не оставляли сомнения в решимости властей подавлять всякое идейное сопротивление. Способов расправы было множество — тюрьма, лагерь, ссылка, принудительное лечение в психиатрической больнице, физическое насилие. Вплоть до убийства. О продолжении научной работы можно будет забыть. О материальном благополучии тоже. Но оставаться в стороне больше было нельзя. Как требует зиновьйога: «Не вступай в конфликт с властью по своей инициативе, но не уступай ей» (7-я статья «Конституции»).

Суверенное государство Александр Зиновьев приступило к мобилизации.

Что он мог предпринять? Выйти на площадь? Выступить с заявлением для международной общественности? Подписать протест? Организовать теракт? Но все эти средства, как показывал опыт тех же диссидентов, слабы перед монстром Советского государства, безжалостного и циничного. Необходимо более радикальное средство, способное нанести системе максимальный ущерб. И это средство — слово. И поскольку, скорее всего, это будет его *последнее слово в жизни,* оно должно быть предельной содержательной концентрации, предельного эмоционального заряда. Убийственное.

Он знал, что он скажет. Не проклятия. Не гневные тирады. Не обличительные глаголы. Он скажет правду. Но не ту, что боятся писать в газетах. И не ту, о которой не говорят с партийных трибун. Тем более не ту, что скрывают под грифом «совершенно секретно». Он не будет ничего разоблачать. Он не станет раскрывать секретов. Выдавать государственную тайну. Он будет говорить о том, что у всех на виду. О том, о чём все говорят. О том, что невозможно утаить. О повседневной жизни советских людей. О реальном коммунизме. О том социальном строе, который возник и сложился в конкретных исторических условиях, в конкретной стране. Но скажет он об этом не как историк, не как публицист, а как учёный. Объективный исследователь. На основе выработанной им методологии анализа жизненных фактов. В соответствии с теорией, которую выстроил с помощью отточенного логического инструментария.

Вернувшись в Москву, он даже попробовал начать работу над

главной книгой своей жизни. Но что-то не складывалось. Не шло. Писать обычный социологический трактат он не хотел. Не тот эффект. Сочинять традиционный роман ему самому было скучно. Все эти обязательные с точки зрения этикета романной поэтики описания лиц, одежды, интерьеров, пейзажей, копание в психологии выдуманных персонажей, разнообразные ухищрения сюжета, завязки, развязки, кульминации, катарсис, прочее искусство только уводят в сторону, размывают содержание, ослабляют смысл. Сатира, столь близкая ему, хороша, но всё же недостаточна для его замысла. Оказалось, мало знать, что хочешь сказать. Нужно ещё найти точную форму. Всё-таки он не был профессиональным писателем. У него не было необходимой в любом деле практики. Его последний, он же и первый, литературный опыт был двадцатипятилетней давности. За эти годы многое изменилось. И в нём, и в искусстве. Нужно было открытие. Прорыв. Книга — вещь серьёзная.

На эту внутреннюю работу ушло почти пять лет.

Параллельно он продолжал сосредоточенно заниматься логическими исследованиями. Ввиду новых обстоятельств, пока только одному ему ведомых, спешил опубликовать результаты своих многолетних трудов. Завершил и издал монографию «Комплексная логика». С помощью Весселя подготовил её немецкое издание. Выпустил книгу «Логика науки» и её англоязычный вариант. Буквально пробил выход в свет «Логической физики». Вывел на защиту нескольких аспирантов. Несмотря на постоянное противодействие, он уже набрал такую академическую массу, что его не так-то просто было остановить. Ему даже разрешили в 1971 году (вместе с Ольгой, ожидавшей их первенца) двухнедельную поездку в ГДР.

Осенью 1973 года Москву посетил выдающийся финский логик, ученик Витгенштейна, Георг Ханс фон Вригт, действительный член Финской академии наук, возглавлявший её в 1968–1970 годах. Он специализировался на проблемах неклассической логики, исследовал проблемы времени и изменения, причинности, детерминизма и вероятности, внёс ряд новаторских идей в разработку логической теории. Сопровождать фон Вригта во время его визита в СССР было поручено аспирантке Зиновьева А. М. Фединой. Она вспоминает: «Его приезд в Москву был связан с его желанием выяснить подробности визита Витгенштейна в 1930-е годы в СССР. Фон Вригт был аристократом не только по происхождению и образу жизни, он был аристократом духа. В бюрократично-чванливом обществе советской интеллигенции аристократизм фон Вригта

воспринимался как нечто простоватое, тем более что общался он исключительно по-английски. Его значимость была недооценена сотрудниками сектора логики. <…> Ленинградские логики оказались ещё менее заинтересованными в общении с фон Вригтом, нежели московские. Практически всё время пребывания фон Вригта было посвящено культурной программе»[344]. Работы Зиновьева были хорошо известны Вригту, и он хотел познакомиться с советским логиком лично. Зиновьеву тоже не надо было объяснять, кто такой Вригт. Они встречались несколько раз — в институте и дома у Зиновьевых, ходили в мастерскую к Неизвестному.

Через полгода, в апреле 1974-го, в канцелярию ИФАН из Финляндии пришло письмо на имя Зиновьева. Какое-нибудь очередное приглашение, наверное. Вскрыли конверт. Так и есть. Внутри сложенный пополам лист мелованной бумаги. Наверху невзрачная виньетка — сова, сидящая на дубовых ветвях в окружении листьев и желудей. Под ней большими красными буквами: SUOMALAINEN TIDEAKADEMIA. О, что-то из Финской академии. Дальше — не пойми что: «kutsuu täten teidät… ulkomaiseksi jäsenekseen… siten ilmaistakseen…» Господи, язык сломаешь! «…tunnustuksensa erinomaisista…» Час от часу не легче. «…tieteellisastä ansioistanne». Уф! Из всего текста понятно только вписанное чёрными чернилами имя «Professori Alexander Zinovjev». Печать. Подписи. Ладно, когда зайдёт, передадим. Пусть разбирается с этой абракадаброй.

Кто знает, если бы текст был написан на доступном институтским чиновникам английском языке, может, он бы и не попал в руки Зиновьева вовсе. Ведь это было не банальное приглашение на конференцию. Это был диплом об избрании его действительным иностранным членом Академии наук Финляндии — «в знак признания выдающихся научных заслуг». Когда стало ясно, в чём дело, решили шумихи не устраивать. Подумаешь, какая-то Финская академия наук! Ничего особенного. «Никаких публичных чествований не было, — пишет Федина, — и я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то просто подошёл и поздравил его с этим избранием»[345]. Даже в годовом отчёте не упомянули. Но на всякий случай потребовали от финнов, чтобы они, в качестве компенсации, избрали в свою академию ортодокса Федосеева.

Членство в Финской академии пришлось как нельзя кстати. Обстановка вокруг него ухудшалась.

В 1973-м его не переизбрали в состав Учёного совета ИФАН.

Отклонили (в который уж раз!) поездку на симпозиум по истории и философии науки в Ювяскюля в Финляндию. Финским коллегам соврали, что профессор Зиновьев не смог прибыть по

состоянию здоровья. Заявленный в программе и подготовленный им доклад о логическом анализе физических понятий был зачитан В. А. Смирновым[346].

Его, автора монографии «Логика высказываний и теория вывода», не включили в программу Всесоюзного симпозиума «Теория логического вывода», прошедшего в стенах ИФАН 25–27 марта 1974 года[347]. Как потом передали знакомые, работавшие в аппарате ЦК, было принято негласное решение «не создавать культа Зиновьева» и на время прекратить его публикации.

«Мои коллеги с особенным остервенением набросились на меня, когда я сразу потерял три важные позиции и лишился поддержки в Президиуме Академии наук и в ЦК, — с горечью вспоминал он о тех днях. — <…> Анонимные и явные доносы посыпались пачками во все учреждения, от которых что-то зависело по отношению ко мне. Моим студентам и аспирантам стали чинить препятствия. Мои ученики и соратники начали демонстративно меня предавать, боясь неприятностей и думая выгадать от этого. Мне потом сотрудники КГБ рассказывали, какие подлости в отношении меня делали те, кто прикидывался доброжелателем. Мне ещё никогда до сих пор не приходилось погружаться в такую помойку подлостей, злобы, клеветы и прочих нормальных мерзостей нормальной советской жизни, как в эти годы, причём благодаря усилиям людей, считавшихся моральной и интеллектуальной элитой советской философии. Меня перестали допускать даже на профессиональные встречи в моём институте и по моей теме»[348]. Международное признание было хоть какой-то защитой.

Среди значимых событий этого периода — переезд на новую квартиру. После смерти отца Ольги её мать предложила съехаться. Теперь у них было четыре комнаты. Две совсем крохотные — по 8 метров. Но зато у него появился свой кабинет, а у Полины — детская. По советским меркам — роскошные условия.

Кстати, благодаря им родился Зиновьев-живописец. Только теперь он получил возможность писать маслом и тут же этим воспользовался. Как и должно быть, первой работой стал автопортрет. Точнее, автопортрет с женой. Внешнее сходство лиц не оставляет сомнения в том, кто изображён. Он назвал картину «Художник и его модель». В ней много драматизма и экспрессии. «Модель», белый, гипсовый торс, условный и как бы застывший, обрезанный в талии, располагается в центре и занимает практически всё пространство картины. Голова повёрнута влево. «Художник», такой же белый, гипсовый профиль, без затылочной

части, точно посмертная маска, — в правом нижнем углу. «Модель» обращена к «художнику» спиной. Через большие круглые очки она внимательно и тревожно смотрит в-из-сквозь окно, густой синей пустотой прямоугольника охватывающее её фигуру. Выделяющее в самостоятельное пространство. Отделяющее. Торс стоит на подоконнике цвета охры. Ещё одна рама, алого цвета, идёт по периметру окна. Левая рука «модели» согнута в локте и как будто что-то (или кого-то) отстраняет от себя. Собственную тень, вьющуюся по стене? Рука выходит за границы окна, подоконника, оконной рамы и почти касается края картины, готова протянуться дальше, за её пределы. Но как будто робеет. Жест, исполненный тонкого лиризма и властности. Складка губ строгая, сдержанная. Она одновременно женственна, хрупка и необыкновенно сильна, напоена энергией. Лицо «художника» склонено вниз. Его глаза закрыты. Он замкнут в себе. Его «пространство» — стена из красного кирпича. Чувствуется знакомство с русским авангардом и западноевропейским сюрреализмом, общение с Карлом Кантором и Эрнстом Неизвестным.

Гений, в творческом диалоге с гениями он общался на равных. Тамара Зиновьева рассказывает характерный случай: «Неизвестный рисовал тогда эскизы рельефов для задуманного им циклопического сооружения „Древо жизни“. Нескончаемые полосы перекрученных телес должны были клубиться этакой капустой. Отдельные фрагменты графических эскизов воплотились в самостоятельные офорты. Их Неизвестный подарил Зиновьеву. Тот заказал для офортов нестандартных пропорций продолговатые рамки. Провисели офорты нетронутыми дня три.

Прихожу как-то раз — а к эриковским телесам добавились другие, выдававшие папину руку.

— Некультурно вторгаться в авторский подлинник, — сказала я.

— Очень хочется, — сказал папа.

Другой раз прихожу — а офорты раскрашены.

— Дядя Эрик видел? — спрашиваю. — И что сказал?

— Сказал, что ему цвет не даётся, а у меня получилось удачное колористическое решение.

Ещё раз прихожу — в рамках из-под Неизвестного висят оригинальные композиции.

— Зачем держать на стенах чьи-то картины, когда я могу свои нарисовать? — сказал папа»[349].

Стоит заметить, что Неизвестный относился к живописному таланту Зиновьева с большим уважением. Однажды в ресторане, на банкете по случаю пятидесятилетия Зиновьева, он воскликнул,

произнося тост в честь друга: «Зачем ты занимаешься этой логикой? С твоим даром ты мог бы быть выдающимся художником нашего времени».

Живопись Зиновьева неожиданна для тех, кто знаком с его карикатурами. Она совсем иная. В ней нет «литературности». Она иррациональная и основана на интуиции. Композиция строится не на сюжете, а на эмоциональной выразительности цветовых плоскостей и линий. Образы гипертрофированы и искажены. Это оборотная сторона логики. Её безумный двойник. Вся гармония осталась в алгебре. На холстах и картонах — застывший крик. Стон. Вой. Неумолкающий. Рвущий душу.

Похоже, что именно благодаря живописи он нашёл ответ на то, какой должна быть его Книга.

Свободной.

Свободой.

Освобождением.

В феврале 1974 года прогремел ядерный взрыв «Архипелага ГУЛАГ». Солженицына арестовали, в 24 часа вынесли приговор, лишили гражданства и выдворили из СССР. В стране бушевал шторм всенародной ненависти. Газеты задыхались от злобы. «Позор клеветнику». «Гнев и презрение народа». «Без роду, без племени». «Литературный власовец». «Пособник реакции». «Кощунство». «Политический слепец». «Лишь бы очернить». «Клевета за клеветой». «На руку врагам». «Отщепенец». «Позор предателю!» «Народ проклянёт». «Растленная душонка». «Злобный лжец». «Ненависть пожирает истину». «Солжец антисоветчиков». «Агент антикоммунизма». «Жалкий одиночка». «Отвергнутый народом». «Нам не по дороге». «Терпению пришёл конец». «Измену Родине не прощают». «Под небом Родины нет места предателю». «Сорную траву с поля — вон!» «Туда ему и дорога!» «Поделом». «Скатертью дорожка!» «Г-н Солженицын нам надоел». «Гражданская смерть». «Некролог клеветнику». «Позор новоявленному Иудушке!»[350]

Эта ярость, обрушенная на человека, сказавшего слово правды, не удивляла, не обескураживала и не пугала его. Напротив, вдохновляла. Доказывала, что выбранный им путь сопротивления верен, действенен. Мобилизовывала.

Перед расправой Солженицын успел выкрикнуть свой манифест «Жить не по лжи!». Его слова прозвучали набатом: «Когда-то мы не смели и шёпотом шелестеть. Теперь вот пишем и читаем Самиздат, а уж друг другу-то, сойдясь в курилках НИИ, от души нажалуемся: чего только *они* не накуролесят, куда только не тянут нас! И ненужное космическое хвастовство при разорении и

бедности дома; и укрепление дальних диких режимов; и разжигание гражданских войн; и безрассудно вырастили Мао Цзедуна (на наши средства) — и нас же на него погонят, и придётся идти, куда денешься? и судят, кого хотят, и здоровых загоняют в умалишённые — всё „они“, а мы — бессильны.

Уже до донышка доходит, уже всеобщая духовная гибель насунулась на всех нас, и физическая вот-вот запылает и сожжёт и нас, и наших детей, — а мы по-прежнему всё улыбаемся трусливо и лепечем косноязычно:

— А чем же мы помешаем? У нас нет сил.

Мы так безнадёжно расчеловечились, что за сегодняшнюю скромную кормушку отдадим все принципы, душу свою, все усилия наших предков, все возможности для потомков — только бы не расстроить своего утлого существования. Не осталось у нас ни твёрдости, ни гордости, ни сердечного жара. Мы даже всеобщей атомной смерти не боимся, третьей мировой войны не боимся (может, в щёлочку спрячемся), — мы только боимся шагов гражданского мужества! Нам только бы не оторваться от стада, не сделать шага в одиночку — и вдруг оказаться без белых батонов, без газовой колонки, без московской прописки.

Уж как долбили нам на политкружках, так в нас и вросло, удобно жить, на весь век хорошо: *среда,* социальные условия, из них не выскочишь, бытие определяет сознание, мы-то при чём? мы ничего не можем.

А мы можем — всё! — но сами себе лжём, чтобы себя успокоить. Никакие не „они“ во всём виноваты — мы сами, только мы!»[351]

Относятся ли эти слова к нему? Ведь он всегда был против «них». И никогда не входил в число этих «мы». Он — суверенное государство!

А если «не по лжи»? Такое ли уж «суверенное»? И что такое его «суверенитет»? Какова его социальная сущность?

Суверенитет нужно заявить. Суверенитет нужно предъявить.

Нужна декларация независимости.

Промедление невыносимо.

Звёзды сошлись. Он понял, что готов писать. К тому же само собой образовалось много свободного времени. Университетских занятий не стало. В институте он практически не был задействован. Аспирантов новых не было. Его недоброжелатели *сами создали* условия наибольшего благоприятствования для написания книги.

Он попробовал и, как писал Пушкин,

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,

Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Плывёт.
Куда плыть, он знал!

Название он берёг с победного сорок пятого. Хранил как заветную драгоценность. Как будто чувствовал, что оно принесёт ему мировую славу. Впишет его имя в русскую литературу.

«Зияющие высоты».

Оксюморон. Каламбур. Трагедия. Философская метафора.

Оксюморон. Высота — возвышенность на местности: холм, сопка, гора. Зияние — пропасть, провал. Бездонный, опасный, наводящий ужас. Гора не может быть пропастью. Высота *не может* зиять. Зияющая высота парадоксальная. Зияющая высота абсурдна. Бессмысленна.

Каламбур. Высота — одна из наиболее востребованных идеологических категорий советского периода. Она напрямую связана с категорией подъёма как поступательного преобразования действительности и наращивания материальных и духовных ценностей в целях максимального удовлетворения потребностей граждан СССР — в целях построения коммунизма. Поэтический образ вершины, высоты как символ коммунизма прочно вошёл в сознание советских людей уже в 1930-е годы. Он наполнен оптимистическим пафосом и положительной эмоциональностью.

Народные сказители, вознося хвалу Сталину, пели:

Идут за тобой
Миллионы людей —
К большой высоте
Пролагаешь ты путь.

Он неизменно встречается в речах делегатов XVIII съезда ВКП (б): «Грандиозные перспективы завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму поднимают на новую высоту несокрушимую волю большевиков и всего советского народа построить коммунизм»; «С самой высокой вершины мира — из Московского Кремля — видим мы всю жизнь человечества — его прошлое, настоящее и лучезарное будущее. С Кремлёвских высот, озарённых рубиновыми звёздами коммунизма, видим мы и сегодняшний день нашей родины,

нашей республики. Радостен и прекрасен этот день»; «<…> выполнение огромных задач, стоящих перед партией и страной, будет зависеть от нашего умения организовать труд и поднять коммунистическое воспитание трудящихся на такую высоту, чтобы мы могли сделать новый гигантский шаг по пути к полному торжеству коммунизма»; «Нет в мире силы такой, которая бы сокрушила нашу могучую родину, ведомую к высотам человеческого счастья партией большевиков во главе с нашим великим и горячо любимым всем народом т. Сталиным»[352].

В системе советского агитпропа устойчивое клише «сияющие высоты коммунизма» стало особенно популярно после внеочередного XXI съезда КПСС, запомнившегося сенсационным заявлением Н. С. Хрущёва о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». В докладе съезду, прозвучавшем 27 января 1959 года, Хрущёв говорил: «Мы всегда следовали и впредь будем неотступно следовать великому интернациональному учению Маркса, Энгельса, Ленина. Образно говоря, наша Коммунистическая партия рассматривает себя как один из передовых отрядов мирового коммунистического движения, который первым берёт высоты коммунизма. И на пути к этим высотам нас не остановят никакие лавины или обвалы, никто не заставит нас свернуть с пути движения к коммунизму»[353]. Этот образ подхватил и развил в своём выступлении делегат съезда, президент Академии наук Казахской ССР К. И. Сатпаев. Ему, жителю Алма-Аты, расположенного у подножия Тянь-Шаня, должно быть, он был особенно понятен и зрим. «Товарищи! — начал он своё выступление. — Глубокий и всеобъемлющий доклад Никиты Сергеевича Хрущёва на XXI съезде нашей партии озаряет светом ленинских идей все области жизни советского народа в его поступательном движении вперёд, к сияющим высотам коммунизма»[354]. Достаточно поменять одну букву, и «сияние» превратится в «зияние», ослепительная белизна горных вершин сменится беспросветным мраком ущелья. В условиях реального ухудшения социально-экономической ситуации в стране политический каламбур Зиновьева обретал особенную остроту и язвительность.

Трагедия. В лексиконе боевого офицера «высота» понятие вполне конкретное, материальное — возвышенность на местности. «Высота» понятие стратегическое. Военное подразделение, занимающее «высоту», имеет преимущество перед противником. С «высоты» легче контролировать прилегающую территорию, да и охват её значительно шире. Штурм и овладение «высотой» — одна из ключевых задач наступающей армии. Бои за взятие и удержание «высот» — самые ожесточённые и

кровопролитные. С обеих сторон.

Вцепились они в высоту, как в своё.
Огонь миномётный, шквальный…
Свинец и железо кромсали её,
Словно кулич пасхальный.

Ползли к высоте в огневой полосе,
Бежали и снова — ложились…
Как будто на этой высотке вдруг все
Дороги и судьбы скрестились[355].

Для советского человека, «высота» — образ трагический, овеянный героикой.

Да будет не забыт ваш подвиг,
Как не забыты будут те —
У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте[356].

Сражения за Зееловские высоты — один из ключевых эпизодов Берлинской наступательной операции. Победной.

Но если на месте высоты — зияние, провал, то в чём смысл победы? В чём смысл тех героических усилий, тех жертв, которые потрачены на её достижение? Вопросы предельной остроты и боли.

Философская метафора. Зияющие высоты — *вертикаль мироздания.* Из непроглядного мрака — к слепящему свету. Из небытия — в вечность. Она пугает и вдохновляет одновременно. Она таинственна и откровенна. Она — вопрос и ответ. Отчаяние и надежда. Опора и пропасть. Струна, звенящая в тумане. Мир велик и сложен. Он ограничен и безграничен. Он заключён между двумя безднами. Он соединяет собой эти бездны, плавно переходя в них. Из бездны поднимается к бездне и в бездну из бездны свергается.

Зияющие высоты — *вертикаль личности.* Из непроглядного мрака — к слепящему свету. Из небытия — в вечность. Она пугает и вдохновляет одновременно. Она таинственна и откровенна. Она — вопрос и ответ. Отчаяние и надежда. Опора и пропасть. Струна, звенящая в тумане. Человек велик и сложен. Он ограничен и безграничен. Он заключён между двумя безднами. Он соединяет собой эти бездны, плавно переходя в них. Из бездны поднимается к бездне и в бездну из бездны свергается.

Название его главной книги переливается смыслами, то издеваясь и оскорбляя, то воспевая и скорбя. Оно — тот «магический кристалл», сквозь который художник смотрит на мир и видит космос — под коим «хаос шевелится».

Вначале было слово.

ШКХБЧЛСМП

Слово?

Нечто нечленораздельное. Невыразимое. Невыносимое. Глухое.

Всхрип. Всхлип.

Откашливание. Отхаркивание. Сморкание. Безобразное. Бездарное. Бессмысленное. Тупое. Злобное. Агрессивное. Наглое.

И из него, из его шипения и кряхтения, судорог и конвульсий, вылупился

ИБАНСК

Город?

Нечто невразумительное. Невообразимое. Несносное. Гадкое.

Строй. Общество.

Уродливое. Ублюдочное. Неприличное.

Нецензурное.

Зато понятное. Знакомое. Родное.

Так, сплюнув, приступил он к работе.

И сказал он: «Как утверждают все наши и признают многие не наши учёные, жители Ибанска на голову выше остальных, за исключением тех, кто последовал их примеру. Выше не по реакционной биологической природе (с этой точки зрения они одинаковы), а благодаря прогрессивным историческим условиям, правильной теории, проверенной на их же собственной шкуре, и мудрому руководству, которое на этом деле собаку съело. По этой причине жители Ибанска не живут в том пошлом устарелом смысле, в каком доживают последние дни там у них, а осуществляют исторические мероприятия. Они осуществляют эти мероприятия даже тогда, когда о них ничего не знают и в них не участвуют. И даже тогда, когда мероприятия вообще не проводятся. Исследованию одного такого мероприятия и посвящается данный труд.

Исследуемое мероприятие называется ШКХБЧЛСМП. Название это составлено из первых букв имён видных его участников. Составил название Сотрудник, а в науку впервые ввёл Мыслитель, опубликовавший по этому поводу цикл статей на другую, более актуальную тему. Статьи были написаны на высоком идейно-теоретическом уровне, так что их не читал

никто, но все одобрили. После этого термин ШКХБЧЛСМП стал общепринятым и вышел из употребления.

Мероприятие было придумано Институтом Профилактики Дурных Намерений, проводилось под надзором Лаборатории Промывания Мозгов при участии Установочного Журнала и было подхвачено инициативой снизу. Мероприятие было одобрено Заведующим, Заместителями, Помощниками и всеми остальными, за исключением немногих, чье мнение ошибочно. Цель мероприятия — обнаружить тех, кто не одобряет его проведения, и принять меры»[357].

И увидел он, что это хорошо.

И продолжил: «В мероприятии участвовали две группы: испытаемая и испытающая. Эти группы состояли из одних и тех же лиц. Испытаемые знали, что за ними ведётся наблюдение. Испытающие знали о том, что испытаемым это известно. Испытаемые знали о том, что испытающие знали о том, что это им известно. И так до конца. При этом испытающая и испытаемая группы были автономны и не оказывали друг на друга влияния. Между ними не было никаких информационных контактов, благодаря чему было достигнуто полное взаимопонимание. Испытаемые руководствовались такими принципами: 1) а что поделаешь; 2) а что изменится, если; 3) наплевать. Как доказал Сотрудник, из этих принципов логически следуют производные принципы; 4) всё равно этого не избежать; 5) в конце концов, пора; 6) пусть они катятся в… Испытающие, напротив, придерживались таких принципов: 1) всё равно никуда не денутся; 2) сами всё выложат; 3) сами всё прикончат. Упомянутый Сотрудник вывел из них производный принцип: 4) сами во всём сознаются. Вопрос о том, доказуем в этой системе принцип „сами всё придумают“ или нет, остался до сих пор нерешённым. Но он в принципе не принципиален, ибо выдумывается всё само собой, так как выдумывать нечего, ибо и без того всё есть. Благодаря изложенным принципам удалось увеличить приток ненужной информации и сократить сроки. Мероприятие стало полностью самонеуправляемым и, как всякое хорошо задуманное и последовательно проведённое мероприятие, кончилось ничем. В мероприятии участвовали достижения науки и техники. В частности, Инструктору с помощью синхрофазоциклобетатронного пролазыра удалось проколоть пространство в районе туалета Шизофреника и зарегистрировать его намерение начать сочинение квазинаучного социологического трактата, которое пришло ему в голову в тот момент, когда он, страдая приступом запора, добился желаемого результата и подверг острой критике существующее устройство. Это

выдающееся открытие совершенно не освещалось в Журнале, и потому останавливаться на нём здесь нет надобности»[358].

И был День Первый.

Когда начальные страницы были готовы, он принёс их Ольге, перепечатать. Выждав время, подошёл. Она ещё не закончила работу, но отпечатано было уже достаточно. С осторожностью спросил: «Ну как тебе? Стоит это писать дальше?» Она обернулась. Её переполнял восторг. «Саша, это — шедевр. Такого никто никогда не писал. Это надо обязательно продолжать». Она почти задыхалась от волнения.

Конечно, и без её оценки он продолжил бы — Книга уже захватила его, уже требовала своего воплощения, — но столь пылкая поддержка любящего, любимого человека вдохновляла и радовала. Он ведь понимал, какой текст он создаёт и какой придётся держать ответ за него. И понимал, что ставит под угрозу судьбу, а то и жизнь, близких. О себе он не беспокоился. Он уже прожил жизнь. Он состоялся как учёный. Он напишет свою Книгу и выскажется в Ней как мыслитель и художник. А они, Ольга, Потя? Он не мог о них не думать.

«Пиши». Это было благословение. Требование. Мольба.

Его точно взорвало изнутри. Клокотавший десятилетиями вулкан мысли вырвался наружу. Раскалённая лава смыслов неудержимо выплёскивалась на бумагу. Он теперь только и жил Книгой. Он продолжал ходить на работу, выступать на заседаниях сектора, вести научную работу, по-прежнему занимался хозяйственными делами, гулял с малышкой, встречался с родственниками и знакомыми, но при этом думал только о Книге.

Он начал её как откровенную сатиру. Так ему было проще. Он имел богатый опыт сатирического высказывания. Он чувствовал законы жанра. Сатира помогала развить стартовую скорость. Но чем больше он писал, тем дальше отступал от канонов и принципов сатирического сочинения. Он не отказывался от них вовсе, но и не следовал им без необходимости. Он вообще не собирался привязывать себя к какому-либо литературному роду, виду, жанру. Он был *неправильный* писатель. Он был не-писатель. Его книга не была романом в традиционном значении этого слова. Она не была и трактатом. В ней не было линейной последовательности и сюжетной заданности. Он свободно включал в текст теоретические размышления, фрагменты воспоминаний, публицистические эссе, стихи, анекдоты. И, конечно же, бесчисленные диалоги на самые разные темы. Как и в логике, он для решения поставленной задачи применил *комплексный* подход.

Он строил свой квазигород изо дня в день.

Дом за домом: Школа ИВАШП. Сортир. Ларёк. Гостиница для интуристов. «Десять новеньких живописных церквей десятого века и ранее». Храм Ибана Блаженного. Забегаловка. Дворец Детей. Книжный Киоск.

Квартал за кварталом: «Новый район из домов, одинаковых по форме, но неразличимых по содержимому». Статуя Вождя. Завод. Ибанючкинская ГЭС. «Недавно открытая и давно заброшенная Мусорная Свалка». Проспект Победителей. Старобабье кладбище. Главная Стена. Ширли-Мырлевый Завод (ШИМЫЗ).

Учреждение за учреждением: Ибанская Военная Авиационная Школа Пилотов (ИВАШП). Органы Охраны Народа (ООН). Лаборатория Промывания Мозгов при ООН. Институт Профилактики Дурных намерений. Журнал. Институт Прикладной Губотерапии. Закрытое учреждение. Открытое учреждение. Хор писка и тряски. Газета. Срамиздат. Малый Неакадемический Полухудожественный Театр Правды и Комедии на Ибанке имени Органов (сокращённо МНАПХТПИКНИИОБХС). Большой Академический Полнохудожественный Театр Правды и Трагедии за Ибанкой имени Братии (сокращённо БАПХТПИТЗИИБ). Физический Институт Академии Наук (сокращённо ФТИАНИИ ХУЯЦЧШЩЭЫЮ). Братия. Журнал Теоретических Проблем Ночных Горшков и Иконостасов (ЖТПНГИИ). Всеибанское Общество Освоения Всей Вселенной Вокруг Земли (ВООВВВЗ). Научно-Исследовательский Институт Житухо-Обыденных Проблем (НИИЖОП, или, короче, ЖОП: «Десять стоэтажных корпусов из тетрациклина и хлорофоса, образующих как бы единое неразрывное целое»[359]). Главное Управление по Лепке Из Г… а. Министерство Еды и Питья. Высшая Профилактическая Школа (ВПШ). Наивысший Президиум Верховного Главного Бюро и т. д. (НВПВГБЦСВКБИ). Государственный Комитет По Очереди У Ларька (ГКПОУЛ). Союз Распространений Академической Книги (СРАК). Политическое Управление Пустяками (ПУП). Всеибанский Широкозахватный Институт Внеземных Цивилизаций (ВШИВЦ). Пленум Исполнительной Власти Академий (ПИВА). Институт Бальзамирования. Статистическое Бюро Ибанского Планирования (Стабиплан). Чрезвычайный Комитет По Организации Соревнования По Бегу На Всевозможные Дистанции Включая Бег С Препятствиями (ЧКПОСПБНВДВБСП).

Окрестности и сопредельные страны: Под-Ибанск. За-Ибанск. Неприсоединившаяся Буржуазно-Демократическая Республика

(НБДР). Запад.

Он населял квазигород квазижителями. Разных мастей и категорий.

Давал имена и прозвища.

Перво-наперво — Сотрудник.

Обыватели: Ибáнов. Ибáнова. Ибáновы. Курсант Ибáнов. Уклонист (Ибáнов). Убийца (Ибáнов). Патриот (Ибáнов). Пораженец (Ибáнов). Паникёр (Ибáнов). Сачок (Ибáнов). Мерин (Ибáнов). Жлоб (Ибáнов). Юморист (Ибáнов). Писатель (Ибáнов). Философ (Ибáнов). Чемпион (Ибáнов). Испытатель (Ибáнов). Модельер (Ибáнов). Подписант (Ибáнов). Журналист (Ибáнов). Официантка Жаба (Ибáнова). Токарь-Универсал (Ибáнов). Хлеборуб (Ибáнов). Почвоед (Ибáнов). Инженер (Ибáнов). Лётчик (Ибáнов). Хмырь (Ибáнов). Сожительница (Ибáнова). Участковый (Ибáнов). Спекулянтка (Ибáнова). Ревизор (Ибáнов). Браторг (Ибáнов). Маразматик (Ибáнов). Балда (Ибáнов). Лапоть (Ибáнов). Девицы (Ибáновы). Дворник (Ибáнов). Сторож (Ибáнов). Старуха (Ибáнова). Герои, Лауреаты, Депутаты (Ибáновы).

Правители: Хозяин (Ибáнов). Хряк (Ибáнов). Заведующий Иранском — Заебан (Ибáнов). Заместитель Заведующего Первого Ранга — Заперанг (Ибáнов). Заместители Заведующего Второго Ранга — Завторанги (Ибáновы). Помощник Заведующего Первого Ранга — Поперанг (Ибáнов). Помощники (Ибáновы). Заместители помощников (Ибáновы). Помощники Заместителей Помощников (Ибáновы). Министр (Ибáнов). Начальник (Ибáнов). Академик (Ибáнов). Директор (Ибáнов). Троглодит (Ибáнов). Старшие Сотрудники (Ибáновы). Младшие Советники (Ибáновы). Исполняющий обязанности (Ибáнов). Инструктор (Ибáнов). Начальник Школы (Ибáнов). Начальник Штаба (Ибáнов). Командир Гарнизонной Бани (Ибáнов). Политрук (Ибáнов). Старшина (Ибáнов). Начальник Караула (Ибáнов). Большой Полководец (Ибáнов). Полководец Поменьше (Ибáнов). Полководец Ещёменьше (Ибáнов). Глава под-ибанской делегации Глапоид (Ибáнов). Заведующий Под-Ибанском — Запод (Ибáнов).

Сотрудник.

Образованцы: Художник (Ибáнов). Карьерист (Ибáнов). Член (Ибáнов). Социолог (Ибáнов). Сослуживец (Ибáнов). Литератор (Ибáнов). Мыслитель (Ибáнов). Претендент (Ибáнов). Супруга (Ибáнова). Секретарь (Ибáнов). Кис (Ибáнов). Неврастеник (Ибáнов). Теоретик (Ибáнов). Некто (Ибáнов). Мальчик (Ибáнов). Распашонка (Ибáнов). Ибанист (Ибáнов). Крыс, Вша, Вошь, Тля, Мышь (Ибáновы). Дерьмук (Ибáнов) из Отдела Культуры. Вонючка (Ибáнов).

Интеллигенты: Шизофреник (Ибáнов). Болтун (Ибáнов). Клеветник (Ибáнов). Мазила (Ибáнов). Посетитель (Ибáнов). Правдец (Ибáнов). Крикун (Ибáнов). Певец (Ибáнов). Учитель (Ибáнов). Двурушник (Ибáнов). Лидер (Ибáнов).

И наконец — Сотрудник.

Он заставлял их вступать в разнообразные связи. Родственные, деловые, дружеские, сексуальные, политические, экономические, производственные, мафиозные. Они приказывали и исполняли. Руководили и подчинялись. Преследовали и скрывались. Наказывали и отбывали наказание. Объединялись и расходились. Протестовали и боролись. Спорили и соглашались. Убеждали и опровергали. Сочиняли трактаты и строчили доносы. Обсуждали и осуждали. Интриговали и сплетничали. Имитировали и обманывали. Подслушивали, подсматривали, провоцировали, подставляли. Пьянствовали, развратничали, предавали. Стояли в очереди.

Лгали, лгали, лгали, лгали.

Страдали и погибали.

«Над Ибанском всходило Солнце, освещая зияющие высоты наступающего изма и пробуждающийся к мирному труду довольный ибанский народ»[360].

Многие читатели и критики сравнивали Ибанск с Глуповом из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Но Ибанск вовсе не Глупов. Глуповцы были глупы и простодушны. И за это начальство их имело. Ибанцы совсем не глупы. Они себе на уме, и ум их достаточно развит. Они образованны и мыслят. Они вовсе не простаки. Начальство их, как и глуповцев, тоже имеет. Но и они сами в любой момент готовы поиметь начальство. И, что делает их совершенно непохожими на глуповцев, чем они отличаются от своих литературных предшественников, образуя новую историческую общность — ибанский народ, они непрерывно *имеют друг друга.* Ближнего своего и самих себя.

Утром, днём, вечером, ночью.

Дома и на работе.

В процессе производства, на перекурах, после окончания трудового дня.

На совещаниях, летучках, собраниях.

Во время парадов, демонстраций, субботников.

В гостях и на природе.

За бутылкой дорогого коньяка и в забегаловке.

Под забором и за забором.

В детстве, юности, зрелом возрасте, на пенсии.

В песочнице и в гробу.
В прошлом, настоящем и будущем.
Всегда и везде.

Умён народ ибанский,
Аж завидно, умён.
И стойкостью спартанской
Он в генах наделён.
По доброте душевной
Он учит всех, как жить.
В житухе повседневной
Что нужно есть и пить.
Какие людям книжки
Не велено читать,
Какие ребятишкам
Устои прививать.
Но гегемон-ибанец
Спасаемым на смех
Живёт как голодранец
Почти что хуже всех[361].

Ибанск тотален и вечен. Ибанизму нет пределов. Он не зависит от политических взглядов и национальности, от пола и возраста, от профессии и социального положения. Ибанизм — основа всего. Его впитывают с молоком матери. Им дышат. Он в крови. И в этом — беспросветная правда.

«Самое чёрное правдивое про самое светлое выдуманное»[362].

Он выдумал Ибанск, потому что жил в нём. Он сочинил историю Ибанска, потому что был её свидетелем и участником. Его вымышленные персонажи были его сослуживцами и знакомыми. Фантастика, гротеск, небывальщина Ибанска суть обыденность и повседневность, рутина и банальность окружавшей его действительности. Правда Жизни.

Такой реальной антиутопии мировая литература ещё не знала.

«Выдумывать правду — тяжёлый труд. А видимая жизнь непригодна для фразы. Всё бесформенно до исчезновения. Всё прямолинейно и угловато до тошноты. Ухватишься за что-то вроде важное и надёжное — видишь, что это пустяк или нечто, не имеющее даже названия. И нескончаемая слякоть слов, которыми нечего называть в реальности»[363]. Он шёл через это месиво бытия, возвращая утраченные имена и сочиняя новые. Окликая и

нарекая. Он очищал слова от идеологической плесени и гнили, извлекал их первозданную точность и смысл. Слова радостно стряхивали с себя муть неопределённости и лукавства, хищно терзали завравшуюся действительность, возвращая ей память, совесть и стыд.

Всё свободное время он писал. Когда удавалось, по десять, а то и по двадцать часов в день. Ясным, округлым почерком. Страницу за страницей. Не замечая времени суток и не чувствуя утомления. Он не пил кофе чашку за чашкой, как Бальзак, не выкуривал, как Маяковский, сигарету за сигаретой. У него был свой допинг. Раскалённая ванна, которую он принимал, чтобы, по его выражению, «расширить мозговые пазухи». Десять — пятнадцать минут чуть ли не каждый день. «Уму непостижимо, как он выдерживал эту температуру воды — практически кипяток!» — вспоминает Ольга[364]. Он диктовал ей готовые части, отдельные фразы, тезисы. Иногда — глубокой ночью. Она всегда с готовностью откликалась: «Рождалось нечто необыкновенное, и моё участие в этом процессе превращало мою жизнь в жизнь избранную, возвышенную, исключительную»[365].

Необычность усугублялась тем, что извержение вулкана шло практически *бесшумно*. Никто из окружающих не догадывался о том огне, которым он горел в те дни. Но ему трудно было удерживаться. Однажды он отнёс несколько глав Неизвестному, показать. Прочёл. Тот восторженно расхвалил, попросил оставить почитать. Оставил. Осторожность подвела или так был уверен в друге — не важно. Через некоторое время о том, что он пишет «разоблачительную книгу», стало известно «товарищам». В мастерской Неизвестного кто только не бывал! Стукачи паслись в ней бесцеремонно. Так или иначе, несколько раз, вернувшись домой, они обнаруживали, что в их отсутствие кто-то приходил и явно обыскивал квартиру — ценных пропаж не было, зато некоторые страницы рукописи исчезли. Нужно было что-то делать.

Во-первых, нельзя было медлить. Следовало опередить «товарищей» и написать книгу до того, как они начнут что-то предпринимать против неё. Во-вторых, книгу нужно было спрятать. Но где? У кого? Придумали не держать её в Москве или у знакомых, а переправлять по частям за границу, с тем, чтобы потом попытаться её там издать. Благо иностранцев в их окружении было достаточно. Тут очень помогла однокурсница Ольги Марина Микитянская, вышедшая замуж за француза. Она сама, друзья её мужа с готовностью включились в эту конспиративную деятельность.

Особенно значительную роль сыграла Кристина Местр, с

которой Зиновьевы познакомились через Марину. Кристина преподавала русский язык и регулярно приезжала в Москву. Однажды, по каким-то причинам, она остановилась не в гостинице, а у Зиновьевых. Они сдружились. Кристина намеревалась прожить у них пару дней, но в итоге пробыла почти три недели. Кристина стала одной из первых читательниц «Высот» и активным помощником в организации доставки рукописи на Запад.

О. М. Зиновьева вспоминает: «Зиновьев писал сразу, без исправлений, как есть, как изливалось и вырастало в объёмный поток первого романа XXI в., — так назвала его восторженная пресса 30 лет назад. Всю редакторскую, критическую, корректорскую работу приходилось делать мне, причём — в ходе перепечатывания рукописи: ни до, ни после у меня не было физически и фактически времени на это, потому что <…> всё тут же уходило из нашей квартиры, где нельзя было хранить ни строчки. В каких условиях я работала, очевидно, придётся писать ещё особо. Хочу только очень коротко остановиться на специфике. Печатать надо было без свидетелей. Когда? Ясно, что ночью, когда уже спала моя мама, жившая тогда вместе с нами на улице Кедрова в ещё не отобранной властями квартире; когда уже посапывала, разметав косы по подушке, наша Потя-Полинка; когда спали бдительные соседи, обычно днём не спускавшие с нас глаз. Где и как? Конечно же на кухне! Машинку я обкладывала подушками, под стол подстилала одеяла, дверь на кухню баррикадировала подушками с бордового дивана из гостиной <…>. В кухне делали „тёмную“, дабы свет в окне не привлекал ненужного внимания в доме напротив. Одновременно я печатала логическую книгу Александра Александровича, с тем, чтобы когда меня спрашивали (что случалось почти ежедневно): а что это я всё время что-то печатаю? — то я могла бы в любой момент указать на стопку уже напечатанной продукции по логике»[366].

Основная работа пришлась на лето 1974 года. Сняли дачу в Переделкине. Как оказалось, у бывшего секретаря Свердловского районного комитета партии. Алексей Яковлевич был человеком подозрительным и бдительным. Внешностью и повадками — вылитый почтальон Печкин из Простоквашина. Своим острым нюхом он сразу почувствовал недоверие к дачникам, которое усилилось после того, как, зайдя однажды, «по-соседски», в их комнату, обнаружил, что спальный матрац уложен ими на подпорки, сооружённые из томов собрания сочинений Ленина. Это же надо! И шуточки у этого профессора философии тоже какие-то двусмысленные. И жена у него — непочтительная. Молодая и «с гонором». Ведут себя странно. Вместо того, чтобы

водку пить и с бабой своей ласкаться, он всё время что-то пишет, она — печатает. Надо бы полюбопытствовать. Врёт, конечно, когда говорит, что логическую книгу сочиняет. Пойти, что ли, на помойку, посмотреть, не выбросили ли каких черновиков. И ходил. И подбирал. А они нарочно стали подкидывать ему листки с невразумительными значками, демонстративно припрятывать отпечатанные страницы логической статьи в ящик стола. И их там явно перебирали, когда жильцы уходили на прогулку. А черновики Книги лежали тем временем открыто. Рискованно, но психологически точно — раз не спрятано, значит ничего ценного.

Книга росла и набирала мощь. Он еле успевал за Ней. Она втягивала в свою орбиту всё новые и новые темы. Нужно было высказать всё, что было передумано им за эти десятилетия. Всё, что было понято и осмыслено. Всё, что наговорено в бесконечных беседах и спорах. Собрать. Суммировать. Подвести итог.

Снарядить заряд.

Злость, презрение, негодование, тоска, отчаяние, боль переполняли его. Он был безжалостен. Он не щадил никого. И в первую очередь себя. Мозг кипел, душа надрывалась.

За шесть месяцев лихорадочного труда он написал чуть ли не тысячу машинописных страниц плотного текста. Пора было ставить точку.

«Болтун получил в домоуправлении бегунок — бумажку, на которой должны поставить подписи многочисленные учреждения в знак того, что у Болтуна нет задолженности. Районная библиотека, детский сад, поликлиника, касса взаимопомощи, комиссия пенсионеров и т. д. Трёх дней едва хватило на это. Сдав бегунок и ключ от комнаты управдому и получив справку о том, что у него нет никакой задолженности на этом свете, Болтун пошёл в крематорий. Шёл не спеша, так как имел в запасе ещё целый час. Он хотел пройтись по проспекту Победителей. Но его не пустили дружинники. Весь проспект был битком забит очередью за ширли-мырли. Счастливые, подумал Болтун. Они ещё на что-то надеются.

Давай подведём итог, сказал себе Болтун. Самый краткий. В двух словах. Но самый важный. В чём основа основ человеческого бытия? Увы, ответ банален. Он был ясен с самого начала. И зачем нужно было прожить целую жизнь, чтобы убедиться в этом? Не знаю. Знаю одно: основу подлинно человеческого бытия составляет правда. Правда о себе. Правда о других. Беспощадная правда. Борьба за неё и против неё — самая глубинная и ожесточённая борьба в обществе. И уровень развития общества с точки зрения человечности будет отныне определяться степенью правдивости, допускаемой обществом. Это самый начальный и

примитивный отсчёт. Когда люди преодолеют некоторый минимум правдивости, они выдвинут другие критерии. А начинается всё с этого.

Недалеко от крематория Болтун встретил Сотрудника. Узнав о том, куда направляется Болтун, Сотрудник предложил провести его без очереди. В память о старой, проверенной годами дружбе. И провёл, поскольку имел здесь большие связи, сохранившиеся ещё с тех пор.

Над входом в кремационную камеру Болтун прочёл слова из речи Заибана, сказанной по поводу принятия Закона о Смерти: ПОМНИ! К ЭТОМУ ТЕБЯ НИКТО И НИЧТО НЕ ПРИНУЖДАЕТ! Он не знал, что над выходом из камеры были начертаны слова из последнего пункта Инструкции о Смерти: УХОДЯ, ЗАБЕРИ УРНУ СО СВОИМ ПРАХОМ С СОБОЙ! Но это уже не играло никакой роли. И в сознании вспыхнула последняя мысль:

Уже с юности было вполне очевидно:
Промелькнут, не заметишь, года.
Было только немного-немного обидно,
Что вовеки не будет Страшного Суда.
Никогда не подымутся люди из праха.
И истлевшее тело не сыщет душа.
И не будет ни радости им и ни страха.
Не будет, короче сказать, ни шиша.
Всё же жаль. Любопытно бы было когда-нибудь
На минутку-другую из мёртвых восстать.
В страхе божьем воззрить, как положено, на небо.
Перед Высшим Судьёй персонально предстать.
И услышать во гневе: „Ответь! Только честно!
А соврёшь, сукин сын, будешь вмиг уличён!
Что ты там натворил, нам всё это известно!“
Честно? Этому, Господи, я не учён.
Лучше сам загляни в свои книжки-гроссбухи,
Сам увидишь, что я — заурядный злодей,
Не протягивал слабому помощи руки.
Признаюсь, обижал безнаказно людей.
И душою кривил, признаюсь, многократно.
Доносил добровольно и в силу причин.
Клятву верности брал, приходилось, обратно.
Зад лизал с целью выйти в желаемый чин.
Лицемерил один. Клеветал коллективно.
Подпевал демагогии высших властей.
Руку жал проходимцам, хоть было противно.
Пил с мерзавцами всяких статей и мастей.

Так что видишь, Всевышний, прожил я безгрешно.
Если хочешь добром или злом наградить,
Если просьбы уместны при этом, конечно,
Прикажи меня впредь никогда не будить.
Мне известно, что мёртвым не больно, не стыдно.
И не мучает совесть их, как говорят.
Ну а главное — мёртвым не слышно, не видно,
Что на свете живые с живыми творят.

И его не стало. И наступил конец всему»[367].

Аминь.

Он покончил с Ибанском. Покончил с ибанцами.

Покончил с ибанцем в себе.

Он был удовлетворён сделанным. Даже если Книга не будет издана, он радовался тому, что он Её написал. Он чувствовал, что в нём произошло какое-то внутреннее обновление. Он поднялся на новый духовный уровень. Вышел из интеллектуального подполья. Он преодолел в себе дискурс логического высказывания, который был главным способом его литературной коммуникации с миром в течение почти двадцати лет и который, давая свободу социального поведения, удерживал его творческий потенциал в узких рамках специальности, сковывал его проповеднический пафос. В каком-то смысле слова он освободился от диктатуры логики. Он обрёл наконец *свой язык*. Он вырабатывал его в течение всей своей жизни и теперь смог его предъявить в законченной форме. Работа над Книгой стала завершающим этапом его формирования. В процессе писания он окончательно установил его порядок и правила, соединив научное знание и образность, введя эстетику логически обработанной мысли в пространство художественного вымысла, дополнив содержательную точность научных категорий и терминов эмоциональной выразительностью тропов.

И самое главное — он наконец описал-написал-записал всё то, что носил в себе все эти годы, что было предметом его неустанного размышления, что волновало и влекло. Он сделал это.

Прежний Зиновьев — Зиновьев-Болтун, Зиновьев-Шизофреник, Зиновьев-Клеветник, Зиновьев-Крикун, Зиновьев-Учитель, Зиновьев-Иба́нов — умер.

Родился Зиновьев — уникальный феномен мировой культуры XX века.

В начале 1975 года последняя порция рукописи была

переправлена во Францию. Книга была теперь недоступна для «товарищей». Черновики были уничтожены. Они с Ольгой наконец могли вздохнуть свободно.

Этот год оказался последним относительно спокойным периодом их жизни в СССР. Пока рукопись Книги искала своего издателя на Западе, он оставался законопослушным гражданином, выполнял свои профессиональные обязанности, занимался научной и педагогической деятельностью. Уже не ибанец, он продолжал жить в Ибанске.

В январской книжке журнала «Научные доклады высшей школы. Философские науки» вышла его очередная статья «Очерк эмпирической геометрии». Вместе с Х. Весселем он подготовил учебное пособие «Логические правила языка», в котором был дан полный курс логики: правила определения понятий (слов, терминов) и умозаключений (получение из данных высказываний новых), а также более сложных конструкций из понятий и высказываний. Книга вышла в Берлине на немецком языке. И там же вышло переработанное издание «Логической физики». (Их, впрочем, «не заметили» в итоговом отчёте сектора[368].) Одновременно он редактировал английский перевод «Логической физики». Из Варшавы пришло предложение подготовить к печати польское издание «Логики науки».

Его снова пригласили прочитать спецкурс по логике на философском факультете МГУ.

Своим чередом шли дела в институте. Он написал большую работу для коллективной монографии «Методы логического анализа языка науки», принимал участие в обсуждении статей других авторов. В марте на секторе состоялось обсуждение диссертации его аспирантки А. М. Фединой по теме «Логика классов с классообразующим оператором». И хотя некоторые коллеги высказали явное неприятие работы (особенно резко высказался А. Л. Субботин: «Я два раза пытался читать эту работу. К сожалению, диссертант не считает нужным оценить проделанную в этой области работу. Новая символика затрудняет понимание диссертации. Непонятно, в чём преимущество предлагаемой системы силлогистики? Что даёт эта работа? Я не почувствовал, в чём основная логическая идея автора»[369]. Замечание о символике — выпад непосредственно в адрес Зиновьева, так как речь о разработанной им системе символов. (Кстати, тот же камень в его огород бросил и А. Л. Никифоров: «В работе широко используется символика, предложенная А. А. Зиновьевым, мне такой символизм не очень понятен»[370].) В итоге диссертация была рекомендована к защите. Более того, Фединой утвердили научную командировку в Польшу, где она

участвовала и выступила с докладами на семинарах во Вроцлавском политехникуме и написала для польского журнала рецензию на книгу Зиновьева «Логическая физика»[371].

Его даже дважды премировали в течение года: в феврале выплатили 200 рублей за издание «Логической физики», в апреле — столько же «за успешное выполнение плана научных исследований 1975 г. и в связи с 30-летием Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне»[372]. Осенью и вовсе наградили медалью «За трудовую доблесть» — в связи с 250-летием АН СССР (Впрочем, ему, по статусу, полагался орден «Трудовой славы».)

Конечно, не обошлось без оскорбительных действий со стороны «товарищей» (и примкнувших к ним «доцентов с кандидатами»). В августе его в очередной раз не пустили в заграничную поездку — в Канаду на V Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. При том, что он по рекомендации дирекции, парткома и профкома ИФАН, поддержанной секретарём Ленинского райкома КПСС[373], был официально включён в состав советской делегации, а его доклад — переведён и опубликован в материалах конгресса. Очевидно, свою роль сыграло в этой истории то, что конгресс должен был проходить за океаном. Слишком далеко. Должно быть, опасались не уследить. Ведь про Книгу «товарищи» кое-что знали. И про то, что ищется соответствующее издательство, тоже. И не могли не учитывать этих обстоятельств. Мало ли что «выкинет» этот Зиновьев!

Вдруг обнаружилось, что куда-то пропало несколько частей Книги — «Сказка о Московии» и «Исповедь отщепенца». Человек, обещавший переправить их на Запад, клялся, что всё сделал, как договаривались, что передал их своим знакомым, которые должны были их передать знакомым Зиновьева, и т. д. Однако рукописи до адресата не дошли. Возможно, этот человек побоялся и в последнюю минуту их уничтожил. А может — что нельзя было исключать, — и вовсе передал их «товарищам». Как бы то ни было, нужно было восстановить утраченные куски, и он вновь погрузился в бурлящий поток Книги. Так началась работа, в итоге которой будут написаны роман «Светлое будущее» и повесть «Записки ночного сторожа».

Шло время, а никаких известий о возможной публикации Книги не приходило. Французские друзья пытались пристроить её то в одно издательство, то в другое. Посмотрев, полистав, почитав — рукопись возвращали. Русскоязычная эмигрантская среда была достаточно консервативна и осторожна. Кого-то смущал объём. Кого-то непривычная поэтика. Кто-то вообще

ничего понять не мог и разводил руками, кривился. Необычную книгу мог напечатать только необычный издатель. Но где такого найти? И есть ли он вообще? Казалось, что все адреса уже пройдены. Помочь могло лишь чудо. И оно случилось.

Его звали Владимир Дмитриéвич. Серб по национальности. Сын «врага народа» — его отец, непримиримый антикоммунист, после прихода к власти Тито оказался в тюрьме. В 1954-м в возрасте девятнадцати лет он по фальшивым документам бежал из социалистической Югославии на Запад. Обосновался в Швейцарии, получил филологическое образование в Невшательском университете, где под руководством профессора Стремоухова изучил русский язык. В 1966-м в Лозанне Дмитриевич создал небольшое издательство «L'Age d'Homme» («Век Человека»). Вскоре его талант, природный ум, знание языков и, главное, страсть сделали из него профессионала высшей пробы. Он читал всё и знал всё. Имел великолепный эстетический вкус и собственное видение современной литературы.

Издательская деятельность была для него не просто бизнесом. С самого начала он поставил перед собой цель, как он сам говорил, «навести мосты между Восточной и Западной Европой». Он создал серию «Библиотека славянских книг», или «Slavica», в которой начал издавать среди прочего русских писателей XX века в переводе на французский язык. Первой его книгой стал «Петербург» Андрея Белого, который для французского читателя подготовили Жорж Нива и Жак Катто. Затем последовали «Мы» Евгения Замятина, «Окаянные дни» Ивана Бунина, книги Розанова, Флоренского, Осоргина, Бабеля, Пильняка, Олеши, Мандельштама, Леонова, Солженицына. Издавались в этой серии и новые переводы русских классиков — Пушкина, Гончарова, Лескова, Чехова. За всё время своей деятельности в серии «Slavica» Дмитриевич издал около 600 произведений, став настоящим полпредом славянской письменности в Европе.

Он открыл маленький книжный магазин в Париже, куда еженедельно на грузовом фургончике сам возил из Лозанны книги. Здесь, в столице Франции, у него со временем образовалось много друзей. К нему с симпатией относились многие парижские интеллектуалы, оказывая поддержку его просветительской миссии.

Владимир Дмитриевич погиб в автокатастрофе 28 июня 2011 года за рулём своего фургона, везя в Париж очередную партию книг. «Я не знаю другого издателя, который работал бы столь же воодушевлённо, — сказал Нива, выступая на вечере памяти. —

Дмитриевич был истинным Дон Кихотом книгоиздательства, подлинным энтузиастом, бескомпромиссным, увлечённым, с чётко очерченными эстетическими параметрами. Его издательство, будучи стопроцентно антикоммунистическим, существовало при этом вне и поверх идеологических и прочих барьеров»[374].

Как всякий влюблённый в своё дело человек, он мечтал когда-нибудь совершить открытие, сделать нечто особенное и исключительное, что принесло бы не только коммерческий успех, но и нравственное удовлетворение — оправдание потраченных усилий. Оправдание жизни. «Он искал, как золотоискатель, не во имя красоты самого поиска, но ради находки. И ничто не могло сбить с пути его проницательности первооткрывателя: ни грандиозность текста, ни безумие перевода, ни, ещё менее того, антиконформизм писателя, — вспоминает Нива. — Он шёл прямо на „необъятных“, на тех, кто долго вынашивал всеобъемлющее произведение, где возобновлялось сотворение человека, его бой с богами и людьми»[375]. Прочитав несколько первых страниц «Зияющих высот», он понял, что его звёздный час настал. Из Парижа, где он в это время находился, он сразу же позвонил в Лозанну и чуть ли не прокричал в трубку, что наконец «получил её» — в издательстве знали, о чём идёт речь.

Дмитриевич стал главным издателем Зиновьева, выпустив на русском, французском, сербском языках несколько десятков его книг. Во многом благодаря Дмитриевичу Зиновьев состоялся как профессиональный писатель. Дмитриевич был в него просто влюблён. Дорожил им как зеницей ока. Печатал всё, что он писал. Устраивал презентации по всей Европе. Работал с прессой. Возил на книжные ярмарки и фестивали. Выдвигал на премии. Дмитриевич стал одним из немногих друзей Зиновьева на Западе, с кем ему было интересно общаться, у кого находил он понимание и поддержку. Их партнёрство и дружба сохранялись до конца жизни Зиновьева.

Известие о том, что Книга наконец нашла своего Издателя, пришло в Москву весной 1976-го. «От Александра требовалось дать согласие на это, — вспоминает О. М. Зиновьева. — Мы не спали всю ночь, обсуждая решающую для всей нашей дальнейшей жизни проблему, отдавая себе отчёт в том, какими будут последствия этого решения для нас. Уже серел рассвет, когда он после всех „за“ и „против“ изложил мне свою версию нашей будущей судьбы, если мы принимаем решение — печатать, мы теряем всё, чего достигли; его увольняют с работы; заключение или лагеря на 10–12 лет; меня с Полинкой высылают из Москвы; не исключено, что нас обоих лишают родительских прав… И

потом он сказал, что право решения в силу соучастия в этом эпохальном сюжете нашей жизни принадлежит мне и ответственность за семью лежит на мне. Мне решать: печатать „Высоты“ или нет. Я задала ему вопрос: „Сможешь ты спокойно после всего этого жить, зная, что ‘Зияющие высоты’ написаны и могут быть напечатаны, но останутся неопубликованной рукописью в твоём письменном столе?“ Он ответил: „Нет, не смогу“. Не было надобности драматизировать то, что мы и без того прекрасно понимали. Я подвела итог нашему обсуждению: даём согласие на публикацию книги»[376].

Решающий день приближался.

Никто не знал конкретных сроков, но внутреннее напряжение нарастало. Кризис разрешился неожиданно. В конце июня — начале июля предстояла поездка в Финляндию в город Ювяскюля на первый Советско-финский логический коллоквиум по теме «Теория квантификации и её обобщения» и IV Скандинавский симпозиум по логике. Ещё в декабре решением сектора логики ИФАН он вместе с В. А. Смирновым, А. Л. Никифоровым и Б. Н. Пятницыным был утверждён в качестве участника симпозиума[377]. Тогда же он предупредил, что если и в этот раз его не выпустят, он взбунтуется. Это было дело принципа — он ведь был иностранным членом Академии наук Финляндии!

Ибанцы его угрозы игнорировали и действовали по привычной схеме. Канцелярия деловито работала. Велась переписка с организаторами, составлялась программа. Послали текст доклада на перевод. Написали самую положительную характеристику. Утвердили и согласовали. Выдали все необходимые справки, в том числе о здоровье.

Казалось, что ему наконец удалось подчинить себе ситуацию. В середине июня Ольга с Полиной уехали отдыхать на дачу к друзьям в деревню Пятихатку, под Киевом. Он планировал присоединиться к ним после возвращения. Собрал вещи, упаковал чемодан. И тут ему сообщили, что он остаётся.

Ваш Ибанск!

Ну что ж, он объявляет войну. Он предупреждал.

Послал телеграмму Ольге, сообщил об отказе и своём намерении сделать заявление для западной прессы. Она ответила решительным одобрением. 27 июня он пригласил к себе домой группу знакомых журналистов, в том числе корреспондента «Ле Монд» Ж. Амальрика и шведскую журналистку Д. Хосту, и выразил протест против сложившейся в последнее время вокруг него ситуации. Его заявление уже на другой день появилось в нескольких западных изданиях (само собой — в Финляндии), было озвучено на радио.

В институте он встретился с секретарём парторганизации И. Г. Герасимовым и сказал, что выходит из рядов партии и просит принять у него партбилет. Герасимов был порядочным человеком, фронтовиком, из породы искренних коммунистов. Поступок Зиновьева (заявление для западной прессы) он осуждал, но понимал и его причину, да и всегда относился к Зиновьеву с уважением. Герасимов попытался отговорить его от столь решительного и категоричного шага, равного в условиях СССР по своей сути социальному самоубийству. Да и в целом ситуация была беспрецедентной. Такого в партийной практике ещё не было. Даже и решением парторганизации никого ещё из её состава не исключали. А чтобы по собственной инициативе человек отказывался от партбилета, этого даже и представить себе было невозможно. Такого и в Уставе КПСС не было предусмотрено. Герасимов напрочь отказался брать у него партбилет. Дошло до комического (хотя им было не до смеха): он вывел Зиновьева из парткома и заперся от него изнутри. Зиновьев подсунул свой партбилет под дверь. Герасимов вытолкнул документ обратно. Так они перепасовывались несколько раз, пока Зиновьеву не надоело, и он отнёс партбилет в канцелярию, где сдал недоумевающей секретарше. Там же написал заявление на отпуск.

Его нападение было неожиданным и стремительным. Противник недоумевал. Озадачен. Атаки с этого направления он не ждал. И хотя демарш Зиновьева для советской системы был всё равно что слону — дробина, ощущение было неприятным. Зачесалось.

Он поехал к своим. «Приехал он очень собранным и спокойным (внешне), но похудел и побледнел зверски»[378], — писала Ольга в Москву сестре Светлане.

Следом за ним направились «товарищи-сотрудники». Не успел он добраться, как к ним на дачу подселился ещё один «отдыхающий», якобы сотрудник МИДа. Тот факт, что он разместился в хозяйской комнате, тогда как саму хозяйку куда-то переселили, говорил о многом. К «отдыхающему» («товарищу») время от времени приезжали «друзья» («товарищи») из Киева. Так под бдительным присмотром, демонстративно не обращая на него никакого внимания, они прожили на берегу Днепра остаток лета.

Он писал «Светлое будущее» — роман, которому суждено было сыграть ключевую роль в их судьбе. Маски сняты. На войне как на войне. Действие романа разворачивается не в вымышленном Ибанске, а в реальной Москве, со всеми узнаваемыми реалиями времени и места. Его герои обычные граждане, служащие, работающие, учащиеся в советских

учреждениях, строящие коммунизм — «светлое будущее всего человечества». Они ведут себя как реальные советские люди. Они говорят о современности то, что они о ней думают и что на самом деле говорят реальные советские люди — в семье, на работе, в забегаловке. Ничего экстраординарного в их жизни не происходит. Никаких «за-ибанов», «под-ибансков», «ширли-мырли». Всё — как есть на самом деле. Всё по правде. Уродливо. *Без прикрас.* Если в «Зияющих высотах» сатирическая фантасмагория давала шанс оппонентам утверждать, что автор сгущает краски и всё умышленно искажает и очерняет, то «Светлое будущее» с этой точки зрения было неуязвимо. «Зияющие высоты» подобен атомной бомбе, не только разрушающей, но ещё и поражающей радиацией, оружие массового поражения с продлённым эффектом воздействия. «Светлое будущее» — бронебойный снаряд. В арсенале его государства, вступившего в войну за независимость, должны быть боеприпасы разного калибра и назначения.

Когда они вернулись в Москву, они ещё не знали, что 7 августа в бельгийском городке Лувен (Louvain) в типографии Rosseels Printing по заказу швейцарского издательства «L'Age d'Homme» был отпечатан первый тираж Книги. О её появлении стало известно 26 августа из сообщений западных радиостанций. Владимир Максимов, комментируя из Парижа эту новость, обратился к слушателям со словами: «Запомните это имя — Александр Зиновьев».

Его суверенное государство вышло на международную арену.

Книгу не ждали.
Не ждали читатели.
Не ждали критики.
Не ждали «товарищи».
Не ждал сам автор.

И уж меньше всего ждали сослуживцы. Они были в смятении. Не знали, как реагировать. Они ещё не переварили летний инцидент с его заявлением для прессы. Им в это-то было трудно поверить! Парткомиссия в составе Ойзермана, Семёнова и Ильенкова, созданная специально для установления всех обстоятельств случившегося, ещё не успела, ввиду летних отпусков, провести расследование и сформулировать свои выводы, а тут ещё Книга!

Выйдя из отпуска, он мгновенно ощутил, как переменилась атмосфера в институте. Коллеги буквально шарахались от него как от прокажённого, старались избегать с ним встреч. Завидев его в противоположном конце коридора, прятались по кабинетам

и аудиториям. А если неожиданно сталкивались, не здороваясь, спешили пройти мимо. Только самые «смелые», когда никто не видел, решались осторожно спросить, правда ли, что он написал антисоветскую книгу и издал её «за бугром» или же «голоса» врут. Он не оставлял им никаких надежд: правда. И «смелые» в панике ретировались.

Порывались многолетние связи. На глазах умирали дружеские отношения. Многие ещё в июне, сразу после того, как он выступил с протестом, поспешили сообщить ему, что не считают далее возможным поддерживать с ним отношения. Между ним и коллективом, в котором он прожил двадцать лет, стремительно воздвигалась стена отчуждения и страха. Ещё никаких репрессивных директив сверху в институт не поступало, а большинство уже поспешило от него откреститься. И ведь это были не худшие, как казалось, люди. В известном смысле слова, духовная элита советского общества. Эта чудовищная трусость коллег удручала более всего. Он не был удивлён или озадачен ею. Он всё знал наперёд, но от этого было не легче. Одна Ася Федина продолжала открыто общаться с ним. Она оказалась настоящим Другом.

20 сентября Кристина Местр привезла Книгу в Москву. Он наконец держал Её в руках. В это было трудно поверить. Вот чему стоило удивляться! И радоваться. Он не мог оторваться от Неё. Как ребёнок, неожиданно получивший подарок, о котором долго мечтал. Он всё время брал Её в руки. Поглаживал. Листал. Вдыхал запах типографской краски. Какая толстая! И тяжёлая! Отменный «кирпич»! 560 страниц! Таких толстенных книжек у него ещё не было. Шрифт мелкий, убористый. Печать чёткая. И формат большой. Строк на листе в два раза больше, чем в обычной советской книжке. То есть в пересчёте на наш стандарт более тысячи страниц выходит! Ого!

Бумага плотная, белая, совсем не такая, как у нас. И обложка — глянцевая. Мягкая, но плотная. Вверху крупно, чёрными буквами: «АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ». Ниже ещё крупнее, красно-коричневым цветом «ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ». Под названием — репродукция его картины. Над проступающими из мрака и черноты бордовыми силуэтами многоэтажек, во тьме ночи, заполняя собой всё небо, весь в болотной тине облаков навис над городом жуткий трупно-белёсый монстр. Гигантская харя. Отвратительная и тупая. Щерит гнилую пасть. Злобно, жадно, ненасытно пучит круглые пустые глаза. Что-то, кого-то напоминает. Истлевший череп Ильича? Призрак изма?

А на задней обложке — он, собственной персоной. Фотография любительская. Чёрно-белая. Слегка не в фокусе,

передержанная. Во всю страницу. Снят в полный рост. В плаще с поднятым воротником. Брюки — дудочкой. Ботинки — начищены. Вид пижонский. Вид шпионский. Правая рука в кармане (держит пистолет?). В левой — портфельчик (с секретными материалами?). В каком-то странном месте. Угол здания. Косой и неровный. На стене, за левым плечом, — вывеска: «СССР. Министерство высшего образования. Московский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени (ордена воспроизведены в правом и левом верхнем углах доски) Государственный университет имени М. В. Ломоносова. Философский факультет». Все строки разными шрифтами и разным размером. За углом — непонятный проходной двор. Грязный, бесформенный, пустой. Возле деревянной сараюшки виднеется детская коляска. Кривая пожарная лестница без ступенек. Забор. Лужа. Он — то ли позирует (судя по всему), то ли прячется за этим углом (очень похоже). Сбежавший с собственной лекции профессор. Джеймс Бонд из нашего двора.

На корешке смешная опечатка: «Зыяющие высоты».

И здесь же, на отвороте обложки — первая рецензия: «Каждое общество, рано или поздно, рождает своего Свифта; забившись в один из сотов общественного улья, укрывшись в потёмках, он, однако, не упускает ни единого из внезапных поворотов, сотрясающих исполинскую машину. Нет, он не приносит ни благих вестей, ни спасительных теорий, он даже не жалит, он плетёт свой кокон в теле врага, приноравливается к нему и, в конце концов, воспроизводит его, прикидываясь его подобием.

Таким нам видится автор этой удивительной книги — философ, москвич, известный за границей несколькими работами по формальной логике; но, оставляя логику, как некогда Свифт — богословие, он предлагает нам теперь самое фундаментальное сатирико-социологическое исследование советского общества. Этот гибрид, в котором есть нечто и от бурлескной эпопеи, и от платоновского диалога, представляет собою систематическое описание Страны Советов, выведенной под именем Ибанска. Кажется, будто все предшественники оставили здесь свой знак и след: Платон и Ионеско, Фонвизин и Хармс, моралистическая ода XVIII века и многомерная логика XX… Было бы упрощением видеть в этой книге ещё одну антиутопию наподобие замятинской. Или, вернее сказать, это было бы непозволительным ограничением. Если пытаться определить жанр книги, то лучше говорить именно о бурлескной эпопее, дарвиновской эпопее навыворот, в которой происходит систематический отбор посредственностей. Какой дотошный логик из мира Кафки „запрограммировал“ на бесчисленных перфокартах этот

непреложный кодекс законов антиджунглей? Параграфы его настолько действенны, насколько слова, за которыми они прячутся, должны быть строго бездейственны. Ибо гусеницы здесь никогда не вылупляются из яичек. Всё остаётся зачаточным, личиночным, незрелым, заключённым в дырявую клетку посредственности.

Враг, единственный подлинный враг — это новатор, творец, и потому автор этой гигантской притчи, в свою очередь, прячется в удивительном словесном коконе. Акт подражания в Ибанске замещает акт творения, почитающегося самым страшным среди злодейств. Повсюду главное дело оттесняется на задний план в пользу второстепенного или третьестепенного; так, управление любой человеческой деятельностью и надзор за нею становятся намного важнее самой этой деятельности.

Тревожные и нестерпимо тревожащие страницы вплетены в этот словесный кокон, где автор последовательно исчерпывает все повествовательные возможности (широта диапазона — от исповеди во сне до бурлескного диалога, от эпопеи до псевдофилософских споров, от непристойностей до лирики и от лирики до абсурда). Страшные эпизоды, вроде самоубийственной атаки штрафного батальона, истребляемого и с фронта, и с тыла в попытке захватить никому не нужную высоту, располагаются в уголках и складках пещеры, в которую автор заключил особую версию человеческих желаний — порабощённых и утолённых тоталитарным режимом.

Под „прозрачными“ (как в комедии XVIII века) псевдонимами угадываются Солженицын (Правдец), Евтушенко (Распашонка), Синявский (Двурушник), Галич (Певец), некоторые советские философы и, в первую очередь, скульптор Неизвестный (Мазила) — настоящий сократический герой этого долгого диалога, тянущегося под сенью Системы. Решительный пессимист, Зиновьев неизменно помещает себя внутрь Системы, которая, в его представлении, скорее разрастается, чем атрофируется. Законы Ибанска скоро будут нашими законами, а впрочем — они уже наши!..

И всё же, пробираясь по лабиринту этого нового платоновского Государства, читатель убедится, что гнетущий этот лабиринт есть, в то же время, избавительный переход и что беспощадная ясность и острота взора подарила Советскому Союзу нового, своего Щедрина»[379].

Свифт! Платон! Фонвизин! Замятин! Хармс! Ионеско! Кафка! Щедрин!

И это всё о нём!

Не-ве-ро-ят-но!

А ещё есть биографическая справка. Тоже на отвороте обложки. Сзади, там, где фотография. С перечислением его основных трудов по логике, изданных в СССР и за рубежом. Сказано и про то, как его притесняют: «Хотя ссылки на работы Зиновьева никогда не поощрялись, а скорее наоборот, его влияние на советскую логику и философию было весьма ощутимым. Не говоря о подражаниях и заимствованиях, он был одним из наиболее часто цитируемых философов в шестидесятые годы. Выдвигался на Государственную премию, но не был даже допущен до последнего тура „конкурса“. Выдвигался в члены-корреспонденты Академии Наук СССР, но не был избран. Многократно был приглашён на международные конгрессы и симпозиумы, но ни разу не был выпущен. Был членом редакционной коллегии журнала „Вопросы философии“, но вышел из коллегии в силу невозможности публиковать авторов по своему выбору. Некоторое время заведовал кафедрой логики Московского Университета, но был освобождён от заведования с целью „укрепления“ руководства кафедрой. В начале семидесятых годов в среде советских логиков началась активная дискредитация Зиновьева и его группы. В результате этого группа распалась, так и не успев сформироваться в устойчивое и способное к самозащите целое»[380].

Неужели всё это не сон?

Но не только он держал в руках свою Книгу. «Товарищи» тоже внимательно Её изучали. Что ещё за напасть? Их эксперты, которых приглашали когда-то прочитать и оценить те куски рукописи, что оперативным путём попали в их руки, заверили их тогда, что ничего особенного в этом тексте нет. Написано сбивчиво, скучно, путано. Непрофессионально. Никто это никогда не издаст. Но что ж тогда на Западе так ухватились за эту «белиберду»? Там не такие уж дураки, чтобы непонятно что превозносить. Вон, ярый антисоветчик Геллер что пишет: «Советская литература нескольких последних лет достигла зрелости, на которую трудно было надеяться после полувека Советской власти. Внутреннее освобождение талантливейших писателей родило „вторую литературу“, имеющую очень мало общего с официальной литературой. Книги Александра Солженицына, Андрея Синявского, Владимира Максимова, Аркадия Белинкова, которых заставили покинуть страну, книги Владимира Войновича „Приключения Чонкина“ и „Иванькиада“, „Верный Руслан“ Георгия Владимова, „Демобилизация“ Владимира Корнилова, мемуары Льва Копелева „Хранить вечно“ — писателей, продолжающих жить и писать в СССР, помогли

понять характер советского режима, суть советского общества. Но даже рядом с этими книгами „Зияющие высоты“ — явление особое. Книга Александра Зиновьева „Суммум советикум“ — анализ советской системы как явления не только русского, но универсального. Я не сомневаюсь, что вскоре „Зияющие высоты“ начнут цитировать по самым разным поводам, настолько глубоко и тонко понял автор самые разные стороны советской структуры»[381]. Нужно читать. Вчитываться. Перечитывать.

И читали. Вчитывались. Перечитывали. Отмечали карандашом. Выписывали. И чем дальше, тем становилось яснее, что оставлять это без последствий нельзя. Нужно пресечь. Наказать. Дать по шапке. А то, видишь ли, живёт в четырёхкомнатной квартире, работает в трёх местах, зашибает деньгу и ещё недоволен. Грязью всех поливает. Всё оплёвывает. Страна его вырастила, выучила, дала работу. А он — «Ибанск»! Обиделся, в членкоры его не избрали! А то, что докторскую защитил, получил профессора — это ерунда? И, между прочим, выдвигали же. Ну, не выбрали, так ведь не тебя одного. Но заметили, признали достойным! Книжек, вон, сколько тебе наиздавали. И за границей, между прочим. Надо ещё посмотреть, как это так получилось. Официально никто добро не давал. В былые годы можно было уже за одно это схлопотать. Коллеги его дискредитируют, оказывается! Так, может быть, не просто так. И не дискредитируют, а конструктивно критикуют. Он что же, всех умнее, один в логике разбирается, а все прочие — так себе, профаны безграмотные? Надо уметь принимать критику. Госпремию не дали. Ай-ай-ай! Вот беда! «Не был даже допущен до последнего тура „конкурса“». Какая несправедливость! Потерпи, заслужи. Добро бы с голоду умирал. Ничего, узнаешь скоро, как тебе «плохо» жилось. За границу не выпускают! А в Сибирь не хочешь?

В институте ждали указаний сверху, мялись. Вызывали на парткомиссию. Он не пошёл. По поручению партбюро с ним, «по старой дружбе», переговорил Ильенков. В разговоре «Зиновьев подтвердил, что он действительно давал интервью иностранным корреспондентам и сделал это вполне сознательно»[382]. На основе их беседы составили протокол комиссии. Представили в партгруппу сектора. В заключении комиссии было отмечено, что «заявление Зиновьева ставит его вне партии»[383]. Кроме того, обращалось внимание на то, что уже три месяца Зиновьев не платит партвзносы.

3 ноября состоялось партсобрание сектора, на котором предполагалось обсудить персональное дело Зиновьева. Он опять не пришёл. Собравшиеся, в составе Субботина, Рузавина, Таванца,

Смирнова, высказали единодушное осуждение действий Зиновьева. Решено было вновь вызвать его на партийное собрание группы через две недели, 17 ноября. Его, как и предыдущее, Зиновьев игнорировал. Секретарь парторганизации Субботин, сообщил собравшимся, «что, несмотря на вторичное письменное приглашение с уведомлением, чл. КПСС Зиновьев на разбор его персонального дела не явился. Однако в этот день и в это же время он присутствовал в институте и получил зарплату»[384]. Приняли решение: «Перенести обсуждение персонального дела чл. КПСС Зиновьева А. А. на 24 ноября 1976 г. Поручить т. Субботину послать т. Зиновьеву письменное приглашение с уведомлением»[385]. Но и 24 ноября — та же история. Субботин сообщил, «что, несмотря на приглашение в третий раз, Зиновьев на собрание не явился. Учитывая результаты обсуждения и обмена мнениями, состоявшимся 3 ноября, он внёс предложение исключить Зиновьева А. А. из членов КПСС, т. к. он перестал платить партвзносы, дал лживую информацию зарубежной прессе, трижды не являлся на собрание на обсуждение его личного дела и сдал свой партбилет»[386]. Затем выступили Таванец, Смирнов, Рузавин. Постановили: «За дачу лживой, антипатриотической информации буржуазной прессе, отказ платить членские взносы и отказ от партийного билета Зиновьева А. А. из членов КПСС исключить». Принято единогласно[387].

Уверенность пришла к коммунистам сектора логики в связи с тем, что наконец-то наверху тоже определились с отщепенцем. 15 ноября в ЦК КПСС была подана информационная записка КГБ СССР о книге А. А. Зиновьева «Зияющие высоты» с рекомендацией принять в отношении него партийные и организационные меры. Руководство института и руководитель парторганизации были поставлены в известность и предприняли соответствующие шаги.

2 декабря прошло партийное собрание института. Книгу, естественно, никто не читал, но осудили решительно и безоговорочно. Припомнили опыт проработки Пастернака. Говорили принципиально, по-партийному. Требовали исключить из партии. Уволить из института. Лишить учёных степеней и званий. Предать суду. Собрание проходило в присутствии заместителя заведующего отделом науки ЦК КПСС Н. В. Пилипенко.

Сам он на собрании не присутствовал. Он знал обо всём наперёд. Он описал это уже в «Записках ночного сторожа»: «Выражая волю руководимого им народа, начальство заявляет, что слова отщепенца — злобная клевета. Народ всенародно одобряет заявление родного начальства и клеймит отщепенца,

требуя принять суровые меры и очистить наше и без того здоровое общество от такого выродка. Некоторые требуют выгнать вон. Но их меньшинство. Большинство же требует посадить отщепенца. А выгнать — всё равно что высшую награду дать. Куда выгнать? На Запад? На Запад мы и сами за милую душу отщепились бы. Нет, ни в коем случае. Сажать надо. Давно пора, а то распустились. Наиболее преданные делу ибанцы требуют поставить отщепенца к стенке, чтобы для других был воспитательный пример. И гуманнее к тому же. И поставили бы, да время не то. Рано ещё»[388]. Рукопись «Записок» потерялась где-то по дороге на Запад, так, может, она оказалась в руках «начальства», которое, недолго думая, воспользовалось ими в качестве руководства к действию — его идеи всегда охотно подворовывали?

В итоге постановили: «Исключить Зиновьева А. А. из членов КПСС, ходатайствовать перед ВАК СССР и Президиумом АН СССР о лишении Зиновьева А. А. учёного звания профессора и учёного звания старшего научного сотрудника за антипатриотические действия, несовместимые со званием советского учёного»[389]. Сразу же после собрания состоялось заседание Учёного совета института. В результате *тайного голосования* 25 голосами членов Учёного совета из 25 присутствовавших было утверждено решение: «Лишить учёных званий „старший научный сотрудник“ и „профессор“ Зиновьева А. А. за антипатриотические действия, несовместимые со званием советского учёного»[390].

«Итак, я — Отщепенец. Это моя официальная кличка. Что такое отщепенец? Точное определение знает только начальство. Я могу дать лишь примерное описание. Отщепенец — это ибанец, который набрался наглости публично высказать своё мнение, не согласующееся с мнением начальства, а значит — и с мнением всего остального ибанского народа, ибо ибанское начальство только тем и занимается, что выражает думы и чаяния ибанского народа»[391].

На следующий день вывесили приказ директора об увольнении Зиновьева с работы. Он отреагировал тут же. Сделал соответствующее заявление для западной прессы. Дело в том, что, по советским законам, нельзя было просто так, без каких-либо оснований профессионального характера уволить с работы научного сотрудника. Требовалось соблюдение целого ряда процедур. В частности, проведение конкурса и решение Учёного совета. Конечно, организовать эти процедуры не составляло большого труда для дирекции института, но в пылу борьбы, в стремлении проявить рвение перед кураторами из ЦК, про закон забыли, или решили, что ситуация столь экстраординарная, что

можно пренебречь протоколом. Как бы то ни было, увольнение Зиновьева было незаконно. Да и Учёный совет ИФ АН не имел полномочий лишать его учёных степеней и званий. Он, как член экспертного совета ВАК, знал это как никто другой. Это он и сообщил журналистам.

Советское руководство, не так давно заявившее курс на разрядку международной напряжённости, не желало лишний раз мараться по пустякам. Решено было скандал замять в зародыше. По закону, так по закону! Без проблем. Мы же цивилизованные люди! Последовал звонок из ЦК, и приказ об увольнении был отменён. Это была крохотная, но всё же победа, дававшая надежду на возможность сопротивления.

Ещё один телёнок надумал бодаться с дубом.

Дуб зашелестел. Ибанская «Святейшая Инквизиция» дала делу ход. Из ВАКа пришли соответствующие разъяснения. 23 декабря Учёный совет ИФ АН снова рассмотрел дело Зиновьева и принял решение ходатайствовать перед ВАКом о лишении Зиновьева научных степеней и звания. Так-то!

К 19 января 1977-го прочую необходимую бумажную работу также исполнили. Заседание Учёного совета, состоявшееся в этот день, было намеренно деловым, без каких-либо следов экстраординарности. На повестку дня было поставлено обсуждение нескольких монографий и сборников. В частности Е. Д. Морджинская представляла коллективный труд «XXV съезд об актуальных проблемах идеологической борьбы», Б. В. Богданов — «Марксистская философия в XIX веке», А. Д. Урсул — «Кибернетика и диалектика», А. С. Богомолов — «Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции», Н. И. Степанов — монографию Л. В. Баженова «Строение и функции естественно-научной теории»[392]. Лишь после этого предполагалось проведение конкурса по избранию на новый срок. Оглашая рабочую повестку, директор института Б. С. Украинцев постарался придать этому пункту самый обычный, чуть ли не рутинный вид. «Мы уже начали эту работу по избранию на должности на новый срок, — сказал он, — но наше внимание было обращено на то, что нужно активизировать эту работу — очень медленно это делается»[393]. Действительно, последний раз Зиновьев проходил конкурс осенью 1970 (тогда за него проголосовало 15 человек из 15 голосовавших)[394]. Ничего особенного. Жизнь идёт своим чередом.

Заседание началось с «приятного сообщения», которое сделал секретарь Учёного совета А. И. Арнольдов: «Многоуважаемые члены учёного совета! Сегодня нашему товарищу, В. С. Семёнову (тому самому, что вместе с Ойзерманом и Ильенковым входил в

парткомиссию, разбиравшую летний инцидент. — *П. Ф.)* исполнилось 50 лет — возраст самый чудесный, полный творческого энтузиазма. Для того чтобы не задерживать внимания Учёного совета, разрешите зачитать адрес юбиляру от коллектива сектора (читает адрес). Кроме того, к нам поступил адрес от коллектива Института марксизма-ленинизма. Поступил также адрес из Алма-Атинского педагогического института, с такими же тёплыми и добрыми поздравлениями юбиляру. Разрешите пожелать нашему дорогому юбиляру здоровья и дальнейших творческих успехов»[395]. После приветственных аплодисментов растроганный юбиляр взволнованно отвечал: «Дорогие друзья! Товарищи! Всем Вам большое спасибо. Вся моя научная жизнь связана с Институтом философии. Здесь закончена моя аспирантура, защищена кандидатская диссертация, затем докторская. Вообще, вся жизнь моя связана с коллективом института, который показал пример того, как нужно работать, потому что здесь работают замечательные товарищи и я всегда чувствовал их поддержку. Всегда было очень приятно вместе работать и вместе с тем чувствовать большую ответственность, потому что видел, что люди тебя обгоняют, и хочется не отстать. Я надеюсь, что ещё многие годы мы будем работать вместе. И я очень благодарен этому замечательному коллективу — коллективу Института философии»[396].

Как-то невольно вспоминаются здесь слова О. М. Зиновьевой: «Незабываемым и саднящим душу останется период страшной пустоты, безлюдья и умершего, а потом и вовсе отключённого телефона в период с конца августа 1976 года по февраль 1977-го…»[397]

Все в умилении хлопают в ладоши. Украинцев с напускной строгостью по-доброму шутит: «Помимо личной ответственности, на Владимире Сергеевиче лежит ответственность за сектор; так что ответственность Ваша возрастает и ко дню Вашего 60-летия мы со всей строгостью будем с Вас спрашивать»[398]. Одобрительные улыбки, кивки. Просто идиллия! Какая «инквизиция»? О чём вы? Здесь одни «товарищи учёные». Сидим, никого не трогаем, примус починяем. То бишь наукой занимаемся. Ну и организационные вопросы, само собой, решаем. По мере надобности.

С Зиновьевым расправились в рабочем порядке. Заслушали протокол заседания сектора и без долгих обсуждений — а чего обсуждать-то? — приступили к голосованию. Хотели поскорей от него отделаться? Не терпелось вычеркнуть его из своей жизни? Избавиться от наваждения?

Пока шёл подсчёт голосов, хотя можно было и не считать, и

без того результат был известен, Украинцев поделился ещё одной заботой: «У нас нехорошо получилось. В своё время Учёный совет принял постановление об утверждении серии работ, в том числе работы Ойзермана. Затем эти события с работой Зиновьева, а мы уже оформили эту работу. Но я начал ещё раз смотреть работу Ойзермана и поручил товарищу Мотрошиловой о ней доложить. Она знала, что у Ойзермана целые страницы цитат из Зиновьева. Она это знала, но не доложила. Когда я их вызвал, она вела себя агрессивно. Работы я не читал и просил Юрия Владимировича об этом доложить, но на всякий случай мы просмотрели серию, и там оказалось три ссылки и одна благодарность Зиновьеву. В общем, я посоветовался с руководством Академии, с Петром Николаевичем (Федосеевым. — *П. Ф.)* и мы пришли к выводу, что эту работу нельзя представить на премию, и работа была отозвана. Я прошу отменить постановление о представлении работы. Мы представим наших авторов по другим работам, но эту работу нельзя представлять. Это не их вина, они не знали, что Зиновьев так относится, но так получилось»[399]. Постановили: «Отменить решение Учёного совета от 1 декабря 1976 г. О выдвижении серии трудов „Диалектический материализм и современное естествознание“ на Государственную премию СССР и об отмене решения Учёного совета от 9 декабря 1976 г. О выдвижении монографии чл. — корр. АН СССР Ойзермана Т. И. „Проблема историко-философской науки“ на Государственную премию СССР»[400]. Из-за какого-то одного клеветника невинно пострадало столько честных ибанцев!

Наконец сделала своё дело счётная комиссия. Три доктора философских наук исправно потрудились: «За избрание Зиновьева на новый срок на должность старшего научного сотрудника подано 23 бюллетеня: голосов „за“ — нет, „против“ — 23, недействительных бюллетеней — нет. Таким образом, единогласно не аттестуется Зиновьев на должность старшего научного сотрудника»[401].

Контрольный выстрел — утверждение результатов голосования. Возражений нет. Протокол подписан. Приговор вынесен. Обжалованию не подлежит. Заседание закрыто.

Уставшие, но довольные ибанцы разбегаются по своим норам.

Архивные документы сохранили имена «товарищей учёных», единодушно бездушно и малодушно предавших своего коллегу, но вряд ли их мёртвые души достойны того, чтобы остаться в «ревизской сказке» русской Истории. *Рядом* с именем Александра Зиновьева.

На следующий день, 20 января 1977 года, вышел *законный* приказ об увольнении.

Паршивую овцу из стада вон! Ну, не овцу, телёнка, — какая разница! — вон!!!

И стою я перед строем,
Скажем прямо, не героем.
Политрук прочесть спешит,
Перепутав падежи,
Все спряженья и склоненья,
Про мои про преступленья.
Плохо койку заправлял.
В «молоко» в мишень стрелял.
И шагал не с той ноги.
И не чистил сапоги.
И газеты не читал.
На уроках нагло спал.
В час тяжёлый над страной
«Флиртовал» с чужой женой.
А по чьей вине уплыла
Из каптёрки пачка мыла?!
Преступлений всех не счесть.
Опозорил части честь.
Но всему придёт финал.
И теперь — под трибунал!
Что стоишь, молчишь, как пень?!
Снять значки! Долой ремень!
Мне ж как будто наплевать.
Будто мне не привыкать.
Больше вышки не дадут.
Дальше фронта не пошлют[402].

Эту часть сочинённой им в УВАШП «Баллады о неудавшемся лётчике» Зиновьев реконструировал как раз в дни, когда над ним шёл процесс расправы. Пожалуй, её строки точнее всего передают его психологическое состояние той поры. И готовность ко всему.

Шепчет в щёлку часовой:
Собирайся! За тобой!
Вот лишь подпись подрисую,
Сапоги переобую,
И уйду отсюда прочь
Навсегда куда-то в ночь[403].

Но как бы ни хотели власти сделать всё по-будничному тихо,

с ним уже нельзя было так поступить. К тому же он теперь не был ничем связан. Телёнок бодался как мог. О своём увольнении он сообщил западным журналистам, подчеркнув, что его изгнание из института напрямую связано с публикацией «Зияющих высот». Он обратился к своим западным коллегам с призывом поднимать эту тему во всех беседах с представителями советской науки и власти. Европейская пресса — парижская «Figaro», мюнхенская «Süddeutsche Zeitung» и др. — опубликовали соответствующую информацию. «Голоса» озвучили её в эфире. Гласность была единственной формой защиты в сложившихся обстоятельствах.

А жернов расправы продолжал своё вращение.

Академия наук СССР вошла в Президиум Верховного Совета СССР с представлением о лишении Зиновьева правительственных наград, в том числе боевых, «за его злостную антисоветскую деятельность». 27 января представление было рассмотрено на совещании у заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Баркаускаса А. С. «Совещание признало необходимым внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР предложение о лишении Зиновьева А. А. наград за совершение порочащих поступков». 1 февраля проект соответствующего указа был направлен в Президиум Верховного Совета СССР[404].

3 февраля навсегда умолк телефон[405].

4 февраля Президиум Высшей аттестационной комиссии при Совете министров СССР рассмотрел ходатайство специализированного совета при Институте философии АН СССР о лишении Зиновьева учёных степеней кандидата и доктора философских наук. Решение его было предсказуемым: «1. За совершение антипатриотических действий, несовместимых со званием советского учёного, в соответствии с п. 104 „Положения о порядке присвоения учёных степеней и присвоения учёных званий“ лишить Зиновьева А. А. учёной степени кандидата философских наук (диплом МФС № 000566), учёной степени доктора философских наук (диплом МФС № 000051), учёного звания старшего научного сотрудника (аттестат МСИ № 002392), учёного звания профессор (аттестат МИР № 006992). 2. Дипломы и аттестаты Зиновьева А. А., перечисленные в п. 1, считать недействительными и подлежащими сдаче в ВАК СССР»[406]. Особенно трогателен пункт 2 решения ВАК. Как там в «Зияющих высотах», в последнем пункте Инструкции о Смерти? «Уходя, забери урну со своим прахом с собой». В данном случае — сдай урну со своим прахом в колумбарий. Они что, всерьёз думают, что он понесёт сдавать им свои дипломы?

Впрочем, не до смеха.

Начальник отдела кадров Института философии сообщает председателю Севастопольского райисполкома г. Москвы В. П. Щелкунову: «Доводим до Вашего сведения, что бывший сотрудник нашего Института ЗИНОВЬЕВ А. А., проживающий по адресу: ул. Кедрова, д. 13, корп. 1, кв. 49, решением ВАК при СМ СССР от 4.02.77 года лишён учёных степеней доктора и кандидата философских наук и, таким образом, не пользуется льготами, предоставляемыми научным работникам в соответствии с Постановлением ВЦП К и СП К от 1930 года „О праве на дополнительную жилую площадь“»[407].

Его с семьёй снимают с медицинского учёта в академической поликлинике.

Похоже, в своей тупой и злобной мести возглавляемые заибаном ибанцы и подибанцы готовы стереть его в порошок. 4 февраля в присутствии Ю. А. Левады и А. М. Фединой он составляет завещание: «Я, Зиновьев Александр Александрович, предоставляю моей жене Зиновьевой Ольге Мироновне неограниченное право распоряжаться изданием и использованием моих сочинений за пределами СССР, а также получать и использовать по своему усмотрению причитающиеся за это мне гонорары»[408]. Не напрасная предосторожность. Практика «случайных» смертей диссидентов, «несчастных случаев» и «хулиганских нападений» уже вошла в обиход соответствующих структур.

17 февраля он передаёт западным журналистам письмо, в котором заявляет о невозможности продолжения своей работы в СССР по специальности «Логика». «Единственный выход в этой ситуации, — говорится в заключение письма, — я вижу в возможности предоставить мне визу для выезда на работу за рубеж»[409].

Некоторое время спустя — «в ответ» — из Севастопольского райисполкома приходит повестка — приглашение на собеседование. По какому вопросу, не указано. На приём, прихватив с собой Полину, отправляется Ольга, опасающаяся провокации в отношении мужа.

«В большом кабинете чиновник сидел, отгородившись от нас большим канцелярским столом, — вспоминает она, — с лицом, отразившим оторопь, т. к. по идее должен был прийти Александр Зиновьев, а пришла я с Полинкой.

— Здравствуйте, я пришла по Вашему приглашению. (В ответ молчаливый кивок.) Я, пожалуй, сяду, коли Вы не предлагаете.

— Но должен был прийти Ваш муж.

— Он занят.

— И чем же это он занят? Он ведь безработный!

(саркастически).

— Что Вы, у него много дел. Книги, статьи…

— И где же это он работает?

— Дома.

— А Вы знаете, что по советскому законодательству он тунеядец?

— Неужели? Человек провоевал всю Великую Отечественную войну, проработал в МГУ и Академии наук, только трудовой стаж 27 лет, — и вдруг „тунеядец“?

— Ну, ведь он сейчас официально нигде не числится. А у нас в Советском Союзе все должны работать. У меня есть интересное для него предложение по трудоустройству. Вот, он может поехать в Новосибирск, работать лаборантом…

— Боюсь, он с этим не справится. Ведь он только академик, доктор наук и профессор…

— Его лишили всех званий!

— Но не смогли лишить знаний и авторитета в мировой науке…

— Ну, хорошо. А чего это Вы с ним нянькаетесь? У него свои счёты, а Вы молодая. — Пусть он занимается, чем хочет, а мы (райисполком? горком? партия? правительство?) поможем Вам поступить в аспирантуру, а дочку устроим в детский сад. Бросайте Вы его, тем более что он Вас намного старше.

— А как бы Вы отнеслись к тому, если бы Вашей жене предложили то же самое?

— Моя жена не оказалась бы на Вашем месте!

— Это верно.

— Так вот, пока с Вами разговаривают, а потом будете проситься, Вас никто и нигде не примет! Приползёте на коленях, умолять будете!

— Нет, это Вы будете просить нас. До свидания. (В ответ что-то нечленораздельное, возмущённое, плюющееся. Его можно было понять: ведь он не смог выполнить поручение высшего начальства)»[410].

28 февраля Президиум ВС СССР издаёт указ «О лишении Зиновьева А. А. ордена и медалей СССР» № 53217-IX. Заведующий управлением кадрами АН СССР, генерал-лейтенант Г. А. Цыпкин вызвал Зиновьева и объявил ему это решение. Зиновьев ответил: «Геннадий Александрович, Вы же сами боевой генерал, прошли фронт и знаете цену военным наградам. Как же Вы можете требовать, чтобы я вернул свои боевые награды? Нет, не Вы их мне вручали, не Вам их у меня забирать». И ибан-лейтенант не нашёл что ответить. А после его ухода, сказавшись больным, срочно уехал на дачу и несколько дней пил[411].

Тем временем Книга стремительно наполняла Москву. Её тайно везли через границу. Её копировали. Переснимали на фотоплёнку. Переписывали! Давали читать на ночь. Л. Н. Митрохин вспоминал: «Роман сразу же был объявлен контрреволюционным произведением, и чтение его приравнивалось к антисоветской деятельности. Мне его с величайшей предосторожностью и только на одну ночь передал Ю. Ф. Карякин. Позже вместе с ним мы обменивались впечатлениями. Я не буду особо расписывать, какое громадное впечатление он произвёл на нас неистощимой авторской изобретательностью, образностью, точностью социального диагноза, неистовым чёрным юмором. В то же время нам показалось, что текст местами выглядит рыхлым, в нём встречаются повторения, не всегда ясна сюжетная линия и т. д. В одном мы были согласны: роман написан на другом уровне, чем прежние диссидентские книги, с которыми мы оба были знакомы, и это придаёт ему такую энергетическую мощность»[412].

«Александр Зиновьев явился в пору полного разгула литературности, — напишут спустя годы П. Вайль и А. Генис. — Русская словесность, охолонув от оторопи бессловесных 50-х, словоохотливости первой половины 60-х, приходила в себя. И даже уже пришла, обозначив вехи, критерии и пути развития. После полузабытого образца „Доктора Живаго“ пришли солженицынские книги, за ними — романы Максимова, „Верный Руслан“ Владимова, „Чонкин“ Войновича. На параллельных путях — от фантасмагории Ерофеева до романа-эпоса „Сандро из Чегема“ Фазиля Искандера. <…>

Тут-то и появилась аморфная груда страниц под именем „Зияющие высоты“, написанная Александром Зиновьевым. Человеком, который всё делает назло литературе. Идея расплывчата и противоречива; сюжета нет вовсе; композиция хаотична настолько, что не хочется употреблять слово „композиция“ вообще; герои без имён-отчеств и человеческих чувств; заумь научных трактатов смешивается с матерной руганью; время от времени среди прозы зачем-то стихи.

Всё — „не как в книжках“.

Всё — не как у людей»[413].

«Голоса» наперебой читали избранные главы. Прошла серия передач, на «Радио Свобода», «Немецкой волне», Би-би-си.

Над страницами Книги смеялись. Её обсуждали. Разгадывали прототипы персонажей. Узнавали. Сомневались. Спорили.

Ибанск! А ведь точно! Так и есть! — Гомерический хохот.

Ибанск. Какая пошлость. Дурновкусие. — Кривая усмешка.

Ибанск? О чём это? Как понимать? — Недоумённый взгляд.

Заибан! Иначе не скажешь! — Истерический смех.

Заибан? Гад! Сволочь! К стенке его! — Остервенелый оскал.

Заибан. Можно и так. — Непроницаемая маска.

Гротескный мир «Зияющих высот» был до боли знаком каждому. Радость и горечь узнавания теснили друг друга. Поражала масштабность картины и детальность её проработки. Неожиданное столкновение отточенной аналитики, предлагавшей совершенно новую точку зрения на мир советской действительности, с ядрёной народностью, о которой не мечтал ни один самый дерзкий её критик, вызывало смятение и оторопь. Книга повергла читателей в интеллектуальный и эстетический шок. Напугала своей правдой и своей *свободой.* Напугала и окрылила.

Зиновьевым восхищались. Искали с ним встречи. Хотели дружить.

«Неподалёку от нашего дома жил генерал, работавший в Генеральном штабе Советской Армии, — вспоминал Зиновьев. — Он иногда гулял со своей внучкой на бульваре, где я гулял со своей дочерью того же возраста. Там мы и познакомились. Он регулярно слушал передачи западных радиостанций, где-то достал „Зияющие высоты“ и, как он сказал мне, „зачитал их до дыр“. Он при встрече со мной громко выражал свой восторг и поносил „наши порядки“. <…> На улицах ко мне иногда подходили незнакомые люди, узнававшие меня по фотографиям, которые нелегально циркулировали по Москве, и жали мне руку»[414].

Одной из первых откликнулась на книгу Раиса Лерт, журналистка и известная правозащитница. Под её ходившем в самиздате «опытом ненаучного анализа» «Подступы к „Зияющим высотам“» стоит дата — 23 января 1977. Он начинается безапелляционно: «Книга эта гениальна по определению». На восьми страницах плотного машинописного текста — страстная апологетика и трезвый анализ романа: «Как по *переполняющему* книгу содержанию, так и по форме, произведение А. Зиновьева абсолютно уникально». Но: «Читать эту книгу безмерно тяжело. Дышать нечем. Дух перехватывает от квинтэссенции подлости, зла, лжи, устрашающей безнравственности и тупости. Нет, читатель не смакует обработанный мастером „букет“ коньяка, он, задыхаясь, с вылезающими из орбит глазами, через силу глотает спирт-сырец невероятной крепости. Неужели никакого просвета нет в этом „тёмном царстве“? А оторваться всё-таки не можешь. И когда прочтёшь, становится почему-то легче. Почему бы? Может быть потому, что отступать — некуда. <…> Всё обнажено и

высвечено под прожектором интеллекта. Это одновременно и логика, и социология, и пародия на них. Это одновременно и фотография, и сатира, и дневник, и мемуары, и фантасмагория. И псалом, и анекдот. И философствование и насмешка над философией. И лирический плач сквозь зубы, и нарочито разнузданная, похабная „сортирность“. И всё это втекает друг в друга и вытекает одно из другого. Здесь — разъятый, разобранный до последнего винтика и бесповоротно осуждённый механизм запрещения мысли. Вот он — въяве, и въяве — спроецированное его следствие. Если правомерно такое сравнение, это логический гнев, гнев самой мысли против бессмыслицы»[415].

«Книга бродит по Москве, — писал Зиновьев М. Микитянской в феврале 1977 года. — Иногда до нас доходят добрые слова, иногда — помои»[416].

На него злились. Обижались. Его ненавидели.

Тех, кто узнавал себя среди ибанцев, возмущала даже не карикатурность образа, а его правдивость. Точность. Узнаваемость. Они восприняли Книгу почти как донос. Как он мог вынести на свет их слова и мысли, их разговоры и дела. Ещё пуще — приписать им всякую ересь, а то и откровенную антисоветчину. Их теперь за это начнут дёргать в разные органы. Того гляди засудят! Возмутительная безответственность! Поразительная бестактность! Какой всё-таки эгоист! Подгрёб под себя всю славу, а им теперь расхлёбывать! Свалит за бугор, будет там как сыр в масле кататься, а они — доказывай, что ничего подобного не говорили, не думали, в кошмарном сне не могли видеть (говорили, думали, видели!), что всё это его бредни, чушь, клевета. Мазиле, тьфу ты, Неизвестному — хорошо, он уже свалил, а что делать тем, кто остался? Предатель!

«Впервые о „Зияющих высотах“, — вспоминал Митрохин в беседе с Зиновьевым, — я узнал от Мераба Мамардашвили, когда отдыхал у его родственницы в Пицунде. Причём говорил он с раздражением и упрёками в твой адрес. По его словам, в главных героях книги („социолог“, „претендент“, „мыслитель“, „мазила“ и др.) легко угадываются реальные люди — это близкие тебе коллеги, друзья. И разговоры, которые они ведут, довольно точно воспроизводят реальные встречи и застолья. В книге немало и отдельных характеристик внешности, манеры одеваться, говорить, напоминающих наших знакомых. <…> А поскольку эти персонажи обычно довольно критически высказываются об уродливых порядках, царящих в Ибанске (которые ассоциируются с советскими), а их поведение не отличается особыми добродетелями, то нетрудно было предположить, что партийные

и кэгебешные начальники воспримут эту книгу как неоспоримое свидетельство того, что у них под боком назревает едва ли не идеологический заговор, и с пристрастием будут доискиваться, кто является реальным прототипом того или иного литературного героя, действительно ли этот прототип придерживается зловредных „подрывных“ идей.

Так и случилось. Как мне рассказывали, многих из таких потенциальных подозреваемых вызывали в ЦК КПСС и настойчиво пытались выяснить, кто такой „претендент“, „мыслитель“ или, скажем, „болтун“ и „клеветник“. Особенно забавно было с „социологом“. Как человек с бородой, в нашей среде тогда редкой, он у тебя внешне похож то ли на Ю. Замошкина, то ли на Б. Грушина, и компетентные органы ломали голову — кто же он на самом деле. <…> Ю. Ф. Карякин даже рассказывал, что, возмущённый намёками на его связь с КГБ, он ночью помчался к тебе домой, чтобы устроить шумную разборку, но, в конце концов, передумал. Кстати сказать, именно он попытался внятно объяснить эту особенность романа: „Зиновьев, перешагнувший через такие препятствия, был, прежде всего, озабочен тем, чтобы выстроить жёсткую систему типажей, и считал, что он вправе не замечать всех этих мелочей“»[417]. Карякин, действительно, приходил потом специально к Зиновьеву, но уже не для разборок, а с серьёзным и искренним разговором, взволнованным и, как бывало у Юрия Фёдоровича, временами восторженным: «После этой книги жить невозможно, — почти плакал он. — Что ты с нами сделал?»[418] Зиновьев не забудет той встречи. 31 мая 1990 года он подпишет гостю из Москвы одну из своих книжек словами, которыми даром не бросался: «Юре Карякину с любовью!»[419]

Интеллектуалы Ибанска мрачно супились. В письме Микитянской Зиновьев сетовал: «Общая ситуация здесь тягостная, Вы знаете. Но главное её проявление — состояние и поведение людей. Не осталось никаких иллюзий, надежд, перспектив. Конечно, одиночки типа Гинзбурга, Орлова, Буковского и т. п. появлялись и будут появляться, но они скорее суть проявление отчаяния, чем общественной тенденции. И к тому же это явления не в области культуры, а вне её и даже в конфликте с ней. Нам известно, что книгу знают уже в писательских, художнических и артистических кругах, но ведут себя все (даже знающие меня лично) так, как будто бы я вообще не существую. Поймите меня правильно, даже те, кто выказывает положительные оценки, в глубине души раздражены фактом появления книги и не могут этого скрыть. Странно, наше оппозиционное, либеральное, прогрессивное и т. п. общество предпочитает, чтобы „оплеухи“

нашему строю жизни не заключали в себе ничего, кроме самого факта „оплеухи“, и чтобы давали их недоучившиеся студенты, неудавшиеся учёные, не имеющие успеха художники и т. п.»[420]

А чего он хотел? Ведь «оплеухи» от него получили не только заибан с заперангами, братия и ООН, но и весь цвет национальной фронды, окопавшийся в «Театре на Ибанке», прославленные шестидесятники, претендовавшие быть совестью нации. А он писал: «Суть Ибанки <…> состоит в том, что в качестве декабристов начинают воображать тех, кто ставит разрешённую начальством пьесу о декабристах, предварительно обсудив постановку на братсобрании (партсобрании. — *П. Ф.)* и заручившись одобрением высших идеологических инстанций. А зрители расценивают эту пьесу и своё участие в её просмотре как участие в восстании. Это — явление в рамках ибанской официальности, желающее, чтобы его воспринимали как нечто выходящее за эти рамки, но не желающее из-за этого страдать и лишаться благ жизни»[421]. И после этих слов он ждал от них дружеских рукопожатий?

Не ждал. Он не был шестидесятником. Но со многими из них общался, был в дружеских отношениях. Они слушали его, восхищались им, учились у него и — сторонились. Не отстранялись, а естественным образом оказывались в стороне. Не чуждались, но чувствовали в нём чуждость. Они шли вместе, но не были спутниками. Их либеральная идеология представлялась ему слабой, безвольной. А он был бунтарь. Анархист. Политические действия его не устраивали. Он предпочитал более радикальные средства. Бунт. Он мог позволить себе в дни похорон Сталина в самом центре Москвы, у подножия памятника Юрию Долгорукому кричать: «Люди, кому вы поклоняетесь? Этому идолу Сталину? Люди, у вас глаз нет!» А они тащили его прочь: «Заткните ему рот варежкой!» Он был старше, видел войну, имел мужество. Они на войну не успели и *героически* о том сожалели. Их мужество было взято взаймы. Он рисковал жизнью, они пели песни о риске.

«Возьмёмся за руки, друзья» — девиз «шестидесятников» — не для него. Он привык быть один. Он ценил своё одиночество. Он им дорожил. Он его отстаивал и утверждал. Он готов был за него платить. Готов был «пропасть поодиночке». А им нужна была эта сцепка. Нужны были опоры. И они хватали за руки всех, кто мог быть опорой, — Зиновьева, Солженицына, Твардовского, Неизвестного, Любимова, Сахарова, Григоренко.

Он не отдёргивал рук. Он понимал их возможности. Он отдавал должное их усилиям и достижениям. Признавал их вклад в смягчение общественной атмосферы. В создание в стране более

гуманной среды. В нравственное оздоровление. В культуру. Но он не мог вступить в их хоровод, который, как он видел, кружил вокруг абстрактных идей, тогда как жизнь требовала конкретных действий. Требовала дела. Пришедшие на смену шестидесятникам диссиденты 70-х были ему ближе. Они тоже готовы были «пропасть поодиночке». И пропадали. Ни один из «шестидесятников» не пропал. Он не питал в отношении них никаких иллюзий. И всё же, хотя он и был не с ними, но — на их стороне. И они долго ещё считали его своим. Вплоть до «Зияющих высот». (А некоторые — до горбачёвской «перестройки».) А он шёл своим путём. У него была своя *миссия восхождения.* Лишь на время их дороги сошлись вместе.

Диссиденты восприняли «Зияющие высоты» с большим сочувствием, но и их реакция была неоднородной. «Резко отрицательно отнёсся к книге А. Сахаров, — вспоминал Зиновьев. — В интервью какой-то французской газете (или журналу) он назвал мою книгу декадентской. Из окружения Сахарова обо мне стали распространять слух, будто я экстремист. Западные журналисты мне не раз говорили, будто у Сахарова их предостерегали от посещения Зиновьева. При встрече на вечере у С. Каллистратовой Сахаров не обмолвился со мной ни единым словом, хотя мы сидели рядом. Очень странно отнёсся к книге В. Турчин. Он лишь высказал удивление, хотя я с ним был знаком до этого и имел дружеские отношения»[422].

Стали появляться отклики в прессе — как в русскоязычной, так и европейской: во Франции, в Италии, в Швейцарии, в Англии, в США.

«Это нечто новое и заветное в русской литературе», — восклицал итальянский критик Пьетро Зветеремих, предваряя публикацию отдельных глав из «Зияющих высот» на страницах февральского выпуска римского журнала «L'Espresso».

Александр Некрич в «The New York Review of Books» от 14 апреля писал: «В традициях Гоббса, Вольтера, Свифта, Джорджа Оруэлла, Анатоля Франса и Михаила Салтыкова-Щедрина, великого русского сатирика прошлого века, Зиновьев написал жестокую сатиру на современное закрытое общество, очень напоминающее советское общество. На самом деле его книга представляет глубокое социологическое исследование того типа общества, который обнаруживается в Советском Союзе. Зиновьев проявляется в этой книге также в качестве блистательного аналитика современного общества вообще, представляя собственные оригинальные идеи в области государственного устройства, идеологии, морали и права. Его книга не только

актуальна, но и ценна равно как для специалистов, так и для читателей вообще <…> В ближайшие два или три года книги Зиновьева будут, предсказываю я, прочитаны миллионами. Политические лидеры, историки и философы много выиграют при внимательном чтении этой книги, которая представляет собой наиболее важное исследование советского общества и схожих с ним закрытых обществ, появившихся после Второй мировой войны»[423].

«Его литературные родственники не Свифт, не Гоголь и не Щедрин, — спорила Наталия Рубинштейн из Тель-Авива, — а Аристофан и Апулей и совершенно очевидно — Рабле. Зиновьев состоит с Рабле в отношениях диалога: он его собеседник, а во многих случаях — оппонент. Как Рабле, он рискует жизнью и свободой, обличая изолгавшееся слово»[424].

«Беспримерная книга Александра Зиновьева „Зияющие высоты“ точно огненный шар метеорита. Смею сказать, что по своей глубине она превосходит всё, что было написано в СССР, в том числе, возможно, Солженицына», — утверждала парижская «Le Figaro»[425].

Ей вторила лондонская «Daily Telegraph»: «Книга вызвала куда большую сенсацию среди русских в Советском Союзе и на Западе, чем всё написанное Солженицыным»[426].

Сходное мнение высказывал Вольфганг Броер на страницах венского «Kurier»: «Критика Солженицыным марксизма советского образца была титанической работой, однако интеллектуальнее, научнее, остроумнее и оригинальнее это было проделано Александром Зиновьевым»[427].

«Велико искушение сравнить Александра Зиновьева с Рабле, Свифтом, Кафкой, что с необходимостью заставляет нас отдать дань безграничного восхищения масштабу гения, создавшего шедевр и подарившего миру абсолютно новую литературную форму, не имеющую аналогов и не нуждающуюся ни в каких сравнениях и определениях в силу своей полной исключительности, — признавался Макс Галло в парижском „L’Express“, — Тут позволительно добавить следующее: „Зияющие высоты“ — это живой, незабываемый монумент эпохи, прочитать который обязан каждый из нас»[428].

Цитаты восторженных критиков можно множить и множить. «Зияющие высоты» стали настоящей мировой литературной сенсацией. В апреле «L’Age d’Homme» выпустило в свет перевод романа на французский язык. Несколько месяцев спустя роман вышел в Италии. Затем, в октябре, швейцарское издательство «Diogenes» опубликовало немецкий вариант. Книга имела несомненный успех у западного читателя.

Это не только радовало. Это — спасало. Каждая новая рецензия, каждый отклик, каждое упоминание на радио укрепляли его оборону, делали его сильнее. Они жили фактически под домашним арестом. Конечно, официального ограничения на перемещение не было, но за ними постоянно следили. В пункте охраны порядка был установлен пост КГБ, который фиксировал каждый его выход на улицу. Во время прогулок за ними навязчиво следовали сотрудники органов. Младший брат Алексей вспоминал, как они с Александром развлекались, выбегая на спортивную пробежку. Бежали вдоль Ленинского проспекта. За ними на медленной скорости катила машина сопровождения. В какой-то момент они вдруг разворачивались и бежали в обратную сторону, а машина вынуждена была двигаться дальше, до ближайшего разворота.

Телефонные разговоры поначалу прослушивались, а потом, когда необходимая оперативная информация была собрана, телефон отключили. Регулярно наведывался участковый, интересовался трудоустройством Зиновьева. Продолжались попытки изъять награды и документы к ним. Они длились с бюрократической регулярностью вплоть до отъезда Зиновьева за границу. Безрезультатно. Существует целая переписка чиновников разного уровня, занимавшихся этим вопросом, из которой видно, как они пытаются всеми способами спихнуть с себя эту заботу, оправдываются, упрекают друг друга, жалуются — готовая глава из «Зияющих высот».

Всех, кто приходил к ним, фотографировали, у кого-то проверяли документы, кому-то и вовсе угрожали, создавая вокруг их дома зону отчуждения. Но если прежние знакомые и друзья, сослуживцы теперь и впрямь забыли к ним дорогу, то вместо них образовался новый круг общения. В квартиру Зиновьевых потянулись все инакомыслящие люди Москвы, диссиденты, давно уже находившиеся в контрах с властью и не боявшиеся не только за свою репутацию, но и за жизнь. Они шли познакомиться с новым борцом с системой, выразить свою солидарность и поддержку. Обсуждали ситуацию в стране. Предлагали участие в акциях неповиновения. Советовались, спорили, убеждали. Оказывали различную помощь. Передавали информацию иностранным корреспондентам, связывали с надёжными людьми, имевшими возможность доставлять рукописи на Запад, приносили литературу. «В доме у него за это время побывало множество самых разных и несовместимых в какой-либо иной ситуации людей, но то, что там в это время происходило, всеми воспринималось как нечто весьма важное», — рассказывает Федина[429].

Среди посетителей «зиновьевского клуба» Раиса Лерт и Софья Каллистратова, Рой Медведев и Пётр Егидес, Наталья Столярова и Юрий Гастев, Игорь Шарыгин, Тамара Самсонова, Карл Кантор, Вадим Космачёв, Сергей Есаян, Сергей Орехов, Дмитрий Орлов, Андрей Голицын, Евгений Амбарцумов, Владимир и Аида Сычёвы. Приходили Юрий Орлов, Анатолий Щаранский, Пинхос Подрабинек, Владимир Бурцев, Вадим Делоне, Венедикт Ерофеев, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Слава Лён. Вокруг Зиновьева сложился настоящий журналистский пул, в который вошли австриец Э. Хуттер, итальянец П. Остеллино, швед Э. Севборг, американец Х. Пайпер, англичанин Р. Эванс и целый ряд других журналистов. Дом никогда не оставался пустым.

«Бывало, — вспоминает О. М. Зиновьева, — дверь в нашу квартиру на ул. Кедрова не успевала закрываться за одним посетителем, как приходил уже другой. Однажды Ася (Федина. — *П. Ф.)* спросила, почему у меня появляется такое отстранённое выражение лица, когда приходят гости. Я ответила, что в этот момент я соображаю, что лежит на полках нашего пустого, как во времена военного коммунизма, холодильника, и что можно из этого приготовить. Если, например, есть лук и кусочек сыра, то будем готовить спагетти на всю компанию»[430].

Несмотря на большую зарплату, которую получал Зиновьев, работая в Институте философии и университете, у них не было никаких накоплений. Деньги тратились, раздавались родственникам и друзьям. Теперь они фактически оказались без средств к существованию. Ольга ещё в 1974-м ушла из института и тоже была безработной. Рассчитывать на западные гонорары было нельзя, так как это могло дать повод для обвинения в валютных операциях и привести к уголовному преследованию — идеальный вариант для властей. Устроиться на работу оказалось практически невозможно. Ни ему, ни Ольге. Предлагались или какие-то невероятные варианты с переездом в Сыктывкар, или из разряда чернорабочих, что само по себе не смущало, но в их ситуации не имело никакого смысла.

Продавали книги. У них была хорошая коллекция альбомов по искусству западных издательств. В своё время покупали их с рук за огромные деньги — по 300–400 рублей! Вот они-то и пошли в первую очередь «с молотка» — книги по искусству были в большой моде среди московской интеллигенции и практически недоступны в открытой продаже. Только на выручку от одного альбома Дали они жили почти месяц! Продавали и кое-какие вещи. Рисунки Зиновьева. Несколько раз удалось «подхалтурить» на философской ниве, «отредактировав» несколько статей и даже одну докторскую диссертацию — нашлись такие, кто не погнушался попользоваться его опальным положением. Должно быть, ещё и гордились тем, что «помогли» гонимому. Разовую материальную помощь оказывали новые знакомые. Иногда они находили неподписанные конверты с деньгами у себя в почтовом ящике. Прислал перевод, не обращая внимания на последствия, Пётр Капица, с которым Зиновьев был знаком и который также в 1974 году был избран в иностранные члены Академии Финляндии. Ну а кто-то просто приносил с собой разную снедь. Помогали Зиновьевым всем миром.

Со словами сердечной благодарности называет сегодня Ольга Зиновьева имена тех, кто регулярно приходил к ним в те «осадные» месяцы и помогал выживать — Анастасии Фединой,

Евгения Никитина, Бориса Драгуна, Юрия Левады, Веры Малковой, Изольды Щедровицкой, Клары Ким, Инны Фиалковой, Наталии Осьмаковой, Дмитрия Ханова, Гарика Яковлева, Валентина Марахотина.

И конечно, самым достойным образом проявили себя родственники — братья Александра, племянники, сестра и брат Ольги. Они и сами подпали под жесточайший пресс, но не отступились. Не отреклись. Дочь Тамару исключили из комсомола и уволили с работы. Та же участь постигла и сына Валерия, жившего в Ульяновске и бывшего к тому времени капитаном милиции. Он был добросовестным сотрудником, имел хорошие перспективы по службе, был представлен к правительственной награде. Его предупредили, что если он не порвёт отношений с отцом, ему грозят неприятности. И Валерий сделал свой выбор. Жизнь ему пришлось начинать наново, но совесть его осталась чиста. Были неприятности на работе и у Николая, и у Алексея. Но серьёзнее всех, не считая самого Александра, пострадал брат Василий.

Зиновьев гордился поведением Василия: «Он был военным юристом, полковником. Служил в разных районах страны, в последнее время — в Киеве. Имел репутацию способного, смелого и неподкупного работника. Привлекался к проведению ряда важнейших операций по разоблачению преступных мафий на высоком уровне, участвовал в разоблачении мафии в Ворошиловградской области и в Азербайджане. Как человек с такой прекрасной репутацией, он был выдвинут на высокий генеральский пост в военной прокуратуре — на пост начальника отдела, курировавшего КГБ от военной прокуратуры. Получил квартиру в Москве. Должен был получить звание генерал-майора. Его дочь переехала с ним в Москву и поступила на работу. Жена осталась в Киеве готовиться к перевозу имущества в Москву. И в этот решающий момент карьеры Василия появились „Зияющие высоты“. Его немедленно вызвали к начальнику политуправления армии генералу Епишеву и предложили публично осудить моё поведение. Василий сказал, что не знал о книге, еще не видал ее и не знает, что в ней написано, но что он относится ко мне с величайшим уважением, что знает меня как человека, который не способен совершить недостойный поступок. Ему дали срок несколько дней подумать. На вторую беседу с Епишевым он шёл, уже прочитав книгу. Она произвела на него сильнейшее впечатление. Он только пожалел, что я не говорил ему о моей работе над такой книгой ранее, так как он дал бы мне для неё потрясающий конкретный материал из его практики. Епишеву он сказал, что гордится мною и осуждать меня ни в коем случае не

будет. Его немедленно уволили с работы, выгнали из армии и выслали из Москвы. Его дочь тоже выслали из Москвы, взяв её прямо на работе»[431].

В апреле пришло приглашение от президента Мюнхенского университета Николауса Лобковица приехать на год для работы в семинаре по логике. Подали заявление в ОВИР. Там документы принять отказались. Он потребовал встречи с начальством. 16 мая Зиновьева принял заместитель начальника московского ОВИРа некий Зотов. Он сказал, что для оформления «производственной» поездки требуется характеристика с места работы, а так как Зиновьев нигде не работает, то, соответственно, в такой визе ему будет отказано. Впрочем, смилостивился Зотов, Зиновьев может получить разрешение на поездку по «гостевому» вызову. Действительно, такое приглашение Зиновьевы получили в своё время от Микитянской. «Гостевое» приглашение давало возможность выезда на три месяца. Зиновьев ответил, что если он поедет по такому вызову, то он, возможно, через три месяца попросит политического убежища. Он знал, чем припугнуть чиновника. Зотов, скривившись, согласился-таки принять документы с вызовом из Мюнхена и без характеристики[432]. После этого наступила гробовая тишина. Шли недели и месяцы. Никаких известий из ОВИРа не поступало. К осени стало ясно, что в визе ему отказано, о чём он сообщил западным журналистам. Однако на это давление власти никак не отреагировали.

На борьбу, на сопротивление, на выживание уходило много сил и нервов. Он переживал за Ольгу. Он видел, как непросто давалась ей её стойкость, сколько сил уходило на то, чтобы сохранять бодрый настрой, удерживать в доме атмосферу оптимизма, защищать от психологических травм маленькую Полину. Не говоря уже о хозяйственных заботах и разных повседневных нуждах. Её молодость спасала их всех. Он гордился и восхищался женой.

Ей доставалось и от «доброжелателей», которых у неё было достаточно. Не умея иного, распускали про неё всевозможные слухи. Всячески демонизировали её. Видя их любовь, придумали, что «Зияющие высоты» насоветовала ему писать Ольга, чтобы потом эмигрировать. Говорили, что все связи с заграницей, все пресс-конференции и заявления для западной прессы организовывала она. Что она отвадила от него всех настоящих друзей и окружила его своими сообщниками. Чего только не сочиняли! При случайных встречах в городе тоже умели так «посочувствовать», что потом долго ещё не проходило ощущение оплёванности, хотелось вымыть руки, принять душ.

Он продолжал писать. Всё время. Не обращая внимания на все внешние перипетии. «Творческими планами», по понятным соображениям, он ни с кем не делился. Кроме Ольги, лишь некоторые проверенные лица догадывались об этом — по время от времени поступавшим от него просьбам передать очередную порцию текстов за границу. Осенью 1976-го он переправил в Швейцарию «Светлое будущее» и тогда же начал, а по сути своей, продолжил работу над новой, но всё той же, Книгой. И хотя «Зияющие высоты» поражали читателей своей монументальностью и всеохватностью, он-то знал, что, сказав в Ней *главное,* он отнюдь не сказал в Ней — *всего.* Работая над «Зияющими высотами», он, воплощая замысел, открывал в нём всё новые и новые аспекты — темы, сюжеты, типы, объекты, структуры, связи. Его системный, логический ум постоянно отыскивал, намечал и выводил новые направления исследования. Перед ним простиралось труднообозримое поле деятельности. И как добросовестный пахарь, возделывающий свою ниву, он готов был тянуть борозду за бороздой, сколько хватит сил, сколько будет возможность.

Не представляя, чего ожидать от властей, находясь под пристальным надзором КГБ, он решил разделить работу на несколько этапов. На первом просто накапливать материал — писать отдельные куски, обрабатывать их и прятать. Потом, когда составится достаточный объём и прояснится центральный сюжет, предпринять компоновку отдельных частей в единое целое согласно общему замыслу. Той творческой лихорадки, которая сопровождала его во время создания «Зияющих высот», уже не было, но зато был опыт и чёткое понимание того, что он делал.

«Замысел романа был такой. В одной стране построено образцовое коммунистическое общество. В этом обществе критика социального строя страны, системы власти и идеологии, а также предание гласности фактов жизни страны без разрешения властей считаются тягчайшими преступлениями — социальными преступлениями. Лица, совершающие такие преступления, изымаются из общества и навечно заключаются в особые закрытые учреждения — в социальные изоляторы. <…>

С точки зрения литературной формы роман должен быть экспериментальным в следующем смысле. Современное литературное произведение тогда даёт желаемый для автора эффект, когда читатель перечитывает его много раз, запоминает и при каком-то прочтении с самого начала держит в памяти весь текст. Ситуация здесь оказывается подобной ситуации с оркестром, в котором различные инструменты одновременно исполняют свои различные партии. В литературном

произведении, которое задумал я, должны быть написаны в одном объёме множество различных книг, подобных партитурам для различных музыкальных инструментов оркестра. Но в литературе все эти различные книги нельзя читать одновременно, в отличие от оркестра, в котором различные инструменты исполняют свои партии одновременно. Это должна заменить память. С расчётом на такого читателя, который был способен перечитать книгу много раз, запомнить её и при новом прочтении смог бы совместить в сознании одновременно разные части (разные линии) книги, я и собирался писать свой роман»[433] (Исповедь отщепенца. Первая редакция).

Работал по утрам, когда в доме всё было тихо. До первых посетителей. Иногда, «сбегая» из-под надзора, находил приют у знакомых, которые предоставляли ему возможность заниматься своими трудами. Писал по несколько часов, рукописи оставляя там же, на «явочных квартирах». Он написал большой кусок из военных лет — очерки курсантской жизни, тылового быта, лётных впечатлений. Несколько фрагментов послевоенной студенческой жизни. О логическом кружке и методологах. Записал историю создания «Зияющих высот». Изложил предварительные соображения по общей социологии и социологии коммунистического общества. Детально обосновал и развил критику официальной идеологии. Сделал подступы к разработке системы новых религиозных правил. К концу 1977 собрался довольно внушительный объём материалов. Но тут события опять стали развиваться самым непредсказуемым образом.

11 ноября в рамках Франкфуртской международной книжной ярмарки было объявлено о присуждении Зиновьеву литературной премии «Europäischen Essay-Prix», учреждённой Фондом Шарля Вейона (Charles Veillon-Stiftung), известного швейцарского мецената, в размере 10 000 швейцарских франков за роман «Зияющие высоты». Премия была учреждена всего два года до этого и вручалась «европейскому автору за недавнее произведение или совокупность творчества, которое имеет ценность свидетельства и предлагает образец плодотворной критики современных обществ, их идеологий и образа жизни». Первыми лауреатами премии стали Жак Эллюль (1912–1994), французский философ, социолог, богослов и писатель, участник движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, и английский экономист немецкого происхождения Эрнст Фридрих Шумахер (1911–1977). Присуждение европейской литературной премии не только было ещё одним знаком признания творческого успеха Зиновьева, но выводило его на новый уровень публичности.

Казалось, положение его несколько упрочилось. И тут последовал вызов на допрос в Лефортовскую тюрьму. 2 декабря он направился по указанному в повестке адресу. Этот эпизод он описал позже в романе «Жёлтый дом», включив его в биографию главного героя — «Мнс» («младшего научного сотрудника»). Он достаточно точно передаёт не только сами обстоятельства вызова, но и психологическое состояние, мысли и впечатления Зиновьева.

«Мнс много слышал о Лефортовской тюрьме КГБ. И примерно догадывался, по какому делу его туда вызывают. Но он никогда не был в тех краях города и не имел представления, как эта тюрьма выглядит. Он представлял её в виде мрачного огромного здания за высоким забором с колючей проволокой. На окнах, естественно, решётки и „намордники“. У ворот часовые. На вышках часовые. Но то, что он потом увидел на самом деле, сначала развеселило его, потом разочаровало, а в конце вселило ужас.

Ещё в трамвае он спросил, где ему лучше сойти, чтобы пройти туда-то (на обратной стороне повестки было указано, как добираться до нужного места, но он не обратил на это внимания). Но ему никто не ответил. Пассажиры демонстративно отвернулись и расступились, пропуская его к выходу. Будто я — беременная женщина или дряхлый пенсионер, подумал он. Хотя женщину беременную и пенсионера они бы не пропустили. Они меня, скорее, воспринимают как опасного вооружённого бандита, с которым лучше не связываться. Сзади кто-то приглушённым якобы шёпотом говорил что-то гнусное, он чувствовал, но не хотел прислушиваться и вникать.

Потом он спрашивал прохожих, как пройти в нужное место, но ему никто не сказал ничего вразумительного. Наконец, он наткнулся на нужную улицу сам. Метров через триста он увидел каменный забор и решил, что это именно там. За забором высились какие-то здания, но почему-то без решёток. И никакой колючей проволоки. И никаких вышек и часовых. Он стал искать вход, но безрезультатно. Неужели они через забор лазают, подумал он. Тут его окликнул прохожий и сказал, что то, что он ищет, не здесь, а вон там, перед тем домом налево, застеклённый вход. Откуда ему известно, куда мне нужно, подумал он. Впрочем, тут в основном имеют дело с такими, как я, и местные жители научились распознавать нас за версту, так же как я распознаю переодетых агентов.

Перед обычным жилым домом он свернул налево и оказался на детской площадке. Детишки ковырялись в песочнице. На скамеечках дремали старухи. Пробежали две драные кошки. Стая голубей неохотно расступилась, пропуская его. Он остановился в

недоумении. Одна из женщин молча кивнула ему в угол, где он увидел „стеклянные“ двери. Вошёл в них. Протянул в окошечко повестку и паспорт. Окно закрылось. Он сел на стул и погрузился в тишину. Особенность наших кошмаров, услышал он в себе чей-то голос, заключается в том, что при первом знакомстве с ними они совсем не похожи на то, что они есть, и даже вызывают некую симпатию. Лишь потом…

Открылась дверь, и средних лет неопрятный мужчина предложил следовать за ним. Проходя через дверь, Мнс заметил, что она металлическая и что открывается и закрывается она автоматически, очевидно — нажатием скрытой кнопки. Естественно, подумал он. Научно-техническая революция не могла не сказаться на тюремном деле»[434].

Его пригласили в качестве свидетеля по делу Анатолия Щаранского, который был арестован 15 марта по обвинению в измене родины и антисоветской агитации. Щаранский в 1973 году подал документы на выезд в Израиль и с того времени регулярно получал отказы, был, как говорили тогда, «отказником». В 1975-м его уволили с работы. Он вёл активную деятельность за права евреев на выезд в Израиль. Собирал сведения об «отказниках» с тем, чтобы потом с фактами в руках привлечь к проблеме внимание международной общественности. Он прекрасно владел английским языком и неоднократно делал заявления и давал пресс-конференции по соответствующей тематике. В списке «отказников» Щаранского было 1300 человек, имевших допуск к секретным данным (что служило главной причиной в отказе им на выезд в Израиль). Когда в ноябре 1976-го Щаранский передал свои материалы американскому журналисту Роберту Тоту, его взяли в разработку службы КГБ. Щаранский обвинялся по статье 64 УК РСФСР за «шпионаж» и «оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР». Кроме того, согласно Обвинительному заключению, «Щаранский помогал Р. Тоту устанавливать конспиративные контакты с учёными и специалистами, причастными к хранению секретной информации. Создавая обстановку доверительных бесед с этими людьми, Щаранский помогал Тоту в сборе секретных сведений. Таким образом Р. Тот получил не подлежащую публикации в открытой печати информацию, касающуюся парапсихологии, космических и социологических исследований»[435]. Щаранский действительно однажды приходил с Тотом к Зиновьеву и они имели беседу. Это подтвердил на допросе 15 июня 1977 года Р. Тот[436].

«Невзрачное снаружи, здание тюрьмы внутри оказалось

огромным. Ведший его мужчина шёл молча, нажимая всякого рода кнопки. Двери бесшумно раскрывались и так же бесшумно закрывались за ними. Он видел бесконечно длинные коридоры с рядами дверей. И нигде ни одного человека. Тишина. В одну из дверей они вошли. Ведший его мужчина представился как майор КГБ такой-то, пред-дожил сесть, устроиться поудобнее (?), поскольку разговор будет долгим. Спросил, не допрашивался ли Мнс ранее в качестве свидетеля. Получив отрицательный ответ, начал долго и нудно объяснять Мнс права (?) и обязанности свидетеля, зачитывая отрывки из юридических книжек. Затем следователь начал заполнять протокол допроса. Процедура эта длилась часа два, хотя заполнить надо было всего пару страниц анкеты: фамилия, имя, отчество и т. д. Внимательно разглядев паспорт, следователь спросил фамилию Мнс. Тот назвал. Значит, Ваша фамилия такая-то, спросил следователь, я не ошибся? Прекрасно, так и запишем! Правильно я записал? И так далее в таком же духе два часа (а перед этим — час о правах и обязанностях).

После перерыва на обед наконец-то добрались до существа дела. Вы не догадываетесь, — спросил следователь, — почему мы Вас пригласили сюда? Мы Вас пригласили по делу такого-то (он назвал фамилию Обличителя), который обвиняется в антисоветской деятельности, выразившейся в попытке создания нелегальной антисоветской организации, так называемой „Рабочей группы“. Вопрос первый: знакомы ли Вы с таким-то, если знакомы — когда и при каких обстоятельствах познакомились?

Допрос продолжался восемь часов. В конце Мнс подписал бумагу о неразглашении материалов допроса. Вы нам очень помогли, — сказал следователь на прощание. — Нам придётся пригласить Вас ещё раз. Придётся устроить очную ставку. Опознание. Между прочим, этот Обличитель, как Вы его называете, сваливает всё на Вас. Он утверждает, что создание „Рабочей группы“ — Ваша идея, что он только кое-какие советы Вам давал. Мнс так устал, что пожал только на это плечами. Да Вы не волнуйтесь, сказал следователь. Мы во всём разберёмся. Всего хорошего!»[437]

Так он «отметил» первую годовщину своего отщепенства — допросом в Лефортовской тюрьме. Недаром на прошлогоднем партсобрании в институте коллеги призывали власти арестовать и судить клеветника. Тогда разохотившихся советских философов окоротил представитель КГБ. Есть ли окорот для самих спецслужб? В любом случае, нужна гласность.

На другой день, 3 декабря, он сообщил о вызове

представителям шведской прессы и прокомментировал произошедшее: «Я встречался с Щаранским всего один раз. Он осуществлял функции переводчика во время моей беседы с американским корреспондентом Робертом Тотом. Дело в том, что моя беседа с Тотом касалась состояния советской философии и социологии. Как в вопросах Р. Тота, так и в моих ответах на них не было абсолютно ничего криминального. Если даже я отношусь к советской философии и социологии с полным презрением, в этом всё равно нет ничего преступного. И тем более нет ничего преступного в участии А. Щаранского в этом эпизоде. Это совершенно очевидно. И если, несмотря на это, меня всё же решили привлечь к делу в качестве свидетеля, это позволяет сделать предположение, что обвинение А. Щаранского в измене родине не имеет серьёзных юридических оснований»[438].

На самом деле всё было не так просто. Щаранский, оправдывая свои действия и полагая, что Зиновьева власти тронуть не посмеют и рано или поздно выпустят за границу, действительно дал следствию показания, которые, при желании, можно было обернуть уже против самого Зиновьева. Это не могло не тревожить. И когда 5 декабря его вновь вызвали в Лефортово, он не пошёл, опасаясь, что из свидетеля может превратиться в подследственного. Он понимал, что от него всё равно не отстанут, и потому хотел выиграть время, чтобы распорядиться рукописью. Он составил примерный план книги и передал всё австрийскому журналисту Хуттеру, который спустя некоторое время переправил её в Швейцарию — Дмитриевичу. В сопроводительном письме Зиновьев предупреждал, что это лишь подготовительные материалы, которые должны быть опубликованы только в случае его ареста с указанием, что это рукописи из «архива Зиновьева».

Пока в Москве над ним сгущались тучи, 9 декабря в Женеве состоялась церемония вручения премии «Europäischen Essay-Prix». На ней в присутствии многочисленных представителей культуры выступили профессор Женевского университета Жорж Нива, профессор и писатель Алан Безансон, профессор Сорбонны Михаил Геллер. Советскому гражданину, пусть и опальному, дабы не усугублять своей вины, полагалось, как это было в случае с Пастернаком, отказаться от награды. Впрочем, это «правило» в 1970-м уже нарушил Солженицын, хотя поехать тогда в Стокгольм на вручение Нобелевской премии не смог. Зиновьев же никогда не играл по каким-то негласным правилам, он и писаные-то законы не сильно уважал. Через западных журналистов он официально поблагодарил учредителей премии за оказанную ему честь и подтвердил, что принимает награду с признательностью.

В конце декабря его приводом доставили на допрос в Лефортовскую тюрьму. Он отказался давать показания, сославшись на то, что всё, что касалось дела, он уже сообщил на предыдущем допросе. Его отпустили. Скорее всего, привод был формальным, для соблюдения порядка, ну и как форма устрашения. Чтоб не зазнавался со своими премиями! Чихать хотели на них!

Опять проглядели «товарищи». Упустили такой шанс!

Новый год начался с приятных известий. Парижский журнал «Лир», возглавляемый влиятельным литературным критиком Бернаром Пивó, признал «Зияющие высоты» «Книгой года». При франкоцентричной позиции журнала избрание книгой года произведения иностранного автора было своеобразной сенсацией, что тут же отметила европейская пресса[439]. Из Германии пришло официальное приглашение принять участие в работе XVI Всемирного философского конгресса, который должен был состояться в конце августа — начале сентября в Дюссельдорфе. Итальянские друзья привезли пачку газетных откликов на первый том итальянского издания «Зияющих высот». «Атака Александра Зиновьева на тоталитаризм» — озаглавил свою статью, посвящённую роману, швейцарский критик Юрг Альтвегг[440].

И он продолжал атаковать.

19 января исполнился год со дня его увольнения из института. В связи с этим он сделал заявление для прессы: «У нас принято отмечать всякого рода юбилеи. Своеобразный юбилей хочу отпраздновать и я. Прошёл год, как я был уволен с работы. <…> За этот год я на своей шкуре убедился в том, что разговоры о нарушении прав человека в нашей стране не соответствуют действительности, поскольку таких прав вообще не существует в самой природе нашего общества. <…> Вместе с тем хочу отметить один весьма важный положительный результат этого года: попытка властей полностью изолировать меня и мою семью от общества провалилась»[441].

Ответ властей был скорым. 25 января ему официально отказали в выдаче визы для поездки в Германию. Не прошло и восьми месяцев со дня подачи заявления! Должно быть, придерживали в колоде козырную карту до удобного случая. И вот, видимо, решили, что время пришло. За год власти так и не поняли ещё, с кем они имеют дело. Оценивали его по привычным меркам, а он действовал нестандартно. Неожиданно.

Он уже знал, что подготовка к печати романа «Светлое будущее» идёт полным ходом и вскоре книга должна выйти в свет. Предполагая возможную реакцию властей и учитывая те

формы борьбы, которые обычно идут в дело в системе советской контрпропаганды, в частности ложь и дискредитацию личности, он пишет «Автобиографию» (под текстом стоит дата: 21 февраля 1976), в которой впервые подробно излагает свой жизненный путь в аспекте концепции отщепенства — отпадения члена коллектива от коллектива, благодаря усилиям коллектива по отторжению от себя своего члена, отличающегося чем-либо от основной массы, в первую очередь талантом и самостоятельностью. Он перечисляет факты притеснения его со стороны коллектива и органов власти, приводит многочисленные примеры нарушений прав и порядков, совершённых против него в течение последнего времени. К концу «Автобиография» превращается в настоящий обвинительный акт, выдвигаемый им против советской системы. Завершает текст беспримерный по своему содержанию итог: «Жить и работать в Советском Союзе далее в таких условиях невозможно. Устали и родственники, и друзья. Так что я намерен снова добиваться разрешения выехать на работу в какой-нибудь университет на Западе. В крайнем случае я буду вынужден заявить об отказе от советского гражданства и просить политического убежища в какой-либо из стран Запада»[442].

Фактически это был ультиматум. *Так* с советской властью до него ни один советский гражданин не разговаривал. В среде диссидентов была распространена иная позиция, которую наиболее ярко сформулировал Солженицын в телеграмме из Вермонта от 17 марта 1978 года в связи с известием о лишении гражданства Ростроповича и Вишневской: «Как русский писатель заявляю, что коммунистическая власть своей историей сама не имеет на нашу родину того права, которого бесстыдно лишает других» <…> [443] Сами Ростропович и Вишневская в письме к Председателю Президиума Верховного Совета СССР выражали сходную позицию: «В Ваших силах заставить нас переменить место жительства, но Вы бессильны переменить наши сердца, и где бы ни находились, мы будем продолжать с гордостью за русский народ и с любовью к нему нести наше искусство. <…> Мы не признаём Вашего права на акт насилия над нами, пока нам не будут предъявлены конкретные обвинения и дана возможность законной защиты от этих обвинений»[444]. Диссиденты — оспаривали, протестовали. Он — ставил в известность. Предупреждал. Он не ждал постановлений ЦК и указов Президиума Верховного Совета. Он *сам принимал решение.* Он — не реагировал. Он — вызывал реакцию.

«Автобиография» ушла в самиздат. На Запад.

15 марта 1978 года в той же самой типографии «Rosseels

Printing», расположенной в маленьком бельгийском Лувене, завершилось печатание тиража «Светлого будущего». Тот же большой формат. Та же тяжёлая бумага. Тот же мелкий шрифт. Тот же дизайн обложки, который отныне станет «фирменным» для всех книг Зиновьева, выпускаемых «L'Age d'Homme». У Дмитриевича «в портфеле» ещё две рукописи, и он надеется, что они не последние. Чутьём опытного издателя он чувствует, что в его руках большой перспективный проект, который должен иметь своё лицо и легко узнаваться на книжных полках магазинов. Да и как искушённый читатель он видит глубинное единство всех текстов Зиновьева, их родственность и взаимосвязь, как в «Человеческой комедии» Бальзака или у Золя, и, помогая читателям и автору, хочет подчеркнуть это внутреннее единство внешним оформлением.

На обложке и в этот раз — и впредь — картина Зиновьева. Может быть, ещё более драматичная, чем на обложке «Зияющих высот». Напряжение создают два «открытых» цвета — алый и синий. Алый крест на фоне синего неба. Новая Голгофа. Крест (в его геометрии улавливается перекличка со знаменитым полотном Дали «Христос св. Иоанна Креста») — небоскрёб, который возносится из алого, адского мегаполиса — Нового? — Новейшего Иерусалима. Земля у подножия оплетена кровоподтёками — кровопотоками. Кровотоками Большого Города. Из-за горизонта вверх бьют ледяные лучи рассвета, больше напоминающие прожектора воздушной тревоги, выискивающие в небе чёрных ангелов смерти. На кресте распят Лик Человеческий. Развёрнутый вправо профиль. Белоснежная маска античной трагедии. Перебинтованный череп солдата Великой Войны. Бескровный. Безжизненный. Не прибит — пробит. Насажен на Крест. *Пророс Крестом.* Единственный глаз залит кровью. Кровавым сгустком вывернут рот. Ни крика. Ни стона. Только безысходность и скорбь. Только безысходность. Только. Белый лик, алый крест, синий небосвод. Рвут душу, взрывают мозг, надрывают сердце. Это Твоё Светлое Будущее, Человек! Смотри! Рыдай! Не отводи взор! Твоя Новейшая Голгофа. Этот визуальный эпиграф предлагает читателю быть внимательным. Смотреть вглубь. Не спешить с прямолинейными выводами и оценками.

Как и в первой книге, на отвороте обложки — аннотация-предисловие: «Александр Зиновьев, стремительно и внезапно прославившийся в Европе и в Америке (его „Зияющие высоты“ получили важные литературные премии во Франции и Швейцарии, вызвали многочисленные и восторженные отклики литературных обозревателей), написал новую книгу.

„Зияющие высоты“ представляли собою сатиру в первоначальном, античном смысле этого слова — смесь разных жанров и стилей с преобладанием философских и социологических размышлений. Книга поражала силою, глубиною и беспощадною горечью мысли. Вторая книга Зиновьева, нисколько не теряя в названных выше качествах, принадлежит целиком художественной литературе. Это история вырождения, моральной гибели советского либерального интеллигента, „шестидесятника“, начавшего делать карьеру в лютую зиму сталинщины, но поднявшегося по-настоящему на гребне хрущёвской „оттепели“. Зиновьев показывает все важнейшие процессы и явления советской духовной жизни от начала войны до наших дней, всё убожество, всю лживость, всё мёртвое оцепенение этой жизни. Показаны и бунтари, старые и молодые, одинаково отвергающие ложь и мертвечину и одинаково не находящие, что противопоставить этому царству смерти.

В отличие от „Зияющих высот“ новая книга Александра Зиновьева — не аллегория. Действие происходит не в вымышленном Ибанске, а в реальной Москве, персонажи упоминают реальные события и реально существующих лиц. Но атмосфера гротеска и сарказма, столь характерная для „Зияющих высот“, присутствует и здесь. Книга доставит высокую радость эстетического и интеллектуального со-переживания, со-творчества как тем, кто уже знаком с Зиновьевым, так и тем, кто познакомится с ним впервые»[445].

В «Автобиографии», которая появилась на страницах парижской «Русской мысли» 25 мая, Зиновьев, сообщая краткую историю создания романа, пояснял: «С одной стороны, эта книга есть продолжение и дальнейшее развитие идей „Зияющих высот“. Но с другой стороны, по настроению и литературной форме это — самостоятельная работа, существенно отличающаяся от „Зияющих высот“»[446].

Читатели накинулись на роман с жадностью.

Кристина Местр сообщала: «14.IV. <…> была передача! Сначала, надо сказать, что это лит<ературная> передача — единственная, значит, все интересующиеся литературой смотрят её. В этот раз тема была такой: несвободные писатели (т. е. в концлагерях, в тюрьмах и т. д.). Говорили о писателях Аргентины, Чили, Родезии, <…> о Кузнецове („дневники“), и о Зиновьеве! Больше всего о нём. О нём говорил Max Gallo — французский писатель, он упоминал З. В. как великую книгу, может быть, самую великую книгу XX века. Взял много из автобиографии…

Говорил о З<иновьеве> как о герое, *о гении.* Заметил, что оригинальный взгляд З<иновьева> состоит в том, что у него очень своеобразный маршрут и он занимал определённое место в советской интеллигенции. Сказал, что благодаря З<иновье>ву ему не нужно ехать в Союз, он всё понимает, т. к. в З<иновье>ве всё есть и можно понять, как всё функционирует. Сила: язык и техника на которой построена книга. Главное: много в его книгах напоминает несколько структур нашего общества. И книжку показали. На ней крест <…> *Говорят о Зиновьеве как о самом великом писателе XX века!!*

18. IV. Моя любимая газета „Liberation“ (Сартра) опубликовала 3 страницы о Зиновьеве! Автобиографию, статью <…> и отрывок из книжки»[447].

«Я не знаю, какое из событий, происшедших в апреле 1978 г., будущие историки назовут самым важным, — написал 14 мая в своём ежемесячном обзоре Геллер. — Мне кажется, что важнейшим событием была публикация <…> второй книги Александра Зиновьева „Светлое будущее“»[448].

С особым пристрастием читали «товарищи».

«На площади Космонавтов при въезде на проспект Марксизма-Ленинизма воздвигли стационарный Лозунг „Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!“. Лозунг построили по просьбе трудящихся. Строили долго, главным образом — зимой, когда расценки выше. И убухали на это дело уйму средств. По слухам, не меньше, чем вложили во всё сельское хозяйство в первую пятилетку. Но мы теперь очень богаты, и подобные затраты для нас сущие пустяки. На арабов мы потратили ещё больше, а не обедняли. На арабов потратили впустую, а тут несомненная польза есть»[449].

Читали — и лица их бледнели.

«Построили Лозунг, как и следовало ожидать, халтурно. Краска облупилась ещё до того, как Лозунг сдали в эксплуатацию. Буквы систематически покрывались серой грязью и разваливались на куски. Так что Лозунг приходилось по крайней мере три раза в год капитально ремонтировать: к майским праздникам, к ноябрьским праздникам и каждый раз, когда Москва включалась во всесоюзное соревнование за образцовый коммунистический город и многомиллионную армию московских служащих выгоняли на улицы собирать мусор. В результате амортизация Лозунга обходилась государству в несколько раз дороже, чем его сооружение. А судя по хулиганским надписям на постаментах для букв, воспитательный эффект Лозунга ещё не достиг и половины запланированной мощности»[450].

Читали — и глаза их наливались кровью.

«К XXV съезду КПСС решили положить конец этому безобразию. Буквы для Лозунга отлили из нержавеющей стали на пивном заводе имени XXI съезда КПСС (бывшего имени Маршала Будённого). Отливали ударники коммунистического труда в сверхурочное время. Отливали из мо… прошу прощения, металла, сэкономленного в честь предстоящего съезда. Буквы водрузили на мощное бетонное основание. Бетон московские строители тоже сэкономили в честь предстоящего съезда. Таким образом, на сей раз на Лозунг не только ничего не потратили, но даже получили прибыль, так как строители Лозунга сэкономили в честь предстоящего съезда более десяти миллионов рублей. Сэкономленные средства решили использовать на сооружение постоянно действующих железобетонных матриц для портретов членов Политбюро, завершив тем самым (как писали в газетах) прекрасный архитектурный ансамбль площади Космонавтов и прилегающего к ней пустыря. Главный архитектор города, отстаивавший свою идею насчёт портретов в ЦК, сказал откровенно, что мы тем самым закроем безобразный вид на пустырь от глаз иностранцев. В конце концов, не можем же мы пока отказаться от них совсем!»[451]

Читали — и рты их кривились в кровавой злобе.

«Промежутки между буквами оказались очень удобным местом для любовных свиданий молодёжи, с одной стороны (а именно — со стороны „Да здравствует коммунизм“), и для выпивок местных алкоголиков — с другой стороны (а именно — со стороны „светлое будущее всего человечества“), которая оказалась ближе к кафе „Молодость“ и винному магазину. Промежутки эти устроили так, что любовников и пьяниц можно было видеть только из мчащихся автомобилей, на которые им было начхать. Попытки дружинников и милиции ликвидировать эти очаги разврата ни к чему не привели, так как любовники и пьяницы вступили с ними в дружеские контакты. Затем в районе Лозунга появились определённого сорта девицы. В слове „светлое“ стали торговать наркотиками. А словом „коммунизм“ вскоре почти полностью завладели гомосексуалисты. Это переполнило чашу терпения трудящихся. Было решено обнести Лозунг металлической решёткой и пропустить через неё электрический ток. Но средства, отпущенные на это, растранжирили в различных проектных инстанциях, и пришлось ограничиться обычным деревянным забором с колючей проволокой поверху. Эта мера, однако, лишь усилила объективную тенденцию общества к блядству и пьянству, ибо в заборе тут же оторвали ряд досок для прохода, а поскольку за забором и днём ничего не видно, то Лозунг стал очагом разврата

круглые сутки»[452].

Читали, задыхаясь от бешенства.

Их оценка романа была диаметрально противоположна той, что дал в своём отзыве Геллер: «В марте 1978 года швейцарское издательство „Век человека“ выпустило новый антисоветский пасквиль ЗИНОВЬЕВА под названием „Светлое будущее“ (в прошлом оно же издавало „Зияющие высоты“).

В очередном пасквиле содержатся крайне циничные клеветнические измышления о советской действительности, теории и практике коммунистического строительства, оскорбительные выпады против В. И. ЛЕНИНА, нашей партии и его руководства.

Советское общество ЗИНОВЬЕВ клеветнически изображает как „модель коммунизма с колючей проволокой… в четыре ряда“.

Пасквиль ЗИНОВЬЕВА направлен на разжигание национальной розни и вражды между народами. В нём содержатся грубые выпады в отношении интернациональной политики Советского государства.

Особо грубым оскорблениям автор подвергает советских людей: „У нас нормой являются самые отвратительные качества человеческой натуры… и прикрыта вся эта мерзость самой грандиозной и самой лживой идеологией“.

ЗИНОВЬЕВ всячески восхваляет СОЛЖЕНИЦЫНА. „Я перед ним преклоняюсь. Я ценю его не за правду, а за бунт против лжи и насилия“, — заявляет автор устами одного из персонажей пасквиля.

Лейтмотивом „Светлого будущего“ является призыв к борьбе с существующим в СССР государственным и общественным строем. В уста персонажей книги он вкладывает прямые призывы: „…Надо драться. Будем мы драться или нет, от этого зависит ход истории… Надо всю систему в корне перестраивать… Забастовки нужны. Побольше забастовок и дело сдвинется… Есть одно единственное средство от насилия — сопротивление…“»[453].

Эта «рецензия» взята из записки КГБ СССР № 1311-А «О мерах по пресечению антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА А.». Под ней стоит подпись: «Ю. В. Андропов». Конечно, над текстом трудился не сам Юрий Владимирович, а специальные сотрудники, но он его «авторизовал». Таких «критиков» у него ещё не было!

Впрочем, Андропов, как говорили позже знавшие его люди, к книгам Зиновьева отнёсся серьёзно. Тем более, что помимо карикатуры, действительно злой и обидной, в книге много страниц — почти треть, если не больше — посвящено проблемам научного изучения советского общества, предлагались принципы подхода, методология. «Если вы хотите понять, что такое

коммунизм, — писал Зиновьев, — изучите его классический реальный образец — советское общество, т. е. исходите из фактов, а не из абстрактных гаданий и прекраснодушных пожеланий. А чтобы понять советское общество именно в его качестве коммунистического общества, необходимо рассмотреть его с точки зрения его самодовлеющих реальностей и ценностей, а не с точки зрения внешних оценок и сопоставлений. Нужен определённый метод понимания. Если не совсем научный (в силу внутренних советских условий, исключающих научное исследование этого общества в широких масштабах и в полном соответствии с критериями науки), то по крайней мере стремящийся в тенденции удержаться в основных чертах в пределах научности. Надо посмотреть на советское общество в таком разрезе и в такой системе понятий, в каких не заинтересованы смотреть на него ни апологеты коммунизма, ни его противники»[454]. Он не только обличал, он призывал к работе. Он уже сам начал эту работу и готов был поделиться — вернее *уже делился,* щедро и без обиняков, — первыми её результатами. Не самыми приятными, впрочем.

Можно было игнорировать эту часть книги в спецзаписке для членов ЦК — догматиков и ортодоксов марксизма, — но нельзя было отмахнуться от неё на деле. Андропов был практиком реального коммунизма и понимал, что Зиновьев никакой не «клеветник» и не «политический хулиган». Что он говорит о реальных проблемах *своей страны.* Страны, в которой родился и вырос, за которую сражался, которую любит. Что его жёсткая критика, его отрицание социальных пороков советского общества основаны не на пустом месте, не голословны, и требуют осмысления и анализа. Конечно, Зиновьев в его понимании всё равно оставался врагом, но из разряда тех, кого *не уничтожают.*

Иного мнения был «серый кардинал» ЦК, секретарь ЦК КПСС по идеологическим вопросам М. А. Суслов. Он требовал расправы. «Мы боролись с диссидентами, а главную сволочь проглядели!» Суслову было с чего яриться. В книге самым решительным, логически обоснованным, аргументированным способом опровергались марксизм и научный коммунизм как научные концепции социального строительства, вскрывалась их идеологическая сущность: «Дело в том, что марксизм, как и всякая идеология, не есть наука, — утверждал Зиновьев. — Он наукообразен — это дань времени. Но он не наука. Ему всячески стараются навязать вид и статус науки. Это выгодно власть имущим: всё происходящее есть продукт объективных законов, а не их глупости, они лишь открывают законы, предвидят и способствуют. Помнишь, Сталин говорил: оседлать законы! Это не

пустая фраза. Это очень серьёзно. Они властвуют от имени мировых законов, а не в силу правил гангстеризма большого размаха. Это выгодно и гигантской армии идеологов: они — учёные, а не нечто вроде попов! Это выгодно прочим; лучше считать себя обиженными железными законами материи, чем ловкими проходимцами, хапугами, карьеристами. Есть вполне определённые признаки науки и определённые признаки идеологии. Марксизм не удовлетворяет первым и удовлетворяет вторым, это тривиально. Его альянс с наукой есть историческая особенность его как идеологии. В наш век науки, техники и образованности всех без этого нельзя. Идеология, не претендующая на то, чтобы быть наукой, не принимающая вид науки, не имеющая средств выглядеть для широких масс наукой, не может быть в наше время идеологией. Марксизм, будучи идеологией, а не наукой, неуязвим для научной критики»[455].

Характеристики, данные в книге марксизму, невыносимы для ортодоксального сознания. Их даже читать страшно: «Марксизм есть идеология самой посредственной части общества, для неё созданная и ею же созданная. Это — квинтэссенция серости. Скучная идеология. Не эстетичная. Идеология насильников и для насильников. И для насилуемых»[456]. И это не просто отдельные фразы, это целостная концепция, детально расписанная на десятках страниц, развёрнутая в сюжете и лежащая в основе поступков и поведения действующих лиц. Да за такое повесить мало!

У-у-у-у-у! Проглядели!!!

Если бы они знали — а где их хвалёные «товарищи-сотрудники»? — что «главная сволочь» пишет новый «пасквиль»! Им, должно быть, и в голову не могло прийти, что «Зияющие высоты», при всей их масштабности, по сути своей — только *начало,* гигантская *увертюра,* открывающая грандиозную социологическую симфонию. Что «Светлое будущее» — лишь *первая часть* её. Они не были готовы к такому развитию событий. Они были уверены, что он всё сказал. Что ему больше нечего сказать. А он, напротив, открывал всё новые сферы советской жизни, всё новые уровни социальных отношений, которые требовали тщательного описания и анализа.

Они видели в нём литератора, а он был учёным. У него закваска была иная. Иной тип отношения с миром. Он ведь не романы писал. Не сатиру, как им казалось. Он познавал. Не ради славы и почёта, не из тщеславия, не с целью привлечь внимание к себе. Ради истины. А познание есть процесс. Оно не останавливается. Оно идёт непрерывно, пока есть силы и возможности у исследователя. А силы — и даже возможность! —

у него были. Он не намеревался ставить точку. Он не умел «почивать на лаврах». У него был беспокойный ум. Беспокойный стиль существования. Он жил в ином скоростном режиме.

Чем больше он работал, тем большие перспективы перед ним открывались. Так было, когда он занимался специальными вопросами логики, так было и сейчас. Он мыслил системно. Он обладал даром *чувствовать* и *видеть* системы. Он умел в них *вглядываться*. Ему было интересно их *рассматривать*. Различать детали. Соединять их. Находить и устранять лакуны. Добиваться полноты. Наблюдать, как система функционирует, движется, развивается — живёт. В самых малых её величинах. Во всей неохватности целого.

В «Зияющих высотах» он выдвинул художественную гипотезу о коммунальной природе советского строя как общества агрессивных посредственностей. Его героями были выдающиеся личности, страдающие в окружении посредственных лиц. В «Светлом будущем» он предложил развитие этой гипотезы, показав, как посредственное лицо страдает от своего посредственного окружения. Но есть ещё один уровень социума, ещё одна точка зрения. Мир, который посредственные люди даже не замечают, или начинают обращать на него внимание, когда сами оказываются на краю, на грани выпадения из привычной им посредственной среды. В «Светлом будущем» этот мир маячит Пьяной старухой, бомжихой, побирающейся на помойках. «Никто не помнит, когда она появилась впервые. Не обратили внимания»[457]. Он, этот незамечаемый мир, страдает от посредственностей в той же мере, что и выдающиеся фигуры. Только не показывает вида. Да и кому нужна эта Пьяная старуха? Кто она? К чему она? «Люди проходили мимо неё, совершенно не замечая её. Она для них не существовала вообще. Так же и они для неё. Вот вам сосуществование двух независимых миров, между которыми исключено всякое взаимопонимание. Зачем лететь на другие планеты, если по улицам бродит эта Пьяная старуха, с которой мы также не можем установить контакта. И не хотим это делать»[458]. А он захотел. Он решил погрузиться в этот мир, чтобы *из него* взглянуть на мир людей — мир «в преддверии рая».

Он работал с этим материалом весь прошлый год, но вынужден был его оставить. Спрятать за границей. «Законсервировать» в разобранном виде. Когда ещё доберётся до него! И доберётся ли? Он начал по новой. Теперь уже без подготовительного этапа.

«Кого же именно избрать в качестве ничтожества? Вполне естественно, стали напрашиваться уборщицы, сторожа, дворники,

продавцы, милиционеры, солдаты, грузчики и прочие представители рода человеческого, не имеющие никаких помыслов выйти не то что в великие, но даже в мало-мальски значительные личности — в заведующие магазинами и жилищно-эксплуатационными конторами, участковые милиционеры, старшины. Но по зрелому размышлению я их всех отбросил, ибо всегда находилось нечто значительное, что можно было о них сказать. И в конце концов я пришёл к выводу, что ничтожнейшим из ничтожеств является существо, именуемое младшим научным сотрудником без учёной степени и учёного звания, сокращённо — МНСБУСИУЗ, короче — МНСБС, а ещё короче — МНС. Читается это как „МЭНЭСЭ“ или „МЭНЭЭС“, — русская грамматика одинаково равнодушна к тому и другому.

Почему именно МНС? Даю исчерпывающее объяснение. Во-первых, возьмите сам титул и вдумайтесь в него. Переведите его на какой-нибудь иностранный язык, например, так: Джуниор Сайентифик Вокер Визаут Сайентифик Дигри Энд Визаут Сайентифик Ранк. Звучит? И возьмите другой титул: академик. И переведите его на тот же язык. Что получите? Всего лишь Академишен. Смех! Но сравните теперь зарплату и прочие блага, которые получает этот смеха достойный Академишен и гордо звучащий Джуниор Сайентифик Вокер! Чувствуете разницу? Во-вторых, возьмите интеллектуально-творческий аспект. Даже самый посредственный МНС превосходит с этой точки зрения дюжину ещё способных шевелить мозгами академишенов. А часто ли можно встретить имя МНС среди лауреатов всевозможных премий, в энциклопедиях, на страницах популярных журналов, прославляющих выдающиеся открытия?! В этом суть дела. МНС есть существо, имеющее все данные для того, чтобы сделать выдающийся вклад в культуру и навеки вписать своё имя в историю человечества, но не имеющее для этого никаких шансов. Это есть существо с огромным тщеславием и ничтожной зарплатой. Это есть существо, готовое на многое, чтобы заполучить хотя бы самое малое, но с самого начала знающее, что лишь при условии ничтожно малых данных (чем он не обладает) и ещё меньших усилий (на что он неспособен) можно достичь многого. И потому это есть существо, для которого ничтожность как таковая становится не только нелюбимой профессией, но и любимым призванием»[459].

Ничтожество атакует мир посредственностей — мир *реального коммунизма.* Кто кого? Вот это сюжет! Что в сравнении с ним «Илиада», «Песня о Нибелунгах» или «Война и мир»?!

На свет появляются первые страницы «Жёлтого дома». Умные, ироничные, злые.

Безжалостные.

Дописать их, правда, ему не дали. «Товарищи» и «сотрудники» вовсю рыли землю в поисках материала, на основании которого можно было бы «законно» с ним разделаться. Подглядывали, подслушивали, подшивали доносы и оперативки.

«Сообщаем, что бывший старший научный сотрудник Института философии АН СССР ЗИНОВЬЕВ А. А. полностью встал на антисоветский путь. В беседах с окружающими он прямо заявляет о готовности вести борьбу с существующим в СССР государственным и общественным строем. В частности, он говорил: „Считаю, что нужно приветствовать всякий протест против этого строя жизни, вплоть до бросания бомб, убийств, покушений — всё, что угодно“.

В последнее время ЗИНОВЬЕВ активно устанавливает связи с антиобщественными элементами, его квартира становится местом встреч антисоветски настроенных лиц. Зиновьев принимает участие в обсуждении готовящихся антисоветских акций, к нему тянутся всякого рода отщепенцы <…>

В повседневной жизни ЗИНОВЬЕВ систематически встречается с рядом корреспондентов капиталистических государств, снабжает их клеветнической информацией и с их помощью организует за рубежом антисоветские кампании в целях привлечения внимания к своей персоне, которая якобы борется за свободу научной деятельности и противопоставляет себя советским институтам, „подавляющим свободу личности“»[460].

«Всякого рода отщепенцы» — это, должно быть, Венедикт Ерофеев, Георгий Владимов, Слава Лён. А «антисоветские акции» — нелегальная выставка работ Михаила Шемякина, открывшаяся 12 апреля на квартире у фотографа Владимира Сычёва. Её «посетители» смотрят с улицы, через открытые окна, благо квартира на первом этаже. В дом никого «чужого» не пускают сотрудники милиции. Их как-то пустили. Существует фотография (её не раз будет публиковать европейская пресса), на которой запечатлена вся их компания, с жёнами, с маленькой Полиной, сидящая за круглым столом в квартире Сычёвых. Они, видимо, «свои». Или это провокация? Ещё один компрометирующий факт. Но что же такого делают эти «антисоветчики»? На столе — бутылка шампанского, бокалы, виноград, чайные чашки, на стенах — работы Шемякина. Никакого криминала.

Разговаривают! Готовят новые «антисоветские акции».

Вот ещё одна фотография «заговорщиков» (тоже впоследствии растиражированная), сделанная, судя по одежде и составу лиц, в тот же день. Глядя на неё, Венедикт Ерофеев

напишет в дневнике: «На бульваре — май 1978-го. Солнышко. Тепло. Мы сидим на лавочке Рождественского бульвара. За спиной (не видно) — в пух и прах разбитый большевиками Рождественский монастырь. А чуть дальше — обе Лубянки, Малая и Большая. Куда нас по очереди таскают — пока на допросы. Мы сидим напротив квартиры фотографа Володи Сычёва, где развешаны работы Шемякина — выставка „Семь лет отсутствия“, которую организовали Лён и Есауленко. А цветные литографии из Парижа Шемякин прислал по „дипканалам“. Нелегально! — в этом соль. Милиция много дней держала квартиру Сычёва в оцеплении, изредка пропуская лишь дипломатов. Шум в Париже большой, в Москве — мёртвая тишина. Скоро „за бугор“ уедет Александр Зиновьев с женой и дочерью. „Зияющие высоты“ начали триумфальное шествие по миру — наш друг Олег Целков, новоявленный парижанин, сказал по телефону, что бестселлер читают даже таксисты (в Москве — Эдик Штейнберг не смог одолеть). Счастливый Зиновьев вовсю, зачем-то и многократно возвращаясь к пустой теме, расхваливает мою „Москву — Петушки“ и „Верного Руслана“ Владимова, который с Натальей Кузнецовой тоже собираются на Запад»[461].

То, что они вскоре отправятся «за бугор», они ещё не знают. Возможны варианты. «Имеющиеся в Комитете госбезопасности материалы свидетельствуют о том, что вся деятельность ЗИНОВЬЕВА является противоправной и есть юридические основания для привлечения его к уголовной ответственности»[462].

И привлекли бы, да всё та же международная общественность мешает, проклятая!

«Однако эту меру пресечения антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА, по нашему мнению, в настоящее время применять нецелесообразно по той причине, что, по заявлению ряда лиц, близко знающих ЗИНОВЬЕВА, он ранее лечился от алкоголизма, психически неуравновешен, страдает манией величия. Эти обстоятельства могли бы (в случае привлечения ЗИНОВЬЕВА к уголовной ответственности) послужить причиной и мотивами для признания его судом психически больным с направлением на принудительное лечение. С учётом развязанной на Западе кампании вокруг психиатрии в СССР эта мера пресечения представляется нецелесообразной»[463].

А как всё могло бы славно устроиться! Но… Приходится идти на уступки.

«Известно, что ЗИНОВЬЕВУ поступили приглашения для участия в симпозиумах, чтения лекций по логике в некоторых университетах Западной Европы и США, а также частное

приглашение из Франции. ЗИНОВЬЕВ делает попытки оформить документы на выезд за границу совместно с женой и дочерью дошкольного возраста.

Комитет госбезопасности считает возможным разрешить ЗИНОВЬЕВУ и его семье выезд в одну из капиталистических стран в частном порядке и закрыть ему въезд в СССР. Вопрос о лишении советского гражданства решить в зависимости от поведения за рубежом»[464].

Данная записка датирована 28 июня. А уже 17 июля Зиновьевым выписаны заграничные паспорта. Через день их приглашают в ОВИР. Ольга Зиновьева вспоминает: «Конец июля 1978 года, среда, Колпачный переулок, кабинет начальника ОВИРа товарища Иванова <…>. Нас провожало большое количество друзей, которые остались на улице, будучи готовыми к любой провокации, например, в виде „воронка“, в котором нас могли увезти куда угодно.

— Здравствуйте. Получите документы на выезд в ФРГ до 6 августа.

— А если мы не захотим поехать?

— Тогда бесплатно поедете в другую сторону, на Восток или на Север. По отдельности, лишённые родительских прав, у дочери будет изменено имя, и её поместят в отдалённый детский дом.

— А к чему такая спешка?

— Боюсь, иначе вы успеете изуродовать всех наших сотрудников.

То был откровенный намёк на историю, незадолго до этого разыгравшуюся у нас на лестничной площадке, когда двухкилограммовым латунным пестиком я защищала Александра от верзилы, притворившегося пьяным. Он пытался задушить моего мужа, возвращавшегося со встречи с иностранными журналистами, и вместо того, чтобы врезать нападающему по затылку (я отдавала себе отчёт, что тогда мне наверняка припишут уголовное дело), всю силу ненависти к мерзавцу я, защищая мужа, вложила в удар пестиком по правому плечу. Раздался хруст перелома, рука „пьяного“ провисла, как плеть, он отпустил мужа, повернулся ко мне и трезвым голосом произнёс: „Во даёт!.. Во даёт!“ И пошёл вниз к ожидавшим его товарищам по службе»[465].

Возможно, как раз в связи с этим инцидентом Ольге Зиновьевой был уделён целый абзац в цитированной выше записке КГБ: «Непосредственное участие в антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА принимает его жена — ЗИНОВЬЕВА О. М., 1945 года рождения, беспартийная, домашняя хозяйка, которая полностью разделяет его враждебные взгляды, резко

отрицательно относится к советской действительности»[466]. Текст, если отрешиться от обстоятельств, невероятно комичный — Зиновьев бы смешнее не придумал: «домашняя хозяйка, которая полностью разделяет его враждебные взгляды, резко отрицательно относится к советской действительности»! Ну просто террористка в фартуке!

В их паспортах в графе «цель поездки» стоял штамп: «Частная поездка».

«Скромно, благопристойно», как сказал поэт.

А чтоб никто не сомневался в «благопристойности», срок действия паспорта назначен аж до 17 июля 1981 года!

«Мы далеки от трагичности».

Власти, наученные опытом выдворения Солженицына, когда только глухой не услышал имени опального писателя, в отношении Зиновьева приняли диаметрально противоположную стратегию поведения. О нём не сказали ни одного слова. Да и почему бы? В связи с чем? Простая советская семья выезжает за рубеж по частному приглашению. Наверное, в гости. К родственникам. Отдохнуть. Повидаться с друзьями. Сходить в музей. Прикупить чего-нибудь. Что тут такого? *Что особенного*? Фамилия выезжающих самая обычная, русская: Зиновьевых в стране тысячи. Имена тем более: каждый второй у нас — Александр, Ольга — через одну. Нет *никаких оснований* говорить.

Его не стали сажать в тюрьму. Помешать в психушку. Высылать в ссылку. Расстреливать.

Его решили *умолчать.*

Кто был такой мудрый, кто придумал ему эту казнь?

Или у них это *случайно* получилось? Бессознательно? Инстинктивно?

Как всё в Ибанске.

Решение их вопроса было сколь ожидаемым, столь и внезапным.

«Приказание покинуть страну застало нас врасплох и ввергло в шоковое состояние. Для нас высылка из страны была наказанием, которое было с какой-то точки зрения предпочтительнее тюрьмы и внутренней ссылки. Однако тюрьма и внутренняя ссылка должны были окончиться, и мы могли вернуться к нормальной жизни, пусть на более низком уровне. Высылка же на Запад была навечно, мы это понимали, и это пугало нас больше всего. К тому же я был далеко не молод, у нас была маленькая дочь. Оля знала, что с её профессией найти работу на Западе будет практически невозможно. На Западе у нас не было никаких родных. Для нас как для глубоко русских людей

жизнь вне России казалась просто невозможной. Но и оставаться было нельзя. <…> И мысли о судьбе дочери тут сыграли свою роль. Мы понимали, что в качестве моей дочери её ожидает нелёгкая судьба, если мы откажемся от выезда на Запад»[467].

Начались сборы. Распоряжения. Нужно было понять, что делать с квартирой. Что из вещей оставить, что взять с собой.

Связались с посольством ФРГ. Атташе по культуре Дорис Шенк взялась доставить им в Германию документы и фотографии, которые они не имели права вывезти, рисунки Александра и Полины. Рукопись начатого романа и часть архива передали итальянскому журналисту Пьетро Остеллино для переправки на Запад по дипломатическим каналам.

Потянулась вереница прощаний. Дверь практически не закрывалась. Приходили родственники. Знакомые. Журналисты. Кто-то поздравлял, кто-то тихо завидовал, кто-то неподдельно печалился. Обсуждали, расспрашивали, давали советы. Они раздаривали книги, рисунки, вещи — на память.

С собой брали минимум, да и не было возможности везти какой-то багаж. Они ведь официально не выезжали на постоянное жительство. В формулировке «частная поездка» было и это коварство. Только носильные вещи и предметы первой необходимости. В обход правил взяли детские книжки и пластинки со сказками — для Полины. Игрушки. Кто-то подарил ей детскую гитару. Прихватили зачем-то и её.

Труднее всего было с живописью. Вставало препятствие в виде закона о перемещении через границу произведений искусства. Раздаривать, расставаться не хотелось. Особенно с «Художником и его моделью». Это было слишком личное высказывание. Интимное. Заветное. Решили — разрезать. Пополам. Как уже разрезали свою жизнь. Она оказалась на одной половине. Он остался на другой. Может быть, не стоило этого делать, но тогда иных вариантов не нашлось.

Накануне отъезда, 5 августа, собрались все братья Зиновьевы: Александр, Владимир, Николай, Василий, Алексей. Всем всё было понятно. Без лишних слов. Съездили на Домодедовское кладбище. Поклонились родительским могилам. Отцу. Матери. Вспомнили Пахтино, родной Дом, трудное и счастливое детство. И с особой мощью почувствовали ту древнюю, корневую, неубывающую силу отечества, которая питала их, держала на ногах, берегла все эти годы. Они были в тот час богатырями Земли Русской. Они унесли в себе этот богатырский дух в новую жизнь. Каждому предстояли испытания. Все — выстояли.

Как самое дорогое, отдал Александр братьям «Зияющие высоты». Книгу *их* судьбы.

Ночью почти не спали. Серенькое московское утро предвещало пасмурный день. Было прохладно, около двадцати градусов. Того и гляди, пойдёт дождь[468]. Вылет из Шереметьева вечерним рейсом, но нужно ещё добраться до аэропорта, пройти разные формальности, значит, выезжать надо днём, заранее.

Стали собираться провожающие. Говорили негромко, мало. В основном какие-то обыденные реплики. Как в доме покойника, перед похоронами. Всё никак не верится, что через несколько часов они покинут свой дом навсегда. Может быть, через год им разрешат вернуться. Надо надеяться на лучшее. И жить реальностью.

Журналистам он говорит, что не намерен принимать участие в каких-либо политических акциях. Сообщает, что получил приглашение читать лекции в университетах Оксфорда и Кембриджа, в колледжах США, надеется воспользоваться ими в будущем.

Ольга, как всегда, улыбчива и энергична, но и в ней чувствуется тревога. Беззаботнее всех Полина. Она сразу же, как узнала, рассказала всем подружкам во дворе, что они едут в Мюнхен, и теперь с нетерпением ждёт путешествия. На самолёте! За границу!

Удаётся несколько оживить атмосферу. Садятся за стол. Ну, на посошок!

Несколько человек на своих машинах. Остальные заказывают такси. Составляется большой кортеж, машин двадцать.

Они едут в кургузом «запорожце». Молчат. Смотрят в окна. Прощаются с Москвой. «Москва — великий город. Один из самых великих городов мира во всех отношениях. А если учесть напряжение жизни, то, может быть, самый великий. Пульс мира бьётся сейчас здесь, в Москве. Москва — всё что угодно, только не провинция. Париж и Лондон теперь больше провинция, чем Москва. Я уж не говорю о Риме, Вене, Мадриде и прочих городах Европы. Нет, Москва давно не провинция»[469].

Он любит этот город. Он знает его вдоль и поперёк. Сколько километров исхожено по проспекту Мира, по Бульварному кольцу, по Моховой, по Горького, по проспекту Маркса, Ленинскому проспекту, Профсоюзной… Днём, ночью… В дождь, в жару, в стужу… Каких только приключений не было! И радости, и огорчения. И счастье… Он странный, этот Город. Он раздражает, он злит, отнимает силы. И он же утешает, бодрит, заряжает энергией. Он, как водка. Как б… Этот Город. Город — вызов. Город — призыв.

В «Светлом будущем» он написал целый «Гимн Москве». Свой,

зиновьевский, ни с чем не сравнимый: «Приходилось ли вам наблюдать человека, нагло и успешно делающего карьеру? Вы видите, что он — циник, интриган, проходимец, ловкач. Вам противно. Но вас тянет к нему. И временами вы даже восхищаетесь: вот, мол, мерзавец даёт! Москва очень напоминает такого человека. Она нагло и уверенно делает карьеру. Серенькая-серенькая, а вылезает-таки в фигуру номер один. А кто из наших вождей поначалу не казался сереньким?! Пройдёт каких-нибудь сто лет, и история Москвы нашего периода будет интриговать человечество не меньше, чем история Парижа времён Великой французской революции»[470].

Как он будет жить вне Москвы?

Без Москвы.

…Сюда я больше не ездок.
Пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть сердцу уголок.

УХОДЯ, ЗАБЕРИ УРНУ СО СВОИМ ПРАХОМ С СОБОЙ!

В аэропорту — прощальные рукопожатия, объятия. У женщин слёзы на глазах. Нет, этого не может быть! Их приглашают на досмотр. Длинные, пустынные, полутёмные коридоры. Лестницы. Безлико перебирают вещи. Безлико проверяют документы. Пограничник изымает вкладыши возвратных виз: «Они вам не понадобятся». Опять лестницы, коридоры. И вдруг они выходят в стеклянный переход, ведущий к лётному полю, к самолёту. Их провели отдельным путём, мимо зала с провожающими, чтобы те… Что? Не устроили митинг? Не дебоширили? Или просто, чтобы не смогли в последний раз помахать рукой? Какая подлость. Даже здесь. В последнюю минуту. Они смотрят по сторонам. Да, вон там, у забора, *наши.* Всё-таки свиделись. Они машут друг другу — приветствуют. Сопровождающие — конвой? — торопят.

Эти проводы запомнят все. Не сговариваясь, они опишут их в письмах, которые полетят им вдогонку и которые они будут читать как эпилог ибанской фантасмагории. Той, что реальнее всякой реальности. Живее всех живых.

«Если бы видели, что творилось после того, как мы с вами простились. Более 40 минут мы всё ждали, что вы покажетесь на „козырьке“ 2-го этажа. Но этого не произошло. Звонили администрации. И всё безрезультатно. И только Наташа обнаружила вас на „пятачке“ незадолго до посадки на самолёт и сообщила нам. И тогда толпа в 30–40 человек „пулей“ вылетела

из помещения и бросилась бежать к решётке аэродрома. Впереди всех бежала, как „паровоз“, Женя, а за ней и все остальные. Даже движение машин и то остановилось. Это было что-то невообразимое. И вот только тогда мы вас увидели с Полинкой на руках. И поняли, что провожаем вас надолго, если не навсегда. Увидели, как вас оттеснили. А потом уже у трапа самолёта. Разошлись только тогда, когда самолёт стартовал. Понятно, что в письме невозможно передать наши чувства и переживания. Можно ещё добавить, что за нами серьёзно наблюдали и в т. ч. с работы» (Н. А. Зиновьев)[471].

«До сих пор вспоминаю, как мы вас провожали. Триста раз я знаю, что когда попадаешь в толпу, даже из хороших людей, нечего рассчитывать на этот самый коллективный разум. Его просто нет. Ведь мы два часа стояли и таращили глаза на эту площадку, по которой вы должны были пройти после таможни. И ведь были там люди, которые уже не одного человека проводили и знают всю эту технологию: и что окна везде стеклянные и через них видно, как продвигаются к таможне, и что есть второй выход, и что, вероятнее всего, вас через него и пропустят… И все стояли как будто загипнотизированные, и уже было ясно, что что-то не так, а всё равно все стояли и чего-то ждали. Если бы не три отъявленных (как я теперь понимаю) индивидуума — Мила, Тамара и я, — каждый из которых по отдельности оторвался от этого организма и пошёл обшаривать местность, мы бы вас так и не увидели. Там, в зале у входа, стояли 4 каких-то невыразительных типа, и Наташа Владимова со свойственной ей непосредственностью и темпераментом показывала на одного пальцем и кричала на весь зал: „Вот этот! Вот этот! Я его ещё в этой, ну это… в Калуге видела!“ А потом ещё появился парнишка лет 25, такой коренастый, в красной маечке и джинсах, и он как-то встал вместе со всеми и тоже стал ждать. И видно было, что он никого не знает. И вот ни к кому не подошли, а к нему подошёл какой-то тип и спросил, кого он провожает. А тот ответил, и притом с большим достоинством: „Александра Александровича!“ И отвернулся от него. Я подумала, что это, наверное, тот самый бескорыстный читатель, который не покушался на личное знакомство, а проводить пришёл. И ещё про Генисаретского. Я ему ещё тогда, на балконе, сказала, что это ужасно хорошо, что он пришёл. А он рассказал, что накануне были поминки по Эдику Зильберману и была куча народу и что они 4 часа спорили про „Высоты“ и все переругались, кричали, что никогда не простят. Этот цвет нашей философско-методологической-востоковедческой мысли сразу как-то представился в виде собрания самосекомых унтер-офицерских вдов, что и

поминальному жанру вполне соответствует» (Н. И. Осьмакова) [472].

«Конечно же все родные после того, как увидели улетающий самолёт, явно были не в себе и инстинктивно стремились быть вместе. А вот с квартирой вашей произошли занятные метаморфозы. Когда мы все уехали на аэродром. В ней появился Венечка Ерофеев с приятелем и начал срочно допивать оставшееся вино. Всё это продолжалось довольно долго, пока Анна Александровна не догадалась сказать им, что собирается уходить. Тогда Венечка с приятелем исчезли, прихватив с собой (Оленька, увы!!!) подаренную Вам Нат. Ивановной зап. книгу, которая к тому времени была подарена мне и легкомысленно оставлена мною на подоконнике. <…> С исчезновением Венечки квартира несколько утихла. С тем, чтобы через некоторое время встретить вернувшихся с аэродрома и не пожелавших расстаться родственников и знакомых. Подробности их пребывания мне не совсем известны» (А. М. Федина)[473].

«По имеющимся сведениям в вашем доме после отбытия оставались некоторые товарищи, в т. ч. осведомители и пьяницы, которые вели себя подобающим каждому образом. Далее произошёл вынос холодильника вместе с оставшейся едой и фонаря из кухни, с последующим сбором родственников» (Т. А. Зиновьева)[474].

«После ваших проводов 6.08 мы с аэродрома снова заехали на вашу квартиру и сидели до 23.00. Выпили за мягкую посадку» (Алексей А. Зиновьев)[475].

Прощай, Ибанск!

Он снова в небе над Германией! Но на этот раз не в кабине штурмовика, любимого «летающего танка» Ил-2, а в мягких креслах пассажирского Боинга-737. На хвосте не красная звезда Советской армии, а жёлтый круг Lufthansa. Рядом вместо стрелка — жена и дочь. Тридцать три года прошло с той победной весны. И как же всё переменилось! Он, рисковавший жизнью ради родной страны, ею отвергнут. Страна врага, которую он с ненавистью бомбил, ждёт его, чтобы предоставить кров. Убежище. Абсурд! Убежище от Родины! Чушь! Бред какой-то.

Стюардесса мило улыбается. Предлагает воду. Приносят ужин.

Комфорт. Чистота. Свет.

Тот Свет.

От всего этого не по себе. Пройдут — пролетят (банальный каламбур!) — два-три часа и… *надо снова научиться жить.*

…Надо, чтоб душа окаменела…
…Надо память до конца убить…

Изгнание — вещь серьёзная.

В аэропорту Франкфурта-на-Майне самолёт приземлился с немецкой пунктуальностью в 22 часа 20 минут местного времени. Опять коридоры, контроль, но уже никаких задержек, никакой казуистики. Всё чётко, организованно, быстро. В зоне прилёта их встречают. Щёлкают фотоаппараты, вспышки слепят глаза. Они немного растеряны. Устали после долгого дня и волнений. Но прессе нужно услышать комментарии. Пресс-конференция завтра, в Мюнхене. «Но, герр профессор, хотя бы несколько слов. Вы собираетесь вернуться в СССР? Каковы ваши ближайшие планы?» Что им ответить? Что их уже фактически лишили гражданства? Но официального указа ведь не было. Прозвучит как провокация. Да, он надеется, что спустя год, после окончания срока работы в Мюнхенском университете, он сможет вернуться в СССР. Планы? Сперва немного отдохнуть, прийти в себя, осмотреться, а потом работать. Он намеревается продолжить занятия в области логики. У него есть предложения посетить другие европейские страны, США. Возможно, он воспользуется этими приглашениями.

Ещё один перелёт — в Мюнхен. Здесь их ждут знакомые лица — Кристина Местр, Марина Карофф, Эрхард и Рая Хуттер. Радостно прыгает рядом пёс Хуттеров, ещё не забывший своего московского знакомца.

Подходит высокий, долговязый, поблёскивающий умным лбом и очками Президент Мюнхенского университета Николаус Лобковиц. С букетом цветов. Улыбается. Чем-то помочь? Вещи? Только один чемодан? Ну, тогда хотя бы эту замечательную гитару маленькой фройляйн. Он выглядит чудаковато с этим странным инструментом в руках, но его это, кажется, нисколько не смущает. Аристократ из древнего рода, бюрократ высокого ранга и такая простота, открытость, непосредственность. Вот именно — *не посредственность.* Лобковиц сам крупный учёный, автор ряда монографий по истории философии, в том числе по вопросам марксизма-ленинизма. Он, кстати, был первым из западных учёных, кто отметил — в далёком 1959-м — работы Зиновьева за их оригинальность и нетрадиционность в рамках советской философской науки. (Свою первую студенческую работу он писал по логике Зиновьева.)

Ещё один сухощавый, высокий мужчина бросается с объятиями. Это Дмитриевич. Они никогда не виделись, но узнали

друг друга сразу. Наконец-то они встретились! Ну, теперь держись, Ибанск! Он привёз деньги — гонорар. Хватит на первое время, чтобы устроиться и обзавестись необходимыми вещами. Трогательная забота.

На такси они едут через чужой, спящий город. За окнами шуршит летний дождь. Фонари отражаются в мокром асфальте. Мелькают подсвеченные фасады домов.

Вот его чужбина. Его новый дом.

— Господин Зиновьев, чувствуете ли вы себя жертвой режима?

— Нет, ни в малейшей степени. Это режим моя жертва. Режиму от меня досталось больше, чем мне от режима.

На его пресс-конференцию в Мюнхенском университете собрались представители всех ведущих мировых информационных агентств, журналисты ФРГ, Франции, Швейцарии, Австрии, Италии, Великобритании. В течение нескольких дней европейские газеты публиковали на своих страницах отчёты о ней и репортажи о прибытии Зиновьева на Запад, интервью с писателем. Среди них такие издания, как берлинские «Die Welt», «Deutsche Zeitung», «Bild», мюнхенские «Süddeutsche Zeitung» и «Münchner Merkur», кёльнская «Kölnische Rundschau», франкфуртские «Frankfurter Rundschau» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», парижские «Le Monde», «Le Figaro», «Libération», цюрихские «Neue Zürcher Zeitung», «Die Weltwoche», «Tages-Anzeiger», базельская «Basler Zeitung» и др. Соответствующие репортажи и информация прошли на радио и телевидении. С этого времени Александр Зиновьев становится непременным ньюсмейкером западной прессы.

— Как вы думаете, почему власти разрешили вам выехать в то самое время, когда репрессии в Советском Союзе резко усиливаются?

— Точно ответить на этот вопрос невозможно. А в общем — сработал некий государственный расчёт. С такой принадлежащей государству вещью, как я, власти сочли целесообразным поступить так, а не иначе[476].

Профессор Лобковиц уточняет:

— В таком решении вопроса есть заслуга и немецкой дипломатии. Во время официального визита Леонида Брежнева в ФРГ в мае этого года министр иностранных дел Геншер выражал обеспокоенность судьбой Александра Зиновьева. В его поддержку также выступал федеральный канцлер Австрии Бруно Крайский.

В течение всех лет пребывания Зиновьева в эмиграции его личность, оценки, мировоззрение, книги будут находиться в

постоянном поле внимания средств массовой информации. Не было *ни одной недели,* чтобы имя Зиновьева не появлялось на страницах западной периодики. Он — самый авторитетный эксперт по вопросам советской политики и социальной жизни. «Его книги для коммунистической системы смертельнее, чем „Архипелаг ГУЛАГ“» («Noch tödlicher als der Archipel Gulag»), — утверждает немецкий журнал «Spiegel». Газеты предоставляют ему целые полосы, журналы — десятки страниц. Его любят фотографы. Он — эффектная натура, с выразительной мимикой и жестикуляцией. Публикации неизменно сопровождаются портретом Зиновьева, а часто двумя-тремя и более. Он узнаваем в лицо. Карикатуристы рисуют его шаржи. Уличные художники выставляют его портреты в качестве рекламы своего искусства (как у нас на Арбате портреты Пугачёвой или Высоцкого). 7 августа 1978 года на информационном небосклоне западной журналистики вспыхнула новая интеллектуальная суперзвезда.

— Профессор Зиновьев, как вы относитесь к диссидентскому движению?

— Я никогда не был диссидентом и не имел никаких контактов с правозащитным движением. После моего изгнания из института со мной пожелали познакомиться некоторые представители диссидентского движения, но наше общение носило исключительно личностный характер и не имело никаких действенных последствий. Диссидентское движение неоднородно. Я критически отношусь к некоторым формам диссидентства в СССР, в частности к активным действиям отдельных лидеров правозащитного движения.

— Кого вы имеете в виду?

— Думаю, что неэтично называть здесь их имена. В целом диссиденты сыграли положительную историческую роль. Среди них много достойных и самоотверженных людей. Нарождаются новые ростки сопротивления, которые рано или поздно дадут свой результат. Процесс независимого мышления необратим. Такое гигантское общество, как в СССР, просто не может существовать без самокритики.

— А какова, на ваш взгляд, роль Запада в процессе борьбы с тоталитаризмом в СССР?

— Безусловно, серьёзное внимание Запада к диссидентскому движению в СССР и к ситуации в стране в целом оказывает положительное влияние. Советские руководители боятся гласности. Они не хотят разоблачений. Они хотят казаться нормальными руководителями нормального государства[477].

— Как вы думаете, возможны ли какие-нибудь рычаги для демократических преобразований в СССР?

— Возможности демократических преобразований в СССР ничтожны. Либерализация режима, имевшая место в послесталинские времена, была плодом усилий не отдельных личностей, а многих десятков тысяч и даже миллионов людей. Чтобы сделать следующий шаг, нужна заинтересованность значительной части активного населения страны. Она есть, но я не могу сказать пока, насколько она значительна.

— Каковы настроения в вашей среде — среде учёных?

— Среда учёных в СССР есть обычная среда «служивого люда». И настроения в ней самые разнообразные. Ничего специфически «учёного» в ней нет. Ответить на этот вопрос — значит описать настроения в целой стране. К тому же меня в последнее время окружала далеко не учёная среда[478].

Десятки вопросов.

Не было только на той пресс-конференции никого от ТАСС — никто не уполномочил о чём-нибудь заявить. Не прислали своих спецкоров ни «Правда», ни «Известия», ни «Труд», ни «Советская Россия», ни «Комсомольская правда». Но, несомненно, присутствовали «журналисты в погонах». Собственно, его и отправили в Мюнхен, потому как здесь была хорошо отлаженная сеть советской резидентуры. Говорят, есть фотография, правда, более позднего времени, с одного из выступлений Зиновьева, на которой среди его слушателей запечатлён будущий президент России.

Уже 17 августа в Москве сделают соответствующие выводы. КГБ СССР направляет в ЦК КПСС очередную записку — № 1670-А «О лишении А. А. Зиновьева советского гражданства»:

> «В дополнение к № 1311-А от 28 июня 1978 года сообщаем, что выехавший с семьёй 6 августа с. г. в ФРГ ЗИНОВЬЕВ продолжает заниматься враждебной деятельностью.
>
> После получения разрешения на выезд он предпринял меры к группированию вокруг себя отдельных негативно настроенных к советской действительности лиц с целью оказания враждебного воздействия, неоднократно выступал перед ними с резко антисоветскими заявлениями, обусловил нелегальные каналы связи с некоторыми антиобщественными элементами для использования их в подрывных целях.
>
> По прибытии в ФРГ ЗИНОВЬЕВ перед представителями буржуазных средств информации вновь выступил с резко антисоветских позиций: заявил о своей полной поддержке лиц, занимающихся в СССР

враждебной деятельностью, и призвал зарубежные реакционные круги оказывать им всяческое содействие; одобрил клеветническую истерию на Западе о „нарушении прав человека“ в нашей стране; афишировал удовлетворение тем, что западные учёные под этим предлогом демонстративно отказываются от поездок в СССР и т. п.

Учитывая, что ЗИНОВЬЕВ систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим поведением ущерб престижу Союза ССР, Комитет государственной безопасности считает целесообразным лишить ЗИНОВЬЕВА А. советского гражданства (проекты Постановления ЦК КПСС и Указа Президиума Верховного Совета СССР прилагаются), Указ Президиума Верховного Совета СССР по этому вопросу опубликовать в Ведомостях Верховного Совета СССР. Просим рассмотреть.

Председатель Комитета Ю. Андропов»[479].

Но прошёл ещё почти месяц прежде, чем решение о лишении его гражданства СССР было окончательно принято и опубликовано. Чего-то ждали? Хотели «дать последний шанс»?

В конце августа в Дюссельдорфе состоялся XVI Всемирный философский конгресс. Приглашение участвовать в нём он получил ещё в Москве, в начале года. Тогда казалось, что поехать в Германию он не сможет ни при каких обстоятельствах. Всё же подал заявку, обозначив тему выступления как «Успехи и границы математизации» — в соответствии с главной темой конгресса: «Философия и мировоззренческие проблемы современных наук». Организаторы внесли её в официальную программу вопреки противодействию со стороны его бывших коллег и руководителей «жёлтого дома». За эти полгода жизнь решительно переменилась. Теперь поехать в Дюссельдорф было лишь вопросом покупки железнодорожного билета!

Он, конечно, внутренне готов был к «встрече с прошлым», но всё же был поражён, получив в руки материалы конгресса — программу, списки участников, тезисы. Из тысячи пятисот делегатов восемьсот были представителями СССР и стран социалистического лагеря! Больше половины! Такого нашествия официальных марксистов он не ожидал. Казалось, «жёлтый дом» приехал на конгресс полным составом! Советскую делегацию возглавляли дряхлые сталинские монстры-академики Константинов, Федосеев и Митин.

«Правда» в эти дни с удовлетворением сообщала: «Большой интерес у участников вызвал доклад „Философия в системе мировоззрения“, с которым выступил глава советской делегации академик П. Н. Федосеев. Он подчеркнул ответственность учёных в оказании интеллектуальной поддержки происходящим в мире позитивным сдвигам в защите политических, культурных и этических ценностей, способствующих упрочению мира и безопасности народов»[480].

Совсем иначе описывал это событие специальный корреспондент «Посева» В. Сорокин: «Главный устроитель и организатор 16-го Всемирного конгресса философии, происходившего с 27 августа по 2 сентября в Дюссельдорфе, профессор Альвин Димер, охарактеризовал его в том смысле, что впервые дух живой, творческой дискуссии вытеснил привычный скучноватый академический душок. И в самом деле: если на предыдущих конгрессах основной формой творческого общения участников были зачастую громоздкие доклады, то на сей раз было сделано всё, чтобы расширить возможность спонтанных, „экспромтных“ выступлений и собеседований.

Это нововведение пришлось, однако, не всем участвовавшим сторонам по душе: журнал „Вопросы философии“ (№ 7, стр. 4) усмотрел в нём уловку „буржуазной философской мысли“, которая якобы убоялась прогрессивных докладов, могущих поступить из социалистических стран, и потому предприняла хитроумную операцию. Недовольных из „Вопросов философии“ можно понять; раньше из стран победившего социализма всё то, что надо было сказать миру, ехало уже в сказанном виде (проверенное и утверждённое Главлитом) в багаже, и перед микрофоном почти не приходилось быть начеку, проявлять бдительность, осмотрительность. На сей же раз ситуация — в особенности для надсмотрщиков — сложилась непривычная…

Однако никаких сдвигов в поведении перед микрофоном не произошло. Многие смело подходили к нему и, ничего не сказав по существу, снова садились. Тех же, интеллектуальные способности которых внушали опасения, например, академика Константинова, просто не пустили к кафедре. Кстати, академик и не обиделся — он был явно рад, что трудную работу — говорить про марксизм — ему на этот раз не поручили.

Кроме него присутствовал ещё один „знатный“ академик — Федосеев (вице-президент АН СССР, глава советской делегации). Он дважды выступал в весьма прогрессивном духе. К тому же он дал интервью советскому телевидению, из которого до нас донеслись лишь слова „современный“ и „философские общества́“. Прочтя впоследствии текст интервью, мы установили, что оно

дано вполне на высоте: из него советские телезрители узнали, что буржуазные философы высказали на конгрессе массу неправильных взглядов, а советские учёные, все как один, высказали взгляды только правильные.

Был на конгрессе ещё один советский академик-философ — Митин, известный со сталинских времён карьерист крупного калибра. Знающие люди говорят, что на его совести ряд жертв сталинского террора из академических кругов, но, судя по цветущему виду этого мыслителя, неприятные воспоминания не мучат его. Открыв одну из его книг, выставленных на советском книжном стенде, мы нашли, что имя Ленина в ней он склоняет с той же виртуозностью, с какой 25 лет назад в предисловии к коллективному труду „Исторический материализм“ склонял имя другого вождя мирового пролетариата.

В некотором смысле это волнующие минуты — быть в двух шагах от трёх крупнейших представителей самой-самой научной, самой-самой передовой философии. Ходят, поглядывают по сторонам, думают. Поди всё о том же: о раскрепощении мирового пролетариата…»[481]

Появление Зиновьева на конгрессе для советской делегации было сравнимо с картиной Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Испортил такой праздник! Когда он вошёл в автобус, который вёз участников конгресса от отеля к месту его проведения, советские философы демонстративно покинули салон. Не менее драматичными были и встречи с коллегами из стран социалистической демократии, также старавшимися обходить его стороной или не замечать вовсе, их раздирали противоположные чувства — страх и скрытое сочувствие опальному мыслителю.

«Можно без преувеличения сказать, — писал Сорокин, — что присутствие А. Зиновьева на конгрессе было для представителей социалистических стран событием номер один. На их глазах разыгрался очередной акт драмы, начавшейся в России после захвата власти большевиками и с новой силой возобновившейся в последнее десятилетие: драмы разделения страны на два лагеря, раздвоения её культуры, её науки, всей её духовной и интеллектуальной жизни. Некоторая „новизна“ происходящего заключалась лишь в том, что если раздвоение это в последнее время ярче всего проявилось в области балета, музыки, живописи, скульптуры, литературы (и шахмат!), то теперь оно коснулось и философии»[482].

Пресса, напротив, продолжала атаковать его со всех сторон. Многие отчёты о конгрессе вышли с фотографиями Зиновьева. Он не скупился в оценках происходящего, высказываясь резко и

бескомпромиссно: «Я приехал на конгресс в Дюссельдорфе только для того, чтобы отблагодарить людей, вступившихся за меня, но должен признаться, что, став свидетелем всего там происходившего, я пришёл в ужас. В Дюссельдорф прислали огромную советскую делегацию, в том числе таких людей, как Митин, Константинов, Федосеев и других видных деятелей сталинской эпохи. Более 20-ти из их числа участвовали в устроенной против меня кампании травли. И вот, несмотря на это, западные философы встретили советскую делегацию с распростёртыми объятиями, отнеслись к ним не как к врагам, а как к коллегам. А ведь, например, академик Фёдор Федосеев был одним из главных партийных надзирателей в области философии ещё в эпоху Сталина. <…> Когда я спросил участников дюссельдорфского конгресса, почему Федосеева избрали членом Международного философского института, то мне ответили, что этот выбор был сделан для того, чтобы защитить преследуемых советских философов. <…> Представьте себе, что начальника КГБ выбирают членом Международной организации защиты прав человека под тем предлогом, что этот выбор облегчит, мол, защиту гражданских свобод в СССР. У меня ощущение, что западная философия капитулирует перед советской идеологией, причём капитулирует по своей воле и даже с некоторым рвением»[483].

Упустил свой «последний шанс»!

Федина писала ему из Москвы: «Философы, вернувшись из Дюссельдорфа, полны злобы и шипят как змеи. Ждут, когда лишат Вас гражданства и в сплетнях лишили его уже Вас. Слышала голос Ал. Ал. из Дюссельдорфа. Прекрасное интервью, только голос очень уставшего человека (я имею в виду физически уставшего)»[484].

13 сентября 1978 года «Ведомости Верховного Совета СССР» (№ 37) опубликовали указ о лишении А. А. Зиновьева советского гражданства.

Что и требовалось доказать.

«В то время, когда я писал „Зияющие высоты“, — сказал он в заявлении для прессы, — я предполагал, чем это может для меня закончиться. Не потому что я рассматривал моё произведение как преступление (я его не рассматривал никогда и не рассматриваю в качестве такого), но потому что я достаточно понимал настоящую природу моего общества и его власти.

Я знал, что дело закончится либо тюрьмой, либо выдворением на Запад. Я счастлив, что была использована именно вторая возможность. Но я не вижу в том акта великодушия со стороны властей. Они просто действовали

способом, который им казался наиболее выгодным для них самих. Я был уверен, что меня лишат гражданства. Но я предполагал, что они не будут слишком торопливы. В настоящих условиях это во всех смыслах самое неумное из всего, что они могли сделать. Я не предавался никогда политической деятельности. В заявлениях, с которыми я здесь выступил, не было ничего такого, чего бы я уже не сказал в СССР. Я хочу сказать, что лишить меня моего гражданства было решено заранее.

Замечание, сделанное властями по поводу моего компрометирующего поведения здесь, — только простая формальность. Неужели они думали, что я буду прославлять коммунистический образ жизни? Очевидно, что они не могли ждать ничего подобного от автора „Зияющих высот“ и „Светлого будущего“.

Я повторяю, что решение советских властей лишить меня гражданства не было неожиданностью для меня. Тем не менее я был потрясён, узнав о нём. Неужели руководители моей страны никогда не станут немного справедливее? Я подчёркиваю слова „из моей страны“.

Я — русский человек. Никто не может меня этого лишить. Россия — моя родина, что бы ни случилось. Я уверен, что имею большее право называть СССР своей страной, чем те, кто лишил меня гражданства»[485].

Они поселились в университетской квартире по адресу: Титурельштрассе, 5. Но в Мюнхене в первое время он бывал мало. Его хотели видеть в Париже, Брюсселе, Лозанне, Женеве, Базеле, Франкфурте, Гренобле, Мадриде, Лондоне, Милане, Флоренции, Нью-Йорке, Вашингтоне… Казалось, Судьба решила расплатиться с ним за всё его многолетнее сидение в Москве. Перед ним открылись границы всех стран. И никаких характеристик с работы! Никаких рекомендаций парткома и профкома! Никаких отказов!

Дмитриевич первым делом повёз его с Ольгой в Париж. Он спешил показать своего автора миру. Похвастаться. И его порадовать успехом. Подбодрить, поддержать. Познакомить с интеллектуальной элитой. Ввести в литературные круги. И, надо сказать, что в Париже Зиновьева ждали. Чуть ли не каждый день — интервью, встречи с редакторами, импровизированные «круглые столы» и «читательские конференции», комплименты и восторги со всех сторон. Он — модный писатель. Все хотят засвидетельствовать своё уважение.

28 августа Ольга отправляет Алексею Зиновьеву открытку: «Мы сейчас в Париже. Бесконечно всему удивляемся, пытаемся

усвоить и понять увиденное и услышанное. Вокруг нас очень много людей. Мы о'кей. Целуем всех вас — ваши А. А., Оля и Полинька»[486].

В сентябре журнал «L'Express» публикует пространную — несколько глянцевых полос с цветными фотографиями — беседу Зиновьева и А. Безансона, авторитетного политолога, философа и публициста.

В ноябре его портрет на обложках сразу двух журналов — престижного литературного обозрения «Lire» и многотиражного таблоида «Radio TV». В каждом — многостраничные интервью литературно-публицистического содержания.

27 ноября становится известно, что Зиновьеву присуждена одна из главных осенних литературных премий Франции — «Премия Медичи», в категории лучшая иностранная книга за роман «Светлое будущее». Созданная в 1958-м Жаном Пьером Жироду «Премия Медичи» ежегодно присуждается «автору романа или рассказа, имя которого ещё не известно широкому кругу читателей, но который обладает несомненным оригинальным талантом». С 1970-го она вручается также и иностранным авторам. До Зиновьева «Премией Медичи» были отмечены Милан Кундера (1973), Хулио Кортасар (1974), Дорис Лессинг (1976). Вместе с ним национальную премию в 1978-м получил Жорж Перек за роман «Жизнь, способ употребления».

По случаю присуждения «Премии Медичи» он выступает в Обществе интеллектуалов CIEL с докладом «За что боролись, на то и напоролись», который уже через два дня появляется на страницах «Le Monde». Сама встреча длится более трёх часов в живом напряжённом диалоге.

2 декабря принимает участие в автограф-сессии на ежегодной 30-й продаже книг французского ПЕН-клуба. Очередь к нему выстраивается на весь павильон.

Русский Париж тоже присматривается к Зиновьеву. «Русская мысль» отслеживает все его значимые выступления, публикует рецензии на его произведения, интервью с ним, текст выступления на «Радио Свобода». Он знакомится с З. Шаховской и М. Геллером. Посещает редакцию «Синтаксиса» и даёт М. Розановой и А. Синявскому согласие на сотрудничество. На страницах «Синтаксиса» в январе 1979-го впервые на русском языке будет напечатан его доклад «За что боролись, на то и напоролись». Завязываются дружеские отношения с Владимиром Максимовым, издателем «Континента». Его с Ольгой радушно принимают в своей роскошной парижской квартире Г. Вишневская и М. Ростропович. Они посещают мастерскую М. Шемякина.

Каких только встреч не было! Порой самых неожиданных и курьёзных. Вдруг вынырнул откуда-то полусумасшедший Бажанов — бывший секретарь Сталина, бежавший на Запад ещё в 1928-м, живший в нищете и прятавшийся от «сталинских агентов». Он мнил себя уже просто секретарём ЦК ВКП(б), составлял Правительство СССР в изгнании (под своим руководством) и приглашал войти в его состав (вместе с Солженицыным, конечно!).

Среди тех, кому он подписывал в Париже свои книги, были представители старинных русских родов — потомки Голицыных, Столыпиных, Шуваловых, Васильчиковых и др. Как-то встречался с Великой Княгиней. Старушка сказала, что ещё в конце тридцатых годов слышала, что его расстреляли, но, видимо, всё врут слухи. Он не стал ей растолковывать, что она спутала его с партийным лидером Зиновьевым-Апфельбаумом.

Париж лежал у его ног.

В какой-то момент они с Ольгой даже подумывали о том, чтобы перебраться в Париж совсем. Но было здесь как-то суетно и чем-то напоминало Москву с её сплетнями, пересудами и интригами. А ему это всегда было тягостно. Да и языка он совсем не знал. И хотя здесь были прекрасные переводчики, с которыми он сдружился, — в частности Владимир Берелович, осуществивший перевод «Зияющих высот» и «Светлого будущего», — не будешь же с ними ходить всюду!

Первый год пролетел в непрерывных поездках и встречах. Сколько приветственных речей в свой адрес он выслушал! Сколько посетил торжественных приёмов в свою честь! Сколько произнёс слов благодарности!

В январе 1979-го он писал в Москву Фединой: «Удивительная всё-таки жизнь. Только что были в Мадриде, Алкале, Толедо, Бордо, Париже. Сейчас я сижу в Лозанне в Швейцарии, — сегодня выступал по телевидению в Женеве. Должен был ехать во Флоренцию, но отложил… понимаете, отложил!!., поездку в Италию на март. И сейчас мы ломаем голову над тем, куда лучше поехать летом — на юг Франции или в Италию. Успех моих книг и выступлений здесь превосходит всё, что можно было предположить»[487].

Это был подлинный триумф. Рецензии на его книги появляются каждые два-три дня! Кроме парижских газет о нём пишут в Брюсселе, Женеве, Лозанне, Цюрихе, Люцерне, Базеле, Берлине, Мюнхене, Франкфурте, Гамбурге, Гренобле, Бордо, Риме, Милане, Флоренции, Турине, Парме, Вене, Мадриде, Осло, Стокгольме, Хельсинки, Лондоне, Бирмингеме, Дублине, Тель-Авиве, Нью-Йорке, Вашингтоне, Цинциннати, Нью-Джерси,

Балтиморе, Мехико, Сиднее.

Каждый месяц приносил известие о выходе новых переводов «Зияющих высот» и «Светлого будущего» — в Швейцарии, Франции, Италии, Англии, Испании. В типографии печатались тиражи следующих книг. «Поступили в продажу „Записки ночного сторожа“, — сообщает он в том же письме Фединой. — На русском. Французский перевод выйдет летом. Летом же на русском выйдет книга „В преддверии рая“. Французский перевод будет в конце года. Скоро появятся переводы на английский, испанский, немецкий и другие языки. Готовлю издание логических работ»[488].

3 октября 1978 года в Женеве в торжественной обстановке ему вручают премию «Europäischen Essay-Prix», которая была присуждена ему в 1977-м, когда он держал оборону в Москве.

С 1 по 5 ноября 1978 года он в Брюсселе на IV Европейском конгрессе писателей-фантастов (ЕВРОКОН-4), где получает премию за лучшее фантастическое произведение.

В конце ноября — «Премия Медичи» в Париже.

В конце декабря — серия выступлений в университетах Испании и приём у председателя Государственного совета Испании.

22 февраля 1979 года Зиновьев становится почётным академиком Римской академии.

В конце апреля — начале мая читает спецкурс в Оксфорде.

Ольга делится радостными новостями об успехах мужа в письме Фединой от 27 апреля: «Вы-то ведь знаете нечеловеческую его работоспособность, так здесь он не горами, а целыми горными системами ворочает. Вышло очень много всяческих книг и переводов, скоро появится ещё много-много. <…> Да, А. А. теперь дважды академик. Теперь его избрали в итальянскую, но уже по литературе.

Нашим беспокойным житьём-бытьём мы довольны, и всё удивляемся благоразумию того решения, благодаря которому с 6 авг. мы здесь. Другое, <нрзб. > решение (лишение), до сих пор кажется чистым безумием, абсурдом, макабрической бессмысленностью, но благодаря ему в А. А. проснулся такой голод к работе (правда, бездельником его ни Вы, ни я почему-то не помните), что от него лампочки светиться могут»[489].

Он не вёл дневника. Письма писать не успевал. Посылал в Мюнхен открытки. Их пёстрый ворох лучше всего передаёт ритм и настроение тех первых месяцев свободы. В них и радость советского человека, оказавшегося вдруг в сердце Европы, и грусть от сознания своей чуждости этому, такому

привлекательному, такому красивому, такому дорогому для сердца миру.

10.10.1978. А. Зиновьев — О. Зиновьевой. Из Гренобля. Панорама горных вершин с видом горы Эгюй дю Миди. Надпись «L'Aiguille du Midi (3842 m)» на лицевой стороне открытки и на обороте зачёркнута, вписано «Зияющие высоты»: *«Переименовываем с Владимировичами* [490] *Гренобль в Ибанск, а высоты — в Зияющие. Целую тебя и Полину. Стремлюсь всё-таки „домой", хотя здесь хорошо. Ваш А. Зиновьев».* Приписка В. Дмитриевича *«VIodimir Dmitrijevich».*

23.10.1978. А. Зиновьев — О. Зиновьевой. Из Франкфурта-на-Майне. С видом павильона Международной книжной ярмарки: *«В гостях хорошо, а дома лучше. Надеюсь, что вы получите эту открытку, когда я буду дома. А. Зиновьев».* Приписка В. Дмитриевича *«A. Zinoviev triumphe. VIodimir».*

03.11.1978. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. Из Брюсселя. Сумерки, дом на берегу озера, освещённый фонарём. Репродукция картины Р. Магритта «Империя света. L'Empire des lumieres» (вторая версия): *«Дорогие мои! Хотя здесь есть, что смотреть, и есть хорошие люди, я всё равно ужасно скучаю без вас. Всё время хочу домой, к вам. Считаю часы и минуты. Целую. Ваш А. Зиновьев».*

26.03.1979. А. Зиновьев — О. Зиновьевой. Из Милана. С видом на фасад Театра Да Скала и памятник Леонардо да Винчи: *«Привет из Италии. Сегодня ночевал в отеле слева от здания театра. Оно выглядит далеко не так красиво, — оно грязное и облупленное, как и весь Милан. Но город вообще интересный. Если бы не дождь… Целую. Скучаю. А. Зиновьев. Привет от Владимира».*

27.03.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. Из Милана. С видом Миланского собора ночью: *«Здравствуйте, мои дорогие! Это — собор ночью. Но погода такая, что он и днём так выглядит. Сейчас идём с Владимиром смотреть подарки для вас. Потом едем в Турин. Завтра — обратно. Привет от Марицы. И от Владимира, конечно. Целую. А. Зиновьев».*

27.03.1979. А. Зиновьев — П. Зиновьевой. Из Милана. С видом Миланского собора: *«Здравствуй, Полина! На этой открытке изображена главная церковь Милана. Она очень красивая. И внутри тоже. Я уже соскучился по тебе. Как ты учишься? Слушаешь ли маму? Целую. Скоро приеду. Папа. Владимир привет тебе передаёт».*

27.03.1979. А. Зиновьев — О. Зиновьевой. Из Милана. С конным памятником Виктору-Эммануилу Второму: *«Мне здесь почему-то скучно. Хочу домой. Единственное, что интересно — разговоры с Владимиром. Сегодня собираемся сходить в музеи. Целую. А. Зиновьев».*

27.03.1979. А. Зиновьев — П. Зиновьевой. Из Милана. С видом Миланского собора: «Meine liebe Tochter Polina! Ich hoffe, daß du wartest auf mich. Ich komme nach Hause nach zwei oder drei Tage. Dein Fater».

24.04.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. Отправлена 26 апреля, 8. 15 PM, из Лондона. С видом Здания Парламента и Вестминстерского моста в Лондоне: *«Буквально десять минут назад я с Владимиром гулял в этом районе. Целую А. Зиновьев. Best regards to Polina and to You, Dear Olga, From Vladimir».*

30.04.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 10 AM, из Западного Кенсингтона, из Лондона. С видом Вестминстерского аббатства: *«Это — очередной кафедральный собор, который мне приходится видеть. Но внутри он хуже Толедского, Миланского и Парижского. Когда мы все вместе будем в Лондоне, осмотрим его внимательней. А. Зиновьев».*

30.04.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 2.45 PM, из Лондона. С изображением Биг Бена и моста Тауэр: *«Здравствуйте, дорогие мои девочки! Здесь хорошо, но без вас очень плохо. Считаю дни, когда всё это кончится. Смотрю город и говорю по-английски. Это полезно. Целую. А. Зиновьев».*

30.04.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. Из Лондона. С изображением собора Святого Павла: *«Это — собор святого Павла. Но он не очень интересен. Исаакиевский собор лучше. Но Лондон для меня интересен главным образом обычными улицами и домами. Скучаю. Целую. А. Зиновьев».*

30.04.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 6.15 PM, из

Лондона. Коллаж с видами Лондона: *«Дорогие мои девочки. Лондон сейчас не такой солнечный (идёт дождь), но всё равно красивый. Скучаю. Целую. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 4.30 PM, из Оксфорда. С видом Broad street: *«Дорогие мои! Посылаю открытки с видами Оксфорда. К сожалению, не нашёл открытки с видом на колледж, в котором я живу. Но он похож на другие и находится рядом от мест, которые вы увидите на открытках. Целую. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 4.30 PM, из Оксфорда. С видом Radcliffe Camera: *«Здесь великолепные книжные и музыкальные магазины. Накупил кассет для языка. Пригодятся и вам обоим. Но люди тут хорошие, очень приветливые, хотя и сдержанные. Привет Хенкиным и Тоеносам. Целую. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 4.30 PM, из Оксфорда. С видом Tom Tower, Christ Church: *«Но жить тут нельзя. Холодно, сыро, провинциально. Очень похоже на Тарту, Ленинград и Тбилиси (по некоей скудности и нудности). Возможно, это — погода действует. Скучаю. Целую. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 4.30 PM, из Оксфорда. С видом Magdalen college and bridge: *«Один день тут был хороший, и город выглядел потрясающе красиво. Но теперь стоит гнусная погода. Дождь и холодно. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 5.30 PM, из Оксфорда. С видом Carfax: *«Я живу в двух минутах от этого места. Напоминаю телефон: 0865 (код Оксфорда) 722251, Extension 227. Мой колледж называется „All Souls College“. А. Зиновьев».*

02.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. Отправлено 3 мая, 1.15 PM, из Оксфорда. С видом All Souls College: *«Это — колледж, в котором я живу. Правда, той части его, где моя квартирка, не видно. Она слева. Сегодня отличная погода. Гуляю. Виды потрясающие. Но всё равно хочу домой. 2.5.1979. А. Зиновьев».*

03.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 1.15 PM, из Оксфорда. С видом Brasenose College: *«Один из колледжей, где я имел беседу в узком кругу и ланч. Тут вообще очень забавная*

система жизни, ни на что не похожая. А. Зиновьев».

03.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 1.15 PM, из Оксфорда. С видом Reble College:*«Здесь я ещё не был. Колледжей здесь ужасно много. Обойти все невозможно. Лазил на башню, изображённую на одной из открыток, которые я уже послал вам* (очевидно, Tom Tower. — *П. Ф.). Окрестности города великолепны. Городок маленький. Жители ужасно похожи на лапутян у Свифта. Вообще, тут (как и в Лондоне) всё почему-то очень знакомое. А. Зиновьев».*

03.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 1.15 PM, из Оксфорда. С видами Стратфорда-на-Эйвоне: *«Сюда еду в субботу* (то есть 5 мая. — *П. Ф.). Дай Бог, чтобы была хорошая погода. Здесь холодно и сыро. Но говорят, что это полезно для здоровья. Я бы всё-таки предпочёл потеплее. А. Зиновьев. Увы, пошёл дождь и даже град».*

08.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 9.45 AM, из Оксфорда. С видом The Shakespeare Hotel and Guld Chapel: *«Дорога от Оксфорда до Стредфорда чудесная. Проезжали мимо поместья герцога Мальборо. Это, конечно, нечто. Представляю, как они (т. е. высшие слои) жили раньше! Короче говоря, в Англии всё выглядит так, как мы читали в книгах. Всё поразительно знакомое. Целую. А. Зиновьев».*

08.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 1.15 PM, из Оксфорда. С видом The Royal Shakespeare Theatre: *«Колледж, в котором я живу, великолепен, хотя и древний. Предыдущий был почётный, но это — хуже. Он без студентов вообще. Члены его — заслуженные и т. д. Так что сами понимаете… А в этом очень внимательные и общительные преподаватели. А. Зиновьев».*

08.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 9.45 AM, из Оксфорда. С видом интерьера Holy Trinity Church в Стратфорде с цветами на могиле Шекспира, возложенными в день его рождения 23 апреля: *«Странно, не нашёл открытку с домом, где родился Шекспир. Но если бы я был Субботин, я бы сказал, что моя квартира гораздо лучше. Целую. А. Зиновьев».*

08.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 9.45 AM, из Оксфорда. С видом Holy Trinity Church: *«В этой церкви могила Шекспира. Я простоял около неё полчаса. Ощущение удивительное. Передо мною советская делегация тут была. Забавно. Целую.*

А. Зиновьев».

08.05.1979. А. Зиновьев — О. и П. Зиновьевым. 9.45 AM, из Оксфорда. С изображением бюста Шекспира в Holy Trinity Church: *«Этот раскрашенный бюст над могилой Шекспира, — она внизу. Весь город наполнен Шекспиром. Городок чудесный. Мы пили чай в ресторанчике, существующем с 17 века!!!А. Зиновьев».*

16.05.1979. А. Зиновьев — О. Зиновьевой. Из Страсбурга. С видом площади Клебер: *«Дорогие мои девочки! Боюсь, что я приеду раньше, чем дойдёт эта открытка. Но по традиции посылаю. Целую. Скучаю. А. Зиновьев».* Приписка В. Дмитриевича: «*Привет Ольге и Полине из Стразбурга от Влодимира»*[491].

Чем больше он общался с разными людьми, чем больше вопросов ему задавали собеседники, журналисты, читатели, тем явственнее он видел, насколько глубоко непонимание Западом жизни советских людей, самой природы социального строя, установившегося в Советском Союзе. Чаще всего они озвучивали какие-то примитивные, сильно идеологизированные мифы, опирались на предельно упрощённые схемы, использовали расхожие штампы. В лучшем случае можно было встретить знание отдельных фактов, у специалистов — некоторое представление об исторических событиях и политической структуре. Но ни у кого не было хотя бы близкого представления о советской реальности как самодостаточном типе социального устройства. Попытки охарактеризовать её носили поверхностный, умозрительный характер. Он, конечно, и не ожидал встретить здесь правдивого представления о своей стране, но даже и правдоподобного не находил. Его книги практически все считали сатирой на социалистический образ жизни и этому радовались более всего. Только немногие понимали, что он не просто подверг осмеянию советскую систему, но предпринял попытку масштабного её описания в адекватных ей формах, выглядящих со стороны комически, но на самом деле отражающих *практику* повседневного существования миллионов людей.

Он видел, что научного подхода к пониманию советского мира на Западе фактически нет. Бесчисленные советологи, претендующие на его изучение, в массе своей представляют типичных бойцов идеологического фронта, рекрутированных капиталистическим обществом для самозащиты в условиях неуклонно возрастающей цивилизационной конкуренции коммунизма, воплощённого в жизнь усилиями советских людей. Это тот же агитпроп со всеми его достижениями и недостатками,

которой не ставит перед собой цели постичь противника, но скорее напротив, ещё более исказить его облик, чтобы легче было с ним бороться — развенчивать мифы гораздо проще, чем опровергать реальные факты. Западные специалисты зачарованы советской идеологией в неменьшей степени, чем сами её носители, только с обратным знаком восприятия. Они сражаются с ней, как Дон Кихот с ветряками, отважно и неутомимо, оставаясь при этом слепы в отношении реальной действительности. Не спасают положение и политические эмигранты из СССР, для которых страна, которую они покинули, есть безоговорочный, необсуждаемый враг, достойный лишь *тотального отрицания*. Вплоть до уничтожения. Желания разобраться в сущности советской системы у них ещё меньше, чем у советологов. Их дело — позор. Их метод — обличение. Наука тут и не ночевала.

С первых же своих выступлений на Западе Зиновьев начал последовательно излагать свою концепцию социальной структуры советского общества, обосновывая необходимость профессионального, безоценочного подхода к её изучению. «Подлинный социализм построен в Советском Союзе или неправильный, подлинный коммунизм или нет, достроенный или недостроенный, коммунизм или социализм марксовский или ленинский, ленинский или сталинский — всё это спор о словах»[492], — считал он. Слова могут быть любыми. Сами по себе, без точного определения их содержания, они ничего не значат. Но чтобы наполнить их содержанием, нужно проделать специальную интеллектуальную работу. И, в частности, «исходить не из мечтаний прекраснодушных людей столетней давности, не из обещаний демагогов, не из партийных программ, не из заклинаний пророков, а надо исходить из реальности, которую мы имеем»[493].

Нужно знать факты, собирать факты, систематизировать и интерпретировать их, не полагаясь на голую констатацию. «Одних фактов мало, — утверждал он. — Факты нужно определённым образом понять. И существует определённая техника понимания фактов. Всё-таки мы живём в конце XX века, века науки. И просто глупо не использовать разработанные наукой средства понимания происходящего. В наше время заклинаниями и призывами не отделаешься. Нужно серьёзное, кропотливое исследование реальности»[494].

Он сразу обратил на себя внимание совершенно ни на кого не похожей позицией, основанной не на *критике* существующего в СССР строя, а на его *объяснении*. Шокирующим для многих было то, что он его не отвергал, а *принимал*. Видел в нём объективную

данность, достойную непредвзятого рассмотрения и анализа. Не только признавал само его существование, но и показывал социальную обоснованность его возникновения, развития, перспектив. «Тот общественный строй, который имеет место в Советском Союзе, сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами, — настаивал он, повторяя этот тезис из раза в раз. — Это не есть нечто вымученное или выдуманное злыми и глупыми людьми. Если бы дело обстояло так, что это продукт насилия какой-то кучки людей, продукт обмана, это было бы хорошо. Но, увы, это не так. Когда я говорю, что это — естественное состояние, это не значит, что я считаю это состояние хорошим. Лично мне оно не нравится. Но оно естественно в том смысле, в каком естественной является вода в качестве среды существования рыб или пустыня для змей»[495].

Иной, ненаучный взгляд ему был в принципе чужд. Идеологический пафос очернительства, присущий большинству советских диссидентов, в его выступлениях, несмотря на резкость иных оценок, напрочь отсутствовал. Он мог ругать сложившийся в СССР образ жизни самыми обидными словами, но требовал ответственности в разговоре о явлении, имевшем планетарный масштаб и влиявшем на судьбу всего человечества. Он предлагал отнестись к нему со всей серьёзностью. Без страха, без брезгливости, без презрения. Непредвзято.

Без иллюзий.

Он выступил апологетом научности. Его публицистика носит научный характер. Он не только проговаривает какие-то постулаты, даёт оценки и комментарии, он всё время разъясняет свои принципы и подходы к анализу событий. «Говорят: чтобы понять коммунистическое общество, надо выяснить, *как* оно формировалось исторически, рассмотреть историю его становления, — пишет он. — Но существует тривиальный методологический принцип: если мы не знаем, *что* появилось, то бессмысленно выяснять, как оно появилось. Надо знать, что именно появилось. И лишь после этого и на основе этого выяснять, как же оно появлялось. Без этого всякий исторический подход лишён смысла»[496].

Своей задачей он видит внедрение своей методологии в сознание западных интеллектуалов (и не только). Он хочет обучить ей своих слушателей и читателей. Его выступления, его интервью — это интеллектуальные интервенции, направленные на воспитание научной мысли аудитории. «Есть, — повторяет он неустанно, — определённая научная техника понимания таких сложных явлений, как многомиллионные общества. В частности, чтобы понять общество такого типа, как советское, надо начать с

выделения элементарной клеточки этого общества и исследования её. Клеточка общества — самая малая его часть, обладающая наиболее существенными чертами целого, можно сказать — общество в миниатюре. Возьмите любой институт, фабрику, завод, совхоз, магазин, школу, больницу и т. п., и вы там обнаружите всё то, что определяет картину общества в целом»[497].

Он придаёт педагогическому аспекту своей публицистической деятельности принципиальное значение. Он всё время обращает разговор в импровизированную лекцию по социологии. Для него важно научить людей думать самостоятельно, дать им инструмент познания. Журналисты, студенты, читатели просили его высказать свою точку зрения на тот или иной факт, событие, проблему, хотели выслушать его мнение. Он с готовностью это делал, но в обмен предлагал задуматься самим и помогал освоить методику мышления. Он был в своей публицистике не политиком, но учителем, настойчивым и терпеливым. Эта его готовность и даже стремление поделиться не только результатами своего труда, но и своими интеллектуальными технологиями вызывала симпатию и отклик.

Для западных людей, приученных к *сохранению тайн мастерства*, его советская установка на *передачу личного опыта в распоряжение всех* была совершенной новостью. К такому поведению тут не привыкли. И были благодарны. В особенности — массовый читатель (а у него он был именно *массовый,* учитывая тиражи газет, в которых он публиковался, и общее количество публикаций). «Профессионалы» слушали его с осторожностью. С настороженностью. Но «профессионалы» его мало интересовали. Их признание он ценил, но не делал из него фетиша.

Притягательным в его учительстве было то, что в нём отсутствовало какое-либо занудство. Напротив, он всегда выступал горячо, остро, нетривиально, провоцируя и поощряя мысль. Часто эпатируя и всегда — открывая глаза, проясняя картину, расставляя точки над i. Неся знание и просвещение.

«Обратимся теперь к марксизму. Исторически он возникал как претензия на научное понимание всего на свете. Известно, что Маркс даже математикой занимался. Хотя он так и не сумел разобраться в вопросах, теперь понятных даже бестолковым школьникам, соответствующие мудрые указания потомкам он всё же оставил. Про Энгельса и говорить не приходится. Тот охватил все формы движения материи от механического перемещения до мышления. Объяснил возникновение семьи, частной

собственности, государства. И наговорил во всём столько всякой ерунды, что теперь все академии наук мира надо бы было бросить на исправление его ошибок и нелепостей. У Ленина тоже: что ни слово, то вклад в науку. Он и логику ухитрился развить, не имея ни малейшего представления о современном ему состоянии логики, познакомившись с ней по гимназическому учебнику и из бредовых идей Гегеля.

С претензией на научность марксизм существует и теперь. Он декларирует себя в качестве науки, причём в качестве высшей науки, самой научной науки. Специалисты по марксизму готовятся в университетах внешне так же, как специалисты для физики, химии, биологии, математики… Часто они готовятся вместе со специалистами для науки, в их среде, так что их различие обнаруживается лишь впоследствии, когда они начинают играть различные роли (когда, например, один физик начинает делать исследования в области микрофизики, а другой пишет книги о значении высказываний Ленина и Энгельса для развития физики; когда один математик доказывает теоремы, а другой занимается демагогией насчёт гениальных идей классиков марксизма в математике и рассматривает пару плюс и минус по аналогии с парой буржуазии и пролетариата). Специалисты по марксизму получают учёные степени и звания, избираются в академии наук и т. д. И надо признать, что кое-что в рамках марксизма делается такое, что похоже на науку и что можно рассматривать с научной точки зрения. Однако в главном и целом марксизм (по крайней мере, в Советском Союзе) давно утратил признаки науки и превратился в идеологию в самом строгом смысле этого слова. Может быть, он являет теперь самый классический образец идеологии. Такова ирония истории. Марксисты до сих пор настаивают на том, что благодаря марксизму философия впервые стала наукой. Фактическое же положение прямо противоположно этому: именно с марксизмом и в марксизме философия впервые в истории утратила качества науки и стала ядром и составной частью идеологии. Когда казалось, что философия достигла максимума научности, она на самом деле отдалилась от науки на максимально далёкое расстояние»[498].

Он учил. Он наставлял. Он проповедовал.

Со страстью и огнём в глазах. Газетные фотографии запечатлели неукротимую пластику его жестов, подвижную смену поз. Его руки летают точно у дирижёра. Распахиваются, взмывают вверх, соединяются. Он то весь подаётся вперёд, к аудитории, как стрела, летящая в цель, то откидывается назад, точно желая одним взглядом охватить зал. Он напорист, увлечён, задирист.

Как в весёлые годы «станковизма».

Но учителю приходилось учиться и самому. Порой самым простейшим вещам.

Хотя он, пробыв за границей чуть больше месяца, и сказал в интервью парижскому журналу «Les nouvelles littéraires» (28 сентября 1978 года) в ответ на вопрос: «Каким вы представляли себе Запад до того, как выехали за границу?» — с некоторым вызовом: «Я представлял его себе именно таким, каким Запад оказался на самом деле»[499], всё же приходилось признать, что представления его были достаточно абстрактны и не очень годились в практическом обиходе.

«Запад таков, как я и ожидал, — скажет он и год спустя, но добавит: — И вместе с тем тут всё ново и неожиданно, поскольку сталкиваешься с западным образом жизни непосредственно»[500].

Удивительное было на каждом шагу.

Буквально в первую же их прогулку по городу они, не пройдя и ста метров по улице, замерли, наблюдая за работой дорожных рабочих, ремонтировавших какой-то дефект на проезжей части. Те точно совершали сакральное действие. Чуть ли не в белых халатах, как им показалось. Трезвые, расторопные, ловкие. Какой-то особой, почти бесшумной пилой с хирургической аккуратностью выпилили испорченный кусок. Подмели вокруг. Собрали осколки и пыль в контейнер. Тут же из каких-то смесей изготовили нужное количество нового асфальта. Залили, разровняли, зачистили. Поставили предупреждающий знак и ушли. На всё про всё им потребовалось каких-то полчаса. Никто за ними не надзирал, не давал указаний. Дорогу на время работы никто не перекрывал. Машины проезжали рядом на обычной скорости. Они тут же живо представили, как бы ремонтировали дорогу советские работяги: в грязных робах и сапогах, человек пять-шесть во главе с бригадиром, полутрезвые, с лопатами, с тарахтящим на всю округу компрессором, разворотили бы полдороги и, миролюбиво матерясь, разбрасывая повсюду окурки, ушли. На обед? Спать? В небытие? Может быть, на другой день (или через неделю, через месяц) пришла бы другая бригада и закатала бы новый асфальт. А может быть, и никто бы уже никогда не пришёл… А самое главное, что ради той трещины, над которой колдовали немецкие ремонтники, в СССР никто бы и пальцем не пошевелил! Конечно, об аккуратности и трудовой дисциплине немцев они знали и в Москве, да и бывавшие за границей знакомые не раз описывали подобные «чудеса», но увидеть это своими глазами всё равно было невероятно.

Он с юмором вспоминал, как в те же дни они должны были

поехать куда-то на трамвае, вышли на остановку и стали ждать. Трамвай подъехал, но двери не открылись. Трамвай ушёл, они остались стоять. Та же «история» повторилась, когда подошёл следующий состав. И в третий раз. Пошли пешком. А надо было всего-то нажать кнопку рядом с дверью. Остановка их была малолюдная, на ней никто не выходил, кроме них никто не садился, они же, по советской привычке, ждали, когда водитель откроет дверь, а дверь открывалась «по требованию».

И таких «кнопок» вокруг было несчётное количество! Как, например, оплатить проезд в общественном транспорте? Сколько дать чаевых? В какую урну мусор выбросить? У каждого нужника свой норов — не просто: дёрни за верёвочку!

Поесть «по-человечески» невозможно. Зайдёшь в ресторан, тебе подают меню с сотнями названий, которых ранее слыхом не слыхал! Однажды, проголодавшись, решил съесть что-либо поосновательнее. Выбрал что подороже, разумеется. И получил за бешеные деньги какую-то несъедобную муть размером с ноготь. При этом официант уверял, что в этот раз у них очень удачно эта муть получилась. В другой раз, напротив, захотел слегка перекусить. Заказал, по советской привычке, дешёвое блюдо. Опять двадцать пять! Принесли всякой всячины на трёх советских солдат.

Иногда это смешило, иногда раздражало, порой было просто обидно: «Однажды я увидел в витрине магазина рубашку, которая мне очень понравилась. Я тут же купил её, заплатив 150 марок. Пройдя метров двести, я увидел в витрине другого магазина точно такую же рубашку, но стоила эта рубашка уже 70 марок. Я приуныл. А на другой день я увидел такую же рубашку на одном моём знакомом. Он сказал, что купил её на распродаже за 15 марок. После этого я эту рубашку не мог носить — она вызывала у меня весьма неприятные чувства»[501].

Оказалось, что на самом деле «автомобиль не роскошь, а средство передвижения». Без шуток.

Что уж говорить о вещах более существенных — финансах, налогах, страховках, кредитах, социальных льготах. Их предыдущий жизненный опыт никуда не годился. Они постоянно натыкались на невидимые им стены законов, правил, обычаев. «Ведь главная проблема, когда я оказался на Западе, заключалась не в том, чтобы много заработать денег, — рассказывал он годы спустя. — Заработать-то можно было. Но главное было в том, чтобы этот доход оправдать. <…> Я был потрясён, лично столкнувшись с этим после того, как меня выслали из СССР и я оказался в ФРГ. Я не был диссидентом в классическом смысле этого понятия, у меня не было контактов с западными

спецслужбами. Я был одиночкой. И вот буквально через несколько дней после того, как меня поздравили с прибытием в „свободный мир“, меня нашли финансовые органы Германии. С тех пор за все свои заработки я должен был отчитываться сполна. Я сразу же должен был нанять советника по налогам, и так далее»[502].

И, конечно, главной стеной, вполне осязаемой и очевидной, был язык.

Он неплохо владел профессиональной лексикой, как немецкой, так и английской, к тому же в логике можно было внятно и доступно изъясняться с помощью специальной символики. Он мог сносно общаться на разные научные темы, но с разговорной речью были проблемы, в бытовых ситуациях постоянно возникали трудности. А уж бюрократический язык просто повергал в ступор: «Однажды я получил толстый пакет с официальными бумагами. Начал читать — ничего не понимаю. Вооружился словарями — не помогает. Оказывается, помимо литературного языка здесь существует служебный, который сами местные жители понимают с трудом или совсем не понимают, — им это можно, ибо они практически приучены делать всё правильно и без чтения бумаг. Обратился я к знакомым из местных жителей и с их помощью понял одно: мне нужно за что-то уплатить некоторую сумму денег. Уплатил. И написал им, что я лучше буду платить вдвойне, только чтобы они не присылали таких длинных бумаг. После этого я стал каждую неделю получать пакеты бумаг, утолщающиеся с каждым разом. Читать я их не читаю. Складываю в мешок (выбрасывать боюсь, вдруг понадобятся!). И действую по советскому принципу: если Им что-то от меня нужно, сами придут. А вообще — авось обойдётся!»[503]

Ольга и Полина языка не знали вовсе. Им пришлось осваивать всё с нуля. Они, впрочем, проявили исключительное старание и спустя некоторое время достаточно свободно говорили по-немецки. Полина училась в немецкой школе, что тоже способствовало быстрой языковой адаптации. Через полгода её даже перевели в следующий класс. Ольга досрочно окончила водительские курсы и получила права.

Ещё в Москве, во время вынужденной безработицы, он под руководством Д. Ханова, навещавшего его в ту злополучную пору практически каждый день, прошёл первичный курс английского языка. Ханов окончил английский факультет Института иностранных языков и оказался не только верным другом, но и неплохим тьютором. В Мюнхене они наняли специального педагога, который в течение двух недель интенсивно занимался с

ним английским и вывел его на уровень удовлетворительного владения языком, достаточный, чтобы свободно изъясняться. Он постоянно читал английские книги, слушал радио. Когда он оказался в Лондоне, то не побоялся давать интервью на языке, хотя и понимал ограниченность своих возможностей. Интервьюеры были приятно удивлены. Английский стал его главным языком общения и в Германии (не говоря о других странах).

Подводя итоги первого года эмиграции, Зиновьев в интервью на «Радио Свобода» оценивал их так: «Этот год для нас был годом тяжкого труда. Не надо лицемерить; привыкать к новому строю жизни и осваивать чужие языки — это труд каторжный. Но мы все работали с радостью и результатами года удовлетворены вполне. Мы и отдыхать сумели отлично. За этот год мы в музеях и на концертах побывали больше, чем за десять лет в Москве»[504].

Им помогало то, что они — все трое — держались друг за друга. Старались по возможности быть вместе. Не случайно на обложке сборника «Без иллюзий», в который вошли его публицистические статьи и выступления 1978–1979 годов, помещён силуэт трёх фигур, идущих по улице, взявшись за руки. Слева — мужчина с портфелем. Справа — женщина в мини-юбке, с сумочкой в руке. Между ними — связующее звено — девочка с косичками. Портретное сходство угадывается сразу. Каждого в отдельности и всей группы в целом. Не ошибёшься. Есть в этой композиции что-то тревожное и трогательное одновременно. Отец — одновременно Моисей и Буратино. Он ведёт за собой своё племя, спасая от гнева злого Карабаса-Барабаса. Им страшно и весело. Они серьёзны и ничего не боятся. Они — рядом. Они идут вдаль, вверх, спиной к зрителю. Беженцы. Первопроходцы. Три белых силуэта на чёрном фоне. Постигая тьму неизвестности. Рассеивая мрак иллюзий. Композиция зеркально отражает известный сюжет Брейгеля Старшего «Слепые». Они — зрячие. Их единство придавало им сил и решимости. В единстве обретали они уверенность и покой.

Их дом находился на краю Английского парка, который пересекает Мюнхен как гигантские зелёные лёгкие. Они почти ежедневно ходили в него гулять. «Этот парк для нас троих, — вспоминает Полина Александровна, — стал каким-то спасением. Как искусственные лёгкие, что ли. Мы все втроём первое время очень много там гуляли. От дома идти три минуты. Нужно было спуститься в прогалину, по ступенькам. Мы гуляли часами, часами, часами. Особенно в первые месяцы. Сентябрь, октябрь, ноябрь. Мы гуляли, гуляли, гуляли. Мы дышали и как будто собирали вместе силу для жизни. Этот Английский парк нас

спасал. И в последующие годы тоже. Мы втроём собирались, как боец собирается перед боем, напрягая все свои мышцы. Мы ведь с родителями оказались на Западе в равных условиях. Они вернулись как бы к начальному возрасту. Вся прежняя жизнь обнулилась. Нужно было научиться снова ходить, говорить. Мы все втроём должны были учиться, как дети. И мы вместе падали, мы помогали друг другу. И всё втроём. То, что мы были так сплочены, особенно в первые годы, было невероятно важно. Жизненно необходимо. Жили, как на острове. Про нас говорили „Остров Зиновьев“. Не то, что мы отделялись от других. Мы спасались. Мы вместе открывали мир. Мы вместе открывали Олимпийский центр, очень красивый и современный. Мы вместе открывали театры, кино. Мы каждое воскресенье в течение полугода ходили на утренний сеанс в кино на фильм „Дон Джованни“ — фильм Лози. Опера Моцарта, три с половиной часа. Этот фильм придавал нам сил. Мы смотрели его раз тридцать. Каждый раз находили в нём что-то новое. Вместе обсуждали наши открытия. Больше всего мы переживали в тот день, когда перевели часы то ли на зимнее, то ли на летнее время, и мы опоздали, потеряли целый час. Папа переживал, мама переживала, я переживала. В конце концов, во время моих каникул, мы вместе поехали в те места, где снимался этот фильм, в Италию — это Венеция, Верона. У папы это был любимый фильм. Мы вместе открывали музеи. В музеи мы с папой очень много ходили. В Музей техники, в Галерею, в Старую Пинакотеку. Всюду. Вместе ездили по небольшим немецким городкам рядом с Мюнхеном. Ездили в Аугсбург. В Ротенбург-об-дер-Таубер. Выезжали в Австрию, в Лейташ. Всё для нас было открытием и мы с жадностью всё познавали».

Фильм Джозефа Лози — один из шедевров мирового оперного кино. Он снят в натурных интерьерах итальянских вилл и дворцов, на лоне упоительной итальянской природы, в роскошных исторических костюмах и париках. Великая музыка Моцарта — свободная, изысканная, аристократическая и демократичная одновременно, богатая оттенками чувств и настроений, игривая, трагическая, полная жизни, любви, света — звучит в исполнении оркестра и хора Парижской оперы под управлением одного из крупнейших дирижёров мира Лорина Маазеля. В главных ролях задействованы ведущие оперные исполнители — Руджеро Раймонди (Дон Жуан), Эдда Мозер (Донна Анна), Джон Макёрди (Командор). Фильм завораживает своей эпичностью, визуальной плотностью, избытком форм и деталей. Он проникает в зрителя, погружает его в себя. Он надолго запечатлевается в сознании, в сердце, в душе.

Продолжает жить. Побуждает жить. Это было радостным чудом, что они нашли его. Нашли этот кинотеатр. Нашли этот сеанс. Чудо (и наверное, разгадка секрета их страстной привязанности к фильму) ещё и в том, что Руджеро Раймонди в образе Дон Жуана невероятно похож на Зиновьева.

Они вместе счастливо слетали на две недели на Канарские острова. «Там у нас были невероятно смешные ситуации, — делилась впечатлениями Ольга в письме Фединой. — Вы ведь знаете, что западный обыватель свихнулся на терроризме, везде висят плакаты, призывы и т. д. Ну вот, выходим мы как-то из гостиницы, видим — стенд, а на нём физиономии в чёрно-белых красках, не могу сказать, что красавцы. А. А. посмотрел и говорит, опять террористы, что ли? Подойдя поближе, узнали, что это депутаты в кандидаты или кандидаты в депутаты (не всё ли равно?). Мы хохотали так, что портье выскочил и переполошился, не случилось ли с господами чего-нибудь? Около нашего отеля был огромный бассейн, так вот утром как-то Полина обратила внимание, что-то „пылесосят“, т. е. действительно какой-то хитрющей конструкции пылесос, который чистит дно бассейна. Вообще, в смысле чистоты было всё необычайно приятно. Разумеется, каждый день чистое постельное бельё, чистые полотенца по 4 штуки на брата, всё вылизано, приветливо и улыбчиво, в особенности, когда определяли, что мы не немцы (которые, по высказыванию аборигенов, оккупировали Канарские острова). Там мы говорили конечно же по-английски. Так вот, вернёмся к воде и чистоте. С водой там проблемы (но не для отдыхающих — платится ведь валюта!). Представитель Reise-Büro, где мы всё организовывали и оплачивали, сказал нам, что испанцы шутят: „дешевле ножиками с детей — а семьи большие, нередко 9–10 детей — соскребать грязь, чем купать в воде“. Но во всех хорошего уровня гостиницах — бассейн, а то и два, как было у нас. И что удивительно уж вовсе, так это организованный совсем недавно Los-Palmitas Park — рай для кактусов и попугаев, расположенный в середине острова, в горах. Когда попадаешь в этот парк, то 100 % ощущение оазиса — везде журчит вода, пламенеют, желтеют, лиловеют и белеют грандиозных, нечеловеческих размеров (в смысле, выше высокого человека) кактусы — всех „существующих марок“, как сказала Полинка. И что уж совсем потрясло растерявшихся и подавленных ибанцев, так это туалеты — непозволительная, непростительная чистота, свежесть, обилие воды, хлопчатобумажных полотенец (специальные автоматы во всём цивилизованном мире) и разных мыл. Перед такой красотой хочется замереть по стойке „смирно“ и снять шляпу, как пишет классик. Вода подаётся в горы, на

каждую гору по белым трубам, лежащим на поверхности — как кровеносные сосуды, опоясывающие тело. По вечерам в гостинице организовывали всякие party — то дегустация испанских вин, то показы мод, то просто show, а два раза мы видели настоящее „фламенко“»[505].

На том замечательном портрете семьи Зиновьевых с обложки сборника «Без иллюзий» его фигура выдвинута немного вперёд, на один шаг. Он — ведущий, увлекающий. И это бесспорно было так. По Жизни семья следовала за ним, но в жизни не символической, а ежедневной и ежетрудной, главным двигателем была Ольга — некрасовская женщина: княгиня Трубецкая и Дарья в одной судьбе, жена декабриста и жена труженика. Вся забота о выживании семьи в чужой стране, в неведомом мире легла на неё.

В отношения с официальными учреждениями и лицами вступала она.

Его деловым секретарём была она.

Его литературным помощником оставалась она.

Квартирным вопросом занималась она.

Обустраивала дом она.

Покупала всем необходимые вещи она.

Устраивала Полину в школу и следила за её учёбой она.

Водила машину она.

Принимала и обхаживала гостей она.

Готовила, стирала, убирала — как все женщины мира. (Посуду, справедливости ради стоит заметить, часто мыл он. И картошку чистил!)

Она — Frau Zinoviev, Оля, мама.

«Мама всё время должна была брать на себя ответственность, — рассказывает Полина. — Она была у нас флагманским кораблём. Она должна была нас обоих с папой тянуть. Потому что папа и не мог, и не хотел заниматься будничными делами. Мама должна была тогда принимать очень много решений. Она была мама, и мы были у неё двое детей. И папа, надо сказать, всегда с какой-то священной верой шёл за мамой. Он всегда верил в то, что она правильно делает».

Он гордился ею. Писал в Москву: «О нашей жизни. Живём пока… тьфу, тьфу… хорошо. О бытовых условиях говорить не стоит, это очевидно. Много работаем. Особенно Оля. Помимо дома и Полинки, она ещё выполняет секретарскую работу. А это — десятки писем, телефонных разговоров и приёмов ежедневно. Она молодец, она в любой ситуации ведёт себя адекватно ей. Так, в Мадриде мы были в гостях у одного маркиза (у Председателя Государственного Совета). Так его домочадцы не поверили, что она не из аристократической семьи. Насчёт того, что я из

крестьян, у них сомнений не возникло»[506].

Она вдохновляла.

Утешала.

Любила.

Спасала. Как-то раз, в самом конце ноября 1978-го, он после лекции в университете зашёл в книжный магазин Hugendubel на Мариенплац. Посмотрел новинки, перекинулся словом с владельцем. Всё, как обычно. А по дороге домой вдруг резко занемог. Пришёл, говорит Ольге: «Мне что-то плохо». Чтобы Зиновьев сказал, что ему плохо! Он все болезни свои избалевал сам, по правилам «зиновьйоги». Она встревожилась.

«Я трогаю его лоб — у него высоченная температура. И это как раз накануне вылета в Брюссель на конгресс. Он странно выглядел и вёл себя непривычно — отчуждённо как-то. Попросил: „Дай мне аспирина, пожалуйста“. Что меня удержало тогда, не знаю. Наверное, обострённая женская интуиция, усилившаяся в эмиграции. Я воспринимала все знаки в отношении его, все волны, которые не уловишь никаким прибором. Я не дала ему аспирина. Говорю: „Давай я тебя буду лучше чаем отпаивать. Попьёшь чаю — температура спадёт“. И вызываю скорую помощь из университетской клиники.

Между тем у него начинаются судороги. „Скорая“ приехала очень быстро. Смотрят на Зиновьева, переглядываются, ищут что-то на теле. Как потом выяснилось, они искали следы укола. Тогда на слуху была эта история с зонтиком, которым убили болгарского диссидента Георгия Маркова. Врачи спрашивают: „Вы были в каком-нибудь людном месте?“ — „Я был в книжном магазине“. „Вы ничего не заметили вокруг?“ — „Рядом был какой-то человек, какой-то странный запах, и всё“. Оказывается, ему респираторно впрыснули какую-то дрянь из баллончика.

Его срочно повезли в университетскую больницу, сделали промывание, регулярно брали анализы и отправляли их в лабораторию токсикологии и вирусологии в Лондон. Когда пришли результаты, меня вызвали на беседу с прибывшими представителями власти и полицейскими. И в их присутствии огласили результаты анализов. Оказалось, что моего мужа отравили биологическим оружием. Им владели на тот момент только две страны — США и СССР.

Врачи университетской клиники сказали мне: „Знаете, Вы спасли своего мужа. Если бы Вы дали ему аспириновую таблетку — он бы умер“. Оказывается, аспирин усиливает действие этого яда. Представители власти попросили нас не делать никаких заявлений для прессы, чтобы не накалять сложную и без того международную обстановку и обострённые отношения между

Западом и Кремлём»[507].

Спустя много лет Зиновьев подарит Полине на день рождения шарж: взрослая Полина-мама ведёт за руки двоих деток — Гришу и Лидочку. Как на той давней обложке. Она, как и тогда, в центре. Только теперь она выше всех. Эти трое бодро идут навстречу зрителю. С обратной стороны листа, сливаясь на просвет, тот же контур, такая же троица, только со спины. В центре — Полина — связующее звено — за её руки держатся два пожилых человека. Мужчина и женщина. «Остров Зиновьев».

Без иллюзий.

В эмиграции Зиновьев провёл двадцать один год.

Двадцать один год непрерывного литературного труда.

Двадцать один год упрямой просветительской деятельности.

Двадцать один год духовного подвижничества.

Двадцать один год борьбы.

Двадцать один год строительства интеллектуального Ковчега во имя спасения Человеческого Разума.

С августа 1978-го по июль 1999-го.

В эти годы он вынужденно отошёл от систематической работы в области логики. Сказалось отсутствие профессиональной среды, подобной той, что была в Институте философии. Преподавание в Мюнхенском университете никоим образом не могло компенсировать эту потерю. Ему выделили спецкурс по логике в Институте философии и научной теории, которым руководил профессор Вольфганг Штигмюллер. Нагрузка была невелика. По сути, всерьёз к нему как к лектору не отнеслись. Группа слушателей не была постоянной, состав её всё время менялся. Расписание вопреки хвалёной немецкой пунктуальности также систематически перекраивалось, и об изменениях в нём не всегда спешили сообщить лектору и его студентам. Должно быть, большинством новых коллег его присутствие в стенах университета рассматривалось исключительно как политическое обстоятельство. Мало кто был заинтересован в научном общении. К тому же оригинальные логические идеи Зиновьева требовали специальных интеллектуальных усилий и временных затрат, пойти на которые готовы были далеко не все. Похоже, что здесь он оказался в ещё большем творческом одиночестве, чем в стенах «жёлтого дома». Это была подлинная драма, которая спустя два года привела его к решению более не продлевать профессорский контракт и уйти «в свободное плавание».

Профессиональный логик стал *профессиональным писателем.* Он никогда не думал, что литература окажется одним из главных источников существования его и его семьи. Что он будет писать

по необходимости зарабатывать на жизнь. Что логику придётся практически оставить и сосредоточиться на беллетристике и публицистике. Как бы он возмутился одним таким предположением в пору, когда штурмом брал «Зияющие высоты»! Сколь гневным был бы его протест! В эмиграции всё перевернулось с ног на голову.

Счастьем было то, что издатель оказался единомышленником. Он принимал всё, что предлагал ему его автор, — художественную прозу, поэзию, публицистику. Он доверял ему. Он в него верил. Никогда ничего не навязывал. И не отказывал. Он проявлял искреннюю заинтересованность в том, чтобы талант Зиновьева нашёл возможность своего адекватного проявления. Его советы были деликатны и не касались содержания или поэтики. Зиновьев принимал их во внимание, сохраняя за собой право поступать так, как велит ему его искусство. Их творческий союз имел очевидный успех. Каждая новая книга Зиновьева находила читательский отклик, становилась хитом продаж и приносила доход. В один момент Дмитриевич даже предложил коммерческое партнёрство, но чуждый предпринимательской деятельности Зиновьев предпочёл сохранить сложившиеся отношения. При всей вынужденности писательства литературное творчество оставалось для него служением Истине. Продавая рукопись, он не продавал вдохновение.

Он вошёл в историю мировой литературы как писатель, предложивший человечеству новый тип художественного постижения и осмысления действительности. Он назвал созданный им жанр *социологическим.*

Книги Зиновьева организованы единой авторской волей и органически связаны друг с другом. Подобно своим великим современникам У. Фолкнеру, Р. Р. Толкину, Г. Г. Маркесу, Зиновьев создал целостный художественный мир, существующий и развивающийся по своим законам. Более того, и в этом он уникален, его творческое наследие образует полноценную *единоличную литературу,* с индивидуальной идеологией и поэтикой.

Главным предметом его художественного исследования стал советский мир. Зиновьев утверждал: «Советский народ первым в истории человечества проложил путь к коммунизму. Подчёркиваю, я не употребляю здесь оценок и не хочу сказать, что это хорошо или плохо, а лишь констатирую факт. И описать, что на самом деле представляет собою новое общество, есть историческая привилегия именно советского писателя. И глупо отдавать её другому, глупо упускать возможность создания на

этом материале и новыми языковыми средствами нового феномена в литературе. Я утверждаю, что советские писатели (т. е. писатели, живущие в Советском Союзе и знающие советский образ жизни) имеют реальную возможность описать нарождающееся коммунистическое общество во всей глубине и полноте. И если современную русскоязычную литературу, создаваемую на материале советской жизни и советскими (в упомянутом смысле) писателями, отнести к литературе советской, то лишь в ней есть возможность для литературного прогресса. Я уверен, что эта литература будет пробивать себе дорогу несмотря ни на какие запреты. Так вот, я отношусь к этой линии русскоязычной советской литературы. Нравится это мне или нет, буду я это признавать субъективно или нет, никакой роли не играет. Это есть реальный факт»[508].

Зиновьев решительно расширил *тематический диапазон* советской литературы. Сменил *частоту вещания.* С длинных волн государственного официоза — на УКВ «сарафанного радио». Он «вёл трансляцию» не из Кремлёвского дворца съездов и Красной площади, а из коммунальных квартир, спален, кухонь, сортиров, с лестничных площадок, из рабочих кабинетов, с мест для курения и забегаловок, ларьков, улиц, дворов, подворотен — с мест без событий.

С мест бытия.

Его микрофоны «были установлены» в самых неожиданных местах и улавливали не голоса с высоких трибун, а бытовую речь обывателей, интеллигентские разговоры, пьяный трёп, крик, хрипы, ругань, раздражение, недовольство, блажь, трусость, завистливое шипение и мстительный шёпот — шумы безвременья.

Гул эпохи.

Он «вёл репортаж» не о съездах победителей и полётах в космос, а о том, что у всех на виду, на что никто не обращает внимания, что «неинтересно», потому что разумеется само собой. О распорядке рабочего дня, о хозяйственных заботах, о походах в магазин, о стоянии в очередях, о препирательствах с соседями, разборках с домашними, дружеских посиделках, пьяных загулах, любовных похождениях — о пустом.

О главном.

Он попытался в своих книгах представить советскую жизнь такой, какой она есть на самом деле. Без глянца. Без ретуши. Без купюр.

Его герои много и свободно говорят об актуальной внутренней политике СССР, критикуют поведение действующих руководителей партии и правительства, иронизируют,

рассказывают о них анекдоты, сочувственно обсуждают проблемы диссидентства, с жадностью читают самиздат, старательно слушают иностранные радиостанции, заинтересованно дискутируют об индивидуальном терроре, в частности, о покушении полковника Ильина на Брежнева и взрывах в московском метро. Для официальной советской литературы это была «мёртвая зона».

Не меньше внимания уделяют герои Зиновьева экономическим вопросам, малым и недостаточным зарплатам, плохому качеству товаров и услуг, дефициту продуктов, теневому бизнесу, блату. И это предмет постоянного интереса не только представителей люмпенизированной части населения, но и вполне благополучных граждан. Это — *главная* забота для всех. А для героев советской литературы всё это — досадные мелочи. Они о них говорят редко, ещё реже о них думают. Их это *мало заботит,* а те, кто на этом сосредоточен, — достойны осуждения, если вообще достойны внимания. Им нет места в искусстве социалистического реализма. Они в нём — изгои.

Проблемы социального неравенства при социализме для советской литературы, для советского искусства в принципе не существует. Это самая главная тайна советской идеологии, упрятанная, как игла жизни Кощея Бессмертного, в тридцать три укрытия. Покушение на неё равносильно государственному преступлению. Советские художники об этом знают отлично. Они не просто обходят эту проблему стороной. В советском искусстве существует определённое клише в изображении руководителей любых рангов. Всячески подчёркивается их демократизм, почти героическая жертвенность на производстве (особенно в ситуациях аврала или аварий), пренебрежение здоровьем и отдыхом, бытовая и (часто) семейная неустроенность. О том, что любой мало-мальски значимый начальник обладает набором привилегий и чем выше пост, тем масштаб этих привилегий растёт в геометрической прогрессии, об этом ни полслова. Советский руководитель в изображении советского искусства обладает одной привилегией — быть всегда на передовой, подавая пример самоотверженности и верности коммунистическим идеалам. Конечно, встречаются и прохиндеи, использующие в корыстных целях служебное положение, но они представляют собой исключение и в итоге несут если не юридическое, то эстетическое наказание. Для Зиновьева тема социального неравенства — одна из центральных. Он говорит о ней, показывает эту сторону советского миропорядка с неуклонной настойчивостью. Все его герои, кроме отдельных отщепенцев, ведут борьбу *против социальной справедливости* — за

возможность занять на социальной лестнице наиболее высокую ступень. И для этого все средства хороши.

Зиновьев подробно и внимательно описывает отношения, которые возникают между человеком и коллективом. На производстве, во время собраний, в быту, на отдыхе. Его герои включены в коллектив, являются частью коллектива, действуют в нём и через него, испытывают его давление и помощь, находят поддержку, подвергаются репрессиям. Для советской литературы трудовой коллектив — априорное благо. Не просто сила, а сила добра и света. Он всегда прав и неоспорим. Зиновьев отвергает этот пропагандистский миф и сосредоточивается на сложной и неоднозначной роли коллектива в структуре советского общества.

Герои Зиновьева находятся в самых разнообразных отношениях с КГБ. Кто-то является объектом преследования, кто-то сотрудничает с карательными органами официально, кто-то — на добровольной основе, кто-то использует ситуацию в корыстных целях. В романах Зиновьева слежка и доносительство представлены в качестве нормальной социальной практики советских людей. В официальной советской литературе офицеры КГБ и их осведомители могли быть героями только шпионских романов. Роль КГБ в повседневной жизни советского общества была для писателей табуирована.

Одной из базовых тем Зиновьева является пьянство как социальная норма советского образа жизни. Все его герои пьют, вне зависимости от воспитания, образования, занимаемой должности, социального статуса, национальности и пола. В официальной советской литературе, пьянство — объект сатиры. Пьяницы представляют собой отдельные индивидуальные проявления асоциального поведения. Они — исключения и «пережиток» прошлого. Лозунг советской литературы: «Пьянству — бой!». Сочувствия — ноль. Однозначное презрение и насмешка. О пьянстве как социальном феномене, порождённом общественной системой, речи быть не могло. Зиновьев всматривается в эту проблему пристально.

Ханжески отворачивалась советская литература и от сюжетов сексуального содержания. «В СССР секса нет!» — эта фраза, прозвучавшая на заре эпохи гласности, адекватно соответствовала той картине мира, которая существовала в пространстве советской пропаганды. О любви писались километры стихов и прозы, но до секса у советских литературных героев дело не доходило. Даже среди гетеросексуальных пар! А слово «гомосексуализм» советские писатели даже не подозревали с какого конца писать и какими буквами. Об этом разве что в Медицинской энциклопедии можно было прочесть. И как о

явлении буржуазной культуры. Но если и случалось вдруг каким-либо неведомым для советского искусства образом соитие влюблённых, то оно было именно случаем и событием — и для героев, и для автора, и для читателей. Но, вообще-то, предел сексуальных отношений в советском искусстве — поцелуй. Откуда только дети брались? Из капусты, должно быть. Герои Зиновьева вступают в регулярные половые связи, обсуждают возможности и условия занятия сексом, интересуются сексуальными техниками. Для них это так же естественно, как пьянство и доносительство. И гомосексуалисты между ними встречаются.

Кроме секса не было в советской мире также биологических уродов и инвалидов. Ещё в рамках военной тематики инвалидам было позволено существовать в советском искусстве, и то — в военное время. И желательно в «исправленном» виде, как «настоящий человек» лётчик Маресьев. А инвалиды труда уже оказывались исключительно предметом бумаготворческой деятельности собесов. Об иных категориях несчастных почти не вспоминали. Калеки и физически неполноценные люди, убогие, больные как социальные объекты привлекают внимание Зиновьева не меньше, чем другие категории и типы. Он рассматривает их вовсе не с модной сегодня гуманистической или христианской позиции, а именно как специфические элементы общества, которые так же, как и все, ведут свою борьбу за социальные привилегии.

Особое место в романах Зиновьева занимает проблематика подлинного исторического прошлого СССР. Революция, Ленин, Сталин, Великая Отечественная война обсуждаются без обиняков, без оглядки на идеологические установки и штампы. Никакой героизации, никаких запретных сюжетов. С точки зрения обывателя. Как в жизни миллионов, а не в судьбах отдельных героев. Со страхом за свою жизнь и жизнь своих близких, с попытками выжить любой ценой, с мыслями, как выгадать и поживиться. Историческое прошлое для героев Зиновьева не героический эпос, а *личный опыт* — их собственный, их родственников, друзей, знакомых.

Предметом изображения и рефлексии Зиновьева стал сам язык советского человека. Вполне грамотный, прошедший обработку системой всеобщего среднего образования. Достаточно унифицированный нормативной стилистикой средств массовой информации. Это язык словаря С. И. Ожегова, пособий по практической стилистике Д. Э. Розенталя. Недоверчиво косящийся на историзмы и снисходительно допускающий диалектизмы. Насыщенный абстрактными понятиями и

идеологическими клише. Язык, объединяющий людей разных социальных страт, создающий иллюзию равенства. Одновременно, это язык утомительной и безысходной борьбы за существование, переполненный грубостью, цинизмом, ругательствами и жаргоном. Обсценная лексика постоянно смешивается с лексикой нормативной, третирует её, ставит под сомнение, смеётся и издевается. Русский мат — неудержимый протест против социального насилия коммунистической системы, явленной в языке. Он — орудие советского человека в отстаивании своих прав, своей индивидуальности, своего *достоинства.* Постоянная ирония и усмешка — попытка отгородиться от тотального коллективизма, стремление защититься от разгула законов коммунальности.

Этот язык порождает свою литературу — в фольклорных и полуфольклорных формах: анекдот, устную новеллу («байку»), «безобразный стих», бардовскую песню. Наличие подобной альтернативной литературы Зиновьев рассматривает также сквозь призму социологии. Он не претендует на филологические лавры. Он лишь констатирует ситуацию всеобщего двоемыслия, неизбежную и обязательную для этого типа социума.

Романы Зиновьева охватывают всю проблематику советского мира и исследуют её с разных точек зрения: сверху, снизу, сбоку, изнутри, с изнанки. Он сознательно избегает подробного разговора лишь на тему о тюрьмах и лагерях — в присутствии Шаламова и Солженицына он считает это излишним. Он только указывает на то, что массовые репрессии имели не только политическую, но и экономическую подоплёку, представляли собой идеологически мотивированный источник дешёвой рабочей силы. Он решается сказать и о том, что массовые репрессии не определяли общего пафоса эпохи. Они были жутким и неизбежным средством, но отнюдь не целью революции. Видеть в них всё *содержание* советского социального эксперимента — значит либо ничего не понимать, либо намеренно искажать действительность.

Благодаря Зиновьеву стало ясно, что советский мир не есть явление сугубо идеологического порядка. Он строится на идеологической основе, идеология играет роль главной скрепы его, но природа советскости лежит в иной области. Истоки её в особом типе социального устройства.

Советский мир — явление историческое. Советскость — типологическое.

Его книги — портрет эпохи. Свидетельство. Документ.

Его книги — описание социальной системы. Теоретическое обоснование. «Техпаспорт».

Опираясь на хорошо знакомую ему фактуру советского мира, используя её в качестве конкретного материала, богатого деталями и подробностями, Зиновьев исследовал социальную сущность советскости. Открывал, описывал и представлял её законы. В их взаимосвязях и борьбе. В становлении, развитии и деградации. Фиксировал доминанты. Выявлял тенденции. Специфика авторской позиции Зиновьева в том, что он не изобличает пороки и недостатки советской социально-политической системы, как это может показаться на первый взгляд (а многим его читателям так и казалось всегда), а говорит о них как о явлениях органических, свойственных ей — не искажающих её и даже не порождаемых ею, а присущих ей, её конституирующих. Это не пороки и недостатки, утверждает Зиновьев, это — норма. Как Пушкин когда-то говорил о том, что художника следует судить по законам, им самим для себя установленным, так Зиновьев настаивает на том, что оценивать социальную систему нужно по законам, которые ей присущи, её образуют, а не по меркам иных, пусть даже самых прогрессивных и гуманных форм человеческого общежития. Рождённый ползать летать не может. И не должен! Осуждать его за это — или лицемерие, или отчаянная глупость.

Зиновьев первый, а, возможно, единственный, кто увидел и осознал культурно-историческую ценность советской повседневности, мировое значение негероических будней Страны Советов. Советский мир был абсолютно уникальным цивилизационным явлением. Главной исторической сенсацией XX века. Он привлекал пристальное внимание всего человечества. Одни смотрели на него с надеждой, другие — со страхом. Для кого-то он представлял пример для подражания, образец. Иные воспринимали его как наваждение, жупел. Он был союзник и враг. Осуществлённая мечта и сбывшийся кошмар. Сладкая ложь и горькая правда. И всем он был интересен. Все хотели знать подробности. Всё *как есть.* Потому с такой жадностью накинулись на советское искусство — советскую литературу, живопись, кино. Не сразу распознали в нём агитку, да и социалистический реализм не сразу восторжествовал. Но если произведения первых лет становления советского общества ещё как-то отражали реальность, то чем дальше, тем меньше в них было живого и подлинного и всё больше условного и искусственного. Советское искусство стало заслоном советской жизни. Декорацией и железным занавесом. Оно легло на советскую жизнь красочным покровом, скрыв её от всего остального мира. И как советские люди пытались сквозь гудение глушилок разобрать в своих радиоприёмниках голоса, несущие весть из западной жизни, так

западные люди вслушивались в каждый живой голос, доносившийся из СССР.

Книги Зиновьева стали настоящим *информационным каналом*, на котором вместе с новостями и репортажами шли аналитические программы, звучали экспертные оценки и комментарии, транслировались научно-популярные и литературно-художественные передачи. Он последовательно и беспристрастно разворачивал панораму советской жизни, обнаруживал её логику и строй. Он говорил об очевидных вещах, которые не позволялось видеть официальному искусству. Он смотрел на эти вещи непредвзятым взглядом — без апологетики или критиканства, и предлагал читателям также *трезво* смотреть на них. Не любить или ненавидеть, а — знать и понимать. Он называл эти вещи их настоящими именами и заставлял своих читателей не бояться повторять за ним. Это было то, что нужно. То, чего так долго ждали.

Книги Зиновьева несли знание, ставили проблему, озадачивали.

Давали пищу для ума.

Бередили душу.

Призывали к действию.

К деятельности.

В своё время П. Вайль и А. Генис предложили осмысление зиновьевской поэтики через категорию мениппеи (как её определил М. М. Бахтин): «В поисках новых форм воплощения своей модели действительности Зиновьев пошёл по давным-давно заросшей тропе синкретического сознания. Как эмбрион повторяет эволюционные ходы, так „Зияющие высоты“ — историю литературы. Симпосионы Платона, аттическую комедию, карнавальный роман, просветительские трактаты… Синкретизм же заключается в том, что он соединил два теоретически несоединяемых способа познания: художественный и научный. Очевидный эклектизм формы, демонстративное отсутствие композиции поражает, тем не менее, отчётливым литературным единством. Объясняет это мениппейный характер сюжета: история самопознания общества. <…> Как и полагается в мениппее, — герои книги мудрецы, лишённые индивидуальных характеристик. Они марионетки, выполняющие функции развития главной идеи. Эстетика парадокса, которая постулирована уже в заглавии, обслуживает карнавализированную модель мира: Вселенная без мозжечка. Отсутствие иерархии, вернее, множественность иерархий — по уму, по чинам, по месту — предполагает аморфную конструкцию

книги. По сути дела, это энциклопедия человеческой мысли о человечестве. А в качестве таковой она включает в себя любой материал»[509]. Наблюдения критиков относятся в первую очередь к «Зияющим высотам» и в известной степени отражают специфические художественные особенности этой книги. Мениппейный дискурс оставался близок Зиновьеву и впоследствии, но он никогда не держался за него как за свой «фирменный» стиль. Рассматривать сквозь призму мениппеи *всё* литературное наследие Зиновьева было бы ошибочным. Оно художественно богаче и содержательнее.

Суть зиновьевского метода в том, что художественную реальность своих произведений он создавал вслед и в развитие разработанной им социологической теории коммунальности, описывающей базовые принципы организации человеческого общества вне зависимости от исторических форм их проявления. Такие традиционные средства построения художественного мира, как сюжетность, описательная изобразительность, типизация, психологизм, в произведениях Зиновьева сознательно редуцированы и уступают место аналитичности и логическому конструированию. В «социологической» литературе Зиновьева впервые в мировом искусстве средством художественной выразительности стал сам принцип научного мышления — *метод восхождения от абстрактного к конкретному.*

Его книги представляют собой тексты, фрагментированные на небольшие, порой в один абзац, а то и в одно предложение, сегменты, каждый из которых обладает частной смысловой завершённостью, содержит в себе целостное высказывание. Эти фрагменты суть *отвлечения* какой-то одной стороны описываемого Зиновьевым мира, абстрагирование одной из граней его. По ходу развёртывания художественного исследования они выстраиваются в определённые ряды и цепи, накапливая конкретику и обретая полноту. В процессе ритмического чередования фрагментов, переплетения смысловых рядов устанавливаются содержательные связи, которые в конечном итоге дают конкретную картину целого.

Эстетика Зиновьева напоминает принципы и приёмы создания картин и рисунков Павла Филонова, провозглашавшего аналитический подход к каждому мазку кисти, к каждому штриху карандаша. Давая в 1928 году наставления своей ученице В. Шолпо, художник требовал: «Упорно работай каждое частное (каждый член) картины. Пиши как раз тот кусок вещи, который хочешь. Пошли к чёрту всякое понятие о каком-то „общем“. Позволь вещи развиться из частных до последней степени развитых, тогда ты увидишь настоящее общее, какого и не

ожидал. <…> Но старайся писать наверняка — делай буквально каждый атом»[510]. Филонов отстаивал идею органического единства всех «атомов» художественного произведения, пребывающих в семантической и синтаксической упорядоченности, устанавливаемой целостностью личности художника, его идейных установок и устремлений. В тезисах «Идеология Аналитического Искусства» Филонов утверждал: «Каждый мазок или прикосновение к картине есть точная фиксация через материал и в материале внутреннего психического процесса, происходящего в художнике, а вся вещь целиком есть фиксация интеллекта того, кто её сделал. <…> Работа над содержанием есть работа над формой и обратно. Чем сильнее выявлена форма, тем сильнее выявлено содержание. Форма делается упорным рисунком. Каждая линия должна быть сделана. Каждый атом должен быть сделан, вся вещь должна быть сделана и выверена. Упорно и точно думай над каждым атомом делаемой вещи. Упорно и точно делай каждый атом. Упорно и точно рисуй каждый атом. Упорно и точно вводи прорабатываемый цвет в каждый атом, чтобы он туда въедался, как тепло в тело, или органически был связан с формой, как в природе клетчатка цветка с цветом»[511].

И в целом понимание задач искусства и роли художника, как оно сформулировано Филоновым, близко эстетическим установкам Зиновьева, что свидетельствует о глубинной социальной родственности этих великих русских художников-мыслителей XX века: «Искусство есть отражение через материал или фиксация в материале борьбы за становление высшим интеллектуальным видом человека и борьбы за существование этого высшего психологического вида; этому же равна и действующая сила искусства по отношению к зрителю, то есть она и делает высшим и зовёт высшим. Художник-пролетарий обязан делать не только отвечающие запросам сегодняшнего дня вещи, но и проламывать дорогу интеллекту в отдалённое будущее. Художник-пролетарий должен действовать на интеллект своих товарищей-пролетариев не только тем, что это им понятно в их нынешней стадии развития»[512].

«Персонажи» произведений Зиновьева не лица или характеры, а частично персонифицированные идеи и социальные категории. (Любопытно, в цитированном выше письме к Шолпо Филонов, говоря о предмете аналитического искусства, прямо указывает: «<…> есть ряд явлений или понятий, вообще не имеющих ни консистенции, ни периферии, например капитализм, проституция, рабочий вопрос, социализм и т. д., а я хочу их писать»[513].) В октябре 1978 года в интервью «Радио Свобода»,

рассказывая об истории создания «Зияющих высот», Зиновьев так характеризовал свой метод: «Я решил писать художественную литературу, но именно о социальных законах человеческого бытия и их проявлении в поведении и сознании людей. Так что главные герои моей книги — не Иваны, Матрёны, собачки, бабочки и прочая живность, а законы бытия как таковые. <…> Я решил сделать сами законы бытия активными персонажами книги, показать, как они чувствуют себя в нашем обществе, чем занимаются, как общаются между собой и т. д. Но показать их не теми мистическими, то благородными, то жестокими, то добрыми, то страшными, но всегда великими феноменами бытия, какими их изображает официальная идеология и жалкая социологическая, с позволения сказать, наука, а обычными грязными ничтожествами, какими они и являются на самом деле»[514].

«*Социологическая» литература,* созданная Зиновьевым, в основе своей сохраняет образную природу, что, собственно, и позволяет её считать формой именно художественного, а не специального научного творчества. Логически организованная научная мысль сама по себе обладает эстетической выразительностью, но вне художественной образности она обречена на линейность и схематизм. Художественный образ объёмен по своей природе. Помещённый в поле логической мысли, он способствует её концентрации, образует центр взаимосвязей и конфликтов. Способность художественного образа сгущать в себе множественные, иногда взаимоисключающие смыслы использована Зиновьевым в целях недогматической организации человеческой мысли, её визуализации и усвоения. Образ, как и мысль, Зиновьев подвергает предварительной логической обработке, поэтому он всегда содержательно внятен и структурно определён. Он «работает» в паре с мыслью, но не иллюстрирует её, а обогащает новыми возможностями выражения, придаёт мысли эмоциональную насыщенность и психологическую убедительность.

Образность Зиновьева антропоморфна, но это вовсе не означает, что действующие в его книгах герои суть литературные характеры. Психология его мало интересует. О ней уже достаточно написали русские классики. Нет смысла жевать разжёванное. Но это и не маски комедии дель арте, хотя им и присвоены масочные прозвища — Критик, Социолог, Певец, Мазила, Болтун и т. п. Их нельзя определить каким-то одним свойством, одним качеством — постоянным и неизменным во всех ситуациях. Они внутренне сложны и находятся в постоянной динамике, в развитии. Они, скорее, знаки, обозначения

определённых социальных объектов. Зиновьеву в них важно и интересно не человеческое, а социальное. Содержание его книг составляет описание связей, возникающих между социальными объектами, исследование социальных структур, образующихся в ходе взаимодействия социальных объектов разного уровня.

Мышление Зиновьева системно. В его книгах нет смысловых лакун и переборов и, соответственно, нет художественных провисаний или излишеств. Каждый образ не просто на своём месте — он *столь же необходим, сколь и достаточен.* Такой системный принцип организации художественного мира позволял Зиновьеву удерживать гигантские объёмы фрагментированного текста в содержательной стройности и эстетическом равновесии.

Структура его книг свидетельствует о высоком уровне писательской техники Зиновьева. Сюжеты чёткие, тщательно разработанные, с многочисленными ответвлениями, внутренне схожие с логическими исчислениями. Композиция, как правило, многосоставная, построенная на чередовании нескольких сюжетных линий. Стиль выдержанный, без броских метафор и эпитетов, но с обязательной сменой регистров — от научного до профанного. Точный, выверенный, содержательный. Соответствующий поставленной эстетической задаче. Никакой «воды», никакого пустословия. В каждом предложении — мысль, наблюдение, факт.

Для книг Зиновьева, как произведений социологического жанра, характерна композиционная структура, состоящая из трёх смыслообразующих элементов: личность — учреждение — город. Они определяют три основных уровня коммунальности, на материале которых писатель художественно осваивает социальную практику человеческих сообществ. Эти три уровня находятся между собой в отношениях дополнительности, они обладают общими свойствами, но различаются формой и характером их проявления. Во взаимодействии этих трёх элементов своеобразного *«социологического треугольника»* возникает сложная матрица разнообразных типов человеческих отношений — межличностных, производственных, политических. Внутри социальной «клеточки» (в терминологии Зиновьева) и вне её — в «межклеточном пространстве». Эта матрица, по версии Зиновьева, применима и к более масштабным социальным образованиям, таким как страна, этнос, человечество. «Социологический треугольник» *выделен* Зиновьевым из более широкого контекста реальности, но не *исключён* из неё. Он существует в этой реальности и обращён к ней. Он её составная часть и — слепок.

В каждом тексте Зиновьева таких «социологических

треугольников» обычно несколько (порой — несколько десятков, как, например, в романах «Зияющие высоты», «В преддверии рая», «Жёлтый дом»). В большинстве произведений можно выделить главный «социологический треугольник», рядом с которым, а иногда включая в свой состав одну из «вершин» главного треугольника, присутствуют «треугольники»-дублёры, своеобразные «двойники» (что-то наподобие образов-«двойников» в романах Достоевского, с той разницей, что у Зиновьева представлено «двойничество» не лиц, а социальных структур). Сама их множественность является средством художественной инвариантности описываемой Зиновьевым социальной действительности и одновременно утверждением неизменности базовых структур и связей. «Социологические треугольники» Зиновьева, объединяясь друг с другом, частично накладываясь или пересекаясь, создают своеобразную кристаллическую структуру его книг, жёсткую и в то же время достаточно подвижную, в которой вдумчивый читатель, смеясь и содрогаясь, с благодарностью узнаёт *живые* черты «живой жизни». В такой композиционной структуре нашла воплощение важнейшая для Зиновьева мысль о бесконечном многообразии социального мира, его непрерывной подвижности и изменчивости, с одной стороны, и о существовании объективных законов его самоорганизации, с другой.

Не менее важным композиционным элементом многих романов Зиновьева является присутствие в их системе образов в качестве действующего «персонажа» некоего теоретического текста — обычно в виде рукописи, которую читают и обсуждают герои. Иногда таких текстов-«персонажей» несколько (среди них могут быть тексты иного литературного качества, например, поэтические, как «Баллада о неудавшемся лётчике» в «Зияющих высотах» и в «В преддверии рая» или «Евангелии для Ивана»). Подобные тексты-«персонажи» впервые появляются и получают законную эстетическую «прописку» в идеологических романах Достоевского — статья Раскольникова в «Преступлении и наказании», предсмертная исповедь Ипполита в «Идиоте», теория Шигалева и «Исповедь» Ставрогина в «Бесах», поэма Ивана Карамазова «Великий Инквизитор» в «Братьях Карамазовых». У Достоевского они обычно предъявляются читателю в цельном, законченном виде и напоминают вставные новеллы, хотя не являются таковыми по своей сути. Более сложная структура предъявления текста-«персонажа» найдена Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита», в котором роман Мастера о Пилате возникает отдельными своими страницами и сценами на протяжении всего повествования, перемежаясь, накладываясь и в

эпилоге сливаясь с другими сюжетными линиями. Текст-«персонаж» в буквальном смысле слова становится *«действующим* лицом», участвует в развитии сюжета наравне с традиционными (антропоморфными) персонажами, вступает с ними в контакт, воздействует на них, руководит ими. Подобная сюжетно-композиционная структура использована и Зиновьевым. Скорее всего, она подсказана как раз чтением романа Булгакова.

Обращение Зиновьева к такому композиционному приёму не только формально оправдывает включение в текст его романов теоретических, публицистических, стихотворных фрагментов, но отражает его понимание действительности как совокупности наличествующих в физическом мире предметов, событий, лиц, поступков, обстоятельств и различного рода высказываний о них, их специфических ментальных двойников. Мышление, рефлексия, умозаключение, оценка, теория, программа и т. д., зафиксированные в языке, в тексте, утверждает и убеждает Зиновьев (вслед за Достоевским и Булгаковым), суть полноценные объекты реальности, они обладают самостоятельностью и входят в её состав на равных правах с объектами материального мира, активно с ними взаимодействуют, оказывают влияние, определяют их судьбу.

Тексты-«персонажи» пронизывают весь основной массив текста от начала до конца и в плане композиционной структуры играют роль своеобразных «несущих опор», входят в художественный каркас произведения, удерживают содержательно и стилистически многообразный материал в определённых границах, не давая ему рассыпаться пёстрой мозаикой. Последовательное развитие их индивидуального сюжета, логически строгого и линейного, противостоит прихотливому хаосу бесконечных микроэпизодов социального общения героев, их разнотемных разговоров, случайных реплик и поступков.

Тексты-«персонажи» реализуются в сознании персонажей-людей, внутри их духовного мира, поэтому их можно условно назвать «внутренними» новеллами. Наряду и параллельно с ними Зиновьев часто включает в текст такие же сквозные «внешние» новеллы, в которых реализуется сюжет, лежащий вне жизненного пространства персонажей-людей, по отношению к которому они обычно выступают в качестве пассивных, сторонних наблюдателей. Часто это строительство или модернизация какого-то пространственного объекта — здания, памятника и т. п. Если «внутренние» новеллы организуют субъективную сторону художественной реальности Зиновьева, то «внешние» — её объективное проявление.

«Внутренние» и «внешние» новеллы, вычлененные из пространства социального действия героев, выступают в качестве базовых метафор, своего рода «загустителей» смысла. В них с наибольшей отчётливостью заявлены позиция автора, его понимание и оценка представленного в книге художественного материала. Они — ключ к его замыслу и прямая подсказка читателю. «Внутренние» новеллы вносят в текст академическую серьёзность, предлагают научную интерпретацию мира. «Внешние» выполняют роль сатирического остранения. Их наличие и параллельное сосуществование в тексте — одна из отличительных особенностей оригинальной поэтики Зиновьева.

«Социологическая» литература Зиновьева ориентирована на классическую систему литературных видов и родов, по-своему адаптирует сложившуюся жанровую систему. В творчестве Зиновьева в «социологической» модификации представлены нравоописательный, производственный, семейно-бытовой, любовный, психологический, исторический, детективный, шпионский, политический, авантюрный, философский, научно-фантастический и другие жанры. В то же время Зиновьев никогда не работает в каком-то одном эстетическом дискурсе. Богатство и многообразие действительности он показывает, непрерывно меняя не только точку зрения или ракурс изображения, но и саму художественную оптику. В его книгах, как в самой жизни, от великого до смешного — один шаг, так же как «один шаг» от задушевной исповеди до доноса, от демагогической околесицы до научного силлогизма, от платоновского диалога до лирического стихотворения, от плаката и монументальной пропаганды до карикатуры и анекдота, от проповеди до оскорбления, от идиллии до гротеска и т. д., и т. д., и т. д.

Это, однако, не постмодернизм, уравнивающий между собой все элементы художественного целого. Для мира Зиновьева как раз важны именно разные уровни и масштабы, сам *перепад эстетического давления,* его амплитуда. Только в горниле эстетических конфликтов возникает уникальный сплав социологической поэтики Зиновьева. Драматургия художественных форм, столкновение приёмов и средств выявляют сюжетные узлы, усиливают напряжение писательской мысли, заставляя читателя пребывать в постоянной интеллектуальной работе, в неослабевающем духовном сотворчестве.

Художественный мир Зиновьева притягателен своим многообразием и демонстративной ненормативностью — той абсолютной свободой, о которой мечтает каждый художник и которая даётся единицам. В XX веке в русской литературе такой свободой обладал, пожалуй, только великий земляк Зиновьева —

Василий Розанов. У них и писательские судьбы на удивление сходны — оба пришли в литературу в зрелом возрасте (Розанову в год издания «Уединённого» исполнилось 56 лет, «Зияющие высоты» увидели свет, когда Зиновьеву шёл 54 год). Каждый прошёл перед этим свой самостоятельный путь в смежной гуманитарной области — философии, публицистике (Розанов — ещё и литературный критик). Каждый провёл жизнь «в своём углу» (название авторской рубрики Розанова в журнале «Новый путь»), в «уединении», как «суверенное государство». И оба предъявили миру *новый род* литературы. Оба — в повседневной жизни ровные и деликатные — в литературе выступили революционерами, взорвав сложившиеся правила и каноны, предложив авангардные формы познания действительности. Сходной была и реакция читателей-современников — восхищение одних и яростный протест других. Каждый нашёл своих последователей и адептов. Каждый нажил врагов.

Авангардизм Розанова и Зиновьева в их абсолютной свободе. В свободе личности, которая определила форму высказывания. *Личности, ставшей матрицей текста.* В небывалой ранее откровенности и наготе. До отчаяния. Без оглядки и без страха. Как на Страшном суде. По-русски. Книги Розанова и Зиновьева — точное отражение их духовного и интеллектуального склада. Это их словесные *сущности.* Во всей неповторимости их индивидуального облика. Их бессмертные души. Трепещущие на ветру вечности. Волнующиеся. Неумолкающие. Поющие и страдающие.

Розанов и Зиновьев не писатели. Они — *сверхписатели.* Им чужда какая-либо условность и оглядка — на цензуру, на критиков, на читателей. Зиновьев, как и Розанов, когда увлекается, может забыть про читателя напрочь, которому, может быть, «скучно стало». Ему на это «скучно» по-розановски наплевать. («С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждёт, что ты ему положишь? В таком случае он имеет вид осла перед тем, как ему зареветь. Зрелище не из прекрасных… Ну его к Богу… Пишу для каких-то „неведомых друзей“ и хоть „ни для кому…“»[515]. Зиновьев мог бы подписаться под каждым словом этого розановского пассажа.) Ему интересно — когда на самом деле интересно — довести мысль до конца, развить её до предела, договорить, доформулировать, пусть даже повториться несколько раз, если надо, если *хочется,* но уяснить, уразуметь, добиться абсолютной точности.

Всё же и читатель ему не безразличен (как и Розанову, конечно же!). Он хочет быть прочитанным и услышанным.

Наверное, из его книг можно было бы изготовить несколько тысяч блестящих эссе, каждое из которых могло бы быть и ярче, и эффектнее по остроте и выразительности (о чём свидетельствует его блистательная публицистика), чем его «большие книги». Но участь эссе — периодика, фрагментарность, дробность, случайность, произвол издателей и читателей. (Так на десятилетия ушла из интеллектуального пространства русской мысли не собранная в книги розановская эссеистика.) В «большой» книге читатель *принуждается* (её объёмом, традицией романного, последовательного, линейного, законченного чтения) к тому, чтобы читать всё и сразу, подряд и до последней строчки.

Дробя повествовательные и сюжетные линии на фрагменты, Зиновьев вносит интригу, запускает механизм читательской инерции, пробуждает читательское внимание. Эти фрагменты — как шестерни механизма — цепляют друг друга и раскручивают, создают, запускают динамику читательского интереса, любопытства. Кроме того, они создают иллюзию «быстрого чтения» — малыми дозами, кварками смысла. В этом плане Зиновьев и впрямь — писатель XXI века, века дискретного восприятия текста, ограниченного экраном монитора и «окнами» сайтов. Но на бумаге это психологически эффективнее. Создаётся ощущение, иллюзия возможности усвоения и понимания, так что читатель *невольно* читает фрагмент за фрагментом, главу за главой, страницу за страницей, даже самые ему непонятные и неинтересные. И не может остановиться. Не может оторваться.

Зиновьев не только художник-мыслитель, он — художник-педагог, *воспитатель мысли.* Читатель, пройдя вслед за автором по всем ступеням познания, в финале не просто оказывается обладателем важной и многообразной информации, он обретает навык самостоятельного интеллектуально-эстетического постижения мира, получает опыт деятельного участия в ментальном и практическом его освоении.

Интенсивность и продуктивность литературной деятельности Зиновьева беспрецедентна. Только книжных (без периодики) изданий — тридцать три тома! В возрасте, когда обыкновенный человек, как правило, теряет азарт в работе, ищет покоя и праздности, — от 54 до 77 лет.

Он был настоящей литературной машиной. Обозреватель «Le Monde» однажды в отчаянии написал: «Этот человек пишет быстрее, чем вы успеваете прочитать его произведения»[516].

Извержение интеллектуального вулкана не утихало.

Он был *стихией.*

Шестнадцать романов и повестей —

«Зияющие высоты» (1976)[517]
«Светлое будущее» (1978)
«В преддверии рая» (1979)
«Записки ночного сторожа» (1979)
«Жёлтый дом» в двух томах (1980)
«Иди на Голгофу» (1982)
«Гомо советикус» (1983)
«Нашей юности полёт» (1984)
«Изюмовая бомба» (1986)
«Пара беллум» (1987)
«Живи» (1988)
«Катастройка» (1988)
«Революция в Царьграде» (1989)
«Смута» (1992)
«Глобальный человейник» (1997)
«Русская трагедия» (2001) —

три поэтические книги —
«Мой дом. — Моя чужбина» (1982)
«Евангелие для Ивана» (1984)
«Веселие Руси» (1989) —

одиннадцать публицистических сборников:
«Без иллюзий» (1979)
«Мы и Запад» (1981)
«Ни свободы, ни равенства, ни братства» (1983)
«Диктатура логики» (1985)
«Сила неверия» (1986)
«Горбачевизм» (1987)
«Кризис коммунизма» (1990)
«Гибель империи зла» (1994)
«Русский эксперимент» (1995)
«Посткоммунистическая Россия» (1996)
«Глобальное общество и Россия» (1999) —

три социологических труда —
«Коммунизм как реальность» (1981)
«Запад. Феномен западнизма» (1995)
«Великий эволюционный перелом» (1999) —

автобиография —
«Русская судьба. Исповедь отщепенца» (1988) —

литературное эссе —

«Мой Чехов» (1988) — пьеса —
«Рука Кремля» (1983) — киносценарий —
«Государственный жених» (1985) — около двух тысяч интервью и публичных выступлений —

— новые ступени лестницы, по которой Зиновьев продолжил своё восхождение.

Библиография критических статей и отзывов о произведениях Зиновьева составляет несколько сотен наименований. На всех европейских языках. Его творчеству посвящён ряд монографий. Оно обсуждалось на специализированных конференциях. Одна из наиболее представительных, целиком посвящённая творчеству Зиновьева, состоялась 3–5 января 1986 года в Лондоне. На ней прозвучало 15 докладов ведущих британских и европейских славистов. С 13 по 16 сентября 1986 года в Авиньоне и Оранже прошёл целый зиновьевский фестиваль — событие беспримерное для литературы русской эмиграции! Он был избран почётным гражданином Авиньона. Формула «великий русский писатель» в отношении к Зиновьеву прочно закрепилась в западной прессе. Эжен Ионеско в одном из интервью сказал о нём: «Один из самых больших современных писателей, с точки зрения чистой литературы, быть может, самый большой из всех»[518].

В интервью «Радио Свобода» в мае 1980 года, отвечая на вопрос Ирины Каневской: «Удовлетворены ли Вы тем, как читают и понимают Ваши книги на Западе?» — Зиновьев без всякой рисовки сказал: «Из многочисленных встреч с читателями я убедился в том, что у меня есть серьёзно читающий и понимающий читатель. Я на это, честно говоря, не рассчитывал. <…> Я рад тому, что многие здесь понимают мои книги именно так, как мне хотелось бы. Порою несколько фраз, сказанных такими читателями в личной беседе или в частном письме, стоят десятков хвалебных рецензий. Кстати сказать, на западную прессу мне обижаться не приходится»[519].

Экспериментальная поэтика Зиновьева оказалась органичной для западноевропейского читателя, усвоившего уже уроки Пруста и Джойса, Кафки и Музиля, Беккета и Ионеско, Борхеса и Кортасара, читавшего Честертона, Т. Манна, Гессе, Чапека, Камю, Сартра, Батая, Кено, Виана, Буццати, Бёрджеса, Фаулза, Набокова, Фриша. Его новизна не отпугивала, но, напротив, привлекала. Западный человек и вообще склонен к изобретательству и нововведениям, любопытен и доброжелателен к новациям. Он чтит традицию, но умеет восхищаться и первооткрывателями. Он уважает творца. Он признаёт его свободу. В ней он видит

источник бесконечного развития, источник жизни. Зиновьев оказался самым «западным» русским советским писателем второй половины XX века. Его эстетическая неформатность более чем что-либо свидетельствовала о его яркой индивидуальности и силе — важнейших качествах настоящего Художника. Европейская литература, европейская мысль приняла его как своего.

Критика русского зарубежья к первым произведениям Зиновьева также отнеслась с большим энтузиазмом. «Вестью из будущей литературы» назвали «Зияющие высоты» П. Вайль и А. Генис в статье «На аврале», опубликованной в журнале «Время и мы». Они писали: «Зиновьев — это прорыв в будущее. Может быть, образец, на который ещё долго будут равняться. Умолчать о его книге в разговоре о русской словесности уже просто невозможно. „Зияющие высоты“ станут энциклопедией советского общества. Но не каталогом, а творческим эквивалентом социальной и культурной его структуры. Некой проявившейся только теперь формой художественного познания, опытом приложения искусства к обществу, поставленным на столь широком материале, что уже непонятно, где испытатель, а где испытуемые»[520].

И хотя впоследствии у Зиновьева появилось немало оппонентов в среде русской эмиграции, особенно, когда он предпринял попытку объективного анализа событий сталинского периода советской истории и роли Сталина в становлении советского общества, литературные достоинства его книг не вызывали сомнений. Так, Д. Штурман в статье с показательным названием «Блеск и нищета Александра Зиновьева», оспаривая его социологическую концепцию, тем не менее признавала, что его книги «есть знаменательное явление художественной литературы. На мой взгляд, Зиновьев-художник — блестящий словесный маг. Он играет неисчерпаемыми логико-лингвистическими ассоциациями и антитезами. Эта игра ошеломительно воспроизводит фантасмагорию тоталитарного мира посредством виртуозного соударения русского языка с языком советским»[521].

Показательно, что эмигрантская критика не выдержала напора зиновьевского творчества и очень быстро сошла с дистанции. Если французские, итальянские, немецкие критики *каждую* новую книгу Зиновьева встречали десятком рецензий и откликов, пространными интервью с автором, то русское зарубежье оказалось, говоря словами Пушкина, «лениво и нелюбопытно». Восхитившись «Зияющими высотами», подняв на щит «Светлое будущее», приняв ко вниманию «Записки ночного сторожа», последующие книги Зиновьева русские критики

фактически игнорировали. Сказались и неприятие его мировоззрения, его идеологической самостоятельности и беспартийности, и неготовность к интенсивному диалогу, интеллектуальная бедность, ограниченность, слабость литературно-критической мысли русского зарубежья 1970–1980-х годов. Пишущих было много, а способных к тщательному, серьёзному идейно-эстетическому анализу — единицы. «Отнеслись к Зиновьеву на редкость однообразно, — констатировали уже в 1980 году Вайль и Генис. — И совсем не важно, что восемь из 10 возненавидели, а двое других восхитились. Никто (или почти никто) не захотел или не смог понять, что в литературу пришёл писатель»[522]. Объём критических отзывов в русской эмигрантской прессе на произведения Зиновьева не сопоставим с тем, что написано о его творчестве западными обозревателями и журналистами. Это даже не сотая часть!

Ну а советской критики не было вовсе. По *умолчанию*. Лишь однажды в «Литературной газете» появился фельетон, направленный — нет, не против Зиновьева, — а против его американского издателя, который изобличался в выпуске в свет «непотребной книги» некоего антисоветского пасквилянта. При этом ни название книги («Зияющие высоты»), ни имя автора в фельетоне не упоминалось! До перестройки имя Зиновьева на страницах советской литературной периодики ни в каком контексте не возникало. Не было такого писателя! Оно и к лучшему. Нетрудно догадаться, что и в каких выражениях было бы сказано.

Инерция умолчания оказалась однако столь сильной, что и в эпоху гласности, и потом, да и сегодня, отечественная литературная критика и филологическая наука продолжали и продолжают *не замечать* писателя Зиновьева. Лишь в 2013 году была защищена *первая* кандидатская диссертация! Обстоятельного очерка творчества до сих пор нет. Тем временем в Польше, например, вышла целая монография о Зиновьеве, написанная авторитетным исследователем из Кракова профессором Люцианом Суханеком. Изучением творчества Зиновьева занимаются в Италии и Бразилии. Мы по-прежнему нелюбопытны.

Его жизнь после окончания университета не отличалась внешним разнообразием. Шла размеренно и ритмично. Регулярное посещение института. Еженедельные заседания сектора. Плановая работа. Написание и публикация статей, монографий. Отзывы, рецензии, оппонирование. Временами —

командировки. Лекции. Партсобрания. Профсобрания. Выпуск стенгазеты. День Советской армии. Международный женский день. Ленинский субботник. Первомайская демонстрация. Летом — отпуск с выездом на юг или на дачу. По осени — уборка урожая в подшефном совхозе. Празднование Октябрьской годовщины. В конце года — отчёт о проделанной работе. План на предстоящий год: «Регулярное посещение института. Еженедельные заседания сектора. Плановая работа. Написание и публикация статей, монографий. Отзывы, рецензии, оппонирование. Временами — командировки. Лекции. Партсобрания. Профсобрания. Выпуск стенгазеты. День Советской армии. Международный женский день. Ленинский субботник. Первомайская демонстрация. Летом — отпуск с выездом на юг или на дачу. По осени — уборка урожая в подшефном совхозе. Празднование Октябрьской годовщины. В конце года — отчёт о проделанной работе. План на предстоящий год: „Регулярное посещение института. Еженедельные заседания сектора. Плановая работа. Написание и публикация статей, монографий. Отзывы, рецензии, оппонирование. Временами — командировки. Лекции. Партсобрания. Профсобрания. Выпуск стенгазеты. День Советской армии. Международный женский день. Ленинский субботник. Первомайская демонстрация. Летом — отпуск с выездом на юг или на дачу. По осени — уборка урожая в подшефном совхозе. Празднование Октябрьской годовщины. В конце года — отчёт о проделанной работе. План на предстоящий год…“…»…

Каждый день — один и тот же маршрут.

Каждый день — одни и те же заботы.

Каждый день — одни и те же лица.

«Чуть свет ты вскакиваешь с кровати. Наспех одеваешь заспанного ребёнка. И торопишься отвести его в детский сад. И ты видишь, такой же человечек ведёт такого же ребёнка в такой же детский сад.

Схватив авоську, ты бежишь в магазин. И стоишь в очереди. И рядом с тобой стоит этот человечек. Человечек нервничает. Человечек опаздывает на работу. А продавщица работает медленно. Ей некуда спешить. Она на работе. Ей наплевать на работу. Ей всё равно. А без очереди лезут другие человечки. А того, что нужно человечку, здесь нет. И нужно бежать в другой магазин. И стоять в другой очереди.

Ты с трудом втискиваешься в вагон метро. И рядом с тобой протискивается тот же человечек. Он наступает тебе на ногу. Ты проскальзываешь на место, на которое он метил по праву первопробившегося.

Ты прибегаешь в своё учреждение. Перевешиваешь свой номерок. И рядом с тобой всё тот же человечек перевешивает свой номерок. И садится рядом с тобой за стол. И шуршит, как и ты, никому не нужными бумажками»[523].

И вот он стряхнул с себя весь этот морок. Сорвал со стены нарисованный очаг. Открыл потайную дверцу реальности. Календарь его будней сошёл с ума. Компас повседневности сбился с ориентира. Его жизнь зазвенела приключениями. Завертелась тайфуном событий.

Каждый день — новый маршрут.

Каждый день — новые заботы.

Каждый день — новые лица.

Поездки — по всей Европе, в Америку, Японию. Практически ежемесячно. Участие в международных симпозиумах и конгрессах. Выступления на презентациях — раз в квартал где-то обязательно выходит его книга. Без общения с журналистами не обходится ни одна неделя — интервью для газет, журналов, радио, телевидения. Каждый его шаг описан, каждое слово — зафиксировано. Отовсюду приходят письма и приглашения. Ольга писала семье Алексея Зиновьева в сентябре 1979 года: «„Из дальних странствий возвратясь“, мы обнаружили кучу дел, которые только руки потирают от удовольствия и предвкушения, как они на нас набросятся. Разгребаем всё методично. Самое большое и объёмное — это корреспонденция. Ею у нас всегда завалены все столы (наш Hausmeister — смотритель-управляющий-консьерж приносит её в наше отсутствие). Уже знаем часть предстоящих маршрутов на год, а сколько появится помимо этого, и предсказать трудно. Короче говоря — Фигаро здесь, Фигаро там! <…> Перед глазами стоят удивительной

красоты маршруты, которыми мы прошли в этом году. Если бы вам всё это показать, да не на фотографии и в кино, а наяву!.. <…> В свет уже вышло 19 наименований литературных книг А. А. (вместе с переводами, конечно). А есть ещё и логика, в которой он продолжает работать тоже»[524].

Вокруг него водят хоровод французы, итальянцы, швейцарцы, немцы, испанцы, голландцы, бельгийцы, датчане, норвежцы, поляки, сербы, австрийцы, русские, евреи. Премии, почётные звания, торжественные приёмы, фуршеты, цветы, почести, овации. Общение со звёздами мировой культуры — Феллини, Дюрренматт, Ростропович, Вишневская, Ашкенази, Беренбойм. Залы крупнейших мировых музеев. Сцены главных театров Европы. Книги любых писателей. Яркая, цветная…

… повседневность!

Да, да. Очень скоро все эти несомненные с точки зрения советского человека события превратились чуть ли не в рутину. Из праздника жизни — в обычную работу. Со своим календарём и регламентом. Сегодня — интервью французской газете, завтра — немецкому радио, послезавтра — бельгийскому телевидению. На той неделе — презентация в Италии. Через неделю — выступление на конгрессе в Австрии. В следующем месяце — турне по Скандинавии… интервью французской газете… немецкому радио… бельгийскому телевидению… презентация в Италии… выступление на конгрессе в Австрии… турне по Скандинавии… интервью газете… радио… телевидению… презентация… выступление… турне… интервью… презентация… выступление…

…презентация в Нью-Йорке американского издания романа «Зияющие высоты», выпущенного издательством «Random House»… выступление в Колумбийском университете… на обеде в Century Association Club… в Конгрессе США в Вашингтоне… (июль 1979-го)

…форум Национальной федерации менеджеров по закупкам FNAC (Fédération Nationale d’Achats des Cadres) в Париже… (сентябрь 1979-го)

…«круглый стол» в рамках специальной программы Франкфуртской международной книжной ярмарки в связи с выходом в свет немецкого издания романа «Светлое будущее», осуществлённого швейцарским издательством «Diogenes Verlag»… (октябрь 1979-го)

…съёмки документального телевизионного фильма «Les Nouveaux Seigneurs» в аббатстве Фонтено под Дижоном… (октябрь 1979-го)

…доклад «Восток и Запад» в «Доме Америки» в Мюнхене…

(декабрь 1979-го)

…лекция «Мораль, религия и коммунистическое общество» в Федеральной политехнической школе Лозанны (EPFL — École Polytechnique Fédérale de Lausanne) … (январь 1980-го)

…лекция «Западная Европа и Москва» в Высшей школе Сен-Галлен (Hochschule St. Galien)… (февраль 1980-го)

…международный философский симпозиум в университете Берна… (февраль 1980-го)

…презентация издания романа «Зияющие высоты» на испанском языке в Мадриде… (апрель 1980-го)

…конференция в поддержку Юрия Орлова в Париже… (апрель 1980-го)

…доклад «Логика, марксизм и советизм» в ассоциации выпускников Института политических исследований в Бордо (l'Institute d'Etudes Politiques de Bordeaux)… (апрель 1980-го)

…презентация французского издания романа «В преддверии рая» в Париже… (май 1980-го)

…творческая встреча с читателями в муниципальной библиотеке Payot в Лозанне… (октябрь 1980-го)

…турне по Норвегии в связи с выходом в издательстве «Dreyers» романа «Светлое будущее» на норвежском языке… пресс-конференция в Осло… запись интервью для норвежского телеканала «Аргус»… (ноябрь 1980-го)

…интервью на австрийском телеканале FS 2 в программе «Мир книг» («Welt des Büches») в Вене… (февраль 1981-го)

…участие в телепередаче Жоржа Сюффэра «Страсть к чтению» («La Rage de lire») на телеканале TF 1 в Париже… (25 марта 1981-го)

…презентация в Лондоне английского издания романа «Зияющие высоты», выпущенного в издательстве «Penguin»… торжественный обед специалистов по изучению советских проблем в Kensington Hotel… (апрель 1981-го)

…вернисаж выставки рисунков и картин А. Зиновьева в галерее «Plexus» в Шебре, в Швейцарии… (май 1981-го)

…публичная лекция «Литература в столкновении с идеологией» в городском театре Веве в Швейцарии… (май 1981-го)

…автограф-сессия в галерее Melisa в Лозанне… (май 1981-го)

…«круглый стол» о советской идеологии в рамках программы «Современные писатели» в Федеральной высшей технической школе в Цюрихе (ETH Zürich)… (июль 1981-го) …«круглый стол» «Великий конфликт: свобода и рабство» в рамках программы международного форума «Meeting'81 „L'Europa dei popoli e delle culture"» («Встреча'81: Европа народов и культур») в Римини…

(август 1981-го)

…доклад «Требование свободы в СССР» на XXVIII Международной встрече «L'exigence d'égalité»(«Требование равенства») в Женеве… (сентябрь 1981-го)

…презентация издания романа «Зияющие высоты» на голландском языке в Амстердаме… (октябрь 1981-го) … публичные лекции в Базеле… (октябрь 1981-го)

…лекционное турне по Дании и Швеции, выступления в университетах Аархуса, Оденсе, Копенгагена, Упсалы и Стокгольма… (ноябрь 1981-го)

…публичная лекция «Ответственность и безответственность перед историей» в Академии наук в Вене… (январь 1982-го)

…презентация французского издания романа «Жёлтый дом» в Центральной городской библиотеке в Ла-Рошель… в Centre culturel de la Daurade в Тулузе… в книжном магазине «Pop culture et le parvis» в По… (июнь 1982-го)

…торжественная церемония награждения премией Алексиса де Токвиля в ратуше города Волон в Нормандии… (1 июля 1982-го)

…турне с публичными лекциями по Шотландии… (сентябрь 1982-го)

…лекционное турне по университетам США, выступления в университетах Стенфорда, Миннеаполиса, Университете штата Огайо… (ноябрь 1982-го).

В этой сутолоке мира день ото дня нарастало чувство безмерного одиночества.

«Здесь я живу комфортно, я могу путешествовать, я могу разговаривать с людьми, — говорил Зиновьев Чарлзу Дженсону во время поездки в Шотландию. — Я рад разговаривать с вами. Но я совершенно изолирован: я одинок в моей работе. Мне шестьдесят лет. Я русский крестьянин. Советский Союз — мой дом. Потерять свой дом — ужасное наказание. Я как выброшенная на берег рыба»[525].

«Люди проявляли ко мне любопытство и деловой интерес, — пишет Зиновьев в „Исповеди отщепенца“. — Но я был для них чужим человеком. Люди появлялись около меня на короткое время, общение ограничивалось словами, обедами, рукопожатиями, аплодисментами. Никакой близости не возникало. <…> К тому же в абсолютной массе времени я вообще находился даже в физическом одиночестве. В сутках 24 часа. Если даже взять день, насыщенный делами и встречами, то до 20 часов я был предоставлен самому себе. Я утратил способность спать или в лучшем случае спал 2–4 часа. Так что

время тянулось бесконечно долго»[526]. А самое главное, у него не было равного интеллектуального партнёра. Восторги и восхищение публики тешили самолюбие, но были бесплодны и никчёмны. Для полнокровной жизни ему нужен был тот, кто мог бы вести с ним диалог. Не спорить и критиковать, но обсуждать, развивать, думать. «В моих выступлениях, в разговорах с людьми и даже в сочинениях я вынуждался так или иначе опускаться ниже того уровня, на какой был способен. Я был подобен певцу с сильным голосом, вынужденному петь шёпотом, подобен бегуну, способному бежать со скоростью коня, а вынужденному ползти как черепаха, подобен силачу, способному поднять тонну, а поднимающему спички или иголки»[527].

В эмиграции Зиновьев напишет маслом большой «Автопортрет». Это портрет страдания и боли. Портрет терпения и воли. Портрет мужества. Портрет борьбы. Всё в нём — каждая линия, каждый цвет — находятся в колоссальном напряжении. Кажется, если бы это было написано на холсте, он порвался бы, не выдержав экспрессии образов. Основа фона — чёрная. В центре, раздвигая мрак и тьму, — белое лицо-маска, охваченное руками. Как в минуты предельной концентрации, когда человек, точно пытаясь физически овладеть мыслью, сжимает лоб. Как в порыве отчаяния, в момент осознания горькой истины, необратимости свершившегося и безысходности. Но здесь что-то другое. Сродное, но иное. Здесь пальцы рук, заострённые, когтистые, не сжимают, но буквально раздирают чело, впиваются в плоть. Проникают в черепную коробку. Через глубокие борозды морщин. В чёрные проёмы глазниц. Эти руки, точнее — кисти рук, точнее — пальцы-когти вырастают из какой-то восставшей из бездн тягучей белёсой субстанции с голубыми пятнами, похожими на чешую архаичной рептилии. Дракона? Или то вздыбленная волна цунами, перекрученная пенными гребнями? Чем дольше вглядываешься в этот образ, тем яснее проступает его содержание. Это вовсе не руки, пальцы, когти… Это — мысли. И не они *вцепились* в лоб. А они *из него* исходят. Как сгущённые электрические потоки, преобразуя вещество мира. Не случайно сзади проступают красные и голубые сполохи, некое небесное сияние, острыми лучами встающее над кипящей и волнующейся материей. Перед нами лик Творца в момент Его первого творческого усилия: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1: 1–3). Именно эту грозную и торжественную минуту творения запечатлела кисть Зиновьева. Его «Автопортрет» — его Откровение. Его космогония и онтология. Творчество — это борьба духа и тьмы. Это одоление

мрака и безвидности. Это — прозревание. Прозрение. Процесс, направленный равно внутрь и вовне. Озаряющий Творца и Мир. Взаимно Их преображающий. Мучительно трудный и для Творца, и для Его творения.

«Автопортрет» стал своеобразным гербом Зиновьева. Он многократно публиковался на страницах газет и журналов. Этот раздираемый энергией творения, извергающий молнии смыслов лоб завораживал издателей и читателей. Пугал и притягивал. Фотографы неизменно стремились запечатлеть Зиновьева на фоне его «Автопортрета». Из этих снимков можно составить целую галерею! Она расскажет о многом. О том, что невыразимо словами.

Он привык работать. Он любил работать. Он умел работать.

Писал обычно по утрам. Ежедневно. Практически без черновиков. От руки. Планы очередных глав и частей обдумывал накануне, во время регулярных прогулок в Английском парке или на других маршрутах — на ходу (почти на бегу!) мысль собиралась точнее, в скором ритме шагов рождались её динамика, выразительность, упругость. Некоторые фрагменты проговаривал во время бесед и лекций — практика устной апробации идей и сюжетов, сложившаяся ещё в студенческие годы, хотя и уступала в качестве и интенсивности московским разговорам, по-прежнему оставалась актуальным элементом творческого процесса. Как-то его спросили о «творческой лаборатории». Он ответил: «Никакой „творческой лаборатории“ у меня нет. Думаю постоянно. Импровизирую в разговорах с людьми и в публичных выступлениях. Записываю, когда выкраиваю для этого более или менее свободное время. Работаю хаотично. Главное — работаю, причём — всё время. И даже порою во сне. Различать, когда хорошо, а когда плохо работается, не могу. И не делаю этого»[528].

Писал быстро и много, удивляя, а порой раздражая критиков, чем, впрочем, не сильно смущался. Каждая его новая книга — это развитие, уточнение, дополнение социального анализа, предпринятого им в предыдущих произведениях. Заканчивая очередную работу, он уже видел контуры следующей, её тематику и предмет. Слово «работа» здесь как нельзя кстати, хотя речь и идет о литературном творчестве. Но именно это понятие объясняет масштабность и известного рода тотальность писательского наследия Зиновьева. В самом его подходе к литературному труду чувствуются академическая выучка, добросовестность и обстоятельность учёного, умеющего видеть проблему комплексно, находящегося в постоянном поиске.

Меняются области художественного исследования, материал, его качество и объём, но неизменным остаётся метод. Всё подаётся сквозь призму социологического жанра, который образует органическое единство художественного мира. Этой внутренней сосредоточенностью объясняются *непрерывность* и творческая активность Зиновьева на протяжении многих лет.

Написанные им во время «московского сидения» в 1977 году заготовки к роману, которые он в ожидании ареста срочно переправил на Запад, несмотря на просьбу печатать их только в крайнем случае, тем не менее были подготовлены Дмитриевичем к изданию. Может быть, он на самом деле переживал за судьбу своего автора, а может быть, им двигали понятный издательский азарт и чувство рыночной конъюнктуры. Как бы то ни было, Зиновьев, по сути, оказался поставлен перед фактом: деньги на набор и создание макета затрачены, их нужно как-то возмещать. Ему ничего не оставалось делать, как дать согласие на публикацию. Этот недороман, к которому он сам относился как к своеобразному литературному архиву, увидел свет в августе 1979-го под названием «В преддверии рая».

Главной темой книги стало художественное исследование различных форм инакомыслия в коммунистическом обществе. Зиновьев не ограничивается изображением деятельности только «профессиональных» борцов с идеологической диктатурой. Он даёт широкую панораму духовного сопротивления идейному насилию. Показывает корни этого явления. Инакомыслие в коммунистическом обществе, утверждает Зиновьев, порождается самой природой этого общества, представляет собой неизбежный и обязательный компонент его существования. Оно входит в структуру сознания каждого индивида, обнаруживая себя самым разным способом, в зависимости от образовательного уровня и личностного темперамента. Слухи, «антисоветские разговоры», бытовое скоморошество, анекдоты, неподцензурные стихи, личные дневники, сны, альтернативные программы и учения, «самиздат», «тамиздат» — всё это тщательно собрано и зафиксировано писателем. Это одна из самых автобиографичных книг Зиновьева. В неё вошёл весь многообразный опыт его личного интеллектуального противостояния — от армейских проказ и шуток, карикатур в стенгазетах и эпиграмм до истории создания «Зияющих высот» и общения с представителями советского диссидентства.

Показаны и способы борьбы коммунистического государства со своими оппонентами. Для каждого уровня свой манер. Для одних достаточно массированной пропаганды, для других требуются специальные меры воздействия — принудительное

лечение в психиатрической больнице, уголовное преследование, физическое насилие. Эффективным средством является откровенное спаивание населения, ведущее к его умственной и физической деградации. Есть и фантастические средства. Например, профилактический препарат «лоялин». Или лечебно-оздоровительные учреждения «сознатории», где исправляют дефекты сознательности.

Но Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы только каталогизировал собранный материал и предал его огласке. Он вскрывает внутренние связи коммунистической идеосферы и обнаруживает её функциональный парадокс. За редким исключением, все инакомыслящие с готовностью подчиняются диктатуре идеологии, участвуют в мероприятиях, её укрепляющих, осуждают и борются с инакомыслием. В то же время охранители часто становятся самыми острыми критиками системы, более того, осуществляют деятельность, направленную на её дискредитацию. Идёт какая-то саморазрушительная и одновременно самосозидательная деятельность, образующая устойчивую трясину коммунистической коммунальности. Стоит одной из тенденций возобладать, как система рухнет и придавит собой всех. Инстинкт социального самосохранения диктует обеим сторонам соблюдать меру и излишне не усердствовать. Борьба — лишь видимость. Инакомыслие столь же ущербно, как и верноподданичество. И столь же плодотворно. И то и другое порождены одним источником, которым питаются и живут, — идеологией, марксизмом-ленинизмом, и потому в равной степени ему служат, оправдывают и поддерживают его. Преодолеть парадокс внутри системы невозможно.

Сюжет книги строится вокруг создания некоего секретного Института Системных Исследований (ИСИ), задача которого, изучив умонастроения людей самых различных социальных групп и категорий, разобраться с феноменом инакомыслия, дать объективную картину, выработать адекватные методы противодействия и предотвращения. Для создания ИСИ привлечены гигантские финансовые, экономические и человеческие ресурсы. В его работе задействовано множество сотрудников. Читателю предлагается своеобразный архив этого учреждения — десятки исповедей и признаний. Sapienti sat. Но не всё так очевидно. ИСИ не способен справиться с полученным материалом, проанализировать и представить его соответствующим образом. Этому препятствует его изначальная идеологическая ангажированность. Поставленные перед ним задачи противоречат самой природе коммунистического общества, которое боится правды как огня, срамно прикрывая

безобразие подлинной жизни красочной фразеологией мечты. Ведь самое опасное инакомыслие в этом обществе — это знание реальности. Точнее — *признание реальности.* Отказ от фантомов. От идеологического самообмана. Миссия ИСИ невыполнима по определению.

По ходу развития событий ИСИ «перепрофилируется», становясь всего лишь *поводом* банальной провокации органов госбезопасности (ОГБ) против группы некоего комитета гласности (КГ), состоящей из нескольких человек. Вся деятельность ИСИ оборачивается громоздким, но малоэффективным пропагандистским шоу.

«Сразу же после того, как Комитет Гласности опубликовал материалы о деятельности ИСИ, последовало правительственное заявление о том, что эти „материалы“ — нелепый вымысел и клевета. Всем желающим было предложено посетить территорию, указанную в „материалах“, на которой строится психиатрическая лечебница. И она совсем не такова, как говорится в „материалах“. Скоро лечебница вступит частично в строй. Правительство Страны готово допустить любую международную комиссию, желающую ознакомиться с диспансером и методами лечения, которые тут будут применяться. Членам Комитета Гласности было предъявлено обвинение в заведомой клевете на социальный и политический строй Страны, а также на целую группу видных учёных и государственных деятелей. Чтобы облегчить ход следствия и соблюсти строгую законность, все члены Комитета и связанные с ними лица были арестованы. Было объявлено, что процесс будет открытым и даже будет транслироваться по телевидению, что неопровержимо установлены связи Комитета с разведками различных западных государств, которым члены КГ регулярно поставляли секретные сведения. Все понимали, что вся эта история — липа. Но придраться было не к чему. В Стране сообщение об аресте деятелей КГ не произвело почти никакого впечатления, за исключением тех кругов, с которыми члены КГ соприкасались лично. А на Западе стали ждать исхода дела просто с любопытством. Страстей не было. Но история с КГ породила новый, нежелательный и неуправляемый, процесс, в котором сосредоточилось всё недовольство, накопленное обществом за прошедшие годы. История с КГ давала опору и притяжение, повод для обобщения, всё возрастающую пищу для размышлений и глухих разговоров. Основное направление умов выражалось простой формулой: Они там с этими смутьянами е……, а тут бардак везде и жрать нечего!»[529]

Несоответствие затрат на создание ИСИ и результатов его деятельности свидетельствует о неготовности системы к

саморефлексии, указывает на глубинный её кризис, от способности преодолеть который зависит дальнейшая судьба коммунистического социального эксперимента: наступит ли обещанный рай на земле или всё так и закончится в его «преддверии».

Прогноз Зиновьева пессимистичен. «По ночному городу идёт человек, — заканчивает он историю. — Как тут всё нелепо, думает человек. Наблюдение этого спектакля позволяет сделать грандиозные выводы. Но они имеют ничтожно малые приложения. А пустяшные мысли активных участников спектакля имеют эпохальные последствия. Зачем думать?! Гармония тут достигается лишь ценой многих лет дисгармонии. И достигается лишь затем, чтобы дать пищу для очередного спектакля. Какой же спектакль на очереди? А какое это имеет значение? Главное — не надо стремиться проводить чёткую грань между призрачным и реальным. История есть не столько история реальных людей, сколько история шизофренических призраков. Те призраки, с которыми мы имеем дело, гораздо реальнее житейской суеты.

Люди ничтожны и преходящи.

Призраки огромны и вечны.

Призраки правят людьми…»[530]

На обложке, как всегда, ёмкая визуальная метафора. Карикатура. У подножия золотого постамента, возносящего в серое поднебесье завешанное орденами и медалями позолоченное брюхо очередного заибана, толкутся меж чахлых цветов три синюшные фигуры дружков-алконавтов. Тот, что справа, в шляпе, с папочкой под мышкой, «интеллигент», приладился справить малую нужду, бойкой струёй орошает клумбу. Который слева, в вязаной шапочке с помпоном, сигаретка в руках, присел на корточки — то ли просто устал, то ли тужится отметить своё присутствие в мире чем-то основательным. Центральный, в беретике, из кармана бутыль высовывается, выписывает на постаменте классическую формулу из трёх «неизвестных» — успел пока только «икс» да «игрек» начертать, о третьей букве гадать не приходится. На горизонте высятся, точно Кремлёвская стена, красные многоэтажки города. Народ и партия едины. За что боролись, на то и напоролись. Памятник заибану имеет недвусмысленный фаллический вид.

В течение 1979 года он дописывает «Жёлтый дом». Это первый роман, над которым он работает в спокойной обстановке. Не оглядываясь по сторонам, не прячась, продумывая сюжетные линии и композицию. В итоге получаются целых два тома по четыреста страниц мелкого шрифта каждый. Роман сложный и

стройный, как симфония. В нём развиваются и более обстоятельно исследуются темы, заявленные в «Зияющих высотах» и «Светлом будущем» — о природе советского общества, о роли идеологии, об отношениях индивида и коллектива, о структуре власти и её социальной базе, об истории, о религии, о терроризме как форме социального протеста, о сексе и многом другом. Если использовать растительную метафору, то можно сказать, что «Зияющие высоты» — это мощный ствол всего творчества Зиновьева, «Светлое будущее» — могучая ветвь его, а «Жёлтый дом» — многочисленные ответвления и пёстрая листва на ней. Он — один из самых рафинированных по форме среди всех его романов. И, в силу этой своей утончённости, не до конца оценённый.

В нём опять очень много автобиографического материала — из институтской жизни. Много узнаваемых (в своём кругу) лиц, ситуаций, сцен. Может показаться, что Зиновьев продолжает «сводить счёты» со своими бывшими коллегами. Он, конечно, не отказал себе в удовольствии выставить кое-кого в карикатурном виде. Но какие могли быть счёты? Западный читатель никого и не знал особенно, советского читателя у книги не предполагалось (да и советский читатель, надо признаться, мало кого бы узнал, не зная прототипов), а писать сотни страниц для того, чтобы позлить нескольких человек из института — палить из пушки по воробьям. Это не его масштаб. Институт остался в прошлом. И не только в прошлом. В ином мире. В Ибанске. Он перестал быть для него живым настоящим. Превратился в жизненный материал. Натуру. Ещё в Москве, когда он начал писать «Жёлтый дом». И тем более здесь, на Западе. Сука Тваржинская не потому так отвратительна и зловеща, что в основе её образа лежит личность реальной Елены Дмитриевны Морджинской, доктора философских наук, заведующей сектором научного коммунизма Института философии АН СССР, демагога и сталинистки, чуть ли не действующей сотрудницы КГБ, а потому, что она представляет собой особый социальный тип — идеологического надсмотрщика и партийного инквизитора. Видеть в «Жёлтом доме» просто сатиру на Институт философии всё равно что читать «Божественную комедию» Данте как только политический памфлет на события гражданских междоусобиц во Флоренции тринадцатого века.

Сюжетную линию романа составляет история молодого человека — младшего научного сотрудника без степени, — пытающегося интегрироваться в рабочий коллектив советского учреждения, сохранив при этом свою личностную независимость и индивидуальность. Но это невозможно. Попытка обречена. Он

становится отщепенцем, хотя, как и все, готов идти на компромисс, вписываться в систему. Он не бунтарь, не диссидент, не лидер. Он только пытается отстоять свою индивидуальность. Не более. Но этого достаточно, чтобы войти в непреодолимый конфликт с коллективом. Сюжет для Зиновьева личный, больной, неотвязный. Но, конечно, только им содержание романа не исчерпывается. Он — нерв, оживляющий художественную плоть книги.

«Жёлтый дом» — ироническая сага о советской интеллигенции. Зиновьев с новой задачей и с новой точки зрения осматривает социальную материю советского общества. Он выявляет специфику советской интеллигенции как интеллигенции особого типа, именно — *народной* интеллигенции. Интеллигенции в первом поколении, получившей доступ к знаниям, к информации, к культурным практикам и кодам, но не утратившей социальных инстинктов иных социальных групп: городского мещанства, служащих (чиновничества), крестьянства, пролетариата. Солженицын назвал этот класс «образованщиной». Зиновьев даёт детальный портрет его, справедливо полагая, что именно он, а не пролетариат, как утверждает марксизм-ленинизм, составляет главную опору реального коммунистического общества — общества, основанного на идеологии.

Парадокс социального статуса советской интеллигенции состоит в том, что она, будучи народной (в том смысле, о котором сказано выше), сама себя таковой видеть не желает, да и народ, породивший её, относится к ней двойственно, признавая и презирая её одновременно. Сформулирован он, как всегда у Зиновьева, остро и зло: «Народ воспринимает интеллигенцию как свою собственную часть („такое же дерьмо, как и мы“), стремящуюся устроиться жить как начальство („ишь, чего захотели“). Народ уважает интеллигенцию, так как это — почти что начальство, но презирает её, так как это — вовсе не начальство»[531]. Да, драма советского интеллигента и всей страты в целом в том, что они отравлены идеей властвования. Осознавая, что без их участия, одним насилием, власть («начальство») долго не удержится, они оскорблены тем, что власть («начальство») использует (эксплуатирует) их интеллектуальный потенциал, делясь лишь скудной частью своих привилегий и бонусов. Советская интеллигенция — инструмент в руках «начальства». Это её унижает, но она готова сносить это унижение, потому как больше всего боится, что «начальство» выпустит инструмент из своих рук, найдёт замену. За тепло, идущее от рук «начальства», советская интеллигенция готова

отдать всё. Отщепенцы — не в счёт.

Зиновьев уделяет специальное внимание проблеме власти и её организации в советском обществе. Через всю книгу проходит тема взаимодействия народа, интеллигенции и «начальства», их сотрудничества и противостояния. Он тщательно исследует феномен вождей Советского государства (не только на высшем посту, но в принципе), пытается объяснить, как, на основе чего рождается политический успех того или иного лидера, в чём его слабости, какой социальный механизм стоит за конкретной личностью советского руководителя, почему ничтожные в человеческом отношении фигуры вдруг оказываются во главе руководства (учреждением, регионом, страной) и более или менее успешно справляются с задачами власти. Почему «начальство есть некая высшая форма существования материи»[532]? На какие-то свои вопросы он находит удовлетворительные ответы, что-то остаётся непознанным, требующим дальнейшего анализа.

В ходе своих интеллектуальных экспериментов Зиновьев пытается реконструировать социальные механизмы русской революции. Одна из самых выразительных сюжетных линий в романе — художественно-социологический очерк «Сталин». Зиновьев не ставит перед собой задачу воссоздать исторический или психологический облик Сталина. Его Сталин — не исторический персонаж, хотя и действует в конкретных декорациях реальной биографии Сталина. Он — персонаж социологический. Зиновьев реконструирует логику социального поведения личности, оказывающейся у кормила власти в обстоятельствах социальной революции. Её путь наверх.

Исторический Сталин — личность индивидуальная, достигшая абсолютной вершины в силу многих и самых разных конкретно-исторических причин, событий, поступков. Но он вовсе не уникален с точки зрения социологической, утверждает Зиновьев. На этом месте мог оказаться любой другой представитель данного социального типа поведения, если бы случилась возможность. Уникальность исторического Сталина только в том, что высшее властное место в Советской России оказалось одно. Но властных мест рангом пониже были сотни и тысячи. Сотни тысяч — от секретаря сельсовета и начальника скотного двора до члена ЦИКа и Политбюро. Их заняли такие же социологические «Сталины» — революционные бюрократы, профессиональные функционеры, оседлавшие коммунистическую идею, превратившие научную (или псевдонаучную) гипотезу Маркса в действующую идеологию. Они поддерживали исторического Сталина и беззаветно служили ему именного

потому, что чувствовали своё кровное социальное родство с ним, видели в нём «своего», понимали с полуслова и принимали безоговорочно его милость и гнев, ибо это были их собственные гнев и милость, их собственные слова. Сталин, убеждён Зиновьев, характерная и типичная фигура для эпохи становления коммунистического строя. Не исторический Сталин захватил власть, а социологические «сталины» установили в стране свою диктатуру — сталинизм, и выдвинули-поддержали-отстояли своего представителя на высшем политическом уровне.

Одновременно с социологической точки зрения рассматривается и объясняется историческое поражение таких харизматичных фигур, как Ленин, Троцкий, Бухарин и другие более мелкие «вожди революции», для которых Коба-Джугашвили — всего лишь недалёкий и мелочный бюрократ, объект непрестанных насмешек. Социологический тип профессиональных революционеров, организаторов протестного движения, *разрушителей* политического порядка, чья роль была исключительно важна в период подготовки революции и первых её месяцев, в период *строительства* новой государственности проиграл конкурентную борьбу социологическим «Сталиным», и не только оказался не у дел, но стал препятствием, тормозом развития. И был справедливо (с точки зрения социальной борьбы) уничтожен. По тому же сценарию, который разыгрывается Зиновьевым в Горках в 1924 году:

«Сталин: Я привёз Вам решение Политбюро ЦК удовлетворить Вашу просьбу относительно яда.

Ленин (растерянно): Но эта просьба устарела. Я чувствую себя прекрасно и через несколько дней готов приступить к исполнению своих обязанностей.

Сталин: Это нам известно. Но дело не в этом. Решение в Политбюро ЦК принято единогласно, и оно должно быть неукоснительно выполнено. Этого требуют интересы революции.

Ленин (испуганно): Вы хотите сказать, что…

Сталин: Вот именно! Дорогой Учитель, будем говорить начистоту. Ваша роль в революции и в истории человечества вообще огромна, и я преклоняюсь перед Вами, как перед Богом. И я клянусь Вам, я заставлю всех людей относиться к Вам как к Богу. Но для этого Вам надо умереть.

Ленин (в ужасе): Да Вы в своём уме?! Вы отдаете себе отчёт в том, что…

Сталин: Вполне. Мёртвый Ленин важнее для революции, чем живой. Живой Ленин — один из демагогов, утративших чувство реальности, не понимающих того, что революция закончена и на место трескучей фразы должна прийти прозаическая будничная

работа. Мёртвый Ленин — единственный, возвышающийся над всеми, бесконечно мудрый, всё понимающий, всё предвидевший. Дорогой Учитель, в стране давно наступила новая эпоха. Народ по горло сыт революцией. Ваша роль сыграна. Повторяю, роль великая. Но она уже сыграна. Пора покинуть сцену и уступить её другим актёрам. А Вы в последние годы ведёте себя как актёр в плохом провинциальном театре, который, сыграв свою роль, вообразил себя незаменимым, не хочет уходить со сцены, учит других актёров, как нужно играть, и даже зрителей учит, как надо смотреть эту дурацкую игру. Партия не может больше допускать это. И потому…

Ленин (подбегая к двери и пытаясь открыть её): Это — контрреволюционный переворот! Немедленно в Кремль! Немедленно собрать всех членов ЦК!..

Сталин: Поздно! Прощайте, дорогой Учитель! Клянусь Вам, Ваше имя будет жить и сиять вечно.

Сталин покидает кабинет Ленина. Ленин пытается выскочить вслед, но два чекиста вталкивают его обратно. Дверь закрывается»[533].

В этой сцене, как и во всём очерке Зиновьева, нет ни капли исторической правды, но именно так всё и было в пространстве социологической действительности. По своей художественной убедительности и мощи зиновьевский очерк стоит в одном ряду со «сталинскими главами» из романа Солженицына «В круге первом». Интересно было бы увидеть два этих текста под одной обложкой.

Своеобразным народным двойником Сталина выступает в романе партийная дама — секретарь горкома по сельскому хозяйству Мао Дзе-Дунька (этот персонаж будет впоследствии неоднократно появляться на страницах книг Зиновьева и упокоится навеки только на страницах «Катастройки»). Малограмотная, резкая, хамоватая, добившаяся своего видного положения за счёт угодливых женских прелестей, она мало чем походит на «отца народов», но, дура дурой, она поняла главное в его политике — идея важнее реальности, и смело с тем руководит.

«— Что нам климат?! И не такое видали! Выдюжим! — уверена она. — Помните, мужики (это — к бабам), как моркву из-под снега пальцами голыми выкапывали?

— Так ведь морква-то всё равно пропала!..

— Эх, вы, а ещё политически грамотные (это — нам)! Интеллигенция! Думаете, нам морква — главное? Нам трудовой подъём — главное. Готовность преодолевать трудности!.. А вы — морква погибла!..»[534]

И народ с ней согласен. Не лично с Евдокией Тимофеевной, а с воплощённой в ней коммунистической идеологией, которая давно уже стала для всех советских людей знаком власти, игнорировать который, тем паче, отвергать — себе дороже. Советский народ «присягнул» коммунистической идеологии и не думает от неё отступаться, констатирует Зиновьев. Воспитанный страхом перед ней, он теперь даже и полюбил свой жупел. Верит в него и блюдёт его сохранность. Мао Дзе-Дунька — полноценный продукт сталинизма, плоть от плоти *советского народа.* «Над ней подшучивают, но беззлобно. Её скорее любят, чем ненавидят, ибо она тут своя. Она тут родилась и выросла. Тут сделала головокружительную по местным масштабам карьеру. Тут она и умрёт, и её именем назовут колхоз, в котором она родилась и в котором живут ещё её родственники»[535].

Олицетворением народной веры и правды в романе выступает простая баба Матрёнадура, хозяйка двора, на постой к которой определена бригада институтских работников, выехавшая на работы в колхоз для сбора урожая. Персонаж, полемически заострённый против солженицынской концепции «праведничества», сохраняющегося якобы, вопреки революционным преобразованиям в стране, в исконной русской деревне. Зиновьев с этим категорически не согласен:

«Матрёна — это её собственное имя, а дура — это роль, которую она играет в обществе. Играет вполне успешно. Она так много лет играла её, что на самом деле стала непроходимой дурой и вместе с тем ужасающе хитрой и ноюще-добро-злобной тварью. Потому её и зовут все Дурой. А поскольку все прочие жители деревни считают себя дураками, к её родовому имени Дура прибавляют её видовое отличие Матрёна. Но и это ещё не всё. Матрён в округе — пруд пруди. И все они, естественно, дуры. Поэтому, когда возникает путаница, жители говорят про нашу Матрёну, что это — та самая, наблюдая которую Великий Писатель возымел надежду, что именно она спасёт нашу Матушку-Россию. От кого спасёт? Для чего спасёт? Какую Россию? Живо воображаю себе такую сценку. Матрёна крутится у печки. Писатель с восторгом смотрит на неё и умоляет её спасти Россию. Пошёл ты на … со своей Россией, — говорит она в ответ. — У меня тут из-за твоей болтовни молоко убежало.

Не берусь судить насчёт будущего, но пока эта Матрёна со слезами восторга и умиления реагировала на изгнание Великого Писателя из России и рассказывала о нём представителям Органов Госбезопасности такое, чего не мог бы вообразить он сам. В частности, она сообщила, что Писатель вёл себя неправильно, когда ходил на двор (на её, Матрёнин двор!), и

никогда не признавался в этом. Отмечаю в этой связи первое качество „простого народа“: готовность оказать услугу всякому, кто у него её попросит. Если, конечно, просящий есть превосходящая его сила. <…>

Матрёнадура воплощает в себе все лучшие черты советского народа, и прежде всего — его верность идеалам и несокрушимую принципиальность. А последняя для неё выражалась в чёткой марксистской формулировке: кому давала, тому и подпевала. Когда она спит с Комиссаром, она целиком и полностью поддерживает генеральную линию партии, осуждает диссидентов, евреев и китайцев, поддерживает коммунистов Чили и Эфиопии и верит в то, что у нас самый высокий жизненный уровень на Земле. Когда она спит с кем-нибудь из нашей молодёжи, она сама становится оголтелым диссидентом, поносит высшее руководство, хвалит американского президента и Израиль, осуждает арабов, негров и китайцев (китайцев она осуждает при всех обстоятельствах). Оставшиеся ночи она отдыхает, т. е. храпит на всю деревню, проявляя полное равнодушие ко всему на свете, кроме своего крошечного хозяйства. За последнее она готова пожертвовать всем на свете — марксизмом, партией и правительством, диссидентами, американским президентом, неграми, евреями, арабами и китайцами. Упомянутыми народами она готова пожертвовать и без своего хозяйства, просто так, по доброте душевной и из чувства справедливости»[536].

Матрёнадура и Мао Дзе-Дунька «правят бал» в «жёлтом доме» советской реальности. На свой трудный женский лад. Они пашут, сеют, строят, кормят, поят, родят и воспитывают. Любят, верят, надеются. Не такие уж они и дуры. Зиновьев не берётся их осуждать, но и не намерен боготворить их. Его социологическая «деревенская проза» лишена сантиментов. Она точна и безжалостна. Ко всем.

Матрёнадура и Мао Дзе-Дунька — народ и партия — «сиамские близнецы», вышедшие из чрева русской революции. Уродливые, несчастные, живучие. Расчленённые скальпелем марксизма-ленинизма, но остающиеся единым организмом. Они друг друга в обиду не дадут. С ними нужно быть начеку.

«Жёлтый дом» — «авантюрный» социологический роман. Его герой проходит через многочисленные социальные испытания, проникает в разные социальные круги, общается со множеством лиц, выслушивает огромное количество монологов, сам сочиняет воображаемые сцены и реплики, делится своими размышлениями, гипотезами, догадками. Вместе с ним читатель открывает новые стороны советского универсума. В соответствии с разработанным им методом восхождения Зиновьев продолжает конкретизацию

исследуемого объекта. При этом, как всегда, используя самые разнообразные средства — повествование, теоретическое рассуждение, лирическую зарисовку, карикатуру, анекдот, фантасмагорию, текст-«персонаж». И, конечно, фирменную зиновьевскую афористику, которая одна могла бы составить целый том.

Внимательные читатели Зиновьева, следившие за его творчеством, в скором времени «разгадали» главный пафос писателя-мыслителя. Его книги были невероятно смешны и остроумны, но самому ему было не до смеха, да и остроумие его направлено не на потеху и зубоскальство. Он серьёзен. Он очень серьёзен. Его интересует не внешняя сторона жизни советских людей, выглядящая порой абсурдно, порой комически, порой просто балаганно. Его интересует социальная сущность установившегося в Советском Союзе общественно-политического строя. И то, что он предлагает читателям в «теоретических» главах своих книг, может и должно составить содержание отдельного специализированного сочинения.

В результате многочисленных разговоров, обсуждений, интервью, писем родился *читательский заказ* на книгу, в которой теоретическое осмысление исторического опыта советских людей было бы представлено полно, последовательно и системно. Его неоднократно просили собрать в целое те главы социологического трактата о коммунистическом обществе, которые разбросаны по страницам «Зияющих высот», «Светлого будущего», «Записок ночного сторожа», «Жёлтого дома».

В своё время он отказался от идеи писать такую книгу, справедливо решив, что она не найдёт широкого читателя и останется предметом обсуждения лишь узкого круга заинтересованных специалистов. А заинтересованные специалисты были ему мало интересны. В их узком кругу он уже смог всё сказать и знал их реакцию. Он же всегда был сторонником того, что знание должно быть доступно всем, а не только специалистам. Тем более знание, связанное с повседневным образом жизни миллионов людей. Знание, от которого зависит, без преувеличения, судьба человечества. Он был убеждённым просветителем. И прирождённым проповедником. Тогда он написал роман, в который включил страницы научного трактата — своеобразную социологическую контрабанду. Он использовал этот приём и впредь, постепенно приучая читателя. Обучая его. Приручая. И вот теперь читатель — его читатель — массовый читатель — созрел для того, чтобы оставить в стороне условность художественного повествования и

вступить в пространство научного разговора. Теперь такую книгу от него ждали. Это был несомненный успех Зиновьева-мыслителя. Очевидная победа Зиновьева-писателя.

Когда издатель предложил подготовить рукопись, ему понадобилось всего две недели, чтобы придать своей многолетней работе завершённый облик. Большая часть её действительно к тому времени была уже написана, но нужно было выстроить композицию, отредактировать, дополнить, уточнить. Для него это не было формальностью. Процесс осмысления шёл непрерывно, не останавливаясь в однажды найденных формулах и оборотах, как бы удачны и точны они ни были. Мысль продолжала жить. Он работал с огромным воодушевлением, почти круглосуточно, как в дни «Зияющих высот». 21 марта 1980 года текст был готов. Книга называлась просто и ёмко — «Коммунизм как реальность».

В этом словосочетании заключено многое: предмет исследования, научная концепция, методология, тип дискурса. При внешней нейтральности и почти академической отстранённости название книги было для того времени (а для кого-то и до сих пор остаётся) настоящим вызовом. Официозным советским пропагандистам. Поборникам «научного коммунизма». «Советологам». Антикоммунистам. Историкам. Социологам. Всем. Широким читательским кругам в том числе. Коммунизм — вопреки расхожему мнению и установившейся идеологической догме — не отдалённое будущее человечества, не политическая теория, не миф, не «призрак», а — реальность, утверждал Зиновьев. «Коммунизм, — писал он в первых же строках, — в наше время предстаёт перед людьми уже не в виде отвлечённых идей и прекраснодушных обещаний, не в виде событий где-то на периферии цивилизации, а в виде привычного образа жизни для одних людей, в виде угрозы нападения со стороны могучих коммунистических государств — для других, в виде реальной перспективы внутреннего развития страны — для третьих»[537]. Коммунизм — историческая данность, предъявленная в практике Советского Союза и стран социалистического лагеря.

Реальный коммунизм существует уже более шестидесяти лет. Его история сложна и противоречива, очень динамична, интенсивна, обильна событиями и делами. Она омыта кровью миллионов жертв. Она вызывает ужас и удивление. Но она утверждает социальную состоятельность коммунизма, его востребованность и жизнестойкость. Она демонстрирует его социальную конкурентоспособность и силу. Шестидесятилетняя история коммунизма есть объективное свидетельство в пользу его реальности. Кто бы что ни говорил, какие бы оценки в адрес

коммунизма ни звучали, он состоялся, он есть, он смотрит в будущее. Задача в том, чтобы найти этому феномену научное объяснение. Не осудить, не восславить, но — понять.

При всей негативности своего личного отношения к реальному коммунизму, о чём недвусмысленно свидетельствовала авторская обложка книги — две крысы, вцепившиеся друг другу в горло, Зиновьев не собирался его разоблачать. Это не дело учёного. Он настаивает: «Понимание общества не есть его разоблачение. Разоблачение негативно, понимание же позитивно. Разоблачение действует на эмоции, понимание предназначено для разума. Разоблачение имеет своим врагом апологетику, понимание же — заблуждение. Разоблачение может стать врагом понимания не в меньшей мере, чем апологетика. <…> Апологетика имеет целью выделить в жизни общества то, что кажется добродетелью, преувеличить эти добродетели, преуменьшить или замолчать то, что кажется злом. Разоблачение же, наоборот, стремится обратить внимание на отрицательные явления жизни общества и преувеличить их, игнорируя или преуменьшая его достоинства. Понимание вовсе не означает некую среднюю линию, некие правильные пропорции положительного и отрицательного, добра и зла. Для понимания вообще не существует ни положительное, ни отрицательное. Для понимания существуют лишь объективные факты, объективные закономерности и тенденции. А как оценят эти явления сами участники жизни общества и посторонние наблюдатели в терминах добра и зла, это от понимания самого по себе не зависит»[538].

В этой установке тоже был вызов. Зиновьев на годы вперёд определил здесь своё кредо как социального исследователя и политического писателя. Такое простое и внятное, в условиях идеологической борьбы между Западом и советским Востоком, оно требовало большого мужества. Понимание — вещь серьёзная.

После вступительных глав, в которых Зиновьев оговаривает терминологию, чётко фиксируя объёмы основных понятий и категорий, и делает краткое введение в методологию исследования, в частности, объясняя метод восхождения от абстрактного к конкретному применительно к анализу социальных объектов, он далее последовательно, шаг за шагом описывает природу и структуру коммунистического типа взаимоотношений людей, характер возникающих между людьми связей, механизм осуществления этих связей, роль отдельных индивидов и коллектива в коммунистическом обществе, формы власти и их функции. Зиновьев, опираясь в своём исследовании на конкретный опыт Советского Союза, постоянно отвлекается от

частных форм проявления социальных законов, обращая внимание читателя и акцентируя именно фундаментальные основы коммунистического мироустройства. Не вдаваясь в конкретные подробности, он тем не менее тщательно (насколько это возможно) детализирует эти основы, избегая таким образом схематизма и недосказанности. Исключительно строгая и изящная по своей организации книга. При всей сложности предмета разговора она ясна и доступна каждому. «Коммунизм как реальность» — ещё одна творческая вершина Зиновьева.

Примечательно, что буквально в это же самое время появляется статья Солженицына «Коммунизм: у всех на виду — и не понят». Написанная в январе 1980 года статья была опубликована по-английски 18 февраля в журнале «Time», а спустя некоторое время по-русски в «Вестнике РХД» (№ 130)[539]. В более полном виде заявленные в этой статье тезисы были развёрнуты в тогда же написанной статье «Чем грозит Америке плохое понимание России».

Перекликаясь в некоторых пунктах, в частности, о стремлении коммунизма к мировой экспансии и грозящей в связи с этим угрозе Западному миру, в главном — в понимании природы и сущности коммунизма — концепции Солженицына и Зиновьева диаметрально расходятся. Для Солженицына коммунизм — некое бесовское наваждение, чуждая людям, человеконенавистническая идея, которая, как болезнь, поражает целые страны и народы и несёт им гибель. Он, «как инфекция в мировом организме: как бы она ни притаилась — она неизбежно ударит заражением. И не надо хвататься за иллюзии, что есть страны с иммунитетом против коммунизма: любая ныне свободная страна может быть доведена до обморока и полного подчинения»[540].

Под последними словами подписался бы и Зиновьев, однако для него в коммунизме нет ничего мистического или, напротив, искусственного. Он вполне закономерен и родился не в умах отвлечённых фантастов или злобных мизантропов, а происходит из самого факта человеческого общежития: «Коммунистические социальные отношения в той или иной мере и форме существовали и существуют в самых различных обществах с достаточно большим числом людей, вынужденных жить совместно, и со сложной системой хозяйства и управления. Они существуют и в странах Запада. Они существовали и в предреволюционной России. Но лишь в определённых условиях они могут стать господствующими и овладеть всем обществом. И тогда возникает специфически коммунистический тип общества»[541].

В своей статье Солженицын протестует против отождествления понятий «русский» и «советский», противопоставляя их друг другу: «применять первое ко второму — подобно тому как признать за убийцей одежду и паспорт убитого»[542]. Для Солженицына коммунистическая власть — результат насилия над Россией и русским народом. «Бездумное заблуждение — считать русских в СССР „правящей нацией“, — восклицает Солженицын. — Нет, они приняли на себя ещё от Ленина самый первый сокрушающий удар, положили ещё тогда миллионы мёртвых (да убитых по выбору, всех отменных), ещё прежде геноцидной коллективизации. Тогда же вся русская история была облита помоями, церковь и культура раздавлены, уничтожены духовенство, дворянство, купечество, за ними и крестьянство. <…> Русские — главная масса рабов этого государства. Русский народ изможден, биологически вырождается, его национальное сознание унижено, подавлено»[543].

Зиновьев считает, что нет смысла говорить о каком-то абстрактном коммунизме. Такого коммунизма нет вообще. Это досужие фантазии благодушных глупцов или политических демагогов. Есть вполне конкретное социально-историческое явление «русский коммунизм», которое хоть и выросло под влиянием марксистских идей, но вполне в соответствии с тем типом коммунальности, который сформировался в течение столетий именно в русском народе. Если бы он был чужеродным явлением, на чём настаивает Солженицын, он не удержался бы на арене мировой истории, не смог бы победить в мировой войне и претендовать на международную гегемонию. Миллионные жертвы, принесённые русским народом во имя коммунизма — в Гражданскую войну, в годы коллективизации и массового террора, — жертвы внутреннего конфликта, в котором одни русские истребляли других русских. Истребляли не по злой чуждой воле, а в *собственных интересах*. Закрывать на это глаза — значит отказываться от научного подхода к проблеме, от стремления понять правду русской революции. Впрочем, в книге Зиновьева этот аспект явно не акцентирован. Он скорее подразумевается и берётся как исходная данность. Однако в более поздних работах Зиновьев сформулирует эту свою позицию вполне определённо.

В книге Зиновьева нет прямой полемики с Солженицыным, но вся она есть как бы непосредственный ответ на упрёк — «и не понят».

Признание коммунизма как реальности, как объективной данности, как объекта научного исследования не означало

одновременного принятия его, в чём порой упрекали Зиновьева его критики. Его позиция была определённо антикоммунистической. Утверждая в конце книги тезис о том, что коммунизм победил и пришёл в жизнь человечества навсегда, став серьёзной альтернативой и вызовом западной цивилизации, Зиновьев призывает к активному противодействию и борьбе с ним: «От способности людей пойти на жертвы и изобрести средства самозащиты зависит судьба цивилизации. Здесь нет абсолютной предопределённости.

Коммунизм, как и любой другой тип общества, несёт с собою свои формы неравенства, неравноправия, несправедливости, эксплуатации одними людьми других. Но он несёт с собою и нечто гораздо более серьёзное: социальный отбор наиболее приспособляемых индивидов, подкрепляемый систематической идеологической обработкой населения, что имеет неизбежным результатом определённое направление социально-биологической эволюции человечества. Общество производит адекватных себе граждан, т. е. производит людей, которые способны жить лишь в обществе такого типа и которые своей обычной жизнью в свою очередь сохраняют породившее их целое. Поворот человечества к коммунизму есть не просто смена спектакля, разыгрываемого одними и теми же неизменными актёрами, но смена актёров, которым предстоит на новый лад переиграть старые спектакли и изобрести свои новые.

Теперь всё зависит лично от тебя самого, человек! Покажи, на что ты способен, венец творения!»[544]

«Коммунизм как реальность» вызвала новый всплеск интереса к Зиновьеву на Западе. В течение 1981 года одно за другим последовали французское, немецкое и итальянское издания книги, отдельные главы вышли в журналах в переводе на английский и голландский языки. Она окончательно утвердила авторитет Зиновьева как политического мыслителя. Его комментарии, суждения и оценки событий в СССР и до неё привлекали внимание западной общественности. Теперь же он стал для многих несомненным, а для кого-то и главным экспертом в области советологии. Внимание к его мнению повысилось в разы.

Свидетельством признания интеллектуальных достижений Зиновьева в книге «Коммунизм как реальность» стало присуждение ему в 1982 году премии Алексиса де Токвиля за достижения в гуманизме и приверженности гражданским свободам, учреждённой в память о выдающемся французском мыслителе XIX века, основоположнике современной социологии, авторе классического труда «Демократия в Америке» (1835–1840).

Симона Вейль, председатель жюри премии Алексиса де Токвиля, член Европарламента и его председатель в 1979–1982 годах, в своём приветственном слове на торжественной церемонии вручения премии 1 июля 1982 года специально обратила внимание на значимость книги Зиновьева для современной политической мысли в Европе:

«Я хотела бы подчеркнуть влияние Вашего творчества не только на рефлексию и суждение, выносимое в отношении революционного социализма, но и на политическую жизнь наших демократических обществ.

В послевоенные годы хорошим тоном для многих интеллектуалов считалось быть марксистами. Авторитет Советского Союза, одержавшего победу над нацизмом, и идея равноправного и справедливого общества получили большую поддержку в среде тех, кто формирует европейское общественное мнение.

Открытие ужасов ГУЛАГа, разоблачения действительности сталинизма, жестокое подавление протестов в Будапеште и в Праге на время пошатнуло их веру и приоткрыло глаза, не изменив, однако, общих установок в отношении к социализму и не вызвав исследования подлинной ситуации в странах с марксистскими режимами. <…>

Общей несостоятельности марксистского социализма было недостаточно, чтобы привести его ревностных сторонников к большей умеренности и бдительности.

Ваше творчество строгостью своего анализа, разумностью и смелостью своего подхода позволило раскрыть до того отвергавшуюся истину и заставило согласиться с ней»[545].

Премия Алексиса де Токвиля учреждена в 1979 году и присуждается раз в два года. Зиновьев стал третьим её обладателем вслед за французским философом и политологом Раймоном Ароном (1979) и американцем Дэвидом Рисмэном (1980). Одновременно с Зиновьевым в 1982 году на премию номинировался австрийский философ и социолог Карл Поппер (он стал следующим её лауреатом в 1984 году). В области социологии премия Алексиса де Токвиля по своей авторитетности и значимости является аналогом Нобелевской.

Чем дольше он жил на Западе, чем понятнее и привычнее становилась окружающая реальность, тем острее и глубже осознавал он чуждость себе этого мира. Хотя ему нравилось здесь жить. И европейская культура была родной. А глаз радовался европейскому пейзажу и архитектуре. Да и к новой среде он достаточно быстро адаптировался. Усвоить правила буржуазного мира не составило большого труда. Все проблемы и затруднения

повседневного обихода так или иначе решались, тем более что система общежития здесь как раз и была направлена на обеспечение решений различных вопросов. Его заработков хватало не только на еду и одежду, но и на многочисленные социальные нужды — на выплату кредита за дом, на машину, на обучение Полины, на поездки с семьёй на отдых, на посещение театров и музеев и др. Он не был изгоем. У него как социального объекта не возникало с западным обществом никаких конфликтов. Напротив, он был принят в него не только в формальном статусе гражданина и налогоплательщика, но и личностно, как один из участников общественного диалога, чей голос принимался во внимание и представлял содержательную ценность. Конечно, бывали и неприятные ситуации. И недопонимание. Но в целом, *объективно говоря,* всё складывалось вполне удовлетворительно, если не сказать более. А душа томилась.

В нём страдал *советский человек.*

Он испытывал глубочайший душевный разлад от очевидной своей здесь *социальной* ненужности как советского человека. Человека — члена коллектива. Коллективом взращённого. В коллективе живущего. Для коллектива служащего. Коллективом надзираемого. Коллективом поощряемого и наказываемого. Бунтующего против коллектива. Жертвующего собой ради коллектива. А ведь он не был, как ему казалось, типичным советским человеком. Более того, он претендовал на то, чтобы существовать как «суверенное государство». Вне советского мира. Вне коллектива. Он и создавал своё «суверенное государство» как анти-*советское.* Здесь же, на Западе, выяснилось вдруг, что «советского» в его «суверенном государстве» больше, чем «анти»: «Я установил, что моя система жизни была эффективна лишь в определённых условиях, а именно лишь в условиях советского общества <…>»[546].

Он страдал от *советского человека* в нём.

Снится, будто заграница
Мне во сне кошмарном снится.
Будто дома просыпаюсь,
На работу собираюсь,
Второпях пихаю в рот
Не пойму с чем бутерброд.
В переполненный автобус лезу, очередь поправ.
Кто-то кроет меня матом. Кто-то тянет за рукав.
Но обруган и оплёван, заработав в зад пинка,
В учреждение влетаю за секунду до звонка.

Начинается обычный день советского труда.
Первым делом — анекдот
С хохотаньем во весь рот.
Хоть за это лепят срок.
Всё равно ничтожен прок.
Ходит слух, что будет строже.
Аж мороз дерёт по коже.
Насмеявшись, вспоминаем, как по-свински мы живём.
Тесно! Очереди! Взятки! Поглядите, что жуём!
Наши внутренние сплетни начинаем смаковать.
Кто донёс, а кто попался, кто и в чью залёг кровать.
Тут вернулася бригада, выезжавшая в колхоз.
Похудели. Загорели. Впечатлений целый воз.
Есть там сдвиги? Вот чудак!
Как и здесь — сплошной бардак.
Как ведётся испокон:
Грязь, убогость, самогон.
Улучшения не жди.
Снова свалят на дожди.
А потом нас всех погнали президента провожать.
В ожидании персоны можно в шутку баб пожать.
И опять же разговорчик. И намёки между строк.
И опять же анекдотик, за который лепят срок.
Наконец, вступает в силу исторический закон:
День заслуженно венчает наш советский выпивон.
Льётся водка через край.
Не житьё, а сущий рай!
Выпьем, братцы, это чудо,
Чтобы всем Им было худо!
Но… очнулся я в постели
За границей в самом деле.
Весь покрытый липким по́том.
Ах, каким же идиотом
И кретином надо быть,
Чтоб такое позабыть!!
За той жизни за полгода
Я б теперь отдал шутя
Все гражданские свободы,
Всё обилие шмутья[547].

Ещё откровеннее, наглее, развязнее заявлял о себе «советский человек» в среде советских эмигрантов. Это специфическое сообщество, общения с которым Зиновьев по возможности

избегал, внутри себя воспроизводило, в искажённых и оскоплённых формах, все те структуры и типы отношений, которые презирало в Советском Союзе, критиковало, обличало, с которыми «боролось» и за «борьбу» с которыми в конце концов и оказалось на чужбине. Оказалось, что «советский человек» вовсе не фантом, не продукт агитационной пропаганды, а живая реальность. Не условная, а вполне определённая. Очень стойкая и живучая. Оказалось, что житейский опыт советского человека легко управляется с житейским строем буржуазного мира, а вот социальная природа западной цивилизации чужда его сущности. Советский человек вне советского мира не перестаёт оставаться советским человеком. Он не может забыть о себе, отказаться от себя, перестать быть.

Как-то на одной из встреч с читателями он обмолвился: «Как советский человек…» Его поправили: «Как бывший советский человек». Он возразил: «Бывших советских людей не бывает. Советский человек остаётся таковым, если даже он добровольно эмигрирует, насильно изгоняется из страны, занимается антисоветской деятельностью». — «Но это — риторический парадокс!» — «Ах, если бы это было так, — вздохнул он. — То, что западным людям кажется чисто вербальным парадоксом, для нас, для советских людей, с детства постигающих азы марксизма, является привычным образом мышления»[548].

Переодетые на европейский манер советские эмигранты по-прежнему оставались верны социалистическому отечеству, только теперь уже не в словесной шелухе идеологического камлания, а по сути, используя все свои навыки борьбы за социальное выживание. Негодуя и расстраиваясь, когда эти навыки оказывались непригодными, и ликуя в случае удачи, как правило, мнимой и иллюзорной. «Советский человек» менее всех других эмигрантов (из стран третьего мира, например) стремился вписаться в западное общество. У него была «собственная гордость». Он самоуверенно продолжал держаться за свой социальный опыт и даже пытаться его навязывать окружающим, не чувствуя и не видя смехотворности своих притязаний. И приходил в мстительную ярость, если ему на это указывали.

Люди на чужбине испокон веков тянулись друг к другу, создавали землячества и колонии. Советская эмиграция не была исключением. И, повинуясь законам социальной регенерации, она инстинктивно стремилась воспроизвести внутри себя привычную и понятную систему отношений. В её среде быстро образовывались свои идеологи, свои партийные функционеры, свои профорги и комсорги. Они лихорадочно пытались сплотить вокруг себя какой-нибудь коллектив и, когда встречали

сопротивление или даже простое безразличие к их усилиям, начинали, по старой советской привычке, травить отщепенца.

Да что же это такое «советский человек»?! Кто он — «гомо советикус»?!

В двух словах не объяснить. Вот, вроде бы написал о нём уже не одну сотню страниц, а он — «как реальность» — оставаясь «у всех на виду» — по-прежнему «не понят»!

Зиновьев заходит на тему, как некогда на штурмовку цели, несколько раз, под разным углом атаки. Ёрническим стихом, саркастической прозой, изобразительной метафорой.

В апреле 1982 года одна за другой, с разницей в две недели, в Лозанне, в «родном» издательстве «L'Age d'Homme» выходят две новые книги: повесть в стихах «Мой дом. — Моя чужбина» и роман «Гомо советикус». В отличие от предшествующих книг феномен «советского человека» представлен в них в новом ракурсе. В ином контексте. На фоне Запада. «Гомо советикус», или кратко «гомосос», извлечён Зиновьевым из его природной среды и отправлен в эмиграцию, где ему нечем прикрыть уже свою социальную наготу. Он здесь как мышь (вернее — крыса) в лаборатории. Бегает свободно по клетке, демонстрируя все свои привычки и повадки. «Моё отношение к этому существу двойственное, — пишет Зиновьев в предуведомлении к роману, — люблю и одновременно ненавижу, уважаю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Я сам есть гомосос. Потому я жесток и беспощаден в его описании. Судите нас, ибо вы сами будете судимы нами»[549].

На обложке повести в стихах «Мой дом. — Моя чужбина» — одинокий волк, воющий в ночи на луну. Ему тоскливо. Ему страшно. Ему холодно. Пасть его оскалена. Все мышцы напряжены. Он держит оборону, запугивает неведомого, невидимого, несуществующего (?) противника. Вокруг него космическая пустыня. Но он ей не верит. Ведь в ней есть он сам. С оскаленной пастью, с леденящим кровь воем. Он ждёт угрозы, хотя угрожать ему может лишь его собственная чёрная тень, цепляющаяся за его лапы и хвост. Впрочем, она — скорее его спасение. Она — его единственная связь с миром. Единственная зацепка за жизнь. Уродливая, безликая, неприглядная. Как чернильная клякса. Как помойный сток. Есть от чего взвыть! Она его вечный спутник и оппонент. Его порождение и его противник. Отражение и негатив. Четыре лапы и хвост точно человеческая кисть, мучительно пытающаяся ухватиться за ледяную твердь земли, удержаться, устоять. Скользящая в небытие, оставляющая за собой пустопорожние кривые борозды.

И безмятежным ясным днём, и среди мрачной тёмной ночи
Одна заветная мечта, одна забота душу точит.
Хотя бы несколько минут, хотя б совсем, совсем немножко
В подшефной базе овощной гнилую потаскать картошку.
Хотя б разочек посидеть на обличительном собранье.
Перед начальством проявить хоть раз готовность и старанье.
Хоть раз пол-литра раздавить в подъезде с самым грязным сбродом.
Хоть раз автобус штурмовать с кипящим злобою народом.
Хотя бы раз инфаркт схватить из-за квартирной неудачи.
Хотя бы раз зарытым быть в простой могиле в Новодачной[550].

Повесть «Мой дом. — Моя чужбина» состоит из двух частей (в соответствии с заглавием). В первой части «гомосос» показан в естественной среде обитания — в советском коллективе, во второй — в искусственно созданных условиях эмиграции. Как говорится, почувствуйте разницу! Найдите десять отличий. А разницы, на самом деле, никакой! Отличий — ноль. «Мой дом» — сплошной советский бардак вокруг. «Моя чужбина» — сплошной советский бардак внутри. Разница лишь в точке зрения. То, что дома казалось внешним, давящим и гнетущим, на чужбине обнаружило себя как внутреннее, поддерживающее и спасающее.

«Гомосос» на родине не хочет быть «гомососом». Ему кажется, что, сбежав на Запад, он освободится от родового проклятия, станет другим человеком — свободным и независимым. Но чудесного преображения не происходит. «И не способен Запад одолеть российский геморрой»[551]. «Дома» «гомосос» уходил от советского бардака во внутреннюю эмиграцию. На «чужбине» во внутренней эмиграции оказался советский бардак. Он унёс его с собой. «Гомосос» на Западе остаётся всё тем же «гомососом». Более того, «гомосос» на Западе может быть только «гомососом». В другом качестве он здесь никому не нужен. «Другого качества» тут и своего довольно. И вот он страдает и мается: отовсюду ушёл — никуда не пришёл. В никуда пришёл. И «в никуда» не пришёл! Холёный, лощёный, сытый и умытый, он — одинокий волк. Он — одинокий вой.

Неразлучно я теперь с тоской живу.
Не могу, хотя хочу расстаться с ней.

Удаётся позабыться наяву,
Заявляется — грызёт меня во сне.

Но: «гомососы» не сдаются!

Я не дам, конечно, волю той тоске.
Как положено одет буду, обут.
Пусть там думают — завидуют в Москве,
Будто я в земном раю витаю тут[552].

Сменил костюм, сменил маску, а то, что под ними, никуда не делось. Для перерождения нужны усилия, нужен труд, нужно страдание. На это «гомосос» пойти не готов. Не для того он появился на свет! Не с тем покинул «дом». Не для того заявился на «чужбину». Он верен себе. На *своей* «чужбине» он будет жить как *у себя* «дома». Холёный, лощёный, сытый и умытый, он — одинокий шакал. Он — сладострастный оскал.

Хватит, товарищи, рыться
В нашем российском корытце!
Теперь перед нами открыто
Всё мировое корыто![553]

Душа «гомососа» двойственна. Личность его мутна. Добро и Зло в его голове, в его словах и поступках перемешаны и перепутаны.

«Гомосос не есть деградация. Наоборот, он есть высший продукт цивилизации. Это сверхчеловек. Он универсален. Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель. Нет тайн, для которых он не нашёл бы объяснения. Нет проблем, для которых он не нашёл бы решения. Он наивен и прост. Он пуст. И он всеведущ и всесущ. Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе всё мироздание. Он готов на всё и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждёт его, хотя не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто, т. е. Всё. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке»[554].

Слепленная из полуразрушенных фасадов многоквартирных домов вырастает над горизонтом гигантская образина гнусной Твари, гальванизированной стараниями некоего нового доктора Франкенштейна, племянника Корбюзье. Это — вездесущий «гомо

советикус», проникший на Запад и теперь разлагающий местный порядок своей ядовитой коммунальностью. Кто кого? Этот новоявленный *урбанистический* тролль или силы прогресса и модерна, воплощённые в космической архитектуре нового здания HYPO-Bank? С тупым и злобным любопытством взирает монстр на белоснежные конструкции небоскрёба, сторонясь и примериваясь, как бы слопать. «Гомо советикус» — роман о «советской угрозе», но отнюдь не той, о которой кричат западные медиа. «Гомо советикус» страшнее любых танков и ракет. Он миролюбив на вид, робок и смирен. Но не безобиден. И — не безопасен. Он — тихое зло, даже не помышляющее о своём злодействе.

«Взгляните на этого человека! Он неглуп и образован. Его никто не оболванивал, не запугивал, не развращал. Скорее наоборот, он сам это делал в отношении других людей, которые, однако, не считают себя оболваненными, запуганными, развращёнными. Советских людей вообще нет надобности подвергать такой обработке, так как они сами способны кого угодно оболванить, запугать, развратить. Это — их натура, и потому им приятно это делать как в отношении себя, так и других. Они являют собою новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим. Берегитесь!

Таких, как он, в Советском Союзе много. Они имеют в нашем обществе свою долю благ, власти и свободы. Не такую большую долю, чтобы отнести их к привилегированным слоям. Но и не такую малую, чтобы их отнести к низшим слоям. Их нельзя считать преуспевающими. Но они и не жертвы. У них особая роль в обществе. Они — ядро этого общества, его соль, его ферменты и витамины, его вдохновители, его катализаторы. Они суть носители и апологеты этого общества. И вместе с тем они суть его страдательная ткань. Они принимают это общество и устраиваются в нём навечно, без всякой задней мысли и без всяких условий. Будучи выброшены на Запад, они воспринимают своё положение как командировку из него и как отдых от него, хотя разумом знают, что это конец. Они не стремятся ни к истине, ни к добродетели. Они просто живут адекватно времени, разделяя его заблуждения и пороки. А люди и исторические эпохи характеризуются не столько истинами и добродетелями, которые общи и абстрактны, сколько заблуждениями и пороками, которые индивидуальны и конкретны. Глядите на это существо и дивитесь: это и есть то, что вы называете гомо советикусом!»[555]

Действие романа «Гомо советикус» происходит в пансионе для советских эмигрантов, недавно прибывших из СССР и ожидающих своей участи. Пока же с ними ведутся беседы спецслужб на предмет выявления среди них возможных агентов

КГБ, а также с целью вербовки. Помимо рассказчика, от лица которого написан «роман-донос-отчёт-трактат» (как он сам определяет жанр своего сочинения), перед читателем предстаёт целая галерея «гомососов»: Писатель, Профессор, Дама, Муж Дамы, Энтузиаст, Нытик, Шутник, Циник, Диссидент с женой, Художник с женой. Все они — «агенты Советского Союза» («ассы»). У каждого свой облик, темперамент, характер, каждый со своим прошлым, но у всех у них один тип социального поведения — советский. Их поступки, комментарии, реакции составляют лоскутное покрывало сюжета. Пёстрое, издалека нарядное, но убогое и жалкое вблизи. Зиновьев выворачивает его наизнанку.

Советская эмиграция восприняла книги Зиновьева болезненно, увидев в них только злую пародию на себя. Она готова была приветствовать сатиру на «советского человека» в «Зияющих высотах» — «сочека», как назвал его тогда Зиновьев, — самодовольно полагая, что к ней, свободной и демократической, всё это уже не относится. Но когда он поставил перед ней своё безжалостное зеркало социологического романа, она покоробилась. Даже «гомо советикусом» быть было обидно, а тут — «гомосос»!

Зиновьев и раньше был на подозрении у диссидентов, но до поры до времени они готовы были прощать ему его атаки на либеральную («прогрессивную») часть советского общества, к которой у них были свои претензии. Но здесь он перешёл границу. Он покусился на их священного идола. На Сахарова! Безжалостно высмеял *его* голодовку, о которой трубила вся западная пресса.

«— Великий Диссидент объявил голодовку, — гордо объявил Энтузиаст.

— Сейчас в Советском Союзе плохо с продовольствием, так что почин Великого Диссидента будет подхвачен всем народом, — сказал Циник.

— Я не шучу, — обиделся Энтузиаст. — Он объявил голодовку в знак протеста.

— Против советской интервенции в Афганистане?

— Против отказа властей разрешить его свояченице выехать в США.

— Ну и дурак. Советские диссидентские генералы превратили оппозицию в мелких склочников. Великий Диссидент подобен великану, сражающемуся швейной иглой. А против чего, и сам толком не знает. Циник попал в точку. <…> Если сопоставить дела Великого Диссидента с масштабами страны и с её историческими проблемами, то замечание Циника о великане

со швейной иглой вместо меча будет очень точным. Трагедия советского оппозиционного движения состоит в том, что оно всегда остаётся неадекватным масштабам истории. А Запад, раздувая до невероятных размеров ничтожные дела диссидентов, ещё более усиливает эту неадекватность»[556].

И хотя наиболее трезвые и вменяемые читатели в душе были согласны с Зиновьевым, большинство расценило «Гомо советикус» как провокацию. Если не предательство. Или — пуще того, идеологическую диверсию по заданию КГБ. Не случайно же весь текст написан от лица героя, согласившегося на сотрудничество с советскими органами госбезопасности. По тому, как он детально описывает тонкости вербовки и разные другие «штучки» КГБ, можно предположить, что автор знает о них не понаслышке. И предполагали. Однажды на одной из презентаций его даже спросили, какой чин он имеет в КГБ, мол, ходят слухи, что полковничий. Он, не задумываясь, парировал: «В моём возрасте быть полковником маловато. Я — генерал». Кажется, поверили. Шут его знает, кто он, этот странный Зиновьев!

Приближалось столетие Сталина. В его истории реального коммунизма сталинская эпоха занимала ключевое место. Он видел, что все существующие трактовки этого периода и собственно личности Сталина далеки от их объективной значимости и масштабности. К тому же сильно политизированы и искажены. Акцент смещён на репрессии и разоблачение сталинского произвола. Многочисленные факты террора затмили реальную картину мира. Никто не пытается взглянуть на действия Сталина с точки зрения государства, которое он возглавлял. Никто не желает задумываться над самим фактом успешного существования этого государства, его достижений и побед. Никто даже не ставит вопрос о его социальных истоках, об особенностях возникновения и внутреннего устройства. В разговорах о Сталине и сталинизме есть всё, что угодно, кроме научности. Но только научный подход может принести значимый результат. Можно осуждать Сталина и сталинизм, но нельзя, невозможно отрицать их вклад в существующую систему мироустройства, потому как они суть реальные явления, состоявшиеся в истории. И они продолжают активно воздействовать на жизнь не только в СССР, но и на всей планете. Сталинизм перестал быть актуальным для практики реального коммунизма, но это не отменяет его роли в формировании реального коммунизма и его присутствия в нём. Сталинизм как начальную стадию реального коммунизма нужно понять в аспекте его социальной сущности.

«Сталинский период — один из самых интересных в истории человечества. А точное и полное научное описание его практически невозможно. Документы тех времён уничтожены или сфальсифицированы. Многое важное делалось вообще без документов. То немногое, что сохранилось, недоступно учёным и писателям. Мемуаров тогда не писали. Боялись. Не надеялись на их будущность. Да и записывать-то было нечего. Те воспоминания, которые пишутся сейчас, есть фальсификация прошлого задним числом. А задним числом можно любую концепцию примыслить к любому поведению людей. Можно утверждать, например, что мы знали и понимали всё и потому были преступниками или соучастниками преступлений. Но можно с теми же основаниями утверждать, что мы не знали и не понимали ничего и потому были ни при чём или не ведали, что творили. И то и другое одинаково бессмысленно. Мы знали и не знали, понимали и не понимали, но — в духе и в меру своего времени. Если хочешь придать смысл этим категориям, перенесись в те годы и живи в тех условиях. А если перенесёшься в те годы, немедленно испарится сама проблема знания и понимания. Эта проблема есть проблема лишь для исследователя прошедшей эпохи, но не для её участников»[557]. Зиновьев пишет роман «Нашей юности полёт», в котором предлагает взглянуть на сталинскую эпоху глазами бывшего сталиниста.

Он не оправдывает эпоху, но отменяет ей приговор. «Стало привычным штампом рассматривать сталинскую эпоху как эпоху преступную. Это — грубое смешение понятий. Понятие преступности есть понятие юридическое или моральное, но не историческое и не социологическое. Оно по самому смыслу своему неприменимо к историческим эпохам, к обществам, к целым народам. Рабовладельческое общество и феодальное общество не были преступными, хотя многое, происходившее в них, можно рассматривать как преступления. Сталинская эпоха была страшной и трагической эпохой. В ней совершались бесчисленные преступления. Но сама она как целое не была преступлением. И не является преступным общество, сложившееся в эту эпоху, каким бы плохим оно ни было на самом деле. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что в тех исторических условиях сталинизм был закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом для нового общества выжить и отстоять своё право на существование. Трагичность сталинской эпохи состояла в том, что она навеки похоронила надежды на идеологический земной рай, построив этот рай на самом деле. Она обнажила подлинную страшную сущность многовековой мечты человечества»[558].

Ему, когда-то грезившему покушением на Сталина, пережившему «годы ужаса», испытавшему тяготы коллективизации, непросто было написать эту книгу. Но только он и мог её написать. Он имел на то право. «Нашей юности полёт» — интеллектуальный подвиг Зиновьева. Подвиг самоотречения во имя истины.

Палачи, стукачи, прохиндеи,
Срок настал — отдаю вам дань я.
Это вы отстояли идеи.
Это вы воплотили их в зданье.
Ваше подлое поколение
Путь открыло земному раю.
Перед вами склоняю колени я,
Хотя вас я в душе презираю.
Хотя рай ваш страшнее ада,
Откровенно признаюся тоже:
Мне иного рая не надо.
Только жить в нём — избави Боже![559]

Книга шла вразрез со всем, что писалось в те годы о Сталине и сталинизме, и её предпочли не заметить. Списать на эксцентричность автора.

Одновременно с дилогией о «гомососе» и книгой о сталинизме Зиновьев работает над замыслом романа «Искушение», который по масштабности сопоставим с «Зияющими высотами» и «Жёлтым домом». Впрочем, в задуманном виде книга не состоялась. Вмешался издатель. Ему писательская манера Зиновьева — собирать под одной обложкой несколько самостоятельных сюжетов — показалась слишком расточительной. Он предложил издавать их отдельными книгами. Условия не позволяли Зиновьеву особенно препираться, и скрепя сердце он пошёл навстречу издателю. В итоге на свет появились книги «Иди на Голгофу», «Евангелие для Ивана», «Живи» и переработанная в 1991 году «Революция в Царьграде». (Судя по всему, отдельные издания «Гомо советикус» и «Мой дом. — Моя чужбина» — тоже результат давления издателя.)

«Искушение» представляет собой параллель к дилогии о «гомососе». «Героев „Искушения“, — писал Зиновьев, — больше всего волнует проблема, которая и для меня была главной проблемой всей жизни: как жить в условиях коммунистического общества, если оно вызывает у тебя протест, но ты не видишь возможности изменить его к лучшему и даже не знаешь, в чем это

лучшее должно заключаться, если ты не можешь или не хочешь был таким, как другие, если ты хочешь сохраниться в качестве нравственной личности (Андрей Горев в „Живи“, например), если ты хочешь проявить твой индивидуальный дар (Иван Лаптев в „Иди на Голгофу“, например), если хочешь выразить своё отношение так, чтобы это увидели многие (Юрий Чернов в последней части „Искушения“, например)? Мои герои не находят оптимистического ответа на этот вопрос, ибо его в принципе не может быть. Тот идеал личности, который в той или иной форме и мере разделяют мои герои, не соответствует условиям коммунистического общества. Мои герои терпят жизненный крах. Но я тем самым не призываю читателей отказаться от борьбы за этот идеал личности. Я хочу лишь показать, что коммунистическое общество ещё в начале своего исторического пути, что борьба за мой идеал личности ещё только начинается, что нужно историческое время, чтобы отдельные исключительные одиночки смогли приблизиться к нему, что попытки осуществления его неизбежны без жертв. Надо быть готовым к жертвенности. Более того, надо завоевать ещё более примитивное условие — самое возможность пойти на жертву. Жизнь человеческая — мгновение. Жертва, о которой идёт речь, стоит того, чтобы пойти на неё»[560].

«Иди на Голгофу» — самое прикровенное сочинение Зиновьева. Его утопия. Его завет. Притча и проповедь. Учение и урок. Альтернативная автобиография. То, что могло бы быть с ним. Что было на самом деле, но не с ним. Что было с ним, но не на самом деле. Метафорическая проекция того, что было с ним на самом деле.

Иван Лаптев — его alter ego. Его духовная личность. Виртуальный двойник.

«Иди на Голгофу» — это первый роман Зиновьева, в котором он масштабно обращается к проблеме национального характера в аспекте своего социологического интереса. Как сказано в «Прологе» к «Евангелию для Ивана»,

> Настало время мне сознаться
> Без маскировки и обмана:
> Из всех племён, народов, наций
> Предпочитаю я Ивана[561].

Иван Лаптев — подчёркнуто русский человек. Во внешности — открытое лицо, голубые глаза, русая кудлатая бородка, неприхотливый наряд. В характере — добродушный, незлобивый, беспечный. В психологии — смиренный, безвольный, покорный

судьбе. По духу — дерзкий, гордый, революционер. В поведении — любитель выпить и поговорить о «вековечных вопросах», поделиться сокровенным, «раскрыть душу». Митя, Иван и Алёша, братья Карамазовы, — в одном лице.

Советская реальность присутствует в романе как данность, как естественный фон. И хотя в «Иди на Голгофу», как и в других книгах Зиновьева, читатель находит множество точных и исчерпывающих описаний и характеристик конкретных сторон коммунистической системы общежития, главное его внимание здесь приковано к феномену русского человека как источнику, носителю и отрицателю реального коммунизма. Иван Лаптев не абстрактный русский. Он — новый русский. *Русский человек советской эпохи.* Каким был и сам Александр Зиновьев.

Специфическая участь русского народа в советском обществе заключается в том, что, с одной стороны, именно его социально-исторический опыт, им выработанная в течение веков практика коммунальных отношений, определяет конкретный облик реального коммунизма в СССР, с другой стороны, коммунистическая идеология по сути своей антагонистична духовным устоям русских, провоцирует ментальный конфликт и этическую дисгармонию. Русский человек вынужден нести ответственность за всё происходящее в стране и одновременно держать оборону против того, что творится под его руководством и при его участии. Чудовищный социальный парадокс, в котором оказался русский народ в результате революции, приводит одних его представителей к деградации, перерождению в «гомо советикус», других — к добровольному самоустранению, эскапизму и социальной гибели.

Сознание этого парадокса, или даже бессознательное переживание его, оборачивается духовным страданием. «Страдания стали нашим привычным образом жизни и нашей натурой, — с иронией и страданием говорит Лаптев-Зиновьев. — Мы страдаем с выдумкой, с талантом, с большим мужеством и терпением, можно сказать — профессионально. И, конечно, с наслаждением. Мы, русские, поставляем в мировую культуру не только коммунистические идеи, шпионов, водку, иконы и „матрёшек“, но и первоклассных страдальцев»[562].

В нём страдал *русский человек.*

И дома — и на чужбине.

«Наше страдание — эпохальное. И оно рождает нового Бога. Но наша эпоха по горло наглоталась противозачаточных средств. И если она в конце концов родит Бога, то это будет Бог-урод, Бог уродов и Бог уродства. Бог самоистязания.

Русский Бог — явление очень странное. Он самые чистые и

святые мысли выражает самым грязным и греховным языком в мире. Можете себе вообразить, как выглядел бы Новый Завет, если бы Христос появился в России, да ещё в нашем захолустье! Возьмите хотя бы одну Нагорную проповедь и изложите её в языке русских „храмов“-забегаловок! Нет, лучше не надо. Русский Бог высказывает трезвые суждения лишь в безобразно пьяном виде, а когда он и трезв, он порет чепуху»[563].

Иван Лаптев — пьяница, тунеядец, неудачник, трепач.

Бомж.

Зиновьев обосновывает и раскрывает метафизику русского пьянства. Не надо путать пьянство и алкоголизм. Алкоголизм — болезнь, явление медицинское. Страдание плоти. Пьянство — национальная религия, явление духовное. Страдание души. Алкоголик, трезвея, избавляется от страданий. Пьяница и в трезвом виде страдает. Потому пьяница и не бывает трезвым. Он и в трезвом виде остаётся пьяницей — страждущим. Страдальцем. Пьянство порождается душевным страданием и порождает его. Оно его утоляет и одновременно усугубляет. Оно суть форма и содержание страдания.

Алкоголик одинок. Даже в компании. Он блюдёт своё это, выбирая напитки, закуски, обстановку. Алкоголизм — извращённое проявление индивидуализма. Он отгораживает человека от мира. Делает его замкнутым, закрытым. Лишает надежды и веры. Это — идеология, парализующая решимость и волю. Алкоголик презирает и ненавидит всех. Он не признаёт мира в его данности и отрицает его своим алкоголизмом. Он всё истребляет — вокруг и внутри себя. Алкоголик — исчадие ада. Воспрявший бес. Он несчастен в своём страдании.

Пьяница — всегда с людьми. Даже когда поутру просыпается один под забором. Для пьяницы все равны и он равен всем. Пьяница видит мир в единстве и целостности. Он открыт миру и принимает его. Таким, каков он есть. «Пьянство — это когда попало, где попало, с кем попало, о чём попало. Это — основа для всего прочего: и для компании, и для душевной близости, и для любви, и для дружбы…»[564] И потому пьянство — религия, раскрепощающая и зовущая. Пьяница — падший ангел. Он *всё* потерял, но он *всё* помнит. Он *всё* несёт в себе. Он сам есть *всё*. Страдание приносит ему счастье.

Но: русские не сдаются!

В русском человеке, готовом на любое социальное унижение, на смирение и страдание, живёт неукротимый огонь духовного бунтарства, нравственная неуспокоенность, интеллектуальное беспокойство. Он тревожится несправедливостью мира, думает о его исправлении, мечтает о лучшей жизни. И потому он душой

прилепляется к тем, кто зовёт его к свету, добру, правде. Ко Христу. К Аввакуму. К Марксу. К Толстому. К Ленину. Страстно верит им и идёт вслед за ними, пока они освещают исторический путь, и столь же страстно от них отрекается, когда светоч их затухает. И вновь ищет источник очистительного огня. Ждёт своего Бога. Творит Его. Вынашивает. Рождает.

Иван Лаптев — русский гений, харизматическая личность, Учитель.

Бог.

Отвисли старые штаны
В заду,
В коленях.
Не в человеке дела суть,
А в поколеньях.
В карманах тщуся я сыскать
От хлеба
Крохи.
Не люди сущность бытия,
А лишь Эпохи.
Остановите суету!
Кончайте
Споры!
Сейчас я мир переверну
И без
Опоры[565].

Русский Бог. Пьяный Бог. Бог-страдалец.

«Я ненавижу покорность. Я презираю людей, стоящих на коленях. Я исповедую бунт и протест. Если Бог — покорность и коленопреклонение, я против Бога. Я хочу, чтобы Бог существовал лишь для того, чтобы дать мне силы для бунта и протеста даже против самого Бога. Восстать против всего — против людей, партий, классов, держав, империй, природы, космоса… Против всего! Но…

Но дерзко восстав против всего, я покорно плетусь в комиссию по принудительному трудоустройству и ложусь в кровать с развратной бабой из райкома партии»[566].

Иван Лаптев — метафора русской судьбы в XX веке.

«Иди на Голгофу» — роман философский. Зиновьев пытается в нём разгадать тайну Бога. Точнее — тайну религиозного сознания. Ещё точнее — тайну религиозного чувства. Религиозности как таковой. Он ставит перед собой задачу определить социальную функцию религии. Социальную функцию

Бога.

Он видит в религии великую силу, которая помогает человеку достойно пройти его земной путь. Она облечена в форму конкретного религиозного учения. Каждое религиозное учение содержит в себе как универсальные, так и исторически детерминированные постулаты и правила. Поэтому религии устаревают. Жизнь не стоит на месте. Человечество непрерывно накапливает новый опыт, открывает новые практики и знания. Со временем любая религия перестаёт быть адекватной реальной жизни. И тогда её нужно реформировать. Обновлять. Иначе она погибнет. И вместе с ней погибнет человек, ибо человек не может жить без Бога. Без идеи Бога. XX век качественно изменил всё человечество. Традиционные религии не справляются с вызовами современности. Создание новой религии как никогда актуально. Так мыслит Иван Лаптев.

Так мыслит Зиновьев. Он принимает вызов, вкладывая в уста своего героя дерзкую претензию «изобрести» новую религию: «Чем я хуже Христа, Будды, Конфуция или Магомета? Вот возьму и придумаю. Делать всё равно нечего, а от мыслей голова пухнет»[567].

Но зачем изобретать новую религию, если спустя годы и столетия она станет старой? Это бессмысленно. Пустая трата времени. Бог пустяками не занимается. «Я не хочу создавать новую форму религии наряду с другими её формами. Я претендую на нечто большее — на создание религии вообще, т. е. религии с большой буквы. Объясню, в чём дело, ибо это — центральный пункт моего учения. Религия вообще (Религия), которую я хочу построить, не есть нечто общее для различных форм религии. Это — некая абсолютно совершенная и полная, всеобъемлющая религия. Все известные и логически мыслимые формы религий можно представить как обособившиеся части и свойства этой воображаемой всеобъемлющей религии. Но последнюю нельзя сложить из различных форм религии. Обособившись от целого тела Религии, её части и свойства попадают в некое культурное целое, состоящее из других социальных явлений (элементов науки, искусства, идеологии), и трансформируются в нём. Иногда трансформируются настолько, что становятся совсем непохожими на соответствующую часть воображаемого целого. Обособившиеся части Религии в качестве особых форм религии вступают друг с другом в непримиримые противоречия (подобно тому, как рождённые одними родителями братья становятся иногда смертельными врагами).

Но одно дело — идея такой Религии, а другое дело — её исполнение. Построить такую абсолютно чистую, совершенную и

полную (т. е. абстрактную) Религию, исходя из которой можно было бы объяснить все известные и возможные формы религий как обособившиеся и трансформированные применительно к условиям данного культурного целого, включающего их, — это задача для Бога, а не для простого смертного. Я чувствую в себе силы, достаточные для решения этой задачи»[568].

Для создания абсолютной Религия, согласно Зиновьеву, нужен *научный подход*. Она суть гигантское логическое исчисление, которое он готов проделать во имя людей. У него есть навык и инструмент. У него есть желание и воля. У него есть решимость. «Только бы мне успеть сделать это! Только бы моя Голгофа не пресекла мой жизненный путь раньше, чем я проделаю хотя бы основную работу! Христу ведь тоже не дали развить своё учение. Многое ли он успел сказать? А много ли от сказанного им сохранилось? Люди нуждаются в Религии, — но они пресекают попытки создания её. Христос явно имел претензию создать её. Ему не дали. И кусочек созданного им учения превратили в вид религии — в христианство, причём — в церковное, убив тем самым самую религиозную основу»[569].

Зиновьев обращается к учению Христа как к наиболее значимому (в его понимании) во всю историю человечества. Он даёт детальный социологический комментарий учения и деяний Христа как основателя религии: «<…> Он оставлял совершенно без внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей! Конечно, он должен был считаться с обстоятельствами, должен был как-то приспосабливаться, должен был описывать изобретаемый им Новый Мир в терминах и образах тогдашней религии и идеологии. Это естественно. Это повлияло на историческую форму его Великого Открытия. Но суть его открытия, повторяю, очевидна. Люди! Не ждите ничего! Не надейтесь ни на кого! Всё дело в вас самих! Царство Божие (новый поворот жизни) уже здесь, я пришёл установить его. Оно в вас. Изменим ориентацию смысла жизни в себе, и мир пойдёт иным путём!»[570]

Зиновьев признаёт непреходящую ценность и величие Христова Подвига. Он не отрицает Его учения, но он указывает на его неадекватность современной жизни: «Со времён Христа прошло две тысячи лет. Кое-что за это время изменилось в мире»[571]. Нельзя закрывать на это глаза, считает Зиновьев. Нельзя игнорировать опыт человечества его христианского периода. Оставлять без внимания то, как человечество усвоило учение Христа, применило его, использовало и извратило.

Христианство не есть учение Христа в первоначальном его виде, оно — продукт коллективной деятельности миллионов людей в течение нескольких столетий. До определённого времени оно удовлетворяло живым потребностям людей, но с некоторых пор превратилось в отжившую традицию, пустую форму. Стало предметом насмешек и надругательств. Поставило под сомнение саму идею Бога. Поэтому Зиновьев не христианин.

Он — последователь Христа.

Идущий вслед. Именно *идущий,* а не стоящий коленопреклонённо. Его почитание Христа в принятии Его миссии. Он со Христом, но он не апостол. Он — продолжатель Его Подвига. Он формулирует *своё* учение, опираясь на учение Христа и историю христианства. Его заветы выглядят порой как «антизаветы» Христа. Но это не *отрицание* заветов Христа. Это их уточнение. Он не спорит со Христом. Не опровергает Его. Он вступает с Ним в диалог. Вместе с Ним ищет формулы и постулаты новой религии. Новейшего Завета. Абсолютной Религии.

Он — *коллега.*

«Если мы не можем изменить обстоятельства, то мы можем изменить самих себя так, что обстоятельства потеряют смысл и окажутся за пределами нашего человеческого бытия — вот коренная моя идея»[572].

Зиновьев подвергает радикальной проблематизации основные категории и понятия религиозного учения, такие как Бог, Творение, добро, зло, искушение, грех, чудо и т. п. Ибо если «изобретение» абсолютной Религии есть научная задача, то сама абсолютная Религия в своей функциональности принципиально антинаучна: «В религиозном учении есть основные принципы и производные. Но согласование их производится не по правилам логического вывода»[573].

Зиновьев ставит проблему возможности возникновения новой религии и отвечает парадоксально: новое религиозное *учение* возможно, но *религия* — нет. Современный мир не нуждается в религии, в нём торжествует идеология. Религия — личное дело человека, основанное на интимном чувстве, а в современном мире личность отодвинута на задний план. На переднем — масса, коллектив, где нет места интимному, нет места чувству. Но есть логика, разум. На них держится идеология как средство коммуникации и организации масс.

«Религия терпит поражение, — утверждает сидящий в Лаптеве Антипод, искуситель и „адвокат Дьявола“. — Судьба её предрешена. Почему? Религия идёт против природы человека и общества. Она прививает человеку способность к

самоограничению. Идеология соответствует природе человека и общества. Она прививает человеку способность приспосабливаться к своей социальной природе и среде»[574]. Итак, религия отступает. Под угрозой существование человека как личности. Тем актуальнее создание нового *религиозного учения*. Учения, использующего термины и образы идеологии современного общества. Учения личностного сопротивления безликости. Конкретного — абстрактному. Бога — социуму.

«— Выживает сильнейший. — (утверждает Антипод)

— Если бы сильнейший! — (возражает Лаптев) — Выживает наиболее живучий, низводя качество жизни до уровня ничтожности.

— А что предлагаешь ты?

— Возвысить качество жизни до уровня Бога.

— То есть манию величия?

— Пусть так. Но это всё равно лучше, чем мания ничтожности»[575].

Духовная дерзость, духовное бесстрашие Зиновьева под стать титанам Возрождения.

Однако мало «изобрести» Религию. Создать адекватное религиозное учение. Мало его предъявить. Его нужно доказать. За него нужно умереть.

Сильнейший — погибает.

Иван Лаптев готов на эту жертву. Только нужна ли его жертва миру?

«Мой герой скоро убедился в том, что путь к реализации его маниакального замысла ведёт через Голгофу, т. е. через страдания, через жертву. Это — путь на крест. Его путь окончился неудачей. Реальность оказалась гораздо страшнее того, что он предполагал в начале пути. Ему просто не позволили взойти на Голгофу. Ужас человеческой судьбы в наше время состоит в том, что даже путь на Голгофу закрыт для бунтующего одиночки. Общество, стремительно двигаясь вперёд, как огромная безликая масса, отбросило отдельную личность настолько далеко назад, что людям потребуются, может быть, века только на то, чтобы завоевать возможность пробиться на Голгофу»[576].

Для Зиновьева — это личная драма. Его личный кошмар.

Современный Бог изо всех сил тянется к кресту как к спасению, но десятки рук не пускают Его, энергично стягивают назад, сдирая кожу и ломая скелет. «Чашу эту, Отче, протяни», — кажется, взывает Он к небу, но в небе — лишь зияющая высота. Этот образ — икона новой религии — вынесен на обложку. Молиться ему можно лишь стихами, собранными в «Евангелии для Ивана»:

Установлено циклотронами
В лабораториях и в кабинетах:
Хромосомами и электронами
Мир заполнен. Тебя в нём нету.
Коли нет, так нет. Ну и что же?
Пережиток. Поповская муть.
Только я умоляю: Боже!
Для меня ты немножечко будь!
Будь пусть немощным, не всесильным,
Не всеведущим, не всеблагим,
Не провидцем, в любви не обильным,
Толстокожим, на ухо тугим.
Мне-то, Господи, надо немного.
В пустяке таком не обидь.
Будь всевидящим, ради бога!
Умоляю, пожалуйста, видь!
Просто видь. Видь, и только.
Видь всегда. Видь во все глаза.
Видь, каких на свете и сколько
Дел свершается против и за.
Пусть будет дел у тебя всего-то:
Видь текущее, больше — ни-ни.
Одна пусть будет твоя забота:
Видь, что делаю я, что — Они.
Я готов пойти на уступку:
Трудно всё видеть, видь что-нибудь.
Хотя бы сотую долю поступков.
Хотя бы для этого, Господи, будь!
Жить без видящих нету мочи.
Потому, надрывая грудь,
Я кричу, я воплю:
Отче!!
Не молю, а требую:
Будь!
Я шепчу. Я хриплю:
Будь же, Отче!
Умоляю,
Не требую:
Будь!!![577]

В «Иди на Голгофу» Зиновьев впервые в своём творчестве формулирует историософский тезис о роли русского народа в мировой истории, о его предназначении и участи. Участь эта

трагична. «Тебя зовут Иваном, — обращается к главному герою его Антипод. — Иваном Лаптевым. Бог по имени Иван, да ещё Лаптев, — согласись, это звучит смешно. Зевс, Юпитер, Будда, Христос — это звучит красиво и возвышенно. А Иван Лаптев — хоть тресни, хоть превзойди их всех, вместе взятых, всё равно смешно. Всё равно не поверят. Люди могут принять любого бога по имени Ганс, Жорж, Джон, Абрам, Иосиф, Карл… Но ни в коем случае — по имени Иван»[578]. Трагизм усиливается тем, что сами русские люди первыми готовы отречься от себя, презреть и унизить себя, презрев и унизив своих гениев, отрекаясь от них и их прозрений: «Иванианство, иванство, иванизм, лаптизм, лаптианство — этого нам только не хватало, воскликнут люди. Не допустим! Только через наш труп! <…> Чтобы наш брат Иван породил целое иванианство? Не бывать этому! Лучше худой марксизм, чем хороший иванизм! Хотя от марксизма нас с души воротит, он всё-таки заграничная штучка, а не наше домотканое барахло»[579]. В последующие годы эта проблематика будет привлекать Зиновьева всё больше и больше, станет главной в его публицистике 1990–2000-х, ляжет в основу его патриотической доктрины. Он выстрадал её личным опытом.

1982 год оказался одним из самых трудных в его жизни.

Ему шёл шестидесятый год. Впрочем, он совсем не ощущал себя старым человеком. Душа по-прежнему была молодой и жадной. Да и физически он чувствовал себя отлично. Его не затрудняли ни постоянные поездки, перелёты, ни ежедневная многочасовая работа за письменным столом. Он чувствовал свою интеллектуальную силу. Набирал от книги к книге литературный опыт, совершенствовал мастерство. Вслед за писательским успехом пришло признание его как общественного мыслителя. О нём продолжали писать газеты, его приглашали на радио и телевидение, брали интервью. Он создавал своё религиозно-этическое учение. Он сознавал себя Богом.

И вдруг земля ушла из-под ног. «Остров Зиновьев» тряхнуло так, что он почти раскололся напополам. Не обошлось без «добрых» людей (а злых и звать не пришлось!). Вбивали клинья со злорадным усердием. «Помогали» разладу всем миром.

Он был растерян. Он был потерян. Он плакал.

Он впервые не знал, как быть.

Начал пить, задумываться о самоубийстве.

Немногочисленные друзья предпринимали всё, что могли, чтобы вывести его из этого состояния. Дмитриевич предложил приурочить к открытию филиала своего издательства в Париже презентацию первого тома французского перевода «Жёлтого

дома» и выставку его картин и рисунков. 1 декабря состоялся вернисаж. Дмитриевич расстарался. Созвал весь парижский интеллектуальный бомонд. Кого только не было. Его приветствовали и поздравляли Владимир Максимов, Андрей Синявский, Мария Розанова, Зинаида Шаховская, Ефим Эткинд, Раймон Абеллио, Анри Полес, Эмиль Копферман, Жорж Олдас, Раймон Арон, Жорж Нива, Мишель Окутюрье, Марсель Арлан, Пьер Грипори, Эдгар Морэн, Жан Распай, Ренэ Герра, Юзеф Чапский, Мариан Панковский. Выставка имела успех. Даже «Русская мысль», в последние время не баловавшая его вниманием и, вообще, сдержанно откликавшаяся на его новые книги, опубликовала подробный отчёт о мероприятии.

Корреспондент «Русской мысли» А. Хвостенко писал: «Книги Зиновьева, пишущего по-русски, переводятся на все языки мира и интерес к ним огромен. Можно с уверенностью сказать, что Запад после его книг в значительной степени изменил своё отношение к советской реальности. Метод и взгляд Зиновьева в исследовании и авторской интерпретации этой реальности оказались достаточно универсальны. И хотя русские коллеги и русские читатели не всегда разделяют выводы Зиновьева, не пройти мимо его свидетельства сейчас уже невозможно. <…>

С творчеством Зиновьева-художника мы уже были отчасти знакомы по обложкам его книг, но впервые на этой выставке он предстал перед нами как своеобразный мастер. Рисующий писатель — это целая традиция в мировой литературе. Вспомним Блейка, Гоголя, Гюго, Кокто, Ремизова и многих, многих других. Изобразительный язык Зиновьева сложен и многообразен. Это и живописно разработанные композиции, и линейный рисунок, и быстрый, иногда очень злой набросок с натуры. Но всегда за сюрреалистической причудливостью его листов лежит острое наблюдение жизненного явления, переосмысленное автором блестящей социальной сатиры»[580].

Успех. И кому он теперь нужен?

Дружеская поддержка, конечно, помогала, но, увы, не решала проблемы. От полной гибели и отчаяния спасали творчество и зиновьевская, «карамазовская», страсть к жизни. Свою боль, свою муку, свою любовь и надежду он скупо, но с неукротимой страстью и нежностью прокричал, простонал, пропел в лирической теме «Богиня», которая пронизывает, пронзает судьбу и душу Ивана Лаптева. В бунтарской теме «Одиночество». В оглушающем «Крике души».

БОГИНЯ. ОДИНОЧЕСТВО. КРИК ДУШИ

В доме, где я сейчас обитаю, живёт Богиня. Это —

девочка лет шестнадцати. Она учится в балетной школе… Не знаю, какая балерина выйдет из моей Богини. Думаю, что плохая. Она слишком хороша (или недостаточно страшна) для хорошей балерины. Но женщина из неё выйдет красоты неописуемой. В ней собрались воедино все лучшие качества женской русской красоты. Когда она выходит на улицу, жильцы высовываются из окон, прохожие замирают и оглядываются на неё, шофёры тормозят, ловеласы преследуют её. При встрече со мной она вздрагивает и уступает дорогу. Я с ней регулярно здороваюсь. Она не отвечает на мои приветствия. Я мечтаю о ней все ночи напролёт. Ради неё я тщательно моюсь, стираю своё бельишко, особенно — носки, запломбировал зубы, холю шевелюру и бороду. Хотя одет я как живущий на одну стипендию студент, на баб я произвожу неотразимое впечатление, я это знаю. Знакомые (даже мужчины) считают меня красавцем. Лишь Богиня не обращает на меня внимания. Она ещё не знает, что я — Бог и что она предназначена мне, ибо она — Богиня. А как ей дать знать, что я — Бог, если она — примерная комсомолка, если у неё свои представления о богах, если её красота уже принята в расчёт в её жизненной карьере? Я мечтаю о том, чтобы с нею случилась болезнь, какие я, и только один я, умею лечить. И тогда… Но она здорова и уравновешенна. Безмятежное чело её свидетельствует о том, что у неё нет проблем, и мысли её просты.

Один забулдыга, увязавшийся за мною, остолбенел при виде моей Богини и выругался витиеватым матом.

— Вот трахнуть такую! — резюмировал он свои восторги.

— Чудак, — сказал я, — такие богини появляются для безмолвного обожания. А для «траханья» больше подходят вот такие красотки. — Я кивнул ему на посудомойку из кафе, вытаскивавшую помои с чёрного хода…

…На сей раз я успел первым отскочить в сторону и освободить ей путь, согнулся в изящном поклоне, пробормотав вроде «Ваше Высочество» или «Принцесса». Она милостиво улыбнулась, поблагодарила и исчезла как чудное виденье. Весь день я сходил с ума. Отменил все свои визиты и консультации. Не выпил ни грамма алкоголя…

…Встретил Богиню. Она шла с двумя сытыми и самоуверенными парнями. Я кивнул ей. Она ответила тем же. Парни настороженно уставились на меня. О чём-то оживлённо заговорили. Послышался смех. И она смеялась тоже. Потом один из парней вернулся обратно.

— Эй ты, борода, — сказал он мне, — не приставай к девчонке, а не то руки и ноги переломаем!..

…Я был в гостях — меня кормили ужином в одном почтенном семействе за мелкую услугу хозяину. Смотрели все вместе телевизор. В нём демонстрировали достижения балетной школы. И я увидел Её. Она была в центре программы. Увидев Её, я забыл про еду, хотя голоден был чрезвычайно. Хозяин сказал, что Она — «хороша девочка, пальчики оближешь, аппетитная». Семнадцатилетний сын хозяина сказал, что балерина она ерундовая, бездарная, но телеса и мордочка — великолепные. Пятнадцатилетняя дочь хозяина сказала, что этого достаточно, чтобы сделать хорошую карьеру. Переспит, с кем надо, и всё! Хозяйка сказала, что «все они там проститутки». Сын сказал, что «там процветают извращения», что танцоры там — гомосеки, а балерины — лесбиянки. Хозяин сказал, что это всё идёт от диссидентов! Они разговаривали в таком духе, комментируя части тела и движения моей Богини. А я смотрел на Неё, как заворожённый, и твердил про себя как молитву: «Спи с кем угодно, танцуй плохо, доноси, предавай, будь примерной комсомолкой, будь глупенькой и корыстной! Только будь! Только позволь мне хотя бы иногда, хотя бы издали, хотя бы на миг видеть тебя!» Программа кончилась. Чудное видение исчезло…

…Наступила полоса неудач и одиночества. Нет близкой женщины — вот суть одиночества. И я богохульствую: зачать без мужчины — дело нехитрое, ты попробуй зачать без женщины!..

…Если бы мне пришлось выбирать одно из двух — мировое признание меня в качестве творца новой религии или хотя бы один час обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе…

…Богиню привёз домой далеко за полночь лысый, разодетый во всё заграничное мужчина лет пятидесяти.

Он проводил её до парадного. Обнял. Поцеловал. Она ответила ему тем же.

Взглядом холодным окинь
Нашу чудо-планету.
Нету на ней богинь,
Значит, и Бога нету.
И если уж тут — тоска,
То тысячу лет пространствуй,
Не сможешь их отыскать,
Всё перерыв пространство.

…Повторяю и настаиваю: если бы мне пришлось выбирать одно из двух — мировое признание меня в качестве творца новой религии или несколько минут обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе…

…«Человек одинокий, — сказал Екклезиаст, — и другого нет». Екклезиаст прав, но… Но… Хотя я ещё молод, я в этом деле одиночества опытный специалист. Быть одиноким — моя судьба и моё призвание. Но бороться против одиночества есть тоже моё призвание. Но не судьба, к сожалению.

В одиночестве есть свои плюсы и свои минусы. Но не в них дело. Суть одиночества в другом. Твой жизненный путь пролегает так, что ты лишь внешне и случайно соприкасаешься с другими людьми, причём — без взаимного проникновения душ. Это — самое мучительное состояние человека. Можно вынести любые страдания, кроме одиночества. Одиночество — главная причина смерти. И выход из одиночества есть лишь смерть. Для обычных людей — самоубийство есть хорошее средство. Для богов же — лишь путь на Голгофу.

Христос мог избежать Голгофы. Но он не стал уклоняться от неё, — он был одинок, и он понимал, что иного выхода из одиночества у него не было. Против одиночества нет лекарств и нет упражнений, как преодолевать его.

От одиночества нет спасения.

Бог одинок. Ужас его положения — он бессмертен…

…И ко всему прочему: если бы мне предложили выбирать одно из двух — мировое признание в качестве

творца новой религии или хотя бы несколько секунд обладания моей Богиней, — я бы выбрал второе. Хотя бы лишь взять её за руку, посмотреть в её глаза и чтобы она ответила мне взглядом и пожатием руки. И всё! Я бы сказал: я достиг вершины жизненного блаженства…

…Меняю должность Бога и Вечность на одну минуту заурядного человеческого счастья. Кто согласен на эту Мену?..

Молчание.

…В газете появилась большая статья о советской балетной школе и о нашем городском балете. В центре статьи — большая фотография моей Богини. Я вырезал её из газеты и с тех пор постоянно ношу с собой. Говорят, её уже включили в труппу театра, и она уже выступает. Пойти в театр я не могу — слишком дорого. Да и не так-то просто: билет можно купить только у спекулянтов. Я караулю её у дома, но за ней теперь приезжают на машине. И привозят обратно поздно ночью на машине. Иногда — под утро. Я целыми ночами хожу под её окнами в надежде увидеть хотя бы её тень в окне. Я твержу давно забытые слова из старинных русских романсов. Пытаюсь сам сочинить что-нибудь. Но у меня ничего не получается. У меня лишь щемит сердце. И от безысходной тоски я не знаю, что делать. И снова меня стала настойчиво посещать мысль о самоубийстве.

Наступила осень. Ей дали новую квартиру. Она уехала в район для привилегированных персон нашего города…

Послание Богине
Любить тебя,
Пусть не любимым быть тобою,
Вот мой теперь
Единственный завет.
Всё остальное —
Суета сует.
Всё остальное я сдаю без бою…

…Я в эту проповедь вложил столько сил, что по окончании её почти потерял сознание. Восторженные, неиствовавшие ученики бросились было ко мне, но Серый остановил их: Учителю нужен отдых. Он увёл

меня в соседний пустой класс, усадил за парту, обнял, как любимое дитя.

— Ты, старик, молоток, — сказал он. — Ты цены себе не знаешь. Ты же — золотая жила. Ты один — целый Клондайк. Нет, ты алмазная россыпь размером с угольный бассейн. Ты… Ты… Ну, сейчас мы отметим успешное начало в самом шикарном ресторане. Заказывай, что душа пожелает! А потом к девочкам. У нас, старик, штук десять приглашений! Успех! Феноменальный успех!

Я сказал, что мне ничего не надо, что мне надо побыть одному, сосредоточиться и восстановить духовные силы. С чёрного хода я незаметно выскользнул на улицу и пошёл куда глаза глядят. Я превратился в дряхлого старика. Плечи мои обвисли, мускулы одрябли и исчезли совсем. Волосы слиплись в жирные пряди. Угроза и страх бессонницы овладели моим сознанием. Вокруг суетились люди, — десятки, сотни, тысячи людей. Одиночки, пары, толпы. Но они не видели меня. Я для них не существовал. На меня накатился ужас безнадёжного и бесконечного одиночества. Мне некуда было идти. Мне негде и не с кем было остановиться.

— Боже, — шептал я в отчаянии, — что происходит со мной? Научи меня тому, от чего хотят избавиться и что хотят одолеть эти люди! Дай мне хотя бы самую малость человеческого счастья — дай мне хотя бы крупицу пошлости, подлости, злобы, зависти, корысти, лжи, предательства, скуки… Дай мне всё то, чем живы люди! Верни меня в этот ужасный, но прекрасный человеческий мир[581].

Он не знал, что он умеет писать *так.* Про это.

Тогда же он создал картину, которую назвал «Зависть». Поясной портрет. Ольга. В чёрном пальто с поднятым воротом и в чёрном берете — почерневшая. Белое лицо. Маска. Отчуждённый взгляд. Края губ опущены. Вкруг неё, один на другом, жутким обрамлением скалят пасти злобные черепа. Уродливо, остервенело. Пялят пустые глазницы. Сейчас сожрут — только дрогни. Красный фон, точно пламя преисподней, лоскутами оплетает хрупкую фигуру, идущую сквозь толпу мертвяков. Опаляет. Им обоим было больно. Свою Богиню он вымолил.

Ведь он был Бог.

«Остров Зиновьев» выдержал удар стихии. Мир тем временем

вступал в эпоху глобальных потрясений. Уже ограниченный контингент советских войск увяз в Афганистане. Уже волной исламской революции в Иране сметён с престола шах. Уже прогремели выстрелы на площади в Каире и убит президент Египта Анвар Садат, активный участник мирного урегулирования конфликта с Израилем, лауреат Нобелевской премии мира в 1978-м. В Ливане который год полыхает гражданская война между христианами и мусульманами и некогда цветущий край, «Ближневосточная Швейцария», превращён в погост и руины. На военном положении сотрясаемая гражданским конфликтом Польша. В СССР Юрий Андропов, всесильный шеф КГБ, пришедший на смену умершему Брежневу, пытается начать преобразования в явно закосневшем и деградирующем хозяйстве страны. Американцы объявили о начале реализации программы Стратегической оборонной инициативы и готовятся размещать в Европе баллистические ракеты среднего радиуса действия с ядерными носителями. Президент США Рональд Рейган объявил Советский Союз «империей зла». Гонка вооружений набирает новые обороты. Разговоры о третьей мировой войне и грядущем апокалипсисе ведутся на каждом шагу.

Что происходит? Что впереди?

Ему непрестанно задают эти вопросы, требуют комментариев, ждут разъяснений. «Когда я поселился во Франции в 1980 году, — вспоминает Эдуард Лимонов, — он находился в зените славы. Его приглашали на телевидение комментировать любое событие в России, любой чих, не говоря уже о смерти генсеков»[582].

Его ответы качественно отличались от высказываний большинства аналитиков. Он не фокусировался на актуальных фактах, будораживших сознание обывателя, какими бы впечатляющими эти факты ни были. Отталкиваясь от них, он всякий раз предлагал смотреть на события шире — как на проявление глубинных социально-политических процессов. То, что происходит здесь и сейчас, — лишь малый фрагмент начавшегося длительного исторического периода, сроки и конкретные результаты которого никем не предопределены. Говорить о текущих событиях, оперируя категориями политологов, бессмысленно. Бессовестное шарлатанство, отвлекающее внимание от главного. Необходимо понимать суть происходящего, ключевую тенденцию развития событий, а это невероятно трудно. «Проблемы, о которых мы думаем, — объяснял он, — либо неразрешимы принципиально, либо разрешимы лишь усилиями многих миллионов людей в течение долгой жизни многих поколений. Да и то лишь отчасти разрешимы. Да и то разрешимы в такой форме, какую мы, если

бы мы дожили до тех пор, не сочли бы решением. А мы между тем наивно надеемся на то, что эти проблемы могут быть решены сейчас, решены волевым усилием отдельных людей, их небольших групп или партий, решены как некое одноактное мероприятие (например, законодательством, революцией, бунтом, мирным захватом власти, голосованием), решены по крайней мере массой населения в течение жизни одного поколения»[583]. Он видел всё в ином масштабе и оценивал иными мерками, удивляя и озадачивая интервьюеров.

В этих беседах и в многочисленных публичных выступлениях формировалась его концепция современности, которая станет базой для его фундаментальных исследований по вопросам социологии глобального мира. Тезисно она звучит так: «Образование единого сверхобщества, объединяющего всё население планеты, не есть вздорный вымысел шизофреников. Это — объективная тенденция развития человечества. Более того, это — вопрос жизни и смерти для него. Но это объединение человечества в единое общество произойдёт не как некий гармонический процесс и не путём добровольного и разумного соглашения. Оно будет происходить скорее всего в жестокой борьбе, в которой будут уничтожены целые народы и государства, — в борьбе за мировое господство. <…> Это объединение, далее, будет происходить как установление международного разделения функций и иерархии народов. Мы можем как угодно реагировать на это. Но позиция наших потомков будет совсем иной. Они без всяких волнений будут учить в школе, что в такое-то время на земле погибло в результате борьбы за создание современного им общества столько-то миллиардов людей, на два или три столетия мир погрузился в разруху, но затем был восстановлен прежний уровень жизни, а затем этот уровень был превзойдён. Наше положение трагично, ибо мы уже вовлечены в этот исторический процесс, но никогда не узнаем направления и итогов его»[584].

Одна из главных тем актуальной публицистики Зиновьева первой половины 1980-х — отношения Востока и Запада, коммунизма и капитализма. Свою позицию в этом вопросе он сформировал ещё в 1979-м. Выступая 13 декабря 1979 года в «Доме Америки» в Мюнхене с докладом «Восток и Запад», он говорил о недооценке Западом угрозы, которую несёт коммунистическая идея. Он настаивал на том, что опасность состоит не в военной мощи Советского Союза и стран Варшавского договора, а в самой установке, которую отстаивает и пропагандирует коммунизм, в тех социальных соблазнах, которыми искушает коммунизм массы: «Что может обещать Запад

миллионам людей, лишённым материальных благ или имеющим их не в той мере, как хотелось бы? Только реальные средства цивилизации: труд физический и интеллектуальный, причём — из поколения в поколение. А что обещает Восток? Разрушьте источник всех зол — западную цивилизацию, и вы будете иметь всё! Что соблазнительнее для народных масс? Это очевидно»[585].

Зиновьев упрекал Запад в готовности идти на компромиссы и сотрудничество с коммунистическими государствами, предупреждая, что никакого «взаимовыгодного» партнёрства у Запада с Востоком быть не может по определению, ибо это неравнозначные явления. Запад разнороден и разобщён, он не имеет чётко сформулированной позитивной цели, он самокритичен и не готов идти на жертвы. Ему есть что терять. «Восток готов потерять многое сам и причинить любой ущерб Западу вплоть до полного уничтожения. Запад боится потерять даже малость и тем более нанести Востоку значительный ущерб. Запад связан своей социальной рефлексией и хронической больной совестью. Восток не связан ничем, кроме внешней силы. Совесть его чиста, ибо она отсутствует вообще как социально значимое явление»[586].

Вот характерные заголовки выступлений и интервью Зиновьева, появлявшихся в эти годы на страницах западных газет: «Тяжкая безответственность Запада», «Реакция Запада смехотворна», «Запад роет себе могилу», «Запад остаётся естественной зоной расширения Советского Союза», «Запад слеп», «Морально Запад очень слаб», «Чтобы выжить, Запад должен защищаться», «Кризис на Западе. Идеология вины», «Запад видит Россию такой, какой он хочет её видеть», «Слабость Запада в том, что он не может использовать свою силу» и т. п.

«Американские представления о Советском Союзе ужасные, — говорил Зиновьев корреспонденту стэнфордской газеты „Times Tribune“ в ноябре 1982 года в связи с сообщением о смерти Брежнева (в это время он находился в США с лекционным туром по университетам Америки). — В целом я оцениваю ситуацию как недоразумение, отсутствие желания понять. Западные люди предпочитают видеть в Советском Союзе то, что они хотят видеть, но западные концепции Советского Союза не имеют ничего общего с реальностью»[587].

В одной из начальных глав «Гомо советикус» рассказчик ехидно рассуждает, не написать ли ему роман: «Причём в первоначальном смысле слова: о любви. Но о любви особой — между Советским Союзом (Москвой, короче говоря) и Западом. <…> Любовь между моими героями является не только подлинной, но и современной: она гомосексуальна. Причём

Москва есть активный партнёр. Спросите любого советского человека, что Москва делает с Западом, и вы услышите нечто такое, что подтверждает моё предыдущее утверждение. Граждане западных стран скажут то же самое, только в более приличных выражениях. Но отношение наше к этой связи в корне различно. Запад считает её здоровой и испытывает от неё сладострастное удовлетворение. Мы же испытываем чувство стыда и брезгливости. Правда, не за себя, а за Запад»[588].

Он призывает Запад не верить коммунистическим лидерам, ибо дело не в личности, а в строе. Умер Брежнев, на его место пришёл Андропов. На Западе заговорили о каких-то либеральных реформах, которые якобы будет проводить новый генсек. Чушь! Зиновьев зло иронизирует: «Новый Генсек в течение пятнадцати лет успешно громил оппозицию в стране и ещё более успешно создавал мощнейшую в истории советскую агентуру на Западе. Так что он лучше, чем его предшественник, знает нужды людей и фактическое положение в стране и в мире. Он наверняка прикажет это положение улучшить. Только как и для кого?»[589] Все преобразования закончатся банальными перестановками и неизбежной в таких случаях ротацией кадров, стилистическим обновлением риторики и прочей бутафории. Суть не изменится.

Критика политики Запада в отношении к СССР, начатая в «Гомо советикус», масштабно развёрнута на страницах романа «Пара беллум». По форме своей — это шпионский роман. Действие происходит в недрах главного политического ведомства СССР — КГБ (в первой части «Если хочешь мира») и «на земле» — в Германии (во второй «Рука Москвы»). Запад оценивается глазами главного руководителя советской активностью в отношении стран Запада, прозванного коллегами Западником, его бывшим однокурсником, а ныне политическим эмигрантом Социологом (в образе которого легко угадывается сам Зиновьев) и тайным агентом КГБ в Германии по прозвищу Немец (ему Западник поручает задание ликвидировать Социолога). Зиновьев предлагает читателю взглянуть их глазами на западную цивилизацию и почувствовать, в чём её слабость и уязвимость. Западу, убеждён Зиновьев, чтобы реально понимать угрозу, исходящую от «гомососов», не хватает взгляда на себя со стороны «гомососов», оценки своей системы в их критериях и логике. Романом «Пара беллум» он восполняет этот пробел.

И, как во всех книгах Зиновьева, в «Пара беллум» продолжается исследование советского мира и советского человека. В этом романе, как и в написанном годом раньше романе «Нашей юности полёт», представлен «гомосос» у власти. До того героями Зиновьева были представители гражданского общества. Конечно, среди них были и те, кто занимал ответственные посты, но всё же их ранг и степень участия в непосредственном управлении страной были незначительны, да и представлены они были скорее карикатурно и со стороны. Теперь Зиновьев показывает «гомососов», облечённых властью, непосредственно. Он прослеживает, как зарождается в сознании «гомососа» идея власти, что она для него значит, как он её представляет, зачем она ему и что он делает, чтобы её добиться.

Он напрочь развенчивает «гомососа» во власти. Власть для «гомососа», показывает Зиновьев, это всего лишь политический инструмент для удовлетворения примитивных человеческих нужд и похотей. Во власти для «гомососа» нет никакой сакральности служения государственным интересам или общественным идеалам. Она функциональна. Она опошлена и выхолощена. Социальное содержание власти «гомососу» неинтересно, его волнует только её примитивная, утилитарная сторона.

Лишённая смысла власть платит «гомососу» взаимностью. «Гомосос» во власти обезличен. Как только он пытается заявить свою индивидуальность, он тут же отторгается от управления. Власть «гомососа» механистична, и потому она неподконтрольна ему, но сама держит «гомососа» цепкой хваткой. Он раб власти, ибо страшится потерять её. «Гомосос» вожделеет обладать властью и равно боится её. Боится власти, не обладая ею, и в неменьшей степени, находясь у руля. Поведение «гомососа» во власти противоречиво. Он не желает ею с кем-нибудь делиться, но он и не хочет брать на себя одного ответственность. Поэтому власть «гомососов» носит коллективный характер.

«Гомосос» во власти бессилен и жалок, будь он хоть сам генсек, но власть «гомососов» всесильна и безжалостна, даже если это власть ничтожеств. «Народы и страны живут обычной жизнью, не подозревая о том, что где-то в Москве сравнительно небольшая группа серых, невзрачных, поразительно похожих друг на друга, ко всему привыкших человекообразных существ планирует какие-то аспекты их жизни и приводит свои планы в исполнение. Час за часом, день за днём, год за годом, десятилетие за десятилетием… Именно эта рутинообразная работа, не прекращающаяся ни на минуту, а не выдающиеся спорадические действия выдающихся личностей, даёт эффект, время от времени поражающий человечество грандиозностью делаемого дела»[590].

В середине мая 1983 года Зиновьев едет в Вену по приглашению австрийского телевидения для участия в международном симпозиуме «Религиозная свобода и права человека в Восточной Европе». На форум собираются более 120 журналистов, учёных, политологов, общественных деятелей со всей Европы. Его доклад «Марксистская идеология и религия» стоит в программе пленарного заседания. Ему предшествуют приветственные речи архиепископа Вены Франца Кёнига и президента Австрии Бруно Крайского. В своём выступлении Зиновьев излагает основные идеи, касающиеся социальной роли религии и идеологии, конкретизируя их на примере жизни советского общества. Как идеолог, он выступает против

марксизма. Как учёный, утверждает его реальность и действенность, его влияние и силу.

Он вновь пытается убедить западных интеллектуалов в напрасности их ожиданий принципиальных изменений в СССР в связи с деятельностью Ю. В. Андропова. Права человека и демократические свободы не существуют сами по себе, напоминает Зиновьев участникам симпозиума. Они отнюдь не присущи человеческой природе. Они являются понятиями, которые складывались медленно в течение всей истории западной цивилизации. Невозможно сравнивать коммунистический режим и западную демократию. Эти две системы не имеют ничего общего. Если бы советское правительство вдруг издало закон о введении демократической свободы в СССР, результатом был бы хаос, рост преступности и распад всего общества. «Гомо советикус», советский человек является продуктом идеологической системы. Не стоит надеяться на то, что плохие условия жизни побудят советских людей к акциям протеста и свержению власти. Идеология способна объяснить любую ситуацию и дать нужную для существования коммунистического строя оценку её. Иногда говорят, что марксизм устарел. Если говорить о марксизме как о научной теории, то она является устаревшей, но если говорить о марксизме как об учении, как об идеологии, инструменте для формирования человека, то оно вечно. Марксизм пришёл на смену религии. Зиновьев убеждён, что так называемое «духовное возрождение» в СССР не представляет собой никакой угрозы для марксистской идеологии. Идеология не требует того, чтобы быть объектом поклонения, достаточно, чтобы быть принятой в качестве системы управления. Люди в СССР не верят в марксизм, но принимают его в качестве основы общества. В свою очередь, марксизм позволяет людям избавиться от бремени веры или совести, что оправдывает ложь, лень, беспечность. В долгосрочной перспективе, считает Зиновьев, вакуум, созданный отсутствием веры, неизбежно возникает. Человек, вне зависимости от социального строя, в котором он живёт, остаётся существом религиозным, и он страдает от потери своей души. Но организованная религия больше не отвечает духовным потребностям людей. Русская православная церковь стала советским учреждением, и духовное возрождение идёт часто за пределами Церкви, носит спонтанный, неорганизованный, рассеянный характер и не представляет реальной угрозы для власти. Молодые люди, которые носят крест, читают Библию или Достоевского, не преступники, бандиты и воры, и пока они не вмешиваются в политику коллективно, их не трогают. Завершая

выступление, Зиновьев обращает внимание слушателей на историческую молодость коммунизма. Советское общество находится в зачаточном состоянии, оно имеет за плечами только шестьдесят лет, в то время как западная цивилизация два тысячелетия. Поэтому все суждения о стране, которая иногда представляется как рай, а иногда как ад, относительны. Он обращается с призывом придерживаться научного подхода в анализе любых явлений в социологии, хотя, сетует он, это часто никому не нужно, а попытки серьёзного разговора встречают сопротивление. Причём как со стороны представителей коммунистической идеологии, так и со стороны её противников-диссидентов. Он слишком хорошо это знает, так как неоднократно убеждался в том на собственном опыте.

Уже на следующий день подробное изложение доклада Зиновьева было опубликовано на первой полосе парижской «Le Monde», а затем в течение ближайших дней разлетелось по страницам десятков газет в Австрии, Швейцарии, Италии, Франции, ФРГ.

Он использует каждую возможность для пропаганды своей концепции реального коммунизма. В канун 1984 года и потом в течение года в Европе проходит ряд крупных симпозиумов и встреч, посвящённых роману Дж. Оруэлла «1984», в том числе в Страсбурге, в Совете Европы. В своих выступлениях и докладах на этих собраниях Зиновьев шокирует аудиторию своей полемикой с Оруэллом, которому он отказывает в справедливом описании коммунистического строя. Роман Оруэлла как художественное произведение замечателен, признаёт Зиновьев, но относиться к нему как к научному прогнозу, а именно такая тенденция видится Зиновьеву в современных интерпретациях романа, неправомерно. Оруэлл писал свою книгу в определённых исторических условиях и отразил то представление о будущем, какое имели в тот момент его современники, только что пережившие мировую войну, победу в которой одержал Советский Союз, их страхи перед продвижением коммунистических настроений и практик в Европе. Оруэлл описал только то, что он мог наблюдать, что уже было в реальной истории, поэтому он такое внимание уделил тоталитарной системе власти, но он игнорировал логику социальных законов развития общества. Он их просто не знал, да и не ставил перед собой задачи их познать. Поэтому опираться на роман Оруэлла в оценке перспектив развития человечества — значит вводить себя и окружающих в заблуждение. В своей критике интерпретаторов знаменитой антиутопии Зиновьев опирается на собственные исследования и тезисно излагает их.

В этом же ключе, с позиций научного анализа реального

коммунизма и его роли в современном мире, построено выступление Зиновьева «Предупреждение о будущем. Мир после Третьей мировой войны» на представительном конгрессе «Второй ренессанс» в Токио, который состоялся в апреле 1984 года и среди участников которого были Э. Ионеско, Х. Л. Борхес, К. Пендерецкий, В. Некрасов, Э. Кузнецов.

В мае он представлял свою концепцию участникам дискуссии на IX Международном кинофестивале научно-фантастических фильмов в Метце.

В ноябре его доклад «Марксизм и реальное коммунистическое общество» горячо обсуждался на международном конгрессе «Марксизм — несостоявшаяся философия нашей эпохи?» в Штутгарте.

Несмотря на то, что он оставался одним из самых востребованных политических аналитиков, у него складывалось впечатление, что его не слышат. Слушают, но не понимают. Не верят тому, что он говорит, хотя говорит он о вещах, казалось бы, очевидных, говорит ясными, простыми словами, доступно и аргументированно. Временами ему казалось, что существует какой-то корпоративный заговор против него лично. Но нет же: вот ведь опять приглашают со всех концов света, опять просят интервью, опять предлагают целые полосы и развороты для его публикаций.

На самом деле те, кому это было нужно, читали и слушали его с большим вниманием. Учитывали в своей работе и планах его анализ и рекомендации. «Коммунизм как реальность» штудировали с карандашом в руках. Его усилия не прошли даром. Он убедил. Он победил.

Увы, это оказалась пиррова победа.

Как воскликнет он с отчаянием через десять лет: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Этой вины он с себя никогда не снимал. Признавал, что его работы использовали противники коммунизма. «Я занимался наукой понимания, а советологи — наукой убийства. Я хотел узнать, что это за зверь (коммунизм. — *П. Ф.),* а они — как легче убить этого зверя. Мои же книги использовались всё-таки против советской власти. Но это моя личная драма или трагедия»[591]. «То, что я писал о советском строе, — истина. Но если бы я знал, что мои книги будут использованы против моей страны, что в результате будет не разгром просто коммунизма, а разгром России, — я бы такие книги писать не стал»[592].

Вопреки мрачным предсказаниям Оруэлла, 1984 год принёс в его жизнь много радостных событий. Весной они переехали в

собственную квартиру на Завитсштрассе, 43 (Savitsstraße). Купили, взяв кредит на 32 года, первый этаж с подвалом в стандартном двухэтажном домике на самой северо-восточной окраине Мюнхена, в районе Богенхаузен. Если добираться до центра общественным транспортом, то нужно ехать на электричке, до которой идти от дома минут пять пешком. Впрочем, у них, как у всех здесь, была машина. Так что особых неудобств в связи с отдалённым от центра расположением не возникало. Напротив. Здесь было тихо, как в деревне. Перед входом уютный палисадник. На заднем дворе небольшой садик. Прямо через дорогу начиналось поле. После напряжённых поездок в Париж, Милан, Лондон, Нью-Йорк в этой, почти сельской местности силы восстанавливались быстро, работалось хорошо. Соседи практически не беспокоили.

В подвальной комнате он обустроил себе кабинет, который был одновременно и живописной мастерской. Просыпался, по обычаю, рано, в половине шестого (ложился тоже рано, в восемь, в половине девятого вечера), и пока «остров Зиновьев» спал, шёл к себе работать. Работал и в течение дня, перемежая писание с различными домашними трудами, встречами, выездами в город и прочими повседневными занятиями.

Они жили гостеприимно, открыто. По четвергам устраивали журфиксы. Да и в другие дни всё время бывали люди. Русские знакомые из Мюнхена, немецкие друзья, московские знакомые, которых жизнь разбросала по миру и которые иногда оказывались в Мюнхене. Профессора, журналисты, литераторы, музыканты, актёры. Он всегда любил живое общение, компании, умную беседу, острую шутку. С интересом слушал. Увлечённо говорил. Страстно спорил. Ольга удивляла собравшихся своей кулинарией, очаровывала элегантностью и умом. К Зиновьевым любили приходить. У них было интересно. Живо. Необычно. На стенах висели сюрреалистические картины. Здесь обсуждали не цены на бензин и погоду (хотя ничто человеческое им было не чуждо). Здесь всё время кипела мысль, бурлила фантазия, происходило что-то особенное.

Полина из девчонки с косичками превратилась в умного колючего подростка.

Сохранился автошарж Зиновьева: длинноногая-длиннорукая дылда идёт за ручку с лилипутом (ростом по колено) Зиновьевым.

— Кто ты, девочка длинная?

— Отвечаю: Полина я.

— А кого ты ведёшь за лапу?

— Моего маленького папу[593].

Ольга писала родственникам: «Полина ходит в 8-й класс. Барышня с характером, густыми-густыми волосами, длинными ногами, ростом 171 см. Она очень хороший товарищ (и мне в том числе), справедливая, честная, не вылезает вперёд, жутко стесняется, когда нас в связи с чем-нибудь показывают по телевизору, влюблена в Англию и английский язык, рисует, ходит крючком, воспитывает папу. Пишет романы, в основном по-немецки, увлекается жутчайшей современной музыкой — и всё-таки послушный ребёнок»[594].

Вся натура её была безусловно гуманитарной. Ещё с раннего детства проявился унаследованный по отцовской линии талант к художеству и сочинительству (как, впрочем, и темперамент). Она изрисовала тысячи листов, объединённых в разнообразные серии. Придумывала комиксы с развёрнутым сюжетом и репликами. Сочиняла короткие рассказики из жизни мышей и кошек. Но не только. Писала и тексты на социально-политические темы — с кем поведёшься! Простодушные, но горячие. «Товарищ Андропов, — обращалась она смело к всемогущему генсеку и, выводя каллиграфическим почерком строчку за строчкой, сбиваясь иногда в грамматике и лексике, требовательно убеждала: — хотя я не могу приказывать, но я прошу, перестаньте, пожалуйста, войну. Из-за войны миллионы людей умирают, многих убивают и терзают, зачем война, только потому, что один штат (то есть государство. — *П. Ф.)* хочет быть сильнее чем другой, но почему же из-за этого должны миллиарды страдать? Мы дискутируем по религии (то есть на уроках. — *П. Ф.)* про войну, какая она плохая, что она натворяет, что она разрушает. Раньше детей учили любить войну, её делать и ненавидеть врагов. Теперь детей учат ненавидеть войну и любить других, но всё равно на свете есть ещё террористы, войны и злость. Если бы, например, немцы ненавидели русских, как это было раньше, то во всей Германии не нашлось бы русского духа. Я русская, моего папу лишили советского гражданства и за 3 дня сказали, 6 августа (78 г.), вы должны покидать Москву и улететь в Мюнхен. Мне тогда было шесть лет и я не понимала, что такое война, злость и терроризм. Теперь я всё это знаю. Все люди, которых я знаю, наша семья и наши друзья, все ненавидят войну, и хотят её прекратить. Поэтому я прошу от имени нашей школы, моей семьи и друзей, прекратите, пожалуйста, войну, ведь так много людей страдают из-за неё»[595].

Папина дочка!

Старательная учёба, поездки по Европе, посещение музеев, театров, концертов, общение с неординарными людьми,

приходившими в дом, и, конечно же, ежедневные «спарринги» с родителями способствовали развитию в ней личности разносторонней, вдумчивой, ищущей. «Она стала для нас с Ольгой вполне равноправным собеседником, а зачастую обнаруживала более обширные познания, чем наши»[596], — писал Зиновьев.

Интерес к его творчеству не спадал. Один за другим выходили переводы «Гомо советикус» — в Париже по-французски (второе издание), в Лондоне на английском и польском языках, в Стокгольме на шведском, в Цюрихе на немецком. По опросу мюнхенского еженедельника «Abendzeitung» немецкий перевод романа в первую неделю продаж был отмечен дипломом «Звезда недели». В Норвегии издали «Зияющие высоты». В Нью-Йорке и Лондоне вышла на английском книга «Коммунизм как реальность». В Лондоне же — «Жёлтый дом» («The Madhouse»). В Лозанне на двух языках (русском и французском) напечатано «Евангелие для Ивана». Изданы французский и польский переводы романа «Нашей юности полёт».

О нём писали лондонские «The Times», «Sunday Telegraph», «The Observer», парижские «Le Figaro», «Liberation», «Le Magazine Hebdo», «L'Unité», венский «Wiener Journal», немецкие «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и «Die Welt», брюссельская «La libre Belgique», не говоря уже о десятках региональных изданий. Он дал большие интервью для «The Encounter», «Le Matin», «Corriere della sera», «Paris Match». Его беседа с Дж. Урбаном в «The Encounter» вызвала жаркую дискуссию. В следующем номере журнала с развёрнутыми комментариями к ней выступили профессор философии университета Нью-Йорка, старший научный сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира в Стэнфорде Сидней Хук, переводчик книги «Коммунизм как реальность» Чарлз Дженсон, польский диссидент, переводчик, публицист Константы Еленски, профессор политических наук Массачусетского технологического института Уильям Гриффит, профессор Массачусетского университета в Амберси Пол Холландер, руководитель программ для Восточной Европы австрийского радио и телевидения Пауль Лендвай.

Он по-прежнему оставался ведущим интеллектуальным ньюсмейкером русской эмиграции. В конце года французский еженедельник «L'Express», выходивший тиражом пять миллионов экземпляров (!), обратился к профессору Женевского университета Жоржу Нива сделать для журнала большую беседу с Зиновьевым. Интервью, ставшее главной публикацией выпуска, появилось в апреле 1985-го и называлось «L'Etat Zinoviev» —

«Государство Зиновьев». Оно сопровождалось полосной иллюстрацией в виде коллажа. На красном фоне крупный чёрно-белый портрет Зиновьева, сделанный во время одного из его выступлений: он что-то разъясняет аудитории, энергично жестикулируя правой рукой. Вокруг его головы, точно вокруг солнца или атомного ядра, по схематическим орбитам летают «планеты»-«электроны» с портретами Ленина, Сталина, Солженицына и Сахарова. Или это цирковые шарики, подвластные виртуозной игре жонглёра?

8 июня 1984 года, в прайм-тайм, баварское телевидение показало сорокапятиминутный документальный фильм «Александр Зиновьев. Размышления писателя в изгнании» («Alexander Sinowjew. Betrachtungen eines Schriftstellers im Exil»), созданный режиссёрами Куртом Хофманом и Питом Кохом. В фильме рассказывалось о драматической судьбе Зиновьева, демонстрировались фрагменты его выступлений, эпизоды из повседневной жизни писателя: во время автограф-сессий, за игрой в шахматы, на прогулке, вместе с женой и дочерью. С воодушевлением говорил с экрана о своём друге Мстислав Ростропович.

Демонстрация фильма была приурочена к избранию Зиновьева в действительные члены Баварской академии изящных искусств. В связи с этим 17 июня он выступил перед членами академии с докладом «Голгофа русской литературы».

А через десять дней, 28 июня, в знаменитой мюнхенской галерее «Вилла Штука» открылась масштабная выставка его картин и рисунков, на которой было представлено около 60 работ, созданных как в Москве, так и в Мюнхене. Многие из них были проданы прямо в день вернисажа по очень хорошей цене. Например, карикатура «Ведущий идеолог» ушла за две тысячи марок, «Либеральный карьерист» — за полторы, «Сексолог» — за тысячу. На открытии был весь артистический Мюнхен, киноактриса Ангелика Бёк, представители местной аристократии барон Перейра, княгиня Инге фон Вреде, иностранные гости, в частности, генеральный консул Испании Альфонс де Арруа.

В августе они присутствовали на свадьбе знаменитого швейцарского писателя и драматурга Фридриха Дюрренматта. Их связывали давние дружеские отношения. Фактически ровесники, Дюрренматт и Зиновьев хорошо понимали друг друга. К тому же Дюрренматт, как и Зиновьев, был отличным рисовальщиком и интересным живописцем. Репродукция картины Дюрренматта «Похороны банкира» использована в оформлении голландского издания «Зияющих высот» (1981). Это был второй брак Дюрренматта. За год до того он похоронил жену, актрису Лотти

Гайслер, с которой счастливо прожил 37 лет. Его новой избранницей стала актриса и режиссёр Шарлотта Керр, с которой он в это время работал над фильмом «Портрет планеты». Свадьба состоялась в Невшателе. Праздник проходил на яхте, посередине озера. Было много гостей. В какой-то момент «молодая», которая, впрочем, была совсем не молода, появилась на палубе в купальнике, демонстрируя всем свою стройность. Как съязвил Александр Александрович, свою «тощую фигуру». Шарлотта им не очень нравилась. При знакомстве в Мюнхене она неприятно поразила их своей невероятной деловитостью и демонстративной немецкостью. Она всё время назвала Дюрренматта Фрицем, что так не шло ему, и это тоже раздражало и коробило. Но, как они поняли, Дюрренматту нужна была образованная, ответственная помощница с отличными медийными связями и умением держать всё в поле внимательного зрения. Как бы то ни было, праздник удался и запомнился.

Через несколько дней они втроём отправились на отдых в Шотландию, куда их пригласил Чарлз Дженсон, переводчик и издатель политического журнала «Soviet analyst», в котором систематически печатался Зиновьев. Дженсон высоко ценил Зиновьева, называя его самым убедительным и членораздельным аналитиком советской ситуации. Это ему принадлежит определение Зиновьева — «Моцарт социологии». Дженсон был остроумен, прекрасно знал русский язык. Не только литературный, но и, что называется, «исконный», сочиняя порой совершенно хулиганские стихи. Любил матерщинные анекдоты и каламбуры.

Дженсон состоял членом «Reform Club», одного из старейших и престижных частных клубов Лондона, в который входят многие представители политической и интеллектуальной элиты Англии и мира. Достаточно сказать, что в разное время его членами были премьер-министры Великобритании Пальмерстон, Гладстон, Черчилль, Тэтчер, писатели Теккерей, Конан Дойл, Генри Джеймс, Фицджеральд, Ирвинг, философы Хайек и Поппер. Благодаря Дженсону Зиновьев был осведомлён о многих скрытых от публичности событиях политической жизни Запада.

Дженсон был женат на Элизабет Сазерленд, представительнице знатного аристократического рода, члене палаты лордов Великобритании. Семье Сазерленд принадлежит практически вся северо-восточная часть Шотландии с реками, озёрами, пастбищами и родовыми замками, в частности замок Данробин (Dunrobin Castle) и др. В этих местах Зиновьевы провели почти месяц. «В Шотландии была невозможная, буквально иностранная тишина, зелёное небо, белые грибы, овцы

и обязательные обеды и ужины (впрочем, с очень-очень милыми и умными друзьями)», — сообщала Ольга родственникам[597].

На память о тех днях осталась шуточная «Шотландская баллада»:

В Шотландии замок старинный стоит
И тайну великую молча таит.
На скалах отвесных высокая башня.
От мысли взобраться становится страшно.
Смотрю на вершину — не верю глазам!
Не верю, хоть вижу отчётливо сам.
Я взгляды бросаю и снова, и снова.
И вижу знакомое русское слово.
Три чёрные буквы веками хранит
Серый замшелый шотландский гранит.
И время уже никогда не откроет
Нам имена их писавших героев.
Вдруг гордое чувство меня охватило.
Я гвоздь отыскал. И с удвоенной силой
Те самые русские буквы царапал.
И пот от усилий с конца носа капал[598].

Не успели приехать в Мюнхен, как опять оказались в центре светской жизни. 4 октября здесь состоялась премьера фильма Федерико Феллини «И корабль плывёт». Швейцарское издательство «Diogenes» выпустило к этому дню одноимённую книгу маэстро. Владелец издательства Даниэль Кеель устроил в честь великого итальянца праздничный ужин. Рядом с виновником торжества на правах почётных гостей сидели по правую руку Фридрих Дюрренматт и Вико фон Бюлов (Лорио), немецкий комик и режиссёр, слева — Александр Зиновьев и Фолькер Шлёндорф, обладатель «Золотой пальмовой ветви» Каннского кинофестиваля 1979 года и «Оскара» 1980 года (за фильм «Жестяной барабан»), немецкая балерина, легендарная Пина Бауш, рядом с Ольгой сидела Джульетта Мазина.

26 октября 1984 года в доме на Завитсштрассе появился новый жилец. Крохотный, пушистый, с фиалковыми глазами. Звали его Дуке фон Реннвег. Вольф-шпиц с благородной родословной на нескольких листах. В домашнем обиходе Шарик. Полина давно хотела собаку, но долгое время осуществить её мечту было невозможно. Ещё в Москве, когда начались неприятности, у неё обнаружилась аллергия довольно широкого спектра, и особенно остро реагировала она на шерсть, поэтому думать о том, чтобы завести у себя какое-нибудь домашнее

животное, не приходилось. Ольга утешала дочь обещанием, что как только у неё выправится здоровье, они возьмут собачку. А пока в её детской жили только игрушечные мыши. Множество самых разных. Больших и маленьких, весёлых и забавных. Целая коллекция. И себя она чувствовала среди них маленькой мышкой. Время шло, Полина ежегодно проходила обследования, и вдруг после очередной проверки оказалось, что аллергии больше нет. Сделали один тест, другой — всё в порядке. Сколько было радости. Наконец-то она дождалась!

Сразу же они отправились в приют для собак. Им не хотелось покупать в магазине, где, как им казалось, животные находились в постоянном стрессе от тесноты, шума и непрерывного внимания покупателей. В приюте Полина просто влюбилась в одного несравненной красоты пса, белоснежного, с чёрными пятнами, но оказалось, что он не продаётся, а просто дожидается здесь уехавших в отпуск хозяев. Что делать. Так вот всегда! На других она даже смотреть не желала. Несколько дней ходила расстроенная. В конце концов даже рассердилась: «Не нужна мне никакая собака!»

Через некоторое время родители всё-таки уговорили её съездить в зоомагазин. Стоял серый осенний день. Накрапывал дождик. Центр Мюнхена был, как всегда, оживлён. Покупатели, искавшие себе домашних питомцев, толкались у витрин. Они вошли. В специальном вольере, за стеклом, копошилась, тявкая, повизгивая и отфыркиваясь, однородная масса щенков. Как тут кого выбрать? Может быть, того, а может быть, этого? А вон ещё какой… Да и тот симпатичный… Или?.. Нет. Пока они присматривались да приглядывались, из общей массы, выбравшись на поверхность, отделилось некое чудо с сиреневыми глазами и внимательно стало за ними наблюдать. Все сомнения сразу отпали. Они нашли друг друга. Точнее, он нашёл их. Он их выбрал и взял себе в хозяева. Нет, не в хозяева, а в родство.

Его доставили в магазин только этим утром. И кто-то даже успел положить на него глаз, но то ли передумал, то ли задерживался где-то. Собака продавалась. Они тут же рассчитались с продавцом и поспешили домой. Всю оставшуюся часть дня они не могли оторваться от него, любуясь и тешась. Через пару дней Шарик был центром внимания всех гостей, собравшихся на очередной день рождения Зиновьева. Пожилые господа, нарядные женщины, как дети, радостно возились с ним на полу.

Ольга шутливо писала в Москву о новом члене семьи: «На старости лет, решив, что, пожалуй, ещё чего-то нам не хватает, потому что осталось свободных 1,5–2 часа в сутки — обзавелись

собакой: да с таким темпераментом, что я сразу почувствовала тяжесть 40 лет. Первые полтора месяца этот проходимец изводил меня своими лужицами — везде, без исключения. И это (хватайся за сердце, пора!) в новокупленной квартире с белыми коврами на полу! <…> Собака до непристойности породистая (получили официальную бумагу — генеалогическое древо вплоть до всех прабабушек и прадедушек). Замечу в скобках, что нам-то это было абсолютно безразлично, т. к. главным было одно: купить собаку во что бы то ни стало — на самом деле для Полинки, которая начав, что братика и чего-нибудь подобного ей не видать, а чувств нежных в ней накопилось много, тем более, что ребёнку пошёл уже 14 год — настаивала на щенке до полной моей капитуляции. А собаку вопреки всем и всему назвали „Шариком“. Надо было видеть физиономии знакомых и просто прохожих, интересовавшихся именем. Шарик? — Что это такое? А по-немецки как? — Kügelchen? Wie nett!»[599]

Заботу о Шарике поручили Полине. Она честно исправляла обязанности хозяйки, но, конечно, и задирала своего четвероногого друга, придумывая всякие приключения на его голову: запихнуть куда-нибудь под кровать, напялить абажур на шею и прочие эксперименты. Позже, выйдя из щенячьего возраста, он перестал относиться к ней всерьёз и даже мог огрызнуться, куснуть для острастки. Вот взрослые — другое дело, люди, достойные уважения и любви. Главенство Ольги не обсуждалось. Она шла вне конкуренции. Тут были настоящая ласка и сердечность, внимание, забота. С Александром Александровичем хорошо гулять, он — незаурядный ходок. И собеседник занятный, глупостей не говорит. Порой спрашивает совета, делится своими размышлениями. Приятно помочь ему в работе.

Поначалу Шарику определили место на кухне. Но довольно быстро он перебрался в родительскую спальню, бесцеремонно располагаясь поперёк кровати, недовольно ворчал, когда тревожили. Вместе с Сан Санычем поутру спускался в кабинет — работать. Черновики, летевшие в корзину, тщательно уничтожались им в мелкие клочья. Краски не любил — воняют.

Он стал им настоящим другом. Без обид и капризов. Без корысти и зависти. Верным, надёжным. Всегда рядом. Снимал стресс, утомление, напряжённость. Лечил. Держал в тонусе. «Я никогда не думал, — признавался Зиновьев, — что собака может принести столько радости и так повлиять на образ жизни семьи. Такого отзывчивого и всепонимающего друга трудно себе вообразить»[600]. Он носил фотографию Шарика в своём портмоне вместе с фотографиями Ольги и Полины. Часто Шарик вместе со

своим хозяином оказывался в фокусе журналистских объективов, его цветные и чёрно-белые «портреты» украшали полосы солидных европейских изданий.

Внешне жизнь его текла благополучно. На зависть многим. Зиновьев-писатель, Зиновьев-художник, мужчина, муж, отец выглядел весьма респектабельно. Грех жаловаться. Издания, выставки, внимание прессы. Здоровье отменное, моложавый, элегантный. Шармёр. Энергичная, умная, хозяйственная красавица-жена. Талантливая, очаровательная дочка. Дом, машина, достаток. Поездки по всему миру. Это ли не счастье? Да любой «гомосос» душу продаст за такую жизнь! А он страдал. Мятежный дух Александр Зиновьев тосковал в этом изобилии успеха. Личного, но абсолютно обезличенного. Социального, отчуждённого. Чужого. Чуждого.

Искал ли он бури, как лермонтовский парус? Нет, пожалуй. Он пережил бурю и познал её. Нет в ней никакого покоя, никакой красоты и правды. Буря была соблазном. Манила надеждой. Вселяла веру. Буря утихла, надежды рассеялись, вера померкла. Ни надежды, ни веры — печальный итог бури. Реальный итог. Закономерный. Кто пережил бурю, не может не страдать. Он не жаждет бури, но не может избыть её в своём сердце. Никакие блага мира не искупят его тоски.

Порвали парус.

Свою боль Александр Зиновьев с исповедальной искренностью высказал в эссе «Почему я не вернусь в Советский Союз». Он написал его в связи с появившимся в начале ноября 1984 года известием о скором возвращении в Москву дочери Сталина Светланы Аллилуевой. Журналисты буквально атаковали его вопросами и просьбами прокомментировать это событие. Западная пресса была возбуждена. Тем более что у всех ещё свежи были в памяти и слова Александра Солженицына в его телеинтервью с Малколмом Магериджэм, прошедшем на BBC 16 мая 1983 года, в котором он, отвечая на вопрос, надеется ли он когда-нибудь вернуться на родину, с поразившей всех уверенностью сказал: «Знаете, странным образом, я не только надеюсь, я внутренне в этом убеждён. Я просто живу в этом ощущении: что обязательно я вернусь при жизни. При этом я имею в виду возвращение живым человеком, а не книгами, книги-то, конечно, вернутся. Это противоречит всяким разумным рассуждениям, я не могу сказать: по каким таким объективным причинам это может быть, раз я уже не молодой человек. Но ведь и часто история идёт до такой степени неожиданно, что мы самых простых вещей не можем предвидеть»[601].

Для Зиновьева вопрос возвращения в СССР был глубоко экзистенциальным. «Я хочу вернуться в Россию, но я никогда не вернусь туда. Многие видят в этом противоречие. Но никакого противоречия тут нет. В русском языке слово „хочу“ имеет смысл абстрактного желания и конкретного намерения сделать что-то. Можно хотеть сделать что-то, не имея намерения делать это и даже имея намерение не делать это. У меня нет намерения возвращаться. Более того, у меня есть твёрдое намерение не возвращаться, хотя у меня есть страстное, мучительное желание вернуться. И дело тут не в логических двусмысленностях и тонкостях нашего русского языка. Дело тут в реальной однозначности и грубости нашей русской жизненной ситуации. Дело в том, что возвращаться некуда, возвращаться незачем, возвращаться нечему. <…>

Возвращаться домой — какая это чудовищная нелепость в применении к такому случаю, как мой! Думать о возвращении, будучи на сто процентов уверенным в том, что тебя туда не пустят или что тебя туда пустят на таких условиях, на какие ты не пойдёшь никогда и ни при каких обстоятельствах?!.. Пережить страшную историческую трагедию, прожить жизнь, которая тебе самому теперь кажется кошмарным вымыслом, и после этого разменять всё это на мелкие житейские расчёты и помыслы?!.. Да и в этом ли дело, чтобы покинуть родину или вернуться на родину?!.. Я принадлежу к поколению, которое было порождено революцией и убито её последствиями. Мы впитали в себя самые светлые идеалы революции, пережив самое жестокое разочарование в мрачной реальности этих идеалов. Для таких, как я, нет проблемы расставания с родиной, как нет проблемы возвращения на родину. Даже покинув родину физически, мы душою остаёмся там. Но, живя на родине или возвращаясь на родину телом, мы остаёмся там всё равно чужими душой. Наше положение безвыходное. Мы суть отщепенцы истории, волею случая зажившиеся на земле. Наша ситуация есть явление историческое, а не географическое, не прагматическое и даже не политическое. Повторяю и подчёркиваю: возвращаться нам некуда, возвращаться незачем, возвращаться нечему. Той России, куда мы могли бы вернуться, просто нет на земле. И нас самих давно уже нет, есть лишь призрак существования и ожидание исполнения лишь отсроченного приговора истории. И всё то, что придавало смысл нашей жизни, давно исчерпало себя, испарилось в ничто, уступив место всему тому, что было чуждо нам по условиям нашего появления в человеческой истории, и останется чуждым до полного нашего исчезновения.

Куда бежать и куда возвращаться, если всё то, что породило

нас и создало в нас иллюзию духовного богатства, было оплёвано, испоганено, изуродовано и оклеветано как тут, так и там?! <…>

Для многих представителей моего поколения Родина неразрывно срослась с Эпохой, причём Эпоха заслонила собою Родину и оттеснила её на задний план. Мы — дети трагической Эпохи, мы несли и несём (те, кто случайно уцелел) эту трагедию в себе самих. А из трагедии нельзя убежать. И трагедия не имеет счастливого конца. Куда бы судьба ни заносила нас, мы намертво привязаны к нашей эпохе, а не к месту в пространстве. Пространство осталось, а эпоха ушла в прошлое. Убежать из прошлого нельзя. Но вернуться в него тоже невозможно. Возвращаться некуда. Возвращение иллюзорно, как и побег. То, что называют возвращением, может быть лишь случайной развязкой закономерной гибели. У случайно уцелевших осколков истории нет никакого будущего.

Дело, повторяю, не столько в РОДИНЕ, сколько в ЭПОХЕ. Для нас Родина настолько срослась с Эпохой, что в своём доме мы оказались чужими. И мы покинули его. Вернувшись назад, мы у себя дома почувствовали бы себя ещё более чужими, чем на чуждом нам Западе. Выхода нет. Наша настоящая Родина исчезла вместе с нашей Эпохой. Тут мало сказать, что мы переживаем ностальгию по нашей юности, — юности у нас фактически не было. Тут надо говорить об историческом отчаянии. Если это — ностальгия, то ностальгия по тому, что должно было бы быть, но не состоялось. Вернуться в Россию, домой, — что ещё может быть соблазнительнее для человека, для которого чужд любой Запад с любыми его благами, который был рождён в ненавистном коммунизме, был приучен жить в нём и был волею обстоятельств обречён на безнадёжную борьбу против него, оставаясь в нём?! Но куда вернуться? И зачем? Сегодняшняя Москва — это не то, откуда нас выбросили или откуда мы бежали сами. Хрущёвские годы, вследствие которых мы оказались на Западе, были годами массового осмысления пережитой нами эпохи. И результатом их явилось ещё более массовое разочарование в будущем. Хрущёвская эпоха лишь сорвала покровы с того сооружения, которое построили в сталинские годы. Стало ясно, что оно построено на века и мы уже ничего не можем в нём перестроить. Брежневская эпоха смела тех, кто ужаснулся построенному. В Москве для нас осталась лишь серая и унылая трясина жизни, но уже без тех, кто осознавал её как трясину и хотел хоть как-то взбаламутить её хотя бы из личного протеста против всего на свете. Возвращаться, повторяю, некуда. У нас не осталось корней в нашем собственном доме. Надо родиться заново и пережить что-то иное, очень значительное, чтоб осознать себя там своим. Для

нас, детей нашей жуткой и беспрецедентной Эпохи, нет места здесь на Западе, — мы не можем играть чуждые нам роли в чуждом нам историческом спектакле. Но и возвращение в Москву для нас есть на самом деле отдаление от неё в бесконечность и навечно.

Возвращаться некуда, возвращаться незачем, и уже не осталось ничего такого в тебе самом, что способно возвратиться»[602].

Каюсь, каюсь, каюсь…

Только почему он здесь всё время пишет «мы»? Он всегда, во всех своих текстах, был только «я». А в этом тексте он одинок как никогда.

Статью, чуть ли не с пометкой «Молния», почти одновременно опубликовали парижская «Русская мысль», «Новое русское слово» в Нью-Йорке, «Le Figaro», «Le Quotiden de Paris». Через месяц она появилась в «Континенте». В заметке «От редакции» в «Русской мысли» сообщалось: «Статью А. Зиновьева мы получили от редакции журнала „Континент“, в сорок третьем номере которого она тоже будет опубликована. Редакция журнала „Континент“ считает необходимым возможно скорее познакомить русскую и зарубежную общественность с этой статьёй и поэтому попросила нас опубликовать её сейчас, одновременно высказывая намерение начать широкую дискуссию вокруг статьи, которую она считает чрезвычайно интересной и актуальной, сразу же после её публикации в „Континенте“. „Р. М.“ с удовольствием идёт навстречу желанию редакции „Континента“, так как нам представляется важным понять до конца точку зрения и образ мышления выдающихся деятелей российского зарубежья»[603].

Дискуссии не последовало. Ни широкой. Ни узкой. Никакой.

Через три месяца История совершила неожиданный поворот: 11 марта 1985 года Генеральным секретарём ЦК КПСС был избран Михаил Горбачёв.

Во время разговоров с Дженсоном тот как-то сказал, что в скором времени в Кремле у Запада будет «свой человек». Он тогда не очень в это поверил и не придал этому серьёзного значения. Вспомнил об этом гораздо позже, когда стараниями Горбачёва и его окружения Советский Союз был повержен и из некогда влиятельной сверхдержавы превратился в жалкую колонию мирового империализма. Такого не должно было произойти. По его модели, партийно-правительственный бюрократический аппарат СССР мог воспроизводить безликих и безвольных

«заибанов» пачками в течение многих веков — себе на радость, миру в устрашение. Ничто внутри коммунистического общества не препятствовало этому. Это-то его, кстати, и удручало. Внешний фактор казался ему очень слабым и незначительным. Он всё время призывал Запад к усилению борьбы с советским режимом.

Горбачёв на первых порах тоже казался вполне советским руководителем. Моложе, образованнее, но такой же демагог и пустослов. Объявленную им «перестройку» Зиновьев иначе как бюрократическую суету не воспринимал. Разнообразных «перестроек» он на своём веку повидал немало. Их затевал время от времени каждый новый генсек, чтобы продемонстрировать свой вклад в дело строительство коммунизма и прогресса. И в этой показной деятельности охотно принимали участие все руководители партии и государства — от Политбюро и Верховного Совета до первичных партийных организаций и поссоветов. А потом, утвердившись на посту, генсек и его соратники успокаивались и благополучно доживали свой век — кто до Кремлёвской стены, кто до Новодевичьего кладбища и далее по рангу. Если же действия генсека становились опасны для правящей элиты, то его ждали крах и развенчание. Иных вариантов не могло существовать в пределах коммунистического строя и организации жизни. И судьба Горбачёва, по мнению Зиновьева, должна была сложиться в одном из этих направлений. Он призывал не обольщаться его «молодостью».

Социальная система в стране не изменится, утверждал Зиновьев в интервью Пьетро Сормани для газеты «Il Corriere della Sera» в тот же день, как стало известно об избрании Горбачёва. Принципы свободы и демократии, как их понимают на Западе, в СССР никогда не будут реализованы. «Демократический коммунизм» есть терминологическое противоречие. «Горбачёв постарается сделать нынешнюю систему более эффективной и совместимой с западной системой, чтобы преодолеть возникшие в стране трудности, но это не повлияет на самую систему»[604]. Он не верил ни единому слову Горбачёва, как не верил ни единому слову Брежнева, Андропова, Черненко. «Гласность! Больше гласности!» — призывал… Брежнев. В предвыборной речи перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы в марте 1979 года. Найдите хоть одно отличие! Он не верил словам Заибана.

В Горбачёве и горбачёвцах он видел лишь тщеславных и циничных карьеристов, подлинное лицо которых он хорошо знал по личному общению в СССР — многие из них, начиная с самого Горбачёва, были выпускниками МГУ, его «однокашниками». Он

помнил, как они шли к «перестройке», он знал цену их «идеалов», он не обольщался относительно их целей. Их моральный облик вызывал у него гадливость и отвращение. «Никтожества» — говорил он о них. «Пройдёт несколько лет, и „молодые“ советские руководители, дорвавшись до власти, постареют. И они окажутся лицом к лицу с объективной реальностью, которую не изменишь постановлением ЦК и демагогическими лозунгами. Огромная страна с многомиллионным населением всё равно будет жить так, как ей позволяют условия и законы социального бытия, а не так, как ей приказывают не в меру активные и тщеславные партийные карьеристы. Последние же наперегонки бросятся делать то, что делали их „старые“ предшественники — украшать себя орденами, присваивать себе чины, произносить речи и удовлетворять свои собственные растущие материальные потребности»[605]. О «прорабах перестройки» он всё написал ещё в «Зияющих высотах».

С самого начала реформаторской деятельности Горбачёва он выступил его принципиальным критиком. Более того — противником. «L'Etat Zinoviev» фактически объявило войну «горбачевизму», начав своеобразный «крестовый поход» против перестройки. Крестьянский сын, он сразу поставил вопрос ребром: что даст эта перестройка простым людям, народу? И предсказывал: новые тяготы и испытания. «Революция сверху» обернётся новым насилием над жизнью, следствием которого будет ухудшение и без того скудных условий существования, рост социальной напряжённости, нравственная и культурная деградация. Своим долгом считал он встать на защиту интересов народа — против авантюризма и безответственности ретивых ускорителей бед. И пусть он будет один. И один в поле — воин! Как когда-то писала Цветаева о чешском офицере-пограничнике, в одиночку вышедшем против отрядов Третьего рейха, вступавших на территорию Чехии, «на громаду — да с револьвером!»:

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — была!

Он не уставал повторять, что ни у Горбачёва лично, ни у его окружения, ни у подведомственных ЦК аналитических структур нет ясного научного представления о сущности того строя, который они намереваются реформировать. Поэтому, утверждал он, все кампании и инициативы — от антиалкогольной до гласности — суть лишь замутнение общей ситуации в целях замаскировать свою беспомощность перед лицом реальных

проблем, а они, утверждал Зиновьев, есть, как и у всех. И они решаемы. Только ко всему нужно подходить серьёзно, отбросив идеологические и пропагандистские штампы. Увы, это не под силу Горбачёву и горбачёвцам. «У горбачёвского руководства хватило ума признать очевидные всем и общеизвестные недостатки советского общества и констатировать проблемы, от которых уже нельзя было дольше уклоняться. Но у него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы допустить научное понимание самой сущности социальной системы, реальных причин очевидных недостатков и тех возможностей и „невозможностей“, которые лежат в самой системе. У него не хватило ни ума, ни мужества для того, чтобы выработать программу действий в соответствии с природой руководимой системы, а не с субъективными представлениями о ней и амбициями некоторой части партийных чиновников, дорвавшихся до власти»[606].

Как вспоминает Максим Кантор, Зиновьев научил Шарика рычать при слове «Горбачёв». «Ставя перед Шариком миску, приговаривал: ешь скорей, не то Горбачёву отдам!»[607]

Он ненавидел бездарность перестройщиков и страшился её. Он чувствовал надвигающуюся угрозу. На одной читательской встрече его спросили: «Что должен делать народ, чтобы его положение изменилось к лучшему?» Ответ был: «Только бунтовать!»[608]

На фоне царившей в западной прессе эйфории вокруг Горбачёва, гласности и перестройки публицистика Зиновьева второй половины 1980-х отличалась жёсткой непримиримостью по отношению к проводимым в СССР псевдореформам, развенчанием лицемерия советского руководства и выявлением подлинной сути перестройки. Он обличал корыстность заявленных преобразований, нацеленных не на улучшение жизни народа, а на удовлетворение собственных политических амбиций.

Зиновьевская атака на Горбачёва и его соратников-приспешников вызывала удивление, недоумение, возмущение, протест. Многие, как в СССР, так и на Западе, в том числе и среди представителей русской эмиграции разных поколений, видели в политике гласности и перестройки стремление к положительным преобразованиям, связывали с ней надежды на гуманизацию советской системы, обретение советскими людьми духовной свободы. Быть «противником перестройки» значило быть ретроградом и консерватором. Как мог оказаться в их ряду один из лидеров диссидентства? Самые «добрые» к нему объясняли критику Зиновьева его чудаческим стремлением всё время удивлять и эпатировать окружающих своими нестандартными

мнениями и взглядами. Менее снисходительные просто объявили его сумасшедшим (как тут не вспомнить Грибоедова!). В январе 1987 года он сообщал в частном письме: «Сейчас я пишу много статей о горбачевизме и о настроениях, порождённых им. И как обычно, моё мнение вступает в конфликт с идиотизмом, охватившим планету. Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна. Они признают её постфактум, когда она теряет смысл, причём — признают, чтобы помешать новой актуальной правде»[609].

Лишь единицы разделяли взгляды Зиновьева и восхищались им. Среди этих немногих был художник-анархист, киноактёр, издатель радикального авангардного журнала «Мулета» Владимир Толстый (Котляров). Побывав на выступлении Зиновьева в Институте восточных языков и цивилизаций в Париже, он стал его вдохновенным поклонником. В заметке, написанной на следующий день после события, он запечатлел атмосферу встречи и образ Зиновьева тех дней, которого он увидел бесстрашным матадором мысли: «4 часа блистательный русский учёный человек, вышедший с открытым забралом на это ристалище, объяснял трёхсотенной публике свою позицию по отношению к оставленной родине, анализировал нынешнее состояние печального течения жизни её трагического народа.

Сквозь провокационные вопросы, вызванные высокой степенью дезинформированности общества Запада и, в неменьшей степени, умыслом, Зиновьев прошёл, мулетируя изящно, но мощно, без потерь и без единой ссадины, обнаружив поразительную твёрдость, последовательность, непоколебимую логику связи между убеждениями, жизненными поступками и вербализацией общечеловеческих закономерностей.

Прозрачной чистоты ум, глубокое знание предмета и отсутствие субъективности, производящие в соединении своём неизгладимое впечатление на слушателей, делают его, на мой взгляд, самым ярким представителем современной русской эмиграции.

Для меня несомненно, что Александр Зиновьев есть единственный, абсолютно на всех уровнях сознания-жизни чуждый конформизма нынешний русский писатель.

Чувство достоинства и бесстрашие, патриотизм и ощущение ценности национальной чести свидетельствуют о высочайшей чистоты качестве этой грандиозной личности.

Ни мелкие ошибки, ни явные преувеличения, свойственные любому интеллектуальному творцу, не были страшны этому смелому человеку, но лишь подчёркивали его крупность, пренебрегающую мелочами.

Впервые в эмиграции я подумал о том, что, вероятно, смог бы увидеть в нём абсолютного лидера, вожака. Цели и метод его деятельности полностью исключают нравственную корысть или ложь; невозможно даже предположить лукавство либо коварство в характере этого человека»[610].

Толстый пригласил Зиновьева к сотрудничеству с «Мулетой» и получил от него согласие. Правда, из-за финансовых затруднений Толстый приостановил на время издание журнала и переключился на выпуск «информационно-просветительского листочка» «Вечерний звон». На страницах этого абсолютно бесцензурного издания вскоре появилось несколько совершенно хулиганских карикатур Зиновьева на Горбачёва и проводимую им внутреннюю и внешнюю политику. Так, на рисунке «Как советские трудящиеся поддерживают „новую“ генеральную линию партии» изображён Горбачёв с молотком в руке, загораживающий своим телом огромную бутылку водки, а перед ним небритый испитой пролетарий в помятом костюме и кепке показывает ему из расстёгнутой ширинки свой гигантский инструмент презрения: «Вот тебе!»

На страницах «Вечернего звона» Зиновьев опубликовал «Обращение к третьей русской эмиграции», написанное им 1 января 1987 года: «Мы по разным причинам и разными путями попали в эмиграции. По-разному сложилась наша судьба здесь. Но всё же есть нечто такое, что объединяет нас в целое, независимо от нашего личного отношения к этому и порою даже вопреки нашим желаниям. Это тот факт, что мы так или иначе восстали против нашего собственного социального строя, в котором мы выросли, сформировались как личности и прожили много лет. Наше восстание не имело заранее намеченной, единой и ясно сформулированной цели. Но оно состоялось. Это было первое в истории нашей Родины массовое восстание людей, которые явились продуктом самой коммунистической социальной системы. И как таковое оно навечно оставит след в истории нашей страны. Наше восстание породило гнев советских властей. Они приложили титанические усилия и изворотливость, чтобы подавить его. И как бы это ни было горько сознавать, они добились успеха, а советский народ в массе своей оказался их помощником в этом деле. Нас поддержало лишь незначительное меньшинство. Советское общество исторгло нас из себя, лишило нас Родины, выкорчевало наши корни в ней и свело к ничтожному минимуму наше влияние в ней.

Теперь советские власти развернули новую кампанию, фактическая цель которой состоит в том, чтобы дискредитировать

сам факт нашего восстания, сделать так, как будто вообще не было никакого восстания большого исторического масштаба, а были лишь отдельные личные заблуждения и вражеские вылазки. Советские власти в этой кампании используют разнообразный арсенал средств, включая и бессовестное присвоение того, что было высказано и сделано участниками нашего восстания. Разгромив наше восстание и уверившись в прочности своего социального строя и своего привилегированного положения в нём, советские власти устроили своего рода политическую „потёмкинскую деревню“ в стране и развернули беспрецедентную кампанию по замутнению и обману общественного сознания Запада. У них в этом деле нашлось достаточное число холуёв, прославляющих их и наживающих себе на этом репутацию критиков советского режима и борцов за демократию. Многие люди как в Советском Союзе, так и на Западе попались на удочку советской пропаганды и всерьёз поверили в демагогию советских властей и их добровольных служек. Такие люди нашлись и в нашей среде. Стала намечаться даже своеобразная идеология поощрения советских властей в их показной и лицемерной „либерализации“ советского общества и сотрудничества с ними. Однако в сложившейся сейчас обстановке у нас на Родине и в мире, в сложившихся сейчас условиях для нашей эмиграции всякое сотрудничество с советскими властями фактически означает предательство по отношению к самому важному и благородному делу нашей жизни, предательство по отношению к нашему восстанию. И никакие словесные ухищрения тут не помогут скрыть факт предательства. Наше восстание разгромлено, и наши победители приглашают нас принять участие в их торжестве победы. Но наше восстание было, и мы не должны помогать нашим врагам вытравлять память о нём. Что бы с нами ни сделали сильные мира сего, как бы ни сложилась наша личная судьба, что бы о нас ни подумали наши современники и потомки, мы стоим перед высшим судом мироздания — перед судом своей собственной совести. Мы же всё-таки восстали! Так донесём же нашу судьбу повстанцев мужественно и с достоинством до конца пути, предназначенного нам историей»[611].

Позицию Зиновьева поддержали ряд видных представителей русской эмиграции. 8 марта 1987 года в парижских газетах «Figaro» и «La Croix-l'Événement» было опубликовано коллективное письмо «Пусть Горбачёв предоставит нам доказательства», подписанное В. Аксёновым, В. Буковским, А. и О. Зиновьевыми, Э. Кузнецовым, Ю. Любимовым, В. Максимовым, Э. Неизвестным, Ю. Орловым и Л. Плющом. Через некоторое

время оно появилось на страницах «The New York Times». Основные тезисы и стилистика письма определённо указывают на то, что его главным составителем был Зиновьев.

Авторы письма выказывали полное недоверие политике Горбачёва по всем основным пунктам: «демократизации», «гласности», «либерализации» экономики, «мирного урегулирования» конфликта в Афганистане, «международной разрядки». «Идеология — настоящий стержень советской системы, не позволяющий стране отклоняться слишком далеко и надолго, — говорилось в письме. — Если не ставить под сомнение конечные цели и основополагающие принципы, долгосрочная стратегия становится предопределённой, и руководителям остаётся решать только тактические проблемы. Они могут объявить „мороз“ или „оттепель“, но у них самих не может быть „лета“. Они не смогут жить в мире ни со своим собственным народом, ни со своими соседями до тех пор, пока правящая идеология отрицает саму возможность „мира с классовым врагом“. Разве может у них быть „мирное сосуществование“ с „буржуазным“ миром, если они ставят задачу „похоронить“ этот мир? Разве можно рассчитывать на подлинную „разрядку“, если „разрядка ни в коем случае не означает, не может означать отрицания законов классовой борьбы“? В результате нет ни мира, ни войны, есть лишь „борьба за мир“, подчиняющаяся незыблемому закону советской поддержки „всех сил социализма, прогресса и национального освобождения“ <…>

Сегодня всем, даже глупцам, очевидно, что, если семидесятилетнее правление при помощи „самого передового учения“ привело к краху одной из самых богатых стран на земле, это учение ложно. И если, как признаёт Горбачёв, не нашлось после Ленина ни одного руководителя, который бы сумел заставить действовать это учение, может, уже пришло время попробовать что-нибудь другое? Разве не сам Ленин постоянно повторял, что только практика является высшим критерием теории? Может ли обветшавшая теория выдержать сегодняшнюю практику? Вот в чём вопрос. А если нет, то что же тогда произойдёт?»[612]

Отдельным пунктом письма был вопрос об отношении к возможному сотрудничеству русских эмигрантов с горбачёвцами: «Нам стало известно, что советские представители вступали в контакт с некоторыми видными деятелями культуры, живущими в эмиграции, предлагая им вернуться „домой“, словно бы речь шла о блудных детях, обещая, что „прошлое будет забыто“. Очевидно, советские власти до сих пор не в состоянии понять, что эмиграция — результат не какого-то трагического недоразумения,

а глубоких расхождений с режимом, не способным уважать свободу творчества. Можно забыть прошлое, но как забыть вездесущий контроль партии, особенно после того, как вдохнёшь немного воздуха свободы. Этого не заменить орденом Ленина.

Кто, например, мешает им издавать наши книги, записывать наши пластинки, показывать наши фильмы и спектакли, выставлять наши картины и скульптуры? Тогда почему они не начали именно с этого, вместо того чтобы обещать своё „прощение“, в котором никто не нуждается? Всё, о чем их просят, — это просто отойти немного в сторону и дать зрителям, слушателям, читателям в СССР самим выбрать то, что им нравится.

Тогда и только тогда мы сможем провести открытый диалог с властями, а не сомнительные переговоры на чёрной лестнице»[613].

Реакция перестроечной прессы была незамедлительной и саморазоблачительной, более чем подтверждавшей сомнения авторов «письма десяти». Первой, в «лучших» традициях советской пропаганды, высказалась партийная «Правда» — ведущий орган ЦК КПСС. Статья В. Корионова «Паника в стане „бывших“» может служить образцом демагогической риторики, передёргивания фактов, откровенной лжи и шельмования оппонентов. Каких только слов ни нашёл матёрый «правдист» для авторов письма! Это и «группка псевдомучеников „советского режима“, переметнувшихся в своё время на Запад», и «перебежчики», и «отщепенцы, торгующие своей совестью», и «провокаторы», и «лжецы», и «горстка „бывших“», и «клеветники»[614]. Полный набор «обличений», столь знакомый советским людям ещё с 1930-х годов. «Этих людей не изгоняли из страны, — гневно гремел Корионов. — Они сами отторгли себя от неё. И когда всё неотвратимее слышит эта публика вопрос: „А зачем вы это сделали?“ — она пробует заглушить его барабанным боем антисоветизма, клеветы по адресу народа, вскормившего и взрастившего их. Они не только превратились в рупор ультраправой реакции, но и избрали ремеслом доносы на свой народ».

Естественно, ни о какой полемике по существу в статье Корионова и речи нет. Сплошной лай и взвизги бешенства. Тезис о несостоятельности коммунистической идеологии приводит автора «Правды» в настоящую истерику: «Они поднимают руку на наше святая святых — на Ленина, его учение. Показательно, например, что не устраивает их в ленинизме. Это — „мирное существование“ с „буржуазным“ миром. Но есть ли разумная альтернатива мирному сосуществованию в ракетно-ядерный век?

Провокаторам ненавистно даже слово „разрядка“, и они заключают его в кавычки. Нет нужды говорить, что у этих господ не нашлось ни слова осуждения преступлений империализма, развязанной им гонки вооружений, порождаемой им угрозы ядерной войны на Земле и в космосе. Военные спекулянты за океаном, набивающие мошну за счёт производства средств уничтожения людей, — вот их фактический кумир и хозяин. Их подлинные друзья — афганские душманы, никарагуанские „контрас“, полпотовские убийцы».

То, что авторами «письма десяти» руководят исключительно корыстные мотивы, Корионов не сомневается ни минуты: «Весь ход событий свидетельствует: силы, заинтересованные в продолжении гонки вооружений, конфронтации, в „звёздных войнах“, видят в нашей перестройке, в наших конструктивных внешнеполитических инициативах, встречающих горячую поддержку народов, угрозу своим чёрным замыслам. Советский Союз, осуществляющий преобразования революционного характера, для них — опасность. И поэтому „бывшие“ истошно призывают „доверчивый“, „благодушный“ Запад не верить Москве. Ведь в противном случае они рискуют лишиться кормушки. Сейчас своим „манифестом“ эти господа в определённых кругах явно подзаработали». И «припечатывает»: «Но не отмыться от грязи, в которую по горло погрузилась горстка клеветников».

Финал партийной отповеди «бывшим» звучит крещендо: «Советский народ готовится торжественно отметить великий праздник — 70-летие Октября. Праздник этот будет чествовать вся совесть современного мира. Кучка отщепенцев в преддверии этого события пытается швырнуть комок грязи в наш светлый дом. Не выйдет!»

Почувствовав, что переборщили, власти попытались смягчить реакцию, дав «рупору гласности», газете «Московские новости», опубликовать текст письма с соответствующим комментарием. Написал его главный редактор и один из «прорабов» Егор Яковлев. Он, конечно, слюной не брызгал, вспоминал о личных встречах с авторами письма в ту пору, когда они жили в СССР и были деятелями советского искусства (между делом припомнил Э. Неизвестному портрет Маркса на обложке журнала «Коммунист»), сетовал на то, что они оторвались от жизни и не чувствуют своей страны, что часы их остановились, упрекал в отстранённости от общего дела преобразований. Но общий пафос статьи был тот же, что и у «Правды»: «Живёт своей жизнью двухсотвосьмидесятимиллионный народ — хуже или лучше, но занят своей судьбой. И, представьте себе, не подозревал до сих

пор, что где-то далеко-далёко расположилось несколько его бывших соотечественников, которые желают для себя особых гарантий, одобряют „стремления советских руководителей“ или же, наоборот, видят „немало поводов для опасения“, диктуют, как следует проводить политику гласности, требуют „для начала пересмотреть господствующую идеологию“, размышляют, стоит ли им „провести открытый диалог с властями“, так и не выяснив, а хотят ли этого „власти“, прикидывают, что необходимо для „примирения народа с правительством“.

И лишь об одном не думают: как самим найти путь к своему народу. Потому что оставили его не в лучшие времена. Наслаждаясь, как пишут сами, „воздухом свободы“, они обеспокоены, видите ли, тем, как дышится в Москве… Не знал, признаться, не знал до сих пор из всей истории русской эмиграции, кому жизнь на чужбине представлялась бы желаннее, чем дома, кто не хотел бы воспользоваться первой же возможностью, чтобы вернуться.

Среди прочих фраз есть у авторов письма и такая: „Если они действительно хотят вписать новую страницу в нашу историю, им нужно…“ — и так далее, и тому подобное. Но кто это, собственно говоря, — „они“? Кому это — „им“? А главное, чья это — „наша“? С вашей позицией к нашей современной истории вы не имеете отношения»[615].

Как писал Корионов, «какое моральное право имеют эти беглецы примазываться к вопросу о преобразованиях в нашем доме, если они его сами и покинули?».

Спустя две недели «Московские новости» опубликовали подборку откликов на «письмо десяти» — «Кризис совести. О тех, кто сам себя лишил родного дома». В редакционной врезке говорилось: «Двумя номерами раньше „Московские новости“ опубликовали письмо десяти бывших советских граждан, подвизающихся ныне в так называемом „интернационале сопротивления“. В этом документе, между прочим, говорилось, что „публикация данного письма стала бы самым убедительным доказательством искренности заявлений о гласности“. Авторы не только не верили в гласность в СССР, но и не подозревали, что именно гласность окажется самым неотвратимым оружием против них самих. Их собственное письмо явилось убедительнейшим, неопровержимым свидетельством нравственного падения этих людей. Об этом говорят многочисленная редакционная почта, бесконечные телефонные звонки. Лишь презрение вызывают у наших читателей авторы письма»[616]. Так и хочется воскликнуть: «Руки прочь от перестройки!», или, как там, у Корионова: «Не выйдет!»

Любопытно, что в статье Е. Яковлева упомянуты практически все авторы письма, кроме Зиновьева. Похоже, «проклятие умолчанием» никто с него не снимал и в период «гласности». Только в преамбуле к откликам на «письмо десяти», в справке об авторах, в самом конце списка, будет сказано о нём несколько слов вполне «в духе времени»: «Бывший научный сотрудник Института философии АН СССР, автор работ по вопросам формальной логики, а также клеветнических пасквилей на Советский Союз. В 1978 г. выехал из СССР для чтения лекций по приглашению Мюнхенского университета и тут же включился в активную антисоветскую деятельность. Автор издаваемых подрывными организациями журналов „Посев“ и „Континент“. Проживает в ФРГ»[617].

В чём был абсолютно прав Корионов, так это в том, что Зиновьев действительно неустанно критиковал Запад за доверие, оказываемое коммунистическим правителям СССР, за готовность поддержать горбачёвцев экономически и политически, предупреждал о цинизме и лицемерии Горбачёва. «Грандиозные спектакли советского руководства, устраиваемые с целью одурачить Запад, — писал он, — воспринимаются как реальное преобразование советского общества. Запад жаждет быть обманутым. Советское руководство, изучив идейно-психологическую ситуацию на Западе, поставляет именно такой материал для обмана, который соответствует современной форме стремления Запада к самообману»[618].

В наиболее концентрированной форме позиция Зиновьева отразилась в «Новогодней сказке», написанной в декабре 1987 года. Поводом послужила встреча Горбачёва с Рейганом в Вашингтоне 8 декабря, в ходе которой был подписан бессрочный Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), а руководители сверхдержав, как говорилось в прессе, перешли на «ты». Основное содержание «сказки» представляет собой фантастическая речь Горбачёва перед своими партийными товарищами после возвращения в Москву. Здесь, за стенами Кремля Горбачёву нечего скрывать и он говорит со всей откровенностью:

«— Вот что, товарищи, — сказал Горбачёв в узком кругу руководителей Партии и Правительства, — поулыбались, и хватит! Теперь улыбки в сторону и за дело! Американцев мы облапошили, это факт. Перед нами теперь задача разоружаться так, чтобы наша военная мощь возрастала неуклонно и через пять или максимум через десять лет превзошла военную мощь Запада по крайней мере вдвое. И чтобы это со стороны незаметно было.

Наши условия позволяют нам это. Совсем не то в США. Если мы не заметим нарушений ими соглашений, у них у самих найдутся люди, которые это заметят и гласности предадут. Ихняя гласность — не то, что наша. Мы нашу гласность контролируем, а они — нет. И в этом наше преимущество.

— Мы должны теперь развивать такие виды вооружений, — продолжал Горбачёв под одобрительный гул соратников, — которые дают нам неоспоримые преимущества перед американцами и перед странами Западной Европы. Такие виды оружия у нас уже есть. И мы по ним оставили далеко позади американцев. Единственно, что нам не хватает, это современной тонкой технологии и компьютеров. Но теперь можно с уверенностью сказать, что американцы снабдят нас этим в изобилии. А если они артачиться начнут, нам помогут немцы, французы, японцы и все остальные.

— Теперь для нас складываются благоприятные условия и в Западной Европе, — говорил дальше Горбачёв, переждав, когда кончатся аплодисменты соратников. — Мы теперь имеем реальные возможности выбросить американцев из Западной Европы. При этом мы можем пойти на то, что выведем все наши войска из стран Восточной Европы и из ГДР, если в результате этого в Западной Европе не останется ни одного американского солдата. Наша угроза Западной Европе от этого не ослабнет. Европейцы понимают, что в случае чего американцам нужно несколько месяцев на дебаты в их учреждениях власти, чтобы принять решение послать в Европу мизерное количество войск, что европейским властям нужно ещё больше времени, чтобы преодолеть готовность своих народов к капитуляции, а что нам достаточно пары дней, чтобы восстановить и даже удвоить наш военный потенциал в Восточной Европе и в ГДР. Это понимают даже школьники. И именно в силу простоты этой истины, она недоступна руководителям стран Запада.

— Наконец, товарищи, — сказал Горбачёв, откашлявшись и сверкнув своей улыбкой, покорившей Запад, — нам пора закругляться с перестройкой.

Трудно передать словами, что стало твориться с соратниками Горбачёва. Они вскакивали с мест, обнимались, кричали „Ура!“. Когда они в конце концов успокоились, Горбачёв продолжил свою речь.

— Опыт перестройки показал воочию, что западнообразные методы не нужны нашей социальной системе, экономике, системе управления и идеологии. У нас есть свои методы жизни и деятельности, проверенные в течение десятков лет. Перестройка сыграла свою пропагандистскую роль. Есть признаки того, что

если мы и впредь будем так же энергично настаивать на ней, мы получим эффект, противоположный желаемому. Нам только нужно тщательно продумать систему мероприятий, чтобы изменение нашей политики выглядело не как отступление, а как успешное претворение в жизнь нашей программы перестройки. Я думаю, что можно начать с критики крайностей и авантюристических тенденций в ходе перестройки. Опыт с товарищем Ельциным показал, что в стране и во всем мире к такой критике относятся с пониманием. На наших идеологических работников и пропагандистов в связи с этим возлагается особая задача поддержания в мире неослабевающего энтузиазма в отношении перестройки»[619].

Впрочем, относительно Запада Зиновьев тоже не питал иллюзий: «Реальная ситуация в Советском Союзе западную публику мало интересует. А советское руководство достаточно умно, чтобы не давать повода для разочарований на Западе. Главное для Запада — чтобы продолжалась демагогия горбачёвского типа. Западу удобнее иметь дело с такими советскими руководителями. А каково миллионам советских людей, это тут мало кого интересует. С этой точки зрения можно сказать, что Запад стал на стороне советского руководства в его деятельности по насилованию советского населения»[620]. То, что на самом деле ситуации гораздо страшнее, он тогда не видел.

Свои многочисленные интервью и статьи с критикой перестройки Зиновьев собрал в книгу «Горбачевизм». В известном роде она, будучи полемически заострённой по отношению к горбачёвским реформам, продолжает исследование Зиновьевым реального коммунизма. Кризис коммунистического общества и те шаги, которые пыталось предпринимать партийное руководство СССР в направлении преодоления этого кризиса, отчётливее проявляли объективные законы существования этого общества, и Зиновьев не упускал возможности их фиксировать, описывать и анализировать, дополняя и уточняя свою теорию. Несмотря на то, что речь в ней идёт о событиях уже тридцатилетней давности и многие тезисы Зиновьева превратились в памятник публицистической мысли той эпохи, в ряде своих теоретических положений «Горбачевизм» остаётся актуальным и сегодня, подсказывая ответы на многие вопросы современной российской жизни. Свидетельствуя, кстати, и о том, что реальный коммунизм был на самом деле результатом социального творчества русского народа в XX веке, а не только неведомо откуда взявшихся, точно чёрт из табакерки, большевиков.

Впервые «Горбачевизм» вышел в июне на французском языке в издательстве «L'Age d'Homme» в Лозанне. Через пару месяцев на

испанском языке книга была опубликована в Чили. Издание было приурочено к его поездке в эту страну по приглашению Института политических наук Университета Чили и газеты «El Mercurio». Поездка оказалась очень успешной и эмоционально насыщенной. Они с Ольгой пробыли в Сантьяго неделю и всё это время встречали повсюду самый сердечный и радушный приём. В первый же день состоялась встреча с генеральным секретарём правительства Чили, министром Орландо Поблете. На лекциях присутствовали ректор Университета Чили Хосе Луис Федеричи, директор Института политических наук Густаво Куэвас, ведущие учёные и журналисты страны. За несколько дней он выступил с докладами более десяти раз. Его критика перестройки и коммунизма в целом была воспринята аудиторией с большим вниманием. Выступление в университете слушали сотни студентов, десятки стояли в коридорах и на улице, куда была проведена трансляция. Было несколько эфиров на радио и телевидении. Все центральные газеты Чили ежедневно помещали отчёты о его встречах и выступлениях. Книга быстро разошлась.

Спустя пару лет, в 1989 году, в Чили выйдет второе, дополненное издание «Горбачевизма». Тогда же он вновь побывает в этой латиноамериканской стране и будет принят во Дворце ла Монеда президентом республики генералом Аугусто Пиночетом, который во время беседы обратится к Зиновьеву с предложением стать его негласным политическим советником. Философ поблагодарит за оказанное доверие, но отклонит предложение, сославшись на объективные причины. Тем не менее он сохранит благодарную память об этой встрече и, когда через десять лет, в 1998-м, будут предприняты попытки уголовного преследования 85-летнего больного Пиночета, Зиновьев направит ему открытое письмо поддержки, которое опубликует газета «El Mercurio». «Глубокоуважаемый господин генерал Пиночет! — напишет он. — Я обращаюсь к Вам как бывший офицер русской армии к офицеру армии Чили. Я возмущён той гнусной кампанией, которую спровоцировали против вас нынешние правители западного мира. Такого рода кампании сыграли роль средства разрушения моей страны, России. Кампания против вас является циничным попранием суверенитета вашей страны. На самом деле, она не имеет никакого отношения к борьбе за справедливость и права человека, а скорее представляет собой манипуляцию общественным мнением в интересах определённых западных сил, которые стремятся к гегемонии. Она не имеет ничего общего с демократией. Наоборот, это новый бунт против агонизирующей западной демократии. Хочу призвать вас: не удостаивайте вниманием тех, кто спровоцировал и организовал

эту кампанию против вас. Они — люди без стыда, совести, чести. Не унижайтесь и не говорите им ничего, ведь молчание — это самый мощный протест против этой очевидной несправедливости. Сохраняйте достоинство человека чести, способного пожертвовать своей жизнью ради блага и существования своей родины»[621].

В октябре — ноябре 1987 года он совершил лекционное турне по университетам США. На этот раз он выступал в Чикаго, Ист-Лансинге (Мичиган), Урбане (Иллинойс), Хьюстоне, Филадельфии, Сан-Франциско. В Нью-Йорке принял участие в открытии международной конференции «Будущее коммунизма». Пресса растиражировала его фразу: «Экономические изменения и демократизация коммунистического общества столь же возможны, как летающий крокодил».

После феерической поездки в Чили, где он чувствовал себя чуть ли не национальным героем, в Америке ему было тоскливо. Он был один. Практически ни с кем не общался. Всюду встречал вежливый, но формальный приём. «Люди тут приветливее немцев, — писал он дочери, — но бескорыстно встречаются не так уж часто, причём — в кафе и ресторанах. Здесь принять гостя — значит пригласить на ланч или обед»[622].

Более менее живо реагировала русская аудитория. На встрече с читателями в Центре культуры эмигрантов из Советского Союза в Нью-Йорке он был искренне удивлён и тронут интересом к его творчеству. «Честно говоря, — сказал Александр Зиновьев, обращаясь к зрителям, — в течение тех лет, что я живу в Европе, мои соотечественники, живущие тоже на Западе, не очень баловали меня своим вниманием. К сожалению, вокруг меня по каким-то непонятным причинам сложилась обстановка, полная ложных слухов, сплетен и клеветы. Я не хочу возлагать вину за это на своих собратьев по эмиграции, скорее всего — это лишь „происки“ КГБ»[623]. Встреча длилась несколько часов, вопросов было много. «Тут есть мои поклонники, — сообщал он домой. — Но я уже воздвиг между собою и людьми стену из моих книг. И когда люди прорывают эту стену и общаются со мною лично, они нарушают какие-то правила, и это действует неприятно. Положение можно сравнить с таким. Допустим, я — певец. Пою на сцене. А поклонники влезают на сцену или тянут меня в зал, похлопывают по плечу и делают замечания, ведут себя так, будто и они поют не хуже, и т. д.»[624].

Ему хотелось домой. Он давно не покидал свой «Остров Зиновьев» на такой длительный срок. 18 октября он писал из Чикаго в Мюнхен: «Дорогие мои Оля, Полина и Шарик! Всё утро ждал вашего звонка, но так и не дождался. Решил написать это письмо и пойти погулять, с белками пообщаться. Тут их полно. И они клянчат что-нибудь вкусненькое. Я купил специально для них орехи. Я здесь совершенно один. Общаюсь с людьми только официально и через лекции. Никаких личных контактов!! Просто поразительно, до какой степени США неинтересная и чуждая для меня страна. Страна искусственная, формальная, лицемерная, бездушная. Люди живут здесь кланами, мафиями, сообщничеством. А достигнув благополучия, уходят либо в мещанство, по сравнению с которым немецкое мещанство — нечто человечное, либо в омерзительную общественную активность. Здесь есть всё плохое, что есть в Советском Союзе, но нет компенсации, которую даёт коммунистический образ жизни. Здесь компенсация — капиталистическая, т. е. тоже нечто омерзительное. Тут советские эмигранты накидываются на меня, потому что я сохранил все положительные качества советского человека, отбросив отрицательные (последних у меня и в Советском Союзе не было). Все прочие „знаменитости“ проявляют себя так, что ничего светлого людям не видится. Но я жутко устаю от своего проповедничества. Оно не окупается. На минуту приходит удовлетворение, но его тут же сменяет горечь от зрелища человеческой подлости, пошлости, грязи, жестокости,

эгоизма. Я и тут совершенно чужой. Скорей бы проходило это время. Хочу вернуться домой и погрузиться в свои книги»[625]. У него уже вызревал замысел нового романа. На современную тему. С хлёстким названием «Катастройка».

На несколько дней в Нью-Йорк прилетала Ольга. Это его сразу оживило. Но долго задерживаться она не могла. Она поступила на работу, так как жить на одни гонорары стало трудно. Для выплаты кредитов нужен был регулярный доход. Она взялась за преподавательскую деятельность и в меньшей степени могла теперь располагать своим временем. Не было возможности даже вместе встретить его день рождения.

Своё 65-летие он отметил тихо, один, вдали от дома. Американцам не было до него никакого дела, зато в Мюнхен, на Завитсштрассе, 43, весь день шли приветствия и поздравления. От Немецкой писательской организации. От Австрийской литературной организации. От Баварской академии искусств. От издательств «Piper Verlag» и «Diogenes Verlag». От «Радио Свобода», «Немецкой волны», BBC, «Голоса Америки».

Прислал замечательное поздравление В. Максимов из «Континента»: «Дорогой и глубокоуважаемый Александр Александрович! Поздравляем с 65-летием. Желаем Вам — и себе — многих лет дальнейшего плодотворного сотрудничества, бурного и не безоблачного, но тем более для нас ценного. Ваши тексты, в том числе публикуемые на страницах „Континента“, всегда задевают, вызывают на спор и размышление, попросту говоря, заставляют шевелить мозгами. Даже и полное согласие с Вами никогда не бывает лениво-самодовольным: прочёл-де, всё в порядке, я и сам так думаю, отложил и забыл. Чтобы согласиться — или не согласиться — с Вами, нужно действительно всерьёз поработать головой, а Ваши статьи и литературные произведения в лучшем смысле слова провоцируют этот труд. Дай Вам Бог здоровья и долгих лет жизни»[626].

«И кроме того миллион телефонных звонков, — сообщала Ольга. — Так, мне кажется, у тебя ещё никогда не было. Народ валил толпами, поздравления я принимала с 2 часов дня 29.10.87. до 2.30 ночи на 30 октября. А цветов охапки стоят у нас сейчас ещё везде — в прихожей, на кухне, в столовой, в спальне, у Полины, в гостиной на балконе»[627]. Всё-таки Европа ему роднее. Потому он так и защищает её от соблазнов коммунизма и обольщения горбачевизмом.

Немного скрасила настроение поездка в Хьюстон, куда он попал стараниями Марка Зальцберга, русского эмигранта, с которым он уже пару лет состоял в регулярной переписке. Он нашёл в нём единомышленника и ценил его дружбу. Теперь

представилась возможность встретиться лично. Для обоих эти несколько дней в Хьюстоне стали настоящим праздником. «Лекций было три, — вспоминает Зальцберг. — О политической системе СССР. Аудитория около 50 человек, русские и американцы. Читал он на очень приличном английском! Реагировали бурно иногда. Уж очень их удивляло, что лектор проводил аналогии с Западом и предрекал им судьбу, близкую к коммунистической России. Вообще же реакция была очень положительной и заинтересованной. Вопросов была тьма! Выступил он также дважды в домах моих друзей и у нас. Собиралось человек 25. Русская аудитория его хорошо знала и принимала с восторгом и почтением».

Наконец, его американские скитания завершились. Он покидал США с радостью. Он возвращался домой: в Европу, к работе, к людям. Там его ждали. Там была жизнь.

21 ноября он вылетел в Мюнхен, а уже 26 ноября открывал выставку своих картин в Женеве в галерее «Platanes». С приветствием к собравшимся обратился бывший мэр Женевы Клод Кеттерер, автор вступительной статьи к каталогу выставки. Он обратил внимание на глубокий драматизм и интеллектуальность живописи Зиновьева. От лица швейцарской культурной общественности Кеттерер поздравил писателя с недавним юбилеем. В честь гостя был устроен праздничный приём.

Чествовали его и в Мюнхене. 7 декабря в отеле «Conty» Свободный союз писателей Баварии и Ольга Зиновьева дали торжественный ужин в честь его 65-летия.

Спустя три дня он уже в Австрии, выступает в Линце на конференции «Философия и наука в тоталитарных системах».

В письме Зальцбергу от 22 декабря Зиновьев пишет: «Дорогой Марк! Наконец-то я начинаю приходить в себя. Эти несколько месяцев были для меня такими напряжёнными, как никогда. После Америки была Австрия, затем Швейцария, затем работа над книгой о Чехове. Я должен был написать её меньше чем за месяц. Теперь вроде бы будет небольшая передышка, которую я могу использовать для литературы. Литература теперь для меня уже не работа, а отдых или что-то вроде хобби»[628].

Радость от возвращения в Европу довольно скоро сменилась раздражением. Он видел, что окружающие, говоря непрерывно о его авторитете, принимать — или хотя бы только понимать — его позицию по отношению к Горбачёву и перестройке не хотят. Его негативизм идёт вразрез с настроением всеобщего оптимизма и стремлением к поддержке реформаторских усилий перестройщиков. Быть в тренде выгодно и доходно, а он со своим

трезвым взглядом мешает. И это проявляется повсеместно. Он пытался писать «Катастройку», но творческого подъёма, как бывало, не испытывал.

«Был какой-то очень нелепый и тревожный период, и у меня возникло отвращение к писанию вообще, — сообщает он Зальцбергу 2 апреля 1988 года, извиняясь за долгое молчание. — Сейчас постепенно возвращаюсь в прежнее состояние. Всё-таки надо жить, а жить — значит писать. <…> Обстановка в Европе сейчас противная. И нет надежды, что она улучшится. Западные интеллектуалы, политики и журналисты окончательно отпихнули нас и сами теперь судят обо всём без страха. Быть осмеянными. Снова процветает идиотизм, причём — он с каждым днём становится всё более идиотским. Люди ведут себя к тому же как последние подлецы. На этом фоне даже советская мерзость выглядит гораздо пристойнее. Мне приходится писать и говорить на темы, от которых меня мутит. Причём делать это в общем и целом впустую. И общаться приходится с людьми, от которых мутит ещё больше. Происходит какое-то измельчание всего и всех, и я в этой трясине пошлости, серости, глупости, пустозвонства и т. п. не нахожу себе места. Плюс ко всему — люди здесь так же ненадёжны, как и в России. Похоже, что чрезмерно затянувшийся мир хуже войны.

Мой „Горбачевизм“ по всей вероятности через несколько месяцев выйдет по-русски (в США), по-итальянски и по-немецки. В Англии, где я был не так давно, приложили усилия, чтобы помешать публикации. Причём это сделали „друзья“. Всё-таки то, что раньше писали об английском коварстве, верно. Ну а ситуация в США Вам хорошо известна. И дело не в политической ситуации, а в самых гнусных человеческих качествах и в массовости людей, живущих за счёт писанины»[629].

Неожиданно для себя он получил предложение от парижского издателя Оливье Орбана из издательской группы «Пресс де ля Сите» написать мемуары. Это было подарком судьбы. Выданный аванс позволял отойти на время от публицистики и лекционных выступлений, писать, не отвлекаясь на мелкие приработки и разъезды. «Таким образом я получил возможность в течение нескольких месяцев заниматься подведением итогов прожитой жизни. Возможность была неповторимой в полном смысле слова. По своей инициативе я за такое дело ни за что не взялся бы, так как не смог бы оторваться от других дел и выкроить для этого свободное время. Кроме того, я всегда сомневался в том, что такого рода книга могла бы заинтересовать издателей»[630]. Так появилась «Исповедь отщепенца».

Первоначально он назвал книгу «Я — суверенное

государство»[631]. Однако его замысел был шире, чем просто рассказ о прожитых годах. Он мыслил как писатель социологического жанра. Автобиография виделась ему в первую очередь как основа для масштабного осмысления судьбы первого поколения людей, выросших в условиях реального коммунизма. Он всегда говорил об уникальности и беспрецедентности исторического пути коммунистической России, и в мемуарном повествовании он придерживается той же историософской концепции. Он остаётся и здесь исследователем новой социальной реальности, в которой ему, несмотря на все испытания и невзгоды, *посчастливилось* жить. Книгу воспоминаний он превратил в книгу обобщений. Она так и построена: главы биографические чередуются с главами теоретического содержания. «Я», конкретная личность, выступает здесь не столько в роли действующего персонажа, сколько в качестве особой точки зрения на объект исследования. Предыдущие книги он тоже писал от первого лица, но там «я», включая в себя автобиографические черты, всегда было достаточно условно. Новизна в его новой работе заключалась именно в том, что «я» рассказчика максимально было приближено к исторической реальности. При такой постановке задачи первоначальное название звучало слишком индивидуалистично и не соответствовало ей.

Но судьба Зиновьева сложилась так, что он, пройдя вместе со своим поколением через все этапы становления и развития коммунистического общества, в конце концов оказался вне его, выломавшись из общей колеи, выпав из единой обоймы. Его личность по природе своей оказалась настолько неординарной, что, вобрав в себя многие психологические и поведенческие черты типичного человека коммунистической формации, она всё равно не вписывалась в коллективный портрет эпохи, оставалась за его рамками, сама по себе. Этот биографический парадокс игнорировать было невозможно. Его точка зрения на мир *объективно* была единственной и уникальной. И он знал, в чём её специфика.

Феномен своей судьбы он определял как «социальное отщепенство». Тема эта, по понятным причинам, волновала его в течение всей жизни, и он неоднократно обращался к ней в своих романах и живописи. Она есть и в «Зияющих высотах», и в «Светлом будущем», и в «Жёлтом доме», и в особенности в «Записках ночного сторожа». В галерею художественных типов, созданных русской литературой, таких как «лишний человек», «подпольный человек», «новые люди», он добавил ещё один — «отщепенец». В вводной части мемуаров он дал этому типу ёмкую

дефиницию: «Отщепенцами в Советском Союзе называют лиц, которые по тем или иным причинам вступают в конфликт со своим коллективом и даже с обществом в целом, противопоставляют себя им и оказываются исключёнными из них. Социальным отщепенцем является такой отщепенец, который обрекается на эту роль по причинам глубоко социального характера, т. е. в силу его взаимоотношений с социальным строем страны, с её системой власти и с идеологией. Социальный отщепенец является одиночкой, бунтующим против своего социального окружения. За это он наказывается либо уничтожением в качестве гражданской личности, либо подвергается остракизму. Отщепенцами люди становятся отчасти помимо воли — общество само выталкивает их на эту роль. Отчасти они становятся таковыми добровольно, в силу жизненного призвания. Общество борется с отщепенцами»[632].

Книга в итоге получила название «Исповедь отщепенца». В истории отечественной философско-художественной мысли она занимает место рядом с такими шедеврами, как «Былое и думы» Александра Герцена и «Самопознание» Николая Бердяева.

Он работал над ней сосредоточенно и напряжённо. Нужно было не только восстановить в памяти события давних лет, но и дать им соответствующее замыслу освещение, определить основные категории и понятия. К тому же книга писалась с ориентацией на западного читателя, по ходу рассказа приходилось давать необходимые исторические и страноведческие пояснения. Наряду с мемуарами писалась одновременно и малая энциклопедия советской жизни.

Но запереться ото всех было невозможно, да и не в его духе. *Одной* работы ему всегда было мало. Он «отвлекался» на «Катастройку», написал несколько заметок для разных европейских газет, дал большие интервью для «Paris Match» и бельгийского журнала «Panorama — Le Mensuel Chrétien». В середине мая вышло итальянское издание «Горбачевизма», и он прокатился по Апеннинам с серией презентаций. В начале июля на неделю летал в Бразилию, где участвовал в большом политологическом семинаре «Бразилия в XXI веке».

О своих «трудах и днях» он пишет Зальцбергу 20 августа 1988 года: «Я сочиняю статьи и доклады, мотаюсь по миру, прилагая усилия, чтобы „выбить“ заработанные деньги. В начале июля был в Бразилии, в Сан-Паулу и Кампинасе. Вызвал бурю протеста и возмущения моими суждениями о горбачевизме. Меня обвинили даже в клевете на Советский Союз, когда я сказал о повышении цен и очередях за водкой. Вроде бы уже появилось русское

издание „Горбачевизма“ у Вас в США. <…> Книга вышла в Италии и имела там большой газетный успех. Более двадцати рецензий, и все по крайней мере уважительные. Это было неожиданно для меня, так как вся итальянская пресса прогорбачёвская. Я совершил турне по городам Италии. Не заработал ни копейки. Платой были пресса и аплодисменты. Кроме того, был во Франции, но всего несколько дней. Решил напечатать давно написанный (ещё в 1982 году) роман „Живи“. Это одна из частей большого романа „Искушение“. Первые две части („Иди на Голгофу“ и „Евангелие для Ивана“) уже напечатаны. Четвёртую часть, тоже давно написанную, думаю печатать года через два. Я, конечно, несколько актуализировал их — перенёс действие в горбачёвские годы. Но это — мелочь. На такую „модернизацию“ я потратил всего несколько часов. К сожалению, у меня нет литературного агента в США. Многие обещали помочь найти, но, как это и бывает обычно, обещание не сдержали. Так что я США даже во внимание не принимаю в качестве литературного рынка. Меня там блокировали так, что „пробиться“ практически невозможно. Сейчас день и ночь сижу над книгой, которую делаю исключительно ради средств существования. Но я люблю работу как таковую и работаю с увлечением. Это предохраняет от переживаний по поводу мирового безумия. Кстати, в „Континенте“ в конце года появится большой отрывок из моего ещё не оконченного романа „Катастройка“. Это сатирическое описание перестройки в русском городе Партград. Когда закончу роман полностью и где напечатаю, не знаю. Сейчас такая тема, да к тому же в моём исполнении мало кого привлекает.

Советские власти ведут чрезвычайно успешную линию на деморализацию „творческой“ части эмиграции. Действуют грубо и цинично, но именно это действует. Сулят, заманивают. Меня это, конечно, не касается. Я там фигурирую как „антисоветчик“. Смотреть, как реагирует на это бывшая диссидентская среда, омерзительно. Да и западные „специалисты“ по Советскому Союзу ведут себя не лучше. Мир стал интеллектуальной и моральной помойкой. Из России доходит информация, которая несколько утешает. Там всё-таки есть какое-то закулисное общественное мнение, и моя позиция там известна и уважается. <…> До конца года отменил все поездки, кроме поездки во Франкфурт на пару дней на книжную выставку»[633].

Исполнилось десять лет его пребывания на Западе. По случаю этого юбилея «Радио Свобода» записало с ним большое интервью, которое транслировалось в двух передачах — 28 августа и 11

сентября. Большая часть интервью была посвящена актуальным политическим вопросам. В который раз Зиновьев пытался разъяснить своё понимание происходящих процессов, свою радикально критическую позицию по отношению к Горбачёву и перестройке. Высказывался остро и нелицеприятно: «Для сегодняшней ситуации в Советском Союзе характерен моральный и идеологический цинизм. Это не пройдёт безнаказанно».

Но были и вопросы, связанные с его личной судьбой. Как всегда, он отвечал на них искренне и без лукавства: «Эти десять лет были довольно тяжёлыми для нас. Но я не жалею о том, что меня выбросили из страны, нисколько не жалею об этом. За эти десять лет я практически прожил совсем новую жизнь, приобрёл новые профессии, стал профессиональным писателем, профессиональным журналистом, профессиональным лектором, напечатал около двадцати книг, несколько сот статей, дал много сотен интервью, сотни статей напечатано обо мне, телевизионные фильмы, телевизионные передачи и т. д. Я объездил весь мир, начиная от Чили, Бразилии и кончая Японией. В общем жизнь была очень интенсивная. Я думаю, что за всю прошлую жизнь до этого я не прожил столько, сколько за эти десять лет. С одной стороны, вроде бы десять лет эти пролетели молниеносно, но вместе с тем они были очень долгими. Может быть, психологически они мне показались более продолжительными, чем вся предшествующая жизнь».

Завершил беседу корреспондента «Радио Свобода» Ирины Хенкиной с Зиновьевым следующий диалог:

ХЕНКИНА: Александр Александрович, вернёмся к юбилею, к десяти годам. Вопрос: вы в вашей второй жизни, такой насыщенной, такой богатой, более вместительной, чем гораздо более длительная жизнь в Советском Союзе, вы в ней счастливы?
ЗИНОВЬЕВ: Я не настолько молод, чтобы быть счастливым.

ХЕНКИНА: Вы думаете, что это чисто физическое ощущение?

ЗИНОВЬЕВ: Но я ещё не настолько стар, чтобы быть несчастным.

ХЕНКИНА: Скажем иначе: вы рады, что вы уехали?

ЗИНОВЬЕВ: Не могу сказать, что я рад, и не могу сказать, что не рад. Понимаете, это за пределами моего сознания. Я принял эмиграцию как наказание — как наказание.

ХЕНКИНА: А сейчас?

ЗИНОВЬЕВ: И сейчас я принимаю это как остракизм. Моё общество, моя страна исторгли меня из себя как чужеродное тело. Я понимаю, что я и на самом деле являюсь таковым. Я не претендую на то, чтобы снова быть внутри этого тела, чтобы быть обласканным там, принятым. Я знаю, что это невозможно. У меня

другое, у меня мой собственный жизненный путь. У меня формула: я сам себе государство, я самодостаточен. И я хочу мой путь дойти до конца. В этом смысле я могу сказать, что, хотя во время этих десяти лет жизни на Западе были у меня кризисные периоды, когда я был близок, скажем прямо, и к самоубийству, но я рад, что я преодолел эти кризисные ситуации и продолжаю свой путь. Я надеюсь пройти свой жизненный путь с честью до конца, то есть я не стану ничьим холуём, я не буду приспосабливаться ни к каким ситуациям. Моим принципом было всегда писать правду и только правду, и всю правду, и как можно более глубокую правду. Я по этому пути пойду и впредь. Конечно, я был бы счастлив, если бы русские люди получили доступ к моим книгам. Само собой разумеется, я — писатель, я пишу не только для самого себя, а для других. Но если это не случится, я не буду впадать в панику и не буду ползать на коленках перед советскими властями, чтобы заслужить «прощение», какого сейчас удостаиваются многие другие бывшие «грешники».

И он продолжал идти своим путём.

«Континент» (№ 57) опубликовал большой фрагмент «Катастройки». 32 главы. Те, в которых заключается история того, как закрытый провинциальный город Партград по личному указанию Горбачёва в целях усиления пропаганды успехов политического курса нового руководства СССР превращается в «выставочную витрину» проводимых в стране реформ. Как оказывается, никакого реального реформирования на практике не происходит, идёт лишь тщательная и интенсивная имитация деятельности, сплошная бутафория, которой карьеристы и циники у власти прикрывают свои корыстные устремления. Одни рвутся наверх, другие старательно держатся за свои места, не претендуя на большее, и все ищут возможность уйти от личной ответственности. Зиновьев изобличает каждый шаг советских политических чиновников, обнажая истинные мотивы их действий и слов. Как всегда, получается злая сатира, хотя в тексте специфические приёмы осмеяния использованы минимально. Жизнь, увиденная как таковая, в координатах объективных законов социальности, не нуждается в дополнительных средствах развенчания.

Вот ближайший «соратник» Горбачёва некий Пётр Степанович Сусликов (прожжённый партаппаратчик, памятный читателям Зиновьева по роману «В преддверии рая») предлагает генсеку сделать Партград «маяком перестройки». Для начальства он мотивирует выбор Партграда целым рядом эффектных пропагандистских преимуществ. «Но главная причина, почему

Пётр Степанович предложил именно Партград, заключалась в том, что он надеялся получить вторую Золотую Звезду „Героя Социалистического Труда“ и его бронзовый бюст на гранитном пьедестале будет установлен на его Родине — в Партграде. Это внесёт свою лепту в его мировую славу. Иностранцам наверняка будут показывать монумент Сусликова и рассказывать о его жизненном пути. И кто знает, может быть, со временем Партград переименуют в Сусликовград…»[634]

Горбачёв даёт «добро» и начинается грандиозная бюрократическая эпопея. Сусликов извещает руководство области о скором прибытии в Партград комиссии, которая займётся проверкой города на предмет его готовности стать «Маяком перестройки». «Сразу же после разговора с Сусликовым Крутов приказал срочно созвать на совещание руководящий актив области и города. На совещание прибыли члены бюро обкома и горкома партии и заведующие отделами, начальники областных управлений КГБ и МВД (милиции), председатели областного и городского советов, главы профсоюзов и комсомольские руководители области и города, секретари райкомов партии и председатели районных советов и многие другие лица, фактически играющие важную роль в жизни области и города. Совещание закончилось далеко за полночь. „Командиры области“ (как называл товарищ Крутов руководящих лиц области) разъехались по своим ведомствам, чтобы провести аналогичные совещания на более низких уровнях вплоть до уровня отдельных учреждений и предприятий, в которых будут проведены заседания партийных и комсомольских бюро и профсоюзных комитетов, партийные, комсомольские и общие собрания и другие многочисленные мероприятия.

На совещании в обкоме партии была создана комиссия в помощь комиссии, ожидаемой из Москвы. Аналогичные комиссии были созданы на городском и районном уровнях, а также в первичных партийных организациях. Были проведены совещания и образованы особые комиссии во всех учреждениях области, которых хоть в какой-то степени касалось решение Москвы. Короче говоря, один звонок секретаря ЦК КПСС товарища Сусликова привёл в состояние возбуждения гигантский механизм власти Партградской области и вынудил тысячи людей развить кипучую деятельность, причём — деятельность, имеющую целью не ускорение развития области и не повышение эффективности деятельности по производству всякого рода полезных вещей, а создание видимости того, что это „ускорение“ и „повышение“ на самом деле имеют место. В деятельности такого рода, т. е. в имитации настоящей деятельности, коммунистическое общество

имеет более высокую степень эффективности, чем общество западное. В этом отношении людей не надо принуждать и поощрять к функционированию в нужном духе: они к этому приучены и умеют это делать в совершенстве.

Сразу же по прибытии в Партград московской комиссии состоялось совместное совещание всех комиссий с представителями всех важнейших учреждений власти области и города»[635].

В полном виде «Катастройка» представляет собой тотальный очерк очковтирательства. Это история одного *советского* города, который «гораздо лучше справляется с проблемами имитации дела, чем с проблемами самого дела»[636]. Очерк реальной перестройки. История о том, как верхи не могут, а низы не хотят жить по-новому. «Формальная суета по поводу дела тут считается более важным делом, чем то дело, по поводу которого поднимается суета. Суета по поводу дела привычна и легко выполнима. Она не требует длительных усилий, риска и потерь. Она прекрасно выглядит в отчётах. Она приносит удовлетворение и явную выгоду гораздо большему числу людей, чем само дело. Причём она даёт результат сразу, а не в отдалённом будущем. А главное, она прикрывает и компенсирует практическую невозможность осуществления дела в том виде, как оно было задумано в высших органах власти»[637].

Зиновьев опускает «великие» идеи перестройки с кремлёвских высот в зияющую бездну русской провинции, которая обнаруживает их умозрительность, недееспособность, вымороченность. Их полную несовместимость с действительностью, тупой и наглой: «На вопрос, чем ускоренное развитие отличается от обычного, партградец отвечает: тем же, чем понос отличается от обычного испражнения, а именно то же самое говно, только с ускорением»[638].

Зиновьев не пожалел никого. Его сканер прошёлся по всему полю псевдодеятельности перестройщиков. Засветил всех. Не только партийных функционеров и советских бюрократов. Не только демагогов-идеологов и активистов-агитаторов. Досталось и искренним сторонникам реформ. И оппозиции, «левой» и «правой». Неформалам и интеллектуалам. Творческой элите и богеме: писателям, художникам, театральным деятелям, киношникам. Диссидентам. Священникам. Либералам. Патриотам. Рыночникам. Монархистам. Демократам. Неосталинистам. Западникам и славянофилам. Обывателям. Директорам заводов и простым работягам. Забулдыгам и пьяницам. Труженикам села. Индивидуальным предпринимателям. Коррупционерам и борцам с коррупцией.

Криминалу. Кагэбэшникам. Всему советскому народу. А также эмиграции и Западу.

Засветил всем.

«Туалет стал самым образцовым предприятием города, маяком перестройки в самом высоком смысле слова. По финансовому обороту туалет превзошёл мастерскую металлических изделий и вышел в число крупнейших предприятий города. А главное — туалет вступил в прямые контакты с западногерманскими фирмами, которые поставили ему оборудование высшего мирового класса, а также туалетную бумагу и различные туалетнокосметические средства. В газетах писали, что такие унитазы, какие установлены в партградском частном туалете, можно увидеть только в лучших мировых отелях и на виллах миллионеров, что даже у принца Чарльза и леди Дианы унитаз и биде хуже партградских. <…>

Когда до Партграда дошла информация (не слух, а именно информация) о случаях заболевания СПИДом в Москве, туалетный концерн закупил сто миллионов презервативов в ФРГ по бросовой цене. Немцы собирались их выбросить на свалку как устаревшие. Партградцы презервативами не пользовались. Как писали в газетах, не доросли ещё до такого уровня, отстали от Запада вследствие сталинского террора и брежневского застоя. Но покупали презервативы охотно: в связи с инфляцией рубля презервативы циркулировали как валюта наравне с долларами, марками и Библией.

— Если перестройка продлится ещё пару лет, — говорил глава туалетного концерна, попивая баварское пиво и рейнское вино, — мы возьмём в свои руки всю экономику области. А там, Бог даст, и советскую власть отменим. У меня в обкоме связи есть, поддержат. Парламентарную систему введём. Сахарова президентом поставим, Ельцина — премьер-министром.

— На что нам сдался парламентаризм, — возражала его супруга. — Наш брат Иван к парламентаризму не приучен. Лучше монархию установим. Газеты пишут, кости царя нашли. Вроде бы кто-то уцелел. Неспроста это!

— Хорошая идея! А кого царём поставим?

— Солженицына, конечно, кого же ещё?!

— Предложение принимается! Завтра же над каждой стоячей и сидячей точкой портреты его повесить! Комитет создать по поводу его возвращения на Родину! Ты во главе встанешь»[639].

Карикатура? Документальное фото? Фельетон для «Крокодила» или передовица «Правды»? О перестройке тогда никто из русских писателей так не писал. Не мог писать. Не смел. Да и вообще о перестройке литераторы больше говорили на

различных съездах и собраниях, чем в своих произведениях, предпочитая публицистику художественному слову. Читатели с энтузиазмом накинулись на «возвращённую» литературу. С жадностью «глотали» Булгакова, Платонова, Набокова, Пастернака, Гумилёва, Цветаеву, Ахматову, Бека, Гроссмана, Рыбакова, Можаева, Войновича, Аксёнова. Здравствующие литераторы шуршали архивами, мол, и у нас в столе тоже кое-что припасено, обиженно косились на покойников и эмигрантов. Критики до хрипоты спорили о Сталине и сталинизме как о последней новости и сенсации. Оглядывая окрестности текущего литературного процесса, с сожалением вздыхали, что современность так текуча, стремительна и неуловима, что должно пройти определённое время, чтобы литература смогла на высоком художественном уровне осмыслить происходящие процессы. Зиновьев ждать не собирался. И был прав. У русской литературы оставались считаные месяцы, чтобы быть услышанной. Впрочем, самого Зиновьева перестроечная периодика — наиболее эффективный в ту пору рупор «гласности» — намеренно игнорировала. «Катастройку» в СССР впервые издали только в декабре 1990 года. В Таллине. На эстонском языке.

В «свободной Европе» ему тоже всё меньше оставалось места. «В связи с политикой поддержки Горбачёва на Западе, — писал он М. Зальцбергу 8 октября 1988 года, — я лишился целой серии статей и лекций, — их просто отменили под разными предлогами. Из-за поездки канцлера Коля в Москву отложили издание книги о горбачевизме по-немецки на неопределённое время. Другими темами, касающимися советского общества и коммунизма, тут теперь вообще не интересуются»[640].

И всё же у него был здесь свой читатель. Уже в мае 1989 года «Катастройка» вышла на итальянском языке и широко обсуждалась в итальянской прессе. Прошла серия успешных презентаций. Затем появились немецкое и английское издания. На русском и французском языках «Катастройку» издал Дмитриевич.

«Не замечать» Зиновьева стало неприлично и в СССР. Здесь уже, кажется, вспомнили всех, кого только можно было вспомнить. Уже даже прозвучало со страниц «Книжного обозрения» требование «вернуть Солженицыну гражданство СССР»[641]. А он всё так и оставался в «мёртвой зоне» «гласности». И вот робко, на последних страницах, «Иностранная литература» — не «Огонёк», не «Знамя», не «Новый мир» — в февральском выпуске за 1989 год публикует подборку ответов на анкету

писателей русского зарубежья. В их числе Зиновьев. Материалы сопровождаются краткими биографиями и маленькими, 3×4, портретиками авторов. Впервые в СССР он официально назван писателем.

Пару месяцев спустя в «Московских новостях» в статье ведущего научного сотрудника Института книги Сергея Шведова «Многоликий читатель» осторожно прозвучало: «Есть авторы, многим из нас почти неизвестные, интерес к которым велик, — Саша Соколов, Александр Зиновьев»[642].

Стали наведываться гости из СССР. Почти каждую неделю появлялся кто-то с разговорами, вопросами, намёками. «Советские стали заигрывать со мной, — писал он Зальцбергу 29 июня 1989 года. — Выпустили ко мне сына, чтобы уговорил меня вернуться в Россию. После его отъезда я опубликовал во Франции статью, вызвавшую гнев в Союзе, и у моего брата отобрали паспорт. После долгих скандалов его выпустили. Напечатали коротенькую справку обо мне в „Иностранной литературе“ (среди прочих писателей в эмиграции). И в таком духе тянется типично советская подленькая игра»[643].

Наконец, в августе включился «зелёный свет». На последней полосе «Московских новостей», тех, что ещё так недавно клеймили его за «активную антисоветскую деятельность», появилась пространная беседа с ним, которую подготовил его многолетний друг Е. Амбарцумов. Они записали её в Мюнхене в июле. Полоса была озаглавлена цитатой — «Не кривил душой, не приспосабливался…». Сопровождала публикацию редкая для Зиновьева фотография. На ней он смеётся во весь рот, глаза озорно лучатся. На коленях — Шарик. Такой же жизнерадостный, с высунутым языком, с навострёнными ушами. Хотя то, о чём шла речь в интервью, совсем не располагало к смеху. Он спешил поделиться своими главными мыслями: о коммунистическом обществе, о личной ответственности, о Западе, о перестройке, о судьбе страны. Может быть, кому-то это пригодится. Может быть, кто-нибудь задумается.

Возник вопрос и о возвращении, который неизбежно возникал во всех интервью с русскими эмигрантами. Почему-то тогда всем казалось, что они только и мечтают об этом. Но у каждого из них были своя судьба, свой опыт, своя позиция. Зиновьев своей не скрывал: «Я русский человек. Я не отрекаюсь от моего народа и от моей страны, какими бы они ни были. Я не совершил против них никакого преступления. Моя совесть чиста. Дело тут не в физическом возвращении. Можно навестить Россию и даже вернуться туда насовсем, оставаясь чужим ей и преследуя эгоистические цели. И можно не делать этого, оставаясь её

верным сыном. Если в России есть люди, считающие, что моё творчество имеет ценность для русской литературы, то это их дело — добиваться восстановления моего доброго имени в науке и издания моих литературных сочинений. Если же таких людей нет, я никого и ни о чём просить не буду. Проблема моего возвращения на Родину есть прежде всего проблема самой Родины и лишь в последнюю очередь лично моя»[644].

Итак он был «реабилитирован».

Условно.

Пройдёт ещё немало времени, прежде чем его книги начнут печатать в СССР. Однако, как говорил прохиндей, любимец прохиндеев Остап Бендер, «лёд тронулся, господа присяжные заседатели!».

Осенью, во время очередного политологического симпозиума во Франции к нему подошёл корреспондент «Правды» Владимир Большаков. Они неожиданно легко сблизились, и Зиновьев наговорил на плёнку довольно большое интервью. Оно появится на страницах главной партийной газеты спустя год, но сам факт его подготовки уже примечателен.

4 ноября он встретился с представителем Фонда свободного современного русского искусства в Ленинграде (фонд осуществлял свою деятельность под эгидой Ленинградского отделения Фонда культуры СССР, а Фонд культуры СССР возглавляла Р. М. Горбачёва) и подписал в дар книгу «Зияющие высоты». Этот автограф будет опубликован через полгода, 2 апреля 1990-го, в «Известиях» на фотографии к материалу «Возвращение» об открытии в библиотеке Крестовского острова в Ленинграде читального зала книг и журналов русского зарубежья.

11 ноября стало известно о решении Президиума Верховного Совета СССР о «продолжении работы над возвращением гражданства СССР лицам, необоснованно лишённым его в 1970–1980-е и вынужденным эмигрировать»[645]. На следующий день европейские газеты комментировали это сообщение, называя в связи с ним имена Солженицына, Зиновьева, Некрасова, Ростроповича.

Время от времени на горизонте стали появляться редакторы журналов и издательств из СССР, но всякий раз дело замирало. Ничего толкового и внятного из этих обращений не выходило. Издатели куда-то исчезали. Переговоры обрывались. Ситуация была странная, не вызывавшая положительных эмоций. Он с раздражением писал Зальцбергу, подводя итоги года: «Я считаюсь самым махровым реакционером. А петь в общем хоре сумасшедших, подонков, прохвостов, жуликов, стяжателей, глупцов и прочих нормальных представителей рода

человеческого я не хочу. Это не соответствует моим принципам. В России никто не хочет пальцем шевельнуть в мою пользу. Наоборот, панически боятся, что я как-то прорвусь туда и обнаружу своё существование. Гнусная страна, гнусные люди! Лгут и лицемерят все без исключения. Я никогда так остро не ощущал свою ненужность в России, как теперь. На Западе тоже»[646].

Летом 1989 года он побывал в Израиле. Пригласила его частная просветительская организация «Книжная лавка». Как писал тель-авивский еженедельник «Новая панорама», «в пику местному Союзу писателей, который устраивает приглашения таким классикам советской литературы, как Евтушенко и Рыбаков, игнорируя самую интересную русскую литературу»[647].

Ему был оказан исключительно радушный приём. Творческие вечера Зиновьева в Тель-Авиве, Иерусалиме, Реховоте и Хайфе прошли с огромным успехом, Иерусалимский и Тель-Авивский университеты провели с ним встречи-семинары, журнал «22» пригласил его на редколлегию и заручился обещанием сотрудничать в журнале в качестве автора. «Встретили меня так, как нигде и никогда, — писал он Зальцбергу. — Я имею в виду не официальную встречу такой вообще не было, а советских эмигрантов. Важен был эффект личного присутствия и несовпадение реального Зиновьева с клеветническими слухами»[648].

«Я потрясен тем, как меня встретили, — говорил он журналисту газеты „Феникс“ М. Калашникову. — Кроме того, с такой внимательной, понимающей аудиторией мне давно не приходилось иметь дело. Я в основном выступаю перед людьми Запада, в самых различных странах мира, но аудитория такого рода встречается очень, очень редко. Это самое сильное впечатление — впечатление от встреч с людьми»[649].

Тель-авивский журнал «Алеф» сообщал: «В лекционный зал Иерусалимского университета на лекцию Зиновьева пришла вся интеллигентская „знать“ столицы нашей родины. В зале сидели профессора, кандидаты, доктора. Много было туристов из СССР, пришедших послушать предсказателя мрачных перспектив „светлого“ будущего в их стране. Советские евреи, находящиеся с визитом у своих родственников в Израиле, с неослабевающим вниманием слушали талантливого логика, желая узнать, будут ли бить евреев в СССР — и как скоро? Вероятно, чтобы решить, подавать ли им на выезд или ещё погодить? Вдруг случится, что погромы отменят…»[650]

Древний Иерусалим, необычная природа Израиля, образ

жизни, характер людей произвели на Зиновьева невероятное впечатление. «Я всегда интересовался историей Израиля, — признавался он в интервью Калашникову, — в особенности библейским периодом и периодом зарождения христианства, первыми главами христианства. Я мечтал побывать в этих местах, самому пройти тем путём, каким шёл Христос на Голгофу. Одна из моих книг так и называется „Иди на Голгофу“. В ней обсуждаются проблемы, тесно связанные с проблемами религии. Вообще, Библия была и есть одна из моих самых любимых книг, а Христос — один из самых моих любимых литературных персонажей. Вы знаете, в книге Булгакова „Мастер и Маргарита“ самые прекрасные страницы посвящены Иерусалиму. Я полностью разделяю это впечатление, я много читал на эту тему и нахожу, что булгаковское описание, хотя и очень краткое, является мне самым близким»[651].

В Иерусалиме переводчица и писательница Юлия Винер устроила в честь Зиновьева приём у себя в доме. Нелли Гутина делилась впечатлениями с читателями «Круга»: «Я всегда с интересом слежу за тем, как ведут себя иностранные гости на оккупированных нами территориях. Лучше всех вёл себя Владимир Максимов, редактор „Континента“: во время своего последнего визита сюда (со времени которого, к сожалению, прошло много лет) он в доме у Виктора Богуславского в Баркане сказал: „Забирайте всё это, ребята, в случае чего можете сослаться на меня“. Зиновьев тоже вёл себя очень хорошо. Во-первых, глазом не моргнул, когда его предупредили о возможном нападении на машину, которую вёл вооружённый по такому поводу Юлий Мильштейн, во-вторых, в окружении трёх дам, имеющих интересы на оккупированных территориях, — меня, Юлии Винер и Ани Хирам заявил: „Арабы могут обойтись без этих территорий“, что было расценено мною как проявление мужской галантности и политической зрелости одновременно. В доме у Юлии собрались те, кто любит Зиновьева прежде всего как писателя, а не только как мыслителя и специалиста по Советскому Союзу. Зиновьев — белая ворона в русской литературе, литературе консервативной, чурающейся жанровых экспериментов. Русско-советской литературе понадобился пришелец извне, то есть не из литературы, для того, чтобы создать внутри неё новую форму повествования и новый жанр. Зиновьев утверждает, что русская литература к нему ещё не готова. Он к ней — тоже. „На черта мне такая литература, — говорит он, — в которой нету Зиновьева?“ (А на черта она нам?) Зиновьев-писатель котируется высоко именно за те качества, за которые его не переваривает русско-советская литература: за

новаторство»[652].

Кроме «Катастройки» в 1989 году в «L'Age d'Homme» на русском и французском языках вышел роман «Живи». Возможно, одна из самых трагических книг мировой литературы. Хотя ничего особенного в ней не происходит. Обычный провинциальный город. Повседневность. Работа. Соседи. Друзья-товарищи. Любовь. Ожидание смерти. Всё как у всех.

Как бы, как у всех.

На самом деле, всё не как у всех. Потому что всё — никак. Унылый провинциальный Партград, окружённый болотами, зонами и вредными производствами. Однообразная повседневность. Бессмысленная работа. Злобные соседи. Убогие друзья-товарищи. Неразделённая любовь. Исход жизни.

«Живи» — Книга Небытия. Всё особенное случилось до её начала. Её герои — уроды. Физические. Инвалиды. Они созданы не по Образу и Подобию. Их родила не Мать-Природа. Они — выкидыши Прогресса. Они обречены жить вне Жизни. Помимо Жизни. Вопреки Жизни.

Обречены жить. Как все.

Рассказчик, от лица которого ведётся повествование, родился без ног. Его знакомцы-друзья — безрукий и слепой. Тоже инвалиды по рождению. Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» он ставит в предельно крайней форме: «Что лучше — родиться, страдать и потом навеки исчезнуть или совсем не появляться на свет?»[653] Из жизни он выброшен ещё до появления на свет. От него отказались родители. От него отказываются окружающие, своей помощью или безразличием умножающие его отчуждение. От него отказывается любимая женщина. У него нет прошлого. У него не может быть будущего. «Быть или не быть — для нас тут никакого выбора нет. Допустим, не быть. Но что изменится в мире от того, что я не буду жить? Что выгадает от этого человечество? <…> Допустим, быть. Что имеет от этого человечество? Кому я причиняю зло и мешаю жить? Много ли добра я вношу в мир? Кому я нужен?»[654]

У него есть только ненастоящее настоящее. У него прозвище — Робот.

«Рассвело, и я выбросил из головы гамлетовскую проблему. Вечные проблемы вообще суть проблемы ночные»[655].

Он встаёт: подтягивается на руках на специально приспособленных для этого кольцах, вставляет своё тело в приспособление, изображающее ноги, приводит их в рабочее состояние и идёт — в туалет, на кухню, по лестнице во двор, на улицу, на работу, в кабинет директора, в столовую, в «клуб»

местных алкоголиков в детской песочнице, обратно домой, к гамлетовским вопросам — «стараясь не скрипеть „ногами“»[656]. Он «работает» испытателем протезов на фабрике по их производству — пишет никому не нужные отчёты. А когда не занят этим бесполезным трудом, мечтает о невозможном — о Любви. Его жизнь одновременно пуста и избыточна.

У него есть настоящее настоящее. Его зовут Андрей Горев.

«Живи» — роман философский. Уродство Горева — реализованная метафора отщепенства. Окружающим нет заботы предпринимать какие-либо усилия, чтобы отторгнуть его от себя. Он отторгнут от них самим своим телесным дефектом. Зиновьев, не снимая социальной остроты вопроса, выводит проблему отщепенства на метафизический уровень. Устами своего героя он формулирует главный для него вопрос бытия: можно ли в одиночку прожить жизнь, достойную Человека? Сохраниться в качестве личности с теми данными, какие человек получил от рождения, и в том виде, в каком он представляет себе личность, имея в качестве судьи лишь самого себя и не имея никаких союзников, идущих с ним до конца? Иначе говоря, достаточен ли человек для самого себя в качестве опоры и критериев личности?

Жизнь Горева — художественно-философский эксперимент Зиновьева. Вернее — осмысление собственного жизненного эксперимента. Проверка его результатов. Горев находится на пределе экзистенции. Вернее, уже перешагнул его своими отсутствующими ногами. Вместе со своим автором. Зиновьев — философ, преодолевший экзистенциализм. Горев похож на Постороннего Камю, но он — не посторонний. Мир видится ему в самой абсолютной своей полноте. Он сложил ему свою «осанну»:

«Ровно в девять ноль-ноль я вхожу в свою каморку, которую из вежливости и престижных соображений называю кабинетом. Отпираю ящички и шкафчики. Передвигаю телефонные аппараты. Заглядываю в мусорную корзину. Испытываю на прочность стул. Убедившись в том, что всё на месте и всё в порядке, сажусь на стул, слегка откидываюсь назад и вперяю взор в грязное пятно на потолке. Я ощущаю гармоническое единство со стулом, столом, мусорной корзиной и всем остальным Мировым Целым. Как хорошо, что есть такое замечательное учреждение, дающее мне хлеб насущный и эту каморку, отделяющую меня от остальной Вселенной и тем самым присоединяющую к ней! Я теперь не просто обрубок нормального человека, а исполинское неземное существо, мчащееся через бесконечное пространство в бесконечном потоке времени на гигантском корабле-планете»[657]. И на этом гигантском корабле-планете он чувствует каждый шорох, каждое трепетание жизни. Видит и муху, и

муравья, и червяка, ползущего по асфальту.

Он неустанно молится одним только словом «Живи!». Это «Живи!» обращено ко всем. Ко всему. «Раз возник, живи. Живи, несмотря ни на что. Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом. Придёт твой срок, и ты исчезнешь навечно. А пока живёшь — живи. И радуйся самому факту жизни»[658]. Без ног. Без рук. Без глаз.

Тем более — с ногами, с руками, с глазами.

Когда-то поэт вопрошал:

> Дано мне тело — что мне делать с ним,
> Таким единым и таким моим?

Ответ Горева: «Живи!»

Ответ Зиновьева: «Живи!»

«Живи» — это величайший укор человеку и человечеству, идущим «на своих двоих» в небытие. Укор из небытия. Книга-предупреждение. Книга-оклик. Книга-мольба.

Книга-требование.

Зиновьев — постэкзистенциалист. Он принимает жизнь без оглядки на наличие или отсутствие в ней смысла. На наличие или отсутствие в ней справедливости. На наличие или отсутствие в ней Бога. Принимает как данность. Как факт. Без любви и ненависти. Без радости и проклятий. Для него нет вопроса:

> За радость тихую дышать и жить
> Кого, скажите, мне благодарить?

Живи.

Жизнь — это вызов. Из небытия.

Зиновьев его принимает.

Жизненный эксперимент Горева закончился крахом. Зиновьев свой продолжал.

Изобразительным продолжением социологической прозы Зиновьева стал выставочно-издательский проект «Allegra Russia» — «Веселие Руси», в названии которого обыграны слова князя Владимира, крестителя Руси: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». По заказу итальянского издательства «SugarCo Edizione» Зиновьев на основе «Евангелия для Ивана» подготовил подборку стихотворений на алкогольную тему и нарисовал к ним серию цветных листов-иллюстраций.

Есть в жизни удивительное постоянство,
Весь мир сто раз, как в Октябре, перетряси,
Но всё равно веселием Руси
Вовек останется безудержное пьянство[659].

19 декабря 1989 года в Милане в Palazzo della Permanente открылась одноимённая выставка. (К слову, в эти же дни в соседних залах галереи проходила выставка Энди Уорхолла.) К ней было приурочено издание книги под тем же названием, в которую вошли стихи и рисунки Зиновьева. Тридцать стихотворений и тридцать рисунков к ним составили красочное «Житие алкоголика»: от рождения до могилы. Стихи были представлены на четырёх языках: русском, итальянском (перевод Елены Гори Корти и Оливиеро Чигадо), французском (перевод Владимира Береловича) и английском (перевод Майкла Кирквуда).

Открывает книгу эссе Даниэля Сальватор-Шиффера «Александр Зиновьев, или Парадоксальный Бог» (на четырёх языках), в котором критик даёт интерпретацию философской позиции Зиновьева, как видится она западному читателю и эстетику. «<…> Непристойности, которые Зиновьев изрыгает в лицо человечеству, суть не что иное, как выстраданный результат утраченной веры, душераздирающий вызов затаившемуся Богу. Этот вопль, вырывающийся почти как ругательство, оказывается противовесом молчанию, а пережим, провокация ещё более подчёркивают напрасную жажду покоя.

Только так можно понять реальное значение, глубокий смысл представленных в данном сборнике стихотворений и карикатур. Их предельный реализм цинично и жестоко отражает, — со знаком минус, — трагедию человеческого сознания. (Зиновьевская сатира здесь даже сильнее экспрессионизма таких художников, как Оноре Домье, Георг Гросс, Отто Дикс.) Авторская ирония подводит нас к трагедии души <…>»[660].

«Allegra Russia» — не просто серия рисунков, это — целостное повествование. С единой системой персонажей, в едином пространстве и времени. Это ещё одна социологическая повесть Зиновьева, ещё одно его исследование реального коммунизма. На этот раз средствами визуальной изобразительности. Оно дополняет, уточняет, комментирует картину советского мира, представленную в прозе, поэзии и публицистике Зиновьева. При внешней занимательности и карикатурности оно содержит в себе большой познавательный потенциал. Как и в других произведениях Зиновьева, в нём присутствуют системный подход

и стремление к энциклопедичности. Десятки фигур и предметов представлены в сложной связи и взаимодействии, образуют «клеточки» и ряды. Внимание художника-исследователя сосредоточено не на личностях, а на архетипах социального устройства. На рисунках Зиновьева запечатлены наиболее распространённые ситуации советской коммунальности, психофизика советского человека, её телесное проявление. Широко представлены типичные предметы материальной среды — еда, одежда, мебель. Специальное внимание уделено ментальной сфере, разнообразным средствам наглядной пропаганды и агитации. Время от времени совершает Зиновьев интервенции в подсознание «гомососа», извлекая на белый лист символические образы, мечты и кошмары его.

Каждый рисунок — законченная жанровая сцена. Динамичная. С обилием персонажей и деталей. Полная жизни. Зиновьев демонстрирует виртуозное мастерство композиции. При обилии персонажей и предметов, плотно заполняющих лист, нет ни одного случайного или лишнего. У всех своё место и роль. Чётко определены планы — центр и периферия. Продуманы ракурсы. Все видны и читаемы. Он искусно строит мизансцены, образующие сложную драматургию сюжета. Позы, жесты, мимика героев разнообразны и характерны. Их выразительность создаёт эффект «звучания». Кажется, «слышны» не только голоса, но и слова участников действия. Дополнительную звучность рисункам придаёт насыщенная колористика, мастерское распределение красок, вступающих друг с другом в активное взаимодействие.

«Allegra Russia» — концептуальный социологический комикс.

Заглавный лист. «Родной город». На кирпичном постаменте выкрашенный золотой краской монумент Ленина. Придерживая левой рукой полу плаща, Ильич как бы слегка откинулся назад и указывает правой рукой, «куда ехать за мукой», в сторону светлого будущего, и вверх — к зияющим высотам. На лысину вождя уселся общипанный чёрный ворон, на правом ботинке примостилась рыжая крыса. Чёрная дворняга задрала лапу и мощной струёй поливает постамент. За ним, с бутылкой в руке, валяется серый хмырь в кепке. Повсюду на зелёном газоне разбросаны битые бутылки, вскрытые консервные банки, обглоданные рыбьи кости. На горизонте высится серая стена города. Партград, должно быть. На небе — серая хмарь. Коммунизм как реальность.

Картина первая. «Первые дни жизни». Семья празднует прибавление. Справа, за нетребовательным столом, где в центре — бутылка водки, а всей закуски лишь яичница-глазунья, банка кильки да несколько сосисок, советская семья отмечает

появление новорождённого. В голове стола — счастливый и, похоже, слегка невменяемый отец со стаканом в руке. По сторонам от него — старики. Сцепив ручки, умилённым взором смотрит на внука бабка в застиранном платочке, елейно улыбается. Похожий на Ленина красноносый дед со стаканом, зевая беззубым ртом, чешет плешь на голове. Худенькая девочка-подросток с косичками-«крысиными хвостиками» в синем платьишке заигрывает с чёрным котярой, нагло ворующим со стола сосиску. Напротив них — грудастая мамаша с пухлым младенцем на коленях, советская мадонна. Лицо её встревоженно. Голозадый розовый пупс одной рукой ухватился за мамкину титьку, другой тянется к стакану отца. Папаша ласково грозит сыну пальцем. Их руки устремлены друг к другу, как на знаменитой фреске Микеланджело. Со-творение мира.

Картина вторая. «Пример для подражания». Двор. Песочница. Дети в пёстрых одёжках копаются в песке. Разряженные, грубо напомаженные мамаши, выпучив глаза и разинув пасти, шумно делятся новостями. Рядом упитанные мордатые бабки в линялых кофтах и блёклых платках перемывают косточки соседям. На переднем плане, присев на бордюр песочницы и обхватив друг друга за плечи, сдвинули стаканы два мужика, мужья и зятья, точно спрятались под подол своих женщин, которые массивной группой как бы нависли над ними, пригнетая и одновременно ограждая. Мужикам уютно тут. Очкастый бородатый интеллигент в зелёном костюме, в коричневом беретике и коричневых башмаках и работяга в грязной телогрейке и сапогах, из-под сдвинутой на лоб кепки только красный острый нос торчит. Перед ними на земле — бутыль. На газете простейшая закусь: батон, банка кильки, две сосиски и плавленый сырок. Малыш-трёхлетка в красном пальтишке с лопаткой в ручке, оторвавшись от игры, заворожённо смотрит на собутыльников. Осень. Холодно. На голых ветвях деревьев сидят вороны. Сзади выстроились жёлтые хрущёвки под красными крышами. Советская городская «пастораль» — идиллия, начинённая динамитом склоки. Одно неверное движение, и всё взорвётся взаимной руганью и оскорблениями, рёвом детей, шумным переполохом птиц. Малыш, не подходи близко!

Картина третья. «Первое „причастие“». Под портретами Ленина и Хомейни собралась советская «троица»: лысый беззубый дед в очках на красном носу, двойник Ильича, в валенках и заплатанной одёже, жизнерадостный усатый папаня с раскалённым носом, в сером обвислом костюме, в салатовой рубашке и галстуке в косую красно-зелёную полоску, и сынок-внучок. Мальчонка подрос. Розовеют круглые щёчки, топорщится

ухо на стриженой голове. Шортики, рубашечка с короткими рукавами, пионерский галстук. Соображают. На троих. В руках стаканы. Дед ободряюще треплет пацана по плечу. Отец ласково гладит по головке. В левой руке пионера вилка с наколотым огурчиком. Чёрный котяра тут как тут, тянет требовательную лапу. Ну, будем!

И так далее. «Первая женщина», «Искушение», «Попойка», «Первое сражение», «После попойки», «Любовь», «Женитьба», «Запой», «Собутыльники», «В командировке», «Возвращение блудного сына», «В антиалкогольной больнице», «На толкучке», «В вытрезвителе», «Обеденный перерыв», «Снижение цены на водку», «Партийное собрание», «Сдать водочную посуду», «Преимущество пьянства», «Первый пьяница на пути в космос», «Домашнее производство», «Алкогольная утопия», «За бутылку водки», «В последний путь», «Поминки».

Природы ход суров и строг.
Один нам всем грядёт итог:
И теоретика-лжеца,
И диссидента-правдеца,
Прелюбодея-гомосека,
И даже самого Генсека,
Шпану у винного ларька
И прохиндея из ЦеКА,
С центральной улицы стилягу
И заводского работягу,
Энтузиаста-пионера
И без зубов пенсионера,
И мудреца, и дурака
Уносит времени река[661].

Эпилог. «Могила неизвестного пьяницы». У красной Кремлёвской стены, за зубцами которой на фоне безоблачного голубого неба белеют соборы и золотятся купола, на невысоком постаменте гигантская золотая бутыль — выше кремлёвских елей, выше стены, выше соборов и куполов. У подножия её, справа и слева, застыли в почётном карауле два забулдыги в измятых коричневых костюмах, в измятых коричневых кепках. Небритые. Опухшие. Красноносые. С тупым выражением лиц. С пустыми безумными глазами. В одной руке у них бутылки, в другой — по гигантскому штопору, вскинутому к плечу, «на караул». Спи, дорогой товарищ. Третьим будешь?

«Allegra Russia» венчает социологию реального коммунизма Александра Зиновьева, его страшную правду о великой мечте

человечества, воплощённой в жизнь. Издалека нарядная и праздничная, вблизи она скучна и безобразна. Без бутылки не проживёшь.

Выставка получила обширную прессу. Она была воспринята как значимое культурное и отчасти политическое событие. Журналисты не преминули отметить, что она открылась через двадцать дней после официального визита в Италию Михаила Горбачёва. В день открытия Зиновьев принял участие в прямом эфире политической телепередачи «За коммунизм» на канале «Rete 4». Кроме него в студии присутствовали председатель Коммунистической партии Италии Армандо Козутта, один из лидеров Итальянской социалистической партии Уго Интини, публицист Энцо Беттица, политолог и общественный деятель Джанфранко Миглио. В передаче в записи прозвучали мнения Джулио Андреотти, Арнальдо Форлани, Беттино Кракси, Джорджио Ла Малфа, Индро Монтанелли, Александра Дубчека, Вацлава Гавела. Разговор шёл всё о том же, о кризисе коммунизма в СССР и его последствиях для мирового коммунистического движения.

О выставке написали практически все главные газеты и журналы Милана: «Corriere della sera», «Avvenire!», «Italia Oggi», «La Notte», «Milano finanza», «Il Sole 24 Ore», «Il Mondo», «Milano costume», «Borghese», а также римские «La Repubblica», «L'Unita», «Avanti!», газеты Болоньи «Il Resto del Carlino», Брешии «Brescia oggi», «Il giomale di Brescia», Катании «La Sicilia», Комо «La Provincia Di Сото». Кроме того, о выставке сообщали журналы «Time», «Cosmopolitan», «Fashion», «Arte». Репортажи об открытии прошли по всем телеканалам.

Вместе с рисунками Зиновьева на выставке были представлены также работы его дочерей Тамары и Полины. Зиновьев высоко ценил творческие достижения своих дочек и стремился их поддерживать любыми способами. Кроме того, он хотел использовать этот повод, чтобы повидать Тамару, с которой расстался более десяти лет назад и о судьбе которой постоянно думал. Тамара в Милан не поехала, прислав на выставку лишь свои работы. Зато рядышком были Ольга, Полина и …?

Ольга ждала ребёнка.

Вот уж чего он меньше всего ожидал в свои шестьдесят семь!

Новость он принял без радости. Не потому что в чём-то сомневался. Просто был реалистом. Какой ребёнок в их возрасте? Ольга, хоть и значительно моложе его, но и ей уже сорок пятый год. Времени вырастить и воспитать, поставить на ноги почти не осталось. Во всяком случае, у него. Да и сил, физических, экономических, признаться, тоже не так много, чтобы принять на себя такую ответственность. Он предложил поступить благоразумно. Ответ, к счастью, был отрицательным.

О беременности Ольги ходили самые разные слухи. Была даже версия, что она на самом деле не беременна, а лишь имитирует беременность, подкладывая под платье подушку. Ребёнка же, неизвестно от кого, ждёт Полина, и чтобы избежать скандала, родители покрывают её срам таким манёвром. Чего только не придёт в голову досужего обывателя!

Однако родила всё-таки Ольга.

24 апреля 1989 года он в четвёртый раз стал отцом. Было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что на свет появился ещё один Зиновьев. Крепкое тельце, круглый лоб, сосредоточенный взгляд.

Ребёнка назвали Аксиньей-Светланой. Родилась девочка. Аксиньей в честь героини «Тихого Дона», Светланой — по имени Ольгиной сестры. В жизни все зовут её Ксенией.

Он был опытным отцом.

Ему не довелось нянчиться и воспитывать сына. Так уж получилось. Но с Тамарой он прошёл полный курс. Тем более что в детстве у неё был врождённый недуг, который пришлось преодолевать многолетними усилиями и трудами. Кроме того, убогие условия советской жизни 1950–1960-х годов способствовали формированию изощрённых родительских навыков. С Полиной было уже гораздо легче, хотя и тут всё время требовалось «повышение квалификации». И он никогда от этого не уклонялся.

И в экстремальных условиях опалы, и на гребне мировой славы, при всей своей занятости и сосредоточенности на работе он всегда умел быть отцом. Быть рядом. Не отмахиваться от «пустяков», не сердиться на то, что его отрывают от дел. Всегда слушать и отвечать. Учить. Обсуждать. Спорить. Играть и забавляться. Придумывать интересные занятия. Гулять вместе. Дружить. Помогать в трудную минуту. Утешать.

Любить.

Рождение Ксении он принял с благодарностью.

Она заставила его снова быть молодым. Её присутствие рядом — беззащитного невинного дитя — спасало от мрачных

дум и мизантропии, мир становился чуть светлее и радостнее.

Они прожили вместе шестнадцать лет.

Он увидел, как она уверенно, *по-зиновьевски,* заявила о себе в этой жизни, как трудом и талантом утвердила своё имя. С раннего возраста Ксения проявила недюжинный музыкальный талант. Подростком была уже обладателем десятка лауреатских званий, записала два диска — сольный и в сопровождении оркестра.

Он гордился ею.

За полтора месяца до их расставания навеки Ксения давала концерт в зале Гнесинского училища. Тяжело больной, он не мог присутствовать на нём. Послал с Ольгой записку с приветом. Записку-признание. Записку-прощание.

Завещание.

«Моей бесконечно любимой доченьке Ксении в день её праздника — концерта 25 марта 2006 года с самыми добрыми пожеланиями успеха, в котором я не сомневаюсь никогда. Будь уверена, родная, и ты победишь. Вечно любящий тебя и преданный тебе отец и друг. А. Зиновьев»[662].

Начиналось последнее десятилетие века. Впереди были «лихие девяностые». Перебаламутив верхи и низы, горбачёвская перестройка зашла в тупик. Экономическое положение в СССР неизменно ухудшалось. Социальная напряжённость дошла до предела. Политические метания Горбачёва между «консерваторами» и «демократами» в партии напоминали конвульсии. Его речи всё больше вызывали раздражение в народе, а полумеры, к которым он вынужденно обращался, разрушали его авторитет больше, чем жеманная мудрость Раисы Максимовны. Он всё ещё пытался контролировать ситуацию, но делать это становилось всё труднее. Международная слава реформатора не давала ему возможности действовать решительно по отношению к оппонентам и открытым противникам, в соответствии с законами коммунистического строя: затягивать гайки внутри страны, переходить к усилению репрессивных мер. К тому же на горизонте маячила Нобелевская премия мира. Тщеславие притупило политическую интуицию. Да и характера не хватило. Его время неумолимо истекало. Народ почуял нового вожака. Борис Ельцин входил в расцвет своего политического влияния.

Запад с осторожностью и вниманием присматривался к этому «анфан террибль» перестройки. Поведение Ельцина, его поступки и действия не соответствовали стандартам партийной дисциплины, негласным правилам правящей советской элиты. Он не только имел своё мнение, но и выражал его публично. И не

кулуарно, а демонстративно. Его открытая критика Горбачёва и заявление с просьбой снять с него обязанности кандидата в члены Политбюро на октябрьском пленуме ЦК КПСС в 1987 году не имели прецедентов. Снятый с партийной работы, Ельцин тем не менее не был полностью отстранён от власти. Ему поручили Министерство строительства, по профилю его прежней хозяйственной специальности. Общественность восприняла это перемещение как «опалу». Вокруг него стало формироваться оппозиционное движение, которое в итоге привело Ельцина в состав народных депутатов СССР. Во время работы I Съезда народных депутатов в июне 1989 года была сформирована Межрегиональная депутатская группа, объединившаяся вокруг требования об отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли партии. Ельцин был избран сопредседателем координационного совета МДГ вместе с Г. Поповым, А. Сахаровым, Ю. Афанасьевым и В. Пальмом.

Лидерство Ельцина вызвало острую заинтересованность за океаном. В сентябре он побывал в США якобы «с чтением лекций», на самом деле главной целью поездки было установление непосредственных контактов с политической элитой США. Возможно, он искренне полагал, что «заграница нам поможет». За красивые глаза. В те дни он встретился со многими представителями правящего истеблишмента Америки, вплоть до президента Дж. Буша, который уделил ему 12 минут неформального общения в Белом доме. В Америке Ельцин сделал несколько громких заявлений, реализованных им впоследствии. Он объявил, что выступает за право республик на выход из СССР и многопартийность, заверил американцев, что уже в следующем году Горбачёва не будет. «Вашингтонский обком» одобрил кандидатуру Ельцина. За дело взялись профессиональные политтехнологи. 22 декабря 1989 года МДГ официально объявила себя «парламентской оппозицией», хотя никакого парламента в СССР, конечно, не было, и Съезд народных депутатов СССР никак не мог претендовать на эту роль.

Одной из ключевых PR-акций по формированию имиджа Ельцина стали подготовка и издание его мемуаров, получивших броское название «Исповедь на заданную тему». Разговор об этом шёл ещё раньше, но после поездки в США работа закипела ускоренным темпом. Книга выполнена на высоком профессиональном уровне. Она сочетает в себе вполне простодушный рассказ о годах становления героя с острой политической интригой почти детективного характера, основанной на недавних событиях в советских политических кругах. Характер героя построен на тех эпизодах его биографии, в

которых он выступает в качестве неуклонного борца за справедливость, решительного и настойчивого. В то же время он готов признаться и в совершённых ошибках, и в сомнениях, которые посещают его в ответственные минуты, что создаёт психологическую убедительность портрета и вызывает человеческую симпатию. Ельцин раскрывает всю «кремлёвскую кухню», предавая гласности подробности работы аппарата ЦК, заседаний политбюро, совещаний, пленумов. Он даёт характеристики многим здравствующим и действующим партийным и государственным руководителям, приводит сцены неформальных отношений внутри правящей верхушки. Лишает советскую партийную власть покрова сакральности. Выносит сор из избы. Его «прожектор перестройки» светил не в бровь, а в глаз Горбачёву.

Книга была завершена к концу 1989 года. Как сообщили различные закордонные «голоса», издание её в СССР было запрещено. Скорее всего, это обстоятельство также принималось в расчёт организаторами проекта, так как запрет на издание лишь усиливал образ Ельцина-правдоискателя. Трудно, однако, сказать, насколько запрет был реальным, учитывая, что уже через несколько месяцев книга была напечатана в СССР, хотя и в Вильнюсе, тиражом в полмиллиона (!) экземпляров. Возможно, информация о её запрете в СССР была также частью рекламной кампании. «Исповедь на заданную тему», как когда-то книги Солженицына, Зиновьева, Войновича, читалась в русском эфире западных радиостанций. Она почти одновременно была переведена и издана на двенадцати языках. В массовом сознании советских людей воскрешался архетип диссидентской борьбы. Ещё недавно пресса называла Горбачёва «диссидентом на троне». Теперь ему навязывали роль «душителя гласности», чуть ли не второго Брежнева, а Ельцин становился в один ряд с Солженицыным и Сахаровым (с Сахаровым, впрочем, он уже и так стоял бок о бок на многотысячных митингах, регулярно заполнявших Манежную площадь).

Где-то в декабре 1989 года Зиновьеву из Парижа позвонил ведущий популярного литературного телешоу «Апостроф» Бернар Пивó. Зиновьев не раз участвовал в передаче. Пивó предложил вновь выступить в эфире, благо в парижских магазинах только что появилось французское издание «Катастройки» и вот-вот должна была выйти «Исповедь отщепенца». Вторым участником передачи, сообщил Пивó, будет Борис Ельцин, который представит свою мемуарную книгу (во французском переводе она называлась «До самого конца»). Может получиться интересный и острый диалог. Зиновьев согласился. Отказываться от такой рекламы своих новых

книг он себе позволить не мог, да и на Ельцина вблизи посмотреть полезно. У каждого свой интерес.

Кураторы Ельцина рассчитали всё правильно. Программу Пивó знали и смотрели не только во Франции. Выступление в ней гарантировало внимание широкой европейской аудитории. По данным статистики, «Апостроф» смотрели два миллиона телезрителей. Однако сам по себе Ельцин ещё не настолько был известен на Западе, чтобы привлечь к передаче максимальное количество потенциальных зрителей. Ему в пару нужен был хорошо узнаваемый, яркий и авторитетный собеседник. Из числа русских эмигрантов, живших в Европе, таковым был только Александр Зиновьев. Возможно, была у организаторов этой встречи надежда и на то, что два ярых критика Горбачёва найдут общий язык и выступят впоследствии вместе. В любом случае участие Зиновьева в дебатах делало успех передачи беспроигрышным. То, что ельцинские политтехнологи не ошиблись в своём выборе, вскоре подтвердили многочисленные анонсы, заполнившие парижские газеты за несколько дней до эфира: большинство из них вышло с портретом Зиновьева.

9 марта 1990 года в 21 час 35 минут по европейскому времени все интеллектуалы Франции переключили свои телевизоры на канал «Antenne 2». На экране Бернар Пивó анонсирует содержание 709-го выпуска «Апострофа»: «Сегодня в передаче принимают участие великий русский писатель, выехавший из СССР и лишённый гражданства в 1978 году, Александр Зиновьев и депутат из Москвы, самый популярный коммунист в Советском Союзе Борис Ельцин. Оба они говорят на одном языке, у них одна история, одна культура, но принадлежат они к двум разным мирам. Если я не ошибаюсь, впервые официальное лицо из Советского Союза встречается здесь, на французском телевидении, с писателем, которого называют „отщепенцем“»[663].

Очевидно взволнованный, путаясь в проводе микрофона, Пивó представляет гостей. Первым, по старшинству, — Зиновьева. Ведущий напоминает о книгах Зиновьева, принёсших ему известность, в частности упоминает романы «Зияющие высоты», который характеризует как шедевр, и «Светлое будущее», говорит о только что вышедших книгах «Исповедь отщепенца» (в продаже с 5 марта) и «Катастройка». Всё это время камера крупным планом показывает Зиновьева. Он строг, сосредоточен, внимателен, чувствует себя перед камерой уверенно и спокойно. Лицо его выразительно и благородно, глубокие морщины на лбу, высокие залысины лба, в волосах лишь отдельные седые пряди. Во всей его фигуре есть что-то величественное и монументальное.

Камера переходит на Ельцина. Пивó кратко пересказывает его политическую карьеру, сообщает о том, что год назад Ельцин триумфально был избран народным депутатом СССР, а буквально накануне, в предшествующее передаче воскресенье 4 марта, победил на выборах народных депутатов России. Ельцин моложав (он на девять лет моложе Зиновьева), ещё ни одной морщины, хотя сильно поседевший. Вообще выглядит как на глянцевой парадной фотографии. В отличие от Зиновьева напряжён, что видно по выражению глаз, правой рукой всё время подпирает лицо, как бы прячется от объектива. Когда Пивó говорит, что Ельцин поссорился с Горбачёвым, довольно улыбается и впервые отнимает руку от лица. В передаче также принимает участие французский критик Александр Адлер.

Первые полчаса проходят вполне миролюбиво. Адлер проводит параллели в биографиях Зиновьева и Ельцина. По просьбе ведущего, участники высказывают своё мнение друг о друге. Зиновьев светски корректен, улыбается, плавно жестикулирует. Его реплика вполне дружелюбна: «У меня к Борису Ельцину двоякое отношение. В человеческом отношении я ему в высшей степени симпатизирую. И есть писательское отношение. Когда я беру перо в руки, то мною начинает владеть литературный жанр. И тогда я не даю пощады никому. И вот в книге „Катастройка“ Борис Николаевич фигурирует у меня в нескольких ипостасях. Но я сатирик… Так что я отношусь к Борису Николаевичу как к человеку с огромным уважением. Как человек. А как писатель… Он является для меня объектом сатиры, объектом анализа. Но я думаю, что в отличие от других людей, с которыми мне приходилось сталкиваться, я думаю, он не будет на меня за это обижаться».

Ельцин выслушивает всё это с благодушной улыбкой. На вопрос, что он думает о Зиновьеве, отвечает сдержанно, но весьма уважительно: «Я думаю, что это человек поступка». Говорит, что читал «Катастройку» в копии: «Мне показалось, что книга интересная, очень острая». Отмечает сложную судьбу Зиновьева. Пивó задаёт вдруг какой-то странный вопрос, который вносит в разговор неловкость: «Вы восхищаетесь им?» Ответ мгновенный: «Нет». — «Почему? Ведь он же мужественный человек». — «Да. Но это не основание для восхищения. Я же сказал, что он человек поступка. Человек поступка вызывает уважение. (Пауза.) Восхищаться можно актрисой, ведущим программы. Можно восхищаться… господином Пивó». Последние реплики сопровождаются широкой улыбкой, улыбается и Зиновьев. Пивó тоже облегчённо улыбается и спешит перевести разговор на литературную тему, расспрашивая Зиновьева об «Исповеди

отщепенца» и драматических страницах его биографии.

Кажется, что передача вошла в привычный формат. Но вот следует видеосюжет о Ельцине, в котором рассказывается о его борьбе с привилегиями. Пивóв просит Зиновьева прокомментировать увиденное: «Итак, прав ли Борис Ельцин в отказе от своих привилегий?»

Когда речь заходит о социологических проблемах, благодушие Зиновьева испаряется. Он говорит жёстко, без оглядки, не стесняясь в формулировках: «С социологической точки зрения это шаг бессмысленный. Общество, в котором нет привилегий, нет иерархии распределений, развалится в течение нескольких недель. Это всё равно что армия, в которой генералы питаются как солдаты и выполняют те же функции, что и солдаты. Наличие иерархии распределения — это нормальное явление в обществе… И привилегии суть нормальны. Социологически нормальны. Отказ от них производит сильное впечатление на массы — и будут все кричать „ура“. Но это производит впечатление как исключение. Когда один человек или несколько человек хотят завоевать симпатии масс. Но когда крупный политический деятель совершает такой шаг, я могу только сказать, что это свидетельствует о полном непонимании закономерностей общества, в котором он живёт. Есть объективные социологические закономерности».

Вызов брошен.

Атмосфера в студии электризуется. Собеседники практически перестают смотреть друг на друга, общаясь только с ведущими. Называют оппонента отстранённо «господин Ельцин», «господин Зиновьев». Между репликами постоянно возникают длительные паузы, с которыми Пивóв и Адлер не всегда умело справляются.

ПИВОВ: Александр Зиновьев, ваш роман «Катастройка» — зубастая сатира на перестройку. Но если бы не перестройка, Ельцин не имел бы возможности говорить с писателем, который считается отщепенцем…

ЗИНОВЬЕВ: Что вы хотите сказать? Что я должен быть счастлив, что я сейчас сижу и могу видеть господина Ельцина? Ну не случилось бы этого, ну что вы думаете, я ходил бы и плакал: «Ах, какое горе! Не увидел такого человека!» Ну это же несерьёзно. Понимаете, всё зависит от того, как понимать перестройку. Что такое перестройка? Я во всех моих книгах обосновываю следующий тезис. Перестройка не есть прогресс, не есть обновление общества. Это болезнь общества. Это кризис. Кризис! И выходом из перестройки может быть только контрперестройка. Выходом из болезни не может быть

продолжение болезни. Почему не происходит перестройка в партии? А никакой партии нет! Слово есть только. То, что называют партией, это не есть политическая партия. Там ничто не может быть перестроено. Это совсем явление другого рода. Более того, наличие политических партий это явление капиталистического общества. Ни в каком другом обществе этого явления нет. Вы можете допустить в Советском Союзе тысячу партий — и все они выродятся в политические мафии, а не в партии! В структуре общества, в структуре народа нет никаких оснований для партий. О партиях можно поговорить, поскольку их нет. Но создайте их и увидите, что получится.

ПИВОЌ: Когда господин Ельцин говорит, что нужно ускорить перестройку, вы считаете, он хочет ускорить болезнь?

ЗИНОВЬЕВ: Он хочет ускорить болезнь, то есть приблизить страну к смерти. Только и всего. Всё зависит от того, что считать *нормальным* состоянием коммунистического общества. Нормальным состоянием коммунизма является состояние, которое было при Сталине и при Брежневе. Горбачёв ввергнул страну в кризис. Сейчас он пытается её вытащить. На пути к контрперестройке. На пути создания личной диктатуры. На пути создания аппарата сверхвласти. Он действует в соответствии с объективной тенденцией. Мне это не нравится, я это не одобряю, но социологически это так.

Зиновьев эмоционален, горяч. Ельцин слушает Зиновьева внимательно, хмурит брови, особенно его озадачивает последняя реплика. Он явно что-то для себя открывает новое. Но тут опять не самым удачным образом вмешивается ведущий. Он явно не очень понимает, как строить разговор. Ему хочется оживляжа.

ПИВОЌ: Борис Ельцин, вам нужно обороняться — ваша перестройка, которую вы хотите ускорить… ЕЛЬЦИН: А от кого мне обороняться-то? От человека, который отстал? Нет, я не собираюсь обороняться. Я собираюсь наступать. Наступать в вопросах перестройки. И дело не в названии. Общество действительно больно. Его нужно лечить. А как обозвать, это уже другое дело. Но нужно только решительно и радикально действовать, не как Горбачёв — только полумеры, компромиссы и нерешительность. Это действительно может сейчас привести к кризису в обществе. Но такое обновление общества, коренное обновление нужно. Без него мы и дальше будем опускаться в болото, из которого мы, может быть, только-только, некоторыми элементами перестройки, такими как демократизация, гласность, стали чуть-чуть выкарабкиваться.

Действительно, в студии «Апострофа» собрались люди из различных миров. Говорят они по-русски, но на разных языках. Зиновьев мыслит научными категориями. Его построения логически обоснованны и верны в рамках выстроенной им теории. Но он действительно давно не был в СССР, и хотя внимательно следит за тем, что происходит на родине, постоянно общается с приезжающими из СССР людьми, получает оттуда много писем с конкретными историями и свидетельствами, но не чувствует нерва жизни так, как чувствует его Ельцин. Ельцин в это время, напротив, весь заряжен той энергией, которая исходит от масс, он, как аккумулятор, получает непрерывную подпитку от социального возбуждения своего окружения (ругательное словечко «демшиза» возникло не на пустом месте). Когда Ельцин говорит, что «господин Зиновьев не знает процессов, которые идут в народе — на заводах, на фабриках», он прав. Для Ельцина Горбачёв, Лигачёв и остальные московские и региональные политики — живые люди, а не логические абстракции. Он не только знает их в лицо, он слышит их дыхание. Зиновьев — в координатах Ельцина, в координатах *реальной политики* — действительно «отстал».

Другое дело, что Зиновьев и не «приставал». И откровенно об этом заявлял: «Я наблюдаю советское общество так, как исследователь наблюдает муравейник. Ползают муравьи. Вот ползёт муравей Горбачёв. Вот ползёт муравей Лигачёв» (чуть было не сказал — Ельцин, но все слушатели про себя так и произнесли). «Я не политик. У меня нет никаких программ. Я ничего не предлагаю. Я исследователь. Я констатирую, что есть, и делаю прогнозы, что будет». Зиновьев смотрит на всё с высоты своей теории. И, чего греха таить, свысока. Он уверен в себе до заносчивости, что не всегда идёт на пользу. Увлечённый своей концепцией, своими социологическими расчётами, сосредоточенными вокруг действий генсека как главной властной фигуры в СССР, он уверен, по аналогии с прежними временами, что всё развитие событий по-прежнему зависит только от поведения Горбачёва. Он всё ещё считает СССР страной реального коммунизма и потому безапелляционно предсказывает: «В Советском Союзе уже началась контрперестройка. Возглавляет её сам Горбачёв. Он уверенно идёт к личной диктатуре. Поэтому был создан пост президента. То есть создать аппарат сверхвласти вне партийного аппарата, как было при Сталине. Подчинить себе партийный аппарат. Есть определённые законы таких процессов. Нужно определённое время. Я думаю, пять лет достаточно. Сталин ведь тоже не сразу овладел властью, хотя занимал пост

генерального секретаря. Ему понадобилось десять лет, прежде чем он действительно свою власть укрепил. Горбачёву нужно ещё пять лет. В течение этих пяти лет он уберёт всех, кто ему мешает. И исчезнет и Ельцин. Исчезнет. Исчезнет и Лигачёв. Сейчас они играют роль в этом спектакле власти, а потом всё прояснится».

Глядя на Горбачёва издалека, он в упор не видит Ельцина, хотя и сидит с ним визави. Он считает Ельцина «шутом Горбачёва» (именно так высказался он в интервью газете «Le Parisien», вышедшей утром в день эфира «Апострофа»), «пародией на Горбачёва» (в интервью «Le Figaro» тогда же). Зиновьев не допускает и потому не видит никакой иной власти в СССР, кроме власти КПСС и её генсека, стремящегося к единоличному управлению любыми средствами. А в это время в политической реальности Советского Союза уже шла работа по выстраиванию альтернативной системы власти. И главным её «прорабом» был именно Ельцин. И в этот вечер он всё проговорил вполне откровенно. Он сказал о том, что если на ближайшем съезде КПСС партия не будет реформирована по западному образцу (что «скорее всего», по его замечанию), то будет создаваться новая партия. Что пост Президента СССР, который через несколько дней будет учреждаться на съезде народных депутатов, преждевременен и не отражает политической реальности, не обеспечен никакими юридическими нормами, и потому МДГ и делегации ряда союзных республик будут торпедировать эту инициативу. Наконец, в финале передачи он, отвечая на вопрос Пиво: «Хотите ли вы заменить Горбачёва и стать номером первым в СССР?» — решительно ответил: «Нет», и на удивлённое: «Почему?» — яснее ясного сказал: «Потому что будущее за Россией». То есть в этот момент уже была определена стратегия на развал СССР путём создания реальной, альтернативной Горбачёву, КПСС и съезду народных депутатов СССР, властной системы в России. Это сегодня фраза «Будущее за Россией» звучит как абстрактный патриотический лозунг, а в той конкретной ситуации, 9 марта 1990 года, в устах Ельцина она была не фразой, а программой действий — против СССР. А по сути — против России.

И хотя Ельцин во второй части передачи всё время полемизирует с Зиновьевым и даже отпускает временами в его адрес «шпильки», вроде того, что «я не такой плодовитый писатель», он не пропускает мимо ни одного слова своего горячащегося оппонента. Ельцин оказался внимательным учеником профессора Зиновьева и, по совести, спустя полтора года, по результатам «путча», тот должен был бы выставить ему оценку «отлично». Ведь это он ему объяснял: «Существуют

объективные социальные закономерности. Ключом к выходу из кризиса является вопрос о власти. В чём суть кризиса? Система власти потеряла контроль над обществом. Высшая власть потеряла контроль над системой власти. Выход, самое главное, что нужно сделать, привести в порядок систему власти. Создать аппарат сверхвласти. Взять в свои руки всю систему власти и затем восстановить весь контроль над обществом. Другого пути не существует. Можно высказывать любые программы, морально красивые, но политика не может опираться на моральные принципы. Я это говорю не как политик, а как аналитик. Другого пути не существует».

29 мая 1990 года Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР.

12 июня 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, предусматривающую приоритет российских законов над союзными.

12 июля 1990 года на XXVIII съезде КПСС Ельцин выступил с критикой КПСС и Горбачёва и объявил о своём выходе из партии.

24 декабря 1990 года был принят Закон о собственности в РСФСР.

19 февраля 1991 года Ельцин в выступлении по телевидению потребовал отставки Горбачёва и передачи власти Совету Федерации, состоящему из руководителей союзных республик.

12 июня 1991 года Ельцин стал Президентом РСФСР.

20 июля 1991 года подписал указ «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР».

19 августа 1991 года возглавил противостояние ГКЧП, обнародовав ряд указов о непризнании решений ГКЧП.

23 августа 1991 года подписал указ о приостановлении деятельности КП РСФСР.

25 августа 1991 года издал указ, на основании которого всё принадлежащее КПСС и КП РСФСР недвижимое и движимое имущество, включая денежные и валютные счета, становилось государственной собственностью России.

Ельцин услышал «предупреждение» Зиновьева: «Горбачёву нужно ещё пять лет. В течение этих пяти лет он уберёт всех, кто ему мешает. И исчезнет и Ельцин». Усилиями Ельцина меньше, чем через два года из политики навсегда исчезнет Горбачёв. Ельцин не был ни «шутом», ни «пародией».

Прошло четверть века после той уникальной встречи Философа и Политика. Двух самородков русского мира. Двух

бунтарей. Двух отщепенцев. Один создал суверенное государство *из себя.* Другой *для себя* создал суверенное государство. Каждый *по-своему* перевернул мир. Вполне можно судить, кто из них оказался более прав в их таком странном диалоге.

Как ни парадоксально, победили оба.

В спринтерском забеге на короткой исторической дистанции первенствовал Политик.

В стайерском на первое место выходит Философ: «Через пять-шесть лет (не в цифрах дело! — *П. Ф.)* восстановится то же, что было при Брежневе. Даже, может быть, хуже. Может, даже ближе к сталинскому варианту. А ещё пройдёт какое-то время, и о брежневском времени будут вспоминать как о „золотом веке“ советской истории. Это я говорю, как учёный».

Существуют объективные социальные закономерности.

«Апостроф» (№ 709) и последовавшие за ним комментарии и интервью, в частности большой разговор с историком и политологом, автором книги «Расколовшаяся империя», Элен Каррер-д'Анкосс хотя и не удовлетворили Зиновьева, но принесли свой результат. 4 апреля 1990 года он писал за океан Зальцбергу: «Мир сошёл с ума. И устоять против этого можно лишь одним путём, а именно — превращаясь в глазах окружающих в чудака или… сумасшедшего. Я иду своим путём, наплевав на всё. И самое поразительное — это приносит какой-то успех. Здесь в Европе (во Франции и Италии) начался такой бум с моими идеями и книгами, какого не было давно. В считаные дни стал бестселлером сатирический роман „Катастройка“. Мои книги стали издавать в Югославии, Венгрии, Эстонии. Даже в Болгарии хотят перевести „Зияющие высоты“. Меня, честно говоря, это уже не волнует. Вы знаете, как я отношусь ко всему и ко всем: с презрением и насмешкой. И к реформаторам, и к консерваторам. И к прогрессивным, и к реакционным. И к умным, и к дуракам. Как сказал один из мох персонажей, всё это — копошение червей в солдатском нужнике. Я мечтаю об одном: пожить несколько лет беззаботно и бездумно. Но, увы! Ничего подобного не дождёшься. Надо зарабатывать на жизнь»[664].

В Москве встреча Зиновьева с Ельциным также не осталась без внимания. Его резкое неприятие главного оппонента Горбачёва было воспринято положительно, и с автора «Катастройки» разрешили снять «табу». Из московской штаб-квартиры Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР) поступило предложение издать отдельной книгой «Зияющие высоты». Журнал «Октябрь» также предложил свои страницы для публикации «Зияющих высот».

Журнал «Смена» вызвался напечатать «Иди на Голгофу». Государственное издательство «Московский рабочий» подписало с ним договор на издание романов «Гомо советикус» и «Пара беллум». В начале июня в «Правде» (!) появилось большое интервью с ним, записанное и подготовленное парижским корреспондентом главной партийной газеты страны Владимиром Большаковым. «Добро» на его публикацию, после соответствующих согласований в ЦК, а скорее всего, и лично с генсеком, дал главный редактор «Правды» Иван Фролов, который когда-то в 1970-е пригласил Зиновьева в редколлегию «Вопросов философии», а теперь был помощником Горбачёва по вопросам идеологии, секретарём ЦК КПСС и членом Политбюро.

Интервью заняло три четверти полосы (!) и сопровождалось фотографией и биографической справкой, по объёму и тональности вполне уместной в Большой советской энциклопедии. В этой беседе впервые массовый советский читатель смог полноценно познакомиться с судьбой, творческими достижениями и идейными взглядами Зиновьева, с его жизненной позицией: «Я всегда шёл против течения. Идея убить Сталина у меня действительно была в юности, в 16–17 лет. Я был в жутком состоянии. Как мы жили, вы вообразить себе не можете. Вечный голод, грязь, вши, физическое напряжение, разорение колхоза. Был срыв. Я остался антисталинистом, но после войны, правда, стал к Сталину относиться уже не как к личности, а как к социальному явлению. Я здесь напечатал книгу, которая называется „Нашей юности полёт“. Её многие восприняли как апологетику Сталина. Но это не апологетика. Я просто выплеснул своё эмоциональное отношение к нему тех времён. Вот сейчас я критикую Горбачёва. Но случись такое, что все его начнут поносить, я напишу книгу в его защиту. Поэтому такой „враг“, как я, может быть предпочтительнее, чем некоторые сегодняшние друзья. Я к нашим выдающимся деятелям объективен — в отпущенный им период власти я всегда шёл против потока восторгов и аллилуйщины, а потом применял к ним подход исторический. <…> Я вовсе не считаю, что в нашей истории было только плохое. Было и немало хорошего. Коммунизм существует мало, 70 с немногим лет. Западная цивилизация существует много столетий. Мы с вами не можем предвидеть, что будет через 500–600 лет. Историческое время — это не жизнь отдельного поколения. Историческое время — это столетия и тысячелетия. К сожалению, за жизнь одного поколения мало что можно сделать. Я категорически протестую против того, чтобы нашу историю рассматривать как „чёрный провал“. Вот я недавно прочитал выступление историка Юрия Афанасьева. Он

утверждает, что наше общество — это вообще пример тупикового развития. Я считаю, что это абсурд. Стопроцентный абсурд со всех точек зрения. Наша система возникла не по злому умыслу „горстки евреев“, как утверждали антикоммунисты 20-х годов и как бездумно повторяют это некоторые их последователи сегодня, а закономерно. И развивается оно по объективным законам истории. Это не „чёрный провал“. Советская история — тяжёлая, трагическая, страшная, но грандиозная. Не всё в ней было злом. Были великие достижения. Люди ещё не оценили их по достоинству, но это придёт с годами»[665].

Интервью заканчивалось темой возвращения на родину.

«БОЛЬШАКОВ: Вот вы оторвались совсем от Родины. И даже сейчас не торопитесь ну хотя бы на время приехать. А ведь должно быть обидно — вы один из самых известных русских писателей на Западе сейчас, а на Родине ваши книги практически мало кто читал.

ЗИНОВЬЕВ: Я не вижу никакой трагедии в том, что русский писатель живёт и работает на Западе. В истории нашей литературы таких примеров немало. А приехать я готов. Я бы с удовольствием прочитал курс лекций в университете. БОЛЬШАКОВ: Вы как-то говорили, что хотели бы прежде всего опубликовать на Родине „Зияющие высоты“, а уже потом всё остальное.

ЗИНОВЬЕВ: Конечно, я хотел бы вернуться в Россию со своими основными книгами, такими, как „Зияющие высоты“, „Жёлтый дом“, „Иди на Голгофу“, „Гомо советикус“, „Парабеллум“, и другими. Если результаты моего творчества представляют какую-то ценность для советской культуры или для русской культуры (сейчас это почему-то противопоставляется, но я не мыслю себе Россию не советской и думаю, что бессмысленно строить проекты на этот счёт), то пусть берут. Ведь это всё сделано, жаль, что пропадёт. Я не претендую на роль пророка в своём отечестве. И здесь не ряжусь в пророки. Я мастеровой, я рядовой мастеровой, делающий книги, испекающий идеи и гипотезы.

БОЛЬШАКОВ: Что ж, будем надеяться, что возвращение состоится.

ЗИНОВЬЕВ: Думаю, что русская культура от этого не прогадает»[666].

1 июля 1990 года указом Президента СССР Александру Зиновьеву, Владимиру Максимову и Жоресу Медведеву было возвращено советское гражданство. На это известие он

отреагировал спокойно, с обычным достоинством и сдержанностью: «Это важное признание моей литературной и научной деятельности. Это также важно и в том смысле как признание того, что было ошибкой в своё время высылать меня из страны и лишать гражданства»[667].

Зальцбергу сообщал: «Мне вернули советское гражданство, причём — без моей просьбы. Это — ещё один повод для нападок на меня. В Москве вроде собираются печатать „Зияющие высоты“ и „Гомо советикус“. Но Вы знаете советское общество. Пока раскачаются, желание пропадёт. Советские писатели и философы совсем не в восторге от того, что мои книги могут появиться в России. Я отношусь к тем немногим исключениям, которым нужна не свобода, а покровительство, защита от братьев-писателей и братьев-учёных, и вообще нужна защита от того, что Пушкин называл чернью, а я бы назвал интеллектуальным плебейством»[668].

Итак, путь на родину был открыт. Но он не спешил возвращаться. В блиц-интервью Дж. Глэду для «Радио Свобода» по телефону из Мюнхена 12 июля на вопрос: «Так что, при желании, вы могли бы получить советский паспорт?» — он ответил: «Да, но такого желания пока нет», чем весьма озадачил интервьюера. Озадачились его холодностью и в раскалённой политическими страстями Москве, где несомненно ожидали в свой адрес очередных аплодисментов и слов благодарности.

На самом же деле всё было просто. По-человечески. Своими резонами он поделился в очередном интервью с Большаковым для «Правды»: «Прежде всего я жду выхода своих книг в СССР и реакции на них читателей. От того, как будет воспринято моё творчество советским народом, зависит, конечно, многое. Я жду также и возвращения отнятых у меня научных званий и титулов. Ведь если ехать в СССР, то не туристом, а выступать с лекциями, в том числе как учёному-философу. И наконец, у меня слишком много обязательств здесь, на выполнение которых требуется время. В первую очередь — это договоры с издателями. Я пишу сейчас книгу, для работы над которой необходимо ездить по всему миру. Здесь мне это оплачивают в валюте. Кто это будет делать в СССР? Вряд ли я найду там столь щедрого спонсора. И есть ещё одно, весьма важное обстоятельство. Четыре месяца назад у меня родилась дочка, Аксинья. Так что пока в практическом плане мой вопрос о возвращении на родину не стоит. Но я был и остаюсь русским, советским писателем, а это — самое важное»[669].

И если не телом, то словом он решительно возвращался в СССР. 23 августа в независимом издательстве ПИК (при участии

МШК МАДПР) была сдана в набор «рукопись» «Зияющих высот»! Запланированный тираж 250 тысяч экземпляров!!! Для первого *советского* издания Книги он подготовил её новую редакцию, точнее тот её вариант, который сделал ещё в 1976-м, когда получил в руки первые её экземпляры. Изменил структуру: вместо трёх частей («Зияющие высоты», «Решение» и «Поэма о скуке») сделал пять («Баллада о неудачниках», «Притча о пустяках», «Сказание о Мазиле», «Легенда о Крикуне», «Поэма о скуке»). Вместо краткого «Введения» написал более объёмное «Предисловие». Включил полный вариант стихотворной «Баллады о неудачниках». Добавил несколько фрагментов с названием «Справка», дополнил сюжетную линию «Очередь». Изъял довольно объёмную часть текста о Мазиле и практически полностью эссе об эстетике Эрнста Неизвестного, сократил несколько фрагментов о Правдеце. Выправил опечатки (в частности, загадочного «Лодера» превратил во вполне вменяемого «Лидера»), 19 октября книга была отправлена в печать. В типографию «Уральский рабочий». В Свердловск. Привет Ельцину!

15 сентября в газете «Комсомольская правда» появилась полосная статья Зиновьева «Я хочу рассказать вам о Западе». Во вступительном слове он признавался: «Когда меня попросили написать для „Комсомольской правды“, я был смущён. И было отчего. Впервые в моей жизни ко мне обратились с такой просьбой из советской газеты. Да и о чём писать? Сейчас в России в почёте те, кто оплёвывает всё советское, включая советский (коммунистический) социальный строй и советскую историю. Теперь это не только не наказуется, но даже поощряется и стимулируется сверху. Я к такого рода „храбрецам“ отношусь с презрением и быть в их числе не хочу. Но и вступаться в защиту советского социального строя и советской истории мне тоже не пристало. Я встал на путь их критики тогда, когда нынешние их оплёвыватели либо ещё не родились, либо готовились влиться в ряды их апологетов, либо уже ревностно служили им в качестве комсомольских и партийных карьеристов, а также в качестве интеллектуальных лакеев идеологии. И менять свою жизненную ориентацию я не собираюсь. Но тут я вспомнил, что двенадцать лет прожил на Западе, невольно присматривался к тому, как тут живут люди, на самом себе испытывал достоинства и недостатки западного образа жизни, наблюдал события в России с этой точки зрения и не раз задумывался о возможностях России пойти западным путём»[670].

В статье он говорил простые и очевидные вещи, несколько даже стыдясь, что приходится об этом писать. Говорил о тотальной власти денег, о кредитном рабстве, о психологической

тяжести неотступного страха потерять работу, о безработице, о том, что блага западной цивилизации добываются каторжным трудом и доступны лишь небольшой группе богатых людей. Повальное увлечение Западом, которое накрыло советского обывателя, он называет не чем иным, как «помутнением умов» вследствие идеологического насилия: «Разуверившись в райском коммунизме, обещанном советской идеологией у себя дома, многие советские люди увидели теперь земной рай на капиталистическом Западе. Этот идеологический поворот не вызрел в широких слоях населения на основе их жизненного опыта, — такого опыта вообще не было. Он был „спущен“ в массы сверху в качестве новой идеологической и политической установки. Раньше советские идеологи и политики превозносили достоинства советского образа жизни и поносили недостатки западного. Теперь же они поступают наоборот»[671].

Он призывал не обольщаться красивым фасадом Запада, помнить, какой ценой он возведён, и не спешить отказываться от собственного социального опыта. «Надо принять во внимание тот факт, — убеждал он своих первых советских читателей, — что западные страны, на которые с завистью зарятся советские люди, находятся в привилегированном положении сравнительно с другими странами мира, идущими их путём. Если Россия тоже встанет на этот путь, она вряд ли попадёт в число привилегированных капиталистических стран. Видимое изобилие товаров, возможно, и появится. Но для кого? Какой ценой? Каким окажется слой изгоев, которым даже нынешний жизненный уровень России покажется недостижимым изобилием?»[672]

Он предупреждал, что понятия «демократия», «рынок», «частная собственность», «многопартийность» и другие используются в сильно идеологизированном значении и не отражают подлинной реальности. Что они даже и в таком качестве суть понятия сугубо капиталистического мира, в нём возникшие и описывающие явления специфически характерные для капитализма, а в применение к советскому образу жизни они вовсе бессмысленны, а то и деструктивны. «Если допустить, что Россия всерьёз встанет на путь западнизации, это ещё не будет означать, что тут вскоре заживут по-западному. <…> Её на пути западнизации скорее всего ожидает новый трагический период, в результате которого выгадает ничтожное меньшинство далеко не лучших её граждан, а большинство будет ввергнуто в пучину страданий»[673].

Он предостерегал от западнизации России как от процесса насильственного искажения выработанных русским советским народом социальных технологий выживания: «Россия уже

определила свою историческую судьбу. Как бы мы ни относились к коммунизму, к Ленину, к Сталину, к КПСС, к КГБ, к Брежневу и прочим явлениям нашей истории и жизни, нам не удастся отклониться от осознания одной горькой и безжалостной истины: историческая судьба России настолько прочно срослась с коммунизмом, что попытка отказаться от него и перейти на путь западнизации равносильна исторической гибели самой России, выпадению её в число народов неисторических»[674].

Почему он вдруг стал «защитником» того, с чем, казалось бы, всю жизнь боролся? По всем статьям, он должен был радоваться, что ненавистный ему коммунизм отступает, что наконец-то на его родине начнётся новая, свободная, справедливая, демократическая жизнь? Но он знал свою родину. И знал, что новая, свободная, справедливая, демократическая жизнь в ней долго ещё не установится. Потому что, во-первых, «свободная, справедливая и демократическая жизнь» в принципе невозможна. Это утопия. Даже на Западе, который столько сил положил на её достижение, её нет. Справедливых обществ на земле не бывает. Во-вторых, в одночасье такая жизнь не устанавливается. Ввести демократию указом Верховного Совета или каким-либо иным декретом, решением, постановлением невозможно. Это многолетний, многовековой процесс, который обусловлен многими факторами, в том числе историческими, географическими, климатическими, демографическими и др. Социальный строй не головная абстракция или политический акт, а конкретная форма существования народа, выработанная им в течение веков в определённых условиях и обстоятельствах жизни. Любое насильственное вмешательство чревато жертвами. Россия в XX веке заплатила слишком дорогую цену за то, чтобы выйти на некий терпимый уровень жизни. Он несовершенен, он убог, он даже уродлив, но он есть. Он таков, каким он может быть на данный исторический момент. Новой ломки Россия просто не вынесет. Прежде, чем начнётся какая-то мифическая «свободная, справедливая и демократическая жизнь», в стране на многие годы воцарится хаос. Он не хотел своей родине такой участи.

Да, он выступил пристальным критиком коммунизма. Да, он выставил «гомо советикуса» на всеобщее обозрение. Но он никогда не призывал к уничтожению коммунизма. И тем более к уничтожению советских людей. Он был оппозиционером, но не предателем. Он призывал Запад к сдерживанию Советского Союза, но не к войне с ним. В энергичном противостоянии Запада советскому строю он видел ресурс для развития каждой из сторон. Он бежал от коммунизма в практику «суверенного государства», но он признавал, что коммунизм доказал свою

жизнеспособность. Что это реальная альтернатива капиталистическому типу социального устройства жизни. У неё есть свои преимущества и свои слабости. Он всё время говорил о том, что нужно серьёзно и ответственно осмыслять опыт реального коммунизма, работать с ним, искоренять или минимизировать недостатки, укреплять и насколько возможно совершенствовать достоинства. Его не слышали. Его не слушали. Его не хотели слушать. А то, что слышали, не понимали или понимали превратно. В этом была его духовная драма. Он был отщепенцем. Но он не был врагом. Свои книги он писал *для* советских людей, а не *против* них.

Реакция на статью была незамедлительной. Читатели точно ждали приглашения к подобному разговору. «Русские мальчики» (и «девочки») по всем городам и весям страны наперебой заговорили о «вековечных вопросах». Как писала в обзоре редакционной почты О. Кучкина, «Сначала пришла телеграмма: „Огромное спасибо за статью настоящего советского патриота товарища Зиновьева… необходимо добиться, чтобы каждый советский человек… внимательно вник… куда пихают страну словоблуды перестройки… в прошлом штурман самолёта, ныне пенсионер Горбатов Георгий Васильевич“. Дальше — сотни писем и полнейший разнобой. От товарища — к господину. От поддержки — к отторжению. От благодарности — к поношениям. И обратно»[675].

Он говорил простые и очевидные вещи, но не все хотели слышать их. «Помутнение мозгов» достигло крайней степени. В редакцию «Комсомольской правды», наряду с письмами тех, для кого слово Зиновьева стало предметом мучительных раздумий и попыток разобраться с тем, что происходит в стране, посыпались и письма протеста против «очернительства Запада». От лица всех обиженных «западников» выступил Марк Захаров. «Комсомолка» не могла отказать в публикации народному депутату СССР и одному из «прорабов перестройки». Его «реплика», появившаяся на страницах газеты буквально через несколько дней, носила вызывающе хамский заголовок: «Возвращайся, браток!» и была пронизана язвительностью в адрес не спешащего покинуть «тлетворный Запад» Зиновьева. Причём смысл статьи Зиновьева был в ней грубо извращён. Зиновьев выставлен защитником застоя и экономической деградации, оголтелым ретроградом, протестующим против улучшения жизни в стране, против изучения и внедрения передовых технологий и социальных практик. «Если Вы действительно искренни в своём эссе, живописующем ужасы западноевропейской экономики и права, — заключал свою заметку Захаров, — я уверен, Вы обязательно

бросите мир толстосумов, джазменов, биржевых маклеров и эксплуататоров человека человеком. Если курящий — захватите с собой курево, у нас свой путь, своя экономическая и политическая гордость, и мы её вряд ли поменяем до Вашего приезда»[676].

Примечательно, что декларация русского коммунизма Зиновьева была напечатана в «Комсомольской правде» за три дня до публикации на её же страницах программного манифеста Солженицына «Как нам обустроить Россию». На арену «гласности» выходили идеологические тяжеловесы. В умах читателей шла настоящая битва титанов.

«В голове — каша… что нам нужно… капитализм, коммунизм или ещё что-то», — признавалась семнадцатилетняя читательница «Комсомолки»[677]. Под этими словами могли бы подписаться тогда (впрочем, как и сегодня) миллионы.

Эту «кашу» Россия будет расхлёбывать ещё долго.

Признаться, он волновался, как будут приняты в СССР его книги. Он видел, что идейный контекст в стране задают совсем иные тексты, да и общественный интерес к серьёзной литературе значительно спал. Митинговая публицистичность прямого действия потеснила художественные тексты сложной идейно-эстетической организации. Это беспокойство чувствуется в его ответе на вопрос корреспондента нью-йоркского «Нового русского слова», как он воспринимает начавшуюся в СССР публикацию своих книг: «Разумеется, я рад тому, что русские люди смогут познакомиться с моими книгами. Но радость отравлена тем, каким образом они начинают попадать туда… Если бы они вышли в своё время, эффект от них был бы совсем иной. Они сыграли бы какую-то роль в эволюции ситуации в стране. В той обстановке, которая имеет место в России сейчас, эффект от моих книг резко снижается. Мне довольно трудно судить на эту тему… Посмотрим, что произойдёт. Во всяком случае, этот, так называемый „процесс моего литературного возвращения“ происходит очень вяло, медленно. Друзья сообщают, что в этом году ожидается опубликование „Зияющих высот“, отрывки уже напечатаны в журнале „Октябрь“. В журнале „Смена“ появились страницы „Иди на Голгофу“. Трудно пока судить, какая будет реакция, но несомненно одно — это чрезвычайно важно. Ведь главным объектом моей критики была не столько система власти и социальный строй советского общества, сколько олицетворяющая их среда, в которой мне пришлось жить. А эта среда осталась. Более того, герои „Зияющих высот“ фактически пришли к власти. Я, конечно, не рассчитываю на их благосклонность ни в коем случае — имею в виду

благосклонность со стороны реформаторов, перестройщиков — тех людей, которые сейчас фигурируют на сцене советской истории»[678].

Ответ на волнующий его вопрос не заставил долго ждать. 24 июля 1991 года «Литературная газета» опубликовала пространную, однако, без подписи рецензию на книжку, изданную «Московским рабочим» («Гомо советикус. Пара беллум»). При сдержанно уважительном отношении к Зиновьеву и его заслугам перед диссидентским движением автор статьи не скрывал чуждости ему эстетической и мировоззренческой позиции Зиновьева: «Читать это интересно, но… неприятно. Слишком высокомерный и местами развязный тон ставит между автором и читателем стену холодного отчуждения. Вообще, от книги веет холодом. Однако знать правду, которую она в себе несёт, необходимо. Хотя бы для того, чтобы с нею не согласиться. <…>

Его главная книга „Зияющие высоты“ в настоящее время также издана в нашей стране. В желчной, сухой и рациональной прозе Зиновьева, не претендующей на высоты художественного стиля, как ни странно, господствует своеобразный „эстетизм“. Безукоризненно точный анализ двух мировых систем — Запада и коммунизма, — если не ошибаюсь, доставляет писателю чисто эстетическое наслаждение и не связан ни с какими моральными обязательствами.

Это можно сравнить с профессиональной гордостью опытного хирурга, выполняющего сложную, но, в общем, привычную для него операцию на глазах у ошеломлённых зрителей. Сияют простыни, сверкает нож, течёт кровь, пульсируют органы…»[679]

Анонимный рецензент довольно точно выразил реакцию достаточно большого круга советских читателей. Реакцию неприятия. К сожалению, она была ему хорошо знакома и ожидаема, потому и вызывала тревогу: «Прав или нет Александр Зиновьев в своих расчётах и прогнозах, не мне судить, — заключал свой отклик рецензент „Литературной газеты“. — Возможно, что и прав. Только я этой его правды *не хочу,* поскольку в ней нет решительно никакого смысла»[680].

Тем временем он решил переработать и завершить последний роман из цикла «Искушение». Он получил название «Революция в Царьграде» и тематически был связан с «Катастройкой». При этом, как и другие книги этого цикла («Иди на Голгофу», «Евангелие для Ивана», «Живи»), роман, предлагая социологический аспект изображения действительности, во многом принадлежит философскому жанру. В центре внимания Зиновьева здесь вопрос о бунте, об экзистенциальном протесте, который является, по его мнению, неотъемлемой частью

человеческой личности. Без способности протестовать человек для Зиновьева не существует.

«Если вообще существуют какие-то неотъемлемые права человека, то первым из них следует назвать право на индивидуальное восстание. Это — единственное право, за которое не надо сражаться: восстав, ты уже одним этим завоёвываешь право восстать. За все прочие права надо сражаться, а значит — восставать. Так что право на восстание вообще есть изначальное право всех прав. Можно лишить человека физической возможности восставать, например, посадив его в тюрьму или убив. Но нельзя лишить его права на восстание. Человек, посаженный в тюрьму или убитый за попытку восстания, тем самым реализовал своё право на восстание», — полагает главный герой романа безрукий инвалид Юрий Чернов[681]. Своим врождённым физическим уродством он обречён на восстание, иначе, смирившись, он перестанет быть человеком, и так-то — «недочеловек».

Зиновьев, вместе со своим героем, пристально всматривается в различные формы бунта. Обращается к своему личному опыту протеста. Давнего, детского, когда мечтал об убийстве Сталина. Юношеского, связанного с проектом победить мир достижениями своего гения. Зрелого, в форме суверенного государства из одного человека. Он рассматривает исторические примеры политического противоборства. Террора — от героев «Народной воли» до покушения на Горбачёва в ноябре 1990-го. Диссидентства. В конце он приходит к трагическому выводу, что бунт в современных условиях невозможен. Упразднена сама ситуация бунта. Она унижена, опошлена установившимися социальными отношениями, сведена к банальной уголовщине или болезни (сумасшествию). Бунт уже не протест, а — бизнес, политическая карьера, досуг. В крайнем случае, несчастный случай. Всё что угодно. Его можно купить. Его можно продать. Его можно украсть. Его можно лечить. Но если нет возможности бунта, нет и возможности существования человека. И Зиновьев проклинает мир, который упразднил ситуацию сопротивления. Он его презирает. Он отрекается от него. Возвращает билет.

В «Иди на Голгофу» Зиновьев открыл ужас невозможности в современном мире великой жертвы Голгофы, а значит, и нового пришествия Бога. В «Живи» поставил под сомнение возможность сосуществования с миром в форме личного суверенного государства. В «Революции в Царь-граде» обнаружил перерождение социальности из средства формирования личности в орудие её полного уничтожения. Бог умер, но и человек умер. Осталась лишь «сумма живого», как говорил Андрей Горев в

романе «Живи», знакомец Чернова. «Копошение червей».

Вместе с тем «Революция в Царьграде» острополитический роман. Действие происходит всё в том же Партграде. В дни катастройки. Герои ведут раскалённые дискуссии о том, что происходит со страной, с обществом, с народом. Мнения их резки и категоричны, безжалостны и… бессильны.

«— Идеи интернационализма тоже потерпели крах. Дело идёт к развалу империи. Все стремятся к национальной определённости и независимости. А чем мы, русские, хуже других. Я лично за выход России из Советского Союза и за превращение её в федерацию русских государств. Ельцин прав!

— Наша область тоже будет самостоятельным государством?

— Не говори пошлостей! России для её возрождения нужна национальная духовная элита и своя правящая аристократия.

— Так, может быть, царя обратно пригласить? На Западе нам уже заготовили.

— Президент или царь — какая разница?!

— До чего мы докатились?!

— А ты предложи что-либо получше!

— В нашей стране, — сказал Горев, — максимум возможного был достигнут в брежневские годы. Как показывает опыт перестройки, любые преобразования ведут лишь к ухудшениям и к гибели страны. Можете меня называть как угодно, но моя позиция такова. Наша страна не нуждалась ни в какой перестройке, ни в какой революции сверху, ни в какой западнизации. Нужны были не маниакальные планы, а преобразования и усовершенствования обычными методами, не вызывающими сенсаций на Западе. Я считаю политику перестройки не просто ошибкой, а преступлением перед страной и народом.

— Что ты предлагаешь? Возвращаться назад?

— В прошлое не возвращаются. Надо восстанавливать нормальный порядок в стране.

— Что ты считаешь нормальным порядком?

— То, что построили за семьдесят лет нашей истории.

— Никогда бы не подумал, что в тебе таились такие махровые консервативные идеи, — сказал Слепой.

— Я этого тоже не знал, — сказал Горев. — Я, как и все вы, мыслил на уровне личной неустроенности. Только теперь, когда над страной нависла угроза гибели, я начал кое-что соображать на более высоком уровне — на уровне исторической ответственности за судьбу страны и народа.

— А стоит ли наша страна и наш народ того? — сказал Фюрер. — Я думаю, что есть один выход: последовать примеру

Запада»[682].

В головах — каша.

В самый пик работы над романом из Москвы пришло известие о политическом перевороте. Нечто подобное он неоднократно предсказывал. Но «подобное» вовсе не есть «именно такое». Именно такого развития событий он предвидеть не мог. Он не мог предвидеть политического предательства со стороны высшего руководства страны. Он был уверен, что у тех людей, что оказались на вершине власти, достанет ответственности уберечь страну от исторического поражения. Он воспринял отставку Горбачёва как начало реальной контрперестройки, которая положит конец безудержному реформаторству «перестройщиков», позволит навести порядок в стране в соответствии с законами существования коммунистического общества брежневского периода. 20 августа в «Фигаро» появился его комментарий, в котором он убеждённо говорил, что свержение Горбачёва есть благо для страны, так как его реформы были бессмысленны и безумны: «Нет сомнения, в течение нескольких месяцев государство восстановит свои элементарные структуры. Это основная задача советского руководства»[683]. Перестройку и её «путчевый» финал он называет «бурей в болоте»: в фундаментальных основах советское общество не изменилось, настаивает он. «Что может дать буря в болоте?»[684]

Однако ГКЧП оказался не в состоянии взять в свои трясущиеся руки всю полноту власти. Проявив инициативу, ГКЧП не смог реализовать свои властные преимущества, мобилизовать население в свою поддержку. Напротив, допустил ряд грубейших ошибок, которые привели его к скорому и масштабному поражению. Радикальному крылу «перестройщиков» во главе с Ельциным, при деятельной поддержке Запада удалось предотвратить переворот.

Зиновьев расценил случившееся как «историческую трагедию». Именно так он назвал статью, которая появилась в московской газете «Политика» уже в сентябре. В ней он не только дал детальный анализ августовских событий, но и показал их место в исторической перспективе. Читая её, трудно поверить, что она написана «по горячим следам», настолько масштабна и обоснованна предложенная в ней трактовка случившегося. Зиновьев, хотя и не скрывает своих эмоций и симпатий, стремится дать максимально объективную оценку действий всех участников событий. Он признаёт бездарность ГКЧП. Отмечает самоубийственную пассивность руководства КПСС. Наблюдательно-выжидательную безучастность широких масс населения. Решительность Ельцина и его сторонников. Активную

роль Запада.

Говоря о последствиях победы радикалов, он обращает внимание на то, что, прикрываясь лозунгами демократии, они на самом деле идут по пути волюнтаризма, по сути ничем не отличающегося от сталинизма, и что со временем в стране будет установлен режим самой непримиримой диктатуры, которая будет выдавать себя за цивилизованное государство западного типа. «Нужен длительный трагический опыт, — писал Зиновьев, — прежде чем массы увидят в обманчивой оболочке демократии более страшный режим, чем тот, который они разрушают под лозунгами свободы и благополучия. Когда люди поймут это, будет уже поздно»[685].

Особое внимание в статье уделено роли Запада, который ради победы над коммунизмом готов поддерживать любые силы деструктивного характера, вне зависимости от того, чем это обернётся для народов СССР. Западу нет до них дела. У него свои интересы. И главный — победа над стратегическим противником. Запад использует все имеющиеся у него для того средства, и это его право. Осуждать его за это бессмысленно. Борьба есть борьба. И борьба эта не окончена. «Окончание „холодной“ войны было не окончанием войны Запада против советского блока, а лишь началом нового периода войны, который я называю „тёплой войной“. Это — настоящая война, новая форма мировой войны»[686]. Важно об этом не забывать.

Свою статью Зиновьев заключил горьким обобщением судьбы русского народа в XX веке: «Русские люди совершили трагический шаг, пойдя в своё время на коммунистическую революцию. Но они совершают не менее трагический шаг, отказываясь от результатов своей нелёгкой более чем семидесятилетней истории. Я не вижу никаких оснований для восторгов ни по поводу попытки переворота, ни по поводу её провала. И то и другое сработало одинаково в пользу рокового движения к национальной катастрофе»[687].

Но если в статье он всеми силами сдерживал свою ярость, то в романе он отвёл душу. Последние страницы романа наполнены картинами разгула «победившей демократии». Партград срочно переименован в Царьград. Епископ партградский в кафедральном соборе торжественно «венчает на управление» полномочного представителя Ельцина, памятную многим читателям Зиновьева беспринципную партийную карьеристку Маодзедуньку, вовремя перерядившуюся в демократические белые одежды. Зиновьев-карикатурист не сдерживает своего сатирического пера. И никого не прощает. Никого не щадит.

В финале Чернов встречает несостоявшегося Бога, «народного

целителя» Лаптева.

«— Что Вы думаете о происходящем?

— То же самое, что и Вы. Бессовестные демагоги, используя разочарование людей в нашем образе жизни, пробудили в них надежду на то, будто стоит лишь поломать то, что было, как сразу наступит рай земной. Поломать — поломали, а вместо улучшений — ухудшения. Люди понадеялись на то, что кто-то другой за них сделает то, что нужно для восстановления нормальной жизни. И никто пальцем не шевельнул для этого. Активные негодяи воспользовались этим. Теперь люди почувствовали, что они в ловушке, и в отчаянии готовы крушить всё до конца.

— На что же теперь надеяться?

— Надеяться?! Вот не ожидал от Вас услышать это глупое слово!

— Почему глупое?

— Что такое надежда? Последняя соломинка, за которую цепляется утопающий в помойке бытия. Надежда есть самообман. Ничто так разрушительно не действует на сознание, как надежда. Надежда обычно не обоснована. А если она обоснована, она не надежда, а нечто другое — уверенность. Она чаще не сбывается. А когда сбывается, она не приносит ничего неожиданного и не радует так, как если бы то же самое случилось без неё. Осуществление надежды приносит временное удовлетворение. То, что приходит без неё, даёт радость навечно. Отсутствие надежды не есть состояние безнадёжности. Это — свобода как от состояния надежды, так и от безнадёжности. Надежда делает жизнь тревожной и тоскливой. Отсутствие её успокаивает. Надежда есть лишний груз. Сбросьте его! По жизни надо идти налегке.

— А если идти некуда?

— В таком случае уходить из жизни надо налегке, сбросив груз надежд. Выход, Чернов, есть из любой безвыходной ситуации: исчезнуть. Наше появление не было необходимым. Его могло и не быть. Зато наше исчезновение неизбежно. От него нельзя уклониться. Мир игнорирует наше существование. От нас не зависит ничто, кроме одного: исчезнуть. Я должен с Вами попрощаться. Меня ждёт очень важная персона. Страдает наростами в заднем проходе. Как это символично для России! Человек с задатками и претензиями творца новой религии должен ковыряться в заднем проходе одной из гнусных тварей, рождённых нашим народом.

— Что это за персона?

— Маоцзедунька»[688].

Надо ли говорить, что роман вышел только по-французски.

Девяностые годы стали духовным испытанием для Зиновьева. Он тяжело переживал историческое поражение своего народа. Особенно угнетало то, что его личная борьба с реальным коммунизмом, которую он начал в годы, когда строй был в полной своей силе и представлял собой грозного противника, борьба, которую он вёл всю жизнь, не изменяя избранному пути, оставаясь самим собой, отстаивая в ней самого себя, борьба, которой он принёс столько жертв, была извращена в самой её основе и использована против его страны, против его народа. Его мучил вопрос, как и почему произошло то, что он оказался в лагере врагов своего народа. «Как же получилось, что в результате множества поступков, которые стоили мне жертв, страданий, мучений, риска, мужества, терпения и т. д., в итоге я оказался в таком положении?»[689] Есть ли в том его личная вина? Или это вообще проблема иного порядка? Ведь его критика реального коммунизма была открытой, доступной всем. Почему же его исследованием, его пониманием реального коммунизма воспользовались враги? Почему никто из своих не захотел принять его во внимание и начать совершенствовать и укреплять систему?

Девяностые годы он провёл в отчаянном подвиге патриотического служения. Для многих странен и удивителен был «поворот» Зиновьева к коммунизму. Читатели «Зияющих высот» и «Светлого будущего» расценили это как предательство или старческое безумие. Взгляд их скользил по поверхности. Как всегда, никто ничего не хотел понимать. Никто не хотел вникать в то, что говорил другой. Мерили своей меркой. Конечно, в той обстановке острого политического противостояния, которая царила в постсоветской России, разбираться в тонкостях и нюансах мысли, в её диалектике не было ни возможности, ни желания. Страсти и взаправду кипели! «Демократы» и «красно-коричневые» сошлись в непримиримой борьбе. Шла откровенная драка. До крови. И в этом контексте Зиновьев выглядел чуть ли не апологетом коммунизма и Советского Союза, то есть ретроградом и отступником. Но всё было с точностью до наоборот. Зиновьев был сверхпрогрессивным. Более чем последовательным.

Его «суверенное государство» изначально было выстроено с ориентацией на коммунистические идеалы. Это было единственное на земле идеальное коммунистическое государство. Реальная Утопия. Оно было отторгнуто реальным коммунизмом, но не перестало быть коммунистическим. Он и воевал всю жизнь

с реальным коммунизмом не *против,* а *за* идеалы коммунизма. За свою Утопию.

Он был русским человеком советского периода русской истории. Настаивал на этом и отстаивал себя. Зиновьев, и это отчётливо видно сегодня, спустя годы, был убеждённым страстным исповедником *русского пути.* Но не какого-то былинно-сказочного, сусально-декоративного, а реального, во всём многообразии социального и культурного опыта. Этот путь исторически пролёг через испытания реальным коммунизмом. Он вымощен многомиллионными жертвами гражданских неурядиц, многомиллионными жертвами Великой войны, надеждами и разочарованиями, победами, достижениями, ошибками. Сворачивать с этого пути — преступление. Преступление против всех, погибших в кровавой мясорубке русского XX века. Против всех, победивших и выстоявших. Против всех, проживших и выживших. Против всех. А «демократы», оказавшиеся у власти, поддерживаемые западными государствами и институтами, делали всё, чтобы страна свернула с этого пути, отказалась от себя и превратилась в безликую территорию с покорным населением. Он не мог с этим мириться. Для Зиновьева русский путь — это путь борьбы, путь самобытности (какой бы она ни была!), путь независимости. Путь прогресса и просвещения. Путь победы. Над бедой и разрухой. Над глупостью и ленью. Над нерадивостью и безалаберностью. Над серостью. Над реальным коммунизмом в том числе.

Зиновьев всю жизнь посвятил изучению реального коммунизма. Он понял его законы. Он выявил его недостатки. Он был его критиком. Но он никогда не отрицал и достоинств этого социального строя. Более того, высоко их ценил. Он работал для того, чтобы когда-нибудь его труды помогли осмысленно, без суеты и шапкозакидательства, развивать достоинства и минимизировать недостатки *русского пути реального коммунизма.* Он видел значительный потенциал положительного развития на этом пути, возможности большего совершенствования тех социальных отношений, которые сложились в России в советский период её истории. Он не утверждал, что этот путь идеален. Он всегда подчёркивал, что есть изъяны, которые невозможно изжить целиком, ибо они органически присущи такому типу существования людей. Но он считал этот путь наиболее адекватным для России, а значит — лучшим.

Русский путь Зиновьева — путь решительного и неуклонного обновления. Путь преображения. Путь революции. Этим свойством русского пути он дорожил больше всего. И потому так яростно обрушивался на «демократов», предлагавших России

«вчерашний день» капитализма. Потому с такой жёсткостью относился к «монархистам» и РПЦ, которые, по его мнению, тянули страну в ещё большую архаику. Для него не было «левых» и «правых». Были те, кто за Россию, *живую и актуальную,* и те, кто против неё.

Кому-то он казался Дон Кихотом. На самом деле был Неистовый Роланд. Верный рыцарь, оставшийся в арьергарде, чтобы прикрывать отходящие войска. Брошенный и преданный теми, кого защищал. Бившийся до конца.

> Сраженье грозно, и враги упорны.
> Роланд бесстрашно рвётся в гущу боя…[690]

В ожесточении схватки он доходил до крайностей, сжигая за собой все мосты.

Требовал: «Вы должны сказать: „Отменить реформы! На виселицу' реформаторов! Это предатели, это враги… Враг занял страну!“»[691].

Убеждал: «Ни о какой законности нынешнего режима и речи быть не может. Он незаконно от начала до конца… Все законы, защищающие режим, созданный тем путчем, который возглавил Ельцин, — фиктивны. И против них — законность истории»[692].

Признавался: «Если бы я был молодым, я бы стал террористом, я бы убивать их стал. Предателей убивают»[693].

Уверял: «Если разгорится гражданская война и по одну сторону будут горбачёвцы и ельцинисты, а по другую — те, кому дороги завоевания нашей Великой Революции, всё то, что было с таким трудом и с такими жертвами создано за годы Советской власти, я попрошусь в эту новую Советскую Армию рядовым бойцом»[694].

Предлагал: «Взять установку на революцию, продолжить дело, начатое в 1917 году»[695].

Советовал: «Первым делом покончить с контрреволюцией»[696].

Внушал: «Начинать надо с малого — с повсеместного сопротивления приказам центральной предательской власти… Со временем такие очаги сопротивления образуют широкий фронт, и это позволит провести решительную, равную Сталинградской, битву. Нужен новый Сталинград»[697].

> Бьёт так, что не выдерживают копья:
> Уже пятнадцать раз он брал другое…[698]

Настаивал: «Нужно порвать с Западом. Прямо сказать: пошли вы к чёртовой матери, у нас свой путь!»[699]

Гневался: «Всё, всё порушили идиоты. Да, многое подлежало критике, обновлению. Но ни один разумный человек не станет строить новый дом, разрушая старый»[700].

Бранился: «На смену одному кретину приходит другой кретин — Горбачёв. На смену ему — ельциноиды, ещё большие суперкретины. Идёт борьба кретинов, кто кого перекретинит»[701].

За Дюрандаль он взялся, меч свой добрый[702]…

Лютовал: «В этой ситуации нужен человек типа Сталина… Если такой человек появится (а он должен появиться), что он будет вынужден сделать? Арестовать Горбачёва, Яковлева, Шеварднадзе и их выкормышей и повесить! Повесить в 24 часа! Потом всех этих монархистов, радикалов, анархосиндикалистов — всех в трудовые лагеря! Нет другого пути спасения страны! Сегодня уже нет. Иначе этот гной всё захлестнёт, всё задушит».

Стонал: «Великая Россия предаёт две трети человечества, которое с надеждой смотрело на неё. Это кошмар, шок без надобности. В самый решительный момент открыли ворота крепости. В этом смысле наш народ покрыл себя неувядаемым позором на всю обозримую человеческую историю»[703].

Безжалостно Роланд разит врага,
Но он в поту, в жару и жив едва.
От боли у него темно в глазах…[704]

Его яростные глаголы и безжалостные прогнозы повергали в ужас интеллектуалов как России, так и Запада. Даже оппозиционная Ельцину «Правда», публикуя не самое эмоциональное интервью Зиновьева, в котором он давал анализ ситуации в России и в мире после краха СССР, в постскриптуме сочла нужным отгородиться: «Решая вопрос о публикации этого интервью, сотрудники редакции разошлись во мнениях. Ряд высказываний знаменитого автора вызвал активные возражения. Раньше бы поправили текст, и дело с концом. Теперь хотим доверить эту работу читателям. <…> У А. А. Зиновьева репутация суперинтеллектуала. Но верно заметил Фёдор Михайлович Достоевский: для того, чтобы быть умным, одного ума мало»[705].

Приходилось объяснять: «Прежде всего прошу не смешивать мои личные симпатии и антипатии с моей позицией как

исследователя советского и западного общества»[706]. Неистовый Роланд уступал место смиренному Ивану Лаптеву. В марте 1993 года в Париже на конгрессе «Небо Европы. Второе возрождение», где его слушали среди прочих участников и многие московские «властители дум», он говорил: «Я всю жизнь был критиком коммунистического режима. Меня обвиняют в том, что я являюсь красно-коричневым. Я прошу вас прислушаться внимательно к одной очень простой вещи. Есть вопрос и ответ на вопрос, и отношение к тому, что я говорю в своём ответе на вопрос. Я приведу вам пример. В 1978 году меня выбросили из страны как антикоммуниста, антисоветчика. Ко мне приходили политики, журналисты, представители секретных служб. Меня спрашивали: „Можно разрушить Советский Союз?“ Я говорил: „Можно. Но давайте договоримся с самого начала — то, что я скажу, это не есть мои желания. Советскую систему можно разрушить так-то, так-то и так-то. Но это не значит, что я хочу этого“. <…> Прошли годы. Сейчас тоже ко мне журналисты приходят, особенно из России. Обращаются с вопросом: „Можно ли восстановить Советский Союз?“ Я им отвечаю: „Можно“. — „Как?“ Я говорю: „Очень просто. Вот так: отстранить от власти всех реформаторов и демократов, арестовать Горбачёва, Ельцина и т. д. Расстрелять их или повесить. Но это не значит, что я этого хочу. У меня нет такого желания“. Я говорю: „Если вы хотите восстановить прежнюю систему, вы должны отстранить демократов и реформаторов от власти, расстрелять самых главных и активных деятелей, восстановить коммунистическую партию и т. д. Послушайте внимательно — если вы хотите“. Им следовало бы задать и другой вопрос: хочу я этого лично или нет? Но мне этот вопрос не задают, хотя я с самого начала во всех интервью предупреждал: „Это не есть моё желание. Это — наблюдение исследователя“. Во всех интервью этот аспект опускается. Отчасти умышленно, отчасти в силу неспособности понять, тонкости проблемы. И создаётся образ Зиновьева, ложный образ. Так, как создавался раньше образ антикоммуниста, хотя я не был антикоммунистом, но не был и коммунистом. Создаётся образ Зиновьева — врага преобразований, хотя я не являюсь их врагом, но и не являюсь их поклонником. Я всегда был человек-государство. Я ходил, как говорится, сам по себе. Если бы мне сейчас задали вопрос: „Можно ли разрушить Россию до основания?“ Я отвечу: „Можно“. — „Как?“ — спросили бы меня. Я отвечу: „Продолжать ельцинскую политику. И Россия погибнет“. Но это не значит, что я хочу гибели России. Я хочу, чтобы вы поняли эту тонкость. Во всём том, что опубликовано в России по моему адресу, вот этот аспект снят. Из меня всё время пытаются

сделать какую-то политическую фигуру. Я не политическая фигура. Поймите это. И не буду никогда. Вот тут на днях Селюнин мне сказал: жалко, что я не с ними. Я не с вами, я вам говорю, но я и не с вашими врагами. Я ни с кем. Я не хочу быть ни с кем. Это моя жизненная позиция. Может быть, это плохо, может, это безнравственно. Но я таким сложился, мне ведь семьдесят лет. Поздно меняться. Я ни с кем. Я с самим собой. Я не коммунист, я не антикоммунист, я не демократ, я не антидемократ. Я не против преобразований, но я не за них. Это очень существенно. Моя жизненная установка заканчивается пониманием. Я хочу понять, что происходит. Я хочу моим соотечественникам сказать истину. Как я её понимаю»[707].

«Вы что, боитесь Зиновьева?» — спрашивал российских интеллектуалов руководитель дискуссионного клуба «Свободное слово», философ Валентин Толстых в одноимённой статье, опубликованной в «Независимой газете» накануне семидесятилетия своего друга и бывшего коллеги. Он писал: «Складывается впечатление, что Зиновьева явно побаиваются, не решаются вступить с ним в прямой диалог, чтобы обсудить его нетрадиционные взгляды, его оценку происходящих у нас разрушительных процессов. Позиция Зиновьева настолько отличается от всех без исключения программ и взглядов — и официальных, и всего спектра оппозиционных, — что нынешние политические лидеры предпочитают делать вид, будто ничего иного, кроме их „взаимоисключающих“ (на самом деле взаимодополняющих) устремлений и воззрений вообще не существует. Что, впрочем, не мешает им использовать, искажая и включая в свой, чуждый зиновьевским взглядам контекст многие идеи нашего выдающегося социолога, как водится, без ссылки на него. Политиков понять можно: Зиновьев с его обоснованной позицией, логикой и неоднозначным толкованием сложных исторических явлений и событий только мешает им самоутвердиться любой ценой. Но то, что его не замечает наша достославная интеллектуальная элита, — непонятно и прискорбно. Кому-кому, а уж интеллектуалам нашим, столь активно, страстно, яростно бросившимся вновь переустраивать и обустраивать Россию, кажется, Зиновьева подарила сама судьба. Обратись они к нему — глядишь, обнаружилось бы, что идейная жизнь и борьба в обществе давно вышли за пределы поднадоевшего, политизированного деления на „наших“ и „не наших“, „партократов“ и „демократов“, сторонников и противников реформ. Ведь в реальности мы имеем дело с противоборством трёх основных идей или идеологий:

национальной (и националистической), либерально-демократической (и псевдодемократической), социалистической (и квазикоммунистической). И незачем упрощать сложную, многозначную картину реального состояния общественного сознания, если, конечно, всерьёз намерены расстаться с укоренившейся привычкой выдавать желаемое за сущее»[708].

Толстых призывал всех думающих людей: «О многом можно поразмышлять и поспорить более основательно и ответственно, читая Зиновьева, нашего замечательного соотечественника, внёсшего выдающийся вклад в развитие русской общественной мысли. С ним, человеком, мыслящим в масштабе мировой истории, далёким от политиканства и идейного юродства, говорить и спорить трудно, но интересно. Так давайте воспользуемся этой редкой возможностью»[709].

Это был одинокий голос человека.

В ответ — молчание.

Получая в те дни (23 сентября 1992 года) в Риме из рук председателя сената Итальянской Республики Джованни Спадолини престижную литературную премию «Тевере» («Тибр»), которой в разные годы были отмечены А. Моравиа, Ж. П. Сартр, Э. Юнгер, А. Миллер, Зиновьев с горечью говорил журналистам, что за неделю в Италии было опубликовано больше рецензий на его книги, чем в России за все двадцать лет его литературной деятельности.

А в частном письме признавался: «Я живу так, что откровенно говоря, не до писем. С одной стороны, всё вроде бы в порядке. А с другой — всё не в порядке. Жизнь приняла такое направление, что все обычные оценки потеряли всякий смысл. Весь мой жизненный путь — в основном серия потерь. Теперь в заключение выяснилось, что нет ни народа, для которого я мог бы быть своим и который мог бы для меня быть моим, ни страны, где мне хотелось бы закончить жизнь. Как сказал один из моих литературных героев, „Я — одинокий, в западню попавший волк“. <…> Меня как „красно-коричневого“ бойкотируют как на Западе, так и в России. Там к власти пришли герои „Зияющих высот“. Мне там места нет. А для впавшего в исторический идиотизм Запада мой взгляды — как взгляды Коперника и Джордано Бруно для католической церкви в своё время»[710].

Статья «Я хочу рассказать вам о Западе» напоминает собой своеобразный «тезисный план», «развёрнутый проспект», «издательскую заявку» на книгу, посвящённую социологическому анализу Запада. Не случайно она заканчивается рассуждением на эту тему: «На Западе… <…> я считался и продолжаю считаться безжалостным критиком коммунизма, включая его кризисный

период. И, между прочим, тут опасаются, что я начну нечто подобное делать в отношении Запада. Но я об этом не смею даже мечтать. Тут книги о Западе, подобные тем, какие я писал о Советском Союзе, не напечатают, а напечатав — не продадут и уж наверняка сделают вид, будто их вообще не было», — писал Зиновьев[711].

Каково же было его удивление, когда он получил от своего издателя Оливье Орбана, выпустившего «Исповедь отщепенца», предложение написать именно такую книгу о Западе. На эту мысль Орбана, очевидно, натолкнули главы «Исповеди», в которых Зиновьев высказывается о западной жизни, ну и, конечно, его многочисленные выступления в прессе. Он видел, что Зиновьев уже многое продумал, сформулировал, имеет собственную оригинальную концепцию. Орбан предложил развить и систематизировать те идеи, которые разбросаны в периодике, и представить их в виде полноценного исследования наподобие его знаменитого труда «Коммунизм как реальность».

Зиновьев не сразу решился писать книгу о Западе. Тем более что такая работа требовала специального исследования, на которое у него уже не было времени. К тому же он всё активнее включался в идейную борьбу, шедшую у него на родине. Весь его интерес, всё внимание были сосредоточены на событиях в России. Ему было не до Запада. Но вот обстоятельства драматически переменились. Советский Союз, а вместе с ним Советская Россия рухнули, потерпев сокрушительное поражение в холодной войне. Всё это заставило Зиновьева по-новому взглянуть на феномен Запада, который нанёс такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причём без единого выстрела. Он постоянно критиковал Запад в контексте его противостояния с СССР, предполагая в Западе возможную жертву коммунистической агрессии, но вдруг Запад оказался победителем. В чём же источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Что на самом деле несёт мировая гегемония Запада остальному человечеству? Эти вопросы мучительным вызовом терзали его ум. Разобраться с ними стало для Зиновьева насущной проблемой. Теперь он бы взялся за книгу и без предложения Орбана.

Рабочее название книги было «Запад». Однако описывая и анализируя социальное устройство Запада, Зиновьев сделал фундаментальное открытие, которое назвал «феноменом западнизма», и добавил это понятие в заголовок. Западнизм — это тип социальных отношений, который выработался в условиях

формирования и развития западноевропейской цивилизации в эпоху Нового времени и получил распространение в большинстве стран капиталистического мира. Западнизм вырос на основе капитализма, существует в условиях капитализма, но не равен ему. Капитализм — среда и средство западнизма.

В предисловии к книге Зиновьев, основываясь на результатах своего исследования, дал ёмкую характеристику западнизма: «С точки зрения социально-экономической западнизм стремится к созданию гарантированных должностей и доходов для представителей тех видов деятельности, которые не являются непосредственными производителями материальных ценностей и услуг, и к усилению частного предпринимательства как самого эффективного средства принуждения людей к трудовой деятельности и повышения производительности её. При этом частное предпринимательство не связано необходимым образом с частной собственностью. Оно может быть таковым даже в том случае, если в деловой сфере не останется ни одного частного собственника, являющегося юридическим субъектом предприятия. В сфере социально-политической западнизм стремится к усилению недемократического аспекта системы власти и управления, к усилению роли государственности, к введению недемократических элементов в систему власти и к превращению демократии в средство манипулирования массами и в камуфляж для тоталитарного аспекта»[712].

Западнизм есть особая форма эксплуатации, основанная не столько на экономическом, сколько на социальном принуждении. При этом принуждение не носит явно выраженного насильственного характера. Идеологически оно замаскировано идеями личной свободы, гражданского равноправия, демократии, рыночной экономики, социального мира и благополучия. «Главным суммарным (или всеобъемлющим) мотивом западного общества в его современном состоянии, — считает Зиновьев, — является принудительно высокий жизненный стандарт большинства населения, для которого этот стандарт зависит от личных усилий. Чтобы удержаться на этом уровне, люди вынуждены проявлять беспрецедентную в истории человечества личную активность, изобретательность и деловитость, вынуждены выкладывать все заложенные в них потенции. Причём они вынуждаются на это в таких массовых масштабах, каких история ранее не знала.

На ранних стадиях западнизма люди такого рода были в значительной мере добровольцы и число их было невелико. Теперь число их превышает во всем западном мире сотни миллионов. И они лишь в ничтожной мере суть добровольцы. У

них просто нет другого выбора. Они, может быть, согласились бы на более низкий жизненный уровень, если бы это сделало их жизнь несколько спокойнее, беспечнее и увереннее, но это уже невозможно без крушения всего западнистского образа жизни»[713].

Основное орудие западнизма — соблазн богатства и личной независимости. Богатство и личная независимость — участь небольшого количества людей, подавляющее большинство может лишь мечтать о них и предпринимать усилия к тому, чтобы овладеть ими. Хитрость заключена в том, что большинство вынуждено существовать в мире, устроенном по правилам богатых, и все усилия небогатых людей, стремящихся к богатству и личной независимости, в итоге способствуют поддержанию и преумножению богатства богатых и ещё большему закабалению остальных. Отдельные личные истории успеха служат укреплению иллюзии равных возможностей в достижении богатства и лишь усиливают эксплуатацию. Эрзацем богатства является благополучие, некая форма относительного успеха, способная удовлетворить жизненные претензии достаточно широкого слоя людей: «Главным в мотивации западнизма являются не крайние её проявления, а средняя норма»[714]. В результате складываются специфические формы организации государства, бизнеса, политической и общественной жизни, идеологии и культуры, направленные на реализацию и удовлетворение основных задач западнизма. В книге Зиновьева даётся их системный анализ.

Специфическими задачами западнизма диктуется и внешнеполитическая деятельность Запада, в основе которой лежит стремление к созданию условий принуждения стран и народов незападнистского типа к сотрудничеству на выгодных для Запада условиях. По сути, это новая редакция колониализма, учитывающая произошедшие после Второй мировой войны политические изменения.

С социальными системами, противостоящими западнизму, каковыми являются в первую очередь и главным образом системы коммунистического типа, ведётся более жёсткая борьба с потенциальной угрозой применения военной силы. В связи с этим Зиновьев подробно останавливается на исследовании холодной войны как войны особого типа, главным оружием в которой были средства идеологии, пропаганды и психологии, а также экономического и политического давления в форме «гонки вооружений».

Поражение Советского Союза в холодной войне, считает Зиновьев, не означает победы капитализма над коммунизмом, как

это представляется идеологами западнизма. Холодная война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем. «Последующее развитие событий показало, что понимание сущности исторического процесса в период „холодной“ войны как борьбы двух социальных систем — капитализма и коммунизма — было поверхностным и в конечном счёте ошибочным. Тут за сущность процесса приняли его историческую форму. По сути дела это была борьба Запада за выживание и за господство на планете как необходимое условие выживания. Коммунистическая система в других странах была средством защититься от этих претензий Запада. Коммунистические страны переходили сами к нападению. Но инициатива истории исходила не от них, а от Запада. Она пряталась в глубинах исторического потока, порою скрывалась умышленно. Историческая инициатива не есть программа партий и правительств. Она редко осознаётся людьми в адекватной ей форме. Коммунизм стал объектом атаки со стороны Запада, поскольку сопротивляющийся Западу и отчасти атакующий его мир принял коммунистическую форму. Он мог сопротивляться и даже временами побеждать лишь в такой форме. Потому именно на коммунизме сосредоточилось внимание. Кроме того, борьба против коммунизма давала Западу оправдание всему тому, что он предпринимал на планете в эти годы. Поражение коммунистических стран в „холодной“ войне лишило Запад этого прикрытия его истинных намерений»[715].

Работа над книгой «Запад. Феномен западнизма» явилась важным этапом в создании логической социологии Зиновьева, обратила его социологический интерес от специфических проблем коммунизма к проблемам развития и перспектив всего человечества, стала предпосылкой к созданию теории «человейника» и концепции «планируемой истории».

Он закончил книгу в марте 1993 года. Орбан печатать заробел. Она вышла в Москве. В западнизируемой во всю мочь России, западнизирующей из последних сил. В начале 1995 года.

Несвоевременная своевременная книга.

После указа о возвращении Зиновьеву гражданства СССР его стали регулярно звать в Москву. Он не спешил. Во-первых, он ждал профессиональной реабилитации. Приезжать в невнятном статусе диссидента он не намеревался. Во-вторых, учитывая тот уровень авторитета, который он имел на Западе, и факт многолетнего отсутствия на родине, возвращаться, пусть даже пока не насовсем, следовало лишь в случае адекватного повода, а не просто гостем какого-нибудь издательства или газеты,

участником очередной — пусть и первой в России — презентации.

Осенью 1991 года ВАК вынес постановление об отмене решения, принятого в 1977 году, о лишении Зиновьева учёных степеней и званий и восстановил действие всех ранее выданных ему дипломов: кандидата и доктора философских наук, старшего научного сотрудника, профессора. Таким образом, одно условие разрешилось. Но прошло ещё довольно много времени прежде, чем он вновь вступил на родную землю.

В этой задержке не было никакого каприза или умышленного кокетства. Как всегда, действовала некая сумма обстоятельств. Не в последнюю очередь — малолетство Ксении. Ольга в эти годы стала основным «кормильцем» семьи. Она каждый день ходила на работу. За ребёнком приходилось смотреть ему. Да и собаку нельзя было оставить одну. Полина к этому времени жила уже своей жизнью, так что на её помощь рассчитывать не приходилось. Временами на подмогу приезжала сестра Ольги — Светлана. Чтобы он смог куда-то выехать, Ольга должна была взять отпуск. Всё было не так просто. Ну и, конечно, связывали работа над книгой, издательские обязательства. Он писал «Запад» и до завершения не мог отвлекаться на дальние и ответственные поездки.

Но вот весной 1993 года поступило приглашение от Президиума Российской академии наук принять участие в работе «круглого стола» «Возрождение России: концепции и реальность». К участию в нём приглашались известные учёные, политологи, публицисты, писатели как из России, так и русского зарубежья. Форум собирался представительный. Намечался серьёзный и острый разговор. Он согласился.

И вот ровно пятнадцать лет спустя, 27 июня, он снова в Москве.

На родине? Дома?

Встречавший его в Шереметьеве представитель РАН Э. М. Андреев вспоминает: «Когда самолёт соединили со входом в аэровокзал, то чуть ли не первым появился невысокий, плотный мужчина, который, сделав несколько шагов, остановился и произнёс: „Здравствуйте, я Зиновьев!“ Выдержав небольшую паузу и убедившись, что других официальных „порученцев“ нет, я быстро подошёл к нему, протянул руку и сказал: „Здравствуйте, Александр Александрович, я из Академии наук, от Г. В. Осипова, и должен отвезти Вас сейчас к нему“. Но оказалось, А. А. Зиновьев прилетел чартерным рейсом, самолёт был битком набит представителями западных СМИ, которые должны были запечатлеть момент „возвращения Зиновьева в Россию“. Так мы оказались на Каменном мосту, где на фоне Кремля, при

прекрасной погоде Александр Александрович выступил с речью. Дальше я действовал решительно, поскольку получил строгий наказ: не дать никому его умыкнуть, а доставить в новое здание Президиума РАН (Ленинский проспект, 32 а), что и было сделано.

Состоялся банкет в честь А. А. Зиновьева, с которого он как-то быстро и незаметно исчез, и ждать его пришлось довольно долго. В гостиницу „Украина“, где он был размещён, мы приехали уже в сумерках. Проходя по фойе гостиницы к лифту, Александр Александрович заметил вывеску „Ресторан“ и, заявив, что он сегодня „сказочно богат“, поскольку только что получил гонорар за издание в России одной из главных своих книг („Коммунизм как реальность“ — вышла в свет в 1994 году. — *П. Ф.),* и хотел бы немедленно отметить это событие. Я с трудом его уговорил сделать это в номере.

Состоялась задушевная беседа о ключевых этапах весьма сложной и трудной жизни Александра Александровича, что я, конечно, никогда не забуду. Расстались мы, когда уже светало»[716].

Другой свидетель этого дня, М. Кантор, увидел в эпизоде на мосту метафорический образ, из народной сказки о битве на Калиновом мосту: «Я помню его в первый день по приезде: он остановил машину у Каменного моста, — вероятно, вид на реку и Кремль показался ему важным, — выскочил из неё и пошёл по мосту, крепкий, быстрый, всклокоченный, в распахнутом пиджаке. Ему было только семьдесят семь — что за возраст для бойца! И шёл-то он вроде бесцельно, никуда, просто чтобы почувствовать город, пройти вдоль Кремля, размять ноги после самолёта. Он шёл твёрдой походкой, крепко ударяя башмаками в мост — кто раз видел, тот помнит, как ходил Зиновьев по улицам. Дошёл до середины моста и встал, расставив ноги, упёрся ногами в мост и крепко так встал, словно собрался держать на мосту оборону. Так и стоял, как упорный Иван-дурак, вылезший на мост в ожидании змея. Дошла ли до него самого эта метафора? Впрочем, для Зиновьева метафоры никогда не были вполне метафорами — Зиновьев прожил вполне конкретную, чрезвычайно конкретную жизнь, редкую для нашего времени, полного иллюзий, метафор и абстракций. На мосту встал — потому что требовалось встать именно там. Он точно выбрал место»[717].

На следующий день, почти без отдыха, он снова был в здании Президиума Академии наук. В зале заседаний собрались десятки видных учёных, публицистов, писателей, общественных деятелей, журналистов: В. П. Аксёнов, А. В. Брушлинский, В. К. Буковский, Дун Цуншань, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Иванов, А. Коуэн,

С. Е. Кургинян, Э. Д. Лозанский, В. Е. Максимов, Г. В. Осипов, Г. Х. Попов, Е. Ф. Сабуров, С. Б. Станкевич, А. С. Ципко и др. Со многими он был знаком. Кого-то не видел долгие годы, с кем-то уже пересекался в последнее время. Реакции при встрече были разные: от радостных приветствий до растерянности. Его посадили в президиум, с левого края, рядом с Аксёновым. На противоположном краю оказался Максимов.

На «круглом столе» был представлен весь спектр мнений относительно состояния дел в России и перспектив её преобразования. «Российская цивилизация завершает цикл, смысл которого мы сейчас пытаемся угадать, — мудрствовал Василий Аксёнов. — Быть может, все основные пороки этого цикла стояли на фанатичном следовании своему собственному курсу, так называемой самобытности, российской исключительности и надуманному мессианству. Всё истинное, естественное всегда связывалось с Россией, и только с Россией»[718]. Его ви́дение будущего России было всецело западнистским: «Осмелюсь предположить, что возрождение нашей страны просто немыслимо вне контекста западной цивилизации. Для того чтобы выжить или предложить своим детям и потомкам лучшую жизнь, мы должны просто-напросто отбросить все свои благоглупости, осознать себя частью европейско-американского христианского мира. Без Запада невозможно ни одно наше возрожденческое мероприятие. Вообще неосуществим задуманный ренессанс. Пытаясь в одиночку перестроить нашу чудовищную промышленность, мы уподобились бы человеку, который хочет разобрать танк и построить из его частей концертный рояль»[719].

Владимир Буковский решительно критиковал начавшуюся в стране реставрацию советско-бюрократического режима, перекрасившегося, как хамелеон, под новые условия и стремительно идущего по пути криминализации власти: «Для большинства из этих людей потрясение, недавно происшедшее в России, вовсе не означает революцию, они не воспринимают это как революцию, освободившую людей от тоталитарного контроля, а стало быть, требующую некоторого видения совершенно иного концептуального будущего. Они воспринимают это как продолжение своей карьеры, вполне для них естественной. Как возможность перейти из областных кресел в республиканские в той же самой системе иерархической структуры. Рыночная экономика означает для них в лучшем случае не что иное, как коррупцию, поэтому в лучшем случае от них можно ожидать преследования любой частной инициативы или в худшем — оправдания своей собственной коррупции нуждами рыночной экономики. Короче говоря, если эти люди и способны что-либо

создать, то скорее всего новую мафию на месте старой. Новую политическую систему, которую за неимением специального термина я бы назвал клептократией»[720]. Он с пессимизмом констатировал: «Прошлое возвращается. И не даёт людям жить дальше. Ничто положительное не может возникнуть в атмосфере лжи, обмана, подозрения и недоверия. И чем дольше всё это продолжается, тем меньше я, например, верю в какую-либо пользу своего приезда, в какую-либо возможность что-либо делать, тем меньше я чувствую себя здесь дома»[721].

Гавриил Попов настаивал на дальнейшей либерализации экономики, развитии высокотехнологичных производств, на сближении с западными странами, в первую очередь с США, на кадровом обновлении власти и дальнейшей регионализации России. Последовательно и прагматично он отстаивал позиции постепенных преобразований всех сфер жизни.

Владимир Максимов не стеснялся в словах, оценивая ситуацию в стране: «По моему глубокому убеждению, нынешнюю российскую реальность можно определить лишь одним словом — растление. Растление на всех уровнях и во всех сферах. <…> 70 с лишним лет коммунисты растлевали общество беспардонной ложью. То же самое продолжается и сейчас, только ещё более гнусно и цинично, потому что ложь теперь распространяется от имени демократии. <…> Героем нашего времени становится человек, умеющий делать деньги и преимущественно в твёрдо конвертируемой валюте. Каким образом — это не имеет значения. Продаётся и покупается всё. И не вздумайте напомнить кому-либо в современной России о чести, совести, собственном достоинстве, а тем более о Родине и её интересах. Вас поднимут на смех. Об этих, по общему мнению, давно забытых понятиях помнят разве лишь замшелые апологеты прошлого. Честь не кормит, совесть не греет, от собственного достоинства шея болит. Родина там, где хорошо живётся. Даёшь рынок!»[722] Такой России он не желал: «Я не хочу жить в России, где любой интеллектуальный мародёр или мародёрша могут оболгать Солженицына и Зиновьева, где недавние руководители советского гитлерюгенда, растлившие миллионы детских душ, которым помолчать бы от стыда за своё прошлое, позволяют себе называть меня реакционером и прокоммунистическим ортодоксом, а гонители Сахарова входят в комиссию по его наследию. Я не хочу жить в России, где недавние фарцовщики и воры, ставшие биржевыми спекулянтами, торгаши и валютные проститутки становятся примером для подражания, а интеллигенция занимается автомобильным извозом, чтобы только физически выжить. И если мне завтра предложат билет в этот рыночный рай,

я возвращу его дарителям без всякой благодарности, ибо не желаю даже косвенно соучаствовать в окончательном растлении своей страны, своего народа, добавляя себя этому режиму легитимности»[723]. Прогноз Максимова был равносилен приговору: «Я больше не хочу ни с кем дискутировать, ибо убеждён, что в самом близком обозримом будущем с этим режимом будет дискутировать сам народ и у него, уверяю вас, найдутся аргументы повесомее моих. Нынешние необольшевики в очередной раз пытаются соблазнить Россию правом на бесчестье. Что ж, она рано или поздно ответит своим исконным правом на бунт»[724].

Зиновьев, как всегда, был строг в логике своего анализа. Энергичен, напорист. Он тоже не поскупился обозвать советских и постсоветских (на самом деле таких же советских) руководителей «идиотами» и «кретинами», «предателями» и «хапугами», но в его устах эти слова звучали почти как специфические социологические термины. В них не было эмоции, они были по-своему точны и сущностно конкретны. Он предлагал видеть объективную картину событий, а не разряженную в разноцветные фантики идеологии и пропаганды. Он предлагал смотреть не на вывески, а на дела. Не на замыслы, а на результаты. Только факты и результаты, увиденные с научной отстранённостью, могут позволить выработать адекватную мировым вызовам политику.

Зиновьев дал исчерпывающую характеристику причин произошедшего в стране кризиса и последующих событий. Особое внимание обратил он на фактор холодной войны и политическое предательство руководства СССР и России, в результате которых был разрушен коммунистический строй — историческое достижение русского народа в XX веке.

«Я слушал выступление Аксёнова, — говорил он. — Я категорически протестую, категорически не принимаю такие идеи, не потому что враг Запада и не потому что ужасно хочу восстановления в России коммунистического режима, а потому, что это ложь. От начала до конца. Я выступаю как защитник истины. Это важно понять. Реальное взаимоотношение между Россией и Западом характеризуется такими понятиями, как западнизация, т. е. навязывание стране такого режима во всех отношениях, который соответствует интересам Запада. Западнизация, которая переходит в режим колониальной демократии, то, что существует сейчас в России и не имеет ничего общего с демократией, ничего общего с рыночной экономикой.

Когда я говорю, что Россия никогда не превратится в страну

западного типа, не станет частью Запада ни при каких обстоятельствах, пусть вам и обещают это, то вовсе не хочу становиться на сторону людей, которые проповедуют некую исключительность России. Никакой исключительности России не существует вообще. Я хочу сказать другое: существует исключительность Запада. Запад есть исключительное явление в истории человечества и в мире. Лишь для очень немногих народов то, что называют демократией и капитализмом, дало положительные результаты. Для подавляющего большинства народов — и в истории человечества, и сейчас — этот западный тип общества был гибелен или имел результатом превращение этих стран в придаток Запада, в колонии.

Что сейчас происходит? Происходит разгром страны. Он происходил на уровне Советского Союза. Советский Союз разгромлен. Теперь предстоит дезинтеграция и разгром России. <…>

Как русский человек, переживаю всё это мучительно больно. И считаю — до тех пор, пока народ России не избавится от страха перед истиной, до тех пор ничего хорошего здесь происходить не будет»[725].

В те годы очень популярной была фраза Черчилля: «Демократия — наихудшая форма правления. Если не считать всех остальных». Кто только её ни произносил! Она была своеобразной индульгенцией для политических реформаторов. Своей изящной афористичностью и остроумием она как бы в принципе снимала проблему не только возможных альтернатив, но и вопроса о ценности и эффективности демократии как системы управления. Проблематизация этой ценности, предложенная Зиновьевым, его фактическое утверждение того, что демократия не является универсальным средством организации человеческого общества, что она носит исключительный характер и обслуживает интересы определённого типа социума, вызвали шок и явное смятение в умах. К такому «повороту мозгов» в аудитории явно были не готовы.

Возможно, это один из самых сильных социологических постулатов Зиновьева, который до сих пор смущает и пугает апологетов демократии. Зиновьев выявил и обосновал его в работе над книгой о феномене западнизма. Своё открытие он, находясь в Москве, передал для публикации газете «Рабочая трибуна». Статья Зиновьева «От коммунизма — к колониальной демократии» была сразу же принята и напечатана в трёх номерах газеты.

Читатели, затравленные идеологами «нового мышления», в

ошеломлении следили за беспристрастной мыслью Зиновьева, описывавшего явления исторической и современной социальной жизни России в совершенно небывалой для них системе координат: «Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране создаётся социально-политический строй колониальной демократии (по моей терминологии). <…> Стране навязываются внешние атрибуты западной политической системы — многопартийность, парламент, свободные выборы, президент и т. п. Но они тут служат лишь прикрытием режима совсем не демократического, а скорее диктаторского („авторитарного“). Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения, наживающейся за счёт этой её функции. Эти люди имеют высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым самых богатых слоёв Запада.

Колонизируемая страна доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. <… > Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распущенности, ослабленного контроля со стороны властей, доступные развлечения, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и от моральных ограничений»[726].

Зиновьев взывал к разуму и совести соотечественников: «Нужно быть слепым, чтобы не замечать, что Россию нынешние её правители усиленно толкают на путь колониальной демократии. И нужно быть врагом своего народа и предателем Родины, чтобы изображать этот процесс как благо для народа»[727].

В эту поездку у него было много встреч. С бывшими коллегами. С журналистами. С родственниками. Он повидался с братьями, подарил им свои книги. Записал два больших телеинтервью — для Первого канала и телевидения России. Побывал в редакциях «Правды», «Рабочей трибуны», «Завтра». Познакомился лично с руководителями издательства «Центрполиграф», подписал договор и получил аванс за «Коммунизм как реальность», обсудил планы последующего сотрудничества. Отношения с «Центрполиграфом» сложились надолго. В 1990-е годы здесь были изданы многие книги Зиновьева, фактически небольшое собрание его сочинений. В «Центрполиграфе» состоялась первая публикация романа «Глобальный человейник». В издательство Зиновьева привёл его давний, ещё со студенческих лет, товарищ Леонид Греков, который в это время как раз работал в нём редактором. Это ему на ум пришла идея обратиться к Зиновьеву с предложением издать «Коммунизм как реальность», на что тот, естественно, откликнулся одобрительно. Гонорар по постсоветским меркам

был приличный, но для Запада — весьма и весьма скромный, месяц не проживёшь. Впрочем, Зиновьеву важнее было само издание книги, чем материальная составляющая договора. (Хотя о возможностях заработка приходилось думать постоянно, лишней марки в кармане не было.) Поездка во всех смыслах была очень насыщенной и напряжённой.

Но, конечно, самой главной была встреча со страной, с Москвой. Он ходил по улицам этого великого города, такого родного и чуждого, с болью наблюдал за всеобщим развалом. Ничего, кроме слёз и ругательств, у него не было. Повсюду грязь, нищета, убогость. И наглая нахрапистость «новых русских» всех племён и народов. О плачевном положении простых людей он знал и до визита в Москву, но увиденное всё равно потрясло. «Я до этой поездки имел практически неограниченную информацию о ситуации в России и имел свою концепцию того, что там происходит, — рассказывал он корреспонденту „Радио Франс Интернасьональ“ Ольге Минц. — И с этой точки зрения я не увидел там ничего для меня нового. Однако непосредственное соприкосновение с реальностью произвело на меня сильнейшее впечатление, и впечатление удручающее, впечатление разрухи — разрушающиеся дома, люди, разрушающиеся или уже разрушившиеся идейно-психологически. Затем, впечатление страны оккупированной: иностранные вывески, киоски с иностранными товарами, в основном алкогольными, „Макдоналдс“, масса людей на улицах — иностранцы, выходцы из южных и азиатских республик. В общем, впечатление чужого мира, который я, так сказать, мог допустить теоретически, но практически я с этим примириться никак не могу»[728].

Ещё более резко он высказался о своих впечатлениях в письме Зальцбергу: «Я был в Москве неделю. Положение там хуже, чем я предполагал. Главное — обнаружилось, что наш народ есть сборище дураков, завистников, пошляков, трусов, предателей, мещан и т. п. и т. д. Одним словом, как говорил один мой литературный герой:

> Развеялся истории туман.
> И с удивленьем замечаю, что теперь я
> На прошедший пламенный обман
> Променял б холодное неверие.
> Одним словом, комедия окончена»[729].

Уж точно, было не до смеха. Впереди маячили кровавые события октября 1993-го.

Но он не умел сдаваться. Идеи и оценки, высказанные им на

«круглом столе» в Академии наук, опубликованные на страницах «Рабочей трибуны» и «Правды» и озвученные им в часовом телеинтервью с А. Боровиком для передачи «Совершенно секретно», которая вышла на канале «Россия» 31 июля, легли в основу всей его последующей публицистической битвы — за родину, за народ, за их историческую судьбу.

Его публицистика 1990-х совмещает в себе просветительский и агитационный пафос. Он разъясняет соотечественникам азы социологии и одновременно призывает их к активному действию. Даёт в руки инструмент понимания и требует ответственности. Учит и зовёт в бой.

> В свой Олифан трубит Роланд с трудом.
> Превозмогает он тоску и боль.
> Стекает с губ его густая кровь,
> С натуги лопнул у него висок.
> Разнёсся зов на много миль кругом.

Программным стало интервью «Целились в коммунизм, а попали в Россию», данное Петру Паламарчуку в Мюнхене в октябре 1993 года в дни заключительного акта русской контрреволюции. Он тогда буквально рвался в Москву, чтобы с оружием в руках отстаивать независимость России. «Проблема „за что“ передо мной раньше вообще не вставала, — говорил он. — Я не собирался бороться не только за смену социального строя России, но даже за его улучшение. Я сознательно отстранился от всего этого, сделав главным моё личное усовершенствование в соответствии с тем идеалом человека, который выработал для себя. Теперь положение изменилось. Сейчас у меня появилось вполне конкретное „за что“: сохранить Россию как независимую и великую державу, сохранить русский народ от уничтожения. Поэтому я приветствую всякое сопротивление той политике развала страны и превращения её в задворки Запада, какую проводило горбачевское и теперь проводит ельцинское руководство. <…>

Запад настолько прочно взял установку на разрушение страны, а власть так цепко ухватили нравственные подонки и умственные дураки, что вряд ли в ближайшие годы или даже десятилетия что-то подымется. Народ просто-напросто уничтожен, растерзан. Я очень бы хотел ошибиться. Но выхода не вижу. Допустим, окажись я сейчас дома — выбрал бы для себя путь, с которого начинал жизнь мальчишкой: мстить. Причём любыми способами. Мстить тем, кто довёл страну до такого поражения»[730].

Интервью появилось в декабре 1993 года во втором номере газеты «Завтра», которая стала выходить вместо запрещённой после октябрьского разгрома оппозиции газеты «День». Это был его осознанный выбор. Со страниц этой газеты он будет неоднократно выступать с жёсткими заявлениями и характеристиками событий и лиц.

То, что он всегда говорил убедительно и аргументированно, с установкой на научное объективное осмысление действительности, вызывало у его противников острую неприязнь. Своё интеллектуальное бессилие они пытались компенсировать административными средствами.

После очередной публикации в «Завтра» с хлёстким названием «Мировое негодяйство», вышедшей в двух номерах в апреле 1994 года, в которой он, беседуя с Владимиром Бондаренко, подробно изложил основные тезисы теории западнизма, против газеты было возбуждено уголовное (!) дело. Поводом послужила реплика Зиновьева об отношении Запада к России, русскому народу и его призыв к противостоянию антинародной политике реформаторов: «Сейчас Россия оккупирована. У власти — предатели и коллаборационисты, делающие всё, чтобы удержаться и помогать Западу грабить страну. Когда армия в панике бежит, её нужно остановить, а потом заниматься реорганизацией. Но когда армия бежит, нельзя заниматься её реорганизацией. Это азбука любой политики. Сначала надо остановить панику, любой ценой.

Это моё мнение, мнение Зиновьева: нужна священная война. Нет никаких политических решений. Что бы вы ни делали, сегодня демократического выхода для России нет. Если в Вашингтоне решат, что нужно удержать Ельцина, а Ельцин как морально и интеллектуально разложившееся ничтожество уйдёт со сцены, они всё равно подберут человека, который будет продолжать делать то же самое. Если правители Запада сочтут нужным считать в России что-то законным, то и будет законным.

На Западе наступило мировое негодяйство. И нет ни одного политика, который бы заступился за Россию. А если он и найдётся, его никуда не допустят. Весь западный мир превратился в сборище негодяев. Это нужно понять.

Россия захвачена. Хотите свободы, выход — война, любыми доступными средствами война. А на войне — действовать только военными методами против предателей»[731].

Непосредственно иск был предъявлен Владимиру Бондаренко по признакам преступлений, предусматривающих ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УХ РФ) и пропаганду войны (ст.

71 УК РФ). Бондаренко грозило до пяти лет лишения свободы. История дикая, с юридической точки зрения. Абсурдность ситуации была очевидна даже следствию, ведь сам Бондаренко никого ни к чему не призывал. Он только *слушал,* что говорил Зиновьев.

А ведь это уже были времена не просто «гласности», а полной «свободы слова». Но, как оказалось, и у неё были свои ограничения. На правду. Особенно, если она касалась Запада. Ведь Зиновьев не первый раз говорил о необходимости вести решительную борьбу за национальные интересы, но прежде их как бы не замечали. А тут заметили. Заметили после того, как он дал всестороннюю и полномасштабную картину социального состояния современного Запада. Заметили, конечно, не в Москве. И решили приструнить.

Зиновьев как раз находился в те дни в российской столице. Он прилетел на презентацию книги «Коммунизм как реальность», которая только что поступила в продажу. Тираж в 30 тысяч экземпляров расходился быстро. В рейтинге продаж, опубликованном «Книжным обозрением» на основе опроса 15 книжных магазинов и 50 специализированных лотков Москвы, «Коммунизм как реальность» занимал вторую строчку после рижского трёхтомника Борхеса. «Записки президента» Б. Ельцина располагались на четвёртой позиции[732].

В связи с определением Министерства юстиции в отношении газеты «Завтра» он сделал заявление для прессы: «В российских средствах массовой информации помещено заявление Министерства юстиции по поводу публикации в газете „Завтра“ неких „подрывных“ материалов. Там упоминается и моё имя, а также приводится цитата из моего интервью этой газете, без упоминания, правда, моего имени. Минюст приписывает мне „призыв к войне“, к насильственному свержению существующего строя и обвиняет в „нарушении“ духа известного соглашения о „согласии“ с г-ном Ельциным. Что касается последнего, то своё отношение к этому документу я изложил открыто в нашем совместном с Владимиром Максимовым заявлении, опубликованном в „Правде“, и не считаю нужным повторяться. Ну а что до „призывов“, да тем более к „войне“, то, во-первых, не надо вырывать из контекста моих интервью и статей отдельные фразы, а во-вторых, — приписывать мне то, что мне не свойственно. Я никого и ни к чему не призывал и не призываю. Я не политик, а исследователь. Я исследую варианты возможного развития ситуации в России исключительно как учёный, и никто не имеет права запретить мне высказывать своё мнение именно в этом, присущем мне качестве. Если Минюст РФ полагает, что

после подобного беспардонного его окрика я стану почтительно высказываться о ныне существующем в России режиме, то он глубоко заблуждается. Мне этого не позволит научная объективность»[733].

Не на того напали.

До конца года в российской прессе появится ещё серия концептуальных статей и интервью Зиновьева антизападнистского содержания: в газете «Завтра» — «Я никогда не ронял чести русского человека» (беседа с А. Прохановым, июнь), в «Правде» — «Я считаю советский период вершиной русской истории» (беседа с В. Кожемяко в двух номерах, июнь), «Модель из вечной мечты» (беседа с В. Большаковым, сентябрь), «Конец русской контрреволюции» (статья к годовщине октябрьских событий 1993 года), «Психическая атака на русский характер» (беседа с В. Большаковым, декабрь). Он ни словом не отступит от своих взглядов.

Он всегда смотрел в глаза противнику. И никогда не воевал с поверженным врагом. Махать кулаками над трупом считал делом бессмысленным и позорным. Он признавал только реального неприятеля. В 1990-е им стал для него стремительно набиравший мощь западнизм. И он все силы свои сосредоточил на этом направлении. Он вполне отдавал себе отчёт в том, насколько неравны их возможности. Он прекрасно понимал, что он — песчинка в сравнении с Западом, которому он бросил вызов. Но его это не смущало.

В праздничные новогодние дни начала 1995 года Зиновьева посетил в Мюнхене корреспондент газеты «Костромской край» Е. Зайцев, привёз с малой родины привет и подарки, горсть земли из родного Пахтино. Робел перед великим земляком, внимательно осматривался по сторонам, подмечал особенности обстановки и поведения. В своём очерке он запечатлел Зиновьева в домашней обстановке. Редкое, драгоценное свидетельство.

По указанному адресу на Завитсштрассе Зайцев прибыл загодя. «До назначенного времени оставалось минут сорок, когда подошёл к дому. Трёхэтажный белый особняк на шесть квартир. Весь в зелени. У соседнего дома огромнейшая русская берёза. Если бы она не росла за забором, мог бы подумать, что её посадил наш земляк. Улица односторонняя, окнами смотрит в поле, хотя не на самой окраине города. Перед встречей надо чуть-чуть успокоиться, привести мысли в порядок. Пошёл вдоль улицы, а вернее, по дороге, которая пересекает поле. По сравнению с Касселем здесь меньше снега. Стоят настоящие заросли какого-то культурного растения. Вокруг десятки заячьих следов — по

ночам, видимо, прибегают косые лакомиться зеленью в город. Удивительно, не правда ли? Дошёл до ближайшего перекрёстка, вернулся. Стою спиной к дому, наблюдаю за уличной жизнью, где, кроме автомобилей, никого нет. Сам держу в голове — может, хозяин в окно увидит. И точно, не успел подумать, как открывается входная дверь. По увиденным портретам узнаю того, кто мне нужен.

— Вы, наверное, ко мне?

— Конечно. Только, кажется, ещё рановато.

— Проходите, — радушно приглашает хозяин.

Знакомимся. Рукопожатие крепкое. Среднего роста.

Выглядит моложе своих лет. Клетчатая рубаха массового пошива, вязаный джемпер из грубой шерсти, в котором, кажется, можно ходить по улице среди зимы. Мягкие джинсы и мягкие тапочки. Всё, пожалуй, как у русского горожанина. Густые чёрные брови, высокие залысины. <…>

Что касается квартиры, то, конечно, многие россияне могут ей позавидовать. Но в Германии я был и в гораздо лучших, не говорю уж об особняках. На пороге встречает ворчливый пёс невиданной мною породы по кличке Шарик. Огромный-преогромный бурого окраса шпиц. В породе не ошибся — это вольфшпиц, то есть волчий.

Хозяин проводит меня в гостиную, а сам зашёл в детскую помочь одеться дочке Ксюше, которой ещё нет и пяти лет. Шарик остаётся со мной. Стоило пошевелиться, как он зарычал — вот это охранник. А повертеть головой нужно, чтобы осмотреться, как поживает русский мудрец. Диван и кресла, пара шкафов, забитых до отказа книгами. Моя близорукость не позволяет прочесть заглавия на корешках, тем более шрифт латинский: тут и книги хозяина, и других авторов. Телевизор. Наряженная ёлка — до православного Рождества остаётся три дня, а до старого Нового года — десять, поэтому ёлку не разбирают.

Но вот и Ксеня выбежала — удивительно русское лицо у ребёнка. Сразу же начинает хвастаться куклами. Тоже вполне по-русски. Папа останавливает её:

— Давай-ка, Сеня, гостя накормим сначала. Небось с дороги проголодался. <…>

Идём на кухню. Оборудование — как на любой другой в какой угодно городской квартире. Может, чуть лучше, может, чуть похуже. Шкафы на стенах, небольшой столик, почему-то показавшийся мне нашего производства. Необычной для себя нахожу электроплиту. Её верхняя часть как будто из зелёного стекла. Только поставил кастрюльку, как под ней появился красный круг — уже разогрелась.

— Кормить буду щами и пельменями, — объявляет Александр Александрович. — Небось уже соскучился по русской еде? <…>

Садимся за столик — Шарик между нами. И тут он охраняет хозяина. Правда, на нечаянные толчки с обеих сторон реагирует одинаково — рычит.

— Что будете пить? — хозяин выставляет початые бутылки „Московской“, коньяка и вина.

Останавливаюсь на вине. Себе Александр Александрович наливает глотка два: если не был в жизни ярым борцом против алкоголя, то никогда и не увлекался им. Теперь тем более — годы берут своё. Так он объяснил свою символическую „порцию“. Полусухое вино приятно освежило, а таких вкусных щей, право, давно не пробовал. В русской семье даже на чужбине не забыли русской кухни. То же скажу о пельменях, которых в Германии не знают. Пока сидим обедаем, то и дело забегает Ксеня. И всякий раз она желает мне: „Приятного аппетита!“ Я даже рассмеялся.

— Приходится быть за няню, — замечает Александр Александрович. <…>

Пока сидим обедаем, Александр Александрович живо расспрашивает о жизни нашей области. Из Москвы, по его словам, все новости он узнаёт мгновенно. Интересуют его буквально все политические, экономические, культурные вопросы. Отделения каких партий действуют, кто из крупных политиков большим авторитетом пользуется, какие урожаи, что есть в магазинах, доступны ли цены для среднего костромича. Высказывает своё отношение к положению в России: смена руководства ничего не даст, надо устранять режим»[734].

Внешне он сохраняет спокойствие, но на душе безрадостно. Стороннему человеку он этого не показывает, а другу может довериться. 8 февраля 1995 года он пишет Зальцбергу: «Очень многие понимают, что в России никогда не будет демократии западного типа и что внедрение её гибельно для России. Именно поэтому и внедряют её там. Все восклицают: что будет с Россией?! И Вы тоже, хотя считаете себя моим учеником. То, что будет с Россией, уже случилось, уже есть: её уже убили общими усилиями как врагов, так и самих русских. Особенно русских. И их собственными руками. Конечно, на этом месте что-то есть и будет. И название „Россия“ сохранится. И видимость единства. А на самом деле тут уже есть зона колонизации для всех, кому не лень, в основном — для немцев, американцев, японцев, китайцев, азербайджанцев, чеченцев, арабов и т. п. А русские вымрут. А со временем и западные люди вымрут. Одним словом, скучно. Просто скучно. Мир охвачен эпидемией глупости, бездарности, пошлости. Похоже, что западная цивилизация идёт к краху. Крах России — начало этого. Для нас сейчас главная проблема — как выжить. Мои книги не печатают, а напечатанные бойкотируют.

Оля остаётся без работы. В Германии жизнь становится всё хуже и хуже. А уехать практически невозможно. Да и некуда. В Россию не хочу — она мне чужая, а я там неприемлем в принципе»[735].

«Мне тут приходилось со всякими русскими встречаться, — делился он в разговоре с Е. Зайцевым. — Приезжали националисты, патриоты и так далее. Ведём разговоры, с чего начинать. Я говорю: „Перед вами сидит русский человек. Он был признан в мире как выдающееся явление и в литературе, и в философии, и в социологии, и в логике. Вот мои работы. Начните, если вы хотите, поднимать свою страну. А вы же болтаете общее — поднимемся, объединимся и так далее. Надо дело делать. Вот я и есть дело — делайте“. Я говорю и утверждаю: я есть точка России. Не будет меня в России — не будет России. Считайте это как символическое выражение. Вот это и есть пробный камень. Чего вы хотите — проявитесь тут. А то, понимаете, кричат: поднимать Россию, поднимать Россию. А сами начинают издавать кого? Западных и вообще нерусских авторов. И перед ними ползают на коленках!»[736]

Ему было обидно не за себя. За русскую действительность. За Россию как реальность. «Надо позитивное делать. Занять выдающееся положение в современном мире великий народ может, только создавая великие произведения в литературе, культуре и так далее. <…> Есть только один путь — надо проводить протекционистскую политику в отношении тех представителей народа, которые действительно вносят вклад в мировую культуру, в мировую цивилизацию. Поддерживать их нужно. Мы, русские, — единственный народ, который этого не делает. Единственный!»[737]

26 марта 1995 года в Париже скончался после болезни издатель «Континента», писатель Владимир Максимов. Многолетний друг, один из немногих, с кем он чувствовал духовное родство, настоящую близость, с кем был откровенен, кого по-настоящему любил. Единственный из «больших» в эмиграции, он прилетел на его похороны.

Он оплакал утрату в «Реквиеме Владимиру Максимову», в котором собралась вся боль его сердца, вся скорбь его души. «Реквием» — один из самых пронзительных лирических текстов Зиновьева, его «Слово о погибели Земли Русской»:

Головы низко
Склоните,
Склоните,
Склоните!

Сердца погрузите
В тревогу,
В тоску
И печаль!
Глядите! Вот жизни
Его
Оборвалися нити.
Мы жить остаёмся,
В извечную
Он удаляется
Даль.

Умер Владимир Максимов. Не могу в это поверить. Не хочу с этим смириться. Ушёл из жизни большой писатель, большой общественный деятель, большой русский человек. Огромная и невосполнимая потеря для России. Россия стала слабее и беднее на одного сильного и верного своего сына.

Я переживаю смерть Владимира Максимова как несправедливость судьбы. Несколько лет назад, находясь в кризисном душевном состоянии, я просил его стать распорядителем моего творческого наследства после моей смерти. И вот я ещё жив, а его уже нет. И мне почему-то стыдно от этого.

Говоря о Максимове, мне хочется говорить «мы». Во многом мы различны и даже противоположны. Он был психологический антикоммунист, я — психологический коммунист. Он видел в советской системе источник зол, я — силу и спасение России, вершину русской истории. Он был верующий, я — атеист. Но нас сближало нечто неизмеримо более важное: для него и для меня главным всегда и во всём была судьба нашей России и народа, частью которого мы оставались при любых перипетиях нашей личной судьбы. В последние годы, когда перед нашей страной и нашим народом разверзлась пропасть катастрофы, Максимов стал одним из самых близких мне людей. С его смертью я потерял соратника по борьбе, с которым мне предстояло защищать последние рубежи нашей проданной, растерзанной, ограбленной и опозоренной Родины, — рубежи Чести, Достоинства и Совести русского человека. Максимова нет, и нет в мире человека, который занял бы его место.

Пройдут годы. Люди позабудут или проклянут дутых

кумиров «холодной войны». Поток истории смоет мусор и грязь нашей лживой, подлой и предательской эпохи. Останутся тяжёлые камни времени — реальные, а не фиктивные величины. Останется Максимов. О нём напишут книги, сочинят легенды. А сейчас его нет. И никак нельзя с этим смириться.

Принято в таких случаях говорить в конце жизнеутверждающие слова вроде «продолжим», «подхватим», «сплотимся» … Увы, жизнь Максимова оборвалась в такую минуту жизни нашего народа и нашей страны, что такие слова прозвучали бы как ложь. Много ли среди нас, русских, осталось таких, для кого эти слова прозвучали бы как истина?! Смерть Максимова для меня символично. Она случилась в момент, когда в нашей стране распалась связь времён.

Мрачные мысли
Долой
Не гоните!
В сердцах не тушите
Тревогу,
Тоску
И печаль!
Безжалостно рвутся живые
Последние
Нити.
И скоро нас тоже
Проводят
В извечную даль[738].

Одна за другой в Москве выходят книги его публицистики «Смута» и «Русский эксперимент», социологическое эссе «Запад. Феномен западнизма». В сентябре он едет на Московскую международную книжную ярмарку. «Официальная и интеллектуальная Россия, — писал он после поездки Зальцбергу, — меня бойкотирует сильнее, чем в брежневские годы, хотя и новыми (демократическими) методами. Но „по гамбургскому счёту“ вес у меня там всё-таки есть. Например, в сентябре на книжной ярмарке в Москве моих книг продали больше, чем всех прочих авторов вместе взятых. Я за пару дней подписал несколько сот экземпляров. В газетах писали о всех авторах, даже о тех, чьих книг не было на ярмарке или не было продано ни одной. А о буме с моими книгами — ни слова. Узнаю тебя, Русь! Книгу „Запад“, которую я писал по заказу западного

издателя, на Западе печатать испугались, — моя концепция не устраивает никого. Новый мировой порядок, устанавливаемый в Холодной войне (я его называю западнизмом), есть лишь приукрашенный коммунообразный порядок („фашизм с человеческим лицом“). Я в нём ощущаю себя, как ощущал бы себя атеист в эпоху господства инквизиции»[739].

«Западнизм» всё же вышел по-французски в парижском издательстве «Plon» в начале 1996-го.

Он чувствовал себя неприкаянным. «„Р. Э.“ („Русский эксперимент“. — *П. Ф.)* фактически *никто,* кроме Вас, не понял, — сообщал он Зальцбергу в письме от 29 января 1996 года. — Даже у старых друзей книга вызвала злобу. И у коммунистов, и у антикоммунистов. Все почувствовали, что эта книга — о их всеобщей мелкости, глупости, пошлости и т. п. В результате — полный бойкот в России, а о Западе и говорить нечего. Грустно! У меня ведь в это же время в России вышла книга „Запад“, написанная ещё три года назад. И то же самое. Тысячи кретинов-социологов не могут допустить то, что я описал сущность современного западного общества, а они не смогли это сделать и не смогут, поскольку идиоты, во-первых, и служат, во-вторых. <…> Мы живы, здоровы. Но… Вы сами понимаете! Оля осталась без работы. Нам предстоит очень трудное время. Оля скоро начнёт учиться на курсах. Целый год. По 8 часов в день. Без гарантии работы. А что поделаешь? Я должен заниматься с Сеней. В Россию не хочу — она мне враждебна, как и Запад»[740].

Почти те же слова и чувства, что и год назад. Ситуация какого-то мóрока. Его издают. Его продают. Его, по всей видимости, читают. А реакции — никакой. Он пишет и говорит предельно просто и ясно. Проще некуда. Но — не понимают? Не слышат? Молчат. Он что, инопланетянин какой-нибудь? Добросовестные французы, пусть и со скепсисом, но всё же откликнулись на «Западнизм» десятком рецензий, а дома, в России? Или уж и впрямь его дом — его чужбина?

«У меня отношение ко всему есть отношение абсолютного одиночки, — пишет он 10 апреля 1996 года Зальцбергу, — можно сказать — человека как суверенного государства. Если бы был Рай, я не принял бы и его. В мире вообще нет ничего, что я принял бы. Я не принимаю всё мироздание вообще. Так что единственное решение всех моих проблем — полное исчезновение»[741].

На тех высотах, на которые он поднялся, атмосферы почти уже не было. Дышать становилось всё труднее. Но он продолжал движение. Он начал писать новый роман. О будущем

человечества. О торжестве западнизма. Роман-гипотезу. Роман-прогноз.

«Глобальный человейник» — одно из самых совершенных по художественной технике сочинений Зиновьева. В нём его индивидуальный стиль научно-эстетического постижения действительности представлен во всём своём блеске и полноте. Этот роман написан уверенной рукой Мастера. Система образов, композиция, повествовательные приёмы предельно точны и выверены. Читатель захвачен не только содержанием романа, но самой формой его. Почти физическое удовольствие доставляет наблюдать, как происходит развитие художественной мысли, которая на глазах раскрывается точно роскошный цветок пасифлоры, превращаясь из сжатого в плотное единство бутона в изощрённое многообразие лепестков и тычинок.

Будущее всегда занимало умы мыслителей и художников. Искусство, литература во все времена стремились приподнять завесу грядущего, в меру своих возможностей изображая картины иного — нового — мира. Думать о будущем свойственно каждому человеку. Притом людей интересует не только их личное будущее, конкретный завтрашний день, перспектива ближайших месяцев и лет, но и будущее всего человечества, судьба народа, страны, судьбы цивилизации. Заглянуть в завтрашний день — неутолимая мечта многих. Помимо очевидной прагматики такого интереса, есть в нём и некая идеальная составляющая — в свете возможных последствий оценить события и поступки дня сегодняшнего.

Интерес к будущему неизбежно обостряется в эпохи перемен, когда изжившие себя прежние устои общества стремительно уходят в прошлое, а идущие им на смену порядки только ещё проступают в своих контурах, сценарии развития событий сменяют друг друга, порой так и не воплотившись в жизнь. Художник в такие времена фантазирует, предсказывает, пророчит. Ликование и тревога наполняют его сердце. Мозг лихорадочно анализирует происходящее, отыскивает в чертах сегодняшнего дня тенденции будущего.

Тщательный аналитик современности Зиновьев размышлял о будущем непрестанно. Уже в «Зияющих высотах» он посвятил его сатирическому изображению целую часть. Само за себя говорит и название второго романа Зиновьева — «Светлое будущее» (хотя действие в нём развивается как раз в современности, но в современности как *воплотившейся будущности)*. Столь же показательно название романа «Пара беллум», то есть «готовься к войне», в котором ожидаемое, но неведомое будущее парализует современность, лишая её собственного содержания и смысла. В

романе «Гомо советикус» тема будущего связана с образом некоего фантастического здания, за строительством которого в течение всего повествования наблюдает из своего окна главный герой, связывая с ним свои смутные чаяния на обновление мира, — в итоге оказывается, что космическая архитектура обречена стать офисом очередного банка. Более сокрушительной метафоры иллюзий человечества о «светлом будущем» трудно представить. Футурологические картины появляются в книгах Зиновьева «В преддверии рая» и «Живи». Действие романа «Глобальный человейник» полностью происходит в отдалённом будущем. В этом произведении жанр художественного прогнозирования представлен в наиболее тщательно разработанной форме, в нём аккумулирован и доведён до совершенства опыт всех предыдущих футурологических текстов Зиновьева.

В мировой литературе с темой будущего накрепко связан жанр фантастики — научной, социальной, политической. Одной из его разновидностей является жанр *художественного предупреждения.* Термин «роман-предупреждение» вошёл в активный оборот советской литературной критики в середине 1980-х годов в связи обсуждением актуальных общественно-политических проблем, вставших перед интеллектуалами СССР в период перестройки. Провозглашённая Горбачёвым политика «гласности» породила явление так называемой «возвращённой литературы», когда на страницах литературных журналов стали публиковаться произведения 1920–1970-х годов, которые по цензурным соображениям не могли появиться в печати ранее.

Произведения «возвращённой литературы» получили статус *художественных свидетельств* советской эпохи. Их авторы были провозглашены провидцами (и даже пророками). Те книги, за чтение которых в былые годы можно было получить реальный лагерный срок, стали интенсивно вводиться в вузовские и школьные программы. Термин «роман-предупреждение» фиксировал культурно-историческую ценность большого массива произведений «возвращённой литературы» и обосновывал легитимность их присутствия в культурном пространстве современности. В первую очередь к жанру художественного предупреждения были отнесены книги Е. Замятина «Мы», М. Булгакова «Собачье сердце», А. Платонова «Котлован» и «Чевенгур», А. Зиновьева «Зияющие высоты», В. Аксёнова «Остров Крым», В. Войновича «Москва 2042». К новоявленному жанровому образованию был приписан и публицистически актуализированный роман Ф. М. Достоевского «Бесы». (В 1990 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга

Л. И. Сараскиной «„Бесы“ — роман-предупреждение».)

Несмотря на политическую ангажированность термина «роман-предупреждение», следует заметить, что возник он не на пустом месте. Безусловно, все названные выше авторы, кто в большей, кто в меньшей степени, создавая свои произведения, адресовали их своим потенциальным читателям в качестве книг, заставляющих задуматься не только над современной ситуацией в стране, но и над перспективами её развития. Поскольку им приходилось работать с неведомой ранее, только ещё становящейся социальной реальностью, они не могли не всматриваться в будущее, размышляя о нём и прогнозируя. Думается, это качество вообще свойственно большинству произведений советской литературы (вне зависимости от жанра) — как официозной, так и критической. Советские писатели, к какому бы материалу они ни обращались, всегда рассматривали его в перспективе становления и развития советской действительности. Другое дело, что перспектива в большинстве случаев носила заданный, *проектный* характер, а не реалистический, *предупредительный,* выстроенный на основе анализа, учитывающего не только положительные, но и негативные тенденции. Неудивительно, что формирование самостоятельного жанра художественного предупреждения в советской литературе было фактически заблокировано идеологическими установками коммунистического агитпропа. Единичные случаи вытеснялись в «самиздат» и публикации за рубежом. Официально допускались лишь тексты, критически рисующие обычаи и перспективы буржуазной цивилизации (например, романы А. Р. Беляева «Властелин мира», 1926; А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», 1927; повесть Л. М. Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли», 1961; фантастические произведения братьев А. и Б. Стругацких; «Трагический астероид» Л. И. Лагина, 1972). Только в конце 1980-х, с ослаблением цензуры, стали появляться произведения философско-футурологического плана без явно выраженного пропагандистского акцента, цель которых была обратить внимание современников на предстоящие вызовы (например, «Последняя пастораль» А. М. Адамовича, 1987).

«Предупреждён — значит вооружён», — гласит пословица, и художественное предупреждение — тоже оружие. Позиция автора, сознательно обращающегося к жанру художественного предупреждения, носит активный, публицистический характер. Он отстаивает вполне определённую идеологическую позицию и потому неизбежно пристрастен. Он — борец, агитатор и пропагандист. В рамках поставленного идеологического задания

фантазия автора не имеет границ. Такой тип фантастики принципиально чужд Зиновьеву. Фантастика Зиновьева — *результат* научного исследования, а не *инструмент* художественного остранения действительности, с помощью которого писатели-алармисты выявляют и акцентируют необходимые им смыслы.

Обращаясь к теме будущего, Зиновьев подходит к ней как учёный-социолог. «Я просмотрел множество книг и фильмов о будущем человечества, — пишет он в предисловии „От автора“ к роману „Глобальный человейник“. — Во всех них почти полностью или полностью игнорируется социальный аспект будущего человечества, то есть то, какой вид примут человеческие объединения, их члены как социальные существа и отношения между их членами. Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена именно этой теме»[742].

Этой же теме была посвящена и футурологическая часть «Зияющих высот». В «Зияющих высотах» будущее принадлежит «реальному коммунизму», тому, что сформировался на территории СССР к середине 1970-х годов, или, в терминологии тогдашних советских идеологов, «развитому социализму». В «Глобальном человейнике» будущее подчинено «западнистской» (по терминологии Зиновьева) цивилизации, а коммунистическая идея не просто потерпела крах, но стёрта со страниц истории как опасная и реальная альтернатива: «Было запрещено даже употребление самого слова „коммунизм“: боялись, что оно могло вызвать нежелательные мечты о коллективной жизни»[743]. Где же истина? И почему писатель полностью изменил картину будущего? Где он ошибся? Можно ли верить его предсказаниям?

И «Зияющие высоты», и «Глобальный человейник» принадлежат к особому жанру социологической фантастики — это романы-*прогнозы.* В своей итоговой книге «Фактор понимания» Зиновьев дал такое определение прогноза: «Предсказания или прогнозы будущего суть суждения (высказывания, утверждения), которые обладают такими признаками. Во-первых, в них говорится, что нечто будет иметь место или произойдёт в будущем. Во-вторых, они относятся к числу эмпирических суждений, т. е. таких, которые подтверждаются или опровергаются не путём логического доказательства, а путём сопоставления с эмпирической реальностью. Они высказываются во время, когда такая реальность ещё не существует. Это означает, что в это время они не являются ни истинными, ни ложными. Они в это время оцениваются как обоснованные или необоснованные, как более или менее вероятные, как более или менее надёжные, как

принимаемые на веру. Когда наступает время, к которому они относятся, то говорят, что они подтверждаются или не подтверждаются, сбываются или не сбываются, сбываются приблизительно или частично. Если прогноз сбылся, это не означает, что он был истинным в то время, когда высказывался. Если прогноз не сбылся, это не означает, что он был ложным во время, когда он высказывался»[744].

Зиновьев и в 1974-м, создавая «Зияющие высоты», и в 1996-м, работая над «Глобальным человейником», подходил к творимой им художественной реальности как учёный. Он отдавал себе отчёт в том, что «социальное будущее данного субъекта есть результат двух совокупностей факторов. К первой совокупности относятся факторы социального настоящего, материал субъекта и объективные социальные законы. С этой точки зрения социальное будущее есть реализация тенденций и потенций настоящего. В этом и только в этом смысле будущее предопределяется настоящим. <…>

Ко второй группе факторов, о которых идёт речь, относятся те, которые не зависят от настоящего и не содержатся в нём. Их невозможно обнаружить путём анализа настоящего, поскольку их там вообще нет. От этих факторов зависит то, в какой мере и в какой форме реализуются потенции и тенденции настоящего, как будет жить материал настоящего, в какой форме проявляются объективные социальные законы. В этом смысле будущее не предопределено настоящим и не может быть предсказано. <…> С логической точки зрения результат этот будет иметь такой вид: если рассмотренные в прогнозе тенденции и потенции настоящего не встретят серьёзного препятствия в своём дальнейшем действии, то результатом их развития будет то-то и то-то. Ход исторического процесса может быть нарушен и прерван непредвиденными обстоятельствами, но это не будет опровержением прогноза такого логического типа»[745].

Прогноз — *рабочая модель* будущего, а не его *действительный облик*. Меняются обстоятельства, вводные данные — меняется и содержание прогноза. Зиновьев всегда был чужд догматизма и, когда в начале 1990-х годов в ход исторических процессов включились новые факторы, в результате которых советская социальная система была разрушена, а западная социальная модель вышла на новый уровень сверхобщества, со всей ответственностью писателя и мыслителя взялся за разработку нового прогноза. В концентрированном виде он выглядит так: «Наш XX век был, может быть, самым драматичным в истории человечества с точки зрения судеб людей, народов, идей, социальных систем и цивилизаций. Но, несмотря ни на что, он

был веком человеческих страстей и переживаний — веком надежд и отчаяния, иллюзий и прозрений, обольщений и разочарований, радости и горя, любви и ненависти… Это был, может быть, последний человеческий век. На смену ему надвигается громада веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории, истории без надежд и без отчаяния, без иллюзий и без прозрений, без обольщений и без разочарований, без радости и без горя, без любви и без ненависти…»[746]

В отличие от жанра художественного предупреждения жанр художественного прогноза, созданный Зиновьевым в развитие жанра социологической фантастики, не содержит в себе оценки прогнозируемой реальности. Тот сатирический эффект, который возникает при чтении футурологических прогнозов Зиновьева, связан не собственно с прогнозом как жанром, а с той степенью его интеллектуальной проработки, которая в своей предельности вступает в антагонистический конфликт с породившей прогноз реальностью и разоблачает её. Логика беспощадна и не даёт поблажек. Зиновьев всегда знал её силу и использовал в своих произведениях с беспримерной виртуозностью. Сатирическая окраска футурологических текстов Зиновьева сближает их с жанром художественного предупреждения, в то же время их пафос иной.

Зиновьев не ставил перед собой задачу предупредить человечество о грозящей опасности или, напротив, обнадёжить и поддержать его усилия. Он понимал, что это невозможно и бессмысленно. Ему как учёному важнее было выстроить логику развития социальных объектов, сформировавшихся на земле к концу XX века, а как художника его привлекала задача поиска адекватного образного материала, способного захватить воображение и чувства читателей.

Действие происходит в XXI веке. На Земле установилось глобальное общество. Структура его сложна и многоуровнева. Формально на планете существует десять тысяч независимых государств. При такой дробности сил очевидно, что вне объединений в союзы эти государства не способны сколько-нибудь эффективно поддерживать свою независимость. Количество различных блоков и объединений, создающих относительно устойчивое политическое равновесие, также приближается к десяти тысячам. Помимо политических существуют различные экономические, информационные, культурные и другие союзы, что создаёт видимость богатства и многообразия жизни. Однако на самом деле всё намного проще. Государства, союзы и объединения выстроены на одной основе — основе западнизма. Они в принципе все функционируют по

одному образцу, отличаясь лишь качественными и количественными характеристиками. Это стало возможно благодаря усилиям стран Запада по переформатированию социальной жизни планеты, на что было потрачено огромное количество средств и усилий. «Прежде чем их создать, — рассказывает главный герой романа, житель главенствующего в мире мегаполиса Запад-Сити, сотрудник аналитического центра, — мы дезинтегрировали все страны, народы и регионы планеты, поссорили их между собой, снабдили их оружием, развязали войны. После того как они обессилели во взаимной вражде, мы навязали им политический строй, экономику, культуру, идеологию и весь образ жизни, какие мы сочли наиболее подходящими для нашего господства над ними. И после этого устроили их „воссоединения“. Эти новые объединения лишь по видимости были восстановлением национальных единств и блоков, а по сути это были совершенно новые образования, ибо их части были уже не тем, чем они были ранее»[747].

Роман Зиновьева о том, что получилось в результате этого насилия западоидов над человечеством и человеком. Его подход к изображению «глобального человейника» тотален. Он детально прописывает все сферы деятельности и существования новых землян. Политическое, экономическое, военное устройство. Идеология, культура, образование. Религия, духовная жизнь, наука. Интеллектуальная деятельность, психика, подсознательное. Рабочий день, отдых, еда, секс. Воспитание детей, обеспечение старости, реабилитация физически неполноценных людей. Историческая память, проекты будущего. Цифровые технологии. Освоение космоса. Каждый сущностный элемент человеческой жизни представлен в контексте его взаимодействий с другими составляющими. Зиновьев всё время держит в своём внимании целостную картину мира, которая видится ему как сложившаяся разветвлённая система отношений, горизонтальных и вертикальных связей. Он по-прежнему верен своему методу художественного восхождения от абстрактного к конкретному.

Главный герой «Глобального человейника», от лица которого ведётся рассказ, — всё тот же социальный отщепенец. Но он отщепенец западнистского образца. Он не хочет вступать в конфликт с миром. Он старательно следует всем правилами и наставлениям. Свои записки он ведёт для того, чтобы разобраться в устройстве окружающей его действительности, понять принципы её организации, найти способ выживания в ней. Он описывает те колоссальные усилия, которые предпринимает для того, чтобы быть *как все.* И всё же мы чувствуем, что его ждёт

неудача. Он слишком самобытен. Он — урод, хотя и здоров физически (физические калеки, которые также присутствуют в романе, куда более социально здоровы, чем он). Впрочем, именно это «уродство» героя даёт Зиновьеву возможность придать рассказу драматическую напряжённость, превратить социологический прогноз в роман — пробудить в читателе не только интерес, но и чувство.

В «Глобальном человейнике», как и в прежних романах Зиновьева, разрабатывается композиционная структура «социологического треугольника» («личность — учреждение — город»), модифицированного в соответствии с задачами проективного моделирования. Если в произведениях «реалистического» плана были представлены стандартные типы отношений и сами элементы триады носили усреднённый характер, то здесь Зиновьев использует конструкцию «необычная личность — необычное учреждение — необычный город». Будущее необычно! «Необычность» может носить самый разный характер (хотя и он выбирается Зиновьевым не произвольно, а в результате анализа совокупности множественных наблюдений), принципиально важен здесь сам сдвиг в содержательной структуре образа. Такое изменение позволяет Зиновьеву проблематизировать ситуацию и не только пересмотреть наново весь комплекс существующих отношений, но и поставить вопрос о возможности образования новых, выходящих за рамки стандартной схемы.

Если в социологическом произведении «реалистического» плана «личность», «учреждение», «город» открыты друг другу и находятся в отношениях *взаимопонимания,* то в «Глобальном человейнике», напротив, — все три элемента композиционной структуры отделены друг от друга, замкнуты в себе и практически ничего друг о друге не знают. Все привычные категории и параметры поставлены под сомнение и требуют принципиального пересмотра. Возникает ситуация неизведанного, тайны. В сюжет художественного исследования включается механизм интеллектуального приключения, детективного расследования, творческой авантюры. Перед читателем разворачивается динамичный конфликт перекрёстного слежения и накопления информации, её логической обработки и систематизации, с нарастающим интересом ожидает он неизбежную драму итогового взаимопознания. Интрига художественного прогноза реализуется в поступательном наращивании коммуникационных связей, образующихся между компонентами «социологического треугольника». Образ будущего возникает не по прихоти буйной фантазии художника. Он обусловлен логикой тех «необычных

отношений», которые неизбежны и обязательны в процессе общения «необычной личности» в «необычном учреждении», располагающемся в «необычном городе».

В основе мироустройства глобального человейника западнистского типа — деньги. Деньги приносят благополучие. Отсутствие денег — беду. Западоид не мыслит своего существования без денег. Они заменили ему всё. В том числе и базовые ценности классического Запада: свободу, демократию, право. Всё в глобальном обществе подчинено — напрямую и косвенно — деньгам. Власть, общественная жизнь, культура, религия, секс. Даже бунт и тот управляется специальными финансовыми структурами.

Денежный тоталитаризм — высшая форма закабаления, определяющая социальное лицо новой эры существования человечества. Западоид намертво привязан к деньгам. Его ум скован мыслью о заработке. Перспектива потерять работу и соответствующий источник существования, с одной стороны, и возможность получить более оплачиваемую должность, улучшить своё финансовое положение, обогатиться, с другой, обращают его в рабство не менее суровое и безжалостное, чем во времена классического рабовладения. Только в прежние времена всё было ясно и понятно: хозяин — в парче и золоте, раб — в цепях. В западнистском мире реальность замаскирована бутафорией обманов и мифов. Западоид — раб в парче и золоте. Он формально свободен и формально имеет право жить так, как ему хочется. Но система отношений в западнистском мире выстроена так, что он ни шагу не может ступить по своей воле. Даже сны он должен согласовывать с работодателем. Парча западоида искусственная, а золото фальшивое. Они — лишь видимость, имитация подлинного богатства и свободы. Они — искусственная парча и фальшивое золото — и есть цепи западоида. Они его давят, а он мечтает не о том, чтобы освободиться от них, а, напротив, стать ещё зависимее — дорваться до настоящей парчи и золота. Западоид живёт в рабстве добровольно и с удовольствием. Оно — его конечная цель.

Западоид — представитель нового биологического вида — *сверхчеловека*. В терминологии Зиновьева, сверхчеловек — это существо, биологически сходное с человеком, но социально качественно от него отличное. Это в какой-то мере биоробот, все действия и поступки которого — от рождения до смерти — социально запрограммированы. Его материальный статус определяет его место в человейнике и линию жизненного поведения. Сверхчеловек живёт в мире, где все социальные ситуации давно прописаны и регламентированы. На всё есть свой

протокол. С ним ничего не может случиться. Всё предопределено. У сверхчеловека есть существование, в меру комфортное, адекватное его положению, но нет судьбы.

Зиновьев исследует душу западоида и обнаруживает в ней зияющую пустоту. Живые чувства заменены искусными формами их внешнего проявления. Искренние реакции — набором выученных жестов и действий. Откровенные слова — готовыми фразами. Всё выверено и сбалансировано. Всему своё место и роль. Всё задано и унифицировано. Удобно и практично. Как одежда и обувь. И не беда, что всё — серийного производства. Ассортимент эмоциональных инструментов западоида так богат и многообразен, что создаёт иллюзию полноты существования. Но в реальности у него ничего за душой нет. И в душе нет. И души — как таковой — нет. Это отсутствие души, пожалуй, и составляет главную особенность сверхчеловека — существа, преодолевшего гуманизм.

Победа Запада над человечеством, как бы долго она ни длилась, закончится разрушением западнистской цивилизации, считает Зиновьев. Эгоизм западного человека, переродившись в сверхэгоизм западоида, из источника самосохранения обратится в источник саморазрушения. Участь грядущего западоида, участь сверхчеловека — умственная, духовная и физическая деградация.

«Глобальный человейник» стал художественным прощанием Зиновьева с Западом. Жить на Западе после этой книги ему уже было невозможно — неинтересно и ненужно. Возвращение было предрешено. Его отъезд *уже* состоялся.

«Глобальный человейник» вышел в издательстве «Центрполиграф» в 1997 году. Впервые, на финише своей литературной карьеры, Зиновьев опубликовал свой новый роман не в Лозанне и не в Париже, а в Москве. Двадцать лет спустя зеркально повторилась история публикации его первой книги. Тогда Зиновьев жил в Москве, а книга вышла в Швейцарии, потому что в Москве издать её было невозможно. Теперь он жил в Мюнхене, а книга появилась в Москве, и всё по той же причине — издать роман в Европе оказалось невозможно. Он снова написал книгу, которую опять пришлось печатать *за границей.*

Такое могло случиться только с ним!

«Моя позиция уникальная в том смысле, что я не принадлежал и не принадлежу ни к каким слоям, группам, партиям, — писал он Зальцбергу 8 марта 1997 года. — Я — „суверенное государство“, т. е. нечто вроде инопланетянина, изучавшего „человейник“ для отчёта моим неведомым (и несуществующим) соплеменникам. В общем-то, в мире просто нет научного в строгом смысле слова понимания человеческого

общества и человека. Есть дилетантизм, обывательщина, идеология. Я лишь приоткрыл дверцу к научному пониманию. А оно чуждо всем и недоступно всем, за редким исключением. Люди, включая самых выдающихся гениев, суть кретины в сфере социальных явлений. Есть исключения. Их можно пересчитать на пальцах. И они, как правило, порицаются. <…> И тут уж ничего не поделаешь. Объективное познание социальных явлений есть вечное табу человечества»[748].

Молодая журналистка «Московского комсомольца» Анна Ковалёва, предваряя своё интервью с ним, задорно писала: «Александр Зиновьев — один из самых скандально известных: писателей — раз, эмигрантов — два, диссидентов — три. Впрочем, сам он себя ни писателем, ни эмигрантом, ни диссидентом не считает. Русские мюнхенцы, услышав словосочетание „Александр Зиновьев“, реагируют так: „О-о-о-о!!! Он же монстр! Зачем он вам?!“ Зиновьев реагирует на них так же. Похожие отношения у Александра Александровича со всем миром. Обладая невероятной известностью и популярностью, он не примкнул ни к одной группировке. Назвать его своим не может никто: ни демократы, ни коммунисты, ни патриоты, ни ностальгирующие по прежним временам. Он открыт для всех и ни для кого. У него есть воспоминания, работа по заказу, страна, которой нет на карте мира, и жизнь без особого желания жить.

Его биография — возможный образец для современной сказки о Ланселоте. Он сделал всё, чтобы уничтожить дракона, но не стал ли он сам новым драконом?»[749]

Остался граф Роланд один и пеш.
Аой![750]

Нет! Не один! Был обитаемый «Остров Зиновьев».
Была Ольга. Он писал ей, к очередному дню рождения:

Какой жестокий ураган в России прогудел!
Какие страшные он причинил уроны!
И стал теперь России исторический удел,
Как вопль отчаянья, как близких похоро́ны.

Когда с тоски хоть в петлю лезь, хоть вой,
Когда от чёрных мыслей нету мне отбою,
Лишь стоит на тебя взглянуть, услышать голос твой,
Россию чувствую, она жива с тобою[751].

Была Россия.

«Глобальный человейник» стал его реквиемом классическому Западу, уходящему в историю под напором западнизма. Вместе со своим героем он с горечью констатировал: «То, что считалось высшим достижением прогресса человечности (доброта, любовь, дружба, сострадание, верность, бескорыстие, самоотверженность и т. п.) и казалось вечной ценностью, на самом деле было исторически преходящим явлением. Это были лишь яркие и благоухающие цветы прогресса человека. Они отцвели и опали — окончился период человечности. На их место пришли бесцветные и зловонные плоды — начался период сверхчеловечности. На место поэзии пришла проза плодов»[752]. День ото дня у него нарастало ощущение полной капитуляции классической Европы с её изысканными культурными ценностями и утончённой духовностью перед стандартизированными рецептами заокеанского благополучия.

Победив СССР, Америка принялась за Европу. Глобальное общество складывалось буквально на глазах. Процесс шёл с ошеломляющей скоростью. На планете образовывалась новая структура власти. Её центр располагался в США. Оттуда во все концы Земли исходили властные импульсы. События в Югославии с очевидностью свидетельствовали об утрате Европой собственной политической воли, её готовности поступиться любыми принципами в интересах нового планетарного лидера.

Зиновьев с болью наблюдал, как Европа, управляемая зависимыми от Вашингтона политиками, приносилась в жертву западнизму. В такой Европе ему стало трудно не только жить, но и дышать. И хотя его по-прежнему приглашали на выступления и конференции в разные концы Европы, брали интервью, печатали статьи, он внутренне уже переориентировался на Россию.

Он всё чаще стал появлялся на родине. В Европе, некогда им восхищавшейся и чуть ли не носившей его на руках, он теперь, чем дальше, тем больше, встречал отторжение и неприятие своих идей. Зато в России образовались силы, которые относились к ним с вниманием и сочувствием. Появились единомышленники. Защитники интересов России. Они порой расходились в тактике и средствах политической борьбы, но в основе их программ лежало созидательное начало. И он охотно общался с ними. Помогал, консультировал, подсказывал. Не все и не всегда следовали его советам, но неизменно прислушивались и, по крайней мере, считались с его точкой зрения. Он уже не чувствовал себя в России заезжим гастролёром, всё больше включаясь в общественную и политическую жизнь страны. Двадцать лет он

был лишён этой возможности.

Переломной стала осень 1997 года. В начале сентября он представлял «Глобальный человейник» на Московской международной книжной ярмарке, на встречах с читателями в книжных магазинах и клубах. У него состоялось несколько встреч с рядом ведущих оппозиционных политиков России. С заместителем председателя Государственной думы Сергеем Бабуриным, лидером депутатской группы «Российский путь». С депутатом Госдумы, бывшим советским премьер-министром, лидером депутатской группы «Народовластие», председателем Исполкома Народно-патриотического союза России Николаем Рыжковым. С лидером КПРФ Геннадием Зюгановым. Встречи носили официальный характер, проходили в атмосфере взаимного интереса и доверия. Он убеждал вести непримиримую борьбу с президентской командой и не идти ни на какие уступки.

Он был настроен гораздо радикальнее всех официальных противников Кремля. В те дни он говорил корреспонденту «Советской России»: «Я не могу предложить нашим людям какую-то программу — как действовать. Это только Бог, наверное, мог бы с абсолютной точностью предложить. Но остаётся реакция отчаяния. Вот во многих странах арабского мира она толкает людей на терроризм. И хотя это осуждают, хотя многие говорят, что это всё равно ничего не изменит, — неважно! Люди не могут просто по-другому жить! <…> По нашей земле ходят тысячи и тысячи предателей! Война! Понимаете, идёт война. Новая форма войны — на уничтожение нашего народа. Гораздо более страшная, чем Вторая мировая. И потери от неё уже раз в десять превосходят потери во Второй мировой. Впервые в истории русский народ направили на путь вымирания. Перспектива — быть истреблёнными, как истребили индейцев в Северной Америке. Это не преувеличение! И, как человек, считающий себя частью своего народа, я бунтую против этого. Да пусть идёт против меня целая армия. Пусть все армии мира идут! Я всё равно буду сопротивляться, насколько могу. По-моему, Россия вступает сейчас в такой период, когда с этого и только с этого может начаться что-то серьёзное. <…> Безнаказанность — вот что придаёт силу тем, которые сейчас громят Россию. В принципе, количественно они и не такие уж большие. Случись сейчас переворот — Россия в течение недели очистится от них. Они действуют, как всегда действуют бандиты. Нагло. Благодаря безнаказанности. А надо влепить по морде. Влепить по морде — вот что необходимо!»[753]

Конечно, для представителей парламентской оппозиции такие его речи были слишком категоричны. Он это видел,

понимал, но оставался на своём. Делясь с корреспондентами газеты «Правда-Пять» впечатлением от общения с представителями оппозиционных сил, он не скрывал своего разочарования: «Как исследователь-социолог я не вижу общественных сил, способных спасти Россию сегодня, немедленно. И не могу заявлять иное, чтобы понравиться оппозиции, которой, как мне кажется, грозит интеграция во власть. Путь конформизма, приспособленчества при всём трагизме ситуации в стране не содержит в себе созидательного, конструктивного начала. И никакие „круглые столы“ тут не помогут»[754]. И всё же он чувствовал возможность положительных преобразований и сохранял умеренный оптимизм: «Как историк, многие годы изучавший прошлое России, позволю себе и другой прогноз. Убеждён в способности нашей цивилизации найти в себе внутренние силы и выдвинуть молодёжь, способную взять на себя ответственность за судьбы Родины. В начале Великой Отечественной войны тысячи бойцов сдавались в плен. Но другие тысячи, считая себя обречёнными, вступали в последний, как им казалось, бой и побеждали. Рано или поздно протест нашей молодёжи должен состояться, и не обязательно в теоретической форме. У каждого человека — своя амбразура»[755].

В эти же сентябрьские дни он был избран действительным академиком Академии Российской Словесности — недавно образованного союза российских литераторов и деятелей культуры. Свои цели, согласно уставу, Академия видела «в защите русского литературного языка, в поддержке просветительских и нравственных тенденций в книгоиздании, в консолидации всех здоровых творческих сил и в укреплении общей духовности всего современного российского общества». Возглавлял АРС драматург Виктор Розов. Зиновьев был избран вице-президентом.

Спустя месяц он был вновь в России. Ему исполнялось 75 лет. Впервые его юбилей торжественно отмечался в Москве. 29 октября его чествовали в зале Президиума Академии наук на специальной сессии Академии социальных наук России. Во время заседания ему под всеобщие аплодисменты были вручены диплом, мантия и шапочка действительного члена Академии. Он выступил с докладом.

Даже в этот торжественный час он говорил о главном — о своей боли за Россию. Его выступление было посвящено тому трагическому повороту в мировой истории, который начался с гибели СССР и поражения коммунизма как социальной альтернативы развития человечества. Он дал характеристику

процессам, идущим в стране и мире. Говорил об угрозе превращения России в новую колонию Запада. О разрушительности политики, проводимой президентом по указке из Вашингтона. О её предательской по отношению к России, русскому народу и русской истории сути. «Поверьте, я вовсе не рад, что многие мои предсказания сбылись, — говорил он. — Да, я буквально кричал, что в условиях кризиса, который к началу восьмидесятых годов постиг нашу страну, ни в коем случае нельзя начинать перестройку, ибо она страну разрушит. Но Горбачёв, ещё не ставший Генсеком, уже прибыл в Англию, и уже из визита этого, из всего его поведения там стало ясно: начинается эпоха великого предательства»[756]. Глубокий анализ ситуации в сочетании со страстной публицистичностью не оставили в зале равнодушных.

А потом были приветственные речи и поздравления. О нём как выдающемся сыне России, о его мужественной гражданской позиции, о его научной честности и бесстрашии говорили в своих выступлениях президент Академии наук академик Г. Осипов, В. Розов, Н. Рыжков, С. Бабурин, главный редактор газеты «Правда» А. Ильин, поэт и артист М. Ножкин, депутат Государственной думы В. Шандыбин. Пожалуй, он никогда ещё не слышал из уст соотечественников столько слов благодарности в свой адрес. Невольно наворачивались слёзы. В заключение он смог сказать только одно слово: «Спасибо!» Он был взволнован как никогда.

На другой день состоялось его своеобразное примирение с Институтом философии. По инициативе заместителя директора института А. А. Гусейнова, с которым он познакомился в Германии ещё в 1992 году и которого как-то сразу полюбил, и В. И. Толстых состоялось его чествование в зале учёного совета. Это было символично. Когда-то именно в этом зале решалась его участь советского философа. Но прошлое он всегда оставлял в прошлом. Встреча была живой и неформальной. Он не держал ни на кого зла в душе. Благодарил за внимание. Готов был общаться со всеми, кто этого хотел.

Потом была поездка в Кострому. Собственно, она была в этот раз главной целью его визита в России. На малую родину он приехал 2 ноября во втором часу ночи. А в семь был уже на ногах. В девять — приём у губернатора В. А. Шершунова. В десять — встреча со студентами педуниверситета. Актовый зал переполнен. Микрофона нет. Приходится повышать голос, чтобы слышали задние ряды. Слушают внимательно. В сосредоточенной тишине.

Ровно в двенадцать — зал Дворянского собрания. Здесь также все места заняты. Времени на встречу отведён только один час, но

слушатели не хотят отпускать его, окружили, засыпали вопросами, просьбами об автографах. После обеда — в гости в мастерскую народного художника России Алексея Белых. Познакомились с ним в Мюнхене на открытии выставки. Встретились как старые друзья. Белых работает в реалистической манере. Его картины наполнены мягким светом и сдержанным лиризмом. Алексей Павлович показывает новые работы, дарит на память костромской пейзаж.

От него — на экскурсию в Ипатьевский монастырь. В его стенах когда-то начиналась романовская глава истории России. Архитектура Троицкого собора, удивительный резной иконостас, невероятное богатство настенных фресок вызывают восхищение и радость.

Далее — встреча в литературном музее с творческой интеллигенцией города. Среди собравшихся многие хорошо знакомы с его творчеством, читали и романы, и публицистику. Разговор идёт предметный, заинтересованный. Регламент встречи опять превышен, а ведь его ждут на прямой эфир местного телевидения.

«Такого насыщенного дня у меня в жизни давно не было», — признался он вечером костромскому журналисту Евгению Зайцеву, сопровождавшему его всё это время. «И каково впечатление от встреч с костромичами?» — «Ошеломляюще!»[757]

По просьбе Зайцева он написал небольшое обращение к костромичам, факсимиле которого было опубликовано через день в местной газете: «Я пробыл в Костроме всего один день. Но этот день оставил в моей душе такой след, что я его не забуду никогда. Я впервые за много лет ощутил себя частичкой моего народа, причём — нужной ему. На прощание хочу пожелать моим землякам-костромичам налаживать здоровую жизнь в самих её основах так, чтобы наши потомки вспоминали нас с благодарностью, а не с проклятиями»[758].

Тогда же он сказал, что завещал развеять свой прах над родным селом. Интервью, в котором он сообщил об этом своём решении, Зайцев озаглавил словами: «В Россию вернусь точно»[759].

В эту осень ему на всех встречах обязательно задавали вопрос: «Когда вы вернётесь?».

Спрашивали простые читатели. Спрашивали знакомые. Спрашивали политики.

Спрашивали не из праздного любопытства.

Видно было, что не только его слово, его мысль нужны людям. Нужна его личность.

Он сам.

Рядом. Не за тридевять земель. Чтобы можно было при необходимости подъехать посоветоваться, поговорить. Обсудить ситуацию сразу и с глазу на глаз, доверительно. В режиме реального времени. Чтобы можно было попросить его выступить, но не через неделю, не через месяц, а прямо — завтра. С трибуны, по радио, на телевидении, в университетской аудитории.

Его не просто ждали на родине. Его — *заждались*.

Всё это было, конечно, здорово и вдохновительно. Не могло не радовать. Но он был реалистом. «Действительно, время назрело, — признавался он Зайцеву. — Запад меня уже не интересует. Я его знаю, как свои пять пальцев. А то, что происходит в России, достойно изучения. Но согласитесь, переезд — вещь не простая! Два маленьких переезда равносильны одному пожару. Каково же поменять страну? Надо учитывать многие-многие проблемы»[760].

Возвращайтесь в Россию, говорите. Хорошо! Но куда? Конкретный адрес: улица, дом, номер квартиры. У него нет миллионов, чтобы купить жильё в Москве. А прежнее отобрали ещё в 1979-м. И в качестве кого? Пенсионера? Тогда назначьте пенсию. Преподавателя? В какой вуз? На какую ставку? Чем жить? А жена, дочь? Какова будет их судьба в новой России? Они здесь точно — никому, кроме него, не нужны. Ольга — человек сильный, справится (хотя нужны ли ей эти новые испытания?). Но Ксения? Не велика ли цена? Он слишком хорошо знает, *чего* стоил их отъезд Полине. Он не хочет подобного повторения для Ксении. Тем более что сменить благополучную, размеренную, понятную жизнь в Германии на непредсказуемую, убогую и криминализированную действительность России будет для неё во много раз травматичнее, чем когда-то Полине привыкать к Западу. А вы говорите, возвращайтесь!

Да и из Германии просто так не уедешь: есть различные обязательства, кредиты, страховки и т. п. «Это одна из насущнейших и трудных проблем. Чтобы решить её, если всё пойдёт хорошо, потребуется год. Ведь на Западе как? К примеру, хозяин банка ходит ко мне в гости. Он во всём может помочь, что не касается банковских операций, а в них он — непреклонен»[761].

Не говоря уже об организационной и финансовой стороне переезда. Кто всем этим будет заниматься? Выдворяло его за пределы страны государство. Но того государства нет. А пришедшее ему на смену вряд ли возьмёт на себя какие-либо обязательства в отношении своего яростного противника Александра Зиновьева. Оно, скорее, предпочло бы выдворить его ещё раз, лишить возвращённого Горбачёвым гражданства. Увы!

Возвращение теперь только их с Ольгой частное дело, и, чтобы на него решиться, нужно взвесить силы и возможности. Хватит ли? Возраст отнюдь не юношеский. Двадцать лет назад у них не было выбора, сейчас — совсем иное дело.

Резоны весомые.

Ему обещали помочь. И с квартирой. И с работой. Для начала предложили написать заявление на имя всесильного мэра Москвы Ю. М. Лужкова, одобрительная виза которого вскоре была получена.

С работой — ещё проще. Уже с 1 ноября он был принят на работу главным научным сотрудником в Институт социально-политических исследований РАН с оплатой труда по 17-му разряду. Крохи, конечно, но важен и статус.

Так, «тихими стопами», как говорил герой Достоевского, началось реальное возвращение. На решение всех проблем уйдёт ещё полтора года. Потребуются колоссальная энергия Ольги и поддержка влиятельных лиц, чтобы разложить весь пасьянс квартирно-имущественных и организационно-хозяйственных вопросов.

Возвращение — вещь серьёзная.

А внутри него вызревала новая книга. После «Запада» и «Глобального человейника», в которых он первым зафиксировал ситуацию нового цивилизационного перелома, связанного с переходом социального бытия человечества на новый уровень — «сверхобщества», ему как мыслителю необходимо было эту проблематику переосмыслить и представить в форме всесторонне развитой, цельной системы. В свете выдвинутой им теории «сверхобщества» ему теперь по-новому виделся советский социальный эксперимент. Он представал не как некий исторический вывих, решительное отклонение от столбовой дороги развития европейской цивилизации, а как первый опыт создания «сверхобщества». На основе коммунистической идеологии. А западнизм — не столько как альтернатива коммунизму, сколько как одна из модификаций «сверхобщества». Более поздняя по отношению к коммунизму. Учитывающая достижения и ошибки своего социального конкурента. В соответствующем свете требовалось охарактеризовать и те социально-исторические процессы, которые, как казалось многим, спонтанно возникли после окончания холодной войны и шли по всему миру в неуправляемом режиме — развал прежних «империй» и союзов, вспышки межнациональной розни, экономический кризис, гражданские конфликты, региональные войны с участием интернациональных наёмников, образование крупных международных террористических организаций. Для

понимания современности и научного прогнозирования будущего нужна была социологическая «таблица Менделеева».

Такую «периодическую таблицу социологических элементов» Зиновьев создаёт в книге «На пути к сверхобществу», над которой работает в течение 1998 года. Это объёмный труд, занимающий более шестисот страниц. Однако, как справедливо пишет в предисловии к ней А. А. Гусейнов, «изложить взгляды Зиновьева популярней и короче, чем это сделал он сам в данной книге, невозможно. Его текст является предельно ясным, точным и популярным (кстати, одно из требований отстаиваемого им научного подхода и состоит в том, чтобы „сделать тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то, и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний“); он популярен в том же смысле, в каком можно считать популярной, например, таблицу умножения. Одновременно с этим он настолько краток, экономичен и лишён беллетристичности, что в этом отношении, на мой взгляд, достигнут максимум возможного»[762].

Открывается книга большим «Методологическим очерком». В нём в систематизированном виде представлены все необходимые интеллектуальные инструменты, которые использованы Зиновьевым при разработке его теории. Многие из них читателям Зиновьева знакомы ещё со времён «Зияющих высот», однако научная добросовестность и ответственность требуют от автора не игнорировать их как якобы уже известные и очевидные. Зиновьев не обязывает своего читателя знать все его предыдущие труды. Он допускает, что его книгу может читать человек, который впервые слышит само его имя, но которого заинтересовала тематика. И этот человек, так же как и тот, кто следил за его творчеством в течение многих лет, должен, уверен Зиновьев, понять всё, что в книге написано. Как и для прежних книг Зиновьева — впрочем, как и будущих, — для трактата о «сверхобществе» очень важен просветительский или, как говорил сам Зиновьев, проповеднический пафос. «Методологический очерк» — пропедевтический курс, затачивающий мышление читателя на освоение основного теоретического содержания книги.

Зиновьев вводит понятие «человейник» для обозначения одного из главных предметов своей социологической рефлексии и выделяет три типа «человейников» — «предобщество», «общество» и «сверхобщество». Этим понятиям он в соответствующих частях книги даёт предварительные определения и предлагает их экспликацию, развёрнутое описание каждого типа, охватывая все стороны и формы его существования и проявления. Специальные

разделы посвящены таким историческим формам «человейников», как «западнизм» и советский коммунизм, в которых особое внимание уделено элементам «сверхобщества». Механизм и пути возникновения «сверхобщества» представляют для Зиновьева наибольший научный интерес. Им посвящена основная часть книги.

В заключительной части Зиновьев обращается к перспективам развития человечества на пути строительства «глобального человейника» западнистского типа. Он развенчивает идею «глобального общества» как инструмент западнистской пропаганды, направленный на идеологическое обеспечение новой эксплуатации странами Запада всех прочих стран и народов планеты. Ни о каком равенстве и партнёрстве, о которых твердят сторонники «глобального общества», речи быть в принципе не может, утверждает он. Запад не для того приложил столько усилий для достижения своего лидерства на планете, чтобы потом даром делиться своими достижениями с отставшим человечеством. Он поделится, даже более того — заставит взять, но отнюдь не просто так. Ценой будет — порабощение.

«Сама идея „Глобального общества“ есть идея западная, а не всеобщемировая, — разъясняет Зиновьев. — Инициатива и усилия движения к такому объединению человечества исходят от Запада. В основе его лежит не стремление различных стран и народов планеты к объединению — такое стремление появляется чрезвычайно редко, — а стремление определённых сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать всё человечество в своих конкретных интересах, а отнюдь не в интересах некоего абстрактного человечества. Мировая экономика есть прежде всего завоевание планеты транснациональными компаниями Запада, причём в интересах этих компаний, а не в интересах прочих народов планеты. Некоммерческие международные организации в подавляющем большинстве суть организации западные, контролируемые силами Запада и так или иначе поддерживаемые и используемые ими. Мировой информационный порядок есть порядок, устанавливаемый странами Запада, и прежде всего — США. Фирмы и правительство США осуществляют контроль глобальной коммуникации. Западные медиа господствуют в мире. Мировая культура есть прежде всего американизация культуры народов планеты. Одним словом, идея „Глобального общества“ есть лишь идеологически замаскированная установка западного мира, возглавляемого США, на покорение всей планеты и на установление своего господства над всем прочим человечеством»[763].

Зиновьев нисколько не осуждает Запад за его действия. Он видит в них логическое развитие западнистской цивилизации, обосновывает неизбежность и необходимость их. «Стремление западных стран к овладению окружающим миром, — пишет он, — не есть всего лишь злой умысел каких-то кругов этих стран — „империалистов“. Оно обусловлено объективными законами социального бытия. Более того, овладение другими странами и народами стало необходимым условием выживания стран и народов Запада. Оно есть принудительное средство сохранить достигнутое положение и выжить в угрожающе сложных исторических условиях. Всем ходом исторического развития Запад вынуждается на то, чтобы установить мировой порядок, отвечающий его интересам. Он не просто имеет возможности и силы для этого, он уже не может уклониться от этой эпохальной задачи. В ходе „холодной войны“ была выработана стратегия установления нового мирового порядка — стратегия создания реального „Глобального общества“. Я называю её словом „западнизация“»[764].

Зиновьев констатирует факт победы именно западнистского проекта «сверхобщества» и рисует те сценарии, по которым с наибольшей вероятностью будет идти его реализация. «Была разработана также и тактика западнизации. В неё вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественного устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать её. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать население страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна встанет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению её экономики, порождает паразитизм в стране и создаёт Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв её прежнего образа жизни»[765].

По мнению Зиновьева, человечество вступило в эпоху безальтернативного социального развития. «До недавнего времени главными конкурентами в борьбе за мировую эволюцию

были коммунизм и западнизм, — подводит итог Зиновьев. — После поражения советского коммунизма инициативу захватил западнистский вариант эволюции. Прочие варианты (мусульманский мир, Африканский континент, Южная Америка) суть либо эволюционные тупики, либо подражания западнизму, либо зоны колонизации для Запада. Во всяком случае, что бы ни происходило в этих регионах, изменить направление социальной эволюции уже невозможно в силу закона эволюционной инерции. А изменить направление эволюционного процесса внутри самого западного мира невозможно в силу его внутренней социальной организации. Поражение коммунистического мира в „холодной войне“ надолго (если не насовсем) похоронило возможность и даже идею социальной революции»[766].

Книга рождалась не только за письменным столом, усидчивым трудом писателя. Творческий процесс занимал собой весь объём жизни. Каждая беседа, каждое интервью, статья, каждое выступление вносили вклад в работу. В них оттачивались формулировки, развивалась аргументация, уточнялись положения. Это была привычная для него, хорошо отработанная за годы технология интеллектуальной деятельности. Но в отличие от прежних лет его собеседниками теперь в основной массе своей были соотечественники, для которых его слова были понятны не только по языку, но и по сути. Их связывал общий историко-культурный и социально-политический опыт. В живых реакциях слушателей — сочувственных, недоумённых, заинтересованных, полемических — возникал необходимый каждому автору творческий азарт.

Кроме ставших уже привычными визитов в Москву, в 1998 году он совершил несколько поездок по России и СНГ. В марте по приглашению администрации Псковской области гостил в Пскове. Программа пребывания, как обычно, была насыщенной и напряжённой. Он побывал в пединституте, в Областной научной библиотеке, в администрации губернатора. Встречался со студентами, творческой интеллигенцией, политической элитой. Из Пскова отправился в Питер. Здесь в течение недели читал студентам и преподавателям Санкт-Петербургского университета курс лекций по социологии. Выступал на телевидении. Общался с представителями оппозиционных политических сил.

В мае летал в Кишинёв, где принял участие в международном форуме «За культуру мира и диалог цивилизаций против культуры войны и насилия». На форуме познакомился с ректором Московского гуманитарного института И. М. Ильинским, оказавшим ему впоследствии серьёзную помощь. «Три дня

практически не разлучались, — вспоминает Ильинский, — говорили и говорили до самой ночи. Было интересно, разговоры получились очень содержательными»[767].

В дело шли и встречи с западными читателями. В апреле в Италии в издательстве «Спирали» вышел перевод «Глобального человейника». Книга мгновенно стала бестселлером. Последовала вереница рецензий. Он совершил два турне по Италии (летом и осенью). Выступал в Милане, Риме, Палермо, Болонье, Падуе, Венеции. Дал серию интервью.

И везде его слово было точно, строго, безжалостно к иллюзиям. Звучало уверенно и сильно. Наступательно.

Они наконец купили квартиру в Москве. (По поручению Лужкова, с учётом всех обстоятельств, правительство Москвы сделало солидную скидку.) В Чертанове. В спальном районе. В нескольких минутах ходьбы от станции метро «Чертановская». В огромном, необычной архитектуры доме, издалека напоминающем то ли пароход, то ли гигантский муравейник. Рядом — пруд, парковая зона. Не самое престижное место столицы, но удобное и спокойное. Квартира большая, пять комнат. Можно не только нормально жить и работать, но и принимать людей, прессу.

Итак, Рубикон перейдён. После ремонта можно вселяться.

Прощай, Германия! Прощай, Европа! Прощай, Запад!

Символической чертой для них стала смерть Шарика. Новый, 1999 год они встречали в Москве. Впервые поехали втроём — с Ксенией. На время отъезда уход за собакой поручили Полине. И хотя она была отнюдь не чужим человеком, Шарик был расстроен, в тревоге. Не хотел покидать дом и перебираться к Полине. Отказался выходить из родительской машины. Даже укусил, когда она стала настаивать. Звериным чутьём он определил, что прежней жизни приходит конец.

И умер. В одночасье.

Поставил точку.

Они вернулись в *пустой* дом. Жить в нём стало неуютно. Да и не хотелось больше. Все мысли уже были в Москве.

Не хотелось больше жить и в Европе.

«Общеевропейский дом», о строительстве которого так усиленно и с воодушевлением говорили все 1990-е годы, ещё недостроенный, уже рушился в огне балканских событий. К марту 1999 года они достигли своей кульминации. Вооружённые силы НАТО в нарушение всех международных правил и Устава ООН, без санкции Совета Безопасности, начали военную операцию

против Югославии. Бомбардировке подверглись военные и гражданские объекты в Белграде, Приштине, Нови-Саде, Подгорице, Сомборе, Нише и других городах.

С самого начала югославского конфликта Зиновьев был на стороне единой Югославии. Он не сомневался в том, что междоусобная распря на Балканах спровоцирована западными спецслужбами. События в Боснии и Косове он расценивал как «пилотную» акцию западнистских сил, отрабатывающих на этом «полигоне» сценарии и приёмы нового колониализма. Он воспринимал Югославию как очаг активного сопротивления глобализации и горячо высказывался за её поддержку. Он неоднократно бывал в Белграде, встречался с президентом Республики Сербской Радованом Караджичем, высказывался в поддержку президента Союзной Республики Югославии Слободана Милошевича, высоко ценил их политическое мужество и стойкость. Приводил в пример российским политикам, предавшим свою страну и народ.

23 марта 1999 года, в день, когда началась бомбардировка Югославии, он выпустил заявление «Я с вами, сербы!», в котором писал: «Сербы! Я — русский человек. Историческая судьба сроднила нас, русских, с вами одной и той же трагедией. У нас с вами был общий смертельный враг в 1941–1945 годах — фашистская Германия. Мы сражались вместе. Мы больше всех потеряли человеческих жизней. Мы тогда выстояли. Мы тогда спасли человечество от самой страшной (по тем временам) угрозы — от фашизма. И вот мы вновь имеем перед собой общего врага — рвущийся к мировому господству западный империализм. Этот враг во много раз сильнее фашистской Германии. Он так же жесток, так же беспощаден, коварен, лжив. И у него те же цели в отношении нас, русских, и вас, сербов: разгромить нас и в конечном счёте истребить. Мы, русские, уже понесли от этого врага потери в войне с Германией. Нас уже направили на путь деградации и вымирания. И ваша судьба во многом сходна с нашей. Но между нами есть огромная разница. Мы, русские, капитулировали перед этим врагом. Мы предали всё то, что было достигнуто нами ценой невероятных жертв в прошлые годы. Мы предали всех тех, кто был с нами и кто с надеждой смотрел на нас. И теперь мы превращаемся в зону колонизации для Запада. А вы не сдаётесь. Вы сражаетесь за свою независимость. Мне стыдно за мой народ. Я восхищаюсь вашей решимостью противостоять врагу, в десятки и сотни раз превосходящему вас по силам, противостоять в обстановке, когда мощнейшие средства западной пропаганды клевещут на вас, поливают вас помоями, мобилизовали против вас сотни

миллионов идеологически оболваненных западных людей. Это подвиг исторический. Ваше сопротивление есть не просто сражение за Сербию. Это — сражение и за нас, русских, позорно бросивших поле исторических битв. Это сражение за всё человечество, которому угрожает воинствующий западный империализм. Чем бы ни кончилось ваше противостояние западным агрессорам, вы уже победили самим фактом противостояния, самой решимостью бороться за независимость, за свой путь эволюции. И в этой вашей борьбе я с вами! Я желаю вам мужественно стоять так до конца. Браво, сербы!»[768]

Бесчестная война каждый день уносила десятки жизней, обрекала на бегство тысячи мирных граждан. Он не мог спокойно смотреть на бойню, которую страны НАТО устроили в Югославии. Его приводила в отчаяние и безучастная политика России. Как русский писатель, он не мог молчать. 20 апреля 1999 года он опубликовал проникнутое болью и горечью воззвание «Русские, восстаньте!». «Убивают страну, а Россия спокойно на это смотрит! — негодовал он. — Есть же у русских возможность брать в руки оружие, есть возможность стрелять. Даже быть убитым — это и то уже форма протеста. Неужели непонятно: всё это запланировано, сейчас идёт проба сил, а со временем коснётся и нас. Россию сотрут с лица земли, русских истребят. Так нет же: все в России живут так, будто ничего не происходит! Но есть же в стране правительство, вооружённые силы, генералы. Если бы Россия проявила себя более серьёзно, пошла хоть на какие-то жертвы, эти западные вояки наложили бы в штаны от страха. А в России все ждут подачки от МВФ: ах, как бы их чем не разгневать, как бы не сказать поперёк. Мне сегодня очень больно от того, что мы, русские, капитулировали перед мировым противником, предав то, что выстрадали ценой невиданных жертв, предали самих себя, своих предков и своих потомков. Предали, бросив их на растерзание общим врагам. И уж совсем невыносимо больно от мысли, что такая же участь ждёт нас самих. Русский народ, восстань же, в конце концов, против нашего общего смертельного врага!»[769]

Как мог он стремился донести свою позицию и до западной аудитории. Он не уставал повторять при каждой возможности, что война на Балканах — это война против самой Европы. Лишь единичные его интервью доходили до печати. Никто не хотел расстраивать себя правдой. Под натиском всемогущей пропаганды свобода слова, бывшая столько лет незыблемой ценностью европейской культуры, уступала свои позиции, извращалась, становилась фантомом.

О надвигающейся деградации европейского мира он говорил

на конгрессе швейцарского ПЕН-центра «Писатели и свобода самовыражения», прошедшем 7–8 мая в Лугано. Его доклад «Проблема свободы самовыражения» был воспринят с напряжённым вниманием и горячо обсуждался. В нём он обратил внимание коллег на то, что уход с исторической сцены коммунизма и СССР ознаменовал не только наступление посткоммунистической эпохи, но и постдемократической также, так как все достижения западной демократии, которые использовались организаторами холодной войны в качестве эффективного оружия против коммунистического строя, оказались больше им не нужны. Наступает эпоха нового «демократического тоталитаризма», когда самобытность и самостоятельность народов только препятствуют процессу глобализации и потому подвергаются насильственной унификации. «Свобода творческого самовыражения как отдельных личностей, так и целых народов стала втискиваться в рамки ограничений, облекаемых в иллюзорную форму либеральной демократии. В страны Западной Европы тоталитарная демократия приходит на смену демократии либеральной в виде насильственной американизации и глобализации. За стремление западного мира к господству над всем человечеством западным людям приходится так или иначе расплачиваться путём установления у себя дома новой формы тоталитаризма. Либеральная (гражданская) демократия теряет смысл и становится неуместной в новом мировом порядке»[770].

Он покидал Европу без сожалений. «Я Запад никогда не принимал, и Запад не стал моим миром, — говорил он интервьюеру „Белорусской деловой газеты“. — Он был для меня чужим, чужим и остаётся. В своё время Россия не приняла меня, а я не принял Запад. Я возвращаюсь, потому что больше здесь находиться не могу. Запад есть враг России, враг моего народа. И поэтому моё место — на родине»[771].

20 мая 1999 года ОВД «Чертаново-Северное» города Москвы выдало Александру Александровичу Зиновьеву, 1922 года рождения, паспорт гражданина РФ 45 98 407751.

«Суверенное государство» Александр Зиновьев вошло в состав России.

Ещё месяц ушёл на сборы. И вот настал день возвращения. 30 июня 1999 года. Накануне европейская и российская пресса сообщила о предстоящем событии. Корреспондентов интересовало, почему Зиновьев возвращается в Россию именно сейчас, чем вызвано его решение. Его ответ был прост: «Мне многие говорят, зачем ты едешь, там сейчас плохо, трудно, ты не

представляешь даже как. Знаю, что плохо, может, и не представляю насколько. Но именно потому, что плохо, я и возвращаюсь. Я никогда бы не вернулся, если бы в России было хорошо — хорошо в их западном духе»[772].

Его спрашивали, с каким настроением он возвращается на родину. Что мог он ответить? Всё совсем не так, как хотелось бы: «В моём возрасте и в этом состоянии трудно говорить о каком-то настроении. С одной стороны, я рад, что возвращаюсь на Родину. С другой — я знаю, в каком плачевном положении она находится. Конечно, мне хочется помочь ей и её народу. Но вопрос — кому я буду помогать? Та Россия, какой она получилась, — её я не приемлю в смысле социально-политической системы. Та система, которая была, — она меня не приняла и вышибла. Кто бы что ни говорил, но вместе с крахом коммунистической системы рухнула и Россия. Прежде всего она рухнула как национальное государство. За последние десять лет продолжительность жизни её населения сократилась на десять лет. Два миллиона детей покинуло семьи и стало беспризорниками. До пяти миллионов детей школьного возраста не посещают школы. Там двенадцать миллионов безработных, ужасающе растущее число наркоманов, алкоголиков, проституток. Короче, там успешно реализуется программа хорошо известного всем нам Збигнева Бжезинского, заявлявшего, что для русских хватит и пятидесяти миллионов, т. е. Россия постепенно становится колониальной страной со всеми вытекающими последствиями. Поэтому и настроение у меня противоречивое, и чувства противоречивые. Единственно, что меня как-то успокаивает, — это то, что несколько раз побывав там, я встретил людей, которые, по их выражению, работают в пользу любой России и надеются на её выздоровление. Я хочу быть среди этих людей»[773].

Интересовал и другой вопрос. Чем он будет заниматься. Наукой, литературой, политикой? Да тем же, что и раньше. Читать лекции, писать статьи и книги, принимать участие в общественной жизни. Жить согласно своим принципам и взглядам. «Я знаю, что я должен делать, и я это делаю. Я продолжаю исследовать западное общество, ситуацию в России, делаю прогнозы относительно того, что происходит и что будет происходить. Я буду сообщать результаты своих исследований своим соотечественникам, но как они этим воспользуются, это их дело. Я вовсе не строю иллюзий на этот счёт»[774].

Что точно, то точно. Он всегда жил без иллюзий. И теперь готов был ко всему.

Утром в Париже на первой полосе «Le Monde» появилось его прощальное объяснение с Западом «Почему я возвращаюсь в

Россию». Он напоминал, как он оказался в эмиграции и почему вынужден был так долго жить на чужбине вопреки своим взглядам и интересам. Он напоминал, каким было то время и какой была в те годы Европа. Он писал о тех катастрофических переменах, которые произошли в России и на Западе в последнее десятилетие. Он констатировал капитуляцию человечества перед экспансией глобализма и американизации. Он отрекался от Европы, предавшей свои социальные идеалы и достижения — демократию, либерализм, свободу слова, плюрализм, нравственные императивы, от Европы, допустившей разгром России и бесчеловечную войну на Балканах. «Решающим мотивом моего возвращения является не то, что я еду в свою страну, а то, что я оставляю Запад, который стал моим врагом»[775]. Он предупреждал, что слепое подчинение интересам США приведёт страны Европы к разрушению самих основ европейской цивилизации и к утрате национального суверенитета. Он говорил об этом с болью и выражал надежду, что Россия ещё сыграет свою роль в борьбе за сохранение европейских ценностей. «Возвращаясь в Россию, я остаюсь верен самим принципам Западной Европы»[776].

В Шереметьеве никакой официальной встречи организовано не было. Ждали только родственники и друзья. Сестра Ольги — Светлана. Из Института философии — А. А. Гусейнов и В. И. Толстых. Но не в качестве представителей учреждения, а в частном порядке. Из политиков, тоже без официальных полномочий — С. Н. Бабурин, В. Б. Исаков, С. А. Глотов. Благодаря их статусу для встречи был предоставлен VIP-зал, что хоть немного придало моменту торжественности. Присутствовала и пресса — газетчики, телевидение. А вообще, если бы была возможность, власти предпочли бы умолчать факт его возвращения, как в 1978-м умолчали его высылку на Запад. Странным образом, многое напоминало то злопамятное лето, хотя ведь с тех пор не просто двадцать лет прошло, а мир перевернулся. Остался верен себе только он, вечный отщепенец. На все времена. Во всех мирах. При всех властителях и режимах.

Из аэропорта поехали в двухкомнатную квартирку Светланы. В Чертанове всё ещё шёл ремонт. Хотя Полина не собиралась в скором времени перебираться в Москву, она вместе с мужем Манфредом также прилетела с ними. Да и как иначе! Без неё возвращение было бы неполным. В итоге его вторая жизнь в Москве опять начиналась с «коммуналки», пусть и родственного наполнения. Правда, на другой день Светлана с Ксенией уехали в деревню.

По дороге из аэропорта Бабурин обратил его внимание на

рекламный баннер на Ленинском проспекте: «Воров — в тюрьму! Зиновьева — в Думу!» А может, сразу в президенты?

«Вечерняя Москва» «приветствовала» его возвращение разнузданной заметкой «Зиновьев тут как тут». В модном хамоватом тоне сообщалось: «Писатель и философ Александр Зиновьев возвращается в Россию. Зиновьев, конечно, не Солженицын. Хотя и любит давать телеинтервью в таком же, как и у автора „ГУЛАГа“, френче. Зиновьева изгнали из страны 21 год назад, как водилось тогда, за убеждения. В 1976 году он опубликовал на Западе недостаточно советскую книгу. Сам утверждает, что сначала его хотели расстрелять, но передумали. Но диссидентом и антисоветчиком Зиновьев себя не признаёт. И утверждает, что жизнь на Западе была для него „настоящим наказанием“. Горбачёв вернул вынужденному эмигранту советское гражданство, однако в ответ никакой благодарности не последовало. Генсек КПСС оказался в глазах Зиновьева „предателем“, начавшим разрушение страны (Ельцин — продолжатель). Вдали от униженной родины Зиновьев жил лекциями, книгами и воспоминаниями о былом могуществе СССР. А временами наезжал в Россию. Его друзья — коммунисты. „Правда“ и „Советская Россия“ ловят каждое его слово. Он говорит о том, что Россия должна „сопротивляться западнизации“, что советская система — самая для неё подходящая, а Сталин — идеальный политический деятель… Александр Зиновьев возвращается вовремя. Запад окончательно ему опостылел, а в России — выборы: лучший сезон для очередного „мессии“»[777].

Что ни предложение, то либо враньё (никогда не носил он френча), либо передёргивание, либо какие-то двусмысленные намёки («сам говорит», читай — выдумывает), подмигивания, усмешечки (типа, нам бы такое «наказание»). Пошло и подловато. Новая русская свобода слова! Правда, почему-то очень напоминает донос (Ельцина не любит, друзья — коммунисты, сам — сталинист, рвётся к власти). Характерно, что заметка без подписи. Классическая советская анонимка.

Вот он и на родине. Дома!

ПРОПОВЕДЬ ОТЩЕПЕНЦА

«Зиновьев, конечно, не Солженицын», но на следующий день Мраморный зал Центрального дома журналиста в Москве был переполнен. На пресс-конференцию собрались десятки журналистов российских и западных СМИ. Давно он не привлекал такого массового внимания прессы, и, как он понимал,

вряд ли в будущем возникнет ещё раз подобная ситуация. Этой кафедрой до́лжно было воспользоваться с максимальным эффектом. Высказать всю правду. Поделиться пониманием происходящего. Открыть глаза. Просветить умы.

Перед ним была очень специфическая аудитория. Разношёрстная, пристрастная, различно к нему расположенная. Нужно было её взять. Увлечь. Убедить. Победить.

Не ради самолюбия. Ради истины.

Он начал неожиданно:

— Мне представился уникальный случай делать мои заявления публично. Должен вам сказать, что причиной того, что я и моя семья вернулись в Россию, явилось то, что Россия осталась уникальным местом в мире, где я могу свободно говорить то, что думаю, без всяких ограничений. На Западе такую возможность я уже потерял. На Западе действует нечто подобное неформальной цензуре. Причём такая неформальная цензура оказывается более жёсткой, чем то, что было в советский период у нас. На Западе наступает постдемократическая эпоха. Я называю её ещё эпохой «демократического тоталитаризма». Эта эпоха по своим негативным проявлениям обещает превзойти и эпоху сталинизма, и эпоху гитлеризма.

И посыпались вопросы.

Ему было, что сказать.

— Я утверждаю,
что социальный строй в России
в результате выборов не изменится.
Тот социально-политический строй,
который вроде бы наспех смастерили для России,
пришёл надолго и всерьёз.
Я его называю социально-политическим ублюдком.
И этот ублюдок может жить века.

— В истории России
только в коммунистический период
возникла нормальная социально-политическая система.
Нормальная — не значит хорошая!

Нормальный крокодил ведь не означает нечто приятное.
Нормальный крокодил —
это просто животное в определённом состоянии.
Советская социальная система
была нормальной социальной системой,
построенной на уровне лучших мировых образцов
социальных систем.

— Та система, которая сложилась в России теперь,
не может быть отнесена к числу нормальных.
Система власти построена так, что она обречена на конфликты.
Центральная власть обречена на неспособность управлять страной.
Парламент не способен быть настоящей оппозицией.
И это останется на много лет.
Российский народ может приспособиться к любой системе —
и к дворцам, и к землянкам, к нищете —
ко всему.
Он может приспособиться и к этой системе.

— Зависимость от Запада останется.
Россия сейчас фактически является зоной колонизации Запада.
Российское правительство фактически является марионеткой.
Меня часто спрашивают по поводу выборов:
«Кто, по вашему мнению, будет Президентом России?»
Я отвечаю: «Обращайтесь за ответом в Вашингтон!»
Россия никогда больше не будет второй сверхдержавой планеты.
Уникальный исторический случай,
который представился Советскому Союзу,
просто про… шляпили.
Мягко говоря.

— Созидательными я считаю такие силы,

которые влияют на судьбу России и что-то делают
в интересах России и в интересах российского народа.
В число созидателей у меня попадают люди самых разных взглядов.
Я отношу к ним и Лужкова,
и Бабурина,
и Зюганова,
и многих других.

— Я не являюсь членом какой бы то ни было партии
или политического движения.
Я — зиновьевец.
В частности, я не являюсь членом организации Бабурина
и никогда им не собираюсь становиться.
Но эту силу я отношу к категории созидательных.
Так же как и Зюганова.
Это — честные люди, озабоченные судьбой России.
И они работают в пользу России.

— Я и себя отношу к категории созидателей.
Только я занимаюсь своим ремеслом,
подобно каменщику или землекопу.
Моё ремесло — это статьи, книги и т. д.
Надеюсь, что кому-то в России они помогают.

— Я считаю, что российская контрреволюция
(события с августа 1991-го по октябрь 1993 года)
была спланированной
диверсионной акцией западных спецслужб.
И то, что сейчас происходит, спланировано
в соответствующих учреждениях Запада.

— Это понимают так,
что вроде бы сидит где-то группа людей
и выстраивает заговор.
Например, кучка евреев.
Это всё — чепуха!!

Никакого заговора нет!

— Современный Запад включает в себя миллиард людей.
Это — сложная система.
В ней уже сложилось общество второго уровня.
В это общество второго уровня
вовлечено до двухсот миллионов людей.
Помимо этого, сложилось глобальное сверхобщество,
в которое вовлечено до пятидесяти миллионов человек.
Сюда входят десятки тысяч международных фирм и организаций.
Это — реальность!

— Согласно социологии,
если организуются даже сто человек,
то складывается руководящее ядро —
определённый процент из этих ста.
Около трети.
В глобальное сверхобщество входит
пятьдесят миллионов человек.
Это — население Украины или Италии.
Как они организованы, ещё никто не изучал.
Эта тема — табу.

— Мы вступили в трагическую эпоху.
Серьёзные социальные революции уже исключены.
Это можно доказать с математической точностью.
Это невозможно потому, что огромны силы подавления,
огромны средства манипулирования массами.
Когда-то говорили, что отдельного человека обмануть можно,
но целый народ нельзя.
Чепуха!
Народ обмануть легче, чем отдельного человека.
И чем больше народная масса, тем легче её обмануть.
Тем совершеннее средства манипулирования.

Проблема сопротивления стала проблемой субъективной.
Предложить эффективный план общественного сопротивления
теперь в принципе невозможно.
Этого не смог бы сделать и сам господь бог.
Поэтому каждая группа и организация должна решать эту проблему,
исходя из своих возможностей и интересов.

— Я знаю, как сопротивляться.
Я знаю, как сопротивляются многие другие.
Например, Караджича
я считаю одним из самых лучших живущих представителей рода человеческого.
Смотрите, один человек
и его небольшая группа сумели так повести сопротивление,
что весь мир на них обрушился.
Пропаганда изобразила дело так,
что это ужасный уголовный преступник.
А ведь на самом деле он — благороднейший человек!
Всё-таки один человек способен на сопротивление!
И если он сопротивляется,
то с ним не так-то просто справиться.
— Мир доведён до такого состояния,
когда отчаяние, отчаяние и ещё раз отчаяние становятся основой сопротивления.
Этого западный мир боится больше всего.

— Ужас нашего положения в том,
что психологически мы рассчитываем решить наши проблемы
в течение дней, месяцев.
Они кажутся нам индивидуальными.
Но проблемы, которые возникли теперь, — на несколько поколений.
Для их решения может быть нужны века!
Возможно, Россия выстоит.
Но на это уйдёт триста, а может быть, пятьсот лет.

— Я ничего не критикую.
Я просто анализирую объективные процессы.
В Америке мне говорили, что изучали Советский Союз
не по «Архипелагу ГУЛАГ»,
а по «Зияющим высотам»…
И тогда я не критиковал.
Я стремился и стремлюсь давать объективное описание.
И оно состоит в том, что, например,
глобальное общество быстро складывается.
Только оно — не такое,
каким его описывают западная идеология и пропаганда.
Это отнюдь не братство народов,
где десять тысяч чукчей имеют равные права
с двумястами пятьюдесятью миллионами американцев.
Мировое сообщество складывается
как иерархическая структура.
И как структура,
расчленённая в горизонтальном плане.
Описание структуры мирового общества
находится всюду фактически под запретом.
Единственным исключением в этом плане оказалась Италия.

— Я ничего не разоблачаю,
никого не критикую.
Если я говорю, что история стала
проектируемой и управляемой,
то так оно и есть.
Когда вы собираетесь в магазин,
то вы планируете, какие покупки вы будете там делать.
Глобальное сверхобщество
обладает сейчас такими ресурсами,
что спланировать уничтожение Сербии
и угробить её для него так же просто,
как нам сходить в магазин и купить пол-литра водки!
Вот что произошло с планетой.

— Когда я приехал в Москву первый раз,

я был просто раздавлен.
Об этом я сказал тогда и в телепередаче.
В этой же передаче я впервые сказал,
что к власти в России пришли моральные подонки
и интеллектуальные кретины.
На этом я стою и до сих пор.
Этого мнения не изменил.

— С того времени прошло несколько лет.
Ситуация в России изменилась.
Я стал оптимистом вот какого рода:
я понял, что для меня в России сложилась ситуация,
когда я могу открыто и публично
высказывать свои суждения.
В России у меня сейчас есть аудитория.
В особенности, конечно, в Москве.
Но не только здесь, но и в других местах России.

— Сейчас в России появилась возможность
для очень широкого
индивидуального протеста людей умных,
предприимчивых,
способных на риск.
Людей с высоким уровнем политического интеллекта
здесь больше,
чем в любой западной стране.
Всё дело — в организации, мужестве и решимости.

— Российские люди —
способные от природы.
Российский народ по индивидуальным способностям
превосходит все другие большие народы.
Но он обладает одной способностью,
которая сводит все остальные способности на нет.
Он обладает способностью
«не использовать свои способности».
Он не умеет пользоваться ими.

— В Советском Союзе
был очень высокий уровень образования,
наши специалисты до сих пор ценятся высоко.
В последние годы огромное количество интеллигенции,
прекрасно образованных офицеров
выплеснулось в политику, экономику.
Но «без царя в голове».
Много самоучек.
Нет школы, организации.

— У нас в России есть интеллектуальные ресурсы.
И при правильной организации
они могут стать основой
успешного сопротивления.
Интеллект при хорошей организации
даёт колоссальные преимущества.
И Россия должна использовать это своё преимущество[778].
Аой!

Пресс-конференция продолжалась несколько часов. Он говорил вдохновенно. Эмоционально. Заразительно. Очевидец писал: «Несмотря на изнурительную жару, энергичный Зиновьев отвечал увлекательно и исчерпывающе, его речь была полна тонкой и глубокой иронии. И фантастическим казалось, что говорящему с такой убедительностью и силой человеку — семьдесят семь лет. И каких лет…»[779]

Полный отчёт о конференции разместила только малотиражная «психологическая газета» «Мы и мир».

Прочие СМИ отделались краткой информацией или вовсе промолчали.

Так всегда — в своём отечестве.

Московская жизнь, несмотря на отпускной сезон, закрутила вихрем.

Встречи, переговоры, предложения, планы.

Ректор Литературного института им. А. М. Горького С. Н. Есин уже на другой день после возвращения Зиновьева издал приказ о его зачислении на должность профессора.

Ещё два дня спустя состоялась встреча с ректором МГУ им.

М. В. Ломоносова В. А. Садовничим, который по предложению Гусейнова, возглавлявшего на философском факультете кафедру этики и уже больше года державшего незакрытой ставку профессора, дал распоряжение принять Зиновьева в университетский штат и выделить ему жилплощадь в преподавательском корпусе Главного здания МГУ на Воробьёвых горах (реализация последнего пункта, правда, затянулась на четыре года).

Через неделю в Московской писательской организации состоялось торжественное вручение Зиновьеву билетов Союзов писателей Москвы и России. На праздничном фуршете он произнёс тост за русскую литературу: «Я всегда считал и считаю русскую литературу выдающимся феноменом современности. Более того, на Западе я читал много лекций о советской русской литературе. Я вообще убеждён, что, несмотря ни на что, советский период русской литературы был беспрецедентным для мировой литературы. Когда говорят, ну, что там русская литература, вот смотрите, на Западе — Данте, Шекспир, я обычно отвечаю: посчитайте, сколько лет было между ними. Ведь между западными шедеврами проходило триста, четыреста лет. А тут — коротенький промежуток в несколько десятков лет. И в каких условиях! Гражданская война, разруха, Великая Отечественная война, а после этого что творилось! Если собрать число литературных шедевров, созданных в это время, — вы в истории человечества не найдёте нигде другого такого периода, и даже ранний Ренессанс не пойдёт ни в какое сравнение. Поэтому я хочу поднять тост за великую русскую литературу!»[780]

В те же дни его молодой друг (а в скором времени зять и отец его внуков) Юрий Филиппов, бизнесмен и меценат, в качестве подарка по случаю возвращения выделил 25 тысяч долларов на издание десятитомного собрания сочинений. Этот проект очень воодушевил его. По сути дела, он ведь все эти годы писал одну книгу. И вот теперь появилась возможность придать ей формальное единство, выстроить единую композицию. План собрания не пришлось долго сочинять. Он предложил включить в десятитомник «Зияющие высоты» (том 1), «Светлое будущее» и «Нашей юности полёт» (том 2), «Жёлтый дом» (тома 3–4), «Гомо советикус» и «Пара беллум» (том 5), «Иди на Голгофу» и «Живи» (том 6), «Мой дом. — Моя чужбина», «Евангелие для Ивана», «Веселие Руси», «Государственный жених» и «Рука Кремля» (том 7), «Катастройка» и «Смута» (том 8), «Русский эксперимент» и «Новая утопия» (том 9), «Глобальный человейник» (том 10). Уже 17 июля издательством «ЕврАзия+» был сдан в набор первый том, а 6 августа (заветная дата!) — подписан в печать! Пять тысяч

экземпляров подоспели как раз к очередной Московской международной книжной ярмарке. Один из них он, под вспышки фотокорреспондентов, вручил председателю Государственной думы Г. Н. Селезнёву, посетившему стенд издательства. «Парламентская газета» поместила снимок, на котором они обмениваются рукопожатием, на первой полосе[781].

«Центрполиграф» принял в работу дополненную рукопись его автобиографии «Русская судьба, исповедь отщепенца».

В минуту досуга он ответил на вопросы психологического теста «Хозяин ли Вы своей судьбы?», опубликованного на последней страничке газеты «Мы и мир», оставленными пометами создав ещё один свой автопортрет.

1. Вы стремитесь покупать из вещей:

А. То, что дешевле.

(Другие варианты: Б. То, что помоднее; В. То, что Вам больше идёт)

2. Вы мечтаете о славе?

Б. Естественно!

(Другие варианты: А. Возможно; В. Нет. Зачем?)

3. Если с Вами произошла небольшая неприятность, то Вы:

А. Считаете, что Вам не повезло.

(Другие варианты: Б. Упрекаете себя в неосторожности;В. Ищите виновного в этом)

4. По-Вашему, хороший урожай зависит прежде всего:

В. Когда как.

(Другие варианты: А. От погоды; Б. От усердия и профессионализма земледельцев)

5. Чтобы скорее вылечиться от болезни, необходимо:

В. Мобилизовать силы организма.

(Другие варианты: А. Обратиться к хорошему врачу; Б. Правильно подобрать лекарства)

6. Какой способ получения дохода для Вас наиболее предпочтителен?

В. Постоянная зарплата, с возможностью периодических приработок.

(Другие варианты: А. Постоянная зарплата (сначала отмечен этот вариант, зачёркнут. — *П. Ф.*); Б. Нерегулярные, но крупные

доходы)

(Другие варианты: А. Нельзя сказать, чтобы я верил в это, но что-то в этом есть; Б. Обязательно знакомлюсь с прогнозами на неделю, месяц, год)

8. Если на улице плохая погода:

В. Иногда настроение зависит и от погоды.

(Другие варианты: А. У Вас то же самое на душе; Б. Погода не влияет на Ваше настроение)

9. Вы поставили перед собой цель, но Вас постигла неудача. Как Вы поступите?

В. Всё зависит от того, насколько для меня важна данная цель.

(Другие варианты: А. В следующий раз умерю свои амбиции; Б. Буду продолжать добиваться цели)

10. Считаете ли Вы, что способности и таланты передаются по наследству?

В. Важно и то, и другое.

(Другие варианты: А. Считаю, что главное — трудолюбие и упорство; Б. Да, считаю)

Сумма баллов, соответствующих каждому ответу, равна 22, что соответствует следующей характеристике: «Вы человек „золотой середины“. Вас нельзя назвать ни безынициативным, ни склонным к чрезмерному авантюризму. Вы стараетесь ставить перед собой реальные цели, сообразуясь с обстоятельствами и своими возможностями (которые Вы стремитесь трезво оценивать)».

Подчёркнуто в тексте и отмечено чертой на полях[782].

Надвигалась жаркая политическая осень. Предстояли выборы в Думу.

3 августа «Московский комсомолец» опубликовал его резкий комментарий «Если Вашингтон разрешит…»: «На мой взгляд, основной „осенней“ проблемой станут выборы в Думу и отношение к этому Кремля. И та, и другая сторона будет бороться за свои интересы. Одна часть политиков станет отстаивать идею честных выборов, другая — попытается установить тотальный контроль над ними или даже отменить их. Хотя, по моему мнению, страхи и расчёты обеих сторон сильно преувеличены, ибо в России уже сложилась определённая социально-экономическая система, которая вряд ли изменится. Поэтому

осенью спор будет идти не о глобальных трансформациях, а о мелких, по социологическим меркам, изменениях. Народ хочет лишь, чтобы немножко подняли зарплату, увеличили пенсию, подсократили тех, кто грабит. Эти изменения очень важны для населения.

Сегодня я не берусь предсказывать, какие шаги предпримет Кремль ради удержания у власти. Но что бы он ни делал, его решения и действия будут зависеть от того, что ему позволят западные хозяева. Ведь без санкции Вашингтона Кремль давно ничего серьёзного не предпринимает. Но мне кажется, что Вашингтон не даст разрешения Кремлю предпринять что-нибудь серьёзное этой осенью, потому что после сербской авантюры ситуация в мире поменялась. В Югославии у американцев не всё прошло гладко. Поэтому Вашингтон побоится сталкиваться в очередной раз с общественным мнением, провоцируя Кремль на какие-то шаги.

Что касается, так сказать, „победителей“ в этой осенней драчке, то могу сказать, что в России постепенно сложились два лагеря. Причём их водораздел прошёл не между партиями, а прямо по душам людей. Оба лагеря смотрят, с одной стороны, на Запад, его подачки, а с другой — на развитие внутренних потенций России. Разница между лагерями состоит в том, кто в большей степени ориентируется на Запад, а кто — на Россию. Мне кажется, что постепенно верх будут брать „созидатели“»[783].

9 августа неожиданный ход сделал президент. Отстранив с поста премьер-министра С. В. Степашина, находившегося в должности всего третий месяц и, по сути, только ещё входившего в работу, Ельцин предложил стране нового лидера — директора ФСБ и секретаря Совета безопасности РФ В. В. Путина. Казалось, это было вызвано резким обострением ситуации в Дагестане, на территории которого 7 августа вспыхнули вооружённые столкновения с бандформированиями Басаева и Хаттаба. Но в специальном телеобращении к стране Ельцин открыто дал понять, что его выбор носит отнюдь не «технический» характер, а имеет долгосрочную политическую перспективу, и назвал Путина своим преемником на президентском посту. Подобных заявлений он прежде не делал. Для политической элиты страны настал «момент истины».

Зиновьев комментировал новое назначение с социологической точки зрения. «Всё это — суета сует, которая свидетельствует о неполноценности российской государственности, — утверждал он в интервью, опубликованном в „Правде“ 13 августа. — Я не раз говорил, что в России наступает один из самых интересных периодов её истории. Данный же

период особенно интересен. <…> В течение этого года решится, насколько стабилен сложившийся социально-политический строй, насколько стабильна нынешняя система власти. В предстоящий год, я думаю, определится окончательно и социальная структура населения постсоветской России. Должен отметить, что процесс социального структурирования населения происходит здесь с небывалой быстротой. Я не знаю подобных аналогов в истории. Если рассматривать этот процесс с точки зрения естественного исторического процесса (марксизм), то его не объяснишь. Его быстрота объяснима только с точки зрения моей концепции проектируемой и управляемой эволюции. То есть это процесс искусственный, навязанный извне и сверху»[784].

Он был уверен: «Раскол России на созидателей и колонизаторов неизбежен. Он будет только усиливаться. И что бы ни предпринимали разрушители-колонизаторы, тенденция к созиданию и независимости России будет только усиливаться. Нужны терпение и выдержка. Время ещё есть. Тем более что, по моим наблюдениям, эпоха популизма всё равно прошла и серьёзные факторы, определяющие умонастроения людей, так или иначе сработают. Это позволит созидательным силам достичь победы на выборах. Если, конечно, будут исключены обман и провокации, если удастся обеспечить строгий контроль над проведением выборов»[785].

Он настаивал: «Созидатели должны объединиться»[786].

Идти в политику он не намеревался. Он себя хорошо знал. Иронизировал: «Мне предлагали выдвигаться на пост президента, я отказался. Ну, какой из меня президент, если младшая дочь меня не слушается. Да что дочь! Меня моя собака выводила гулять, а не я её»[787]. Однако когда Бабурин пригласил его на съезд Российского общенародного союза и предложил включить его имя в предвыборный список кандидатов в Госдуму, он посчитал невозможным отказаться. Это было реальное дело, реальная ответственность. Уйти в сторону он не смел. Отказ был бы равносилен предательству. У него было лишь одно условие — все формальности инициаторы берут на себя. О чём речь?!

Увы! Его предвыборная кампания не состоялась. Он, конечно, знал, что ему придётся столкнуться с мощным противодействием. Но не ожидал, что оно будет столь решительным и циничным. Избирательная комиссия, изучив поданные документы, отклонила их, с оскорбительной формулировкой: «в связи с тем, что недостоверность представленных сведений носит существенный характер!» Можно было подумать, что он утаил от избирателей наворованные им миллионы. А на самом деле не было справки о доходах за 1998 год. Да и то потому, что в 1998-м он ещё жил в

Германии. Соответствующее разъяснение было приложено к пакету документов. Но избирком его игнорировал. Состоялось судебное разбирательство, которое, как и следовало ожидать, закончилось признанием формальной правоты избиркома. Жалоба в Кассационную коллегию Верховного суда также не была удовлетворена.

Выборы — вещь серьёзная.

«Я считаю поведение Центральной Избирательной Комиссии и Верховного Суда Российской Федерации в этом эпизоде по отношению ко мне тенденциозным, аморальным, несправедливым, — писал он в заявлении для прессы. — Я считаю его демонстративным нарушением моих законных прав как гражданина Российской Федерации, не нарушившего никаких юридических законов, быть избранным в органы государственной власти. <…> Я рассматриваю этот инцидент как частичку той совокупности событий в истории нашей страны, которые привели к распаду Советского Союза и разгрому советского социального строя, включая систему государственности, экономики, идеологии, культуры, образования, обороны. <…> Я с полной ответственностью за свои слова утверждаю, что Центральная Избирательная Комиссия и Верховный Суд Российской Федерации своими действиями по отношению ко мне внесли свой вклад в этот гибельный для России и русского народа процесс. Пусть этот вклад с какой-то точки зрения ничтожен. Но ведь именно из множества таких незначительных по отдельности дел сложилась беспрецедентная в истории человечества катастрофа России и русского народа»[788].

Российский Общенародный Союз на выборах 1999 года не набрал необходимого для прохождения в Государственную думу количества голосов.

В октябре в московском книжном магазине «Библио-Глобус» состоялась презентация первого тома собрания сочинений. «Сам факт издания объёмного собрания сочинений является очередным свидетельством всё возрастающего интереса к творчеству писателя на его Родине», — писал в отчёте о событии корреспондент «Книжного обозрения».

Редактор первого тома Л. М. Ульянова говорила на презентации: «Для нашего издательства было большой честью предложение А. А. Зиновьева выпустить собрание его сочинений. Мы с радостью и энтузиазмом взялись за реализацию этого проекта; в считаные недели первая книга была подготовлена. И вот она перед вами. Так что, можно сказать, в своей профессиональной скорости и оперативности мы были наравне с

автором, когда он писал этот роман»[789].

Он надеялся на то, что с той же «профессиональной скоростью и оперативностью» появятся на свет и остальные девять томов. Увы! Когда он поинтересовался, когда выйдет второй том, издатель ответил, что денег больше нет. Несите ещё. Будут деньги — будет продолжение. Но как же, ведь было двадцать пять тысяч долларов! Неужели все истрачены? Все. А он ещё жаловался на западных издателей, мол, жульничают, обманывают!

Десятитомник, которому он так радовался, которому придавал такое значение, остановился на первом томе.

Как всегда — в своём отечестве.

Первый том, пока ещё не подозревая о дальнейшей судьбе издания, он в те же октябрьские дни полетел представлять на 44-й Международной книжной ярмарке в Белграде. Книга была прекрасным поводом посетить Сербию и выразить сербским читателям и общественности своё отношение к недавним событиям в Югославии. Его выступление на открытии ярмарки носило политический характер. Он назвал агрессию НАТО «наигнуснейшим преступлением» современности и высказал своё восхищение стойкостью и мужеством сербского народа — «наихрабрейшего в Европе»[790].

В эти дни состоялись его личное знакомство и разговор с Президентом Сербской Республики Югославии Слободаном Милошевичем. В беседе он ещё раз подробно охарактеризовал те социальные процессы, которые идут на планете, и пожелал сербскому народу и лично президенту стойкости и мужества в грядущих испытаниях. Он не сомневался, что Запад не остановится на достигнутом и приложит все усилия для окончательного уничтожения национальной независимости непокорной республики.

Так и случилось. Спустя год, в октябре 2000-го, в ходе «бульдозерной революции», спланированной и профинансированной Западом, Слободан Милошевич был свергнут. А ещё через полгода, 1 апреля 2001 года, арестован и передан в руки Международного трибунала по военным преступлениям в бывшей Югославии в Гааге. Для Зиновьева Милошевич был фигурой символической, политиком, посмевшим выступить против превосходящих сил Запада, оказавшим открытое сопротивление глобализации. Зиновьев возглавил Российский общественный комитет по защите Слободана Милошевича. Не из личной привязанности, а «чтобы хоть в какой-то мере противостоять агрессии НАТО и Соединённых

Штатов»[791]. Суд над Милошевичем Зиновьев расценивал как один из эпизодов нового этапа передела мира, «тёплой войны».

Его оценка деятельности Гаагского суда была бескомпромиссной: «Гаагский суд создан Совбезом незаконно — Устав ООН не предусматривает никаких „международных“ судов — поскольку это нарушает принцип невмешательства во внутренние дела членов ООН. МТБЮ — орган не суда, а расправы Соединённых Штатов и НАТО, орган насилия. Задача этого учреждения — свалить свою вину — вину агрессора — на жертву и оправдать себя в глазах мирового общественного мнения, которое все-таки еще играет какую-то роль, которое ещё не полностью зависит от них. <…> Этот суд в Гааге — это не юридическое, это криминальное явление. По сравнению с ними гитлеровцы выглядят просто как ученики младших классов рядом с профессиональными уголовниками. Тут используется весь мощный интеллект Запада и любого рода зависимость других стран от Запада — вся эта мощь используется в интересах западного сверхобщества для завоевания мира. <…> Это внесудебная расправа, военно-полицейская операция такого рода, которые осуществляли гитлеровцы, проводя публичные казни партизан или заложников и сгоняя на казнь окрестное население»[792].

Деятельность Российского общественного комитета по защите Слободана Милошевича в отечественных СМИ фактически не освещалась. «Если бы речь шла о пожаре или драке на стадионе, то средства информации буквально гудели бы, а тут — ноль внимания. Только несколько газет печатают иногда сообщения, иногда по радио что-то проскочит»[793].

11 марта 2006 года Слободан Милошевич скончался в тюрьме Гаагского суда. Обращаясь с соболезнованиями к семье Милошевич, смертельно больной Зиновьев писал: «Ненасытный молох чудовищной несправедливости, олицетворяющий американский стандарт правосудия, завершил своё позорное деяние. То последнее, человеческое, гуманное, чего на протяжении многих лет был лишён несгибаемый борец Слободан Милошевич, заключённый в кафельные стены Гаагского суда, в чём было ему много раз отказано, сработало, как гильотина: не выдержало натяжения нервов больное сердце и страдающая душа, Слободан Милошевич убит несвершившимся приговором Гаагского судилища. Позор всем тем, кто молча наблюдал пускание крови по каплям; проклятие тем, кто нажимал педали беспощадной машины стерильного фашизма, творящего страшное дело от имени Свободы и Демократии»[794].

До последнего часа он оставался борцом за справедливость и

истину. «Защищая Милошевича, мы защищаем самих себя», — говорил Зиновьев, имея в виду Россию.

Центром всеобщего внимания осенью 1999 года была фигура нового премьера. Преемника. Решительные действия, предпринятые им в Дагестане, принесли важную победу над чеченскими сепаратистами. В ответ, однако, последовали невиданные по своим масштабам теракты в Москве. Сентябрьские взрывы жилых домов на улице Гурьянова и на Каширском шоссе унесли жизни 230 человек, почти 700 человек получили ранения. Страна была в шоке. Премьер пообещал отыскать убийц, где бы они ни скрывались: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту — в аэропорту значит. Вы уж меня извините, в туалете поймаем, мы в сортире их замочим, в конце концов». Нарочитая грубость этого заявления кого-то оттолкнула, но многим понравилась. Но премьер не только воевал с террористами. Он открыто говорил о серьёзных социальных и экономических проблемах страны, обозначая перспективу своих действий.

Зиновьев также внимательно всматривался в этого человека. Ему довелось несколько раз увидеть его вживую. На встрече премьера с преподавательским и студенческим составом Литературного института. Потом ещё на открытии Международной научно-практической конференции «Москва — Россия на рубеже тысячелетий» 19 ноября. Они оба выступали на пленарном заседании. Вместе с Ю. М. Лужковым, Е. М. Примаковым и архиепископом Истринским Арсением. Премьер вызывал у него симпатию.

Во время поездки в Ригу в декабре 1999 года он неоднократно высказывал своё мнение о Путине. «Я симпатизирую премьеру, — признавался он корреспонденту газеты „Панорама Латвии“. — По крайней мере, он ведёт себя по-мужски, по законам власти, а не по законам болтовни. Мне приходилось участвовать во встречах с ним. Немногословный, самый умный человек из „кремлёвской обоймы“. Более того, убеждён, если он станет президентом России, то первыми, с кем он расправится, станет Семья»[795]. «Кто бы за ним ни стоял, какие бы силы его ни поддерживали, в конце концов сработает один фактор. Я приведу один пример: за Наполеоном стояла Директория, но он не был человеком Директории. И первое, что он сделал, придя к власти, послал её к чёрту. Путин — это человек очень неглупый. Он был резидентом советской разведки в Германии, это были самые осведомлённые в системе того времени люди. Он умеет себя вести, человек властный, честолюбивый. Ему важно быть президентом. Но не любым президентом, каким мечтает быть (а скорее, играть такового)

каждый второй русский. Он хочет быть Великим Президентом. А таковым можно стать, только свершив выдающееся дело для страны. Сделать её независимой в военном отношении, способной защищать себя, и на каком-то минимальном уровне — независимой экономически. То есть — не умереть с голоду, если начнётся блокада»[796].

Через десять дней после этих слов Путин стал и. о. Президента Российской Федерации. Зиновьев воспринял этот факт со сдержанным оптимизмом. «Я думаю, что приход Путина к власти (а Путин — не вашингтонская кандидатура, это „внутреннее дело“ России), — говорил он в интервью еженедельнику „Век“, — впервые после 1985 года даёт России шанс выбраться из тупика. Иногда мне даже кажется, что Путин прошёл к власти по недосмотру или по ошибке. Не предполагали, что события повернутся таким образом, что этот человек займёт столь принципиальную позицию. С точки зрения социолога, каковым я являюсь, на Путине сфокусировались интересы очень серьёзных слоёв российского общества. Хочет он этого или нет — на него люди возлагают надежды, он вынужден будет действовать в рамках народных чаяний. Точно так же в своё время Наполеон действовал не потому, что он, видите ли, большой честолюбец был — он выполнял историческую функцию. Сейчас обстоятельства в России сложились так, что кто-то тоже должен её выполнить. То, что она выпала именно на долю Путина, — историческая случайность. Но иногда случайности оказывают серьёзнейшее влияние на ход истории. Я убеждён на 100 процентов, что путинское руководство будет действовать не в силу тех условий, которые, возможно, навязал ельцинский Кремль или кто-то там другой. Оно будет достаточно сильным, чтобы идти своим путём. А значит, Запад рискует подавиться Россией»[797].

26 марта 2000 года Путин победил в первом туре досрочных президентских выборов.

На другой день «Российская газета» опубликовала комментарий Зиновьева. «Я считаю, что накануне 2000 года Россия вступила в совершенно новый этап, — говорил он, — и это связано прежде всего с приходом Путина. Именно тогда во всей системе власти произошёл серьёзный перелом. С моей точки зрения, этот перелом давно назрел. Стране нужен мощный институт власти, и я думаю, что выразителем этой тенденции к формированию сильной централизованной системы власти сейчас является Владимир Путин. <…> Главным итогом первых месяцев пребывания Путина у руля власти было обнаружение его способности крепко держать этот руль в руках. В последние годы,

как мне думается, в силу разных причин доминировала не столько сама власть, сколько разговоры о ней. Всё это было похоже, скорее, на семинар или на лекцию, чем на реальное управление страной. Путин же с первых шагов показал, как должен вести себя человек, находящийся у власти. Он стал вести себя по правилам власти. И рейтинг Путина вырос не за счёт средств массовой информации, не за счёт каких-то обещаний, а за счёт его поведения. Он обнаружил в себе то, что я называю субстанцией власти. <…>

Другое дело, — предупреждал Зиновьев, — и это необходимо отметить, что после президентских выборов новая российская власть должна будет предпринимать какие-то очень серьёзные шаги и в сфере экономики, и в сфере идеологий, и в сфере культуры, и во всех других сферах общественной жизни — это неизбежно. И люди российские, практически уже сегодня возложив на Путина все свои надежды, будут предъявлять очень серьёзные претензии, если эти надежды не оправдаются»[798].

Смену власти в Кремле Зиновьев назвал «путинским переворотом». В статье «Феномен Путина», написанной в конце 2000 года, он так определил его социальную сущность: «Назрела жизненно важная потребность в том, чтобы сделать российскую систему власти и управления более эффективной с точки зрения интересов большинства населения и интересов России как целого, нормализовать её, лишить её вида, в каком она стала посмешищем во всём мире. Путинский переворот объективно (с социологической точки зрения) и явился конкретно-исторической формой реализации этой потребности. Кто бы ни был организатором переворота и какими бы ни были субъективные намерения этих людей, этот переворот в сложившихся условиях России, так или иначе, содержал в себе элемент сопротивления России гибельным для неё последствиям деятельности ельцинского режима, то есть последствиям западнизации России. Именно этим объясняется, главным образом, „чудо“ взлёта путинского рейтинга и того, что он был избран уже в первом круге. Именно так большинство россиян восприняло путинский переворот, придав ему определённый социальный смысл — смысл попытки сопротивления России насильственной западнизации и сопротивления превращению России в зону колонизации для глобального западнистского сверхобщества»[799].

Он понимал, что новому президенту придётся столкнуться с трудностями и противоборством как субъективного, так и объективного порядка, и не строил иллюзий: «При всех обстоятельствах Президент России вынужден осуществлять мероприятия, без которых невозможно решение назревших

проблем исторического выживания России, в рамках совокупности объективно данных факторов. Основные из этих факторов суть природные условия, человеческий материал, сложившееся состояние страны, взаимоотношения с внешним миром (с Западом — в первую очередь) и наличная социальная организация страны. На последний из упомянутых факторов надо обратить особое внимание. От него в наибольшей степени зависит успех исторической миссии Путина. Он вынужден укрепить и усовершенствовать его. Но именно он является главным препятствием на пути к этому. Тут имеет место объективное историческое противоречие, преодоление которого может стать делом длительной и трудной исторической эпохи — путинской эпохи»[800].

Путин как реальность стал предметом его беспристрастного изучения. Просвечивая слова и дела президента рентгеном своей социологической теории, анализируя реакцию России на события в Югославии, взрывы башен Международного торгового центра в Нью-Йорке, войну в Ираке, видя на руководящих постах в правительстве приверженцев либеральной экономики, наблюдая последовательную дискриминацию гуманитарной сферы, он вынужден был констатировать, что Россия по-прежнему идёт в фарватере США и Запада, сдавая политические и экономические позиции, теряя собственное историческое и культурное лицо.

Уже в конце 2000 года, откликаясь на инициативу Путина объявить конкурс на создание нового гимна России на музыку Александрова, он пишет стихотворение «По поводу гимна постсоветской России», состоящего из двух частей — «констатирующей» и «призывающей». «Констатирующая часть» звучала отнюдь не одобрительно:

Рухнуло братство свободных народов.
Они отреклися от дружеских уз.
По воле правителей пьяного сброда
Распался великий Советский Союз.

Нету Отечества больше свободного,
Нет братства народов на веки веков.
Есть сборище нищее люда голодного,
Хапуг, паразитов, воров, дураков.

Дурили нас западным раем свободы.
Предательству путь Горбачёв проторил.
Нас Ельцин учил, как поссорить народы,
В подонков и шкурников нас обратил.

И вот мы плетёмся, как дохлая кляча,
Не в выси прогресса — в истории сток,
Подачки у Запада нищенски клянча,
Надеясь в душе, что поможет Восток[801].

Нет, он не называл Путина, как в своё время Горбачёва и Ельцина, «предателем», но и к «созидателям» тоже уже не причислял: «Когда президентом избрали Путина, на Западе наступила полная растерянность, потому что он не был фигурой Вашингтона, и для них случившееся стало полной неожиданностью. В то время Путин имел колоссальную поддержку народа и мог сделать многое — например, отменить результаты приватизации, объявив их преступными, полностью национализировать всю финансовую систему и энергетические ресурсы страны — нефть, газ, энергетику. И никто бы не пикнул. Но он ничего из перечисленного не сделал, и момент был упущен. А потом пошли сплошные уступки Западу, из которых складывается общая капитуляция»[802].

Историческая миссия Путина, пришёл к выводу Зиновьев спустя некоторое время, состоит в легитимизации результатов ельцинской эпохи, юридическом оформлении сложившейся ситуации, придании ей цивилизованного вида, создании благоприятных условий для её стабильного существования. «Политическая стратегия Путина характеризуется такими принципами, — писал он в 2002 году, — 1) делать хоть что-то для улучшения жизни в стране в условиях сложившейся социальной организации (т. е. постсоветизма, ельцинизма); 2) интегрироваться в западное сверхобщество, возглавляемое США, на любых устраивающих Запад (США) и мало-мальски терпимых для России условиях. <…> По всей вероятности, эта стратегия утвердится надолго»[803].

В одном из последних интервью, в марте 2006 года, он говорил о России Путина с нескрываемым разочарованием: «Можно констатировать как факт, что России в качестве суверенного государства, достойного уважения, в принципе уже не существует. Нынешняя Российская Федерация есть явление показное, в основном существующее в виртуальном пространстве, имитация. Сейчас пытаются скрепить страну топливно-энергетическим комплексом, но, боюсь, он окажется непрочным, как бы с ним не случилась серьёзная социальная катастрофа. В остальном Россия не существует как единое целое. Да, люди живут, встречаются друг с другом, вступают в какие-то отношения

— но ничего более того. Нет никаких оснований считать Российскую Федерацию самостоятельным суверенным государством»[804].

Жить в Москве было непросто. По многим пунктам московская жизнь сильно уступала проверенному и надёжному в употреблении Мюнхену. Но Москва была их городом. Родным. Любимым. Это был *их размер.* Она сильно изменилась, особенно в последние десять лет. Не всё они узнавали. Не всё понимали на первых порах. Многое раздражало. Расстраивало. Особенно удручала какая-то общая опущенность. И внешняя, и внутренняя. Запущенность, с одной стороны, и распущенность — с другой. Дома покрылись коростой рекламных щитов и растяжек. Люди думали только о деньгах. Старики влачили убогое существование. Молодёжь рыскала в поисках наживы. Во всём было какое-то отчаянное бесстыдство. И в роскоши, и в нищете. Им было больно. Однако неуёмная энергетика столицы по-прежнему заражала. Они быстро включились в ритм безумного мегаполиса и ни разу не усомнились в своём решении вернуться.

Все вокруг удивлялись, как он в его возрасте, на исходе восьмого десятка, продолжает вести столь активный образ жизни. А он действительно точно помолодел. По утрам, по установленному раз и навсегда правилу, делал зарядку (вплоть до самой болезни каждый день отжимался от пола 25 раз!), потом несколько часов работал за письменным столом. Днём или был на лекциях в вузах, или участвовал в разнообразных общественных и культурных мероприятиях, давал интервью, комментарии. Всегда откликался на приглашения выступить, прочитать лекцию. Был лёгок на подъём. По-прежнему нахаживал стремительным шагом километры московских улиц. Любил многочасовые прогулки в компании или с кем-нибудь в паре. С разговорами, спорами, остротами. Не уставал. Кипел.

По объёму и интенсивности событий первый год Зиновьева в Москве напоминает его первый год на Западе.

Как и тогда, его книги выходят практически каждый месяц. Он внимательно вычитывал и редактировал каждую. Несмотря на фиаско десятитомника в издательстве «ЕврАзия+», идея собрания сочинений не погибла. Проверенный за годы партнёр, «Центрполиграф», с готовностью подхватил её и в первом полугодии 2000-го выпустил первые пять томов (к сожалению, издание на этом остановилось). Параллельно отдельными изданиями (вне состава собрания) в «Центрполиграфе» вышли «Зияющие высоты», «Глобальный человейник», «Запад», «На пути к сверхобществу», «Исповедь отщепенца» и «Затея», роман,

который он по новой собрал из материалов, опубликованных когда-то в книге «В преддверии рая», включив в него также «Записки ночного сторожа». Московское издательство «URSS» выпустило «Очерки комплексной логики» — массивный том полного собрания его логических трудов. В Минске была издана книга «Глобальное сверхобщество и Россия», в которую вошли очерки «Великий эволюционный перелом», «Русская трагедия» и «Русская контрреволюция». Её французский перевод выпустил в Лозанне Дмитриевич. В Барселоне на испанском языке выходит публицистическая книга «Гибель империи зла», а в Лугано на итальянском — «Невидимая диктатура».

…30 января 2000 года он в Париже на международном симпозиуме «Информация-дезинформация. Как медиа создают мир» с докладом «Почему я стал диссидентом для Запада»…

…24 февраля в картинной галерее А. Шилова в Москве выступает на заседании Московского интеллектуально-делового клуба по теме «Россия и глобальное сверхобщество»…

…15 марта на книжной ярмарке «Книги России» участвует в «круглом столе», посвящённом выходу в свет романа «Глобальный человейник»…

…16 марта в концертном зале МФТИ на дискуссии «Россия: прошлое, настоящее, будущее» в качестве доверенного лица кандидата в депутаты Государственной думы ФС РФ С. Н. Бабурина…

…27–29 марта в Белграде принимает участие в работе Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии…

…26 апреля в Москве газета «Солидарность» приглашает его на «круглый стол» «Россия в поисках идеологии»…

…13 июля в «Президент-отеле» в Москве выступает на открытии «круглого стола» «Пресса, бизнес, власть. Какую Россию строим? Социальная ответственность бизнеса» с докладом «Только вперёд!»…

…27 сентября в Институте философии РАН он — основной докладчик на очередном заседании клуба «Свободное слово» по теме «Сто сорок дней президента Путина (Куда же идёт Россия?)»…

… 19 октября принимает участие в акции Академии российской словесности и Московского департамента образования «Пушкинский урок словесности»…

…23 октября в гостиничном комплексе «Золотое кольцо» выступает на Первой всероссийской конференции «СМИ России: рынок и информационная безопасность»…

…29 октября в Центральном доме журналиста на открытии художественной выставки «Александр Зиновьев, Полина и Ксения»…

Это лишь наиболее значимые публичные выступления Зиновьева в 2000 году. А сколько неофициальных и неформальных встреч! Сколько интервью, разговоров, консультаций!

И так, — не переводя дыхания, не сбавляя темпа, не снижая накала, — ещё шесть лет.

Он не намеревался мириться с капитулянтской политикой нового российского руководства. Его не удовлетворял и парламентаризм оппозиционных партий, которые своим участием во власти только укрепляли её, придавали ей силу. Он исполнен решимости бороться. Всеми доступными ему средствами.

Позиция Зиновьева в эти годы не менее радикальна, чем в эпоху ельцинизма. В «призывающей» части стихотворения «По поводу гимна постсоветской России» есть такие строки:

> Очнись от дурмана, страна разорённая!
> Покажем, что мы, россияне, не сброд!
> Священная битва, начнись разъярённая!
> На бой ради жизни, российский народ![805]

И это не фигура речи. Не просто «высокие слова». Это его программа тех дней.

В беседе с журналистом «Лимонки» О. Гурьяновым на вечный русский вопрос — «Что делать?» — он ответил однозначно: «Вы знаете, национальная черта русских — это ждут, пока кто-то придёт и спасёт их. А выход только один — восстание. Я ответственно заявляю: сегодня нам необходимо восстание против всего этого. То, как измываются над русским народом, ни один народ не позволил бы. Так чего же ждут?! Я просто других путей не вижу: только восстание, только бунты, только жертвы. Без жертв ничего не получится. Готовность пойти в тюрьмы, в ссылки, куда угодно, готовность встретить пулю — только это может быть залогом нашей победы, нашей неизбежной победы!»[806]

К действенному сопротивлению призывал он и на вечере

газет «Завтра» и «День литературы» в Центральном доме литераторов 17 февраля 2001 года. Его выступление было самым бескомпромиссным, хотя среди ораторов в том собрании было достаточно резких и непримиримых критиков власти — А. Проханов, Э. Лимонов, В. Алкснис, С. Бабурин, В. Бондаренко.

Корреспондент «Независимой газеты» М. Ремизова в репортаже о вечере писала: «На выступлении Александра Зиновьева наэлектризованный зал дал первые разряды. Он взял слишком пессимистическую ноту („Строить иллюзии о будущем не следует“), и в публике свистнули. Зиновьев попытался строго объяснить, что он — исследователь и имеет дело с фактами, но тут закричали, пошла настоящая перепалка.

— Русский народ хоронить рано!

— Русский народ хороню не я! А где были вы, когда хоронили русский народ?

Ругались между собой и в публике: „Пусть скажет!“ „Это провокатор!“ (Кто именно?) „Он правду говорит!“(Кто?)

Но Зиновьев скоро оправдался: „Ещё до 91-го года я сказал, что Горбачёва, Ельцина, Яковлева и остальных надо судить. И вешать в 24 часа! Всё зависит от нас. Я вижу только один путь — восстание. Это наше спасение“. Естественно, последовала овация»[807].

«Я признаю революционные формы борьбы, — говорил он корреспонденту „Лимонки“, — я признаю насильственное взятие власти. Ведь в России власть была захвачена насильственно, и в конце 1999 года произошло не что иное, как политический переворот. Это действительно был верхушечный политический переворот. Видите ли, кто-то там наверху, сильные мира сего эти средства используют, тогда спрашивается, почему же эти же средства нельзя использовать снизу?»[808]

Он фактически «звал Русь к топору».

Только топоры к тому времени на Руси извелись. Он это хорошо знал. «Большинство населения устраивает сложившаяся ситуация: ничего не делать, однако на что-то надеяться»[809]. Его критика бездействия россиян, их социальной апатии и соглашательства с властью не менее безжалостна и радикальна, чем критика самой власти. И совершенно естественна и логична поддержка любой акции протеста.

Когда в апреле 2001 года был арестован по обвинению в подготовке к вооружённому мятежу и заключён под стражу Эдуард Лимонов, Зиновьев не раз принимал участие в акциях в его защиту. Они познакомились лично в 1993 году, но знали друг о друге задолго до того. Писательская и политическая личность Лимонова нравилась ему своей артистичностью и бесшабашной

отвязанностью.

«Я о нём сразу узнал, как только он появился в культурно-политической и социальной жизни России и западного мира, — рассказывал Зиновьев в 2000 году в интервью „Лимонке“. — Сначала я о нём узнал как об очень экстравагантной личности, и в этой экстравагантности он мне был крайне симпатичен. Как только я познакомился с его сочинениями, я сразу проникся к нему большим уважением. На мой взгляд, он блестяще одарённый, литературно одарённый писатель. <…>

Многие люди из моих знакомых, из моего окружения как-то возмущаются, ругаются. У меня лично все его поступки никакой негативной реакции не вызывают. Может быть, здесь сказывается моя юношеская склонность вот к такого рода экстравагантной деятельности, к анархической деятельности, может быть. Но какие бы он идеи ни выдвигал политические, какие бы организации ни создавал, что бы он ни делал, он всегда во всё привносит нечто лимоновское, вот это лимоновское начало является главным, а всё остальное — это, в моём представлении, лишь форма, в которой это лимоновское начало проявляется. <…>

Я, конечно, уже в моём преклонном возрасте сам такие фортели выкидывать уже не могу, но к Лимонову при всех обстоятельствах отношусь с симпатией. Чтобы он ни делал, я думаю, что он делает всё не как человек практический, расчётливый, корыстный. В русской истории такое можно было наблюдать в Сергее Есенине, в есенинских поступках, я бы это мог увидеть в герое своей юности Александре Ульянове. Он был необычайно умный человек. Он знал: то, что они делали, — это бессмысленно. И всё-таки он шёл на этот шаг, поскольку всегда есть более высокие соображения, чем соображения целесообразности и так далее. Есть одна цель: надо прорываться! А как? Вот, Лимонов, по-моему, бунтует, он прорывается — и это достойно уважения и симпатии!»[810]

Может показаться странным и противоречивым то, что Зиновьев, с одной стороны, призывал к созиданию, а с другой, к восстанию и бунту (как мы все знаем со времён Пушкина, «бессмысленному и беспощадному»). Но для него революция всегда была высшей формой созидания. В революции он видел творческое начало, несущее миру обновление и прогресс. В этом, кстати, было его принципиальное расхождение и с советскими диссидентами, и с новорусскими либералами. В этом он был с коммунистами заодно.

Восстание и *Возрождение,* для Зиновьева, синонимы.

Однажды он взял кисти и краски и переписал наново свой «Автопортрет». Тот знаменитый, где из напряжённых складок лба вырываются молнии мыслей, образующие пальцы рук, охвативших раскалённую голову. Он убрал сюрреалистический декадентский фон и оставил только лицо с впившимися в череп руками. Теперь уже не было вариантов трактовки. Пальцы отточенными кинжалами врезались в мозг, принося боль физическую, заглушая муку духовную. Бледное лицо застыло в гримасе скорби.

Фон он выкрасил *красной* краской.

Он больше не хотел продолжать литературную деятельность. «Первый писатель XXI века», как окрестила его западная критика в 1976 году, всё сказал в веке XX. Да и писать ему уже давно надоело. Ещё в 1985 году, отвечая на вопрос газеты «Liberation», он признавался: «Я пишу, потому что вынужден это делать. Более пятидесяти лет я успешно уклонялся от этого. Но обстоятельства в конце концов сложились так, что я не выдержал и написал первые романы, очистив тем самым моё сознание от груза мыслей и образов, которые накопились в нём за прошлую жизнь. Когда меня выбросили из России на Запад, литературная деятельность оказалась для меня единственным средством зарабатывать на жизнь и содержать семью. И кажется, что это литературное проклятье будет преследовать меня до конца жизни. Возможно, кому-то литературное творчество приносит радость. Мне оно приносит в основном страдания. Возможно, кто-то пишет для того, чтобы учить уму-разуму человечество. Я никого поучать не хочу, ибо считаю это делом абсолютно безнадёжным. Я пишу, подчиняясь принудительным законам жизни, процесса писания, развития мыслей и пластики образов»[811].

После возвращения на родину обстоятельства больше не требовали от него обязательного занятия литературным трудом. Была регулярная зарплата. Была пенсия. А российские гонорары не соответствовали затраченным интеллектуальным усилиям. Но главное, он планировал сосредоточиться на социологии. «В мире и в России, согласно моим исследованиям, сложилось такое состояние, — пояснял он, — для описания которого средства литературы оказываются слишком слабыми. В сфере искусства адекватными средствами изображения могут стать лишь кино и телевидение, опирающиеся на все прочие средства познания изображения и вбирающие их в себя. Но мне уже поздно уходить в эту сферу. Да я и не чувствую себя способным на это. В сфере же социологии, особенно в той её части, которую разрабатываю я сам, ещё имеются сильные изобразительные средства, адекватные

характеру наступившей эпохи»[812].

И тем не менее. Из Германии он привёз рукопись своего последнего романа. Но печатать его сразу не стал. Хотел ещё с ним поработать. Московский водоворот дел первое время не давал такой возможности. К тому же жизнь менялась прямо на глазах, добавляя новые сюжеты и краски. Он вернулся к роману только через три года. Окончательный вариант получил название «Русская трагедия (Гибель утопии)».

Если, по остроумному замечанию Л. И. Грекова, «Глобальный человейник» стал «Зияющими высотами» западнизма[813], то «Русская трагедия» — это своего рода анти-«Светлое будущее». Действие происходит здесь и сейчас — в Москве начала 2000-х. «Из окна моей комнаты открывается панорама города. Она сверкает бесчисленными позолоченными куполами церквей. Когда начиналась советская эпоха, первым делом строили школы, больницы, заводы. Постсоветская эпоха началась с буйства церковников. Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности — в бездну рабской покорности. Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой модерновой западнообразной архитектуры, — храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Всё пошло прахом. Новый Бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа»[814].

В основе сюжета, как и в «Светлом будущем», история типичного представителя советской интеллигенции и его семьи в новое антисоветское время. Институт, в котором он проработал десятки лет, закрыли за ненадобностью. Без работы остаётся и жена. Ищет спасения в религии, в сектантских учениях, потом, разочаровавшись, впадает в депрессию и в конце концов умирает. У дочери распадается семья, так как муж от безысходности начал пить. Сын пытается заниматься бизнесом, но по неумению и в условиях царящего в стране беспредела теряет всё — дело, квартиру, жизнь. У внука на уме мечты об эмиграции, о Западе, об Америке.

Жёсткими мазками рисует Зиновьев реалии новой России: «Закрыты десятки крупных промышленных предприятий. Открыты предприятия по изготовлению железных дверей для квартир и сигнализации для машин (от грабителей), казино, ночные клубы, туристические бюро, центры сбрасывания лишнего

веса и повышения сексуальной мощи. И это всё вносит свой вклад в „подъём“ экономики.

Бастуют учителя во многих районах страны — им много месяцев не платят зарплату. Отключили электричество в ряде городов — в больницах из-за этого умирали люди во время операций. Известная певица отметила день рождения в известном ресторане — присутствовали двести гостей, потрачено двести тысяч долларов. Убит известный учёный, академик. Убит среди бела дня в подъезде своего дома. Убийцы — молодые люди не старше восемнадцати лет. Взяли около тысячи рублей. Разоблачена группа фальшивомонетчиков, изготовлявшая фальшивые доллары. Перехвачена партия наркотиков, самая крупная в этом году. Возбуждено уголовное дело… Разоблачена… Задержана… Убиты… Ограблены…

И это — изо дня в день»[815].

Но основное содержание книги не эти картины перевернувшегося советского мира. Герой пытается понять, что произошло, как «светлое будущее» обернулось мраком настоящего. Он знакомится с Критиком, альтер эго Зиновьева, который даёт ему прочитать свою книгу «Русский коммунизм», в которой даётся социологический анализ советского строя и причин, приведших к его краху.

Текст книги Критика дополняется лекциями Критика, которые он читает на семинаре, организованном героем романа для таких же как он, потерянных и ищущих. Образ семинара является концептуально важным для Зиновьева. Ибо, несмотря на весь радикализм своих взглядов, вплоть до признания правомерности политического террора, единственным эффективным орудием сопротивления в сложившихся условиях он считал социальное просвещение. Об этом он говорил и корреспонденту «Лимонки», когда призывал к восстанию: «Началась путаница, люди потеряли социальные координаты, не знают, что делать. Я считаю, что в этой ситуации молодым людям надо начинать с нуля. И установки должны быть такими: в первую очередь нужно разобраться в том, чем была Советская Россия, что произошло, почему она рухнула, какой строй установился сейчас, и понять это нужно с абсолютно беспощадной научной объективностью. Если возникнут какие-то молодёжные организации, которые встанут на путь настоящего протеста, мои познания всегда будут к их услугам. Я считаю, что нужно начинать сейчас с нуля. В данный момент для молодых людей открывается огромное поле для революционной деятельности в хорошем смысле этого слова. Начинается новая эпоха борьбы за просвещение, за высокие ценности, борьбы против тех ценностей,

которые навязали России, по существу, ценностей, деморализующих российское общество. <…> Надо вспомнить Томаса Мора, Фурье, Кампанеллу, Роберта Оуэна, надо вспомнить лучших людей и Запада, и России, которые жизнь отдали борьбе за идеалы человечества. Начинается новый этап. Я молодым людям посоветовал бы начинать именно с этого. И не нужно сразу думать о какой-то массовости, всё начинается с единицы. Если один человек не встанет на этот путь, то не будет никаких миллионов масс, массы появятся только тогда, когда появятся такие единицы, которые решат для себя пожертвовать своей жизнью ради Великой Цели, ради того, чтобы идти по этому пути. Это я считаю абсолютно необходимым условием сохранения русского народа и возрождения России. С этого надо начинать»[816].

На семинаре герои «Русской трагедии» ведут политические и социологические дискуссии. Без оглядки и без надежды. Без страха и упрёка.

«— Потуги „Кремля“ к усилению своего контроля за происходящим в обществе очевидны. Но в этом нет ничего особенного. Это можно отнести к обычному стремлению власти навести порядок в стране. Интересно то, что делает власть для этого.

— Она многое делает!

— Это рутина, суета сует. Важно, что она делает социально значимого. А с этой точки зрения следует обратить внимание на поиски некоего врага и даже на изобретение такого врага, во всяком случае, на создание образа такого врага.

— Как в сталинские годы: „враги народа“, троцкисты, шпионы и диверсанты.

— А в гитлеровской Германии — коммунисты, евреи.

— А теперь террористы.

— Даже угроза некоего мирового терроризма. Но этого мало. На этом долго не протянешь. Исподволь раздувают и, я уверен, провоцируют специально неких экстремистов. Бритоголовые фашисты. Национал-большевики. Теперь усиливаются антикоммунистические намерения.

— Но всё это не такие уж значительные явления. А коммунисты теперь вполне ручные.

— Верно. Но достаточно того, что они дают повод, какой-то материал властям для создания определённой идеологии и законодательства, которые придают политическому режиму черты, напоминающие режимы Муссолини, Гитлера, Сталина и других диктаторов.

— Но у нас вроде демократию создают!

— На словах, в пропаганде. А на деле нечто другое. Сейчас готовятся законы относительно дискредитации существующего („конституционного“) социального строя. По этим законам, не только практические намерения свергнуть его, но даже просто публичная его критика и теоретический анализ, разоблачающий его суть, будут расцениваться как преступление. А это — конец демократии, если таковая в какой-то мере была.

— Значит, фашизм?

— Нечто вроде либерального фашизма»[817].

На две трети «Русская трагедия» состоит из теоретических трудов и публицистических выступлений Зиновьева 1990-х — начала 2000-х годов. Это своего рода свод его газетных статей и интервью. Многие главки являются буквально фрагментами его бесед с журналистами «Правды», «Труда», «Советской России», «Рабочей газеты», «Родной газеты» и др. Наверное и впрямь, писать о главном для него — о социальной гибели России — Зиновьев не только традиционными художественными средствами, но даже теми, которые он создал внутри своего собственного творчества, не мог. Литература для него кончилась. Остался только крик.

«— Мне нынешнее состояние России напоминает отступление разгромленной армии, — говорит Защитник. — Причём отступление паническое. Бросается всё, что трудно или невозможно сохранить, удержать за собой. Так бежать легче. Убегают, спасая шкуру, немногие. Остальные отстают, гибнут. Наживаются мародёры.

— И при этом создают видимость успехов, подъёма, побед, — говорю я. — Такого пускания пыли в глаза и хвастовства не было даже в советские годы.

— Надо оправдаться, скрыть реальное положение, сохранить своё положение, нажиться.

— И к чему это приведёт?

— Почему „приведёт“? Уже привело. Забавно слушать, когда говорят об угрозе кризиса и даже катастрофы. Катастрофа уже произошла. Мы живём в состоянии катастрофы. А нам всё твердят, будто мы не близки к ней, не на грани катастрофы. Президент сказал, что России сейчас никто не угрожает. За кого нас принимают?! За круглых идиотов?! Нам действительно уже не угрожают, поскольку нас уже разгромили!! Нас убили, а мёртвым смерть не грозит.

— Но мы пока живы! Надо же что-то делать! Хоть что-то!

— Это концепция нынешней власти. Концепция узаконивания капитуляции. Делать хоть что-нибудь — значит, делать вид, что что-то делается для спасения страны. Это имитация дела,

показуха, видимость. Если делать, то, как говорится, по-большому. Что-то из ряда вон выходящее.

— Что?

— Не знаю. Может быть, подняться во весь рост и с пением „Интернационала“ идти на верную смерть, как делали когда-то коммунисты»[818].

Но и криком уже — не докричишься.

Критик умер. Его свезли на кладбище. Рукописи выбросили на помойку. Семинар прекратил работу.

Критик умер. Но сам Зиновьев был живее всех живых.

Квартира на Чертановской (а позже — на Воробьёвых горах) радушно принимала всех — и прежних друзей, и новых, и вовсе не знакомых людей, искавших общения и духовной поддержки.

Профессор Иркутского государственного университета, философ О. А. Кармадонов вспоминает: «С Александром Александровичем Зиновьевым я познакомился лично в период моей стажировки в Институте социологии РАН летом 2001 года. Встреча — почти случайна. Заглянув по какой-то надобности в редакцию журнала „Социально-гуманитарные знания“ на Большой Никитской, разговорился с сотрудниками. Оценил, в частности, тот факт, что они создали в „СГЗ“ „авторскую страницу Александра Зиновьева“. <…> В редакции „СГЗ“ особо отметили обязательность и ответственность А. А. — все материалы он предоставлял чётко в срок, в соответствии с графиком. Поговорили о нём, и в итоге мне был даже предложен его домашний телефон.

Спустя пару дней я ему позвонил и договорился о встрече. Встретились мы 13.07.2001 г. у А. А. в квартире в Северном Чертанове. Открыл дверь сам хозяин — очень доброжелательный и улыбчивый, со строгими внимательными глазами. Пригласил в гостиную, усадил на диван, достал „Боржоми“ и мы начали разговаривать. А. А. рассказал, что бывал в Иркутске, „правда, ещё до войны“.

Я, готовясь к встрече, набросал предварительно вопросы, которые хотел бы задать А. А., но в итоге забыл даже раскрыть блокнот — беседа шла стихийно, импульсно и невероятно интересно. Говорили о многом — о перманентно конкурентных взаимоотношениях Запада и России, о возможных элементах новой социальной теории, которая помогла бы нашему обществу не потеряться в глобальном мире, о взаимоотношениях власти и интеллектуалов, о причинах крушения СССР и о многом другом.

В то время в нашем обществе всё чаще звучала идея о том, что России необходимы какие-то прорывные субъекты — регионы-

лидеры, отрасли-лидеры, предприятия-лидеры. Эти субъекты, которые назывались поимённо (и перечислялись на пальцах одной руки), должны-де стать локомотивами развития, которые вовлекут потом в свою динамику и все остальные субъекты. Обсудили мы с А. А. и это. Я поинтересовался его мнением относительно наличия таких „точек развития“. Александр Александрович довольно грустно сказал, что, на его взгляд, доминирующая пока тенденция — всё-таки тотальная деградация. Деградация на фоне всё более набирающей силу „кажимости“, под которой А. А. понимал создание видимости социального благополучия, консолидации, развития. Когда дела в стране обстоят всё хуже, а праздников и шоу становится всё больше. В СССР, по словам А. А., тоже была практика демонстрации, и довольно мощно развитая, однако в то время демонстративность и реальность всё-таки не отстояли друг от друга так далеко, как сейчас, в постсоветской России.

Проговорили мы часа три. А. А. подарил мне „Зияющие высоты“. Потом я засобирался (думаю — пора и честь знать), мы вышли в прихожую и ещё там проговорили около часа. В этот момент пришла супруга А. А. — Ольга Мироновна, после знакомства первым делом поинтересовавшаяся — накормил ли меня хозяин? А. А. растерянно уставился на меня, а я — на него. Ольга Мироновна махнула рукой, сказала укоризненно: „Всё понятно“. Бог ты мой, о какой еде можно было вообще думать?! Я ведь говорил с самим ЗИНОВЬЕВЫМ!»

А вот как вспоминает первый визит к Зиновьевым совсем молодой в ту пору журналист А. С. Блинов: «В 2003 году к нам в экспертный отдел аналитической дирекции „Первого канала“ пришёл новый сотрудник — известный журналист Станислав Стремидловский — яркий, любознательный, читающий. Как-то в разговоре он поделился, что знаком с Александром Зиновьевым и периодически берёт у него интервью для газеты, а на вопрос можно ли встретиться с Зиновьевым, сказал, что это сделать просто, так как профессор совершенно открыт для общения и будет рад новому знакомству. На встречу к Александру Александровичу мы пришли не только с коллегами по „Первому каналу“, но также пригласили друзей (историка и политолога Ирину Ефремову, историка и политолога Ольгу Погонину, философа Алексея Никонова — правнука В. М. Молотова, дипломата Станислава Исмагилова). В почти том же самом составе мы встречались с Александром Александровичем дважды.

В гости к Зиновьевым я шёл с ощущением редкой удачи, случайно полученной привилегии познакомиться с живым классиком, с человеком, кто делает историю. На протяжении всей

встречи, несмотря на присутствие около десятка человек, я чувствовал его рентгеновский взгляд: порой было страшно от того, что этот человек видит насквозь твои мысли, душу. Во всяком случае, в моей жизни больше не было такой „рентгеновской“ встречи, когда невозможно было спрятать ни одной мысли, как в храме… Это, правда, не помешало мне задавать вопросы „взахлёб“, на что даже получил справедливое замечание его супруги Ольги Мироновны Зиновьевой, что могу лишиться возможности получить более полные ответы. Всё было очень динамично и ощущалось как интенсивный энергообмен. В разговоре были задействованы все участники встречи, каждый воспользовался своим правом на вопрос»[819].

В таких встречах и беседах рождался «зиновейник» — неформальная духовная община. Реальная альтернатива духовному вырождению и пустоте.

Семинар. Очаг сопротивления.

Он щедро раздаривал себя людям. Но ему хотелось вести систематическое обучение. Его логическую школу в своё время подло придушили. За границей об учениках и подумать было невозможно. Его педагогическая душа томилась. Ректор Московского гуманитарного университета И. М. Ильинский, с которым Зиновьев познакомился в Кишинёве, вспоминает: «Однажды мы с Александром Александровичем крепко выпили. Так, без всякого повода, по случаю, под солёный огурец. Это было, кажется, в 2001 году. В какой-то момент он с горечью вдруг сказал: „Мне уже под восемьдесят, а у меня нет учеников. Скоро уходить в мир иной, а кроме книг, после себя ничего не оставляю“. <…> Вскоре я предложил ему создать в университете Школу А. А. Зиновьева. Сказал: „Я каждый год буду отбирать в эту школу 50–60 самых головастых наших студентов, а Вы будете читать им тот курс лекций, который сочтёте нужным. Тогда Вы сможете передать молодёжи квинтэссенцию Ваших идей“. Зиновьев отреагировал словами: „Отличная идея!“»[820].

Школу Зиновьева при Московском гуманитарном университете в течение последующих лет окончило около 300 человек. Каждому был выдан сертификат с перечнем прослушанных лекций, подписанный Зиновьевым и Ильинским, заверенный печатью университета.

Содержание курса нашло отражение в пособии «Логическая социология», вышедшем в издательстве университета. В этом труде Зиновьев обобщил и довёл до итогового завершения основные положения и принципы созданной им новой гуманитарной дисциплины.

Лекции эти записаны на видео, оцифрованы и выставлены в открытый доступ в Интернете. Благодаря новым технологиям каждый может стать учеником «Школы А. А. Зиновьева».

Было бы желание!

Кстати, возможности Интернета он оценил достаточно быстро, однозначно признав его культурно-историческое значение. Особенно высоко ставил он потенциал свободы и независимости личности в Интернете. Для него как «суверенного государства» это было дороже всего. Он видел в Интернете идеальное пространство самореализации. «Я всю свою жизнь (начиная со школы) занимался интеллектуальной творческой деятельностью. И с первых же её шагов, когда у меня стали обнаруживаться какие-то способности и получаться какие-то результаты, я сталкивался с противодействием со стороны людей, от которых так или иначе зависел успех и признание результатов этой деятельности, — делился он с читателями журнала „Домашний компьютер“. — Эти люди образовывали базисную среду, в которой должна была протекать моя деятельность и с которой я должен был считаться. Чтобы выжить в качестве творческой личности, я должен был погружаться в эту среду, подчиняться её законам. Но деятельность моя была такова, что поступая так, я должен был всю жизнь посвятить „пробиванию“ какого-то маленького кусочка её результатов, причём — без гарантии на адекватное признание. У меня ушли десятки лет борьбы, чтобы ослабить и разорвать путы среды и завоевать свободу деятельности, на какую был способен и к какой стремился. Это мне удалось лишь отчасти. Занять в жизни положение, адекватное тому, чего я добился в своём творчестве, так и не удалось. Я смотрю на Интернет с точки зрения этого опыта своей жизни. Я не рассчитываю на то, чтобы воспользоваться им лично. Слишком поздно. Если бы он появился в моей юности и я имел доступ к нему, я, наверное, построил бы свою жизнь иначе. Но я — не уникальное исключение. Думаю, что людей такого типа, как я, на планете появляется довольно много. Вот для них Интернет может стать мощнейшим средством не только расширения и облегчения сферы информации и коммуникации, но прежде всего средством освобождения от рабской зависимости от фундаментальной среды и включения в среду качественно иного социального типа и более высокого (с точки зрения творческой деятельности) уровня. Это может радикально повлиять на все аспекты творчества. Это позволит экономить силы и время, расширить сферу новаторства, выработать более свободные и вместе с тем более строгие критерии отбора и признания»[821].

В апреле 2000 года журналист газеты «Лимонка» Алексей Волынец, делавший с ним интервью, предлагал ему создать свой сайт: www. zinoviev.ru. «Полагаю это было бы крайне интересно и полезно, — писал он Зиновьеву. — Даже у нас, в России, особенно в Москве, уже сотни тысяч пользователей Интернета и гигантская аудитория на Западе. Это позволило бы ежедневно ознакомиться с Вашими работами сотням людей, вне зависимости от их географии. А также позволит иметь отличную „обратную связь“ с читателями, благодаря возможности E-mail, электронной почты»[822]. Но он не знал, как подступиться. Однако идея ввести Зиновьева в интернет-пространство, как говорится, витала в воздухе. И совсем скоро нашёлся молодой помощник.

Павел Карпов, как и многие, пришёл в «зиновейник» на Чертановскую по зову души, желая разобраться в собственных мыслях и сомнениях. И не зря. «Я столкнулся с критикой со стороны Александра Александровича, — вспоминает он. — Она не была жёсткой, но была по-зиновьевски увлекательной, страстной. Он, как обычно, фиксировал свою позицию, а не пытался изменить позицию другого человека или как-то его перевербовать. Он просто заявлял своё кредо, излагал своё представление. Весомость и ясная простота этих представлений была столь значима, что внутри думающего человека начиналось внутреннее борение, размышления и в конечном итоге какое-то уточнение себя, уже соотнося с тем, что есть такой феномен — А. А. Зиновьев. Ложная идеологическая шелуха отпадала»[823]. Услышанным и осознанным хотелось делиться с каждым. Об этом должны знать все!

Карпов предложил публиковать Зиновьеву все его актуальные тексты на сайте «Русский вклад». И вскоре они стали очень популярны. Возникло предложение организовать дистанционное обучение пользователей сайта. «Значительная часть последней книги А. А. Зиновьева „Фактор понимания“ была подготовлена им как Интернет-лекции для широкого круга русскоязычных подписчиков из разных регионов мира, — рассказывает Карпов. — Эти лекции появлялись с определённой периодичностью в течение двух лет. Мы провели кампанию с целью формирования своего рода клуба читателей, готовых изучать произведения А. А. Зиновьева. Александр Александрович писал лекции, мы их оперативно рассылали подписчикам, придумывали разные формы заданий слушателям. Получая вопросы от читателей, мы передавали их Зиновьеву. В общем, организовывали диалог Александра Александровича с Интернет-аудиторией»[824].

Был потом ещё проект. На сайте «Русский подкастинг». По книге Зиновьева «Веселие Руси». Зиновьев читал отрывки из

книги, а Карпов превращал это в некий интересно-слышимый аудиофайл.

Зиновьев всегда был открыт ко всему подлинно новому, революционному. Не любил архаику, антиквариат. Ценил неординарных людей. Сильных. Идущих наперекор. Ломающих традиции. Открывающих неизведанное. Идеи, взрывающие мозг, вызывали его самое живое сочувствие. Поступки, осуждаемые массой, находили его неизменную поддержку. Когда-то он сформулировал правило: чтобы обогнать, нужно не догонять, а резко уйти в сторону, то есть — в отрыв. И приветствовал всех, идущих своим путём. Он знал, как им трудно. Он сам был в отрыве. В стороне.

Среди его новых московских знакомых академик Анатолий Фоменко, создатель «новой хронологии», пожалуй, один из самых колоритных возмутителей интеллектуального покоя. С его сочинениями Зиновьев познакомился ещё в эмиграции и нашёл в них созвучие с собственными идеями об идеологической корректировке или, выражаясь резче, фальсификации прошлого. Его поразила концепция масштабной умышленной подмены исторических данных. Она перекликалась с его размышлениями над тем процессом разгрома советской истории, который начался в годы перестройки.

В 1999 году Зиновьев написал предисловие к книге Фоменко и Носовского «Реконструкция всеобщей истории», в котором сосредоточил внимание не столько на собственно содержании книги, посвящённой, по его выражению, разоблачению «первой фальсификации» истории, сколько на своём предостережении о начавшейся «второй фальсификации». По правде говоря, что там было до семнадцатого века, когда, по версии Фоменко, началась «первая фальсификация», его не очень волновало. Он тревожился за то, что было после семнадцатого года. Он бил в набат: «В начавшейся второй фальсификации уже участвуют многие тысячи специалистов, владеющих средствами создания точно такой же ложной картины человеческой истории, но при условии точности в отношении пространственно-временных координат событий и точности описания отдельных конкретных фактов. Фальсификация достигается за счёт отбора фактов, их истолкования и комбинирования, погружения их в контекст идеологических концепций и пропагандистских текстов и т. д. Чтобы описать технологию второй фальсификации истории достаточно чётко, полно и убедительно, требуется определённым образом разработанная логика и методология науки и социологическая теория, которую я называю логической

социологией. Но всё это — дело будущего. Так что вторая фальсификация истории происходит и, по всей вероятности, будет происходить впредь так же беспрепятственно и успешно, как и первая. Пройдут десятилетия и века, и исследователям-одиночкам будущего придётся производить исторические „раскопки“ в отношении „новой истории“, подобные тем, какие осуществил Фоменко (и его предшественники, включая Н. А. Морозова) в отношении „старой истории“»[825]. Концепция глобальной фальсификации истории как формы идеологической войны сверхобщества найдёт отражение во всех последующих выступлениях и публикациях Зиновьева, посвящённых вопросам современности.

Но не только «новая хронология» вызывала интерес. Фоменко — выдающийся математик, и с ним можно было говорить о таких предметах, которые были недоступны большинству окружавших Зиновьева гуманитариев. К тому же Фоменко — незаурядный художник-сюрреалист. Они часто встречались, дружили семьями, а в 2004 году, когда Зиновьевы переехали в университетскую квартиру на Воробьёвых горах, и вовсе оказались соседями по подъезду. Им было интересно друг с другом. «Мы часто бывали у них в гостях, часто они приходили к нам, — вспоминают супруги Фоменко. — Бурная, яркая, доброжелательная, вулканически противоречивая личность Александра Александровича производила на нас глубокое впечатление. С чем-то мы соглашались, с чем-то бурно спорили, но всегда это было доброжелательно, уважительно и взаимно обогащало. <…> Общение с ним поражало. Он постоянно генерировал новые идеи, часто абсолютно неожиданные»[826].

Фоменко в качестве примера неустанного новаторства Зиновьева приводят его идею создания особой методики логического исчисления структуры текстов. «Он много размышлял о том, как научиться высвечивать внутренний „логический скелет“ тех или иных литературных, научных, философских сочинений. В том числе старинных. Как описать „логический костяк“, на который „нанизаны“, например, произведения Аристотеля, Платона, средневековых философов? Выделение такой „логической матрицы“ позволило бы представить структуру литературного или философского произведения в виде графа, то есть набора „вершин“, соединённых „рёбрами“ (отрезками). В образном выражении Александра Александровича, желательно было бы взглянуть на философский или социологический текст как на ветвистое дерево, украшенное пышной кроной. Первое впечатление от произведения (часто внешнее и поверхностное) даёт именно эта

„лиственная крона“. Однако она зыбка, колышется на ветру и существует лишь потому, что в её основе находятся ствол и ветви. Убрав крону, мы обнажаем тот „скелет“, на котором зиждется произведение. В качестве „вершин графа“, то есть основных структурных блоков, Александр Александрович предполагал взять многочисленные логические понятия, категории, формулы, выработанные в процессе развития философии и употреблённые в анализируемом тексте. Ведь каждый философ, создавая свой труд, оперирует устоявшимися понятиями, принятыми в его научном кругу и позволяющими разным учёным общаться друг с другом. Далее, в качестве „отрезков-рёбер“, соединяющих „вершины графа“, Александр Александрович мыслил взять логические связи (связки), которыми пользуется данный автор, чтобы сформулировать и развить свою логику, вывести из посылок следствия. Список таких логических связей (переходов) в общем-то известен и может быть формализован, перечислен. В результате рассматриваемый философский текст того или иного автора представляется в виде графа, то есть как набор некоторых „вершин“, соединённых связями-„рёбрами“. Образно говоря, „логика течёт вдоль рёбер“ этого графа. Другое представление „логического потока“ можно мыслить, как говорил Александр Александрович, в виде логической матрицы, таблицы. По строкам и столбцам следует отложить логические понятия, встретившиеся в данном произведении, а те пары понятий, которые оказались участвующими в той или иной логической формуле (переходе, связи), нужно отметить числом, стоящим на пересечении данного столбца и данной строки. Величина числа может указывать на характер данной связи: сильная, слабая и т. п.

Итак, получается „логический скелет“, или „логический портрет“ рассматриваемого текста. Ясно, что для разных произведений одного автора, а тем более для разных авторов, это „логическое дерево связей“ может быть различно. Следующая мысль Александра Александровича состояла в том, что произведения, созданные одним автором и, более того, даже разными авторами, но творившими в рамках одной и той же философской школы, должны быть „в среднем“ похожи друг на друга. Точнее, их „логические матрицы“ должны быть в определённом смысле близкими. Если это действительно так, философия получила бы в свои руки новый мощный инструмент анализа многочисленных философских произведений, как древних, так и современных. Открылась бы возможность сравнивать их друг с другом, выделять близкие, далёкие и т. п. В частности, можно было бы обнаруживать плагиат. Или устанавливать авторство того или иного недавно открытого, но

ранее неизвестного старого философского текста. Конечно, здесь не обойтись без обширного вычислительного эксперимента с конкретными произведениями»[827].

В числе «экзотических» знакомств Зиновьева этих лет — лидер Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии Муамар Каддафи. Этот харизматичный политический лидер вызывал глубокое уважение Зиновьева своей независимой позицией и открытой конфронтацией с Америкой. Наряду с Милошевичем и Саддамом Хусейном Каддафи представлял собой зримый вызов формирующемуся глобальному сверхобществу.

В начале 2001 года Зиновьев побывал в Ливии по приглашению Каддафи и получил предложение стать его политическим консультантом. Конечно, реализовать практически это предложение было невозможно, но Зиновьев обещал посылать ливийскому президенту свои новые социологические труды. 23 апреля 2001 года, посылая Каддафи только что вышедшую книгу «Гибель русского коммунизма», он писал:

«Глубокоуважаемый господин Президент!

Возвращаясь мысленно к моему визиту на Вашу Родину, вспоминая чрезвычайно содержательный разговор с Вами, лидером Ливии, я поражаюсь до сих пор меткости Ваших высказываний и глубине Вашего анализа международной ситуации и положения Вашей страны на фоне всего театра действий, в том числе и военных, которые не дают покоя людям с гражданской совестью и умеющих трезво оценить весь ход мировой истории.

„Являясь писателем и социологом, исследующим влияние выдающихся политических деятелей современности на эволюционный процесс человечества в наше время и его будущее, я отношу Вас к немногочисленному числу именно таких личностей. Ваша огромная роль в современном международном геополитическом процессе — несомненна“, — писал я Вам в моём первом письме.

За прошедший с момента нашей первой встречи период произошло огромное количество событий, всколыхнувших всю планету: экологический и политический терроризм США, американские бомбёжки на Ближнем Востоке, расправа над Югославией, попрание человеческих святынь в Израиле. Я убеждён, что Ваша позиция безусловно отвечает всей системе Ваших ценностей, в чём мне хотелось бы ещё раз убедиться при очередной встрече на Вашей гостеприимной Родине.

Я много думал обо всём этом, выступал на всевозможных

конференциях, опубликовал целый ряд статей, посвящённых всей этой тематике, а совсем недавно я опубликовал книгу „Гибель русского коммунизма“, которую непременно хотел бы передать Вам лично, многоуважаемый господин Президент, ибо меня восхищают Ваш жизненный подвиг. Ваше мужество и непреклонная воля в проведении Ваших идей на благо Вашей страны»[828].

Участь Каддафи была ему очевидна. Сверхобщество не потерпит сопротивления. Мощь его смертельна для любого строптивца. Каток глобализации безжалостно закатает пёстрый бедуинский шатёр в унылый асфальт «демократии».

К его восьмидесятилетию друзья подготовили солидный том «Феномен Зиновьева». В антологию вошли сочинения Зиновьева из разных сфер его творческой деятельности, а также отзывы и рецензии критиков, коллег, учеников. Восемь разделов. Формула Жизни. Логика. Художественная проза. Социология. Идеология. Публицистика. Поэзия. Изобразительное искусство: картины и рисунки. 400 страниц убористого мелкого шрифта. Такого же, как в первом издании «Зияющих высот». Набрать обычным книжным размером, выйдет вся тысяча!

Кому-то сборник покажется фолиантом. По внешнему виду так. Но, по сути, книга даёт лишь *общее* представление о трудах Зиновьева. На самом деле, это лишь *краткий путеводитель* по ним.

Само празднование юбилея прошло пышно. Торжественно. На главной площади страны — в Парадных сенях Государственного исторического музея.

Красные правительственные телеграммы весь день шли потоком.

От Председателя Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Г. Н. Селезнёва:

…В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВАС ХОРОШО ЗНАЮТ ПРЕЖДЕ ВСЕГО КАК КРУПНОГО УЧЁНОГО, АВТОРА МНОГОЧИСЛЕННЫХ ТРУДОВ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, АКТИВНОГО ИХ ПОПУЛЯРИЗАТОРА. ВАША ЧЁТКО ВЫРАЖЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ЗАСЛУЖИВАЕТ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ. МЫ ПРИЗНАТЕЛЬНЫ ВАМ ТАКЖЕ КАК УЧАСТНИКУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ПИЛОТУ-ШТУРМОВИКУ, НАГРАЖДЁННОМУ БОЕВЫМИ НАГРАДАМИ РОДИНЫ…

От руководителя фракции КПРФ в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации, председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова:

…МУЖЕСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА ТАМ, ГДЕ ТРУДНО, ИБО ОН СПОСОБЕН, ПОДНЯВШИСЬ ВО ВЕСЬ РОСТ, ПРИНЯТЬ УДАР НА СЕБЯ, ЧЕСТНО И ПРЯМО ОБРАТИТЬСЯ К НАРОДУ, СКАЗАВ СЛОВО ПРАВДЫ. ВЫ, АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ИЗ КОГОРТЫ ИМЕННО ТАКИХ ЛЮДЕЙ. ВОТ ПОЧЕМУ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ НЕОБХОДИМ НЕ ТОЛЬКО ВАШ ГОЛОС В ЗАЩИТУ СОЦИАЛИЗМА, КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ, СТРОГИЙ И БЕСПРИСТРАСТНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОСТИ, НО И ЧЁТКОЕ ПРОВИДЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО. ГЛАВНОЕ — ВЫСТОЯТЬ, СУМЕТЬ ОТСТОЯТЬ ЕГО…

От Председателя Комиссии Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по оказанию содействия Югославии в преодолении последствий агрессии НАТО Н. И. Рыжкова:

…ВАШ ВКЛАД В ПОДДЕРЖКУ БОРЬБЫ НАРОДА ЮГОСЛАВИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ, В ПОДДЕРЖКУ БОРЬБЫ СЛОБОДАНА МИЛОШЕВИЧА ПРОТИВ НЕПРАВЕДНОГО ГААГСКОГО ТРИБУНАЛА ОБЩЕИЗВЕСТЕН. МЫ ЦЕНИМ ВАС КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПИСАТЕЛЯ И ФИЛОСОФА, ВНЁСШЕГО ЗАМЕТНЫЙ ВКЛАД В МИРОВУЮ СОКРОВИЩНИЦУ ЗНАНИЙ, КАК ПУБЛИЦИСТА И ВОСПИТАТЕЛЯ МОЛОДЁЖИ. МЫ ЗНАЕМ ВАС КАК СМЕЛОГО ПИЛОТА ШТУРМОВИКА ИЛ-2, СОВЕРШИВШЕГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ДЕСЯТКИ БОЕВЫХ ВЫЛЕТОВ…

От руководителя аппарата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации А. Н. Лоторёва: … ПРИРОДА ЩЕДРО НАГРАДИЛА ВАС ТАЛАНТОМ ФИЛОСОФА, СОЦИОЛОГА, ПУБЛИЦИСТА. ТВЁРДОСТЬ ВАШИХ УБЕЖДЕНИЙ, ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, ТАЛАНТ И МУЖЕСТВО В ОТСТАИВАНИИ ПРАВА СВОБОДНО МЫСЛИТЬ ЗАСЛУЖИВАЮТ ИСКРЕННЕГО УВАЖЕНИЯ. ВАШИ НАУЧНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, КОТОРЫХ БЫЛО СОЗДАНО БОЛЕЕ 30, ПРИНЕСЛИ ВАМ ПРИЗНАНИЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ, ИЗМЕНИЛИ ИХ МИРОВОЗЗРЕНИЕ…

От губернатора Костромской области В. А. Шершунова:

…ВЕСЬ МИР ЗНАЕТ ВАС КАК ВЫДАЮЩЕГОСЯ ФИЛОСОФА, ПРОФЕССОРА ВЕДУЩИХ ВУЗОВ СТРАНЫ: МГУ И

ЛИТЕРАТУРНОГО ИНСТИТУТА, ДИРЕКТОРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА А. А. ЗИНОВЬЕВА ПРИ МОСКОВСКОЙ ГУМАНИТАРНО-СОЦИАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ. ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ ОСОБАЯ ГОРДОСТЬ, ЧТО ВЫ НАШ ЗЕМЛЯК, РОДОМ ИЗ ЧУХЛОМЫ…

От председателя Костромской областной думы В. П. Ижицкого:

ВАША ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО, ВЕЛИКОГО СЫНА РОССИИ — ПОДЛИННЫЙ ЭТАЛОН СЛУЖЕНИЯ РОДИНЕ, ЕЁ НАРОДУ. ПРЕВОЗНОСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО, ВЫСМЕИВАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГЛУПОСТЬ, ВЫ ОКАЗЫВАЕТЕ НЕЗАМЕНИМУЮ ПОДДЕРЖКУ СОВРЕМЕННОМУ НЕУВЕРЕННО СТОЯЩЕМУ НА НОГАХ РОССИЙСКОМУ САМОСОЗНАНИЮ, ПОДТАЛКИВАЕТЕ НЫНЕШНЮЮ РОССИЙСКУЮ ВЛАСТЬ К ДОСТОЙНОМУ ОТНОШЕНИЮ К СВОЕМУ НАРОДУ. ВЕРЮ, ПРИДЁТ ВРЕМЯ, КОГДА ВАШЕ ТВОРЧЕСТВО БУДУТ ИЗУЧАТЬ В ШКОЛАХ КАК ПРЕДМЕТ ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖЕНИЯ И ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ…

От президента Торгово-промышленной палаты, депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Е. М. Примакова:

…ОТДАЮ ВАМ ДАНЬ КАК ИЗВЕСТНОМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ, ЗАСЛУЖЕННОМУ ВЕТЕРАНУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, УЧЁНОМУ, ПАТРИОТУ, ГРАЖДАНИНУ, ВОЗГЛАВЛЯЮЩЕМУ РОССИЙСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ПО ЗАЩИТЕ СЛОБОДАНА МИЛОШЕВИЧА…

От депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, лауреата Нобелевской премии по физике Ж. И. Алфёрова:

…ИСПЫТЫВАЮ ВОСХИЩЕНИЕ ОТ ТОГО, КАК МНОГО УЖЕ УДАЛОСЬ ВАМ СДЕЛАТЬ, А ВЫ НЕУСТАННО ПРОДОЛЖАЕТЕ ДЕЛАТЬ ДЛЯ НАШЕЙ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ДЛЯ ВСЕЙ НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ. МАЛО КОМУ ДОСТАЛАСЬ ТАКАЯ ТРУДНАЯ И НАСЫЩЕННАЯ СОБЫТИЯМИ ЖИЗНЬ. КАК ИСТИННЫЙ УЧЁНЫЙ И ИНТЕЛЛИГЕНТ ВЫ СОХРАНИЛИ ВО ВСЕХ ИСПЫТАНИЯХ КРЕПОСТЬ ДУХА, ПЫТЛИВОСТЬ УМА, ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ И ОПТИМИЗМ И ГЛАВНОЕ — ОБЕСПОКОЕННОСТЬ ЗА БУДУЩЕЕ РОССИИ…

От депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации Г. В. Гудкова:

…ВАШ УМ, ЭРУДИЦИЯ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННОСТЬ ПО ПРАВУ СНИСКАЛИ ВАМ РЕПУТАЦИЮ ТАЛАНТЛИВОГО УЧЁНОГО, ЗА ПРИЗНАНИЕМ КОТОРОГО В СТРАНЕ И МИРЕ СТОЯТ ВАШ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И НЕУСТАННЫЙ ТРУД. НЕОРДИНАРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ВАС КАК ФИЛОСОФА, ГЛУБОКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДАЮТ НАМ ПРАВО УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ВАШИ РАБОТЫ ИГРАЮТ ВАЖНУЮ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА…

От депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации О. Н. Коргунова:

…УБЕЖДЁН, ЧТО ВАША АКТИВНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННОСТЬ, А ТАКЖЕ НЕУСТАННЫЙ ТРУД И ЧУВСТВО ВЫСОКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЯВЛЯЮТСЯ ВЕСОМЫМ ВКЛАДОМ В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ НАУКИ…

От депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации В. И. Шандыбина:

…ВАС ЗНАЕТ НЕ ТОЛЬКО ВСЯ РОССИЯ, НО И ВСЯ ПРОГРЕССИВНАЯ МИРОВАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. ДЛЯ НАС ВЫ СЕГОДНЯ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ ОБРАЗ НАСТОЯЩЕГО РУССКОГО ПАТРИОТА, И Я, ШАНДЫБИН ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ, И МИЛЛИОНЫ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ ПОДДЕРЖИВАЮТ ВАС. СЕГОДНЯ ВЫ СТОИТЕ НА ПЕРЕДОВОМ КРАЕ БОРЬБЫ ЗА РОССИЮ, ЗА ЕЁ НАРОД, ИСТОРИЮ, КУЛЬТУРУ, ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ. ВАС, ДОРОГОЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ПО ПРАВУ МОЖНО НАЗВАТЬ ОДНИМ ИЗ БОЕВЫХ КОМАНДИРОВ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ФРОНТА. Я, УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, ВХОЖУ В НАШЕ ОПОЛЧЕНИЕ, И МЫ С ВАМИ ДОЛЖНЫ ВЫСТОЯТЬ И ПОБЕДИТЬ! ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ ГОРДОСТЬЮ НАШЕГО НАРОДА И НАШЕЙ РОДИНЫ. ПОКА ЕСТЬ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, РОССИЯ ВЫЖИВЕТ, ВЫСТОИТ, ПОБЕДИТ!..

От депутата Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, председателя мандатной комиссии, дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта В. И. Севастьянова:

…ВСЯ ВАША ЖИЗНЬ — ЭТО ДОСТОЙНОЕ ПОДРАЖАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ…[829]

Он принимал поздравления, подарки, цветы. Радовался. Благодарил. Давал автографы. Пил шампанское. Но мысленно был в стороне от этой суеты. От праздника. От праздности.

Пришло время подводить итоги.

Все, без исключения, желали ему здоровья, долгих лет жизни. А сколько их на самом деле осталось? В любом случае — жизнь прожита. Главные результаты достигнуты. Нужно теперь их обобщить и привести в систему.

В дни юбилея, отвечая на вопрос: «Что такое мудрость?» — он говорил: «Разумеется, это итог прожитых лет. Отбрасывается всё лишнее. Что затемняет основные результаты. На первый план выходит самое главное. Мудрость — это упрощение мысли, не некая примитивизация её, а доведение результатов до такого состояния, когда эти мысли можно смело сообщать другим, даже стоящим на более низком уровне развития, не боясь, что не поймут. Та самая простота, когда результаты сложного исследования выражаются чётко и ясно. Такая простота приходит на смену излишнему интеллектуализму. Постепенно все привходящие сложности отбрасываются. Это как у строителей. Вывозится после завершения стройки весь строительный мусор, снимаются леса, и обнажаются или красота конструкции, или безобразность. То, что ты сумел сотворить»[830].

«Феномен Зиновьева» ему понравился. Задуман правильно и исполнен качественно. Но всё же в нём много пестроты, дробности. Есть излишки. Есть и лакуны. Целостность его скорее формальная, чем органическая. Как справочник — отлично, как сводный труд — не годится.

Он решил создать свою *последнюю книгу*.

Превратить Знание — в Учение.

Оставить Завет.

Когда говорят о Зиновьеве, пишут словарную статью или справку, его определяют как логика, писателя, социолога, поэта, художника, карикатуриста — в разном наборе и последовательности. Все эти дефиниции правильны и имеют отношение к той деятельности, которую осуществлял Зиновьев в течение всей своей жизни (не забудем, что это ещё и деятельность педагога и просветителя, проповедника, публициста). Но все эти запятые между дефинициями как бы прозрачными стёклами разделяют личность Зиновьева на разные, чуть ли не противоположные, по крайней мере отдельные, отделённые друг от друга личности: Зиновьев-логик, Зиновьев-писатель, Зиновьев-социолог, Зиновьев-художник и т. д. Тем самым утрачивается целостность его личности и вместе с тем понимание феномена

Зиновьева.

О личностях, подобных Зиновьеву, говорят: многогранные, многосторонние, одарённые во многих отношениях. Так, точно человек есть некая форма, внешняя оболочка, огранённая с разных сторон. А внутри заключённого в этих границах пространства — пустота? Тогда как там — ядро, не просто связующее эти грани, стороны, но ядро, их порождающее. И порождающее именно как единство. Индивидуальное и неповторимое. Это ядро определяет формы, размер, долговременность существования граней, которыми оно проявляется. Количество этих граней и их конкретное выражение (логика, литература, рисование, живопись, речь).

По отношению к Зиновьеву, более чем к кому-либо, следует это иметь в виду. Потому как он не логик только, писатель только, социолог только, художник только, проповедник только. Он *всегда* логик-писатель-социолог-художник-проповедник.

Зиновьев — *самобытный русский мыслитель.* При этом глубоко народного, а не академического плана.

Зиновьев — крестьянский сын.

Глубинную основу его личности составляло крестьянское мировидение. Мировидение конкретного, здравомыслящего человека, стоящего лицом к лицу к действительности. Её познающего и её преобразующего. Противостоящего ей и принимающего её. В полноте и данности её.

Крестьянская забитость, крестьянская религиозность, крестьянское суеверие и темнота — это всё дворянско-интеллигентские мифы.

Крестьянин — мужественен, силён и смел. Физически и духовно. Чахлые здоровьем — умирают, нетвёрдые духом — становятся рабами.

Крестьянин сам по себе. Одиночка. Суверенное государство.

Он признаёт семью как часть себя. Но если что-то пойдёт не по нему, то и семью оставит. Или расправится с ней.

Крестьянская община — союз суверенных государств, заключённый в целях самосохранения и самообороны.

Русские богатыри — из крестьян.

Русские монахи — из крестьян.

Русские купцы — из крестьян.

Ломоносов — крестьянский сын.

Георгий Жуков — крестьянский сын.

Юрий Гагарин — крестьянский сын.

Оберегая своё, крестьянин не замыкается в своём «мирке». Ему всё интересно. Крестьянин — первопроходец, первооткрыватель, изобретатель.

Он ценит практическую учёность и сам создаёт прикладную науку. Все свои знания, умения и тайны он носит с собой. В себе.

Его руки и голова — его главное, порой единственное, достояние.

Он может сотворить мир своими руками: построить дом, вспахать поле, выкопать колодец, воспитать детей.

Он может сочинить мир из своей головы: Иванушку-дурачка и Ивана-царевича, Василису Прекрасную и Премудрую, со всеми её прелестями и хитростями, Кощея Бессмертного и Бабу-ягу, добра молодца и красну девицу. А ещё тридевятое царство, тридесятое государство, чёрта и самого Господа Бога.

Мир крестьянина выстроен по порядку. Он организован. Он системен. Всё в нём взаимосвязано и взаимообусловлено. Всё своим чередом и ладом.

Он радуется жизни и не боится смерти. Он бессмертен, хотя и живёт один раз.

Крестьянский мир разумен и строг. Устойчив, но в нём дремлет стихия. Разумен и жесток. В нём нет сердечности. В нём есть правда.

Правда, справедливость — единственный Бог крестьянина. Его единственная страсть. За правду он ничего не пожалеет. За поругание справедливости он никого не простит. Правда и справедливость исчерпывают всю его идеологию, определяют его конституцию — право, экономику, мораль.

Крестьянский сын Зиновьев всю свою жизнь исповедовал *презумпцию здравого смысла.* В этом истинная народность личности Зиновьева, всей его деятельности мыслителя и художника. Именно практика здравого смысла привлекла Зиновьева в «Капитале» К. Маркса и в развёрнутом в нём методе восхождения от абстрактного к конкретному. Он, по-крестьянски, увидел в нём практическую пользу, здравый смысл, и принялся его развивать и разрабатывать. В собственных целях. Лично для себя. И добился выдающихся результатов.

Именно отсутствие здравого смысла в идеологии марксизма сделало Зиновьева антимарксистом. Её фальшь, её казуистика, её утопизм и практическая ненужность в повседневной жизни человека (он и доказал необходимость идеологии для существования государства, а не личности).

Именно утрата практического смысла в методологических спекуляциях Щедровицкого стала причиной отхода Зиновьева от «станковизма» и всей проблематики его.

В формальной логике, в математической логике он тоже действовал с тех же, народных, позиций здравого смысла и критиковал всё, что было лишним и неэффективным. Его

комплексная логика — логика крестьянского сына, логика крестьянской правды — здравого расчёта и холодного ума.

Презумпция здравого смысла порождает критический, сатирический взгляд на мир. Сатира Зиновьева правдива. Она и не сатира вовсе. Она — правда. Карикатуры и хохмы Зиновьева не искажали мир, а только лишь *отражали его искажение.* В основе карикатуры всегда лежит идеальное представление о предмете. Карикатура искажает идеал. Карикатуры Зиновьева запечатлевают гибель идеала. Они представляют собой плач по утраченному идеалу, реквием.

Крестьянин ценит красоту, но выше красоты ставит правду. Он не умеет приукрашивать. В мире Зиновьева нет красоты, потому что её нет в мире, окружающем Зиновьева. Этот мир утратил её. Остались лишь призраки. Он восхищался великими произведениями прошлых веков, признавал их красоту и гармонию, но — как утраченную, погибшую для современности.

Глубинной народностью Зиновьева объясняются его эстетические новации и открытия. Его отрицание поэзии как искусства, отказ от романной формы и достижений реализма. Демонстративное, нарочитое подчинение поэтической оболочки практическим целям. Для Зиновьева как человека практического поэзия — не метафоры и тропы, а способ запоминания. Поэзия не лирика (за редким исключением), а рифмованная мысль. То же и роман, дворянская игрушка, с излишними деталями и отступлениями. Зиновьев предпочитал анекдот, который стал главной структурной единицей зиновьевской прозы. Анекдот Зиновьева — притча, зерно смыслов. Он носит не развлекательный, а познавательный характер. Это одна из практических форм упаковки здравого смысла.

Тексты Зиновьева — формулы, анекдоты, стихи — для усвоения и запоминания. Для использования в практической нужде. Это практическое знание.

Его социология той же, крестьянской, породы: «Нет человека вообще. Есть конкретные люди. Живущие в конкретных условиях. Большинство людей ни для чего живут. Просто родились, выросли и живут. Питаются, приобретают одежду, женятся, производят потомство. Вот и всё. И вся тайна жизни»[831].

Презумпцией здравого смысла объясняются и политические взгляды Зиновьева. Его антикоммунизм в советское время и его антизападнизм в постсоветскую эпоху. Его формула: «Целились в коммунизм, а попали в Россию» — крик отчаяния *промахнувшегося*, в данном случае — *попавшего.* Стреляющий в яблоко на голове ребёнка может сбить его двумя способами: попав в яблоко и попав в ребёнка. Позднее признание Зиновьевым

советского строя выросло *из практики страдания* постсоветского человека, а не из отвлечённых соображений.

Его интерес к любой деятельности носил практический характер. В пределе его философская доктрина может быть определена так. Мир представляет собой сверхсложную, постоянно развивающуюся и изменяющуюся систему. Она обладает своими объективными законами движения, которые также находятся в процессе динамичного взаимодействия друг с другом, определяя конкретные исторические формы существования системы. Человек, человечество — часть этой системы. Это специфически активная часть её. Сознающая, познающая, творящая и преобразующая. Создающая своей деятельностью новые обстоятельства, оказывающие влияние на развитие системы и действие законов её. Человек способен и обязан познавать мир. Человек имеет волю и власть к переделке мира. В его арсенале много инструментов. Главный из них — человеческий разум. Способность воспринимать, описывать, анализировать и моделировать явления мира. Понимать его. Цель мыслителя — понять наблюдаемый мир и передать людям своё знание-открытие. Мыслитель не только исследователь, но и пропагандист знания. Мыслитель всегда Учитель. Без просветительской составляющей деятельность мыслителя бессмысленна, ибо бесплодна.

Свою книгу книг он назвал «Фактор понимания». В ней он впервые объединил под одной обложкой разработанные им принципы, правила и законы комплексной логики, названные им интеллектологией, и основанную на них социологическую концепцию существования и развития человечества — логическую социологию.

«Фактор понимания» — экстракт мыслительной деятельности Зиновьева за многие годы работы. Можно сказать, что он писал эту книгу всю свою жизнь. Читатель Зиновьева вспомнит, когда и где впервые Зиновьев написал ту или иную главу, фрагмент, фразу этой книги. Наверное, если бы оснастить текст «Фактора понимания» сносками первых и последующих публикаций этих фраз, фрагментов, глав, то книга увеличилась бы ещё в полтора раза. Он действительно неоднократно писал и говорил на эти темы. Повторяя, но не повторяясь. Проговаривал. Прописывал. Это был его метод.

Ещё в «Зияющих высотах» он сформулировал тезис о важности повторения: «Когда люди повторяются и пережёвывают одно и то же, они при этом занимаются, между прочим, и логической обработкой своих мыслей»[832]. Он и рисовал так.

Дочь Зиновьева Тамара рассказывает: «Папа добивался точности большим трудом. Он многократно уточнял рисунок, но при этом обходился без ластика. Клал чистый лист на ранее выполненный рисунок и обводил просвечивающие линии с небольшими сдвигами. Или подкладывал лист под рисунок и обводил его по готовым линиям с сильным нажимом, чтобы потом уточнять продавленные канавки. Снизу должно лежать что-нибудь не очень твёрдое, проминающееся. Книжка, например. <…> Обычно черновики нещадно выкидывались»[833]. Так же и в живописи: «Ранее созданные изображения записывались новыми слоями краски. Он возвращался к работе над тем же произведением спустя иногда значительное время. <…> Страсть к перерисовыванию объясняется тем, что изменялось авторское представление об отображаемом объекте. На первом этапе доработки композиция насыщалась деталями, нюансами. Затем решение двигалось в сторону лаконизма, формульности — пока на картине не останется несколько скупых, ровно раскрашенных силуэтов»[834].

Если мы сравним «черновики» «Фактора понимания», то есть те тексты, из которых построена большая часть книги, с текстом самой книги, мы как раз увидим эту тщательную, кропотливую работу мастера, идущего к абсолютной точности высказывания и ясности его выражения, иногда радикально меняя структуру мысли, а где-то только выправляя запятую.

«Фактор понимания» — «магический кристалл» зиновьевской мысли. Алмаз, превращённый в бриллиант. Блистающий и переливающийся всеми красками здравого смысла.

«Фактор понимания» интересен. Драматичен. Насыщен энергией. Язык его лаконичен и выразителен. В нём нет занудности и умствования. Он наполнен не только мыслями, но и эмоциями. Он волнует. Он держит в напряжении. Это интеллектуальная проза высшего качества. Одна из вершин мировой литературы.

Сияющая высота.

Он жил, не обращая внимания на возраст. Преподавал, выступал, писал статьи, редактировал готовящиеся к печати книги, давал интервью. Встречался с братьями, переживал за дочерей, гулял с друзьями. Острил, рисовал шаржи, сочинял «Ибанские хроники». Обдумывал новые темы.

Болезнь подкралась незаметно. Как тать.

Как-то с утра почувствовал себя неуверенно. Что-то нога не хочет слушаться. Пересилил себя, сделал зарядку. Отжался привычные 25 раз. Но состояние не нормализовывалось. Может

быть, погода? На дворе мрачный московский январь. Сел работать. Заправил в печатную машинку лист. Но что за беда, не может найти нужные буквы! Он, конечно, не Ольга, особой скоростью печатания не отличается, но тем не менее при надобности всегда с грехом пополам с машинкой справлялся. Справился в конце концов и в этот раз, только уж как-то совсем худо.

А Ольги рядом нет. Она как раз уехала в Мюнхен, где Полина ждала второго ребёнка. Родила под новый год внучку. Лидочку. Ольга хотела помочь. Уезжала, правда, с неохотой. В непривычном для неё беспокойстве. Он всё уговаривал не волноваться за него, мол, не маленький. Хорошо, что скоро вернётся. А то ведь был план, что она задержится месяца на четыре.

Когда Ольга вернулась, он, не придавая особого значения, пожаловался на свои недомогания. Она как-то очень серьёзно ко всему отнеслась. Он даже пожалел, что сказал. Стала настаивать на медицинском обследовании. Не хотелось ему идти к врачам. Только после того, как об этом же заговорил Гусейнов, у которого они гостили и где он никак не мог с первого раза справиться то с чашкой, то с чайной ложкой, поддался.

Терапевт в университетской поликлинике предположила микроинсульт и посоветовала пройти более тщательную проверку. Диагноз, который после небольшой медицинско-бюрократической дьяволиады, измотавшей и оскорбившей их обоих, вынесли врачи, был смертельным. Мультиформная глиобластома. По-русски, рак мозга.

Он точно предвидел это, когда писал свой автопортрет! Или напророчил?

Какая злая игра природы!

Или — месть Бога?

Не о том ли у Тютчева?

Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты…

Ему определили три месяца. И хотя физические силы уходили стремительно, слабели мышцы, утомлялось внимание, угасал голос, хотя боль нарастала и порой становилась нестерпимой, он в эти три месяца дал десяток интервью, написал-продиктовал несколько статей, до последнего часа редактировал «Фактор понимания».

Он не боялся смерти. Бессмысленно бояться неизбежного.
Он не думал о ней.
Неинтересно!
Он оставался верен своему принципу: «Живи!»
И думал о Жизни.
О дочерях. Об Ольге. О России.
О Европе. О мире.
О Человеке.

«В последние недели он носил плотную шерстяную шапочку, — вспоминает М. Кантор, — облегавшую голову, предохранявшую хоть немного от звуков — даже не особенно громкие звуки отзывались болью. Держался до самого последнего дня потрясающе, как, впрочем, и всегда держался. <…> За неделю до смерти мы сидели в его московской квартире — отец (Карл Кантор. — *П. Ф.*), Зиновьев, его жена Оля и я; говорили не о нём и не о болезни, говорили о том, что ещё надо сделать. Зиновьев посоветовал мне написать холст — изобразить собачью могилу, яму, вырытую на свалке, куда сбрасывают дохлых собак. Это будет потрясающая картина, сказал он. Братская могила дворняг. Символ России.

Это кто-то ему рассказал, что так обходятся с дохлыми псами; на самом деле их сжигают, облив бензином. Но картину он увидел, словно картина уже была написана, и несколько раз настойчиво провёл руками в воздухе — он любил рисовать. Если бы ему пришло в голову стать не писателем, но художником, он бы несомненно им стал.

В последнем разговоре Зиновьев обозначил актуальной проблемой дегуманизацию европейской культуры. Говорил, что сегодня надо бороться за возрождение европейского гуманизма. Считал, что единственный шанс спасти Россию — возродить европейский гуманизм, забытый Западом»[835].

Об этом он спешил сказать на исходе своих дней. Об этом писал в эссе «Что мы теряем», которое прочли читатели «Литературной газеты» 10 марта 2006 года. В нём Зиновьев говорит с предельной всеотзывчивостью *настоящего русского человека,* о котором пророчествовал Достоевский в «Пушкинской речи», чьё назначение «стать братом всех людей, *всечеловеком*»[836], для которого «Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братского стремления нашего к воссоединению людей»[837]:

«Когда я жил на Западе (1978–1999 годы), это, по всей

вероятности, были самые цветущие годы жизни Западной Европы вообще. Хочу обратить внимание читателя на то, что многие представители моего поколения вырастали в Советском Союзе, но в неизмеримо большей степени как люди западноевропейские, а не национально русские, — я в этом отношении ушёл дальше многих других. <…>

Для моего поколения свет разума приходил именно из Западной Европы и лишь постольку и в той мере, в какой он шёл благодаря влиянию западноевропейской цивилизации на Россию. Дефекты Запада мне были всегда видны и известны. Но для меня Западная Европа (Запад в строгом смысле слова!) не сводилась к капитализму, к частной собственности, к рынку, к наживе. Это было нечто более обширное и ёмкое, более значительное. Это был Ренессанс, Данте, Кампанелла, Микеланджело, Рафаэль, Шекспир, Рабле, Томас Мор, Роберт Оуэн, Монтень, Сервантес, Гёте, Бетховен, Моцарт, Чайковский, Менделеев, Толстой… Зачем перечислять сотни великих имён, создававших величайшую и, может быть, последнюю цивилизацию в истории бытия?

Сегодня западноевропейская цивилизация находится в серьёзной опасности. В чём именно заключается эта опасность?

Она (цивилизация) охватывает все аспекты человеческого бытия. Её остатки надо беречь как зеницу ока. Но складывается такое впечатление, что западноевропейский мир почти без боя сдаёт все величайшие завоевания своей цивилизации, подобно тому, как русские позорнейшим образом без единого выстрела сдали все высшие завоевания своей истории. Пример русских оказался заразительным, он обрушился на мир как внезапная и нелепая эпидемия. Нет, не эпидемия, а скорее, пандемия феноменальной глупости, трусости, подлости, предательства, гадливой слизи. Если погибнет то, что составляет дух и содержание западноевропейской цивилизации, на планете может наступить цивилизационный мрак. Главное — не надо её разжижать, разводнять, мельчить, разменивать на пустяки. Другая такая цивилизация может вообще больше не появиться»[838].

Свой последний текст он продиктовал 3 мая 2006 года:
«ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

> Мы здесь — не в положении апологетов или критиков, а в положении исследователей. Нам желательно знать истинное положение вещей. Что бы ни происходило в мире, нам приходится иметь дело с неумолимой реальностью. И она даёт о себе знать. И будет ещё долго фигурировать в истории человечества в

качестве действующего её фактора. Если действующая масса людей как-то живёт и совершает бесчисленные поступки, она всё-таки живёт, занимает жизненное пространство, а порою она даже может производить события, вызывающие у людей интерес и даже уважение.

Дело тут не в том, что Россия, как говорят, ещё жива, а в том, как именно она жива, в каком качестве живёт и что ещё можно от неё ожидать. Может быть, именно теперь нужно проявить к ней более серьёзную бдительность и осторожность. В её крахе может ещё сработать опасность более глубокая, чем принято думать. Кроме того, сам западноевропейский мир сейчас находится в состоянии, далёком от того, чтобы жить спокойно и не опасаться за его будущее. Это время спокойствия уже ушло.

При рассмотрении событий русской сегодняшней истории надо чётко разделять два следующих аспекта: аспект, который часто называют виртуальным, и аспект, который я называю субстанциальным. Под виртуальным часто имеют в виду нечто лишь воображаемое, а не существующее реально. Я ввожу термин „кажущность“, обозначающий вполне реальные явления, а не только воображаемые. Слово „кажущность“ — аналог комплекса понятий, таких, например, как театральность, имитационность, показуха, введение в заведомое заблуждение, смещение внимания, раздувание пустяков, замалчивание важного и т. д. В современной русской жизни этот кажущностный аспект играет гораздо более важное значение, чем аспект субстанциальный, в котором делаются какие-то более или менее реальные дела (что-то строят, приобретают, улучшают — бывает и такое!).

Кажущность в России приобрела настолько доминирующее значение, что стала фактически главным компонентом её социального бытия. В реальности имеет место такая мешанина событий, что люди просто утратили способность различения субстанциального и имитационного, показного, бутафорского бытия. Можно с полным правом констатировать без всяких преувеличений почти тотальное умопомешательство больших масс активно действующих (изображающих действия) россиян.

Одним из показателей этого является такой фактор, как элементарный подсчёт действий людей на уровне

системы власти, которым (действиям) можно хоть в какой-то мере доверять. Я думаю, что процент таких действий не превышает единицы. И это — в человеческом объединении двадцать первого века человечества! Само понятие доверия потеряло всякий разумный смысл.

Когда иногда приходится слышать о каком-то надёжном деловом партнёрстве, то на самом деле имеет место нечто качественно иное, лишь внешне похожее на деловое партнёрство. Это — явления в сфере иного бытия. Например, вся российская энергетика, ставшая фактически одной из опор российского бытия вообще, есть явление изобретённое, можно сказать, как „соломинка“, за которую хватаются интеллектуально беспомощные „реформаторы“. Даже в этих их действиях ощущается скрытая неуверенность, которая может легко перейти в панику.

Россия как могучая энергетическая держава — это идеологический миф российской бесперспективности. Само сужение экономического прогресса до „трубы“ есть показатель исторической обречённости.

Одно из характерных явлений нынешней российской жизни — миллионы людей делают вид, как будто вообще ничего особенного не произошло, будто русские живут некоей нормальной и даже привычной жизнью, состоящей из фильмов, песен, спектаклей-шоу, премий и наград, созданных по аналогам голливудской жизни. Пир во время чумы, одним словом.

Раскапывают и раздувают некие якобы яркие народные обычаи, что потом навязывается околпаченному обывателю в виде назойливой российской рекламы. Без конца показывают советские фильмы, заполоняя тоскующее и ностальгирующее сознание тех, кто уже не в силах что-либо изменить в ставшей им чужой реальности. А того, советского, мира уже нет, да и в советские годы в этих фильмах не всегда правдиво отражалась та же советская реальность. Двойной садизм тех, кто определяет, что показывать и как показывать идеологизированную советскую реальность сегодняшнему беспомощному зрителю, убивает изуверским сознанием палачей, знающих наверняка, что страдания жертвы (обездоленного и обворованного населения России) усиливаются ещё и тем, что видимое на экране уже не воротишь…

Если Россия обретает некое кажущееся единство, из этого не следует, будто появились силы, сплачивающие её в целое. Таких сил просто-напросто нет. Действуют силы иного рода: не объединяющие, а лишь вынуждающие людей, как жителей Кале, на какую-то совместность.

Что на самом деле произошло с той территорией, которую ранее занимала европейская часть Советского Союза? Фактически она была разгромлена до основания. А что осталось? „Трубы“ и обломки былой Советской Империи. И всё, что связано с этим прошлым величием, истребляется и по сей день. То, что существует ещё как-то, — обломки, остатки, на которых, как на пожарище, живут, приспосабливаются к новым, постпожарищным условиям уцелевшие погорельцы.

Но совместно жить — ещё не значит жить неким единым целым народом, организованным на великие свершения в будущем. Такого народа уже больше не существует. Живые, устроившиеся и использующие для себя остатки разворованной Великой истории великой страны, жизнь изображают так, как будто русские ещё никогда так хорошо не жили, как сейчас. Они ловко отворачиваются от всё возрастающих проблем экономики, культуры, демографии: на карте России исчезли десятки тысяч деревень — вместе с населением! — здоровье и трудоспособность нации проигрывается на тысячах „зелёных“ полей казино? Неродившиеся дети ещё в утробе матери продаются на „запчасти“ или для нужд косметики. Стабилизационный фонд, заблаговременно переведённый в Америку, жиреет и пухнет, а русские люди роются в помойках…

Что происходит с Россией — страшно, но ещё страшнее то, что происходит с человеком: он разрушен, его почти не существует. Ещё появляются на свет отдельные индивидуумы, но человек как некое целостное образование, как явление, оказывающее влияние на ход исторического процесса, более не существует. Надо начинать с нуля. Начинать с нулевого уровня — с создания нового человека. Человека цивилизованного, человека идеалистического, человека утопического, человека наивного, человека непрактичного, неэгоистичного, нерасчётливого. В моё время такие люди встречались. О таком человеке мечтали и писали Руссо и Локк, Гоббс и Декарт. Не

может быть, чтобы такой человек испарился бесследно!

Уйти из мира в никуда нельзя. Если и получится куда-то „эмигрировать“, то только на уровень высочайшей культуры, высочайшей мысли, высочайшей морали. Это своего рода „эмиграция“ во внутреннюю жизнь. Я не думаю, что люди полностью деградируют. Будем надеяться, что люди сохранят в себе человеческого как можно больше. Да, сегодня на свет появляется новый дикарь, обвешанный с ног до головы какими-то механическими приспособлениями, и он всё равно остаётся дикарём, варваром. Однако мы с вами люди. И пока мы с вами остаёмся людьми, надо понимать одно: все эти кибернетические существа, какими бы они ни были, не заменят главного — того, что рождает человек — огонь разума. Это чудо никто не может заменить.

Я вижу единственную надежду для человечества в том, что появится этот новый человек. Я надеюсь на чудо рождения этого нового человека. Я очень хочу, чтобы этот новый человек выжил, это моя самая заветная мечта. Если он не выживет — человечество не выживет» [839].

Он прожил ещё семь дней творения. Семь дней труда.

Он встретил День Победы.

Жизнь — вещь серьёзная.

В 2000 году режиссёр Виктор Васильев снял о нём документальный фильм «Я — суверенное государство». Фильм заканчивается монологом Зиновьева. Он говорит: «Я знаю, что самая страшная вещь для людей это истина. Люди боятся истины. Истина ко многому обязывает. Истина может прокормить, и то плохо, только одного человека. Ложь может кормить тысячи. Истина не приносит утешения. Ложь утешает. А такой панический страх истины, который сейчас можно видеть в России, я не знаю, был ли когда-нибудь ещё в истории.

Моим лозунгом всю жизнь было: „Правда. Только правда!“ Я этого принципа буду придерживаться до конца жизни. Ну, сколько мне ещё осталось жить, не знаю, но те годы, те месяцы, которые мне отведено судьбой, я готов отдать моим соотечественникам.

Всё, что я наработал за свою жизнь, — берите!»

Фильм на экраны не вышел.

Василий Розанов, размышляя в «Уединённом» о судьбе Чернышевского, писал: «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием»[840].

Эту формулировку можно с полным основанием применить и в случае Зиновьева.

Не использовать такую кипучую энергию, как у Зиновьева, для государственного строительства — было преступлением, граничащим *со злодеянием.*

Аой!

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга никогда бы не была написана, если бы не всеобъемлющая помощь, творческая заинтересованность, внимание и отзывчивость жены А. А. Зиновьева *Ольги Мироновны Зиновьевой.*

Знакомство с О. М. Зиновьевой стало возможным благодаря участию *Лолы Уткировны Звонарёвой.*

Неоценимую помощь при работе оказали родственники А. А. Зиновьева: его младший брат *Алексей Александрович Зиновьев,* дети *Валерий Александрович Зиновьев, Тамара Александровна Зиновьева, Полина Александровна Зиновьева и Ксения Александровна Зиновьева,* сестра О. М. Зиновьевой — *Светлана Мироновна Шуст.*

Большой вклад принадлежит ученикам и последователям А. А. Зиновьева *Юрию Николаевичу Солодухину, Анастасии Михайловне Фединой, Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову, Олегу Геннадьевичу Назарову, Алексею Сергеевичу Блинову, Максиму Анатольевичу Хромову, Станиславу Кузьменко, Ольге Кузьменко.*

Исключительную ценность имеет участие *Марка Александровича Зальцберга* (США), предоставившего в распоряжение автора книги свою многолетнюю переписку с А. А. Зиновьевым. Благодарю *Сергея Свердлина* (США) за его посредничество в общении с М. А. Зальцбергом.

Благодарю за отклик и интервью *Кристину Местр* (Франция), *Станислава Дея* (Польша), *Жоржа Нива* (Швейцария), *Ренэ Герра* (Франция), *Славу Лёна, Леонида Ивановича Грекова, Илью Семёновича Тимофеева, Владимира Григорьевича Бондаренко, Эдуарда Лимонова, Сергея Николаевича Бабурина, Ирину Николаевну Карякину-Зорину, Киру Александровну Сатир* (Франция), *Наталью Евгеньевну Горбаневскую* (Франция), *Николая Евгеньевича Дронникова* (Франция), *Сергея Афанасьевича Павлова, Андрея Михайловича Туркова, Татьяну Евгеньевну Хохлову* (Польша).

Мои самые добрые слова в адрес хранителей и специалистов архивов за их компетентную помощь и профессионализм: сотрудникам Центрального архива Министерства обороны РФ *Ольге Викторовне Волковой, Валентине Максимовне Смоляковой, Оксане Анатольевне Щетинцевой, Татьяне Валерьевне Лосевой, Марине Александровне Салопута, Ольге Владимировне Коханчик, Ольге Ивановне Кожуре, Галине Викторовне Третьяковой, Владимиру Михайловичу Курасову;* заведующей читальным залом

Архива РАН *Ирине Георгиевне Тараканової,* главному специалисту РГАСПИ *Галине Андреевне Юдинковой,* специалисту архива МГУ *Наталье Петровне Каргиной,* заведующей рукописным фондом ГЛМ *Евгении Михайловне Варенцевой,* сотрудникам Архива Института Восточной Европы в Бремене *Гарику Суперфину* и *Галине Евгеньевне Потаповой.* Особая благодарность секретарю дирекции Института философии РАН *Надежде Николаевне Родновой.*

Выражаю признательность за консультации, советы и справочную информацию *Вере Ивановне Павловой* (Псков), *Владимиру Янцену* (ФРГ), *Элле Опальной-Ницберг* (ФРГ), *Ирине Юрьевне Ковалёвой, Владимиру Георгиевичу Крижевскому, Елене Иосифовне Погорельской, Ирэне Александровне Желваковой, Светлане Яковлевне Фадеевой, Виталию Александровичу Шенталинскому, Ефиму Исааковичу Водоносу* (Саратов), *Сергею Геннадьевичу Ступину* (Иркутск), *Олегу Анатольевичу Кармадонову* (Иркутск), *Яну Лейзеровичу Дрибинскому* (Израиль), *Искандеру Сулеймановичу Валитову, Алексею Борисовичу Панкину, Лидии Степановне Кудрявцевой, Елене Аркадьевне Тахо-Годи, Николаю Ивановичу Бухтееву* (Донецк), *Михаилу Анатольевичу Перепёлкину* (Самара).

За переводческую помощь благодарю *Илью Олеговича Дементьева* (Калининград), *Святослава Игоревича Полякова* (Санкт-Петербург), *Елену Дмитриевну Дарскую, Леви Зелкинда* (Израиль).

Илья Олегович Дементьев также проделал ответственную и кропотливую работу по первоначальной вычитке и редактуре текста.

На разных этапах работы важно было узнать мнение и получить поддержку от *Валентина Яковлевича Курбатова, Павла Михайловича Крючкова, Светланы Васильевны Кековой, Руслана Равиловича Измайлова, Наталии Ивановны Михайловой, Владаса Ионо Повилайтиса, Евгения Александровича Трофимова.*

Благодарю моих коллег — руководство и сотрудников Государственного литературного музея: директора *Дмитрия Петровича Бака,* а также *Елену Дмитриевну Михайлову, Галину Борисовну Пономарёву, Анну Викторовну Петрову, Ольгу Вячеславовну Золотько* и *Ингу Михайловну Дробышевскую.*

Спасибо за доверие и труд директору издательства «Молодая гвардия» *Валентину Фёдоровичу Юркину,* главному редактору *Андрею Витальевичу Петрову,* всему коллективу издательства, готовившему эту книгу.

Особая благодарность моему литературному воспитателю *Людмиле Ивановне Сараскиной.*

И что бы я делал без любви, терпения и заинтересованного участия моей жены и первого читателя этой книги *Ольги Анатольевны Фокиной!*

Всем — низкий поклон.

Павел Фокин

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. А. ЗИНОВЬЕВА

1922, 29 октября — согласно официальным документам, в деревне Пахтино Чухломского района Костромской области, в семье крестьян Зиновьевых — Александра Яковлевича (1888–1964) и Аполлинарии Васильевны (урожд. Смирновой; 1891–1969) родился сын Александр.

1928–1932 — учёба в начальной школе в деревне Озерки Чухломского района Костромской области.

1933, август — уезжает из Пахтино в Москву. Живёт с отцом и братом Михаилом по адресу: г. Москва, ул. Б. Спасская, д. 11, кв. 3.

1933–1939 — учёба в московской общеобразовательной школе № 266 на Большой Переяславской улице. В летние месяцы живёт в Пахтино, помогая матери на колхозных работах.

1937 — вступает в комсомол. Комсомольский билет № 0090569. Общественное поручение — вожатый.

1939, 25 августа — приказом № 130а по Московскому государственному институту истории, философии и литературы зачислен студентом на первый курс философского факультета «как успешно выдержавший конкурсные приёмные испытания».

Конец осени — выступает на комсомольском собрании с критикой колхозного строя, подвергается разбору и медицинскому освидетельствованию на предмет психического расстройства. Исключён из комсомола.

Декабрь — по доносу одноклассников подвергается допросу в НКВД. Оставляет учёбу и уезжает из Москвы в Пахтино, скрываясь от возможного преследования.

1940, 15 февраля — приказом ректора МИФЛИ № 21 § 7 отчислен с первого курса философского факультета с 19 декабря 1939 года «за непосещения занятий».

Живёт в Пахтино у матери под предлогом академического отпуска по состоянию здоровья, работает в колхозе.

Начало осени — возвращается в Москву в связи с угрозой ареста в Пахтино по доносу соседей. Живёт по случайным адресам, подрабатывая разовыми работами.

29 октября — на основании добровольного заявления и в связи с достижением призывного возраста призван Ростокинским райвоенкоматом города Москвы на действительную воинскую службу.

17 ноября — определён красноармейцем 98-го

кавалерийского полка 31-й кавалерийской дивизии Особой краснознамённой дальневосточной армии (ОКДВА) города Лазо. Гарнизон Себучары.

1941, 18 марта — расформирована 31-я кавалерийская дивизия Особой краснознамённой дальневосточной армии (ОКДВА). Зиновьев к этому времени состоит в чине младшего сержанта.

Апрель — семья Зиновьевых выселена из своего дома в деревне Пахтино в соседнюю деревню Княжево.

16 апреля — от станции Лазо отправляется на станцию Славута Хмельницкой области для дальнейшего прохождения службы в составе 14-й кавалерийской Коммунистического интернационала молодёжи ордена Ленина, Краснознамённой, ордена Красной Звезды дивизии имени товарища Пархоменко.

3 мая — зачислен башенным стрелком в 29-й танковый полк 14-й кавалерийской дивизии.

17 июня — в составе команды из четырёх человек военнослужащих 29-го танкового полка, отобранных в авиаучилище, убывает из части в город Оршу.

18 июня — в городе Орша принят кандидатом в курсанты в состав 14-й военно-авиационной школы первоначального обучения лётчиков (14-й ВАШПОЛ).

6–12 июля — 14-я ВАШПОЛ передислоцируется в Горький.

16 июля — приказом № 23 зачислен курсантом 14-й ВАШПОЛ как прошедший мандатную комиссию в состав 1-й авиаэскадрильи (1-й отряд).

1 августа — 1-я учебная авиаэскадрилья перебазирована из Горького в Богородск Горьковской области.

27 декабря — приказом по школе № 217 выпущен из числа курсантов 14-й ВАШПОЛ и направлен для дальнейшего обучения в Ульяновскую военную авиационную школу пилотов.

1942, 3 января — приказом начальника Ульяновской военной авиационной школы пилотов (УВАШП) № 2 зачислен курсантом Ульяновской военной авиационной школы пилотов в состав запасного батальона.

1943 — в деревне Екатериновке под Ульяновском во время сельскохозяйственных работ курсантов УВАШП знакомится с Ниной Алексеевной Калининой.

1944, 22 января — переведён из состава запасной авиароты в состав 1-й эскадрильи.

30 января — 14 февраля — в составе группы офицеров и курсантов находится в командировке в городе Вольск Саратовской области.

5 мая — за активное участие по выпуску красноармейской

стенной газеты начальником школы выдана премия в размере 150 рублей.

14 мая — рождается сын Валерий.

31 октября — окончил Ульяновскую военную авиационную школу пилотов в составе шестого выпуска.

11 ноября — приказом ВВС КА № 0467 присвоено первичное офицерское звание «младший лейтенант». Удостоверение личности ЯО-0000001 № 150643.

26 ноября — прибыл на станцию Каменка-Белинская Пензенской области для прохождения службы в составе 10-го запасного авиационного полка.

7 *декабря* — переведён в состав 5-го запасного штурмового авиационного полка, дислоцированного в районе станции Кинель-Черкассы Куйбышевской области.

1945, 21 февраля — убыл в город Перемышль в распоряжение в/ч 2797 2 ВА для прохождения дальнейшей службы.

22 марта — приказом 6-й гвардейской штурмовой авиационной краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого 2-й степени дивизии № 014 назначен лётчиком 110-го гвардейского штурмового авиационного висленского полка, дислоцированного на аэродроме Кульпенау северо-восточнее города Зелёна Гура, Польша.

27 марта, с 15.49 до 16.51 — совершает боевой вылет № 1 в район крепости Глогау. Самолёт № 7088, хвостовой № 46. Бомбовая нагрузка 300 килограммов.

12 апреля — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Кульпенау на аэродром Липпен на территории Германии.

22 апреля — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Липпен на аэродром Адлиг-Дубрау возле города Котбус на территории Германии.

26 апреля — приказом по личному составу 110-го гвардейского ШАВП № 53 Зиновьеву присвоено звание «гвардия».

30 апреля — приказом 6-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии № 014/Н награждён орденом Красной Звезды № 2095519. Орденская книжка А-224070.

7 мая — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Адлиг-Дубрау на аэродром Грассау на территории Германии.

8 мая, с 17.45 до 18.48 — совершает последний боевой вылет (№ 18). Самолёт № 3988, хвостовой № 20. В составе группы действовал по автомашинам до 80 единиц и живой силе до 100 человек по дороге Нови-Каменице.

9 мая — награждён медалью «За победу над Германией».

9 июня — награждён медалями «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги».

17 июня — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Грассау на аэродром Пардубице на территории Чехии.

25 июля — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Пардубице на аэродром Секешфехервар на территории Венгрии.

27 декабря — в составе 110-го гвардейского ШАВП перебазируется с аэродрома Секешфехервар на аэродром Винер-Нойштадт на территории Австрии, близ Вены.

1946, 30 мая — приказом по личному составу № 94 110-й гвардейский ШАВП откомандирован в резерв.

23 июня — приказом Главного комиссариата Центральной группы войск № 01589 уволен в звании «гвардии младший лейтенант» из Красной армии по ст. 43, п. «а»: «за невозможностью использования, ввиду сокращения штатов». «Зачисляется на учёт по Чухломскому РВК Ярославской области».

Июль — посещает Пахтино, вместе с матерью возвращается в Москву, на Большую Спасскую.

Август — восстанавливается на первом курсе философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Пишет «Повесть о предательстве» (другое название «Повесть о долге»), показывает её К. Симонову и В. Ильенкову. По совету К. Симонова уничтожает рукопись.

1946–1951 — обучается на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Знакомится с Э. Ильенковым, Г. Щедровицким, Б. Грушиным, К. Кантором, Л. Карпинским, Ю. Левадой, А. Пятигорским, Ю. Карякиным, Э. Неизвестным, А. Черняевым.

1950, 1 июля — назначен на должность учителя логики в школе № 276 Щербаковского района города Москвы.

1951 — вступает в брак с Тамарой Николаевной Филатьевой.

10 апреля — защищает диплом с оценкой «отлично» по теме «Процесс „восхождения от абстрактного к конкретному“ в „Капитале“ Маркса». Научный руководитель — М. Н. Алексеев.

Июль — зачислен в аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

1951–1954 — обучение в аспирантуре философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и написание кандидатской диссертации.

1954 — вступает в КПСС.

Февраль-март — участвует в научных дискуссиях «О разногласиях по вопросам логики» и «Естествознание и философия».

30 мая — родилась дочь Тамара.

24 сентября — защищает кандидатскую диссертацию по теме «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (На материале „Капитала“ К. Маркса)». Научный руководитель — М. Н. Алексеев. Оппоненты — Т. И. Ойзерман и П. В. Копнин.

23 декабря — приказом № 366 по Институту философии АН СССР назначен на должность научно-технического сотрудника по сектору диалектического материализма с окладом 740 рублей в месяц.

1955, 14 февраля — переведён на должность младшего научного сотрудника.

1957, март — первые научные публикации в журнале «Вопросы философии». Статьи «Расширять тематику логических исследований» и «О связи и о знании о связи».

Август — принимает участие в мероприятиях VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Институте философии и на факультете философии МГУ.

1958, февраль — первая научная публикация за рубежом. В Праге в журнале «Filosofický Časopis» выходит статья «K problémе abstractního i konkrétního poznatku».

1958–1960 — преподаёт (по совместительству) в Московском физико-техническом институте. Читает курс «Философские проблемы естествознания» для студентов пятого курса.

1960, 15 марта — утверждён в должности старшего научного сотрудника.

Июнь — в издательстве «Наука» выходит монография «Философские проблемы многозначной логики».

22 июля — решением Президиума Академии наук Союза ССР утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности «диалектический материализм».

1962 — в издательстве АН СССР выходит монография «Логика высказываний и теория вывода».

13 ноября — на заседании объединённого учёного совета Института философии АН СССР защищает диссертацию на соискание учёной степени доктора философских наук по теме «Логика высказываний и теория вывода». Оппоненты — С. А. Яновская и В. Ф. Асмус.

1963— в Варшаве выходит монография «Filozoficzne problemy logiki wielowartosciowej». В Дордрехте (Голландия) выходит на английском языке монография «Philosophical problems of many-valued logic». Разводится с Т. Н. Филатьевой.

1965, 1 октября — знакомится с Ольгой Мироновной Сорокиной.

1966 — в издательстве «Наука» выходит монография «Основы

логической теории научных знаний».

27 апреля — решением Высшей аттестационной комиссии утверждён в учёном звании профессора по кафедре философии.

21 июня — приказом Министерства обороны № 172 присвоено воинское звание «капитан».

1967— назначен заведующим кафедрой логики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

24 сентября — вызывается в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС в связи с «Запиской пятого управления КГБ» и пишет «Объяснительную о контактах с проф. Д. Коми и проф. Д. Кляйном».

1968 — снят с должности заведующего кафедрой логики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

В ФРГ на немецком языке выходит монография «Über mehnvertige Logik».

1969, 12 июня — введён в состав учёного совета по проблемам диалектического материализма Института философии АН СССР.

24 июня — вступает в брак с О. М. Сорокиной.

1970— выходит монография «Комплексная логика».

В ФРГ на немецком языке выходит монография «Komplexe Logik».

1971 — выходит монография «Логика науки».

На Кубе на испанском языке выходит монография «Ensayo de lógica polivalente».

Летом вместе с женой Ольгой находится в командировке в ГДР, в Бранденбурге.

24 ноября — рождается дочь Полина.

1972 — выходит монография «Логическая физика».

1973 — в Голландии на английском языке выходит монография «Foundations of the Logical Theory of Scientific Knowledge». Осенью в Москве знакомится и общается с финским логиком и философом Г. фон Вригтом.

1974, 9 апреля — избран иностранным членом Финской академии наук в знак «признания выдающихся научных заслуг».

Июнь — август — в Переделкине снимает дачу у бывшего секретаря Свердловского районного комитета партии Москвы. Начинает работу над «Зияющими высотами».

Декабрь — заканчивает роман «Зияющие высоты».

1975 — переправляет по частям рукопись романа «Зияющие высоты» за границу.

В ГДР на немецком языке выходит монография «Logik und Sprache der Physik».

В связи с 250-летием АН СССР награждён медалью «За

трудовую доблесть».

1976 — в Варшаве, на польском языке выходит монография «Logika nauki».

27 июня — в связи с отказом в разрешении на выезд в Финляндию для участия в конференции по логике делает заявление для западной прессы. Подаёт заявление на выход из партии.

Июль — во время отпуска в посёлке Семихатка под Киевом пишет роман «Светлое будущее».

7 августа — в Лозанне в издательстве «L'Age d'Homme» выходит роман «Зияющие высоты».

2 декабря — решением партсобрания ИФ АН СССР исключён из партии, учёный совет ИФ АН СССР принимает решение обратиться в ВАК с предложением лишить Зиновьева учёных званий «старший научный сотрудник» и «профессор».

3 декабря — уволен из ИФ АН СССР. Вскоре, после активного заступничества западной прессы, вновь восстановлен на работе.

1977, январь — восстанавливает по памяти «Балладу о неизвестном лётчике», написанную в 1942 году.

20 января — освобождён от занимаемой должности старшего научного сотрудника ИФ АН СССР в связи с неизбранием его в должности на новый срок.

4 февраля — решением ВАК при Совете министров СССР «за совершение антипатриотических действий, несовместимых со званием советского учёного» лишён учёных степеней кандидата философских наук, доктора философских наук, учёных званий старшего научного сотрудника, профессора. Составляет завещание, в котором все авторские права в случае его смерти передаёт жене Ольге.

28 февраля — указом Президиума Верховного Совета СССР лишён воинских наград.

Март — в Лозанне выходит французский перевод романа «Зияющие высоты».

Лето-осень — пишет роман «В преддверии рая».

Октябрь — в Цюрихе выходит немецкий перевод романа «Зияющие высоты».

Ноябрь — в Милане на итальянском языке выходит первый том романа «Зияющие высоты».

11 ноября — в Женеве объявлено о награждении Зиновьева премией «Европейское эссе» («Europäischen Essay-Prix») за роман «Зияющие высоты».

2 декабря — вызван на допрос в Лефортово по делу А. Щаранского.

Декабрь — роман Зиновьева «Зияющие высоты» признан

книгой года по версии литературного журнала «Лира».

1978, 15 марта — в Лозанне в издательстве «L'Age d'Homme» выходит роман «Светлое будущее».

Весна-лето — работает над первым томом романа «Жёлтый дом».

28 июня — КГБ СССР направляет в ЦК КПСС записку «О мерах по пресечению антисоветской деятельности ЗИНОВЬЕВА А.» с предложением о высылке Зиновьева за границу.

30 июня — на заседании Политбюро ЦК КПСС принято постановление: «Согласиться с предложением Комитета госбезопасности».

2 июля — в Париже избран ассоциированным членом французского ПЕН-клуба.

19 июля — получает разрешение на выезд вместе с женой и дочерью в Германию, в Мюнхен, по приглашению профессора Мюнхенского университета Николуса Лобковица для проведения исследований и возможного преподавания.

6 августа — вместе с женой и дочерью покидает СССР.

22 августа — на заседании Политбюро ЦК КПСС принято постановление по вопросу «О лишении гражданина СССР Зиновьева А. А. гражданства СССР».

27 августа — участвует в XVI Всемирном философском конгрессе в Дюссельдорфе.

13 сентября — в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (№ 37) опубликован указ о лишении А. А. Зиновьева гражданства СССР.

Конец октября — в Мюнхене неустановленными спецслужбами организовано покушение на жизнь Зиновьева путём биологического заражения.

1–5 ноября — участвует в IV Европейском конгрессе писателей-фантастов (ЕВРОКОН-4) в Брюсселе в связи с вручением премии European SF Award за роман «Зияющие высоты».

27 ноября — в Париже награждён литературной «Премией Медичи для иностранных авторов» за роман «Светлое будущее».

Ведёт спецкурс по логике в университете Мюнхена.

Поездки с лекциями и выступлениями по Франции, Италии, Швейцарии, Испании.

1979 — пишет роман «Жёлтый дом».

На русском и французском языках выходят повесть «Записки ночного сторожа», роман «В преддверии рая», сборник публицистики «Без иллюзий».

На немецком, французском и шведском языках выходит роман «Светлое будущее».

22 февраля — в Риме избран почётным академиком Римской академии наук.

Поездки с лекциями и выступлениями по Англии, Италии, США, Франции.

Декабрь — в Тель-Авиве в журнале «Двадцать два» на русском языке опубликовано эссе А. Зиновьева «О Сталине и сталинизме (к столетию со дня рождения)».

1980— пишет социологическое исследование «Коммунизм как реальность».

Выходит роман «Жёлтый дом».

На английском, немецком, испанском, голландском языках выходит роман «Зияющие высоты». На английском, норвежском и голландском языках выходит роман «Светлое будущее». На немецком и итальянском языках выходит сборник «Без иллюзий».

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Швеции.

1981 — пишет роман «Гомо советикус», повесть в стихах «Мой дом. — Моя чужбина».

На русском, французском, немецком и итальянском языках выходит книга «Коммунизм как реальность».

На русском и французском языках выходит сборник публицистики «Мы и Запад».

На английском, немецком и голландском языках выходит роман «Зияющие высоты». На английском языке — «Светлое будущее».

Май-июнь — в Швейцарии в Веве в галерее «Plexus» проходит персональная выставка картин.

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, Швейцарии, Великобритании, Голландии, Дании, Швеции.

1982 — пишет роман «Иди на Голгофу», книгу стихов «Евангелие для Ивана».

Выходят книги «Гомо советикус» и «Мой дом. — Моя чужбина».

18 мая — в Париже объявлено о присуждении А. Зиновьеву премии А. де Токвиля за книгу «Коммунизм как реальность». Вручение премии — 1 июля.

Декабрь — в Париже в выставочном зале издательства «L'Age d'Homme» проходит выставка карикатур.

Поездки с лекциями и выступлениями по Австрии, Франции, Швейцарии, США.

1983 — пишет роман «Нашей юности полёт».

На русском и французском языках выходит сборник статей «Ни свободы, ни равенства, ни братства».

На французском, немецком и итальянском языках выходит

роман «Гомо советикус». На итальянском и французском языках выходит повесть «Записки ночного сторожа». На немецком языке выходят роман «Светлое будущее» и сборник статей «Мы и Запад».

На английском языке выходят книги по логике: «Non-Standard Logic and its Application (Several Lectures in Oxford)», «Logical Physics».

18–19 мая — в Вене принимает участие в симпозиуме «Религиозная свобода и права человека в Восточной Европе», встречается с президентом Австрии Бруно Крайским.

11–13 ноября — в Антверпене принимает участие в международной конференции «George Orwell and 1984».

1984 — пишет роман «Пара беллум».

На французском языке выходит роман «Нашей юности полёт».

Выходит книга стихов «L'Évangile pour lvan / Евангелие для Ивана» (издание на французском и русском языках).

На французском, английском (двумя изданиями) и шведском языках выходит роман «Гомо советикус». На норвежском языке выходит роман «Зияющие высоты». В Лондоне и Нью-Йорке на английском языке выходит книга «Коммунизм как реальность». В Кракове на польском языке выходит сборник статей «Мы и Запад».

2 апреля — в Страсбурге, в Совете Европы выступает на слушаниях «Orwell. 1984. Myths and realities. Man? The state and society in question».

4–8 апреля — в Токио участвует в конгрессе «Второй Ренессанс».

14 мая — в Мюнхене избран членом-корреспондентом Баварской академии изящных искусств.

8 июня — премьера документального фильма баварского телевидения «Alexander Sinowjew-Betrachtungen eines Schriftstellers im Exil» (реж. *Kurt Hoffman* и *Pitt Koch.)*.

Июль — в Мюнхене в выставочных залах музея «Вилла Штука» проходит персональная выставка картин и карикатур.

10–11 ноября — в Штутгарте принимает участие в конгрессе «Marxismus — die gescheiterte Philosophie unserer Epoche?».

1985 — пишет роман «Государственный жених».

Выходит роман «Иди на Голгофу».

На французском и сербском языках выходит роман «Нашей юности полёт». На итальянском языке выходят романы «Светлое будущее» и «Жёлтый дом». На английском языке выходит книга «Коммунизм как реальность». На немецком языке выходит книга «Диктатура логики».

27 марта — 27 июля — в Милане проходит выставка

живописи и графики, организованная Международным культурным фондом Armando Verdiglione.

Избран почётным гражданином Равенны.

6–7 ноября — в Париже на литературном форуме «Des Transeuropéennes de litérature» принимает участие в дискуссии о литературе в изгнании.

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, Италии, Швейцарии.

1986 — выходит роман «Пара беллум».

На немецком языке выходят роман «Государственный жених», пьеса «Рука Кремля», сборник статей «Власть неверия. Заметки о советской идеологии». На английском языке выходят романы «Жёлтый дом» и «Гомо советикус». На французском языке выходит роман «Иди на Голгофу». На польском языке выходит книга «Апология практического безумия».

3–5 января — в Лондоне проходит симпозиум, посвящённый творчеству Зиновьева под руководством Майкла Кирквуда и Филиппа Хэнсона.

12–16 сентября — в Гранже близ Авиньона проходит «Зиновьевский фестиваль» в формате «L'Ecole des Maitres» («Школы мастеров»), в программе которого научная конференция, посвящённая творчеству Зиновьева, «круглый стол», встречи с читателями. Избирается почётным гражданином Оранжа и Авиньона.

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, США.

1987— пишет романы «Живи», «Изюмовая бомба».

На французском языке выходит роман «Пара беллум». На французском, испанском и голландском языках выходит сборник статей «Горбачевизм». На немецком языке выходит книга интервью «Я — суверенное государство. Размышления русского космополита».

24 марта — 5 апреля — в Париже в галерее Anna Paternò проходит выставка рисунков.

14 мая — в Лугано участвует в работе 50-го конгресса Международного ПЕН-клуба.

27 ноября — 23 декабря — в Женеве в галерее «La Galerie des Platanes à Carouge» проходит выставка картин.

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, Италии, Швейцарии, Чили, США (Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Хьюстон, Мичиган).

1988 — пишет книгу мемуаров «Исповедь отщепенца», роман «Катастройка».

На русском, французском, итальянском и немецком языках

выходит сборник публицистических статей «Горбачевизм». Вторым изданием на русском языке выходит роман «Зияющие высоты». На итальянском языке выходит роман «Светлое будущее». На французском языке выходит повесть в стихах «Мой дом. — Моя чужбина».

6–8 июля — в Сан-Пауло принимает участие в работе семинара «Бразилия в XXI веке».

1989 — пишет книгу «Мой Чехов», выходит на французском языке. На русском и французском языках выходит роман «Живи». На английском, немецком и итальянском языках выходит роман «Катастройка». На испанском языке выходит второе издание сборника «Горбачевизм».

15–18 мая — в Милане принимает участие в работе 45-го съезда Социалистической партии Италии в качестве почётного гостя.

1 июня — во время поездки в Чили встречается с президентом А. Пиночетом.

13 августа — в Москве в газете «Московские новости» опубликовано первое после выезда из СССР интервью «Не кривил душой, не приспосабливался…». Интервьюер — Е. Амбарцумов.

Декабрь — в Мюнхене готовит к первому изданию в СССР роман «Зияющие высоты», перерабатывает структуру, вносит изменения и дополнения в текст.

19 декабря — в Милане в Palazzo della Permanente открывается выставка карикатур «Allegra Russia» и выходит одноимённый сборник стихов (на русском, итальянском, французском и английском языках). На выставке также представлены работы Тамары и Полины Зиновьевых. Работает до 21 января 1990 года.

Поездки с лекциями и выступлениями по ФРГ, Франции, Италии, Чили, Израилю.

1990 — на французском языке выходит книга мемуаров «Исповедь отщепенца». На русском, французском, английском, эстонском и венгерском языках выходит роман «Катастройка». На итальянском языке выходит роман «Иди на Голгофу». На сербском и эстонском языках выходит сборник «Горбачевизм».

9 марта — в Париже в телепередаче «Apostrophes» участвует в дебатах с Б. Н. Ельциным.

24 апреля — в Мюнхене рождение дочери Ксении.

Май — готовит к изданию в СССР романы «Гомо советикус» и «Пара беллум».

1 июля — опубликован Указ Президента СССР о возвращении гражданства СССР А. Зиновьеву, В. Максимову, Ж. Медведеву.

15 сентября — в газете «Комсомольская правда»

опубликована статья «Я хочу рассказать вам о Западе».

1991 — пишет роман «Революция в Царьграде».

В СССР отдельным изданием выходят переработанный вариант романа «Зияющие высоты» (тираж 250 тыс. экз.), романы «Гомо советикус» и «Пара беллум» (в одной книге), повесть в стихах «Мой дом. — Моя чужбина». В журнале «Октябрь» публикуется сокращённый вариант романа «Зияющие высоты». В журнале «Смена» выходит роман «Иди на Голгофу». На французском языке вторым изданием выходят книга мемуаров «Исповедь отщепенца», сборники публицистики «Les Gaietés de Russe» и «Perestroïka et Contr-Perestroïka». На итальянском языке выходит роман «Живи». На румынском языке выходит роман «Гомо советикус».

29 шюня — в Москве по второй общесоюзной программе СССР выходит телепередача «Баллада о неудачниках», посвящённая А. Зиновьеву. Автор и режиссёр — С. Немчинская.

20 сентября — в Москве решением ВАК отменено постановление 1977 года о лишении Зиновьева учёных степеней и званий.

1992 — на французском языке выходит роман «Революция в Царь-граде». На японском языке выходят роман «Катастройка» и книга мемуаров «Исповедь отщепенца». Многочисленные публикации в российской прессе — эссе, стихи, карикатуры. В Великобритании выходит монография М. Кирквуда «Александр Зиновьев: введение в творчество».

19 сентября — в Риме присуждена литературная премия «Tevere» за роман «Живи» как «лучшую книгу года».

10 ноября — в Берлине в Университете Гумбольдтов проходит семинар «Комплексная логика», посвящённый семидесятилетию А. Зиновьева.

1993 — пишет книгу «Запад. Феномен западнизма».

На голландском языке выходят книга мемуаров «Исповедь отщепенца» и сборник «Посткоммунистическая эпоха». Многочисленные публикации статей и интервью в российской прессе.

Март — в Париже принимает участие в международной конференции «Небо Европы. Второе возрождение».

27 шюня — впервые после отъезда в эмиграцию приезжает в Москву для участия в работе «круглого стола» «Возрождение России: концепции и реальность», организованного Российской академией наук.

31 шюля — в Москве на телеканале «Россия» выходит программа «Совершенно секретно» с 40-минутным интервью А. Зиновьева А. Боровику.

Сентябрь — в Москве в эфире Центрального телевидения программа Т. Земсковой с участием А. Зиновьева.

1994 — в Москве выходят книги «Коммунизм как реальность» (два издания), «Кризис коммунизма». На итальянском языке выходит книга публицистики «Гибель империи зла. Очерк русской трагедии». Многочисленные публикации статей и интервью в российской прессе.

19 апреля — в Москве участвует в презентации книги «Коммунизм как реальность».

20 апреля — в Москве избран членом Академии социальных наук Российской Федерации.

31 мая — в Москве Генеральная прокуратура РФ, рассмотрев материалы проверки по факту публикации в газете «Завтра» интервью А. Зиновьева «Мировое негодяйство», которое вёл заместитель главного редактора В. Бондаренко, возбуждает уголовное дело по признакам преступлений, предусматривающих ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УК РФ) и пропаганду войны (ст. 71 УК РФ). Расследование дела поручено прокуратуре города Москвы.

23 сентября — в Москве избран действительным членом Международной академии наук Евразии.

24–31 октября — в Белграде принимает участие в 39-й Международной книжной ярмарке.

Поездки с лекциями и выступлениями по Бельгии, Италии, Португалии.

1995 — в Москве выходят книга «Запад. Феномен западнизма», «Смута», «Русский эксперимент» (также на русском языке в издательстве «L'Age d'Homme» в Лозанне).

Начало сентября — в Москве участвует в работе Московской международной книжной ярмарки, подписывает на стенде свои книги «Смута», «Запад» и «Русский эксперимент». Выступления на международных конференциях в Великобритании и Австрии.

1996 — пишет роман «Глобальный человейник».

В Москве выходит книга «Посткоммунистическая Россия». На французском языке выходит книга «Западнизм». На итальянском языке выходит роман «Катастройка». Многочисленные публикации статей и интервью в российской прессе.

1997 — в Москве выходит роман «Глобальный человейник». Многочисленные публикации статей и интервью в российской прессе.

Сентябрь — в Москве избран действительным академиком Академии Российской Словесности. Избран вице-президентом. Встречается в Государственной думе с депутатами

С. Н. Бабуриным, Н. И. Рыжковым, Г. А. Зюгановым. Участвует в презентации романа «Глобальный человейник».

29 октября — проходит торжественное заседание в зале Президиума Академии наук, посвящённое 75-летию А. Зиновьева, а также церемония вручения диплома, мантии и шапочки действительного члена Академии социальных наук РФ.

2 ноября — поездка в Кострому.

1998 — на итальянском языке выходит роман «Глобальный человейник». Многочисленные публикации статей и интервью в российской прессе.

27 марта — 4 апреля — поездка с лекциями в Псков и Санкт-Петербург.

3 апреля — в Женеве присвоение звания Doctor Honoris Causa Интеревропейского института «Rivièra Lémanique».

18 мая — в Кишинёве принимает участие в международном форуме «За культуру мира и диалог цивилизаций против культуры войны и насилия».

20 ноября — в Белграде избран почётным членом Международного консультативного совета Института стратегических исследований и развития «Petar Karic» университета «Вгаса Karic».

Неоднократные поездки в Москву, два турне с лекциями и выступлениями по Италии.

1999 — пишет романы «Русская трагедия» и «Смута» (переделка романа «В преддверии рая»).

В Москве выходят книга мемуаров «Русская судьба, исповедь отщепенца», первый том собрания сочинений в 10 томах с романом «Зияющие высоты».

3 января — в Сантьяго в газете «El Mercurio» опубликовано открытое письмо Пиночету в связи с его арестом.

23 марта — в Мюнхене пишет обращение «Я с вами, сербы!».

7–8 мая — в Лугано участвует в работе конгресса Международного ПЕН-клуба «Писатели и свобода самовыражения».

20 мая — выдан паспорт гражданина РФ.

30 июня — вместе с женой и дочерьми Полиной и Ксенией возвращается в Россию.

2 июля — зачислен профессором Литературного института им. А. М. Горького.

5 июля — принят по контракту на должность профессора кафедры этики философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Вторая половина июля — принят в члены Союза писателей России и Союза писателей Москвы.

3 сентября — на Московской международной книжной ярмарке принимает участие в презентации первого тома собрания сочинений. Встречается на стенде с Председателем Государственной думы Г. Н. Селезнёвым.

Сентябрь — на съезде Российского общенародного союза избирается кандидатом на выборах в депутаты Государственной думы.

17–19 сентября — в Белграде принимает участие в 44-й Международной книжной ярмарке. Встречается с президентом Республики Сербия С. Милошевичем.

31 октября — Центральная избирательная комиссия исключает А. А. Зиновьева из федерального списка кандидатов в депутаты Государственной думы Федерального собрания РФ от избирательного объединения «Российский общенародный союз» «за предоставление неточной информации о доходах».

4 ноября — подаёт иск в Верховный суд РФ в связи с решением Центральной избирательной комиссии и делает заявление для прессы.

15 ноября — Верховный суд РФ отказывает в удовлетворении жалобы.

19–22 ноября — поездка в Ригу по приглашению Клуба читателей и друзей журнала «Наш современник» при Русском обществе в Латвии. По открепительному талону принимает участие в выборах Государственной думы 3-го созыва.

2000 — в Москве выходят первые пять томов собрания сочинений А. Зиновьева в 10 томах, романы «Затея», «Глобальный человейник» (2-е изд.), книги «Запад» (2-е изд.), «На пути к сверхобществу», научная монография «Очерки комплексной логики». На русском и французском языках выходит сборник статей «Глобальное сверхобщество и Россия». На испанском языке выходит книга «Гибель империи зла». На итальянском языке выходит сборник эссе «Диктатура невидимого».

24 февраля — в Москве в картинной галерее А. Шилова выступает на заседании Московского интеллектуально-делового клуба с докладом «Россия и глобальное сверхобщество».

27–29 марта — в Белграде принимает участие в заседании Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии.

13 июля — в Москве в «Президент-отеле» выступает на открытии «круглого стола» «Пресса, бизнес, власть. Какую Россию строим? Социальная ответственность бизнеса» с докладом «Только вперёд!».

27 сентября — в Москве в Институте философии Российской академии наук участвует в работе «круглого стола» на тему «Сто

сорок дней президента Путина (Куда же идёт Россия?)», организованного клубом «Свободное слово».

29 октября — 6 ноября — в Москве в Центральном доме журналиста проходит художественная выставка «Александр Зиновьев, Полина и Ксения».

5 декабря — в Москве выступает на пленарном заседании «круглого стола» «Молодёжь и государство» с докладом «Молодёжь и будущее России», организованного Национальным фондом молодёжи, Национальной молодёжной лигой, Департаментом по молодёжной политике Министерства образования РФ и Институтом молодёжи.

8 декабря — пишет текст гимна России на музыку А. Александрова.

2001 — выходит книга «Гибель русского коммунизма».

Ведёт спецкурс «Логическая социология» в Московском гуманитарном университете. Участвует в работе Комитета в защиту С. Милошевича.

Январь — посещает Ливию, встречается с президентом Ливии Муамаром эль-Каддафи.

17 февраля — в Москве в Центральном доме литераторов выступает на вечере газет «Завтра» и «День литературы».

Декабрь — в Москве в Большом зале Центрального дома литераторов участвует в дискуссии общественно-политического клуба «Судьба человека» «Нужны ли России писатели?».

2002 — в Москве выходят романы «Русская трагедия», «Нашей юности полёт», научная монография «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале „Капитала“ К. Маркса)». На сербском и румынском языках выходит книга «Запад. Феномен западнизма». Выходит книга «Феномен Зиновьева. К 80-летию со дня рождения».

Преподаёт в Школе методологии социальных исследований в Московском гуманитарном университете.

2 апреля — подписывает «Заявление Российского общественного комитета в защиту Слободана Милошевича» в качестве председателя комитета.

29 октября — в Парадных сенях Исторического музея проходит торжественное собрание в честь восьмидесятилетия А. Зиновьева.

15 ноября — в Москве в МГСА состоялась Международная научная конференция «Итоги XX века», посвящённая восьмидесятилетию А. А. Зиновьева.

2003 — выходят романы «Катастройка», «Революция в Царьграде», «Глобальный человейник» (3-е изд.), публицистическая книга «Идеология партии будущего»,

«Логическая социология» (2-е изд., испр. и доп.). На сербском языке выходит книга «Гибель русского коммунизма».

Преподаёт в Школе методологии социальных исследований в Московском гуманитарном университете.

2004 — выходят романы «Иди на Голгофу», «Живи», книги стихов «Евангелие для Ивана», «Мой дом. — Моя чужбина», книга «На пути к сверхобществу» (2-е изд.), книга мемуаров «Исповедь отщепенца» (2-е изд., доп.). На китайском языке выходит книга «Гибель русского коммунизма».

Ведёт еженедельную регулярную рубрику на сайте «Русский вклад».

15 февраля — публикует заявление «Освободить Милошевича!».

Март — в выставочном зале журнала «Новый Крокодил» проходит выставка карикатур и сатирических рисунков А. Зиновьева «Поддатые семидесятые».

2005 — выходят книга «Логический интеллект», сборник социологических статей «Распутье».

25 января — награждён дипломом и почётным знаком «Звезда Московского университета» в номинации «За служение истине» (в связи с 250-летием МГУ).

6 июня — творческий вечер в Галерее А. Шилова.

2006 — завершает работу над итоговой монографией «Фактор понимания».

Февраль — диагностировано наличие злокачественной опухоли в мозге.

Март — проходит курс химиотерапии.

10 марта — пишет статью «Что мы теряем» для «Литературной газеты». Опубликована 25 марта.

3 мая — диктует последний текст «Истинное положение вещей».

10 мая — скончался.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Родители — Александр Яковлевич и Аполлинария Васильевна Зиновьевы. Чухлома. Середина 1910-х

Остатки дома Зиновьевых в Пахтине. Середина 1950-х

Троицкая церковь, в которой крестили Зиновьева. Современный вид

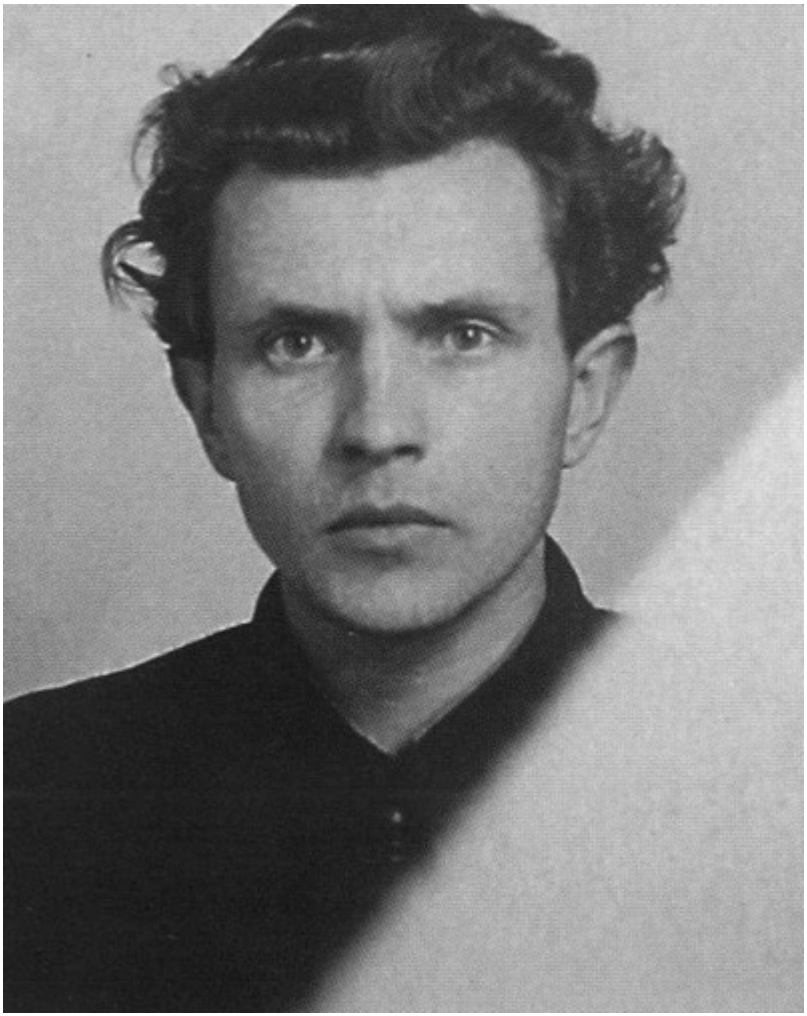
Фрагмент фрески «Иисус Христос благословляет детей» в Троицкой церкви. Фото П. Фокина. 2012

Саша Зиновьев. Москва. 1935

Москва, ул. Большая Спасская, д. 11. Дом, в котором Зиновьев провёл детство и юность. 2005

Москва, здание бывшей школы № 266 на Большой Переяславской улице, в которой учился Зиновьев. 2005

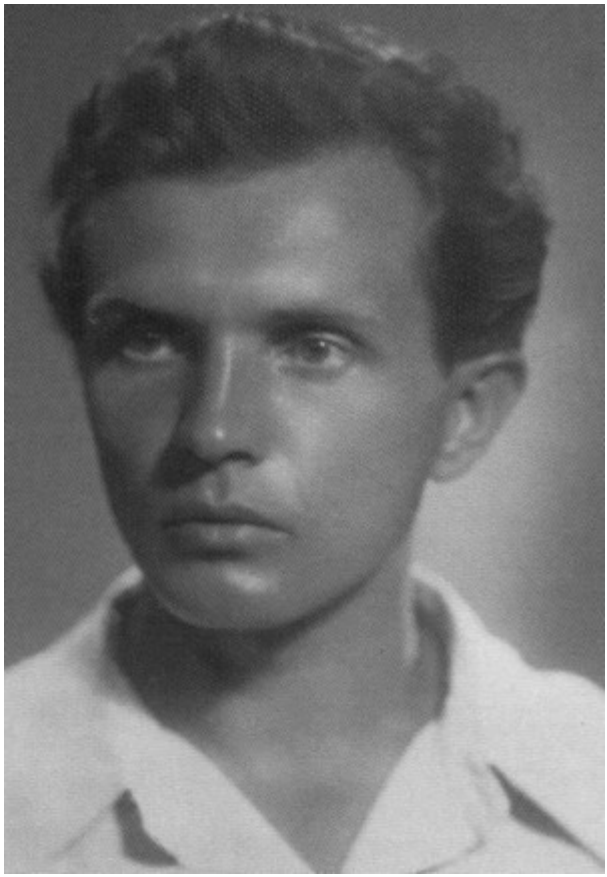
Александр Зиновьев. Фотография из личного дела студента. Архив МГУ. 1946



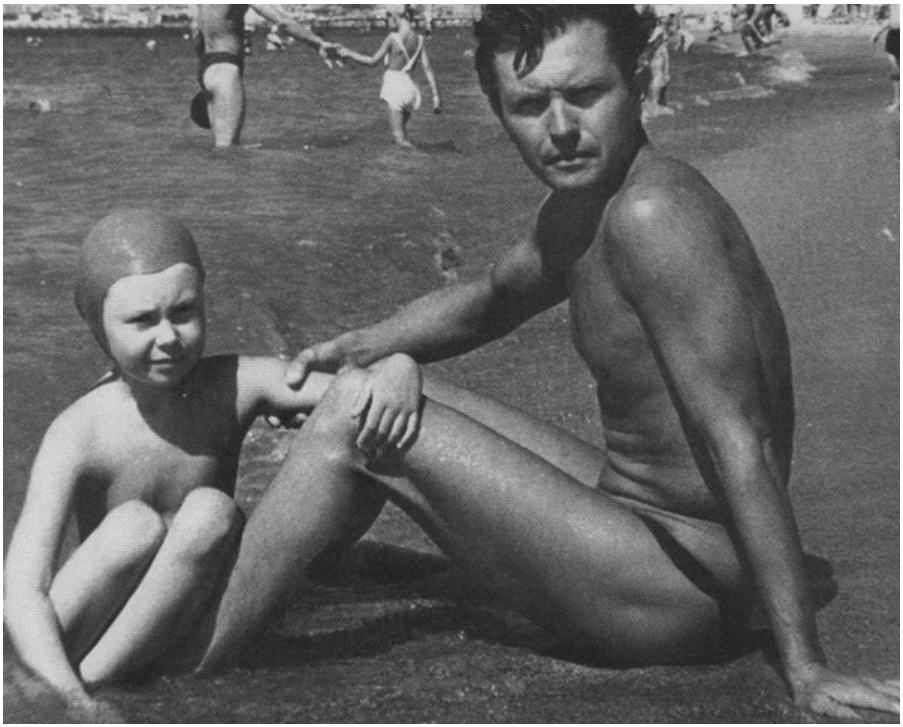
Александр Зиновьев. Фотография из личного дела аспиранта. 1951

Здание МГУ им. М. В. Ломоносова на Моховой, в котором учился Зиновьев

Сотрудники Института философии в колхозе. Слева направо сидят: Э. Соловьёв, Л. Колесникова, А. Зиновьев, Л. Митрохин, В. Мшвениерадзе, И. Фиалкова. Подмосковье. Архив МГУ. Начало 1960-х



Александр Зиновьев. Москва. 1965

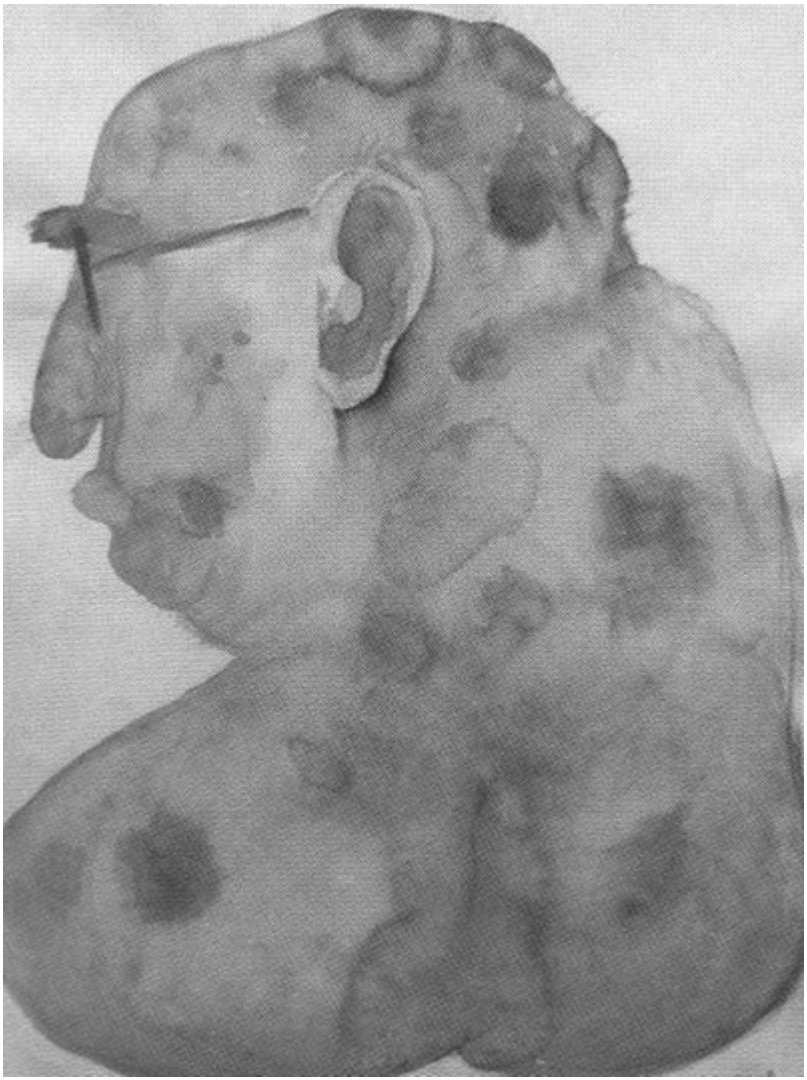


С дочерью Тамарой на Чёрном море. 1960

Александр Зиновьев. Москва. 1966

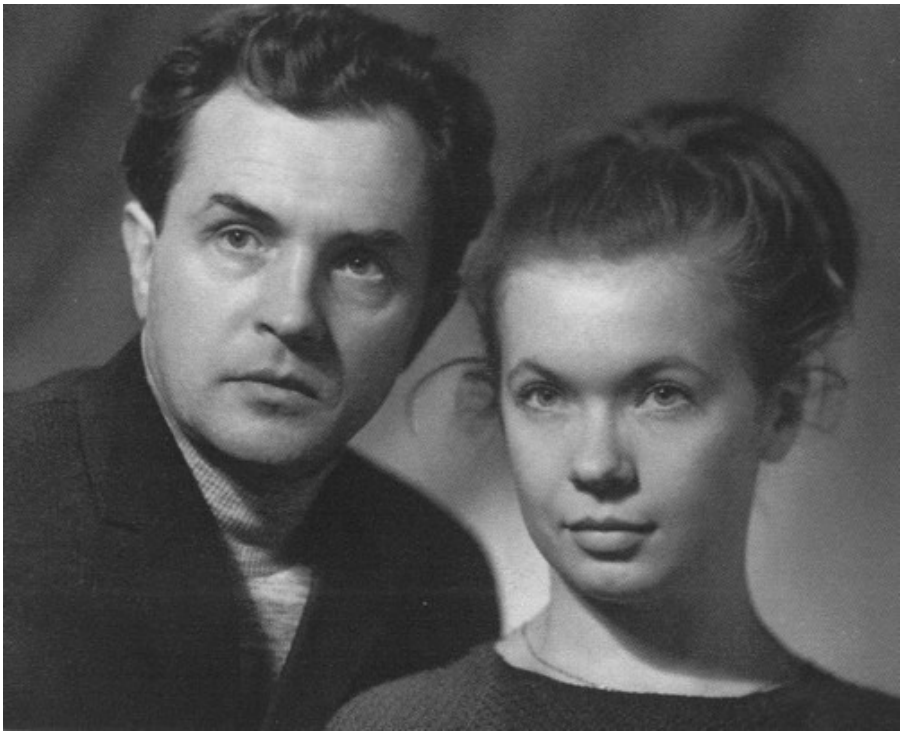
Полулиберал. Э. В. Ильенков. Шарж А. Зиновьева. 1973

To be or not to be. Социолог Б. А. Грушин. Шарж А. Зиновьева. 1970-е



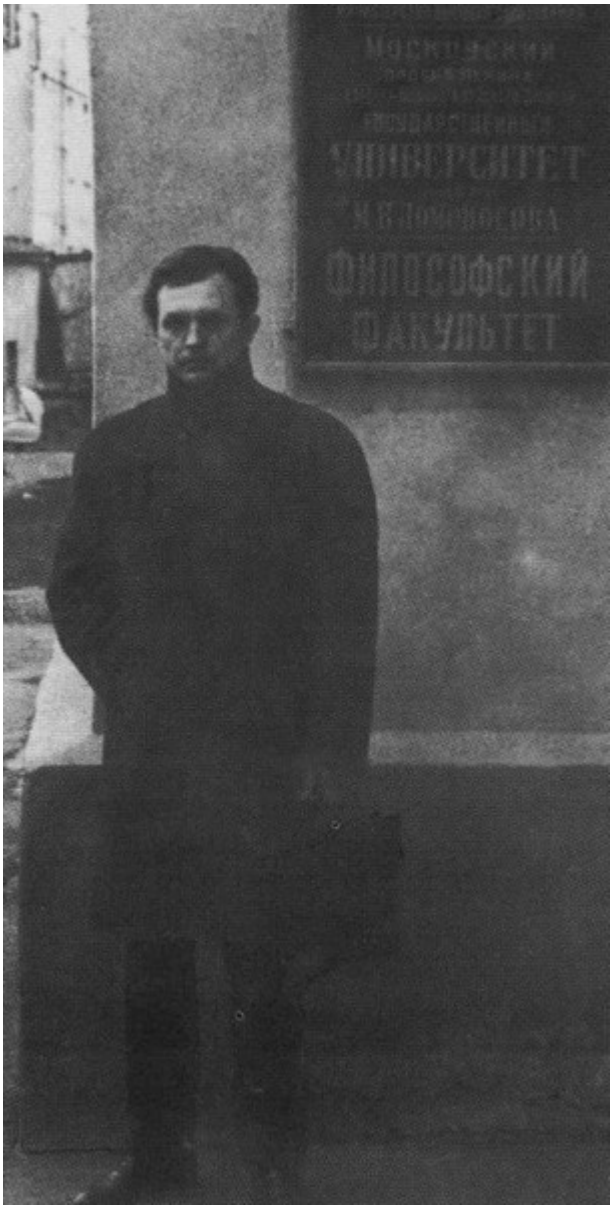
Академик М. Б. Митин. Шарж А. Зиновьева. 1974

Карьерист. Академик П. В. Копнин. Шарж А. Зиновьева. 1973



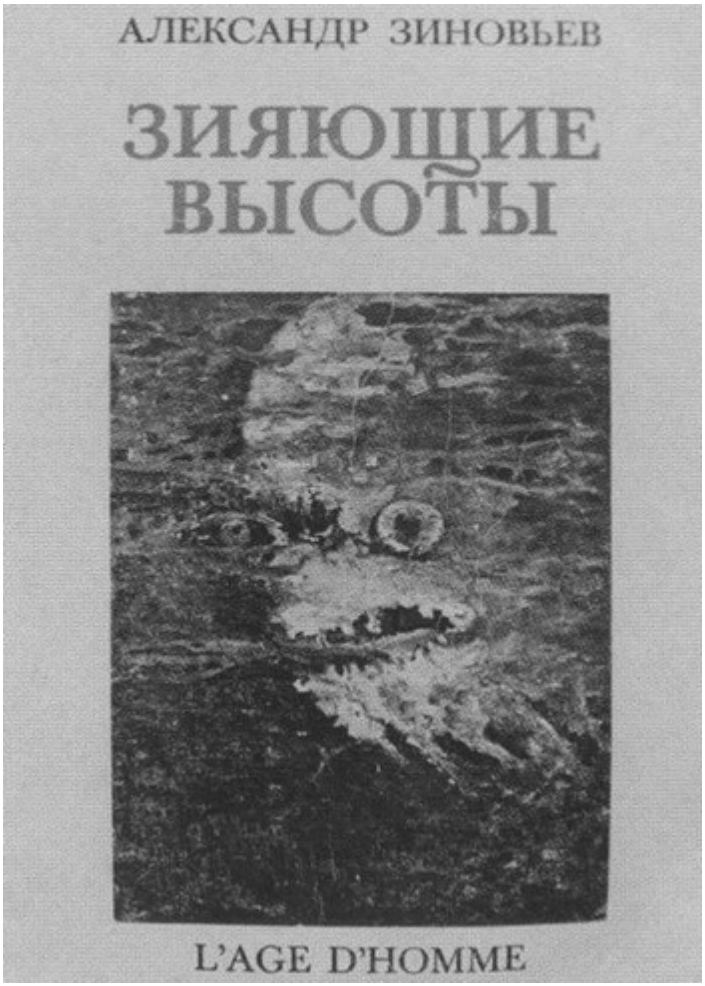
Супруги Александр и Ольга Зиновьевы. Москва. 1969

С дочерью Полиной. Москва. 1972

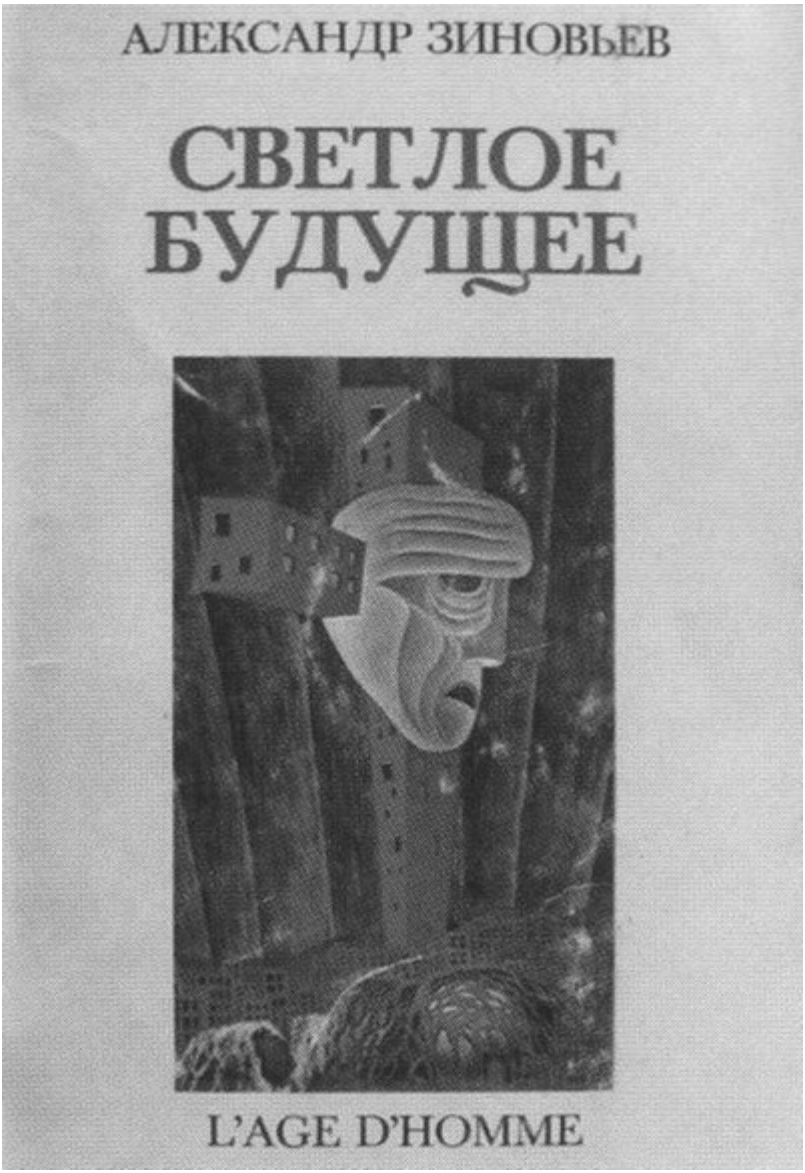


Рядом с философским факультетом МГУ на ул. Моховой, фотография, помещённая на обложке первого издания романа «Зияющие высоты». Москва. Начало 1970-х

В мастерской у Э. Неизвестного. Слева направо стоят: А. Зиновьев, А. Федина, госпожа фон Вригт, Г. Х. фон Вригт, Э. Неизвестный. Москва. 1973



Обложка первого издания романа «Зияющие высоты». 1976

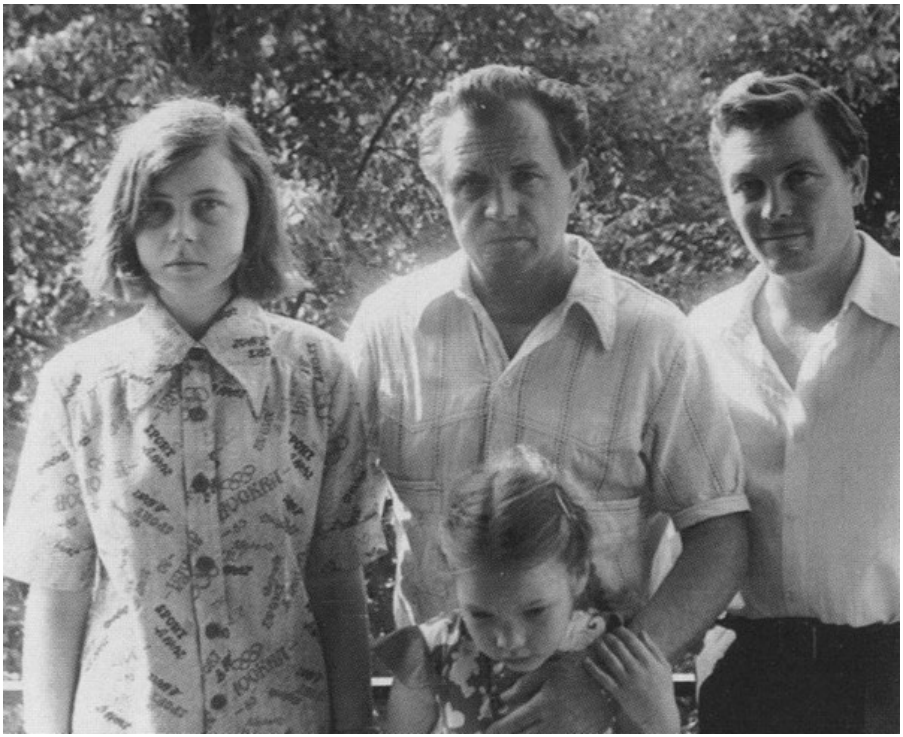


Обложка первого издания романа «Светлое будущее». 1978

О. Зиновьева, А. Сычёва, А. Зиновьев в квартире Зиновьевых на ул. Кедрова. Москва. 1977. Фотография В. Сычёва

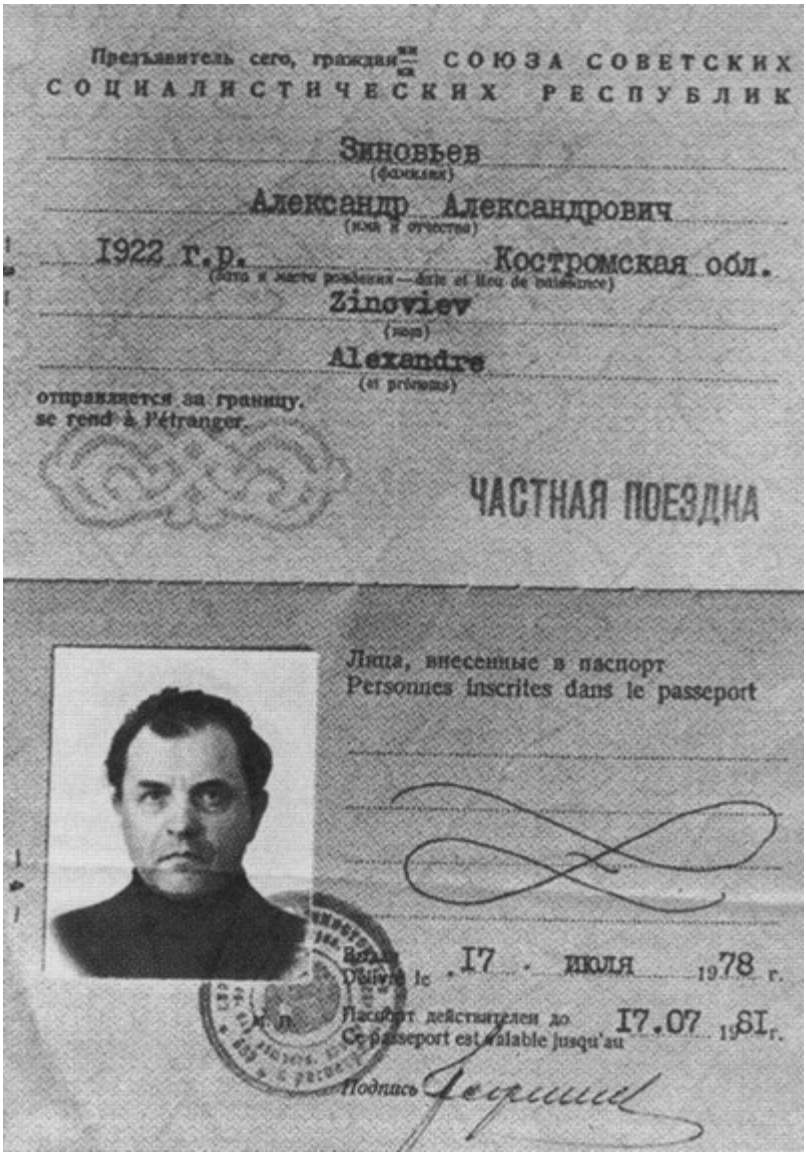
О. Зиновьева, А. Зиновьев и Р. Лерт, автор первой рецензии на роман «Зияющие высоты», в гостях у П. М. Егидеса-Абовина, Москва. 1977

Вен. Ерофеев, А. Зиновьев, Г. Владимов на «квартирной» выставке М. Шемякина в доме фотографа В. Сычёва. Москва. 1978. Фотография В. Сычёва



С детьми — сыном Валерием, дочерьми Тамарой и Полиной накануне отъезда в эмиграцию. На балконе. Москва. 5 августа 1978

Братья Зиновьевы (слева направо): Василий, Алексей, Александр, Николай, Владимир во дворе дома 13 по ул. Кедрова. Накануне отъезда А. Зиновьева в эмиграцию. Москва. 5 августа 1978


Предъявитель сего, гражданин СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Зиновьев
(фамилия)

Александр Александрович
(имя и отчество)

1922 г.р. Костромская обл.
(дата и место рождения — date et lieu de naissance)

Zinoviev
(нем)

Alexandre
(et prénom)

отправляется за границу.
se rend à l'étranger.

ЧАСТНАЯ ПОЕЗДКА

Лица, внесенные в паспорт
Personnes inscrites dans le passeport

Выдан
Délivré le 17 июля 1978 г.

М. П.

Паспорт действителен до 17.07 1981 г.
Ce passeport est valable jusqu'au

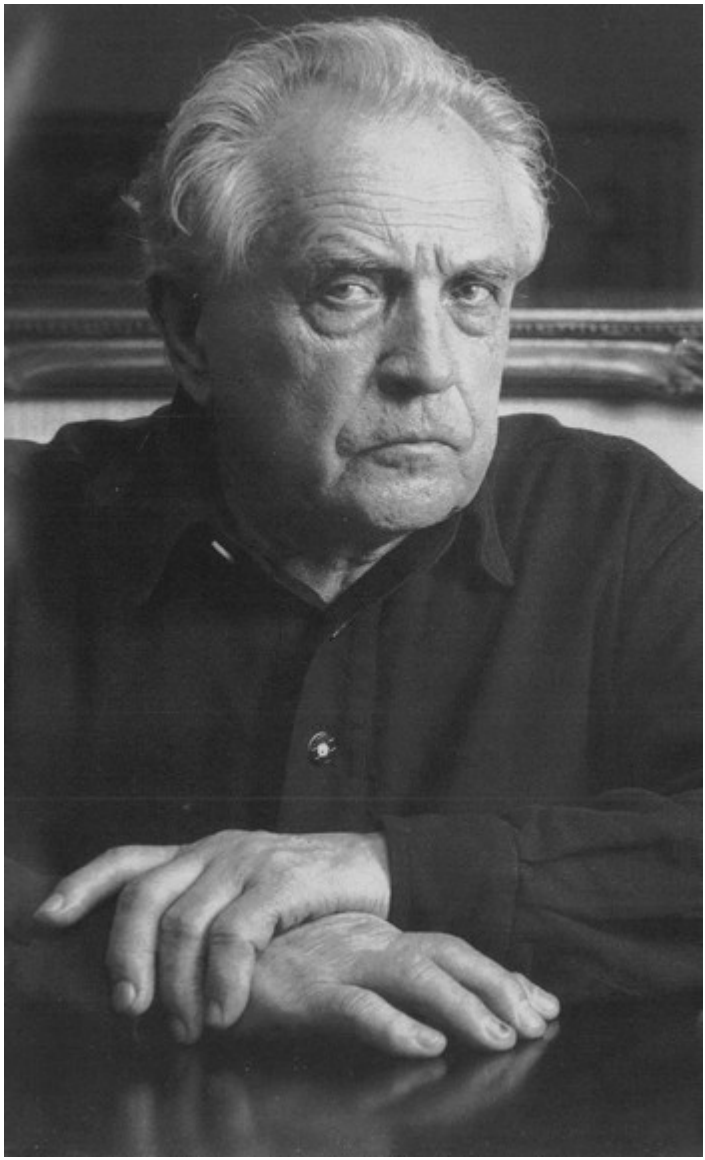
Подпись

Заграничный паспорт А. Зиновьева. 1978

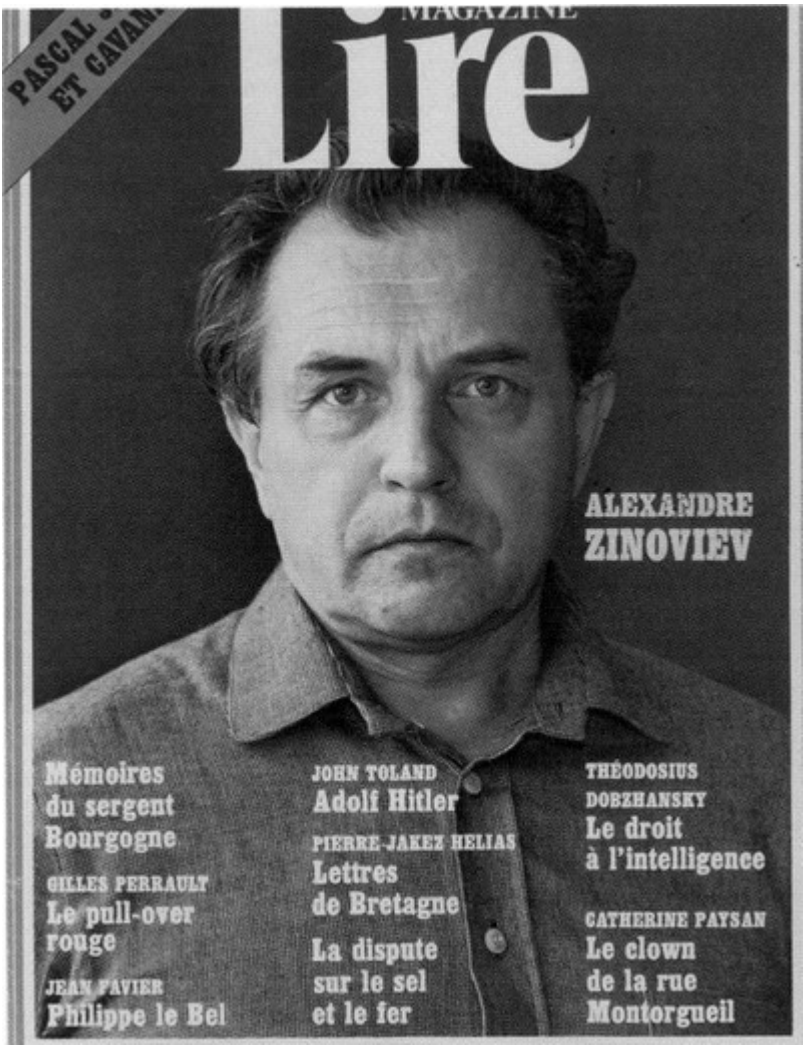
На первой пресс-конференции в Мюнхенском университете. Ведёт президент Мюнхенского университета профессор Н. Лобковиц. Мюнхен. 7 августа 1978

С женой и дочерью в редакции газеты «Русская мысль». Париж. Сентябрь 1978

В. Дмитриевич, О. Зиновьева, А. Зиновьев. Мюнхен. 1978



Александр Зиновьев. Москва. 2004



Обложка парижского литературного журнала «Lire» № 39 за 1978 год с интервью А. Зиновьева Бернару Пиво

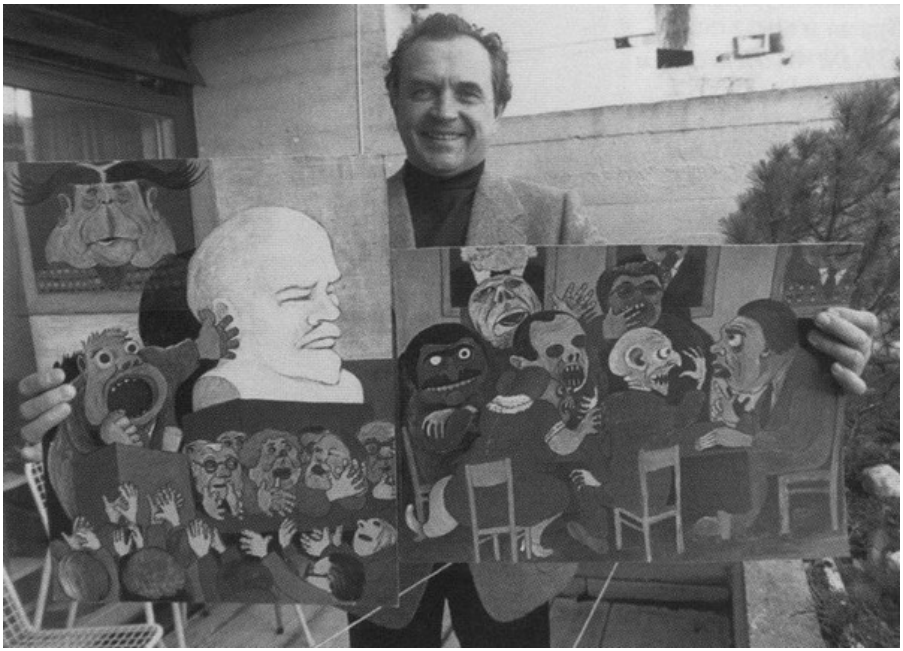
С читателями во время автограф-сессии. Лозанна. 1978

ВРЕМЯ И МЫ
46
1979
В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ЗНАКОМИМ ЧИТАТЕЛЕЙ С ПРОТИВОСТОЯЩИМИ ДРУГ ДРУГУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ВЗГЛЯДАМИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА И АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА. "ПРОТИВОРЕЧИЕ ДУХА И ДУХ ПРОТИВОРЕЧИЯ" ОЗАГЛАВИЛ СВОЕ ЭССЕ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ Э. КОГАН. "О КОММУНИЗМЕ, О ЗАПАДЕ И О СЕБЕ" ГОВОРИТ ЗИНОВЬЕВ В СВОЕМ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ.

Обложка журнала «Время и мы». 1979. № 46. Иерусалим

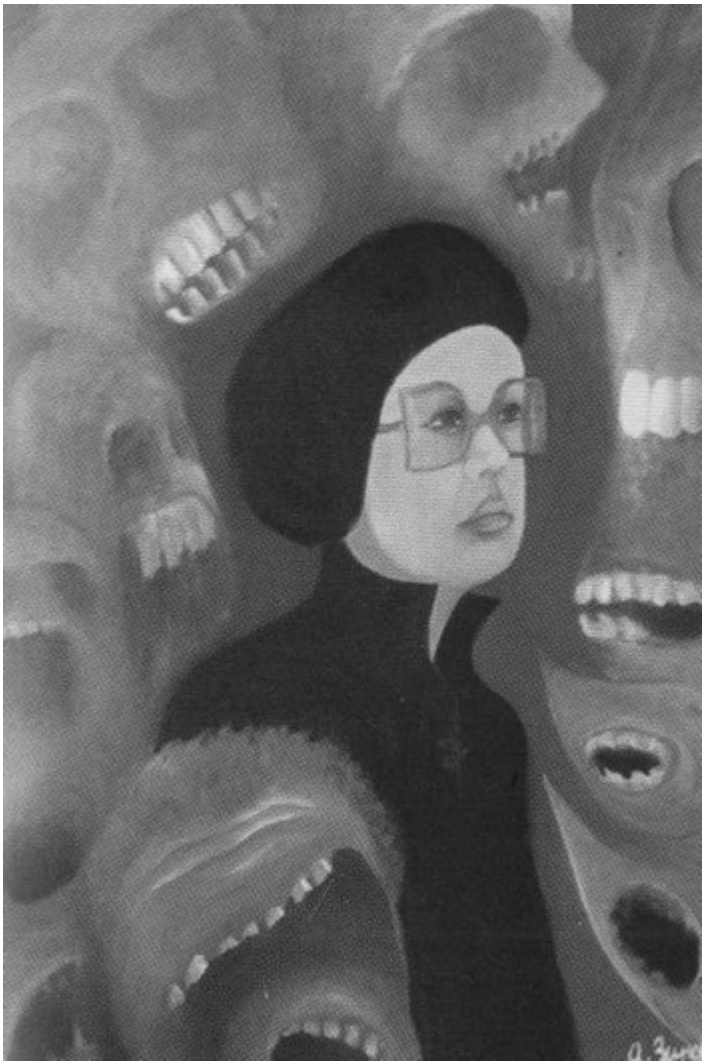
В. Дмитриевич нянчится с А. Зиновьевым. Шарж А. Зиновьева. 1979

А. Зиновьев. Рисунок Н. Е. Дронникова. Собственность Н. Е. Дронникова. Париж. 1978

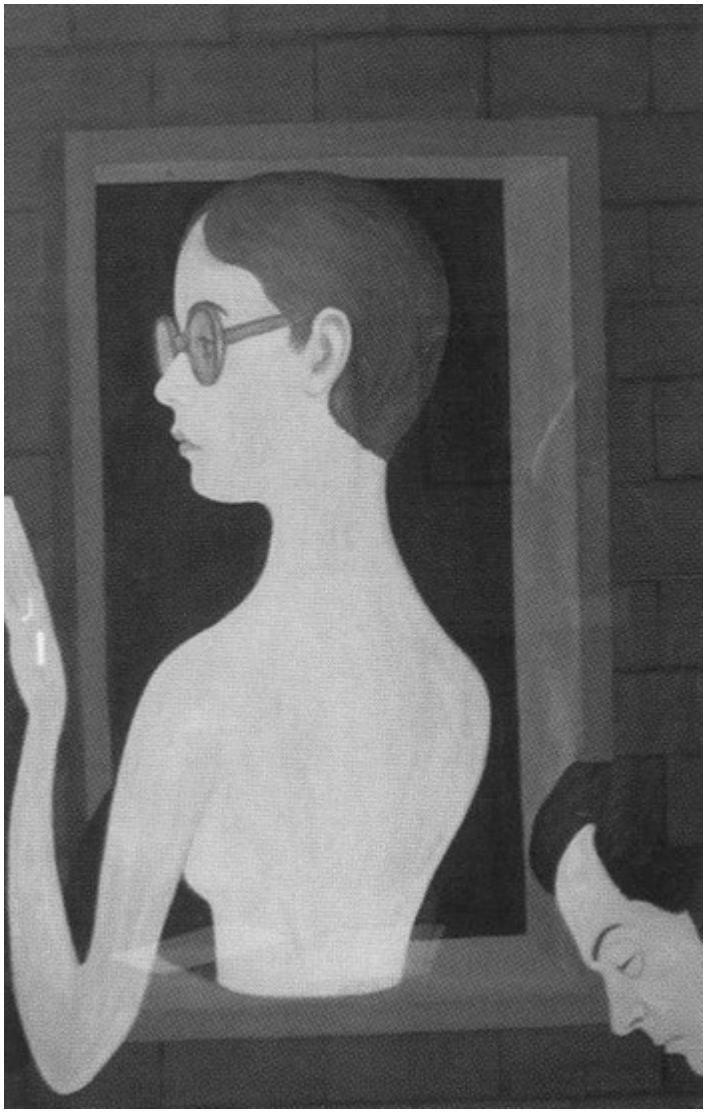


На балконе дома на Титурельштрассе в Мюнхене. 1978

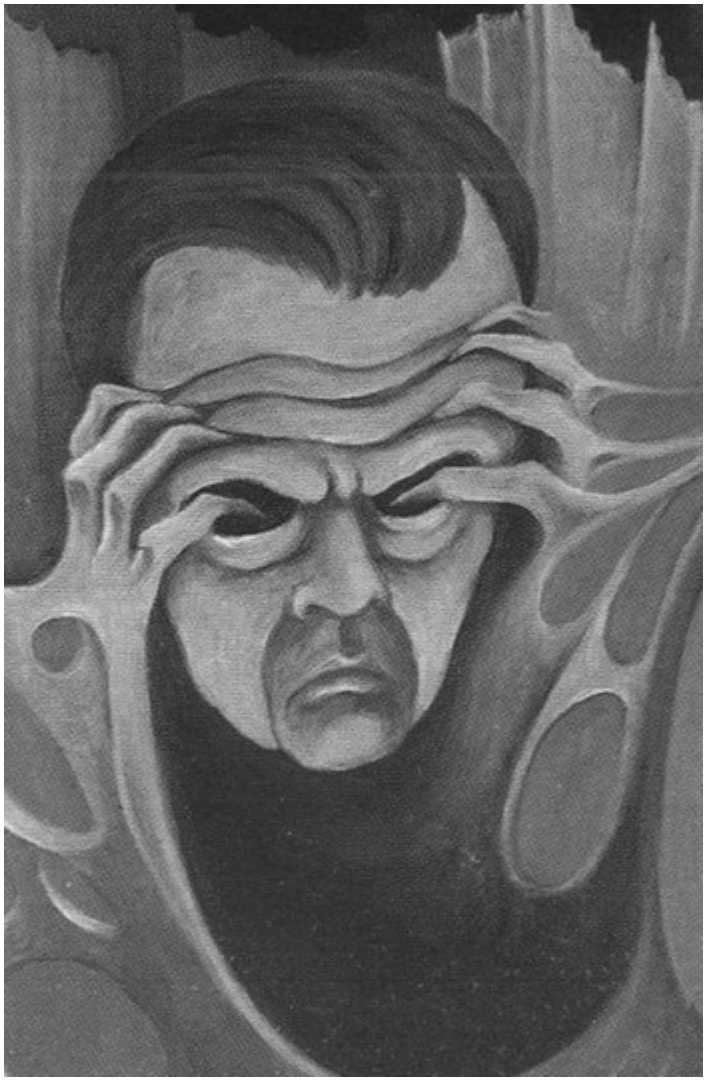
В мастерской в доме на Завитсштрассе в Мюнхене. 1984



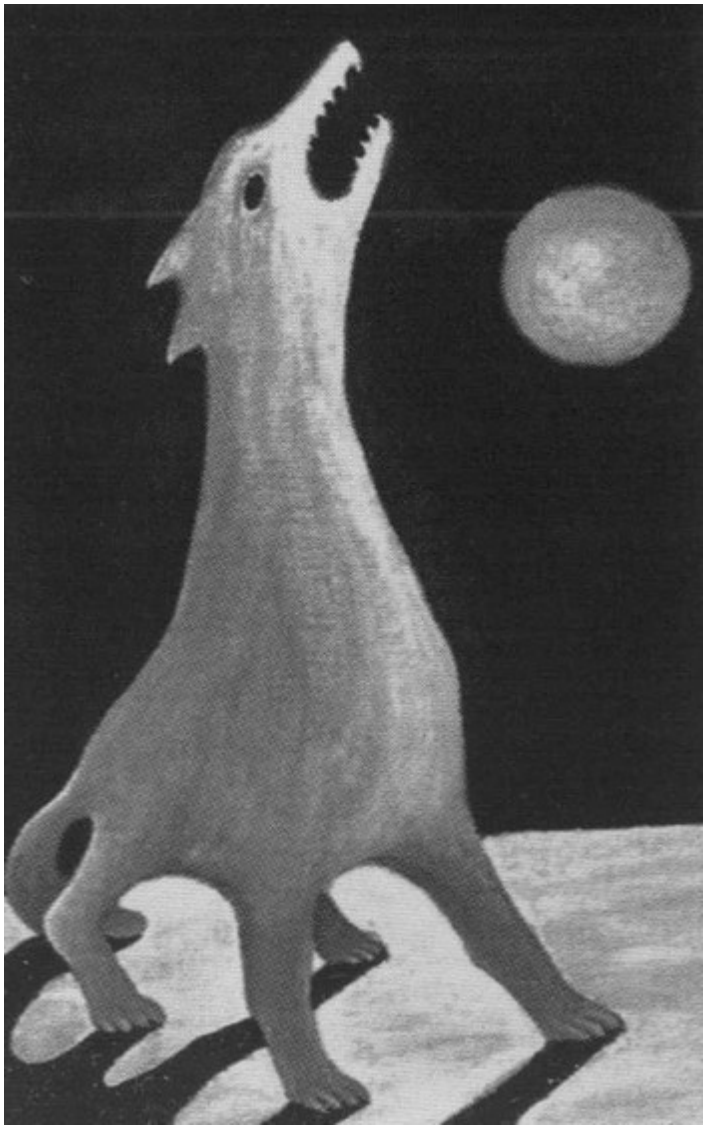
Зависть. 1983



Художник и модель. 1975



Автопортрет. 1984



Одинокий волк. 1981

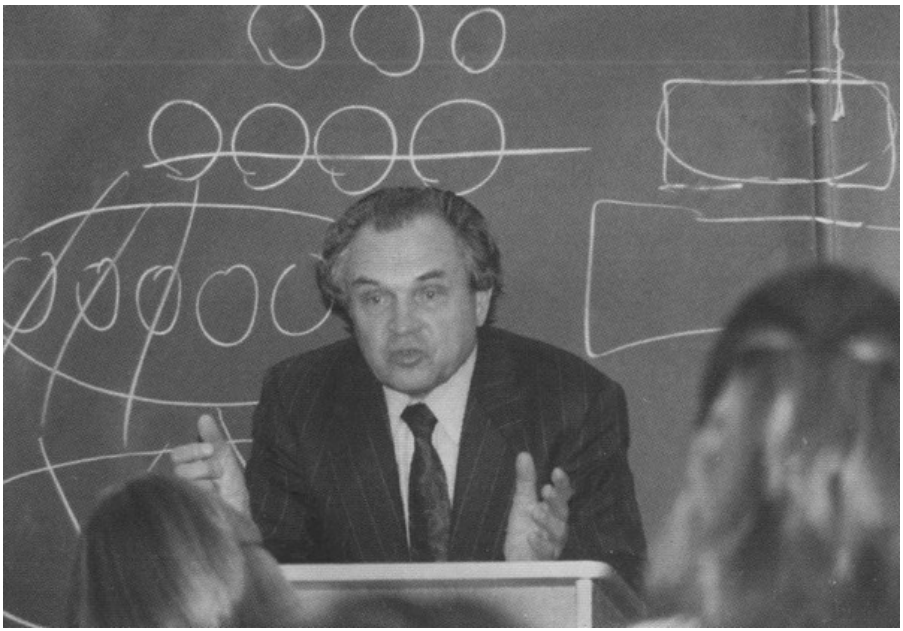
Обложка первого издания книги «Коммунизм как реальность». Издательство «L'Age d'Homme». Рисунок на обложке А. Зиновьева. Лозанна. 1981

Перед вручением премии Токвиля. Слева направо: неустановленное лицо, С. Вейль, А. Перфит, О. Зиновьева, А. Зиновьев. Волон, Бретань. 1 июля 1982

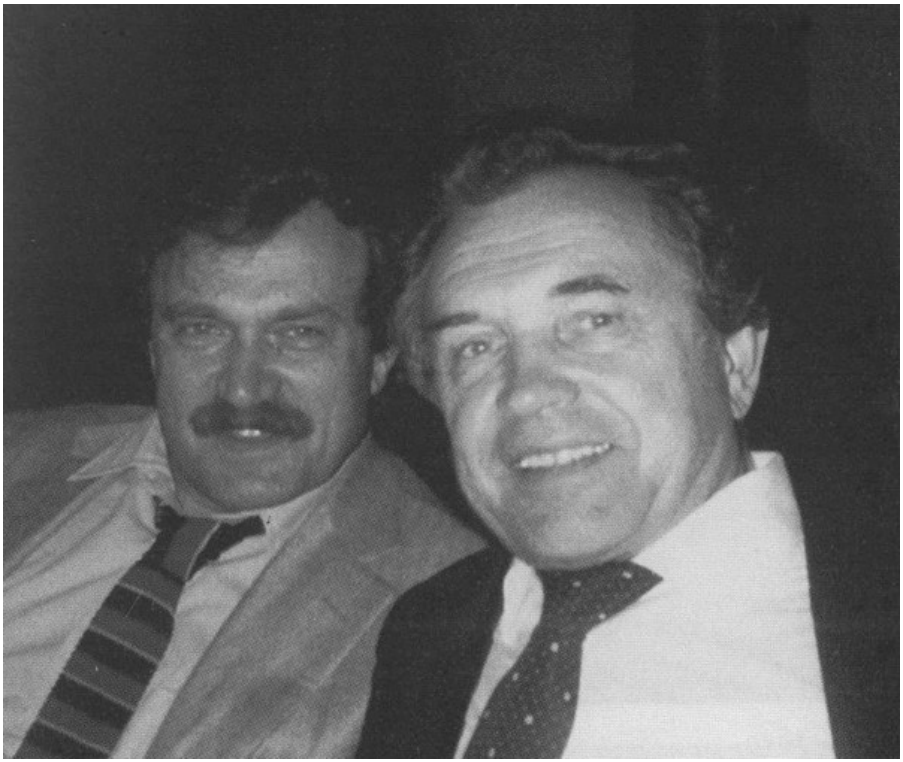
А. Зиновьев. «Journal de Genève». Шарж Д. Левина. 1983

В. Максимов и А. Зиновьев на конференции под Мюнхеном. Середина 1980-х

В. Войнович, Н. Коржавин, А. Зиновьев. Мюнхен. 1982

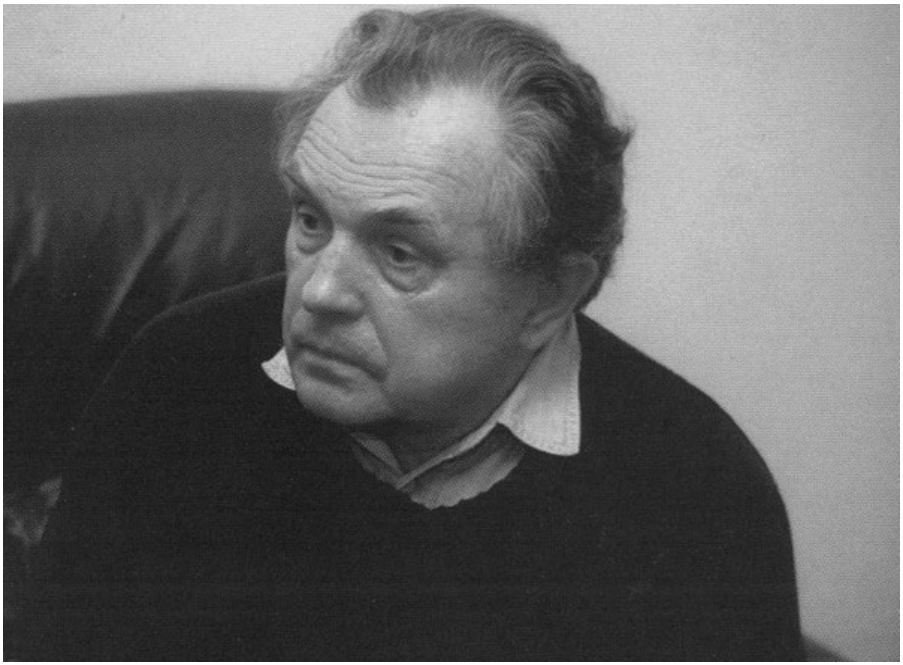


На лекции. Чикаго. 1987



С В. Аксёновым. Нью-Йорк. 1987

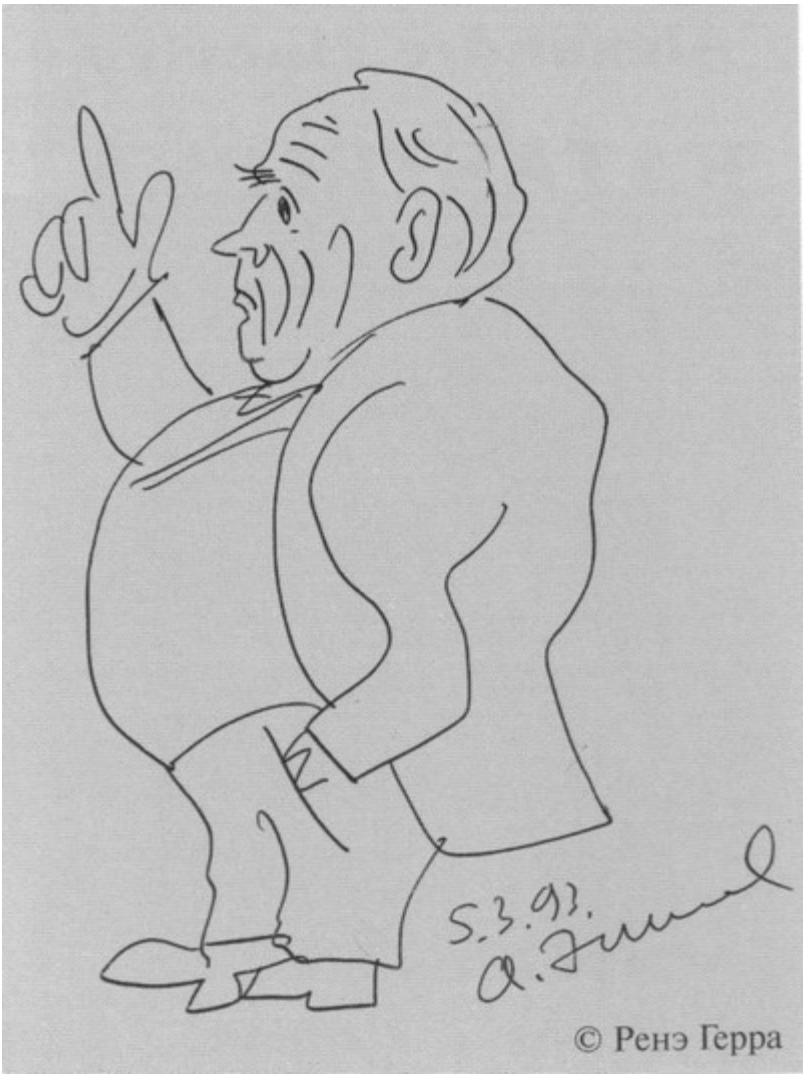
С Ю. Нагибиным на вернисаже выставки работ А. Зиновьева. «Вилла Боромео» под Миланом. 1985



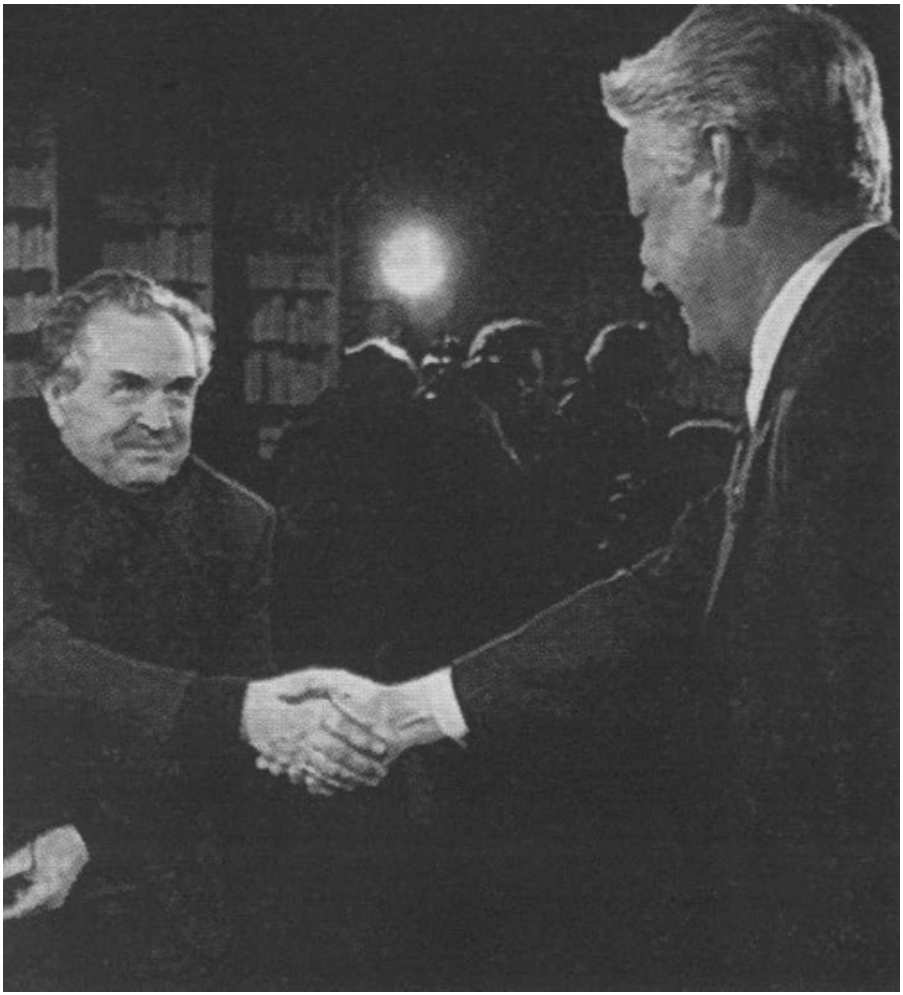
Мюнхен. 1989

А. Зиновьев с М. Зальцбергом. Мюнхен. 1998

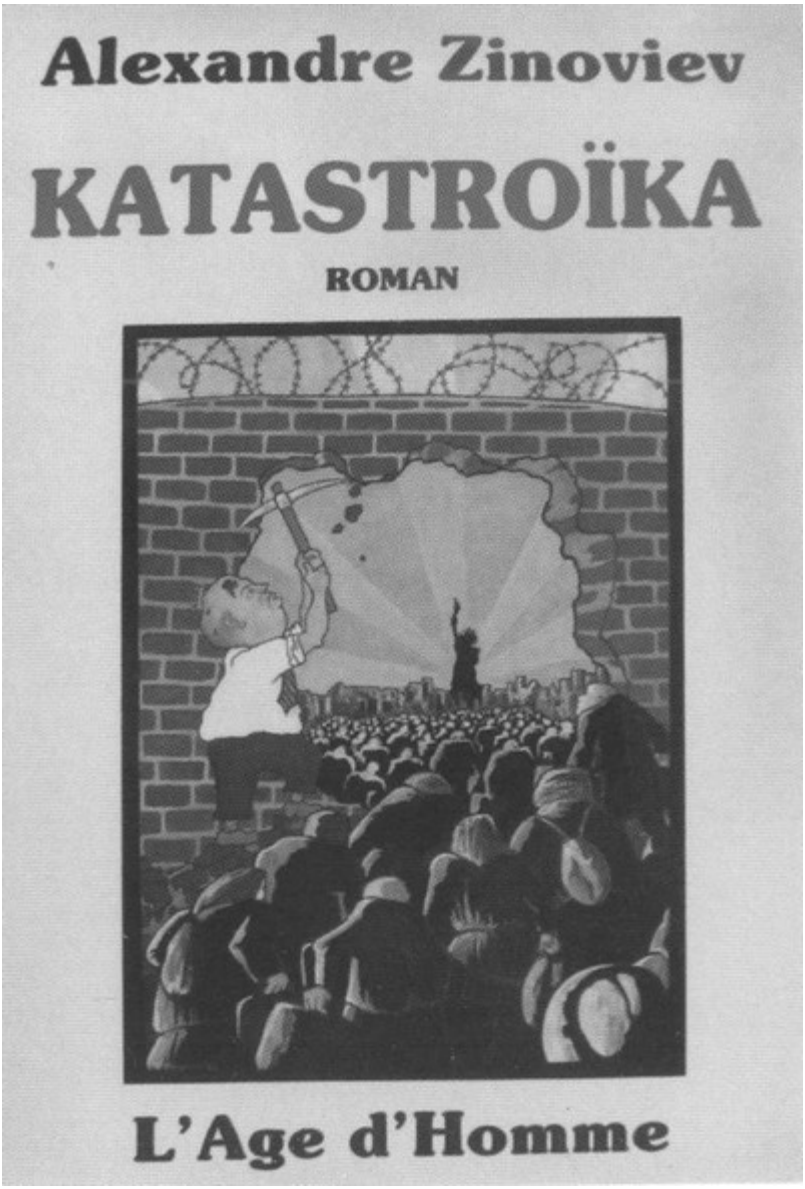
На приёме у президента Чили А. Пиночета. Сантьяго. 1 июня 1989



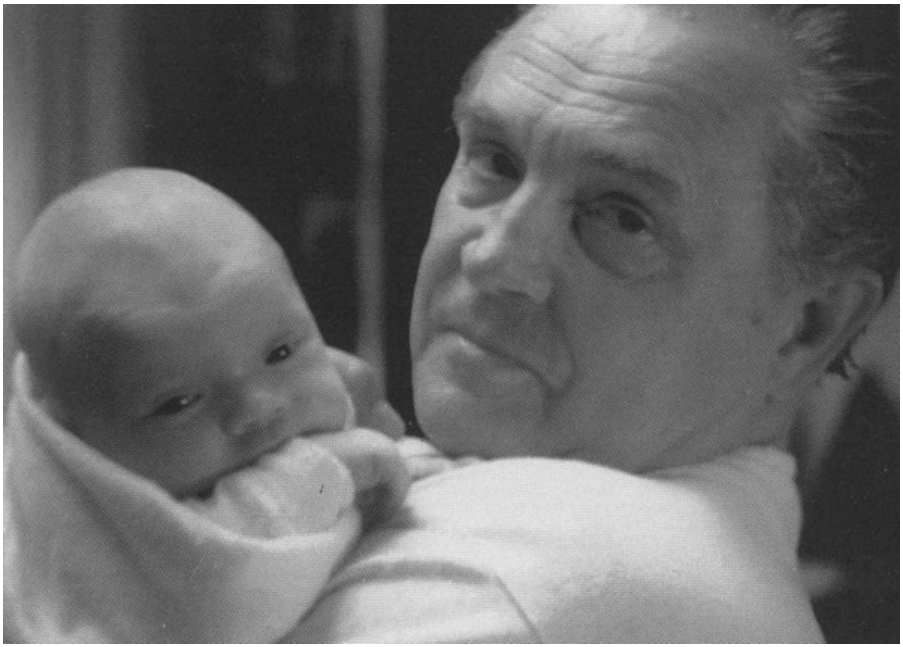
Автошарж. Из коллекции Ренэ Герра. Париж. 5 марта 1993



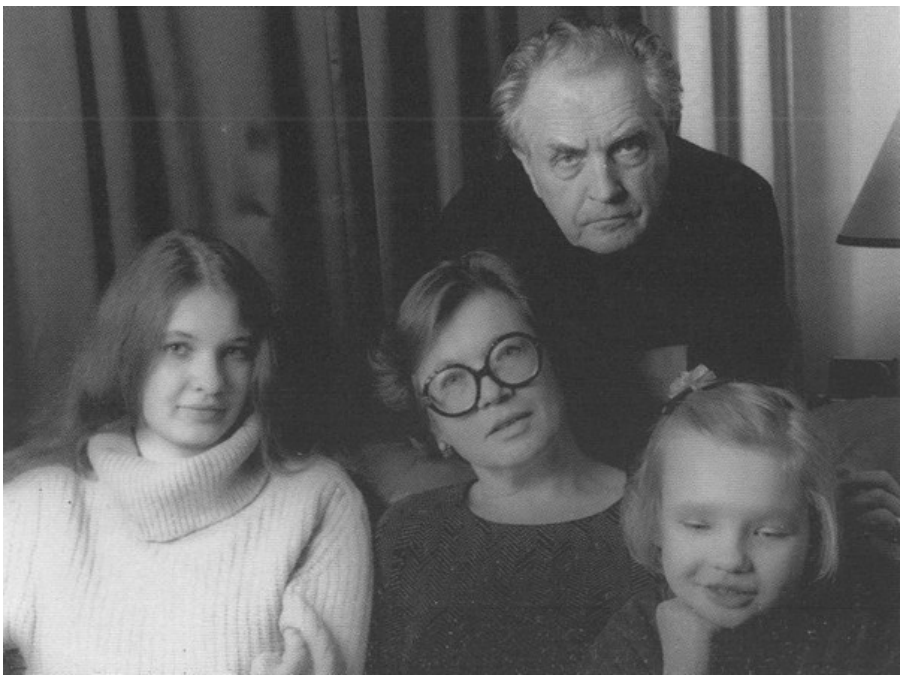
С Ельциным на передаче французского телеканала TF 1 «Apostrophes». Париж. 9 марта 1990



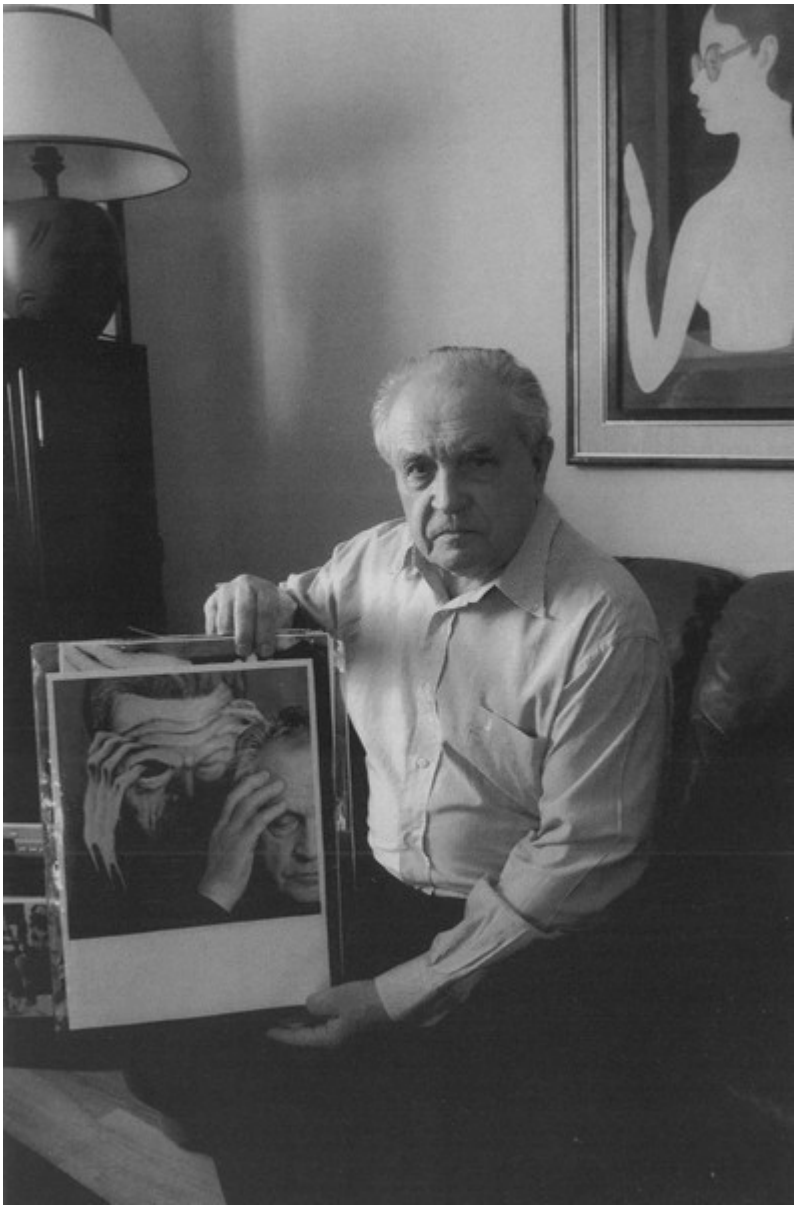
Обложка издания романа «Катастройка» на французском языке. Издательство «L'Age d'Homme». Рисунок на обложке А. Зиновьева. Лозанна. 1990



С дочерью Ксенией. Мюнхен. 1990



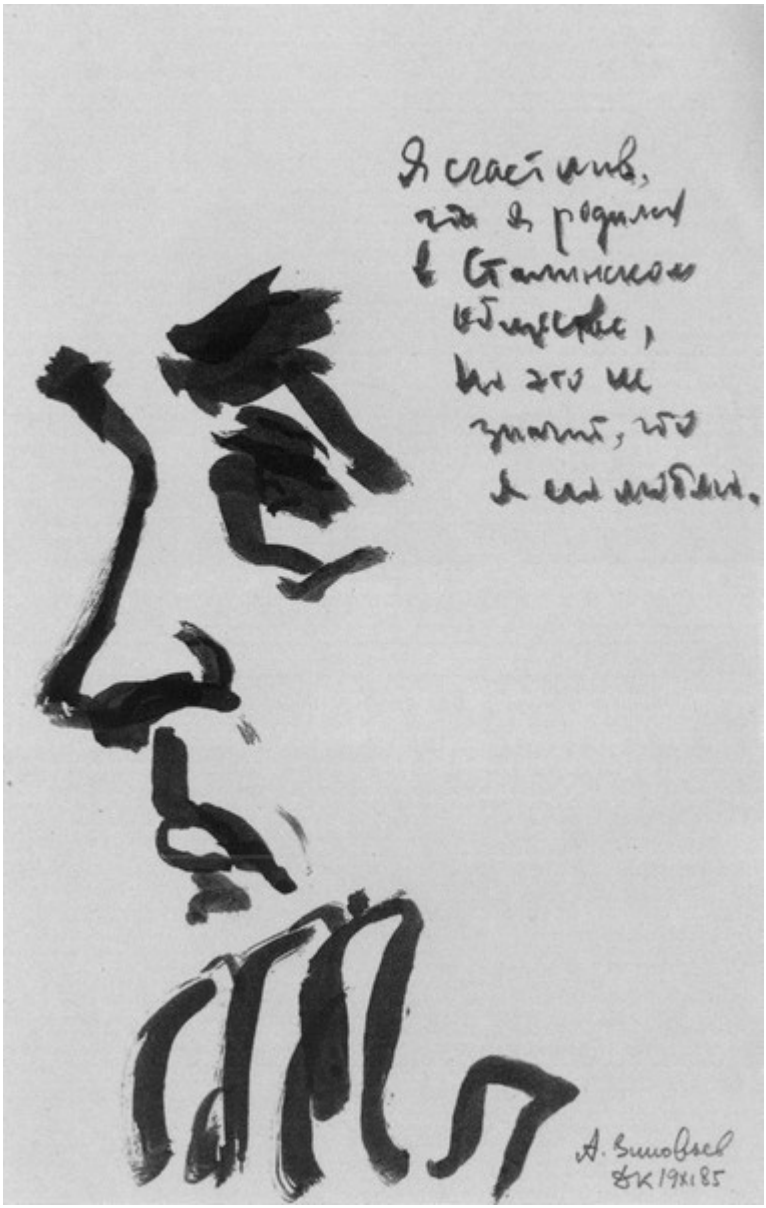
С женой Ольгой и дочерьми Полиной и Ксенией перед возвращением на родину. Мюнхен. 1999



Москва. 2005

Со студентами Московского гуманитарного университета. 2001

О. М. Зиновьева у памятного места, где развеян прах Зиновьева. Урочище Пахтино. 21 июля 2012. Фото П. Фокина



А. Зиновьев. Рисунок Н. Е. Дронникова. Собственность Н. Е. Дронникова. Париж. 19 ноября 1985

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги по логике

Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Автореф. канд. дисс. М., 1954.

Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002.

Философские проблемы многозначной логики. М.: Наука, 1960.

Логика высказываний и теория вывода. М.: Наука, 1962. Основы логической теории научных знаний. М.: Наука, 1967. Логическое следование. М.: Наука, 1968.

Комплексная логика. М.: Наука, 1970.

Логика науки. М.: Мысль, 1971.

Логическая физика. М.: Наука, 1972.

Логические правила языка. М.: Наука, 1975.

Очерки комплексной логики. М., 2000.

Логическая социология. М., 2003.

Логический интеллект. М., 2005.

Фактор понимания. М., 2006.

Художественные произведения

Зияющие высоты. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1976.

Светлое будущее. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1978.

Записки ночногосторожа. Повесть. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979.

В преддверии рая. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979.

Жёлтый дом. Роман. В 2 т. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980.

Гомо советикус. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982.

Мой дом. — Моя чужбина. Повесть в стихах. Lausanne: L'Age d'Homme, 1982.

Евангелие для Ивана. Стихотворения. Lausanne: L'Age d'Homme, 1984.

Иди на Голгофу. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1985.

Пара беллум. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1986.

Живи. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1989.

Катастройка. Роман. Lausanne: L'Age d'Homme, 1990.

Allegra Russia/Веселие Руси. Стихотворения. На русском, итальянском, французском и английском яз. Milano: SugarCo

Edizione, 1990.

Глобальный человейник. Роман. М.: Центрполиграф, 1997.

Русская судьба, исповедь отщепенца. Книга мемуаров. М.: Центрполиграф, 1999.

Собрание сочинений: В Ют. Т. 1. Зияющие высоты. М.: Евразия+, 1999.

Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1–5. М.: Центрполиграф, 2000. Затея. М.: Центрполиграф, 2000.

Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2002.

Социология и публицистика

Без иллюзий. Сборник статей. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979.

Мы и Запад. Сборник статей. Lausanne: L'Age d'Homme, 1981. Коммунизм как реальность. Lausanne: L'Age d'Homme, 1981. Ни свободы, ни равенства, ни братства. Сборник статей. Lausanne: L'Age d'Homme, 1983.

Горбачевизм. New York: Liberty Publishing House, 1988. Русский эксперимент. Lausanne: L'Age d'Homme, 1995.

Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995.

На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000.

Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф, 2001.

Распутье. М.: Элефант, 2005.

Краткий список литературы о жизни и творчестве А. А. Зиновьева

Зиновьев: Исключительный журнал. Вып. 1–5. М., 2006–2010.

Феномен Зиновьева. К 80-летию со дня рождения. Сборник / Сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002.

Александр Зиновьев — мыслитель и человек (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. М.: Наука, 2007. № 4. С. 36–61.

Александр Александрович Зиновьев. Сборник / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2009.

Зиновьевские чтения в Московском университете. Материалы Международной научной конференции. М.: МГУ, 2009.

Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета. К 90-летию со дня рождения. Сборник / Сост. О. М. Зиновьева, О. Г. Назаров. М.: Канон+, 2012.

Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного

портрета. К 10-летию со дня кончины. Сборник / Сост. О. М. Зиновьева, О. Г. Назаров. М.: Канон+, 2016.

Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Зиновьев и мениппея // Время и мы. Иерусалим, 1979. № 39.

Вайль П., Генис А. Заговор против чувств. Беседы с Александром Зиновьевым // Континент. Париж, 1980. № 24.

Геллер М. Отщепенец — это звучит гордо // Русская мысль. Париж, 1979. 5 апреля.

Геллер М. Тоска по зоне. О романе «Гомо советикус» // Вместо мемуаров. Памяти М. Я. Геллера. М.: МИК, 2000. С. 302–313.

Гусейнов А. А. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече, 2009. С. 332–368.

Жуковский Д. А. Эволюция политической концепции А. А. Зиновьева. Автореф. дисс. на соискание степени канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2010.

Кантор К. М. Сияющая высота словесности // Октябрь. М., 1991. № 1.

Кантор К. М. Моцарт социологии // Правда. М., 1997. 29 октября.

Кантор К. М. «Мистерия-буфф» Александра Зиновьева // Книжное обозрение. М., 1999. № 1.

Кантор М. К. Маленькие челюсти демократии. М.: АСТ-Астрель, 2008. С. 204–263.

Комовская Е. В. Жанр социологического романа в творчестве А. А. Зиновьева. Автореф. дисс. на соискание степени канд. филол. наук. Брянск, 2013.

Лерт Р. Подступы к «Зияющим высотам» // Поиски. 1980. № 2.

Лимонов Э. Книга мёртвых — 2. Некрологи. СПб.; М.: Лимбус Пресс, Изд-во К. Тублина, 2010. С. 168–172.

Пуиг М. С. Художественные средства на службе авторской идеи. На материале произведения А. Зиновьева «Зияющие высоты». Мадрид, 1990.

Родос В. Я — сын палача. Воспоминания. М.: О. Г. И. Частный архив, 2008. С. 459–480.

Толстых В. И. Вы что, боитесь Зиновьева? // Независимая газета. М., 1992. 29 октября.

Штурман Д. Блеск и нищета Александра Зиновьева // Время и мы. Тель-Авив, 1981. № 62. С. 165–166.

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001.

Alexander Zinoviev as writer and thinker. London: Macmillan, 1988.

Georges Nivat. Vers la Fin du Mythe Russe. L'Age d'Homme, 1982.

J. Elster. Studies in the Subversion of Rationality. Cambridge, 1985.

F. Fassio. Alexandre Zinoviev. Paris, 1988.

F. Fassio. La Nature du Communisme selon Alexandre Zinoviev. Paris, 1991.

Michael Kirkwood. Alexander Zinoviev. London, 1993.

Lucjan Suchanek. Homo sovieticus, Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa. Krakow, 1999.

Jurg Altwegg. In Iwanburg, im Jahre 9974 // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1974.

Jurg Altwegg. Alexander Sinowjews Attacke auf den Totalitarismus // Basler Zeitung, 7.1.1978.

J. Amalric. Le phenomene Zinoviev// Le Monde. 1.7.1977.

German Andrejew. Im Lande der alogischen Gesetzmäßigkeiten // Rhein-Neckar Zeitung, № 12, 1977.

J. Barkham. Lethal Humor// Federal Times. 25.6.1979.

J. Bayley. In the land of logical absurdities // NY Times. 24.6.1979.

Alain de Benoist. L'Enigme Soviétique dans le Miroir de l'Occident // Nouvelle Ecole, № 38.

Vladimir Berelowitch. Le cauchemar social d'Alexandre Zinoviev: Pouvoir etsociété soviitiques// Annates ESC. juillet-aout, 1985.

Alan Besançon. U.R.S.S.: quandla logique devientfolle // Le Figaro. 8.6.1977.

Alan Besançon. La normalité du comunisme selon Zinoviev // Pouvoirs. 21, 1982.

Horst Bienek. Neues aus dem Land lbansk // Der Spiegel. 14, 1981.

F. Bondy. Die beiden Alexander // Die Weltwoche. 29.12.1983.

F. Bondy. Solschenizyn, Sinowjew und die Gewißheit // Süddeutsche Zeitung. 14–15.4.1984.

Anthony Burgess. Piles and dialectics // The Observer. 29.3.1981.

Anthony Burgess. Vodka pipeline // The Observer. 17.3.1985.

Jean-Paul Einthoven. Zinoviev ou Soljénitsyne? // Le Nouvel Observateur. 5.7.1980.

J. Elster. Negation active et negation passive // Archives Européennes de Sociologie. 1980.

M. Gallo. Alexandre Zinoviev: Goulag 9974 // L'Express. 7.1977.

Michel Heller. The Soviet Swift // Survey. 3.1978.

R. Highley. A Russian satiric masterpiece // Spectator. 28.4.1979.

Geoffrey Hoskin. Mediocrity for the millions // The Times Literary supplement. London, 23 mai 1980.

Geoffrey Hoskin. In the space between the slogans // Times Literary Supplement. London, March 17, 1981.

Erhard Hutter. Homo Sovieticus//Integral. 1–2, 1983.

Erhard Hutter. Unerwünschter Logiker. Die Weltwoche. 4.5.1977.

Charles Janson. A Hero of our Time // Soviet Analyst. 11, no 9,1980.

Charles Janson. Zinoviev on Paradoxes of Stalinism// Soviet Analyst. 12, no 19, 1983.

Michael Kirkwood. Elements of structure in Zinoviev's ZHELTYI DOM // Essays in Poetics. 7.2.1982/

Michael Kirkwood. Osnovy zinovievizma // Journal of Russian Studies. 46, 1983.

Michael Kirkwood. Notes on the structure of Alexander Zinoviev's ZIIAIUSHCHIE VYSOTY// Scottish Slavonic Review. 8, 1987.

Jean-Luis Kuffer. La verite sur des lendemains qui dechantent // Construire. 1.6.1977.

Aleksandr Nekrich. Inside the Leviathan // The New York Review of Books. 1977.

Georges Nivat. Alexandre Zinoviev // Encyclopaedia Universalis. Paris, 1978.

Georges Nivat. L'Univers d'Alexandre Zinoviev // Le Monde. 3.9.1981.

Georges Nivat. Alexandre Zinoviev, logicien, féroce, démonte les rouages d'une société sans future // Samedi littéraire. 25.6.1977.

Georges Nivat. L'etat Zinoviev // L'Express. 19.4.1985.

Piero Ostellino. II russo che non può venire a Roma // Corriere della Sera. 24.9.1976.

Helen von Ssachno. Zinoviev's Masterpiece — News from Nowhere in Ibansk// Encounter, Voi. XLVIII, No. 5, 83–85, 1977.

Vittorio Strada. L'Antimondo di Zinoviev // Corriere della Sera. 24.9.1985.

Vittorio Strada. Il profetico Zinoviev e la rivoluzione di Gorbaciov // Corriere della Sera. 15.9.1986.

Vittorio Strada. Zinoviev c'era una volta l'Umanitá // Corriere della Sera. 30.12.1997.

Valeri/ Tarsis. Ibansk — was ist das? // Zeit Bild. Bern. 23.3.1977.

Paul Thibaud. Zinoviev et Soljénitsyne // Esprit. Paris. Mai 1980.

Georges Urban. Portrait of a dissenter as a Soviet man // Encounter (April). 8–24, 1984.

АРХИВЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Архив Президента РФ, Москва.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ),

Подольск.

Центральный государственный архив г. Москвы, Москва. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Москва.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва.

Архив Российской академии наук (Архив РАН), Москва. Архив МГУ, Москва.

Государственный литературный музей (ГЛМ), Москва.

Архив общества «Мемориал», Москва.

Архив Института Восточной Европы, Бремен.

Архив О. М. Зиновьевой, Москва.

Архив П. А. Зиновьевой, Мюнхен.

Архив М. А. Зальцберга, Хьюстон.

notes

Примечания

1

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 23.

2

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. С. 23.

3

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 59–60.

4

Зиновьев А. А. Мой дом. — Моя чужбина // *Зиновьев А. А.* Гомо советикус. Мой дом. — Моя чужбина. М.: приложение к журналу «Лепта», 1991. С. 123–124.

5

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 59.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 520.

Гамсун К. В сказочной стране / Пер. М. Благовещенской.

8

Зиновьев А. А. Мы и Запад. Lausanne: L'Age d'Homme, 1981. С. 73.

9

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 76.

Зиновьев А. А. Мы и Запад. С. 74.

11

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 98.

12

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 75.

13

Там же. С. 98–99.

14

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 131.

15

ЦГА Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 20. Л. 172.

Там же. Л. 199.

Чижевский А. Л. Совестное поругание. http://www.xromo.com/rusograd/tch2/tch2-25.html

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 132.

19

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Lausanne: L’Age d’Homme, 1976. С. 291.

20

Там же.

21

Зиновьев А. А. О Сталине и сталинизме // *Зиновьев А. А.* Распутье. М.: Элефант, 2005. С. 34–35.

Там же. С. 41.

23

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. Т. 2. С. 239.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 2. С. 246–247.

Зиновьев А. А. Нашей юности полёт // *Зиновьев А. А.* Светлое будущее. М.: Астрель, 2008. С. 281.

26

Там же.

Зиновьев А. А. Нашей юности полёт. С. 390.

Там же. С. 407.

Зиновьев А. А. Имя века// *Зиновьев А. А.* Распутье. М.: Элефант, 2005. С. 90.

Зиновьев А. А. Имя века. С. 109.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 135.

Шейнис В. Поездка в Чехов // Независимая газета. 2004. 13 мая.

33

ЦА МО РФ. Ф. 4683. Оп. 348757с. Д. 1. Л. 5.

http://rkka.ru/cavalry/30/031_kd.html

35

Зиновьев А. А. В преддверии рая. Lausanne: L’Age d’Homme, 1979. С. 245.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 175.

37

ЦА МО РФ. Ф. 4683. Оп. 348757с. Д. 3. Л. 55–56.

Там же. Л. 33.

39

ЦА МО РФ. Ф. 4683. Оп. 348757с. Д. 3. Л. 15.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 173.

41

ЦА МО РФ. Ф. 4683. Оп. 348757с. Д. 3. Л. 5.

42

ЦА МО РФ. Ф. 4683. Оп. 348757с. Д. 4. Л. 1–2.

Там же. Л. 51.

Зиновьев А. А. Война будничная // Литературная газета. 2009. № 19. 6–12 мая. С. 3.

ЦА МО РФ. УПК.

Полторацкий В., Сувинский М. Боевые дела одной кавдивизии // Известия. 1941. № 166. 16 июля. С. 2.

47

ЦА МО. Ф. 33. Оп. 744807. Д. 88. Л. 206.

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35992. Д. 10. Л. 124.

Там же. Л. 88.

50

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35993. Д. 1. Л. 1.

51

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35992. Д. 10. Л. 80.

Там же. Л. 51.

http://forum. patriotcenter.ru/index. php?topic = 48718. msg341286# msg341286

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35993. Д. 14. Л. 2–3.

55

Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку…» Дневники. Письма. 1941–1945. М.: Вагриус, 2005. С. 32–33.

56

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35993. Д. 14. Л. 2–3.

Там же. Л. 18.

Там же. Л. 25.

Там же. Л. 115.

Там же. Л. 72.

61

Там же. Л. 90–91.

Там же. Л. 101.

Там же. Л. 90–91.

Там же. Л. 101.

65

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35993. Д. 14. Л. 72.

Там же. Л. 90–91.

Там же. Л. 101.

Там же. Л. 116.

69

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35993. Д. 1. Л. 6.

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35992. Д. 1. Л. 67 об., 74.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 67–68.

72

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 40. Л. 2.

73

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 39. Л. 12.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 78. Л. 62.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 146.

Там же. С. 68.

77

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 39. Л. 8–8 об.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 146.

79

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 60. Л. 131.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 152.

81

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 74. Л. 13; Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 88. Л. 361 об.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 148.

83

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 59. Л. 43.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 61. Л. 126. Фамилии участников инцидентов здесь и далее даются в сокращении.

85

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 61. Л. 157.

Там же. Л. 231.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 77. Л. 92.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 77. Л. 146–146 об.

89

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 88. Л. 361.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 63.

91

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 57. Л. 12, 13, 108.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 186.

93

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 2. Л. 125.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 40. Л. 180.

95

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 41. Л. 144.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 78. Л. 14.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 78. Л. 14.

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 2. Л. 138.

Там же. Л. 125.

100

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 2. Д. 2. Л. 90.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 154–155.

102

Зиновьев А. А. Правда о войне ещё не написана. Интервью с О. Назаровым // Родная газета. М., 2006. № 16.28 апреля — 11 мая. С. 8.

103

Зиновьев А. А. Правда о войне ещё не написана.

Архив Отдела кадров ИФ РАН.

105

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35992. Д. 78. Л. 39.

106

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 60. Л. 133, 145.

107

ЦА МО РФ. Ф. 60383. Оп. 35914. Д. 78. Л. 47, 70.

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 2. Д. 2. Л. 90.

109

ЦА МО РФ. Ф. 60440. Оп. 35992. Д. 78. Л. 147.

110

Оценки: Матчасть самолёта — 5; Матчасть мотора — 5; Эксплуатация — 5; Навигационная подготовка — 4; Бомбардировочная подготовка — 4; Связь — 5; Вооружение — 4; Воздушно-стрелковая подготовка — 5; Тактика — 4; Спецоборудование — 5. ЦА МО РФ. Ф. 21928. Оп. 107044с. Д. 7. Л. 13.

111

ЦА МО РФ. Ф. 21928. Оп. 107045с. Д. 1.Л. 144.

112

ЦА МО РФ. Ф. 21928. Оп. 105344. Д. 1.Л.42.

113

ЦА МО РФ. Ф. 21928. Оп. 107044с. Д. 7. Л. 33.

ЦА МО РФ. УПК.

115

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169477с. Д. 3. Л. 5–6, 12.

116

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 1.

117

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169477с. Д. 3. Л. 12.

http://army.lv/ru/vzyatie-goroda-i-kreposti-Glogau/3098/4937

119

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 2. Л. 87об.

120

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169478с. Д. 1.

121

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 4; Ф. 20507. Оп. 1. Д. 52. Л. 6, 9.

122

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 87.

123

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 45.

124

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сборник. М.: Воениздат, 1975. С. 437.

125

ЦА МО РФ. Ф. 20501. Оп. 1.Д. 52. Л. 1.

126

Приказы Верховного Главнокомандующего. С. 438.

127

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

Там же. Л. 51.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 194–195.

130

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 52 об.

131

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 195.

132

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 131–131 об.

133

Там же. Л. 134.

134

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 138.

135

Там же. Л. 140–140 об.

Там же. Л. 155.

137

Там же. Л. 157.

Там же. Л. 165.

139

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 171.

140

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 178–178 об.

141

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 191–191 об.

142

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 192.

143

ЦА МО РФ. Ф. 20501. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 199476с. Д. 2. Л. 66.

145

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1597. Л. 222.

146

ЦА МО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 1597. Л. 229.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 195.

148

Там же.

149

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 57 об.

150

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 2. Л. 116 об.-117.

151

Там же. Л. 125.

152

Там же. Л. 131–131 об.

153

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 178–178 об.

154

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 191–191 об.

155

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 2. Л. 145 об.

156

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 3. Л. 197.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 202.

Зиновьев А. А. Война будничная. С. 3.

159

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169477с. Д. 3. Л. 12.

ЦА МО РФ. УПК.

161

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 78 об.

162

Правда. 1945. 25 мая.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 203–205.

164

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169475с. Д. 2. Л. 148.

165

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169476с. Д. 1; Ф. 22264. Оп. 169477с. д.1.

166

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 199476с. Д. 2. Л. 100.

167

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 94 об.

168

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 99 об.

169

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 29. Л. 99 об.

170

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 199476с. Д. 2. Л. 111.

171

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1.Д. 29. Л. 105 об.

Там же. Л. 117.

173

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

Там же. Л. 41.

175

ЦА МО РФ. Ф. 20035. Оп. 1. Д. 34. Л. 15 об.

176

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169477с. Д. 2. Л. 112.

177

ЦА МО РФ. Ф. 22264. Оп. 169477с. Д. 1. Л. 107.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 157.

ЦА МО РФ. УПК.

180

Московский университет. 1946. № 37. 29 ноября. С. 1.

181

Там же,

Там же. С. 2.

183

См. подробнее: *Косичев А.* Философия, время, люди. Воспоминания и размышления бывшего декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3.

185

Жданов А. А. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». 24 июня 1947. М.: Госполитиздат, 1952. С. 32.

Там же. С. 44–45.

187

Московский университет. 1947. № 36. 21 ноября. С. 1.

188

Московский университет. 1948. № 1.2 января. С. 1.

189

Московский университет. 1948. № 6. 14 февраля. С. 2.

190

Московский университет. 1948. № 44–45. 15 декабря. С. 2.

191

Московский университет. 1948. № 35–36. 16 октября. С. 1.

192

Московский университет. 1948. № 35–36. 16 октября. С. 1.

193

Московский университет. 1949. № 63. 16 декабря. С. 1.

Зиновьев А. А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. С. 16–17.

Зиновьев А. А. Затея. М.: Центрполиграф, 2000. С. 16–17.

Там же. С. 13.

197

Беседа с Владиславом Лекторским о развитии науки под идеологическим давлением государства. http://zinoviev. info/wps/ archives/554

198

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 29 декабря 1986. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга. Хьюстон.

199

АРАН. Ф. 1922. Оп 1.Д. 1070. Л. 145.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 26–27.

201

Зиновьев А. А. Затея. С. 24.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 21.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 339.

Зиновьев А. А. Затея. С. 17–18.

Митрохин Н. Из двух бесед с Александром Моисеевичем Пятигорским // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 101.

Митрохин Н. Из двух бесед с Александром Моисеевичем Пятигорским // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 101.

Кантор К. М. Вместо предисловия// *Зиновьев А. А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002. С. 8–9.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 229.

209

Греков Л. И. Его прогнозы всегда сбываются // Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. М.: Канон+, 2013. С. 48.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 243.

211

Там же.

Мамардашвили М. Начало всегда исторично, то есть случайно // Вопросы методологии. 1991. № 1.

213

Мамардашвили М. Начало всегда исторично, то есть случайно.

214

Аудиозапись эфира передачи «Экслибрис». «Радио Свобода». 27 августа 1989 года // Архив О. М. Зиновьевой; ГЛМ. Фонд звукозаписи.

215

Ошибка мемуариста: правильное название «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год».

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом. М.: Путь, 2001. Здесь и далее цит. по: http://lizard. jinr. ru/~tina/turist/biblioteka/ GP001. html

217

Там же.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 290.

219

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1л (студ).Д. 121.

220

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1л (студ). Д. 121. Л. 99—103.

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты, http://www. mmk-documentum. ru/mmk/20

Тютчев Ф. И. Фонтан.

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

224

Там же.

225

Митрохин Н. Из двух бесед с Александром Моисеевичем Пятигорским.

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом.

227

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 45. Л. 1–2.

228

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 45. Л. 18–19.

229

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

230

Там же.

231

Там же.

232

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 767. Л. 109.

233

Там же.

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 767. Л. 112–113.

Там же. Л. 118–119.

Там же. Л. 119.

237

Там же. Л. 117.

238

О прошлом и настоящем. Беседа Л. Н. Митрохина с В. А. Лекторским//Как это было? Воспоминания и размышления. М.: РОССПЭН, 2010. С. 223–224.

239

Щедровицкий Г. П. Я всегда был идеалистом.

Косичев А. Философия, время, люди. Цит. по: https://books.google.ru/books?id=WpAo4zrw6UQC&pg=PA380&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

242

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп). Д. 121. Л. 30.

243

Там же. Л. 31.

Косичев А. Философия, время, люди.

Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (На материале «Капитала» К. Маркса). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос. наук. М.: МГУ, 1954. С. 2.

Там же. С. 12.

247

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп). Д. 121. Л. 96–97.

Там же. Л. 98.

249

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп). Д. 121. Л. 15.

250

По: Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп).Д. 121. Л. 35–42.

251

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп). Д. 121. Л. 42–48.

252

Архив МГУ. Ф. 13. Оп. 1 (асп). Д. 121. Л. 49–52.

Вессель Х. Логика Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 153.

Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. С. 313.

255

Личное дело сотрудника ИФ АН СССР А. А. Зиновьева. Архив отдела кадров ИФ РАН.

Там же.

257

Там же.

Тютчев Ф. И. Фонтан.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 474.

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

261

Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично, то есть случайно.

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 473–474.

Зиновьев А. А. Об одной программе исследования мышления // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1959. № 2. С. 71.

Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично, то есть случайно.

Там же.

Грушин Б. А. Мы всё время вели войны за свой предмет http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/x/pub/12

Цит. по: *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты.

269

Личное дело сотрудника ИФ АН СССР А. А. Зиновьева. Архив отдела кадров ИФ РАН.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 23.

271

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 930. Л. 2, 7.

272

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1206. Л. 6.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 30–31.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 30.

Зиновьева Т. А. Аппетит, институт // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 100–101.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 50.

Зиновьева Т. А. Аппетит, институт. С. 101.

Грибоедов А. С. Горе от ума.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 113.

Зиновьев А. А. Молитва перед работой // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. Lausanne: L'Age d'Homme. С. 45.

281

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 118.

Лекторский В. А. http://zinoviev.info/wps/archives/554

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 118–199.

Зиновьев А. А. Молитва после рабочего дня // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 45.

285

Лекторский В. А. Философия России второй половины XX в. как социально-культурный феномен // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX в.: современный взгляд. М.: РОССПЭН, 2014. С. 27.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 295–296.

287

Грибоедов А. С. Горе от ума.

288

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 767. Л. 5–7.

289

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 767. Л. 29–32.

290

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 767. Л. 40, 44–46.

291

Там же. Л. 54.

Там же. Л. 56–57.

293

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 767. Л. 72–74.

294

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 767. Л. 97–98.

Там же. Л. 106.

Там же. Л. 39.

297

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 841. Л. 22–28.

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 841. Л. 14–15.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 230.

Солодухин Ю. Н. Реформатор логики // Феномен Зиновьева. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. С. 79–80.

301

Зиновьев А. А. Основы логической теории научных знаний. М.: Наука, 1966. С. 98.

302

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 841. Л. 120.

Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично, то есть случайно.

Солодухин Ю. Н. Реформатор логики. С. 135.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 307.

306

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1 Д. 1072. Л. 41.

307

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1070. Л. 145.

308

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1216. Л. 1–3.

309

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. Машинопись. С. 803–804 //Архив Института Восточной Европы. Бремен. Фонд А. А. Зиновьева.

Тютчев Ф. И. Фонтан.

311

Зиновьев А. А. Собутыльникам в годы либерализма // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 9.

Зиновьев А. А. Россию спасёт пьянство, а погубит алкоголизм // Водка. 2003. № 1. С. 16.

313

Зиновьев А. А. Пьянология — наука XXI века. Интервью с С. Долгополовой // Мегаполис — Новости. 2002. № 52. 25 декабря.

314

Зиновьев А. А. Россию спасёт пьянство, а погубит алкоголизм. С. 14.

315

Там же. С. 16.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 23–24.

317

Зиновьев А. А. Россию спасёт пьянство, а погубит алкоголизм. С. 15.

Зиновьев А. А. Живи. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. С. 41.

319

Зиновьев А. А. Эпилог // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 59.

Гулыга А. В. Ярмарка умов и талантов // Наш философский дом. К 80-летию Института философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 341.

321

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1113. Л. 50–54.

322

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1090. Л. 44–45.

Цит. по: *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. С. 343–347.

Солодухин Ю. Н. В России нет интеллектуального арсенала более мощного, чем оставленный нам Зиновьевым // Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. М.: Канон+, 2013. С. 208–209.

325

Барашев П. П. Сверкнул как метеор (Как Зиновьев преподавал философию в МФТИ) // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 120.

Родос В. Б. Я — сын палача. М.: ОГИ, 2008. С. 462.

Барашев П. П. Сверкнул как метеор. С. 121.

Родос В. Б. Я — сын палача. М.: ОГИ, 2008. С. 462.

329

Там же. С. 464–465.

Барашев П. П. Сверкнул как метеор. С. 122–123.

331

Родос В. Я — сын палача. С. 462.

Там же. С. 468.

333

Солодухин Ю. Н. В России нет интеллектуального арсенала более мощного, чем оставленный нам Зиновьевым. С. 207–208.

Зиновьев А. А. Радость женщине // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 27.

335

Зиновьев А. А. О богине // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 26.

Зиновьев А. А. О женщине // *Зиновьев А. А.* Евангелие для Ивана. С. 26.

Зиновьева О. М. История о Новом человеке // Аврора. СПб., 2012. № 2. С. 7–16.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 368–370.

339

РГАНИ Ф. 5. Оп. 59. Д. 46. Л. 231–232.

Цит. по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 46. Л. 233–239.

341

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 46. Л. 240.

Архив отдела кадров ИФ РАН.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 401.

Федина А. М. Александр Зиновьев: 60—70-е годы. Психолого-лингвистическое свидетельство очевидца // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 109.

Федина А. М. Александр Зиновьев: 60—70-е годы. С. 110.

346

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1274. Л. 56–57.

347

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1294.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 387.

349

Из выступлений на вернисаже выставки «Иди!». К 85-летию со дня рождения А. А. Зиновьева // Звено. 2007. Вестник музейной жизни. М.: ГЛМ, 2008. С. 164.

Александр Исаевич Солженицын. Материалы к биобиблиографии. СПб., 2007. С. 191–196.

351

Солженицын А. И. Публицистика. В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995. С. 187–188.

352

XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М.: ОГИЗ, 1939. С. 319, 389, 488,588.

353

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчёт. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. Т. 1. С. 92.

354

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчёт. Т. 2. С. 343.

355

Высоцкий В. С. Высота.

Матусовский М. На безымянной высоте.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 9.

Там же. С. 9—10.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 497.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 468.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 364.

Там же. С. 468.

Там же. С. 231.

Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз // Александр Александрович Зиновьев. М.: РОССПЭН, 2009. С. 179.

365

Там же.

Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз. С. 182–183.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 559–560.

368

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1312. Л. 134–138.

369

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1323. Л. 72–73.

Там же.

371

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1312. Л. 137.

Трудовая книжка. Архив О. М. Зиновьевой.

373

Характеристика. Архив О. М. Зиновьевой.

Сапгир К. А. Вехи Владимира Дмитриевича // Наша газета. Лозанна, 2008. 23 марта 2012. http://nashagazeta.ch/news/13160.

Нива Ж. Владимир Дмитриевич: Ненасытный первооткрыватель / Пер. на рус. яз. О. Юркиной // Наша газета. Лозанна, 2008. августа. Цит.: http://nashagazeta.ch/news/12119.

Зиновьева О. М. Александр Зиновьев: творческий экстаз. С. 187—188

377

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1323. Л. 77.

378

Зиновьева О. М. — Шуст С. М. 14 июля 1976. Козин, Киевской обл. //Архив С. М. Шуст.

379

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Обложка, отворот титульного листа.

380

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. Обложка, отворот задней страницы.

381

Геллер М. Я. Российские заметки 1969–1979. М.: Изд-во «МИК», 1999. С. 342.

382

Протокол № 3 партсобрания сектора логики ИФ АН от 3 ноября 1976. Копия //Архив О. М. Зиновьевой.

383

Там же.

384

Протокол № 2 (так в документе!) партсобрания сектора логики ИФ АН от 17 ноября 1976. Копия //Архив О. М. Зиновьевой.

385

Там же.

386

Протокол № 4 партсобрания сектора логики ИФ АН от 24 ноября 1976. Копия //Архив О. М. Зиновьевой.

387

Там же.

Зиновьев А. А. Записки ночного сторожа. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 7.

389

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1342. Л. 162.

Там же. Л. 161.

391

Зиновьев А. А. Записки ночного сторожа. С. 7.

392

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1356. Л. 53.

Там же. Л. 5.

Личное дело А. А. Зиновьева // Архив отдела кадров ИФ РАН.

395

АРАН. Ф. 1922. Он. 1.Д. 1356. Л. 6.

396

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1.Д. 1356. Л. 6.

http://zinoviev.info/wps/archives/495

Там же.

399

АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1356. Л. 126.

Там же. Л. 53.

401

Там же. Л. 126.

402

Зиновьев А. А. Баллада о неудавшемся лётчике. Рукопись. Архив П. А. Зиновьевой. В сокращённом виде опубликовано: *Зиновьев А. А.* Зияющие высоты. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 140–141.

403

Там же.

404

Сопроводительное письмо к Проекту Указа Президиума ВС СССР о лишении А. А. Зиновьева правительственных наград. 1 февраля 1977. Ксерокопия // Архив О. М. Зиновьевой.

405

Хроника текущих событий. Вып. 44. 1977.

406

Выписка из протокола № 4 заседания президиума ВАК от 4 февраля 1977. Личное дело А. А. Зиновьева // Архив отдела кадров ИФ АН.

Личное дело А. А. Зиновьева // Архив отдела кадров ИФ АН.

408

Зиновьев А. А. Завещание. Рукопись. Автограф //Архив А. М. Фединой.

409

Архив О. М. Зиновьевой.

http://zinoviev.info/wps/archives/495

Митрохин Л. Н. О феномене А. А. Зиновьева // Вопросы философии. М., 2007. № 4. С. 74.

412

Там же.

Вайль П., Генис А. Заговор против чувств. Беседы с Александром Зиновьевым // Континент. Париж, 1980. № 24. С. 401.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 428.

http://zinoviev.info/wps/archives/483

The 2012 Alexander Zinoviev Birthday Book. P. 124.

Митрохин Л. Н. О феномене А. А. Зиновьева. С. 72–73.

Зиновьева О. М. История о Новом человеке. С. 21.

419

Собрание И. Н. Зориной-Карякиной.

The 2012 Alexander Zinoviev Birthday Book. P. 124–125.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 388.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 431.

The New York Review of Books. 14. April 1977.

Рубинштейн Н. Сказание о Земле Ибанской // Время и мы. Тель-Авив. 1977. № 16. С. 153.

Le Figaro. 8. Juni 1977.

Феномен Зиновьева. С. 389.

Феномен Зиновьева. С. 389.

Там же. С. 386–387.

Федина А. М. Александр Зиновьев: 60—70-е годы. С. 111.

Дневники Ольги Зиновьевой. http://zinoviev.info/wps/archives/495.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 426.

Хроника текущих событий. № 45. 1977.

433

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. Машинопись с правками. С. 681–682 // Архив Института Восточной Европы. Бремен. Фонд А. А. Зиновьева.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 283.

Хроника текущих событий. № 50. 1978.

Там же. № 46. 1977.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 287–288.

Хроника текущих событий. № 48. 1977.

Bazler Zeitung. 14 Januar. 1978.

Altwegg J. Alexander Sinowjews Attacke auf den Totalitarismus // Basler Zeitung. 7 Januar. 1978.

Хроника текущих событий. № 49. 1978.

Русская мысль. Париж. 1978. № 3205. 25 мая. С. 5.

443

Русская мысль. Париж. 1978. № 3196. 23 марта. С. 1.

Там же. С. 2.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. Lausanne: L’Age d’Homme, 1978. Отворот обложки.

Русская мысль. Париж. 1978. № 3205. 25 мая. С. 5.

447

К. Местр — О. М. Зиновьевой. Июнь 1978. Автограф // Архив О. М. Зиновьевой.

Геллер М. Российские заметки 1969–1979. С. 452–453.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 7.

450

Там же.

451

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 7–8.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 8.

453

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1105. Л. 41–42.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 239.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 89

Там же. С. 110.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 93.

Там же. С. 94.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 8–9.

460

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1105. Л. 41,43.

461

Хибины — Москва — Петушки. Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева // Живая Арктика. Литературно-краеведческий альманах. 2005. № 1. С. 75.

462

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1105. Л. 43.

463

Там же.

Там же. Л. 44.

465

Дневники Ольги Зиновьевой // http://zinoviev.info/wps/archives/495.

466

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1105. Л. 43.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 442.

Погода // Правда. 1978. 6 августа.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 249.

Зиновьев А. А. Светлое будущее. С. 252.

Архив О. М. Зиновьевой.

Архив О. М. Зиновьевой.

Там же.

Там же.

Там же.

Александр Зиновьев на Западе // Русская мысль. 1978. № 3217. 17 августа. С. 3.

477

Информационное сообщение агентств NL/BEL/JT. Телетайпная распечатка // Архив О. М. Зиновьевой.

478

Александр Зиновьев на Западе // Русская мысль. 1978. № 3217. 17 августа. С. 3.

479

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1143. Л. 151–152.

Форум философов // Правда. М., 1978. 1 сентября.

Сорокин В. Шестнадцатый философский // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1978. № 11. С. 56.

Сорокин В. Шестнадцатый философский. С. 58.

483

С. М. Интервью Александра Зиновьева еженедельнику «Нувель Литерер» // Русская мысль. Париж, 1978. № 3228. 2 ноября. С. 7.

Федина А. М. — А. А. и О. М. Зиновьевым. 1978. Начало сентября //Архив О. М. Зиновьевой.

485

Alexandre Zinoviev: «La Russie est ma patrie quoi qu'il advienne, nous déclare le philosophe» // Le Monde. 1978. 22 Sept.

486

О. М. Зиновьева — Алексею А. Зиновьеву. 28 августа 1978 // Архив О. М. Зиновьевой.

487

А. А. Зиновьев — А. М. Фединой. Начало января 1979. Автограф // Архив А. М. Фединой.

Там же.

489

О. М. Зиновьева — А. М. Фединой. 27 апреля 1979. Рукопись. Автограф //Архив А. М. Фединой.

490

Каламбурное собирательное наименование, образованное из имён сопровождавших Зиновьева в поездке Владимира Дмитрие-*вича* и Владимира Берело-*вича*.

Все открытки из архива О. М. Зиновьевой.

Зиновьев А. А. За что боролись, на то и напоролись // *Зиновьев А. А.* Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 46.

Там же. С. 47.

Там же. С. 48.

Там же. С. 51.

Зиновьев А. А. За что боролись, на то и напоролись. С. 48–49.

Там же. С. 50.

Зиновьев А. А. О социальном статусе марксизма // *Зиновьев А. А.* Без иллюзий. Lausanne: L'Age d'Homme, 1979. С. 27–29.

499

Интервью Александра Зиновьева еженедельнику «Нувель Литерер» // Русская мысль. Париж, 1978. № 3228. 2 ноября. С. 7.

Зиновьев А. А. Год на Западе. Интервью радио «Свобода» // *Зиновьев А. А.* Без иллюзий. С. 118.

501

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 451.

502

Зиновьев А. А. Финансовый контроль: зеркало теории. Интервью В. Большакову// Финансовый контроль. 2002. № 9. С. 63.

503

Зиновьев А. А. Мы и Запад. Lausanne: L'Age de'Homme, 1981. С. 27.

Зиновьев А. А. Год на Западе. С. 119.

505

О. М. Зиновьева — А. М. Фединой. Середина апреля 1979. Автограф // Личный архив А. М. Фединой.

506

А. А. Зиновьев — А. М. Фединой. Начало января 1979. Автограф // Архив А. М. Фединой.

Зиновьева О. М. История о Новом человеке. С. 17–18.

Зиновьев А. А. Заметки о литературе // *Зиновьев А. А.* Мы и Запад. С. 83.

509

Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Зиновьев и мениппея // Время и мы. Иерусалим, 1979. № 39. С. 158–159.

510

Из истории русского авангарда (П. Н. Филонов) / Публикация Е. Ф. Ковтуна // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1977. Л.: Наука, 1979. С. 231.

511

Филонов П. Н. Идеология аналитического искусства // Филонов: Каталог. Л., 1930. С. 41–42.

512

Там же.

513

Из истории русского авангарда (П. Н. Филонов). С. 230.

Зиновьев А. А. Без иллюзий. С. 11.

515

Розанов В. В. Уединённое // *Розанов В. В.* Собрание сочинений: Листва / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2010. С. 7.

Le Monde, 1980. 23 Avril.

В скобках указаны годы выхода в свет книг.

Феномен Зиновьева. С. 388.

Зиновьев А. А. Запад и мы. С. 120, 121.

520

Вайль П., Генис А. На аврале // Время и мы. Тель-Авив, 1979. № 31. С. 145–146.

521

Штурман Д. Блеск и нищета Александра Зиновьева // Время и мы. Тель-Авив, 1981. № 62. С. 165–166.

Вайль П., Генис А. Заговор против чувств. С. 402–403.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 121.

524

О. М. Зиновьева — А., Р., Г. и Б. Зиновьевым. 25 сентября 1979 // Архив Алексея А. Зиновьева.

525

Janson Ch. A Hero of Our Time // The Northern Times. Edinburg. 1982. 3 September.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 478.

Там же. С. 478–479.

Зиновьев А. А. Я — одиночка во всём // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1991. 12 июля.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. С. 561.

Там же. С. 587–588.

531

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 178.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 1. С. 177.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 2. С. 265.

Там же. С. 91.

Там же. С. 87.

Зиновьев А. А. Жёлтый дом. Т. 2. С. 27–28.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М.: Астрель, 2008. С. 7.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. С. 13–14.

Солженицын А. И. Публицистика. Т. 1. С. 711–712.

Солженицын А. И. Коммунизм: у всех на виду — и не понят // *Солженицын А. И.* Публицистика. Т. 1. С. 332.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. С. 22.

542

Солженицын А. И. Коммунизм: у всех на виду — и не понят. С. 334.

543

Солженицын А. И. Коммунизм: у всех на виду — и не понят. С. 334.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. С. 318.

Veil S. Hommage à Alexandre Zinoviev// Commentaire. 1982. № 14. P. 663. Пер. с фр. И. О. Дементьева.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 479.

547

Зиновьев А. А. Мой дом. — Моя чужбина // *Зиновьев А. А.* Гомо советикус. Мой дом. — Моя чужбина. Приложение к журналу «Лепта». М., 1991. С. 88–89.

Зиновьев А. А. Мы и Запад. С. 25.

Зиновьев А. А. Гомо советикус // *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М.: Астрель, 2008. С. 320.

Зиновьев А. А. Мой дом. — Моя чужбина. С. 91.

551

Зиновьев А. А. Мой дом. — Моя чужбина. С. 120.

Там же. С. 121.

553

Там же. С. 119.

Зиновьев А. А. Гомо советикус. С. 530–531.

Зиновьев А. А. Гомо советикус. С. 348–349.

Там же. С. 492–493.

Зиновьев А. А. Нашей юности полёт // *Зиновьев А. А.* Светлое будущее. М.: Астрель, 2008. С. 344–345.

Там же. С. 259.

Зиновьев А. А. Нашей юности полёт. С. 441.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. С. 821–822.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 251.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 9.

563

Там же.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 23.

565

Там же. С. 253.

Там же. С. 46–47.

Там же. С. 12.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 45–46.

569

Там же. С. 46.

Там же. С. 107.

Там же. С. 49.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 170.

Там же. С. 120.

Там же. С. 70.

Там же. С. 53–54.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. С. 819.

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 301–302.

Там же. С. 242.

Там же. С. 242–243.

Русская мысль. 1982. 16 декабря.

581

Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. С. 67, 68, 78, 83–84, 115–116, 119, 126, 129, 147, 192, 200, 202, 204–205,211,228–229.

582

Лимонов Э. В. Некрологи. Книга мёртвых-2: Очерки. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2010. С. 168.

583

Зиновьев А. А. Ни свободы, ни равенства, ни братства. Lausanne: L'Age de'Homme, 1983. С. 107.

Там же.

Зиновьев А. А. Мы и Запад. С. 20.

Там же. С. 22.

587

Madison M. Faceless bureaucrat to lead Russia next, visiting scholar says // Times Tribune. 1982. 9 november.

Зиновьев А. А. Пара беллум // *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М.: Астрель, 2008. С. 324–325.

589

Там же. С. 545.

Зиновьев А. А. Пара беллум. С. 570.

591

Зиновьев А. А. «Наука понимания и наука убийства». Интервьюер О. Блоцкий // Фигуры и лица. Ежемесячное приложение к «Независимой газете». 1998. Май. С. 10.

Зиновьев А. А. «Инфант террибль русской эмиграции». Интервьюер М. Перевозкина // Сегодня. 1999. 6 июля.

593

The 2012 Alexander Zinoviev Birthday Book. P. 179.

594

О. М. Зиновьева — Н., Н. и В. Зиновьевым. 1984. Сентябрь // Архив О. М. Зиновьевой.

595

Ксерокопия с автографа // Архив О. М. Зиновьевой.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. С. 791.

597

О. М. Зиновьева — Н., Н. и В. Зиновьевым. 1984. Сентябрь // Архив О. М. Зиновьевой.

Архив О. М. Зиновьевой.

599

О. М. Зиновьева — А. М. Фединой. Конец 1984. Автограф // Архив А. М. Фединой.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первая редакция. С. 791.

601

Солженицын А. И. Публицистика. Т. 3. С. 140.

602

Зиновьев А. А. Почему я не вернусь в Советский Союз // Континент. 1985. № 43. С. 161–165.

603

Русская мысль. 1984. 6 декабря.

Sormani P. Zinoviev ha fiducia nel nuovo leader. Si aspetta che realizzi alcune riforme // Il Corriere della Sera. Milano. 1985. 12 mardi.

Зиновьев А. А. Горбачевизм. N. Y.: Liberty Publisching House, 1988. С. 29.

Зиновьев А. А. Горбачевизм. С. 26.

Кантор М. К. Медленные челюсти демократии. М.: АСТ-Астрель, 2008. С. 255.

608

Тролль Ю. Истину говорят одиночки // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1987. Октябрь.

609

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 15 января 1987. Рукописное // Архив М. А. Зальцберга. Хьюстон, США.

Мулета. М., 1986.

611

Зиновьев А. А. Обращение к третьей русской эмиграции // Вечерний звон. Париж: Самиздат, 1987. 9 января.

612

Пусть Горбачёв предоставит нам доказательства // Московские новости. 1987.

613

Там же.

Здесь и далее: *Корионов В.* Паника в стане «бывших» // Правда. М., 1987. 25 марта.

615

Яковлев Е. Доказательства от обратного // Московские новости. М., 1987. 29 марта.

616

Кризис совести. О тех, кто сам себя лишил родного дома // Московские новости. М., 1987. 15 апреля.

617

Там же.

Зиновьев А. А. Горбачевизм. С. 34.

619

Зиновьев А. А. Новогодняя сказка // Русская мысль. 1988. № 3706. 8 января. С. 7.

Зиновьев А. А. Горбачевизм. С. 140–141.

621

El Mercurio. 1999. 3 enero.

622

Зиновьев А. А. — Зиновьевой П. А. Чикаго. 2 октября 1987 // Архив П. А. Зиновьевой.

623

Тролль Ю. Истину говорят одиночки // Русское слово. Нью-Йорк. (По вырезке из газеты.)

624

Зиновьев А. А. — Зиновьевой О. М. Чикаго. 7 октября 1987 // Архив П. А. Зиновьевой.

625

Зиновьев А. А. — О. и П. Зиновьевым. Чикаго. 18 октября 1987 // Архив П. А. Зиновьевой.

Континент. 1987. № 53. С. 242.

627

Зиновьева О. М. — Зиновьеву А. А. Мюнхен. 30 октября 1987 // Архив О. М. Зиновьевой.

628

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 22 декабря 1987 // Архив М. Зальцберга.

629

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 2 апреля 1988 // Архив М. Зальцберга.

630

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первоначальная редакция. С. 2.

631

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. Первоначальная редакция. С. 2.

Там же. С. 20–21.

633

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 20 августа 1988 // Архив М. А. Зальцберга.

Зиновьев А. А. Катастройка // Континент. Париж, 1988. № 57. С. 15.

Там же. С. 22–23.

Зиновьев А. А. Катастройка // *Зиновьев А. А.* Революция в Царьграде. М.: Астрель, 2012. С. 182. Далее цит. по этому изданию.

Там же. С. 182.

Там же. С. 82.

Зиновьев А. А. Катастройка. С. 89–90.

640

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 8 октября 1988 // Архив М. А. Зальцберга.

641

Чуковская Е. Ц. Вернуть Солженицыну гражданство СССР // Книжное обозрение. М., 1988. 5 августа. С. 15.

Шведов С. Многоликий читатель // Московские новости. М., 1989. 9 апреля.

643

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 29 июня 1989 // Архив М. А. Зальцберга.

«Не кривил душой, не приспосабливался…» Интервью Александра Зиновьева // Московские новости. 1989. № 33. 13 августа. С. 16.

Правда. 1989. 11 ноября.

646

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 23 декабря 1989 // Архив М. А. Зальцберга.

647

Гутина Н. Presto ma non troppo // Круг. Тель-Авив, 1989.19 июня.

648

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 3 августа 1989 // Архив М. А. Зальцберга.

649

А. Зиновьев: «Перестройка закончится в два счёта…» // Феникс. Бней-Брак, 1989. 19 июня.

Зиновьев в Израиле //Алеф. Тель-Авив, 1989. 26 июня.

651

А. Зиновьев: «Перестройка закончится в два счёта…»

652

Гутина Н. Presto ma non troppo.

653

Зиновьев А. А. Живи. СПб.: Издательский дом «Нева», 2004. С. 27.

Зиновьев А. А. Живи. С. 127.

Там же. С. 30.

Там же.

Там же. С. 41.

Там же. С. 96–97.

Zinov'ev A. Allegra Russia. Milano: SugarCo Edizione, 1989. P. 43.

Сальватор-Шиффер Д. Александр Зиновьев, или Парадоксальный Бог // Aleksandr Zinov'ev. Allegra Russia. P. 38–39.

Zinov'ev A. Allegra Russia. P. 97.

Архив О. М. Зиновьевой.

Здесь и далее: http://zinoviev.info/wps/archives/518.

664

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 4 апреля 1991 // Архив М. А. Зальцберга.

665

Доза горького лекарства. Интервью В. Большакова с А. А. Зиновьевым // Правда. М., 1990. 6 июня. С. 8.

666

Там же.

Zinoviev al Dia // Artes y Letras. Valparaiso, 1990. 8 julio.

668

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. Мюнхен. 10 июля 1991 // Архив М. А. Зальцберга.

669

«Остаюсь русским писателем…» Интервью В. Большакова с А. А. Зиновьевым // Правда. М., 1990. 9 сентября.

Зиновьев А. А. Я хочу рассказать вам о Западе // Комсомольская правда. 1990. 15 сентября.

671

Зиновьев А. А. Я хочу рассказать вам о Западе // Комсомольская правда. 1990. 15 сентября.

Там же.

Там же.

Там же.

675

Кучкина О. Мы одни и жизнь одна // Комсомольская правда. 1991. 5 марта.

Захаров М. А. Возвращайся, браток! // Комсомольская правда. 1990. 20 сентября.

677

Кучкина О. Мы одни и жизнь одна.

Зиновьев А. А. «Я — одиночка во всём». Интервью // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1991. 12 июля. С. 14.

Литературная газета. 1991. 24 июля.

Там же.

681

Зиновьев А. А. Революция в Царьграде // *Зиновьев А. А.* Катастройка. Революция в Царьграде. С. 266–267.

Там же. С. 413–414.

«Gorbatchev avait perdu la raison» // Le Figaro. 1991. 20 août.

Там же.

685

Зиновьев А. А. Историческая трагедия // *Зиновьев А. А.* Распутье. С. 129–130.

Там же. С. 127.

Там же. С. 130.

Зиновьев А. А. Революция в Царьграде. С. 503–504.

Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. С. 496.

Песнь о Роланде. Пер. с фр. Н. Томашевского.

691

Александр Зиновьев: «Повесить в двадцать четыре часа!» / Подг. А. Дурандин // Народная газета. СПб., 1992.

692

Александр Зиновьев: «На душе такая боль за Россию…» // Правда. М., 1993. 11 марта. С. 6.

693

Александр Зиновьев: «Повесить в двадцать четыре часа!»

Александр Зиновьев: «На душе такая боль за Россию…»

695

Александр Зиновьев: «Повесить в двадцать четыре часа!»

Там же.

Александр Зиновьев: «На душе такая боль за Россию…»

Песнь о Роланде.

699

Александр Зиновьев: «Повесить в двадцать четыре часа!»

Там же.

701

Там же.

702

Песнь о Роланде.

703

Александр Зиновьев: «Повесить в двадцать четыре часа!»

Песнь о Роланде.

Зиновьев А. А. Советский Союз хоронить рано // Правда. 1992. 1 октября.

Зиновьев А. А. Советский Союз хоронить рано // Правда. 1992. 1 октября.

707

Зиновьев А. А. «Это не есть моё желание» // Книжное обозрение. 199). № 13. 26 марта. С. 24.

Толстых В. И. Вы что, боитесь Зиновьева? // Независимая газета. 1992. 29 сентября.

Там же.

710

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 24 марта 1993. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

711

Зиновьев А. А. Я хочу рассказать вам о Западе.

Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 3–4.

Там же. С. 312.

Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. С. 312.

Там же. С. 381–382.

Андреев Э. М. Зиновьев обосновал выводы о настоящем и будущем человечества // Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. С. 9—10.

Кантор М. К. Медленные челюсти демократии. С. 246.

718

Судьба России: свет и тени // Правда. 1993. № 131. 10 июля.

719

Там же.

Там же.

721

Там же.

722

Судьба России: свет и тени.

723

Там же.

Там же.

725

Судьба России: свет и тени.

Зиновьев А. А. От коммунизма — к колониальной демократии // Рабочая трибуна. 1993. 3 июля.

Там же.

Зиновьев А. А. Трясина // Советская Россия. 1993. № 95. 12 августа. С. 5.

729

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 4 августа 1993. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

730

Целили в коммунизм, а попали в Россию. Беседа А. Зиновьева, М. Назарова с П. Паламарчуком // Завтра. 1993. № 2.

731

Зиновьев А. А. Мировое негодяйство // Завтра. 1994. № 16. 25 апреля.

Книжное обозрение. 1994. 24 мая.

Зиновьев А. А. Я не политик, я исследователь // Правда. 1994. 1 июня.

Зайцев Е. В Мюнхен к земляку // Костромской край. 1995. 26 января.

735

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 8 февраля 1995. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

736

Зиновьев А. А. Таланту русскому везде трудно. Беседа с Е. Зайцевым // Костромской край. Кострома, 1995. 4 февраля. С. 3.

Там же.

738

По вырезке из неустановленной газеты.

739

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 18 октября 1995. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

740

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 29 января 1996. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

741

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 10 апреля 1996. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

Зиновьев А. А. Глобальный человейник. М.: Центрполиграф, 1977. С. 9.

Зиновьев А. А. Глобальный человейник. С. 177.

Зиновьев А. А. Фактор понимания. С. 493.

Там же. С. 495–496.

Зиновьев А. А. Глобальный человейник. С. 9.

Там же. С. 18.

748

Зиновьев А. А. — Зальцбергу М. А. 8 марта 1997. Мюнхен // Архив М. А. Зальцберга.

749

Искусственный человек из Мюнхена. А. Зиновьев: «Я хотел убить Сталина…» Интервью с А. Ковалёвой // Московский комсомолец. 1997. 19 января.

750

Песнь о Роланде.

751

Архив О. М. Зиновьевой.

Зиновьев А. А. Глобальный человейник. С. 78.

753

Самостоянье Александра Зиновьева. Беседу вёл В. Кожемяко // Советская Россия. 1997. № 126. 28 октября.

Правда-Пять. М., 1997. № 132. 6 сентября.

755

Там же.

Кожемяко В. Мантия академика — Александру Зиновьеву // Правда-Пять. 1997. 31 октября.

Зайцев Е. Ошеломляющий день Александра Зиновьева // Северная правда. Кострома, 1997. 4 ноября.

758

Зайцев Е. Автограф земляка // Северная правда. Кострома, 1997. 6 ноября.

759

Зайцев Е. Александр Зиновьев: «В Россию вернусь точно» // Северная правда. Кострома, 1997. 5 ноября.

Там же.

761

Там же.

762

Гусейнов А. А. Об Александре Зиновьеве и его социологии // *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. С. 10–11.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. С. 622.

Там же. С. 629.

Там же. С. 630.

Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. С. 632.

Ильинский И. М. Зиновьев гениален многогранно // Александр Александрович Зиновьев: Опыт коллективного портрета. С. 89.

Зиновьев А. А. Я с вами, сербы! // Мы и мир. 2000. Январь.

Зиновьев А. А. Русские, восстаньте! // Неустановленное издание. 1999. 20 апреля.

Зиновьев А. А. Проблема свободы самовыражения. Авторизованная машинопись // Архив О. М. Зиновьевой.

771

«Александр Зиновьев: возвращение на зияющие высоты». Интервью с В. Крупским // Белорусская деловая газета. 1999. 18 июня.

772

А. Зиновьев: «Я никогда бы не вернулся, если бы в России было хорошо». Интервьюер И. Богачёв // Коммерсант-Daily. 1999. № 108. 24 июня.

773

А. Зиновьев: «Я хочу разделить судьбу России». Интервью с А. Фитцем // Русская Германия. 1999. № 26.

774

А. Зиновьев: «Стыдно оставаться в стороне» //Труд. 1999. № 115. 26 июня.

A. Zinoviev. Pourquoi je rentre en Russie // Le Monde. Paris, 1999. 30 juin.

Там же.

Зиновьев тут как тут // Вечерняя Москва. 1999. 30 июня.

778

По: *Зиновьев А. А.* «Я не марксист, я — зиновьевец» / Подготовка материалов С. Славнова // Мы и мир. Психологическая газета. М., 1999. № 13–14. С. 6–7.

Там же. С. 6.

Завтра. 1999. № 29 (290). 20 июля.

Парламентская газета. 1999. 4 августа.

782

Мы и мир// Психологическая газета. М., 1999. № 13–14. С. 16// Архив О. М. Зиновьевой.

783

Зиновьев А. А. «Если Вашингтон разрешит…» // Московский комсомолец. 1999. 3 августа.

Зиновьев А. А. Созидатели должны объединиться. Беседовал В. Большаков // Правда. 1999. № 91. 13 августа.

785

Там же.

Там же.

Зиновьев А. А. «Я не марксист, я — зиновьевец».

788

Зиновьев А. А. Заявление для средств массовой информации 17 ноября 1999 года. Машинопись. С. 2 // Архив О. М. Зиновьевой.

789

Книжное обозрение. 1999. № 41.

Доприносотпоруагресији // Политика. Белград, 1999. 20 октября. С. 1.

http://zinovyev.livejournal.com/12349.html

http://zinovyev.livejournal.com/12349.html

793

Там же.

Архив О. М. Зиновьевой.

Панорама Латвии. Рига, 1999. 19 декабря.

Зиновьев А. А. «Путин хочет стать великим президентом». Беседовал Н. Кабанов // Вести сегодня. Рига, 1999. № 127. 21 декабря.

Зиновьев А. А. «Запад рискует подавиться Россией». Интервьюер С. Стремидловский // Век. М., 2000. Февраль.

Зиновьев А. А. «Возможен ли компромисс в эпоху „конфликтной демократии“?» Беседовал В. Кондрашов // Российская газета. 2000. 27 марта.

Зиновьев А. А. Феномен Путина // *Зиновьев А. А.* Распутье. С. 204–205.

Там же. С. 205–206.

801

Зиновьев А. А. По поводу гимна постсоветской России. Автограф. Рукопись // Архив О. М. Зиновьевой.

802

Зиновьев А. А. «Сверхдержавы гниют с головы». Беседовала С. Долгополова // Последние новости. М., 2002. № 4. 23 января.

803

Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2014. С. 328.

804

Зиновьев А. А. «Я мечтаю о новом человеке». Беседовал С. Стремидловский // Российские вести. М., 2006. 22–29 марта.

805

Зиновьев А. А. По поводу гимна постсоветской России.

806

Зиновьев А. А. «Нам необходимо восстание». Беседовал О. Гурьянов //Лимонка. 2001. № 146. 26 февраля.

807

Ремизова М. Духом окрепнем в борьбе // Независимая газета. М., 2001. 22 февраля.

Зиновьев А. А. «Нам необходимо восстание».

809

Зиновьев А. А. Бесконечная реформа. Беседовал С. Стремидловский // Век. М., 2002. 1 марта.

810

Зиновьев А. А. «О Ленине, о Лимонове». Беседовал О. Гурьянов // Лимонка.

811

Зиновьев А. А. Для «Либерасьон». Черновой автограф. Рукопись// Архив Института Восточной Европы. Бремен.

812

Возвращение смутьяна. Александр Зиновьев отвечает на вопросы жены // Вечерняя Москва. 1999. 25 октября. С. 5.

813

Греков Л. И. «Глобальный человейник» как «зияющие высоты» западнизма // *Зиновьев А. А.* Глобальный человейник. С. 4.

Зиновьев А. А. Русская трагедия. С. 14.

815

Там же. С. 329.

Зиновьев А. А. «Нам необходимо восстание».

Зиновьев А. А. Русская трагедия. С. 329–330.

Зиновьев А. А. Русская трагедия. С. 334–335.

819

Блинов А. С. Вселенная по имени «Зиновьев» //Александр Александрович Зиновьев. Опыт коллективного портрета. С. 25.

Ильинский И. М. Зиновьев гениален многогранно. С. 92.

821

Зиновьев А. А. Последняя надежда//Домашний компьютер. М., 2001. № 5.

822

Волынец А. — Зиновьеву А. А. 20 апреля 2000. Москва // Личный архив О. М. Зиновьевой.

823

Карпов П. В. Лучшее творение советского проекта // Александр Александрович Зиновьев. Опыт коллективного портрета. С. 111–112.

Там же.

825

Зиновьев А. А. Глобальная фальсификация истории // Книжное обозрение. 1999. № 47. 22 ноября. С. 7.

826

Фоменко А. Т, Фоменко Т. Н. Зиновьев фонтанировал искромётными идеями // Александр Александрович Зиновьев. Опыт коллективного портрета. С. 245–246.

827

Фоменко А. Т, Фоменко Т. Н. Зиновьев фонтанировал искромётными идеями. С. 247–248.

828

Зиновьев А. А. — Каддафи. 23 апреля 2001. Москва. Копия // Архив О. М. Зиновьевой.

829

Архив О. М. Зиновьевой.

Зиновьев А. А. Придёт новая элита. Беседовал В. Бондаренко // Завтра. 2002. № 44. 29 октября.

831

Зиновьев А. А. Придёт новая элита.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты. С. 280.

833

Из выступлений на вернисаже выставки «Иди!». К 85-летию со дня рождения А. А. Зиновьева. С. 164.

Там же. С. 165.

835

Кантор М. К. Медленные челюсти демократии. С. 261–262.

836

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 147.

837

Там же.

838

Зиновьев А. А. Что мы теряем // Литературная газета. 2006. 10 марта.

839

Распечатка // Архив О. М. Зиновьевой.

840

Розанов В. В. Листва. Уединённое. Опавшие листья. СПб.: Росток, 2010. С. 16.